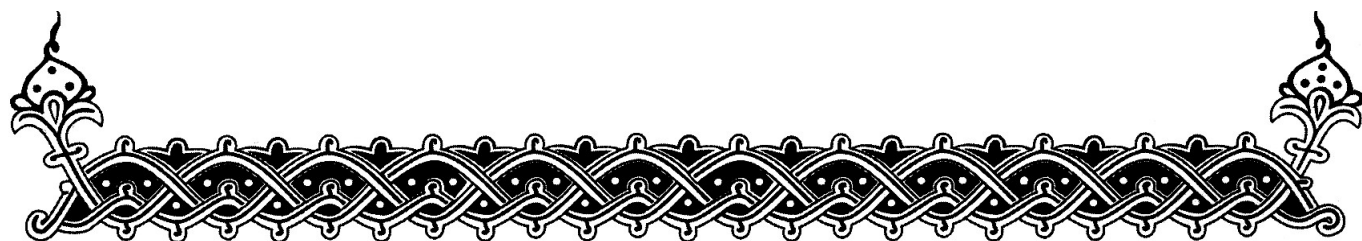
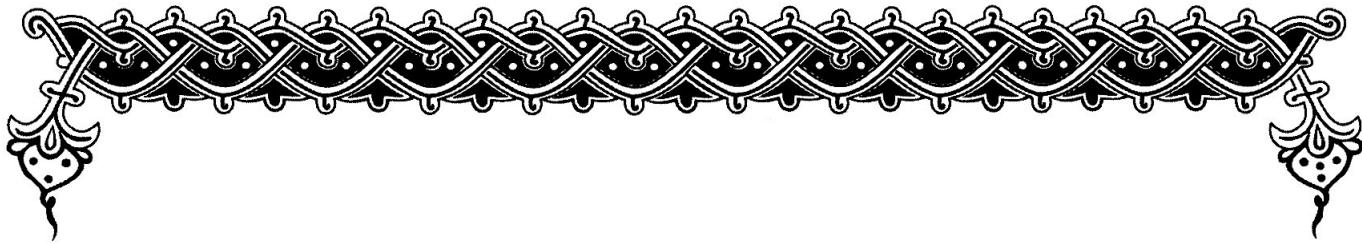

Традиционная культура Муромского края

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ, АРХИВНЫЕ,
АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО КУЛЬТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
ДЕПАРТАМЕНТ ПО КУЛЬТУРЕ АДМИНИСТРАЦИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ
ВЛАДИМИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АДМИНИСТРАЦИИ ОКРУГА МУРОМ

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА МУРОМСКОГО КРАЯ

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ, АРХИВНЫЕ,
АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Научное издание

Том 1

МОСКВА
2008

ББК 82.3Р
Т 65

*Печатается по решению Редакционно-экспертного совета
Государственного республиканского центра русского фольклора*

Автор проекта и составитель **А.С. КАРГИН**

Р е д к о л л е г и я:

Каргин А.С. (отв. редактор), **Алексеевский М.Д.**, **Ахметова М.В.**,
Добровольская В.Е., **Емельянов В.И.**, **Захаров А.В.**, **Костина А.В.**,
Котельникова Н.Е., **Новожилов В.В.**

Т 65 Традиционная культура Муромского края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы: в 2-х т. Т. 1. — М., Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. — 536 с.

Настоящее издание продолжает серию работ Государственного республиканского центра русского фольклора, посвященных традиционной культуре Владимирской области. Проект, осуществление которого началось в конце XX столетия, получил новое развитие: в свод материалов Муромского края в основу работы положен синхронный срез традиции, отражающий реальную картину состояния традиционной культуры на рубеже XX—XXI вв.

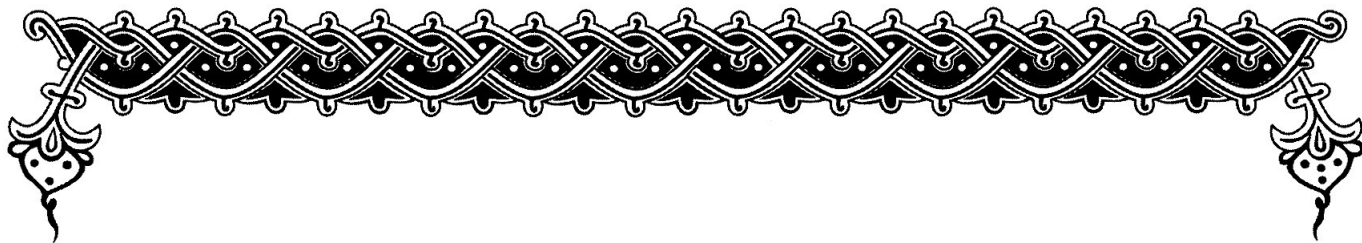
Книга адресована широкому кругу читателей — научным работникам, преподавателям вузов, школ, сотрудникам учреждений культуры, руководителям и участникам фольклорных ансамблей, народных хоров, всем, кто интересуется традиционной народной культурой.

Т 470201015-049 без объявления
ЛР700132-2008

ББК 82.3Р

ISBN 5-86132-049-7

© Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008

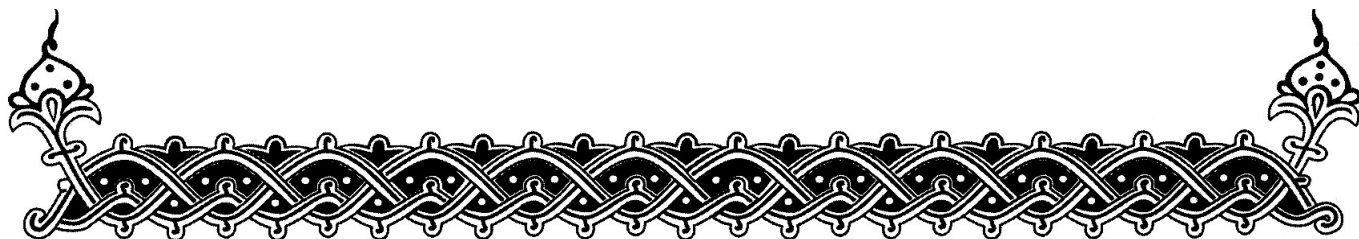

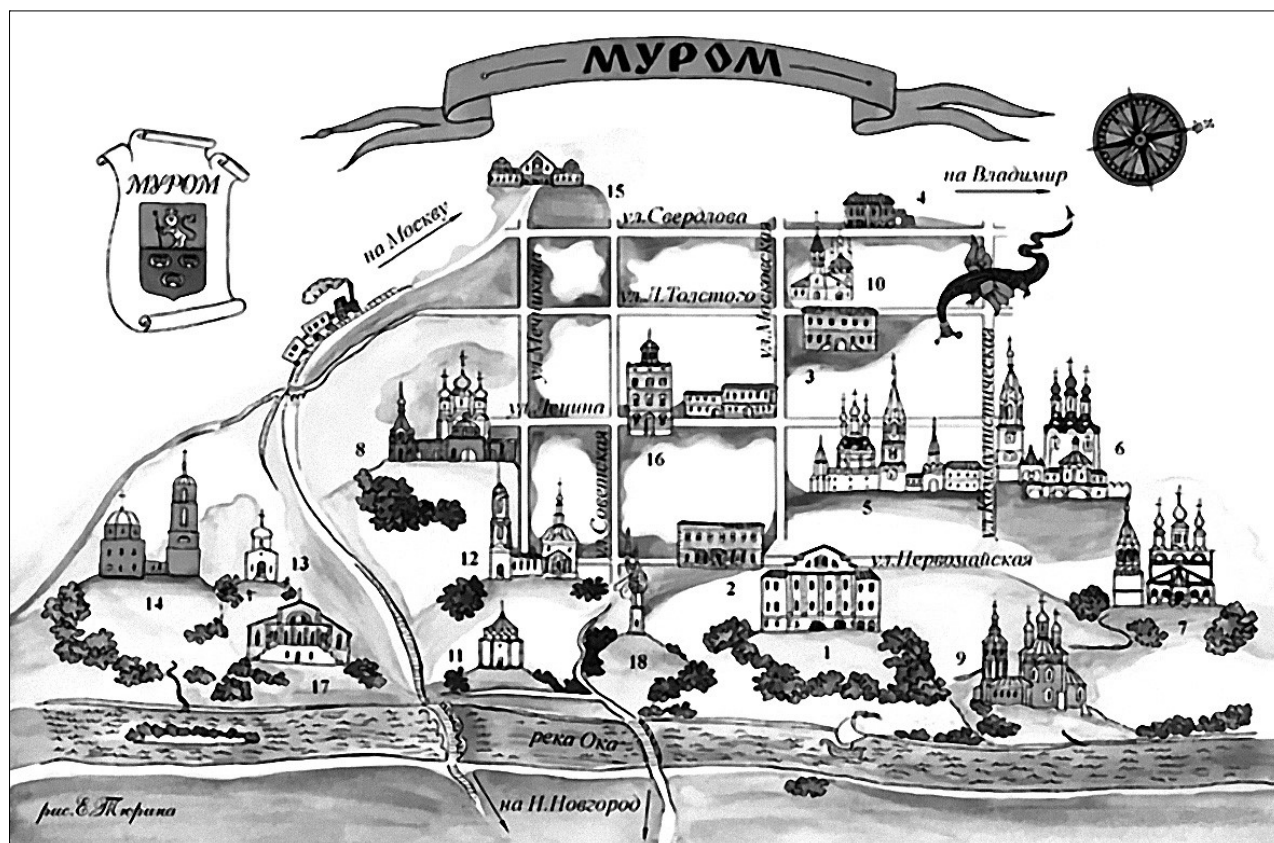
*Государственный республиканский центр русского фольклора
выражает признательность за конструктивную организационную помощь
и финансовую поддержку в подготовке и осуществлении проекта
ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ БАЛАХТИНУ —
директору Департамента культуры администрации Владимирской области,
ЕЛЕНЕ НИКОЛАЕВНЕ МАСЛОВОЙ —
директору Владимирского областного Центра народного творчества.*

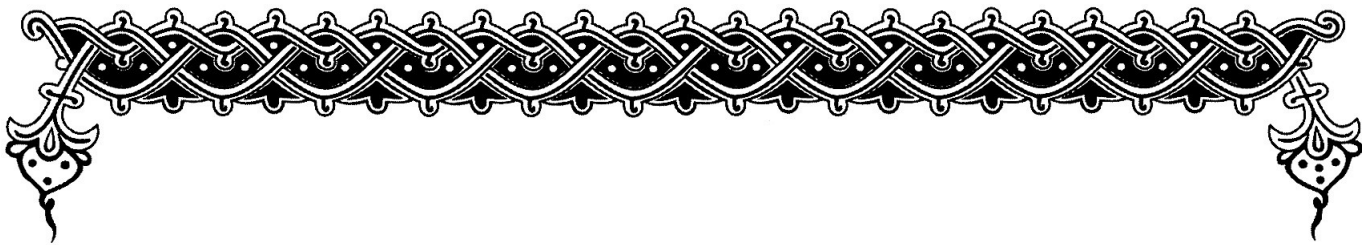
*Благодарим сотрудников Владимирского областного Центра народного
творчества Т.В. ТИХОНОВУ и К.С. ВАСИНА за многолетнюю
и неформальную работу по осуществлению наших совместных проектов,
а также сотрудников проблемной научно-исследовательской лаборатории
по изучению традиционной музыкальной культуры РАМ им. Гнесиных
и архива Владимирского областного Центра народного творчества
за предоставленные аудиоматериалы.*

*Слова признательности ЛЮДМИЛЕ ВЛАДИМИРОВНЕ АЛЕКСУТИНОЙ —
начальнику Управления культуры администрации округа Муром,
работникам Дома народного творчества,
Историко-художественного музея,
библиотек и клубов того же округа,
оказавшим разностороннее содействие в издании материалов.*

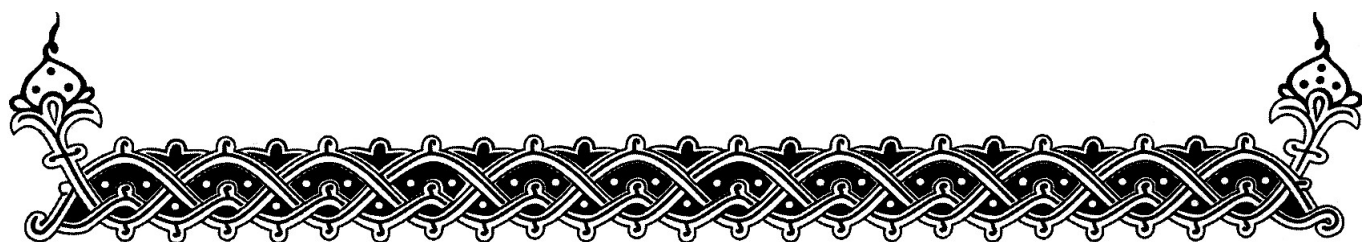
*Низкий поклон жителям сел и деревень Муромской земли,
жемчужины творчества которых и являются основой данной книги.*

ВВЕДЕНИЕ

А.С. КАРГИН

**Традиционная культура Муромского края.
Исторические и современные аспекты**

9

Ю.М. СМЕРНОВ, В.Г. СМОЛИЦКИЙ

**Об изучении традиционной культуры
Муромского края**

21

А.С. КАРГИН

Традиционная культура Муромского края. Исторические и современные аспекты*

Русская традиционная культура Муромского края в ее повседневном бытовом варианте в начале XXI века представляет собой сложную, противоречивую, пеструю картину. Она типична для современной ситуации, присущей данному культурному пласту; занимает такое же положение в духовном пространстве народной жизни, как и в целом в стране, функционирует в тех же параметрах и включает в себя аналогичные явления. Одновременно в традиционной культуре края, как показывают представленные материалы, существуют и некоторые специфические особенности.

Последние имеют в своем основании исторические, культурно-географические, социальные и эстетические предпосылки и истоки. Прежде всего они связаны с древнейшей историей края и особенностями его заселения. Регион представляет собой место компактного нераздельного проживания на протяжении десятка веков финно-угорских и славянских племен. Пришедшие на эти земли с запада и северо-запада славяне ассимилировали местных финно-угров, заимствуя у них при этом элементы традиционной культуры, до сих пор сохранившиеся в рудиментарном виде, прежде всего в празднично-обрядовой практике. Славянская культура постепенно приобрела качества культуры доминирующей, главенствующей, по-своему проявляющейся в культуре не только русского, но и, скажем, мордовского, чувашского населения.

Вопрос о заселении Муромского края достаточно изучен¹ и поэтому мы отсылаем читателя к имеющимся авторитетным работам этнографов, историков, ар-

* Автор благодарит за помощь в подготовке историко-этнической части материала В.Е. Добровольскую.

¹ В нач. I тыс. до н.э. эта территория входила в ареал огромной и аморфной этноязыковой общности поволжских финнов. При распаде общности на два основных ареала: западный, «дьяковский» (предки мери и пр.) и восточный, «городецкий» (предки мордвы, марийцев, муромы и мешеры) — территория Муромского края находилась в пограничной, контактной зоне между ними. В конце I тыс. до н.э. внутри этих ареалов сформировались отдельные племенные общности; в частности, обособился общий «ствол» предков мордвы и муромы (возможно, и мешеры), которые разделились на отдельные «племена», упоминающиеся в хрониках и летописях раннего Средневековья. Муромский край принадлежал к ареалу муромы.

С VI в. н.э. начинается активный процесс проникновения восточнославянских племен в местную среду. Проникали они с запада и северо-запада, от Верхней Клязьмы и Верхней Волги. При этом территория Муромского края, благодаря своему географическому положению, оказывалась первой зоной контактов муромы с идущими этим путем восточнославянскими племенами и «воротами» для их дальнейшего продвижения на восток и юго-восток.

Проникновение восточных славян в Верхнее и Среднее Поволжье проходило в два этапа. На первом (VI—VII вв. н.э.) земли муромы (как и соседние территории) были заселены ранней, первой волной восточных славян. Пришельцы не нарушили территориально-племенного членения аборигенов, но расселяясь среди них и подселяясь к ним, они включались в их культурно-географические общности. Постепенно привнесенные ими элементы начинали доминировать, обеспечивая славянизацию. Представители других, более поздних восточнославянских пришельцев (кривичи и вятичи), расселялись внутри соответствующей территориально-племенной общности — «муромы». Лингвистически они были носителями

хеологов². Для нас важно отметить тот факт, что длительная история заселения и освоения этого региона разными в этнокультурном отношении народами, носителями различных языковых и художественных традиций, представляющими разные конфессии, обусловили и особенности их культуры, обрядов, фольклора. Однако подобный путь развития не оригинален, подобное прослеживается на большинстве территорий современной России с запада до берегов Тихого океана и с Русского Севера до юга.

Вторая особенность русской традиционной культуры Муромского края определяется его пограничным положением между четырьмя большими русскими субареалами: Нижегородского Поволжья, Московской Мещеры, Рязанского и Ярославско-Костромского, а также примыкающего мордовского ареала, представляющего восточнославянского диалекта, развившегося позднее во владими́ро-суздальский диалект древнерусского языка. В IX — начале X в., как сообщает Повесть временных лет, «титულным» языком всей общности «муромы» все еще был финский язык.

Таким образом, во второй половине — конце I тыс. территория Муромского края служила зоной интенсивных контактов пришлых восточных славян, пришедших с ними балтов и местных финских аборигенов.

С X в. начинается новый этап этногенетических процессов, затрагивающих территорию нынешнего Муромского края. В это время исчезают сами группировки «муромы», происходит их полная, окончательная славянизация, с забвением самих названий и соответствующего членения, а также полным исчезновением особого финского языка «муромы», упоминаемого в Повести временных лет, и замещением его древнерусским. Основным фактором перемен является, по-видимому, интенсивный количественный рост восточнославянского населения на территории «муромы», территориальный передел, связанный с включением края в состав древнерусского государства и его административных областей. Территория северной части «муромы», включая Муром, вошла в состав Ростовского княжения, остальная часть «муромы» — в состав Черниговского княжения, а именно, его Рязанской части. Было покончено со старым территориальным и этнокультурным членением на ареалы «муромы» и «мери». В итоге в XI—XII вв. окончательно сложилась этнокультурная общность носителей владими́ро-суздальского древнерусского языка, в которую входила и территория Муромского края.

Судьба города в следующие полтора века была трагична. В 1237 г. он пережил нашествие Батыя, в 1281, 1288 и 1293 гг. вновь подвергался жесточайшим татаро-монгольским погромам. Город стал возрождаться к жизни с середины XIV в., а в 1392 г. Муромское княжество было присоединено к Московскому.

Вполне объяснимо и глубоко закономерно то, что глубокая связь со стариной всегда определяла и до сих пор определяет лицо Мурома, его памятники культуры и искусства, и характер самих муромцев. С древности отмечалось, что жители Мурома отличаются свободолубием и особой гордостью. Бунтарский характер муромцев в средние века проявился в их отношении к правителям и проповедникам, за что они и были прозваны «святогонами». Как отмечают исследователи, для муромцев всегда было характерно непокорство, порой доходившее до неприятия власти как таковой, неважно — хорошая она или плохая. Но в их душах жило и противоположное начало: недаром святых здесь тоже немало. Русская церковь канонизировала в качестве святых пятнадцать разновременных правителей и жителей Мурома, а ведь его население в XVI в. не превышало нескольких тысяч человек. После любого бунта, опаматовавшись, муромцы неизменно искренне каялись и сами просили «управить их». Согласно житиям и летописям, после изгнания князей и святых начинались «нестроения», народ вставал на колени, посылал гонцов к духовным и светским властям и просил восстановить справедливость и порядок. В XVI в., когда Муром стал религиозным центром, связанным с именами пятнадцати святых, прежнее бунтарство отошло в прошлое: муромцы перестали быть «святогонами» и уже не поднимались на мятежи. Теперь их объединяла не только жажда свободы, но в значительной степени чувства национальной общности, социальной и религиозной справедливости и ответственности, гордости за свой город и своих земляков. Муром до сих пор осознается его жителями как самый русский, самый древний и самый православный город России. Жители по праву гордятся связью своего города с русской исторической традицией и фольклором и прежде всего тем, что их земляком был былинный богатырь Илья Муромец, известный каждому россиянину.

² См.: Древнерусская народность / Сост. В.В. Седов. М., 1987. С. 88, 231, 236, 251 и др. Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982. С. 44, 200.

вители которого с давних времен селятся и живут на территории края. Характерные черты, свойственные культуре населения названных русских субареалов (особенно Нижегородского и Московского) и мордовского ареала сформировали на территории края своеобразную культурную общность. В ней прослеживается и влияние московской мешерской традиции, что особенно ярко видно на примере специфики музыкального фольклора; и традиции Нижегородского ареала, которые наиболее выразительно проявляются в духовных стихах и легендах. Есть отдельные реминисценции и других народов. Результатом такого взаимовлияния является сочетание в культуре края наиболее характерных особенностей, традиций, в первую очередь названных регионов.

Подобный многосторонний культурно-этнический процесс порождал национально-религиозную и культурную толерантность тесно взаимодействующих народов, укреплял единый культурный и языковой комплекс, не приводя к уничтожению и изгнанию аборигенов с занимаемых ими территорий. Именно в толерантности кроется одна из древнейших загадок развития славянского этноса. Об этом заговорили лишь на рубеже ХХI в. под влиянием причин, в первую очередь, политических, связанных со становлением российской государственности и поиском национальной идеи. Не развивая далее эту мысль, подчеркнем, что подобный характер взаимодействия племен, народов на территории Древней Руси и России, освоение славянами природного пространства, заселенного другими народами (на Юге, на Урале, в Сибири) породили мощные процессы культурной ассимиляции, взаимодействия и обогащения. При этом формировалась оригинальная и неповторимая в других местностях культура. В топонимах, в обрядах, костюмах, в прикладном творчестве сегодня просматриваются результаты этих национальных контактов.

Третья особенность народной культуры Муромского края связана с его местоположением на основных торговых путях Великороссии, приводившим не только к постоянным этноконтактам населения, но и к интенсивному переселению сюда выходцев из самых разных этнотерриториальных групп Руси и России. Процесс этот, в сущности, не прерывался никогда, продолжается он и сегодня. И это не могло не отразиться на бытовой повседневной культуре.

Начиная со второй половины ХХ в. традиционная культура края все больше отражает влияние не только собственных географических и культурно-исторических особенностей развития, отмеченных выше, но испытывает воздействие факторов вненациональных, связанных с урбанизацией, резким уменьшением числа сельских жителей, формированием единого культурного пространства и единой модели культурного развития (особенно интенсивно эта линия проводилась в советский период истории), а также бурным развитием новейших информационных, в том числе компьютерных технологий.

За прошедшие полвека в России произошли разительные перемены. Не учитывать их влияния на уклад жизни, а значит, и на фольклорный процесс, нельзя. От бурной индустриализации и урбанизации в середине ХХ в. до глобализации в его конце — таков путь, пройденный страной всего за полвека. **Этот процесс «перелицевал» культурное пространство народов всего мира, в том числе культурное пространство России.**

Важной составляющей частью этой «перелицовки» являются системные изменения в бытовании фольклора, в сложившихся за многие века способах его производства, хранения, трансляции. Все компоненты традиционного или классического фольклора претерпели серьезную модернизацию, а его содержательные аспекты изменились вместе со временем, отразив события, составившие нашу историю.

Если представить в целом картину произошедшего, то общий смысл ее заключается в следующем: **фольклор с середины ХХ в. перестал быть лишь явлением пов-**

седневной культуры народных низов, активно вошел в культурное пространство всех социальных групп, в пространство общественной жизни, сцены, рынка, массмедиа. При этом парадигма фольклорного процесса переместилась из деревни в город, который институционализировал фольклор, сделал его частью организованной и управляемой культуры.

Последствия названных процессов, характерных для всей страны, нашли свое преломление в развитии, функционировании традиционной культуры Муромского округа, который не мог оказаться в стороне от магистрального пути движения страны. Государственная система поддержки и поощрения (финансовая, кадровая, методическая) тех или иных институционализированных форм фольклора, жесткая, вертикальная система управления им, как показывает изучение реальной практики, определяет деятельность соответствующих структур. Причем это влияние нередко распространяется и на среду бытового творчества, бытового фольклорного процесса.

В результате сегодня можно говорить о том, что в фольклорном процессе края параллельно разворачиваются два основных направления (тенденции, линии). Одно направление развивается по традиционной схеме и представляет преимущественно бытовое повседневное творчество (насколько и как это удастся, что составляет его основу и т.п. — отдельный вопрос); другое направление представляет собой то, что еще в начале XX в. было обозначено как фольклоризм. Первое направление — это различные формы, жанры, виды повседневного бытового творчества, не претендующие на какую-либо общественную презентацию, существующие вне установленных кем бы то ни было художественных рамок, критериев (они устанавливаются непосредственно самими исполнителями). Это творчество спонтанного, событийного характера, продолжающее выполнять важную социально-регулятивную функцию в бытовой повседневной практике. В структуре этого фольклора ясно просматриваются несколько исторических наслоений: наименее представлен слой архаических дохристианских образцов (магических, обрядовых, былинных); более заметен слой традиционных или классических (крестьянских в своей основе) образцов (исторических и лирических песен, празднично-обрядового комплекса, сказок и т.п.); присутствует и слой маргинальных фольклорных образцов (городской жестокий романс, песни рабочих, бардов и т.д.); востребован и слой современного фольклоризированного типа (массовые и авторские песни, авторские частушки, анекдоты и страшилки и т.п.).

Безусловно, слой повседневного бытового фольклора привлекателен для специалистов и в наибольшей степени отвечает исторически сложившемуся понятию «фольклор». Но уже и бытовой вариант культуры все чаще переходит рамки бытового пространства и представляется как разноликое общественное институционализированное явление.

В Муромском крае действует ряд фольклорных коллективов, организованных и руководимых профессионально подготовленными специалистами. Наибольшую известность среди них приобрел ансамбль «Мурома» — лауреат многих конкурсов, фестивалей, известный своими оригинальными программами за пределами края, ведущий интенсивную концертную деятельность. Коллектив является своего рода художественной визитной карточкой Муромского края. Подобные явления наблюдаются и в декоративно-прикладном искусстве, и в организации свадебных, святочных, праздничных обрядов, проводимых по разного рода авторским разработкам и сценариям.

Нельзя не упомянуть еще один, весьма существенный момент в развитии современного фольклора края, причем момент во многом уникальный, присущий только данному региону. Имеется в виду, что в целом он сориентирован на городской локальный тип культуры, олицетворяемый самим Муромом. В силу внутренних

социально-психологических причин тип городской локальной культуры заимствован муромцами не у Владимира, не у Нижнего Новгорода, и тем более не у Рязани или Москвы. Это ориентация на свою собственную Муромскую городскую традицию, которая в значительной степени является симбиозом городского и сельского типов культурной традиции, причем городской тип тяготеет к самобытности, а сельский — к Московской Мещере, Поволжью (в зависимости от локуса), а крайний юг района — к Рязани. Другими словами, мы имеем многообразный облик одной культурной традиции.

На территории района соседствуют старообрядческая и православная конфессии. И хотя местные жители на настоящий момент довольно четко разделяют православных и староверов, нельзя не отметить, что элементы старообрядческой культуры мы наблюдаем прежде всего в ритуальной практике и духовных стихах, репертуар которых тяготеет к старообрядческим печатным стиховникам, а также в образцах декоративно-прикладного искусства, прежде всего в ткачестве.

На территории края проживают не только русские. Хотя данный сборник посвящен русской традиционной культуре региона, мы не должны забывать, что на территории района проживают немцы, чуваша, марийцы, мордва. Несмотря на то, что большинство опрошенных нами информантов осознают себя русскими, нельзя отрицать влияния культуры других народов на русскую фольклорную традицию.

Таким образом, культурная традиция Муромского края представляет собой сложное соединение разноэтнических, разнорегиональных, разноконфессиональных, экосистемно разнотипных (город и село) элементов; характеризуется угасанием и исчезновением одних жанров, активным бытованием других, возникновением и формированием третьих.

В настоящем сборнике впервые представлен пласт традиционной культуры Муромского края в комплексном и, думается, наиболее полном виде. Подобных работ по охвату материала, насколько нам известно, не было. В него включены лучшие образцы, явления, артефакты, относящиеся как к материальной, так и духовной культуре; образцы устно-поэтического, музыкального, хореографического фольклора, декоративно-прикладного искусства; дается описание народного календаря, обрядов, праздников. При этом особенностью сборника, по замыслу автора проекта, является то, что представленные материалы дают синхронный срез культуры, полученный в ходе экспедиций Государственного республиканского центра русского фольклора в течение короткого временного отрезка, начиная с 2003 по 2007 гг.³ Это была принципиальная установка при разработке концепции данного сборника (хотя в чем-то, в частности в музыкальном фольклоре, ее и не выдержали), смысл которой — представить традиционную культуру такой, какой она существует в самом начале XXI в.

На наш взгляд, многие сборники, представляющие материалы, относящиеся к разным историческим периодам, порой отстоящие друг от друга на несколько десятков лет, не позволяют оценить, увидеть ситуацию в культурном этногенезе. Традиция оказывается как бы зависшей вне времени и пространства, существующей независимо от контекста жизни. Более того, разноисторические образцы нивелируют имеющиеся в их бытовании внутренние механизмы, законы и проблемы развития, не позволяют понять реальную картину состояния того или иного жанра. Сборник превращается в факт научной презентации музейного характера.

Избранная нами установка имеет и другой смысл: современная традиционная культура, фольклор, как известно, переживают сложнейшие исторические, этнонациональные, социальные и внутренние коллизии. На смену одному типу тра-

³ Необходимо отметить конструктивное сотрудничество Центра в экспедиционном сборе материала с Владимирским областным центром народного творчества и Домом народного творчества округа Муром.

диционной культуры, вплоть до второй половины XX в. имевшей архаический облик, тесно связанной с крестьянской традицией, крестьянским образом жизни, приходит иной тип культуры, порожденный городом, его укладом, развивающимися технологическими средствами. Происходит бурный процесс модернизации традиционной культуры, реконструкция ее прежних образцов, приспособление к новым реалиям жизни. С подобными выводами можно соглашаться, можно не соглашаться. Но они объективны и не зависят от нашего желания.

Муромский край подвержен всем этим процессам, по-своему отражает их в культуре, в быту, в повседневности. Фиксация этих процессов через конкретные формы культуры дает возможность с научных позиций подходить к их организации. То, что эта жизнь, в том числе и в сфере бытовой культуры организуется, регламентируется, управляется со стороны специально существующих институтов и организаций, не является секретом, новостью, тем более неожиданностью. Это видно из практики получения материалов, в частности, в разделе хореографии.

В силу изложенных основополагающих идей избрана и структура издания. Мы попытались представить как основные каркасные элементы традиционной культуры, так и наполняющие каркас явления, без которых полнота представлений о ней будет недостаточной. К числу каркасных элементов относится в первую очередь народный календарь с его празднично-обрядовыми комплексами, включающими самые разные в жанрово-видовом отношении образцы, материалы, факты, явления.

Календарный празднично-обрядовый цикл относится к древнейшему способу организации народной жизни, отражает архаические формы мышления, определяет бытовой уклад и хозяйственную деятельность человека. К сожалению, большинство жанров обрядовой поэзии практически полностью ушли из обихода, что связано с изменением хозяйственной и социально-экономической деятельности нашего современника. Не зафиксированы песни календарного цикла; наши исполнители не вспомнили песен выюнишника, масленичного и троцкого циклов. Исключение составили колядки, таусени и христославия, которые довольно хорошо помнят, но уже не поют в наши дни. Наиболее показательные из сохранившихся образцов календарной поэзии приводятся в разделе «Музыкальный и танцевальный фольклор». Описания календарных праздников даны в основном по воспоминаниям пожилых людей, которые относят бытование ритуальных действий к предвоенному времени и отчасти к пятидесятым годам XX в.

Уничтожение индивидуальных крестьянских хозяйств не могло не сказаться на системе календарных обрядов, их структуре, функциональности и составе участников. Так, с утратой личных семейных наделов отпала необходимость в совершении жнивных и помолотных обрядов, ликвидация собственной скотины или резкое уменьшение ее поголовья привела к изменениям в структуре и составе егорьевских ритуалов, из обрядового репертуара исчезли такие многосоставные ритуальные комплексы, как святочный, масленичный и троцкий. В то же время надо отметить, что прежние обряды, имевшие более камерный характер, сохранились значительно лучше. Наиболее характерным примером такого рода являются гадания, активно бытующие в настоящее время и записанные нами от большинства опрошенных возрастных групп. Обряды общинного характера бытуют лишь в узком семейном кругу, причем сохраняются зачастую лишь отдельные рудименты некогда богатой традиции. Наиболее показательным примером такого функционирования отдельных сохранившихся элементов обрядов является хождение за святой водой на Крещение и украшение домов ветками березы на Троицу.

Другие праздники, напротив, сохранили свою обрядовую семантику и структуру, но в значительной степени утратили связи с календарным контекстом традиции. А обрядовые действия, связанные с ними, вспомнили лишь наиболее пожилые исполнители. В то же время многие обрядовые предметы сохранились, хотя

их привязка к конкретным календарным датам частично или полностью утрачена. Так, например, многие говорили о том, что на территории края бытовало печенье в виде птичек и что сейчас многие пекут его из остатков теста. Мы зафиксировали четыре названия этого печенья («жаворонки», «грачики», «голуби», «птички») и выявили четыре даты, на которые их изготавливали (Евдокиен день, Герасим Грачевник, Благовещение и День сорока мучеников), но ни один из наших исполнителей не назвал все четыре вида печенья, более того, большинство сохранило в памяти лишь одно название — птички, причем не потому, что связывало его с праздником, а потому что печенье имело форму птиц. И лишь при изготовлении печенья исполнители говорили о различии в формах птиц и вспоминали о нескольких типах печенья и соответствующих календарных датах.

Изменения, произошедшие в системе календарных обрядов, носят не только количественный, но и качественный характер, в результате утрачена их религиозно-магическая окраска и происходит их постепенное превращение в игры и развлечения. Зачастую о празднике говорят лишь как о времени пения, плясок и обильных застолий, в то время как ритуальная сторона полностью забыта. Необходимо отметить, что мы рассматриваем лишь те праздники, о которых нам рассказывали исполнители, а не все, которые бытовали на территории Муромского края.

Раздел, посвященный семейному фольклору, состоит из статей, посвященных ритуалам, сопровождающим человека в течение всей его жизни. В него вошли материалы о свадьбе, похоронах, проводах в армию.

Свадьба всегда была одним из самых ярких и богатых обрядовых действий. Безусловно, каждая свадьба была индивидуальной, однако основные законы и этапы свадебного ритуала всегда соблюдались. Вероятно поэтому, несмотря на сильное разрушение традиционной свадебной обрядности в Муромском крае, основные моменты свадебного действия сохранились. Большинство свадебных ритуалов сопровождалось песенными текстами. Нам удалось записать песни девишника, причитание невесты, величальные песни. Приводимое в издании описание свадебного обряда является в значительной степени реконструкцией. Мы попытались восстановить весь свадебный обряд на основе воспоминаний исполнителей.

Подробно представлена в нашей книге похоронная обрядность региона. Это и описание элементов похоронного ритуала, и суеверия, связанные с конкретными обрядовыми действиями. Надо отметить, что похоронный ритуал в настоящее время насыщен традиционными этнографическими элементами и ритуальными, прежде всего обережными, действиями.

В традиционной народной культуре Муромского края чрезвычайно большое место занимали суеверные рассказы, с помощью которых люди предупреждали друг друга о взаимодействии этого и «иного» миров. Демонология в Муромском крае представлена по преимуществу быличками о людях со сверхъестественными способностями, в основном о колдунах и колдуньях. Нами записаны рассказы о порче скотины и людей, об уводе молока у коров, о смерти колдунов и передаче ими магических знаний. Значительно реже встречаются былички о демонических персонажах — домовых, леших, водяных. Предпочтение отдается такому периферийному мифологическому персонажу, как огненный змей, который летает к безутешным вдовам. Популярность тех или иных тематических групп во многом связана с сохранностью поверий, на основе которых возникают былички. Исчезновение поверий и соответственно быличек о духах природных стихий связано с изменением условий жизни людей, когда число мифологических персонажей и связанных с ними сюжетов сокращалось, а многие персонажи забывались совсем.

Эти изменения связаны с трансформациями функций суеверных рассказов. Если раньше былички были чисто утилитарным жанром, и их целью являлось желание научить человека адекватно вести себя по отношению к нечистой силе,

то в настоящее время информативно-бытовая и религиозная функции постепенно утрачиваются, а на первый план выдвигается увлекательность события, и соответственно приоритетной становится эстетическая функция.

В народной культуре Муромского края значительное место занимают рассказы о прошлом. Многие из них являются фрагментами топонимических преданий. К сожалению, полноценные тексты преданий практически не сохранились и мы фиксировали лишь рассказы, содержащие информацию о народной этимологии.

Современным преданиям присуща неразвитость сюжетного плана, называние мотива без дальнейшего развертывания в эпизод, краткость изложения событий. Общей тенденцией является стремление к конкретизации и выражение собственной оценки сведений. Легко отметить процесс сокращения количества преданий, что вызвано социальными изменениями. Усилилось стремление к фактографичности и устранению условности, что привело к исчезновению огромного пласта материалов, в которых доминировал вымысел. Поскольку предание утратило свою общественную роль как средство информации, а также в связи с изменениями в художественной структуре текстов приходится говорить о тенденции исчезновения этого жанра.

Музыкальная традиция Муромского края представлена многими жанрами песенного фольклора, наиболее характерными наигрышами. Музыка, как наиболее консервативный элемент народной культуры, сохранила черты, свойственные традициям московской Мещеры.

Представлен в сборнике и материал, связанный с традиционной хореографией. В последние годы стало ясно, что вопрос с изучением, сбором, записями и реконструкцией народного бытового фольклорного танца приобрел особую остроту. Фактически речь идет о том, что хореографическая фольклористика как научная дисциплина не существует, а ее состояние по сравнению, например, с музыкальной фольклористикой явно проигрывает. Полевая работа ведется от случая к случаю, в усеченном виде, подлинный фольклорный танец исчез со сцены, сборники публикуют материалы прошлых лет или авторские обработки. Некоторые «фольклористы» разучивают с ансамблями по прежним записям танцы, а затем фиксируют их в качестве фольклорных.

Направленная Центром экспедиция в Муромский край смогла зафиксировать лишь танцы, исполненные в различных любительских коллективах, притом не всегда следуя историко-танцевальной традиции. Поэтому представленные материалы в основном фиксируют реконструированные образцы.

Муромский уезд издавна славился своими плотниками и столярами. Деревянные постройки, особенно деревянная резьба, были известны далеко за его пределами. Леса здесь было в избытке. Из дерева делали грабли и прялки, ткацкие станы и сундуки, наличники, оглобли, сани и многое другое. В настоящее время лишь отдельные мастера могут в соответствии со старой технологией сделать наличники для дома. Если раньше на территории Муромского уезда, как, впрочем, и на территории всей России, процветал лаптежный промысел, то сейчас лапти плетут отдельные умельцы на продажу туристам. А ведь еще до начала 50-х гг. их, как и корзины, плели в каждой деревне. Практически полностью исчезли мастера по плетению корзин, коробов, плетеной мебели, которыми раньше славился уезд.

Несколько лучше сохранились женские ремесла. И если лишь отдельные женщины ткут холсты, то мастерица по изготовлению половиков есть почти в каждой деревне. Безусловно, это преимущественно пожилые женщины, но есть и совсем молодые, те, кого учили ткать бабушки. В последние годы многие женщины начали прясть шерсть. Женское рукоделие никогда и не забывалось. Почти в каждом доме есть вышитые салфетки, подушки, скатерти; подзоры и занавески, украшен-

ные вязаным кружевом; постельное белье и скатерти, сделанные в технике ришелье; лоскутные одеяла и т.д. К сожалению, белая строчевая вышивка полностью исчезла, то же самое произошло и с браным ткачеством.

С изменением социально-экономических условий жизни сельской общины изменился песенный репертуар. Протяжные исторические и лирические песни постепенно вытеснялись более короткими, а нередко и частушками. В праздничные дни стали отдавать предпочтение песням литературного типа и происхождения, романсам и новым балладам, которые интересны исполнителям прежде всего своим экзотическим содержанием и описанием сильных, подчас ирреальных чувств героев. Привлекают они и легкостью (по сравнению с протяжными песнями) исполнения. Традиционные протяжные песни требуют определенных навыков. Их исполнение возможно лишь в том случае, когда существует постоянный песенный фон, непрерывность и неискаженность передачи песенной традиции. Очень часто, придя в дом к человеку, которого вся деревня считает замечательным певцом, мы фиксировали неспособность вспомнить мелодию песни, правильность ее звучания. Это отмечали и сами исполнители, которые зачастую прекращали пение и начинали выяснять, кто из них поет правильно. Связано это прежде всего с исчезновением традиции активного бытования песен в деревенской среде. Еще раньше чем протяжные, вышли из деревенского обихода хороводные и игровые песни, так как был практически полностью уничтожен соответствующий ритуальный контекст. Поскольку из быта деревни ушли традиционные формы молодежных увеселений, то прекратили свое существование и связанные с ними песни и игры.

Был записан большой пласт фольклора, связанный с пестованием детей. В настоящее время в Муромском крае традиция пения колыбельных хотя и сохранилась, но уже не столь активно бытует, как несколько десятилетий назад. Это связано прежде всего с уменьшением числа «потребителей» колыбельных, ведь чаще всего в деревнях живут лишь пожилые люди. Однако очень многие ребяташки, приезжающие на лето в деревню, прекрасно знают колыбельные, поскольку их поют им бабушки. Таким образом, в современном быту изменились функции колыбельных, которые из магических средств, призванных защитить ребенка от влияния злых сил и успокоить его, превратились в развлекательный жанр.

Пестушек нами записано немного, и все они представляют собой краткие приговоры, сопровождаемые действиями, направленными на развитие ребенка. Но надо отметить, что наблюдается тенденция перехода пестушек в потешки, песенки-приговоры, сопровождаемые игрой с пальцами, руками и ногами ребенка. Практически потешки соотносятся со всеми значительными моментами роста и развития ребенка. И те, и другие тексты отличаются ритмичностью и музыкальностью, иногда они обретают вид скандирования. По мере подрастания ребенка потешки приобретают все более и более развернутый характер.

Собственно детский фольклор представлен дразнилками и считалками, среди которых довольно много переделок традиционных текстов, наполненных новыми реалиями. Были записаны и загадки. Функция загадок не сводилась лишь к развитию сообразительности ребенка. Отгадывая загадки, дети учатся создавать различные метафорические образы. Надо отметить, что нами записаны лишь детские загадки, которые детям загадывают взрослые или дети загадывают друг другу. К сожалению, не удалось записать ритуальные загадки, загадываемые при обрядовых действиях, хотя об их существовании говорили некоторые исполнители. Нами была отмечена и следующая тенденция: загадки, которые взрослые загадывают детям, зачастую попадают в репертуар родителей из детских книг, учебников, а иногда и из рассказов старших детей. Таким образом, зафиксированная в книге фольклорная традиция возвращается в народную среду.

Однако детский фольклор это не только то, что рассказывают взрослые детям, но и то, что дети используют в общении друг с другом. Безусловно, особое место занимают игры и считалки. Надо отметить, что нами были записаны как рассказы взрослых о своих детских играх, так и современные детские игры, записанные от детей. Зафиксированы по преимуществу традиционные детские игры — как начала века, так и нашего времени. Наряду с играми записывались и считалки, с помощью которых дети выбирают водящего в игре или делятся на две команды. Наряду с устоявшимися и хорошо известными текстами традиционных считалок нами зафиксированы и переделки привычных текстов на современный лад. Таким образом, в традиции детского фольклора Муромского края сочетаются как традиционные жанры, так и новообразования, что отражает реальную картину современной фольклорной традиции.

Жизнь человека состояла не только из праздников, и поэтому возникали ситуации, при которых необходимо было вмешательство магических сил. Наиболее сильным магическим средством были заговоры, охватывающие почти все стороны жизни человека. Заговоры всегда являлись скрытым пластом народной культуры, так как заговаривающий, прибегая к ним, осознавал свою причастность к неким тайным силам. В постреволюционный период знание заговоров и лечение ими преследовались, и число людей, владеющих традицией заговаривания, резко сократилось.

В настоящее время наряду с традиционным способом бытования заговоров (устным) активно функционирует письменный. Многие люди имеют заветные тетради, в которые переписывают полезную информацию самого разного характера. Это могут быть тетради верующих людей, где преобладают записи религиозной тематики — молитвы, христианские легенды, духовные и религиозные стихи. Среди них изредка попадаются заговоры или заговорные молитвы, как правило, осторожного характера. Такие тетради хранятся на божнице и используются как рукописные молитвенники. Скорее всего они появились именно в то время, когда существовал недостаток печатной литературы религиозного характера. Другая группа рукописных сборников содержит преимущественно бытовую информацию, такую, как адреса знакомых или родственников, кулинарные рецепты, вырезки из газет и т.п. Заговоры являются неотъемлемой частью таких собраний. В основном это простейшие лечебные заговоры. Тетради ведутся и хранятся небрежно, записи не систематизируются, так как предназначены для внутреннего пользования, поэтому, когда заговор хотят сообщить кому-то, его вынужден читать сам владелец тетради.

Наконец, третью группу рукописных тетрадей составляют собственно собрания заговоров. Они обычно принадлежат профессиональным знахарям. Эти собрания весьма разнообразны в тематическом отношении и являются большой редкостью. Надо отметить, что письменная форма фиксации неизбежно влияет на устное бытование заговоров. Они становятся достоянием более широкого круга людей, но в то же время теряют сакральность, присущую заговорным текстам. Те же процессы происходят в Муромском крае и с легендами, тексты которых представлены у нас единичными образцами. Исключение составляют тексты о разрушении церквей и божьем наказании за это. Рассказы данного типа уходят своими корнями в архаические пласты фольклора и связаны с легендами о грехе и наказании за святотатство. В то же время они полностью не сформировались в разновидность легенд, так как события, о которых повествуется, с исторической точки зрения произошли в весьма недавнем прошлом.

Тесно связаны с похоронным обрядом духовные и религиозные стихи, исполнение которых было приурочено в основном к отпеванию и поминкам, а отчасти к периоду Великого поста как времени покаяния. Конечно, этот жанр бытует в са-

мых различных ситуациях. Стихи могут исполнять функцию ежедневной молитвы или играть роль заупокойного стиха, быть оберегом невесты и т.д. В Муромском крае бытуют в настоящее время не собственно духовные стихи, а религиозные стихотворения, имеющие литературное происхождение или написанные безымянными авторами по литературному типу. Они имеют как устное, так и письменное бытование и записываются в рукописные молитвословы наряду с каноническими молитвами, акафистами, апокрифами и канонами. Религиозные стихи бытуют достаточно активно и во всех случаях заменяют молитвы, что связано с разрушением церковной жизни сельской общины в советский период.

Таким образом, представленный сборник продолжает серию изданий Центра, посвященных традиционной культуре разных районов Владимирской области. Проект, осуществление которого началось в конце XX столетия, благодаря данному изданию получает новое дыхание, новые возможности для развития, в первую очередь, для подготовки общего сводного тома (одного или двух) по традиционной культуре Владимирщины, в основу которого будет положен синхронный срез материалов, отражающих реальную картину ее состояния на рубеже XX—XXI вв. По нему смогут судить близкие и далекие потомки о правдивой картине современной культуры.

Что касается научной составляющей данного сборника, представленные материалы (при всей скромности их объема) дают основание в целом оптимистично оценивать будущее традиционной культуры. Несмотря на неоднозначность ситуации, серьезные разрушения ее жанровых и структурных составляющих, кардинальную смену функционала, эта культура реально бытует, она животворна, пронизывает жизнь народа, всех его поколений. Безусловно, данный тезис требует серьезных доказательств, пояснений, отсылок к конкретным явлениям. Эти доказательства налицо — достаточно перелистать книгу, которую вы держите в руках. Если кому-то представленных доказательств покажется недостаточно, то можно познакомиться с реальной ситуацией бытования повседневной культуры в жизни муромцев. Все сомнения относительно оптимизма вышевысказанной оценки отпадут.

Другое дело, что понимание традиционности должно быть современным. Это не только взгляд, обращенный в прошлое, оценивающий высшим баллом вчерашний день этой культуры, восхищающийся уникальными образцами и достижениями. Это, безусловно, так. Но культура, и традиционная культура в частности — живой, постоянно развивающийся организм. Развивающийся вместе со своими творцами, художниками, танцорами, музыкантами, между делом, между повседневными бытовыми заботами, в свободное от работы время или параллельно с ним творящими на свою радость.

Движение это происходит не всегда по прямой, не всегда гладкое, бесспорное и тем более контролируемое и осознаваемое. Фольклор творится в стихии народной жизни. Он плоть от плоти этой жизни. Стихия, как известно, даже в своих основных проявлениях не всегда предсказуема, не всегда понятны ее формы и направленность. Ее возникновение таит немало неожиданного, случайного, многое рушится, корежится; в круговороте оказываются самые разные предметы, вещи, люди, явления. Так и с традиционной культурой. В ее круговороте сегодня оказывается множество явлений из других культур — элитарной, массовой, развлекательной, «других» по художественному, эстетическому, нравственному, социальному смыслу. Их образцы перемалываются в стихии повседневного фольклора, приспособляются, ложатся в копилку традиционного исполнения.

К сожалению, этот процесс не нашел должного отражения в книге, в первую очередь по причине неразработанности методик научного сравнения личных материалов. Критерии, обоснованные около века назад нашими и зарубежными учены-

ми относительно традиционных явлений (их подлинности, ценности, содержания и т.п.) применяются практически в том же виде до сих пор, без коэффициента поправки на произошедшие за эти сто лет изменения во всех областях жизни. И какие изменения! От первых шагов радио — до компьютерных технологий. От естественного музыкального звука до сложнейших современных синтезаторов, создающих любой по тембру, силе, ритму звук. Безголосый предстает оперным гением, а окончивший музыкальную школу — виртуозом. Сопоставления можно было бы продолжить. Дело не в них самих, а в понимании влияния этих революционных трансформаций на фольклор, на повседневную культуру. Носителя традиции весьма трудно представить сегодня лишь с пилой и топором, рубанком и молотком. У него на вооружении электрические лобзик, токарный станок, шуруповерт, дрель и т.д.; он работает с калькулятором и по лекалам; музыкант, певец слышит самую разную музыку, песни с сопровождением самых изощренных инструментов. Исполнитель не может не видеть этих новаций, не использовать их в своем творчестве.

Современный Муромский край — живое культурное образование во владимирском и российском пространстве. Тысячами нитей — видимых и невидимых, зафиксированных и спонтанных, осознаваемых и латентных он связан с окружающим его бурлящим миром. Отсюда его культура, традиции, духовная жизнь. Они отражают жизнь современника — россиянина — муромчанина со всеми ее коллизиями, проблемами, неустройством; со всеми светлыми, радостными событиями и праздниками. Таков сегодняшний день этой культуры — устремленной в будущее, открытой для творческого осмысления жизни и ее ценностей и придающей ей великий нравственный смысл.

Ю.М. СМЕРНОВ, В.Г. СМОЛИЦКИЙ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ Муромского края

«Казалось бы, о Муроме (имеется в виду летописное племя мурома, послужившее поводом к этому замечанию — Ю.С.) можно очень много говорить, потому что г. Муром, наряду с Новгородом, Киевом, Ростовом, Суздалем принадлежит к числу древнейших городов Русской земли и далеко старше Москвы; но беда в том, что летописи дают нам одно лишь название города Мурома; мы решительно ничего не знаем ни о пространстве Муромской земли, ни о том, велико ли было ее население», — справедливо отмечал в начале XX в. С.К. Кузнецов в своей «Русской исторической географии»¹. С сожалением приходится констатировать, что за прошедшие почти сто лет это положение изменилось весьма незначительно. Работ, посвященных изучению отдельных проблем муромской истории, в том числе и истории традиционной культуры, довольно немного. Однако множество фактов, сведений, оценок разбросаны в литературе, связанной с изучением других регионов или общих проблем.

«Муромская земля», «Муромский край», «Муромщина», как и сам г. Муром, довольно часто упоминаются в научной и исторической литературе. Уже первые страницы Начальной летописи говорят о «Муромской стране» как о некоем целом регионе. Однако его географические границы весьма аморфны. Произошло это, видимо, потому, что на протяжении более чем тысячелетней истории стратегическое, политическое, административное положение Мурома неоднократно и весьма существенно менялось, а, соответственно, менялись сфера и характер его влияния. В зависимости от административной подчиненности Мурома менялись и границы его округа, при этом в угоду текущему моменту далеко не всегда учитывались исторически сложившиеся территориальные, хозяйственные и культурные связи. Это создает объективные трудности в изучении истории и традиционной культуры региона уже потому, что, во-первых, документальные свидетельства оказались рассредоточены по разным хранилищам в Москве, Санкт-Петербурге, Владимире, Нижнем Новгороде, Иванове, Шуче — причем, это не отдельные документы, а целые комплексы. Меньше всего их, как это ни парадоксально, в самом Муроме. Во-вторых, районы, в разное время переходившие из Муромской округи в иное административное подчинение, в последующее время и изучались под грифом этого подчинения, поэтому правомерность привлечения материалов исследований каждый раз требует специальной аргументации и в данной статье практически не рассматривается.

Первое население появляется в крае в эпоху верхнего палеолита, о чем свидетельствует открытая в 1877 г. А.С. Уваровым Карачаровская стоянка², и все последующее время до Средневековья территория была хоть и слабо, но заселена. В ходе Великого переселения народов IV—V вв. н. э. с запада сюда переместились балтские племена мощинской археологической культуры и, слившись с местными

¹ Кузнецов С.К. Русская историческая география. Вып. 1 (меря, мешера, мурома, весь). М., 1910. С. 108.

² Уваров А.С. Археология России. Каменный период. Ч. 1. М., 1881. С. 112; История Мурома и Муромского края. С. 13.

финскими племенами, встретили волну переселенцев с востока — финно-угров. Этот конгломерат и образовал особую этническую группу, называемую в современной науке летописным племенем мурома³. Из языка летописного племени осталось одно слово — этноним «мурома», давший название городу, вокруг которого, кроме автохтонного населения, концентрировались группы мигрировавших сюда славян.

VII—IX вв. могут характеризоваться как время проникновения на эту территорию славянских племен — кривичей, новгородских словен с северо-запада Руси и в небольшом количестве вятичей — с юго-запада, причем проследить территории, занимаемые ими, весьма сложно. По мнению В.В. Седова, вятичи вообще лишь слегка затронули Муромскую землю⁴. Тогда же, видимо, начинается и постепенное слияние близких по типу хозяйства и языческим верованиям племен. Таким образом, характерной чертой славянской колонизации на данной территории было не вытеснение автохтонных племен, как это произошло, например, в Рязанской земле⁵, а некий синтез пришлых и местных народностей. Более того, в Муроме, по-видимому, основными жителями оставались аборигены⁶.

Славянское вливание, закончившееся ассимиляцией мурома, было мощно подкреплено походами Святослава в 965 г. на Оку и Волгу и Владимира Святославича в 985 и 997 гг. на Волжскую Булгарию и христианизацией края, начавшейся, вероятно, на рубеже X и XI вв., возобновившейся в княжение Игоря Ярославича в Муроме — в 40-е — начале 50-х гг. XI в. и завершившейся в первой трети XII в. при Ярославе Святославиче⁷. (Одним из основных письменных источников по христианизации города является довольно поздняя в соотношении с описываемыми событиями — середины XVI в. — «Повесть о водворении христианства в Муроме»⁸). Сам Муром в период проникновения и укрепления христианства играет роль плацдарма славянской колонизации Нижегородского Поволжья, которая формируется по ходу развития города⁹, что подтверждается и данными исторической лингвистики¹⁰. Финский историк Х. Киркинен считает, что процесс ассимиляции мурома был гораздо более длительным, так как с точки зрения лингвистики она невозможна в столь краткое время, а монголо-татарское владычество стало фактором, усилившим в XIII в. слияние мурома со славянами¹¹. Представляется, что

³ История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века: Учебное пособие / Отв. ред. Ю.М. Смирнов. Муром, 2001. С. 29; *Дубынин А.Ф.* О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли // СА. 1966. № 3. С. 67—79.

⁴ *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 143—145.

⁵ Там же.

⁶ *Кривошеев М.В.* Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI — начала XIII вв. по материалам повестей. Гатчина, 2003. С. 30.

⁷ *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 399—400; *Тихомиров М.Н.* Начало христианства на Руси // *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М., 1975. С. 261; *Чернышев В.Я.* Исторические предпосылки крещения Муромской земли // Рождественские чтения VII. Ковров, 2000. С. 46—48.

⁸ См., например: *Истомин М.П.* Данные житий для истории водворения христианства в областях Ростовской и Муромской // Чтение в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1888. Кн. 2; *Лупанов А.А.* Креститель муромской земли Святой Благоверный князь Константин (Ярослав) и Благовещенский монастырь града Мурома. Муром, 2000; *Серебрянский М.* Древнерусские княжеские жития // ЧОИДР. 1915. Кн. 3. Прилож. VIII. С. 100—103.

⁹ См.: *Каптерев Л.М.* Нижегородское Поволжье X—XVI веков. Горький, 1939; *Грибов Н.Н.* Сельская округа средневекового Мурома на правобережье р. Оки // Уваровские чтения V. Муром, 2003. С. 18—22; *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. М., 1961. С. 247—248.

¹⁰ *Русинов Н.Д.* Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород, 1994. С. 123, 143.

¹¹ Цит. по: *Альквист А.* От Мурома до Муураме: происхождение этнонима мурома // Уваровские чтения III. Муром, 2001. С. 234.

к этому следует добавить и несомненный процесс обратного влияния — муромы на славян, до настоящего времени не только не изученный, но практически и не обозначенный в специальной литературе.

Ко времени первого упоминания в «Повести временных лет» под 862 годом Муром едва ли мог считаться городом в полном смысле этого слова, хотя, по мнению М.Н. Тихомирова, город существовал уже в IX в.¹² А.Л. Монгайт к IX в. относит только поселение¹³. Поскольку археологически пока не подтверждено даже существование поселения этого времени¹⁴, наиболее правомерной представляется точка зрения Е.И. Горюновой, согласно которой на месте города был ряд деревенских поселков с центральным поселением племени мурома, а в XI в. рядом с ними появились и многочисленные славянские поселки¹⁵. Вслед за И.Я. Фрояновым М.В. Кривошеев считает, что это поселки родовых общин, которые в XI — начале XII в. стали превращаться в посад Мурома¹⁶. К XIII в., благодаря выгодному положению на торговом пути, Муром входит в число пятнадцати крупнейших городов Руси¹⁷. Следует отметить, что сделанные на основе археологического материала выводы во многом носят предварительный или дискуссионный характер, поскольку раскопки в регионе проводились спорадически, планомерных и долговременных работ не велось¹⁸.

Став к середине X в. очагом славянской колонизации на северо-восточных окраинах Руси, Муром в самом скором времени попадает в поле интересов и влияния Черниговского княжества, став его уделом. Последовавший затем период усобиц завершился в 1097 г. княжеским соглашением в Любече, одним из его результатов было возникновение Муромо-Рязанского княжества, в которое входили Муром, Рязань, Переславль-Рязанский, Ростиславль, Пронск, Коломна. Просуществовав недолго, оно распалось на три небольших княжества — Муромское, Рязанское и Пронское; сам Муром во второй половине XII в. подпал под влияние Владимира, которое с этого времени так или иначе присутствует во всей последующей истории Мурома, а Муромский регион иногда стали называть «Восточной Владимирщиной». В 1392 г. Муромское княжество было присоединено к Москве великим князем Василием I.

Первые упоминания Мурома в Западной Европе встречаются в скандинавских сагах: «В том государстве (или в той стране), которая зовется Руссия и которое мы называем Гардарики, главные города: Муром, Ростов, Суздаль, Хольмгард (Новгород Великий), Сирнес (?), Полоцк и Кенугард (Киев)»¹⁹. Однако на наибо-

¹² Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 431.

¹³ Монгайт А.Л. Указ. соч. С. 247—248.

¹⁴ См: Бейлекчи В.В. Исследования на Кремлевской горе Мурома // Археологические открытия 1998 года. М., 2000. С. 76—77; Бейлекчи В.В., Родин В.В. Новые археологические исследования в муромском кремле // Уваровские чтения V. Муром, 2003. С. 9—17; Воронин Н.Н. Муромская экспедиция // КСИИМК. Вып. XXI. М., 1947; Воронин Н.Н., Горюнова Е.И. Отчет муромской археологической экспедиции АН СССР в 1946 г. // НА МИХМ. 1947. № 343; Чалых Н.Е. Археологические исследования в кремле г. Мурома // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. М., 1987; История Мурома и Муромского края. Муром, 2001. С. 41.

¹⁵ Горюнова Е.И. К истории городов Северо-Восточной Руси // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 14, 171; Она же. Муромская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. 27. С. 101; Она же. Итоги работ муромской экспедиции // КСИИМК. 1950. Вып. 33.

¹⁶ Фроянов И.Я. Спорные вопросы образования городов на Руси // Историческая этнография. Вып. 3. Л., 1985. С. 114, 115; Кривошеев М.В. Указ. соч. С. 34—35.

¹⁷ Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989. Всего автор приводит сведения о 1395 населенных пунктах.

¹⁸ См.: Лодыгина Е.В. Обзор археологических исследований Мурома и Муромского района // Уваровские чтения V. С. 78—82.

¹⁹ Цит. по: Рыдзевская Е.А. О названии Руси Gardariki // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978. С. 146; см. также: Мельникова Е.А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976. С. 148—149, 154; Она же. Древнескандинавские географические сочинения / Тексты, перевод,

лее ранних дошедших до нас морских картах — портоланах XIV в. — в том месте, где должен был локализовываться Муром, помещен топоним *Comania Plana* (половецкая равнина), где «живут амазонки — женщины-воительницы»²⁰. Впервые на европейских картах Муром появляется во второй четверти XVI в. благодаря посланнику в России германского императора Максимилиана I (в 1517 г.) и Карла V (в 1526 г.) барону Сигизмунду Герберштейну, где изображался традиционным картографическим символом крупных городов²¹. После этого многие картографы помещают на своих картах Муром — то в чистых степях, то окруженный лесами — в регионах Владимира, Московии, Рязани и даже Касимовского княжества. Анализируя изображения и надписи на картах, Н.К. Фоменко делает интересный вывод, что «жители муромского края в представлении европейцев XVI в. были смекалистым, хитрым народом или населением, связанным с хлебопашеством и производством хлеба»²².

В XVII в. уже существует Муромский уезд, входящий в административное подчинение Владимира наряду с шестью другими²³. По указу Петра I 18 декабря 1708 г. Муром был приписан к Московской губернии. В мае 1719 г. Московская губерния была расписана на девять провинций с уездами. Муром вошел в состав Владимирского уезда, в 1772 г. преобразованного в провинцию. 1778 годом датирован указ Екатерины II, по которому образована Владимирская губерния с четырнадцатью уездами. Центром одного из них стал Муром, оставаясь им и после того, как Владимирская губерния в сентябре 1778 г. была преобразована в наместничество²⁴ и далее — вплоть до 1917 года и некоторое время после. Состав Муромского уезда менялся, то включая, то исключая пограничные районы современной Рязанской области и примыкающее к Мурому правобережье Оки, ныне входящее в Нижегородскую область.

В 1919 г. местными органами управления была предпринята робкая попытка объединения «однородных, дополняющих друг друга районов в Муромском округе». К этому вопросу — но уже более активно и на более высоком уровне — вернулись в 1921—1922 гг., когда инициировалось предложение о создании Муромской губернии, куда должны были войти Павловский, Выксунский, Ардатовский, Арзамасский, Лукояновский, Краснослободский, Темниковский, Сасово-Елатомский, Касимовский, Меленковский, Ковровский, Судогодский уезды и еще одиннадцать волостей²⁵. Однако в верхах рассудили по-иному. Летом 1928 г. президиум Госплана РСФСР принял решение об организации Нижегородской области, к которой из Муромского уезда должны были отойти Арефинская, Новосельская и Яковцевская волости, а остальная часть включалась в Московскую область. 1929 год был ознаменован отменой губерний, вместо которых образованы области, а вместо уездов — районы. 14 января того же года Владимирская губерния перестала существовать. Шесть волостей Муромского уезда — Драчевский, Дубровский, Бутылицкий, Меленковский, Лавсинский и Папулинский — были

комментарий под ред. В.Л. Янина. М., 1986; *Родина М.Е.* Международные связи Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очерки. Владимир, 2004. С. 9, 87; *Тиандер К.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 108.

²⁰ *Фоменко И.К.* Россия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения V. С. 58.

²¹ Там же. С. 59, 60—61.

²² Там же. С. 62—63.

²³ *Водарский Я.В.* Дворянское землевладение в России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1988. С. 65.

²⁴ Подробнее см: *Большакова Н.В.* Крутицкий приход Покровского уезда. Петушки, 2001. С. 9—16.

²⁵ Муромский округ перед 5-летней. Муром, 1930. С. I.

переданы в состав Ивановской области, а остальная часть Муромского уезда, образовав в дальнейшем вместе с Выксунским и частями Павловского и Арзамасского уездов Муромский округ, вошли в состав Нижегородского края²⁶. 14 августа 1944 г. указом Президиума Верховного Совета СССР образована Владимирская область, в составе которой Муромский район (с 2002 г. — округ) обрел современные границы, потеряв правобережные территории.

На основании опубликованных работ раннюю этнодемографическую историю населения края в общих чертах можно представить, прежде всего, по данным археологии²⁷. О дальнейшем процессе формирования населения региона пока можно судить только по отрывочным сведениям, поскольку означенный вопрос, как, впрочем, и многие другие проблемы муромской истории, ждет своего исследователя²⁸. Следует отметить только некоторые очевидные факторы, которые могли повлиять на демографию и традиционные формы культуры. Это, в первую очередь, миграции локальных групп населения. Для Средневековья основными миграционными причинами были войны, приводившие на муромскую территорию «полоны»²⁹, полукочевых «бродников»³⁰ и беглецов³¹; неурожаи и голод, вызывавшие заметные подвижки во всех социальных слоях³²; административные насильственные переселения, вызванные политическими или экономическими причинами, как, например, в случае, когда Иван III, боровшийся с независимостью Новгорода, «поимал» нескольких новгородских бояр и часть их отправил в Муром³³. Из Мурома, в свою очередь, люди отзывались для несения «государевой службы», при этом связь их с уездом не прекращалась³⁴. На динамику миграционных процессов влияло и раз-

²⁶ Муромский округ перед 5-летней. Муром, 1930. С. II.

²⁷ Голубева Л.А. Поволжские финны (Мурома) // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1987; Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 94. М., 1961; Грибов Н.Н. Сельская округа средневекового Мурома на правобережье р. Оки // Уваровские чтения V. Муром, 2003. С. 18—22; Седов В.В. Из этнической истории Муромской округи во второй половине I тысячелетия н.э. // Уваровские чтения II. М., 1994; Дубынин А.Ф. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли // СА. 1966. № 3. С. 67—79; Ябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.

²⁸ Некоторые тенденции в динамике населения Муромского района можно предположить, исходя из сравнения с соседним Меленковским районом. См.: Мамаев С.А. Формирование инфраструктуры и динамики населения Меленковского края в XVI—XX вв. // Уваровские чтения V. Муром, 2003. С. 227—233.

²⁹ Например, в январе 1229 г. муромский князь Юрий Владимирович, участвуя в походе великого князя Юрия на мордву, вторгся в Пургасову волость, забрал большой полон. (См.: Кузнецов С.К. Мордва. М., 1912. С. 32—33).

³⁰ На появление «бродников» в Муромской земле и участии их в Липицкой битве рядом с муромцами указывает А.Н. Насонов. См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 204.

³¹ Например, «в 1639 году все племя терюхан и арзамасская эрзя жестоким сбором ямских денег, сопровождавшимся отобранием у мордвы хлеба, скота и домашнего скарба, доведены были до того, что побросали свои деревни, несжатый хлеб, уродившийся в этот год на диво, и бежали в лодках вниз по Волге, переселялись на левый ее берег, или прятались в дремучих Муромских лесах». Кузнецов С.К. Мордва. С. 44.

³² См.: Волостнов С.А. История голода и продовольственного обеспечения до середины XIX в. (Муромский край и сопредельные территории) // Уваровские чтения V. Муром, 2003. С. 233—239.

³³ Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л., 1947. С. 284; Гневушев А.М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915, приложение 3.

³⁴ Веселовский С.Б. Указ. соч. Т. I. С. 318. По данным С.Б. Веселовского, в 1597 г. в Москве служило 200 человек из Мурома; Козляков В.Н. Служилый город Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.

витие отхожих промыслов. Например, в восьмидесятые годы XVIII в. преобладающее число работных людей, подрядившихся на перевозку казенной соли на Волге, было выходцами из Муромского уезда³⁵.

Находясь в непосредственной близости с другими этносами — мордвой, булгарами, позже — татарами, являясь крупным транзитным центром международной торговли Запада с Востоком, Муром в целом, видимо, составлял моноэтническую общность. Контакты с иностранцами носили единичный и кратковременный характер: торговцы и путешественники, как правило, в Муроме не задерживались. Правда, по мнению К.А. Аверьянова, с середины XIII до середины XIV в. в Муроме находилась резиденция представителя Орды — «великого баскака владимирского», и, более того, исследователь даже говорит о том, что Муром «нельзя считать исключительно татарским (имеются в виду татары ордынские — Ю.С.) городом. Здесь по-прежнему имелось и русское население»³⁶. Во всяком случае, никаких очевидных влияний татаро-монгольской общины на традиционную культуру не прослеживается; археологически факт возможности существования ордынской резиденции подтверждается находкой в 1859—1860 гг. печати баскака³⁷. В 1571 г. Иван Грозный, после обострения отношений со шведами, сослал сюда шведское посольство³⁸. В период Смутного времени Муром познакомился с поляками в лице отряда пана Лисовского, воспоминания о котором остались весьма печальные.

Миграции относительно крупных групп населения были и в гораздо более позднее время, вплоть до двадцатого века, и причины их, в основном, оставались теми же. Во время Первой мировой войны в Муроме появилось довольно много эвакуированных из западных областей России, причем, пожалуй в первый раз за всю историю Муром, здесь образовалось даже нечто вроде еврейской общины, попытавшейся добиться разрешения на открытие синагоги³⁹. Таким образом, если не считать старообрядчества, один из идеологов которого — протопоп Логгин — имел непосредственное отношение к Мурому, с XIV в. это был первый массовый контакт муромского православия с иной конфессией. В этой связи следует отметить, что по данным 1 января 1896 г. на 15 679 жителей в Муроме было тридцать пять старообрядцев, тридцать восемь католиков, девять протестантов и двадцать пять представителей других вероисповеданий⁴⁰.

Конец XIX — начало XX в. характеризуются заметным притоком в Муром населения из окрестных деревень, что было связано с развитием промышленности в городе. В годы Гражданской войны он прекратился, и, более того, «существовавшая раньше тяга в города совершенно прекратилась и заменилась возвратом в деревню»⁴¹. (Следует отметить, что приток населения в город возобновился в годы первых пятилеток и продолжался до девяностых годов XX в., однако при этом многие рабочие, занятые на производстве в городе, жили в близлежащих деревнях. До конца шестидесятых из Муром и в Муром ходили специальные пригородные поезда, в просторечьи называвшиеся «рабочими» или «малашками», расписание

³⁵ *Истомина И.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. М., 1982. С. 77.

³⁶ *Аверьянов К.А.* К вопросу о «белых пятнах» в средневековой истории Муром // Уваровские чтения V. Муром, 2003. С. 70.

³⁷ *Добрынский Н.Н.* Следы пребывания доисторического человека в пределах Муромского уезда Владимирской губернии. Доисторическая эпоха древнейшего каменного века и бронзового периода. Владимир, 1896. С. 27.

³⁸ История Муром и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. Муром, 2001. С. 91.

³⁹ Благодарю В.Я. Чернышева, любезно сообщившего мне эти сведения.

⁴⁰ *Добрынский В.* Муром прежде и теперь. М., 1903. С. 20.

⁴¹ Отчет в совет труда и обороны Владимирского Губернского Экономического Собрания. На 1 января 1922 года. Владимир, б/г. С. 90.

движения которых подстраивалось под расписание рабочих смен на предприятиях города. Позже они были упразднены, так как основная масса рабочих из сельской местности переселилась в город.) После Гражданской войны население района практически мононационально. По переписи 1926 г. в Муроме — городе — проживали 21 449 человек, при этом на все города и поселки городского типа Муромского округа приходилось 620 представителей других национальностей, среди которых было 48 татар и 24 — мордвы⁴². Район в это время характеризуется как промышленно-сельскохозяйственный: «Здесь имеются промышленные заведения легкой и тяжелой индустрии — три текстильных фабрики, паровозо-ремонтный завод, механический и литейный заводы. Но Муромский район играет не последнюю роль и в сельскохозяйственной жизни округа — широко распространено в нем картофелеводство, а также огородничество и продуктивное животноводство»⁴³.

В двадцатые годы прошлого столетия в Муроме была поселена значительная по численности группа, привезенная из голодающего Поволжья⁴⁴, в тридцатые — переселенные работники КВЖД⁴⁵; среди последних были этнические китайцы и корейцы, заключавшие потом браки с русскими. Перед Великой Отечественной войной в д. Подболотня под Муромом осела «колония» ленинградских специалистов, отправленных для строительства оборонного завода, а во время войны в городе обосновались эвакуированные. Последняя волна переселенцев достигла Мурома после распада СССР. Сохранялась в XX веке и «ссылнопоселенческая» традиция использования Мурома⁴⁶. В литературе эта тема затронута лишь в самое последнее время, и можно сказать, что пока в ее рамках наметилось изучение влияния на религиозную жизнь горожан некой неформальной группы, сложившейся вокруг поселившихся в Муроме монахинь Дивеевского монастыря после его закрытия⁴⁷. В середине 90-х гг. XX в. в связи с плачевным состоянием городской экономики, а Муром в это время уже был городом с развитой оборонной промышленностью, возрождается отходничество, и бригады муромских умельцев едут в крупные города, преимущественно в Москву, на заработки.

По замечанию М.Н. Тихомирова, из более чем двух десятков русских городов, возникших в IX—X вв. и упомянутых в летописях, только два — Ладога и Муром — носят неславянские названия⁴⁸, причем, «последнее название является племенным, так как летописец указывает, что существовал "язык свой Мурома"». Из этого языка, как упоминалось, осталось только название племени, давшее имя городу. Его этимологию пытался определить автор «Повести о водворении христианства в Муроме» (XVI в.): «Создание града име стены каменны и мрамарны, и оттого нарицается Муром»⁴⁹. (С поразительной красотой и образностью эта эти-

⁴² Муромский округ перед 5-леткой. Муром, 1930. С. 29, 33.

⁴³ Там же. С. 4.

⁴⁴ Наумов В. В маленьком городе. С. 85. Отдельный оттиск без выходных данных. Музей Управления народного образования округа Муром.

⁴⁵ Боль и память. Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области. Владимир, 2003. Т. 2. С. 57.

⁴⁶ Дорофеев А.А. Массовые волнения в Муроме в 1961 г. // Уваровские чтения V. С. 309; Белов Ю. Все началось с «Невесты» // Новая провинция, 2004. 8 декабря. С. 13; Добронравов О.С., Полякова О.Б. Забытое имя: к биографии епископа Муромского Николая (В.М. Муравьева-Уральского) // Уваровские чтения III. С. 198; Моя жизнь. Дневник княгини Голицыной / Публ. и посл. Натали Голицыной // Взор. 2005. № 17. С. 38.

⁴⁷ Бахарева Н.Н. Икона «Богоматери Серафимо-Дивеевской Умиление» // Уваровские чтения III. С. 75; Мавлиханова Е.А. Вето на религиозное наследие. Из истории г. Мурома прошлого века в воспоминаниях и документах // Уваровские чтения V. С. 292—304.

⁴⁸ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Ученые записки МГУ. Вып. 99. М., 1946. С. 9—10, 12.

⁴⁹ Повесть о водворении христианства в Муроме // Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г.А. Кушелевым-Безбородко. Т. 1. СПб., 1860. С. 229.

мология проиллюстрирована на одной из самых интересных и необычных икон из собрания Муромского музея — иконе XVI — XVII вв. «Святые Петр и Феврония Муромские в житии»⁵⁰). «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона, определяющий этноним мурома как «люди на суше»⁵¹, повторяет этимологию, данную ранее Я.Н. Гротом⁵². К.С. Кузнецов, считавший язык мурома поднаречием мерянского языка, склонен называть Муром и его хорографические названия возводить к языку мери, определяя, таким образом, Муром как «место пения» или «место веселия»⁵³, и еще указывая при этом, «что мурома была жизнерадостнее мери и любила предаваться пению и пляске: хорографические названия очень часто указывают нам, где были у мурома излюбленные места для всякого рода общественных увеселений»⁵⁴. Эти этимологии вызвали целый ряд возражений у исследователей и краеведов⁵⁵. В.С. Кулешов вообще подвергает сомнению финно-угорское происхождение этнонима и склонен считать его (а, соответственно, и язык племени) балтийским, этимологизируя слово как «смертный»⁵⁶. Финская исследовательница А. Альквист, напротив, проанализировав большое количество топонимов со сходными корнями и географические названия мест, расположенных в сходной с Муромом топографии, приходит к выводу о финно-угорском происхождении слова, означающего «возвышенное место у воды»⁵⁷. Вопросы этимологии касались и другие исследователи. А.И. Попов связывает этноним с корнями этнонимов мари, мордва, удмурт, комимарт, меря⁵⁸, а В.П. Нерознак подтверждает происхождение названия города от названия племени⁵⁹. Работы В.И. Тагуновой⁶⁰, И.Е. Савельева⁶¹, А.А. Епанчина⁶² по сути исчерпывают топонимическую тему в исследованиях о Муроме, рассматривая окружающую топонимику Мурома в связи с фольклором, а вышедшее в 2004 г. издание «Топонимические заметки Навашинского района»⁶³ является не совсем корректной компиляцией указанной работы А.А. Епанчина и исследований нижегородского фольклориста Н.В. Морохина⁶⁴.

Летописи, несмотря на довольно частое упоминание Мурома, практически ничего не сообщают о традиционной культуре края. Некоторые сведения — о выделке

⁵⁰ См., например: Иконы Мурома. М., 2004.

⁵¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XX. СПб., 1897. С. 214.

⁵² Грот Я.Н. Заметка о топографических названиях вообще // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СXXXVI. 1867. Ноябрь. С. 617—628.

⁵³ Кузнецов С.К. Указ. соч. С. 108.

⁵⁴ Там же. С. 149.

⁵⁵ См.: Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 64; Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 279; Травчетов Н.П. Город Муром и его достопримечательности. Владимир, 1903. С. 2; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 14.

⁵⁶ Кулешов В.С. О происхождении этнонима мурома и о топонимах Муромской округи // Уваровские чтения V. Муром, 2003. С. 63—65.

⁵⁷ Alkivist A. Tye Ethnonym Muroma // Finnish-ugrishen Sprachen in Kontakt. Vorträge des Symposiums aus 30-jährigen Bestehens der Finnougristik an der Rijksuniversiteit Groningen, 21—23 November 1996. Maastricht, 1996. С. 47—54; Альквист А. От Мурома до Муураме: происхождение этнонима мурома // Уваровские чтения III. Муром, 2001. С. 234—242.

⁵⁸ Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этноимику. Л., 1973. С. 103; Попов А.И. Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Л., 1974.

⁵⁹ Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 116.

⁶⁰ Тагунова В.И. Топонимия Муромской земли в народных преданиях и легендах // Ономастика Поволжья 3: Материалы III конференции по ономастике Поволжья. Уфа, 1973.

⁶¹ Савельев И.Е. Топонимические изыскания. Карачарово (Версия) // Муромский сборник. Муром, 1993. С. 145—152.

⁶² Епанчин А.А. Топонимика Мурома и его окрестностей. Муром, 2001.

⁶³ Топонимические заметки Навашинского района. Муром, 2004.

⁶⁴ Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. Н. Новгород, 1997.

кож, добыче меда и пр. — ставшие хрестоматийными и повторяющиеся из издания в издание, содержатся в заметках путешественников — иностранных и русских. «Заморские гости» — С. Герберштейн, Э. Дженкинсон, Дж. Флетчер, Дон Хуан Персидский — оставили записки, позволяющие составить некоторое представление о занятиях и нравах муромских жителей⁶⁵. При этом следует отметить, что С. Герберштейн сам в Муроме не бывал, а информацию о «муроманах» получил, видимо, от боярина Василия Васильевича Шуйского, с которым приятельствовал и который в 1526—1527 гг. был наместником Муромом⁶⁶. Русский путешественник академик Иван Лепехин составил подробное описание выделки кож в Муроме⁶⁷. Особую страницу в этнографическом описании Муромом оставили «державные гости» — российские императоры и члены императорской семьи, в разное время посещавшие Муром: Екатерина II, Павел I, Николай I, великие князья Александр и Константин Павловичи, Александр Николаевич⁶⁸.

Известное представление о традиционной культуре дает цикл «Муромских повестей», сложившийся в XVI—XVII вв. Рукописные сборники с этими повестями бытовали в Муроме вплоть до середины XIX в.⁶⁹, а их реминисценции локально сохранились в устной традиции вплоть до конца XX в.⁷⁰ Характерной особенностью повестей является настолько активное использование фольклорных мотивов, более ранних легенд и преданий, что в отдельных случаях, как в случае с «Житием Константина Муромского», основанном на «Повести о водворении христианства в Муроме», у исследователей даже появляется повод говорить о том, что оно «знакомит с этнографией муромы»⁷¹. Следует отметить, что «Муромские повести» — едва ли не самая изученная в разных аспектах тема муромской истории и культуры⁷².

⁶⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 134, 138, 154; Флетчер Дж. О государстве русском // Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 31, 61; Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599—1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 176—177. Ключевский В. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866. С. 139, 159, 160—161; Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. СПб., 1891. С. 107.

⁶⁶ Герберштейн С. Указ. соч. Прим. С. 337.

⁶⁷ Записки путешествия академика Лепехина И.И. // Полное собрание ученых путешествий, издаваемое Академией наук по предложению от президента. Т. 1. СПб., 1821.

⁶⁸ Сидорова М.В., Щербакова Е.И. Высочайшие путешествия. Остановка в Муроме // Уваровские чтения V. Муром, 2003. С. 212—215. См. также: Добрынкин Н. Державные гости в г. Муроме. Владимир, 1884; Добрынкин Н.Г. Державные гости в г. Муроме 1445—1837 гг. Материалы для истории города Муромом // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. 5. Владимир, 1885.

⁶⁹ История Муромом и Муромского края с древнейших времен до конца XX века. С. 123.

⁷⁰ Суздальцева Н.В. Муромские легенды и сказания. Муром, 1995.

⁷¹ Горюнова Е.И. Этническая история... С. 153.

⁷² См., например: Брун Т.А. О датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2: XVI — начало XVIII веков. М., 1989; Брун Т.А. К вопросу о возникновении сказания об Унженском Кресте // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980; Бусева-Давыдова И.Л. Житие Юлиании Лазаревской: опыт интерпретации // Уваровские чтения V. С. 106—110; Буслаев Ф.И. Муромское сказание о Марфе и Марии // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н.С. Тихонравовым. Кн. 5. Т. 3. М., 1859—1860; Вагнер Г.К. Повесть о рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переяславля-Рязанского // ТОДРЛ. Т. XVI. 1960; Веселовский А.Н. Новые отношения муромской легенды о Петре и Февронии и сага о Рагнаре Лодброкке // ЖМНП. 1871. № 4. Отд. II. С. 95—142; Гладкова О.В. Тема ума и разума в «Повести о Петре и Февронии» (XVI в.). // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998; Демкова Н.С. Повесть о Марфе и Марии и ее переделки в XVII в. // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1988; Дмитриева Р.П. Древнерусская повесть о Петре и Февронии и современные записи фольклорных рассказов // Русская литература. 1974. № 4; Дмитриева Р.П. Две редакции XVI в. Повести о рязанском епископе Василии //

В последние годы проявляется заметная тенденция к использованию этих повестей в качестве материала для исторических реконструкций различного рода⁷³.

Культурное наследие Древней Руси. М., 1976; *Дмитриева Р.П.* Повесть о рязанском епископе Василии (история текста первоначальной редакции) // ТОДРЛ, XXXII. Л., 1977 // Уваровские чтения II. М., 1994; *Дмитриева Р.Ф.* Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979; *Дмитриева Р.П.* Житие Константина, Муромского князя, и его сыновей Михаила и Феодора // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988; *Дмитриева Р.П., Белоброва О.А.* Петр и Феврония муромские в литературе и искусстве Древней Руси // ТОДРЛ. Т. XXXVIII. 1985; Житие святого благоверного князя Константина, супруги его Ирины и чад их, Михаила и Федора, муромских чудотворцев // Минея. Ч. 1. Апрель. М., 1985; Житие св. праведной Иулиании Лазаревской и службы ей, изд. епископом Муромским Евгением. СПб., 1910; Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьбиной). СПб., 1996; Житие Юлиании Лазаревской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 429—433; *Зиборов В.К.* Домашнее прочтение муромского сборника // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000. С. 63—65; *Зимин А.А.* Ермолай-Еразм и Повесть о Петре и Февронии // ТОДРЛ. 1958. Т. XVI. С. 229—234; *Клибанов А.И.* Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли // ИЗ. 1959. Т. 65. С. 303—315; *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; Милостивая. Праведная Иулиания Муромская (Лазаревская). Муром, 2004; *Кротов М.Г.* Новое об авторе «Жития Улиании Лазаревской» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1985. М., 1987. С. 16—18; Повесть о водворении христианства в Муроме // Рязанские Епархиальные Ведомости. 1877. № 22—24; Повесть о водворении христианства в Муроме // Памятники старинной русской литературы. СПб. Вып. I. С. 229—237; Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979.; Повесть об Ульянии Осорьбиной // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 1. М., 1988; *Подобедова О.И.* «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века // ТОДРЛ. Т. X. 1954; *Подобедова О.И.* Лицевая рукопись XVII в. «Сказание о граде Муроме и его епископии, како преиде на Резань» // ТОДРЛ. Т. XVI. 1960; *Пуцко В.Г., Сухова О.А.* Виленский крест в «Повести» и мощевик Троицкого монастыря в Муроме // Уваровские чтения V. Муром, 2003; *Ржига В.Ф.* Повесть о Петре и Февронии в русской литературе конца XVIII в. // ТОДРЛ. Т. XIII. 1957. С. 429—436; *Руди Т.Р.* Повесть об Ульянии Осорьбиной // ТОДРЛ, XLI. Л., 1988; *Руди Т.Р.* Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII—XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994; *Руди Т.Р.* Житие Юлиании Лазаревской. Исследование. Тексты. СПб., 1996; *Руди Т.Р.* Еще раз о датировке «Повести о чудесах Виленского креста» // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999; *Самойлова Т.Е.* К истории почитания Петра и Февронии Муромских // Уваровские чтения V. Муром, 2003; *Скрипиль М.О.* Повесть об Улиании Осорьбиной: (Исторические комментарии и тексты) // ТОДРЛ. Т. VI. М.; Л., 1948; *Скрипиль М.О.* Повесть о Петре и Февронии в ее отношении к русской сказке // ТОДРЛ. Т. VII. 1949; *Скрипиль М.О.* Повесть об Улиании Осорьбиной // Русская повесть XVII века. М., 1954; *Соколова В.К.* Рязанские варианты сказки о Петре и Февронии // Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. Вопросы литературы и методики ее преподавания. Рязань, 1970. С. 252—253; *Сухова О.А.* «Града Мурома святые» // Муромский сборник. Муром, 1993; *Тагунова В.И.* К вопросу о появлении культа Петра и Февронии в связи с идейным содержанием их жития и временем возникновения его первоначальной редакции // ТОДРЛ. Т. XVII 1961; *Тагунова В.И.* Муромские списки «Повести об Улиании Лазаревской» // ТОДРЛ. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 414—418; *Толстой М.В.* Юлиания Иустиновна Осоргина, благочестивая и праведная помещица XVI века // *Толстой М.В.* Русские подвижники. М., 1868. С. 67—78; *Толстой М.В.* Юлиания Иустиновна Осоргина, благочестивая и праведная помещица XVI века // Душеполезное чтение. Ч. 1., 1869; *Травчетов Н.П.* Повесть о Чудесах Виленского креста // ВГВ. № 34. 1899; *Чиж В.Ф.* Психология наших праведников // Вопросы философии и психологии. Кн. 84 (IV). М., 1906. С. 295—301; *Шайкин А.А.* Фольклорные традиции в «Повести о Петре и Февронии Муромских» // Фольклорные традиции в русской и советской литературе. М., 1987; *Шилов А.* Осорьбин, Каллистрат Георгиевич, по прозвищу Дружина // Русский биографический словарь. Т. XII. СПб., 1906.

⁷³ См.: *Кривошеев М.В.* Указ. соч.; *Алексеева Л.М.* Характер менталитета создателей муромской повести о Петре и Февронии // Уваровские чтения V. Муром, 2003. С. 103—106; *Алексеева Л.М.* Легенда о Петре и Февронии как возможный ключ к расшифровке древней-

Казалось бы, что пристальный интерес русских ученых XIX в. к изучению летописных источников и фольклорных памятников неизбежно должен был привести если не к аналитической концепции, то, по крайней мере, к накоплению информационной базы истории Муромца. Для того были, как минимум, две причины: частое упоминание Муромца в летописях, о чем уже говорилось, и связь с Муромом одного из центральных персонажей былин — Ильи Муромца. Однако ничего подобного не произошло. Отчасти это можно объяснить самодовлеющим значением текста для исследователей того времени, отсутствием методик его контекстуального изучения. В то же время непонятно отсутствие интереса фольклористов и этнографов к родине былинного героя. Следует отметить, что за первую половину XIX в. из более чем трех тысяч опубликованных в разных изданиях работ по фольклору с названием, упоминающим Муром, есть всего две публикации⁷⁴. За вторую половину века едва ли не единственной попыткой на полевом локальном материале связать с былинной селом Карачарово, родину Ильи Муромца, является статья графини П.С. Уваровой⁷⁵, владелицы этого села. Основной материал по истории и культуре Муромца в то время был собран местными краеведами⁷⁶, однако тради-

шей мифологии Европы // Уваровские чтения V. Муром, 2003. С. 116—120; Смирнов Ю.М. Христианство и язычество в «Повести о Петре и Февронии Муромских» // Рождественские чтения VII. Ковров, 2000. С. 42—45; Смирнов Ю.М. Повесть о благоверной девице Февронии, христианском и языческом менталитете и о реабилитации муромских «святогенов» // Уваровские чтения IV. Муром, 2003. С. 75—81.

⁷⁴ Русский фольклор. Библиографический указатель 1800—1855. СПб., 1996; Муромские леса // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1844. Т. 50. № 197. С. 107—109; Я.П. (Я.П. Протопопов — Ю.С.). Исторические замечания о Муроме // Владимир. Губ. Вед. Прибавление. 1840. 25 мая. № 21. С. 83—84.

⁷⁵ Уварова П.С. К вопросу об Илье Муромце // ЭО, 1882. № 1.

⁷⁶ Добролюбов И.В. Церкви и монастыри в гор. Муроме и его уезде, в конце XVII столетия // ВЕВ. 1885. № 19—22; 1896. № 2, 3, 5, 7; Добролюбов В.П. Беседа православных со старообрядцами, происходившая в с. Борисоглебском // ВЕВ. 1887. № 16, 18; Добролюбов В.П. Путь к глаголемым старообрядцам ко спасению // ВЕВ. 1888. № 17, 18, 20; Добролюбов В.П. Сам Бог вразумляет глаголемых старообрядцев // ВЕВ. 1889. № 5; Добролюбов В.П. Село Борисоглебское Муромского уезда // ВЕВ. 1888. № 5, 6; Добронравов В. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 4. Владимир, 1897; Добротворский Н. Цикл статей «Крестьянские юридические обычаи в Восточной части Владимирской губернии» // Юридический вестник. 1888, № 6, 7; 1899, № 6, 7; 1891, № 10; Добрынкин В. Город Муром прежде и теперь. М., 1903; Добрынкин В.Н. Муромский Богородицкий собор. Владимир, 1915 (на обложке — 1916); Добрынкин Н.Г. Новые находки орудий каменного века близ Муромца // Владимирские губернские ведомости, часть неофициальная. 1877. 16 сент. № 37; Добрынкин Н.Г. Древняя Козьмодамианская церковь в городе Муроме // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. IV. Владимир, 1883. Стб. 45—46; ВГВ. 1883. № 15—16; Добрынкин Н.Г. Священная картина «Плоды страданий Христовых» // Памятная книжка Владимирской губернии. Владимир, 1895. С. 70—72; Добрынкин Н.Г. Следы пребывания доисторического человека в пределах Муромского уезда Владимирской губернии // Владимирские губернские ведомости, часть неофициальная. 1895. 3 мая. № 18. С. 1—3; 10 мая. № 19. С. 3—4; 21 июня, № 25. С. 8—10; 28 июня № 26. С. 9—12; 5 июля № 27. С. 8—11; 12 июля № 28. С. 6—8; Добрынкин Н. Государственные гости в г. Муроме. Владимир, 1884; Добрынкин Н.Г. Государственные гости в г. Муроме 1445—1837 гг. Материалы для истории города Муромца // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. 5. Владимир, 1885; Добрынкин Н.Г. Упоминание о докладе «О резных иконах» Муромца и уезда // Труды VIII Археологического съезда в Москве. 1890. Т. IV. М., 1897. С. 120; Добрынкин Н.Г. О трех воздухах XVII столетия Муромской Воскресенской церкви // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 20. Вып. II. Протокол 58. М., 1904; Добрынкин Н.Г. Памятники древней письменности Спасского монастыря в г. Муроме (Лицевой Синодик и Вкладная книга). Владимир, 1892; Добрынкин Н.Г. Воспоминание о пребывании Московских святынь в г. Муроме в 1812 г. Владимир, 1894; Добрынкин Н.Г. Обретение древних антиминсов в Козьмодамианской церкви в г. Муроме // ВЕВ. 1901. № 15; Титов А. (Письмо) // Журнал мануфактур и торговли.

ционной культуре уделялось далеко не первое место. Приоритет — по веяниям того времени — отдавался «древностям» и «церковным древностям». Недостаток профессионализма авторы этих работ старались искупить за счет энтузиазма и добросовестности⁷⁷.

С 1 января 1838 г. стали выходить «Владимирские губернские ведомости». Через год их редактором назначен Яков Егорович Протопопов. По словам его преемника К.Н. Тихонравова, «с этого времени губернские ведомости становятся истинно Владимирскими»⁷⁸. В газете стали публиковаться исторические этнографические описания состояния отдельных губернских уездов. Я.Е. Протопопов особо указывал на предания, песни, сказки, поговорки, в которых он видел отражение характерных черт местного населения и советовал «услышать от словоохотливых поселян рассказы, имеющие историческую важность или занимательность поэтическую»⁷⁹. Одной из самых первых публикаций о Муроме, о страшных и таинственных Муромских лесах и богатыре Илье Муромце была заметка, подписанная «Я. П—в.» (Я. Протопопов) «Исторические замечания о Муроме». Автор приводил легенду о разбойнике, названном Соловьем, «по своему красноречию»⁸⁰, который якобы в свое время был «главным жрецом Перуновым» в Киеве, «убежавшим отсюда» после принятия князем Владимиром христианской веры. В основу этого сообщения легли сведения так называемой Иоакимовской летописи, приведенные

1837. № 1; *Титов А.А.* Статистическое обозрение города Муром. Владимир, 1900; *Титов А.А.* Взгляд на город Муром // Прибавления к Владимирским Губернским Ведомостям. 1843. №№ 13, 14, 15, 16; *Титов А.А.* Историческое обозрение города Муром. Муром, 1902; *Тихонравов К.Н.* Город Муром его древности и статистика // ВГВ. 1850. №№ 11—21. ЧН; *Тихонравов К.Н.* Город Муром. История его и древности // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии. М., 1857. С. 82; *Тихонравов К.Н.* Статистический список населенных местностей Владимирской губернии. Владимир, 1857; *Травчетов Н.П.* К истории Муромского духовного училища // ВЕВ. № 13. Владимир, 1897; *Травчетов Н.П.* Архив бывшего Муромского Духовного Правления // ВГВ. 1898. №№ 19—20; *Травчетов Н.П.* Грамота царя Алексея Михайловича 1662 и 1672 гг. в Муром воеводам о воспрещении брать подати с бобыльских дворов, взятых в Троицкий девичий монастырь // ВГВ. 1898. № 5; *Травчетов В.Н.* Благословенная храмо-зданная грамота, данная в Предтеченскую церковь г. Муром. 1766 // ВГВ. 1899. № 5; *Травчетов Н.П.* Повесть о Чудесах Виленского креста // ВГВ. 1899. № 34; *Травчетов В.Н.* К истории Честного Животворящего Креста Господня, находящегося в Сретенской г. Муром церкви // ВГВ. 1899. № 35; *Травчетов В.Н.* Дело о богопротивном сне // Труды ВГУАК. Кн. II. Владимир. 1900. С. 69—86; *Травчетов Н.П.* Кого из муромских князей следует понимать под именем «св. благоверного князя Петра, в иночестве Давида, муромского чудотворца?» // Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20—26 июня 1906 г. Владимир, 1909. С. 1—17; *Травчетов Н.П.* Материалы для истории Муромского Троицкого монастыря // Труды ВУАК. Кн. V. Владимир, 1903; *Травчетов Н.П.* Подболотский могильник близ города Муром. Владимир, 1910; *Травчетов Н.П.* Город Муром, его достопримечательности. Очерк истории современного города. Владимир, 1903.

⁷⁷ О муромских краоведах-любителях см.: *Анучкина А.А.* Муромские историки-любители из среды духовенства (Вторая половина XIX — начало XX вв.) // Уваровские чтения V. Муром, 2003. С. 169—174; *Сенчура Т.Е.* Муромский краевед Н.Г. Добрынкин // Муромский сборник. Муром, 1993; *Сухова О.А.* Архивные материалы и публикации муромского краеведа Н.Г. Добрынкина по исследованию памятников медного художественного литья // Русское медное литье. М., 1993. Вып. 2. С. 61—62; *Сухова О.А.* Памятники культовой деревянной скульптуры. По материалам архива муромского краеведа Н.Г. Добрынкина. 1835—1901 // Резные иконостасы Русского Севера. Архангельск, 1995; *Раздорский А.И.* Церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии 1853 г. иеромонаха Иоасафа (В.С. Гапонова) // Уваровские чтения V. Муром, 2003.

⁷⁸ Ежегодник ВГСК.

⁷⁹ ВГВ. Неофициальная часть — далее НЧ. 1840. 25.05. № 21. С. 83—84.

⁸⁰ Там же, С. 83.

В.Н. Татищевым в «Истории Российской»⁸¹ и справедливо названные Н.М. Карамзиным «выдумкой»⁸².

К сожалению, в этой заметке о Муромском богатыре отсутствуют местные предания, и отдается предпочтение литературным измышлениям неустановленного сочинительства. Впервые местные муромские предания были зафиксированы неизвестным жителем с. Карачарово, записки которого опубликовала П.С. Уварова в 1892 г.: «поныне жители с. Карачарова с большим жаром защищают и за неприменную истину выдают в обыкновенных своих разговорах, что Илья Муромец рожден в их Карачарове, был чрезвычайно величественного вида и имел необыкновенную силу»⁸³. Подобные рассказы бытуют до сего времени. Но в настоящее время на Муромской земле не зафиксированы былины, в том числе и песни об Илье Муромце. Хотя в середине XIX в. в соседней с Муромом Нижегородской губернии, в с. Павлово на Оке был записан прекрасный текст об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, опубликованный в «Известиях АН»⁸⁴.

Особый интерес к фольклору обозначился во Владимирских губернских ведомостях (далее — ВГВ) в то время, когда редактором их неофициальной части стал К.Н. Тихонравов (1853—1859 гг.). В эти годы Муромский материал в газету «поставляла» чета Добрынкиных: Николай Гаврилович (1853—1902) и Екатерина Павловна (1850—1917). Оба являлись действительными членами Владимирского губернского статистического комитета. У каждого была своя «специализация»: Н.Г. Добрынкин — историк и археолог — в основном соприкасался с фольклором, публикуя краеведческие статьи о достопримечательных событиях, происходивших в регионе, и приводя, наряду с архивными и печатными источниками, устные предания о самодержцах, посещавших местные города и веси, о пребывании московских святых в городе Муроме и тому подобные материалы несказочной прозы⁸⁵. Он писал «решительно обо всем» и собрал «много материала по истории, естественным богатствам и экономике Муромского уезда»⁸⁶.

Е.П. Добрынкина — прежде всего этнограф, собрала значительный корпус текстов почти по всем жанрам традиционного народного творчества. Ее первая статья, опубликованная в ВГВ в 1872 г. называлась «Деревня Корниловка Муромского уезда (этнографический очерк)»⁸⁷. В следующем 1873 г. в ВГВ была опубликована ее статья «Домашний быт крестьян Заречной стороны Муромского уезда», которую сама автор назвала дополнением к предыдущей⁸⁸. В этих статьях она прослеживает жизнь местного крестьянина от рождения до смерти, сообщая попутно традиционные обряды, подлинные фольклорные тексты колыбельных песен, различные жанры детского фольклора, обрядовые календарные песни колядок, славлений, гаданий, игр, масленичные песни, песни Семика и Троицы, приводит две волшебные сказки «для мальчиков» и «для девочек». Несколько номеров газеты⁸⁹ посвящены свадебному обряду и сопровождающим его песням. Она описывает интерьер избы, рассказывает о том, как проходят «родины», как воспитываются младенцы и дети старшего возраста, какие работы им поручаются. Постепенно вырисовывается этнографический образ местного крестьянина, его характер, интересы, мировоззрение. Статья о Корниловке неоднократно

⁸¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 112.

⁸² Карамзин Н.М. История государства российского. Т. IV. Гл. IX. М., 1988. С. 127.

⁸³ Уварова П.С. К вопросу об Илье Муромце // ЭО. 1892. № 1. С. 192.

⁸⁴ Известия АН. Отделение языка и словесности. Т. 1. Прибавления. СПб., 1852.

⁸⁵ История краеведения в Муромском районе. НА МИХМ. № 225. Л. 25.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ ВГВ. НЧ. 1872 № 17, 18, 20, 23, 24, 26—28; Перепечатка: в трудах ВГСК 1872. В. IX. С. 122—182.

⁸⁸ ВГВ. НЧ. 1873 № 35, 38.

⁸⁹ ВГВ. НЧ. 1873 № 25—28.

перепечатывалась. Большие отрывки были опубликованы в книге П.В. Шейна «Великорус...»⁹⁰.

К сожалению, сверка текстов показала некоторую неряшливость перепечаток Шейна. Так, при воспроизведении детской считалки «Первенчики-венчики» после второго стиха «Сумочки-котомочки» должен следовать стих «Не натканы соло-мочки»⁹¹, стих, пропущенный Шейном. В другой считалке «Клубок мой золотой», вероятно, произошла опечатка, изменившая смысл. У Добрынкиной второй стих звучит так: «Я те (тебя — *авт. ст.*) пряла, потеряла»⁹². У Шейна вместо *те* напечатано отрицание *не*. Обе считалки были опубликованы в Трудах ВГСК. Вып. IX. Шейн ошибочно указал вып. XIV.

В течение 1870—1880 гг. Добрынкина опубликовала в ВГВ еще несколько статей, посвященных фольклору Муромского уезда. Сами заглавия этих статей говорят об их содержании.

В 1874 г. «Обычай хоронения Костромы в Муромском уезде»⁹³. Следует сказать, что обычай хоронения Костромы сохранялся в д. Лазарево еще десять лет назад.

В том же году в ВГВ: «Крестьянская свадьба в Муромском уезде»⁹⁴.

В 1879 г. — «Народные детские песни в Муромском уезде»⁹⁵.

В 1881 г. — «Семик и Троицын день (сельские эскизы)»⁹⁶.

В 1883 г. — «Сговор»⁹⁷.

Кроме того в Ежегоднике ВГСК были напечатаны статьи Добрынкиной: в 1875 г. — «Бытовая жизнь крестьянки в Муромском уезде»⁹⁸; в 1876 г. — «Старые девы в Муромском уезде»⁹⁹.

В Трудах этнографического отдела ОЛЕА и Э¹⁰⁰ был опубликован ее доклад, прочитанный на заседании Общества в феврале 1875 г. «Васильев вечер и Новый год». Текст доклада дополняло послесловие известного собирателя и исследователя фольклора Е.В. Барсова, который подчеркивал научный интерес песен, записанных г-жой Добрынкиной и указывал на то, что доклад, сообщенный собирательницей, дает «понять, что коляда... до дня сего продолжает бытовать не в одной только малой, но и в великой России, даже не в далеких расстояниях от Москвы»¹⁰¹. В 1900 г. Добрынкина выпустила брошюру «Муромская область в ее поверьях, преданиях и легендах»¹⁰², где сообщила предания, связанные с местной топографией: озерами, высотами, пещерами, рассказы о разбойниках и кладах. В ней сообщаются местные сказания об исторических событиях, о святых Петре и Февронии, о разбойнике Семене и его богатствах, зарытых в землю и т.д. Но начинается она с рассказа

⁹⁰ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1. В. 1. СПб., 1898. С. 41—42, 367—371.

⁹¹ Труды ВГСК, 1872. В. IX. С. 133.

⁹² Там же. С. 134.

⁹³ ВГВ. НЧ. 1874. № 6. Эта статья перепечатывалась в Трудах этнографического отдела имп. Общества любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии (ОЛЕА и Э). Т. 13. Кн. 3. В. 1 — 2. М., 1874. С. 100—104.

⁹⁴ ВГВ. НЧ. 1874, № 10—12.

⁹⁵ ВГВ. НЧ. 1879, № 11, 12. Перепечатка: Ежегодник ВГСК. Владимир, 1880. Т. III. Стлб. 239—248.

⁹⁶ ВГВ. НЧ. 1881, № 21, 22. Перепечатка: Ежегодник ВГСК. Владимир, 1883. Т. IV. Стлб. 1—10 (вторая пагинация).

⁹⁷ ВГВ. НЧ. 1883, № 21—23. Перепечатка: Ежегодник ВГСК. Владимир, 1883. Т. IV. Стлб. 14—24 (вторая пагинация).

⁹⁸ Ежегодник ВГСК. 1875. Владимир. Т. I. В. I. Стлб. 119—130.

⁹⁹ Там же. 1876. Т. I. В. II. Стлб. 187—192.

¹⁰⁰ Труды этнографического отдела ОЛЕА и Э. 1877. Т. XXVIII. К. IV. М. С. 69—74.

¹⁰¹ Там же. С. 74.

¹⁰² Добрынкина Е.П. Муромская область в ее поверьях, преданиях и легендах // Памятная книжка Владимирской губернии. Владимир, 1900.

об Илье Муромце, повторяя сообщения Протопопова. Краеведы 1920—1930-х гг. весьма показательно для того времени охарактеризовали деятельность супругов Добрынкиных как «типичнейших краеведов буржуазии кулацкого типа», работы которых были нужны «кулацким идеологам с боязнью перед всем "нерусским", "всем новым" и с раболепством перед прошлым и "стариной"»¹⁰³.

Кроме работ Добрынкиных одиночные публикации Муромских материалов встречаются в ВГВ довольно редко. А. Доброхотов опубликовал одну колядку¹⁰⁴; две песни — духовный стих и балладу в 1872 г.¹⁰⁵ опубликовал Уткин, мещанин (такова подпись в газете). Духовный стих — «Как душа с телом расставалася», баллада «Как князь Роман жену терял». В конце XIX в., после смерти К.Н. Тихонравова, количество этнографических фольклорных материалов в газете постепенно сокращается. В последние годы XIX и начала XX в. пропадают совсем, оставляя место перепечаткам из других изданий, не относящимся к местной традиции.

Некоторые сведения о быте муромских крестьян содержатся в сводке этнографического бюро князя В.Н. Тенишева Владимирской губернии; при этом следует отметить, что его корреспонденты не всегда пользовались оригинальным материалом, а иногда использовали факты из ранее опубликованных работ. Материалы эти были опубликованы в Петербурге в 1993 г.¹⁰⁶ Авторы-составители Б.М. Фирсов и И.Г. Киселева. В книге значительное место уделено быту крестьян Муромского уезда. В разделе I «Физические и природные свойства крестьян» указывается, что муромчане, как правило, «роста среднего, волосы имеют темно-русые, глаза — серые. Физически сильны, здоровы, проворны, ловки»¹⁰⁷. Описывая препровождение свободного времени в обществе, составители приводят тексты двух духовных стихов: «Песнь об Иосифе прекрасном» и «Песнь о Лазаре»¹⁰⁸.

В разделе «Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусство» помещены сведения о низших мифологических персонажах, бытовавших в Муромском уезде: чертях, домовых, леших, русалках, шутах (проклятых юношах), которые женятся на шутках, баннике, ведьмах. Приводятся тексты трех колядок, записанных в деревнях Эфаново и Дьяконово Муромского уезда¹⁰⁹, а также тексты святочных песен и описания обрядов и гаданий под Васильев вечер¹¹⁰.

В 1918 г. в Муроме был организован Музей местного края, открывшийся для посетителей 1 января 1919 г. Созданию музея предшествовали открытие отделения Московского Археологического общества, работа в Реальном училище кружка по изучению природы (1912—1914), а с 1916 г. — Научного общества по изучению местного края¹¹¹, в котором «прекрасно уживались самые разнообразные представители классов и прослоек — 2 дворянина, 16 буржуа, 6 попов, 25 учителей и 12 деятелей земства, агрономов и юристов»¹¹². Цели общества были сформулированы в его уставе: «Изучение Муромского края в естественно-историческом, историко-археологическом, этнографическом, культурном и проч. отношениях и разработка связанных с этим научных вопросов, а также распространение исторических,

¹⁰³ История краеведения в Муромском районе. НА МИХМ. № 225. Л. 25 об.

¹⁰⁴ ВГВ. НЧ. 1865. № 10.

¹⁰⁵ ВГВ. НЧ. 1872. № 5.

¹⁰⁶ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993.

¹⁰⁷ Там же. С. 34.

¹⁰⁸ Там же. С. 86.

¹⁰⁹ Там же. С. 154.

¹¹⁰ Там же. С. 157.

¹¹¹ Сенчукова Т.Е., Купряшина Т.Б. Музейное строительство в Муроме (1918—1950-е гг.) // Музеи Верхней Волги: проблемы, исследования, публикации. Ярославль, 1997. С. 294; Муромский музей. Путеводитель. М., 2003. С. 7.

¹¹² История краеведения в Муромском районе. НА МИХМ. № 225. Л. 26.

естественно-исторических знаний и научных сведений»¹¹³. Однако Февральская революция «свела деятельность общества почти к нулю». Попытки возобновить исследовательскую работу общества в 1918 г. оказались безрезультатными, так как ЧК нашел состав общества контрреволюционным, поскольку некоторые его члены, в частности, А. Жадин, принимали участие в контрреволюционном восстании¹¹⁴.

В скором времени в музей поступили этнографические коллекции, собранные муромскими жителями — академиком живописи И.С. Куликовым, краоведами Н.Г. Добрынкиным и А.Ф. Жадиным. Эти коллекции, несомненно, представляли значительную историческую и научную ценность, однако собственно муромских предметов в них было не так уж много; следует, правда, отдельно оговорить фольклорные записи И.С. Куликова¹¹⁵. По словам О.А. Суховой, Куликов «тонко чувствовал, что декоративно-прикладное искусство тесно переплетено с устным творчеством народа... Поэтому он собирал не только предметы крестьянского искусства, но и словесный фольклор»¹¹⁶. В архиве Муромского краеведческого музея хранятся его записи устного народного творчества — автографы самого художника и его жены Елизаветы Аркадьевны в записной книжке (предположительно 1910 г.), озаглавленной «Народные мотивы. Предания старины, обряды, пословицы, прибаутки». Ими собран значительный материал: песни, частушки, поговорки, заклинания. Отдельно существуют записи частушек, вероятно, 1920-х гг. Дочь художника Т.И. Беспалова сообщала, что в основном эти записи проводились в Муромском уезде. Чаще всего это происходило во время работы художника на пленэре. Когда он писал этюды, жена по его заданию совершала фольклорные «миниэкспедиции». Среди этих записей особый интерес представляют два заклинания.

№ 1: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Ангел Господень, Архангел Михаил и Гавриил, с полночной зари за оградой каменной, Николай, Божий Чудотворец, утренней зари за оградой каменной, огради меня, раба Божия, крещеного и молитвенного, и затвори меня тремя дверьми, и замкни меня тремя ключами, и понеси сии ключи под кит-камень, подай ключи щуке-рыбе, что сие океан-море выпьет, то меня раба Божьего, крещеного и молитвенного, осудят (И говорить: “Во веки веков, Аминь и Аминь во Аминь. Аминь (трижды)”).».

№ 2: О любви под созвездием планеты.

«Звезда, называемая пастух Венеры, по нашему звезда Зарница, которая восходит с Солнцем и заходит с месяцем. Взять той особы три волоса и связать [со] своими тремя и говорить: “Отело (так!) полюби меня действительною силою”, а делай, когда солнце будет восходить и увидишь звезду. Смотри на нее и делай: “Как плоть и похоть сохнет, так бы раб Божий имя рек во дни при солнце, в нощи при месяце на молоде, и на сходе, и на повороте солнца. Зубы мои замок, а ключ в море (трижды)”).».

Можно предположить, что вливание в муромский музей значительных частных исторических и художественных коллекций уже названных краеведов, графов Уваровых, собраний, конфискованных ВЧК после белогвардейского восстания 1918 г., наполнив фонд молодого музея ценными экспонатами, на некоторое время сняли острую необходимость собирательской работы. Кроме того, в музее не было профессионального этнографа, и в силу авторитета деятельности А.С. Уварова,

¹¹³ Устав Муромского научного общества по изучению местного края. 1916 г. НА МИХМ. № 225.

¹¹⁴ История краеведения в Муромском районе. НА МИХМ. № 225. Л. 28.

¹¹⁵ См.: Сухова О.А. Этнографическая коллекция И.С. Куликова в собрании Муромского музея: история и судьба // Музеи Верхней Волги: проблемы, исследования, публикации. С. 63—85.

¹¹⁶ Там же. С. 75.

первого российского археолога, в первые десятилетия работа музея в значительной мере была связана с археологическими исследованиями; среди девяти отделов музея этнографического отдела не было¹¹⁷. Конец археологическим приоритетам, за приверженность к которым музей не раз критиковали, был положен в 1931 г. статьей П.М. Экземплярского¹¹⁸. После этого долгое время музей был ориентирован на «отображение советского строительства» и перестал, по мнению властей, «быть свалкой всякой старины и редкостей, приводивших посетителей в умиление перед прошлым»¹¹⁹.

За эти годы в области изучения традиционной культуры края можно отметить проведенное, видимо, в преддверии нового административного размежевания территории на округа, исследование И.П. Богатова «Сталеслесарная промышленность Владимирской губернии», в котором основное внимание уделяется правобережью, входившему тогда в Муромский уезд¹²⁰. На заседаниях научного общества при музее заслушивались доклады «Следы древнейших культов в Муромском крае», «Свадебные обычаи в Муроме»¹²¹, и при этом «ни одного доклада по истории классовой борьбы»¹²². В целом же многие издержки в работе музеев того времени объяснялись просто: «Все музеи нашей губернии — детища революции. Отсюда вполне естественно, что в большинстве их не хватает квалифицированных работников»¹²³. В это время (1923) в с. Поздняково действует единственное в уезде волостное краеведческое объединение, усилия которого направлены на собирание названий местностей, преданий, фамилий и прозвищ, частушек и песен¹²⁴.

Из значительных этнографических поступлений в фонды музея в этот период следует отметить материалы экспедиций 1926—1927 гг. Г.С. Масловой, входивших в состав комплексной экспедиции Московского антропологического института. Исследовательницу в основном интересовал народный костюм. Ею было собрано около двухсот предметов, сто три из них вместе с полевыми документами поступили в муромский музей¹²⁵. Собранные материалы впоследствии были использованы Г.С. Масловой в работах по картографированию распространения народной одежды и в отдельных статьях¹²⁶.

¹¹⁷ См.: *Иванов А.И.* Музейное дело во Владимирской губернии за время революции // Труды Владимирского Государственного Областного Музея. Вып. II. Владимир, 1926. С. 10, 24.

¹¹⁸ *Экземплярский П.М.* Увязка истории с современностью по-владимирски // Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново-Вознесенск, 1931. С. 38—40; см. также: *Формозов А.А.* Муромские исследователи каменного века // Уваровские чтения III. Муром, 2001. С. 233.

¹¹⁹ История краеведения в Муромском районе. НА МИХМ. № 225. Л. 28 об.

¹²⁰ *Богатов И.П.* Сталеслесарная промышленность Владимирской губернии. (В библиотеке Муромского музея имеется отдельный оттиск без титульного листа и выходных данных.)

¹²¹ *Преферансов И.* Следы древнейших культов в Муромском крае; *Донской А.В.* Свадебные обычаи в Муроме // Доклады членов Муромского научного общества. 1916—1929. МИХМ. НА-339.

¹²² История краеведения в Муромском районе. НА МИХМ. № 225. Л. 28 об.

¹²³ За три года. Музеи Владимирской губернии и их работа в 1926—1928 годах. С. 3 (Отдельный оттиск без выходных данных; «Статья эта представляет из себя сводку тех материалов, которые по запросу Владгубмузея представили местные музеи (к сожалению, не все и не с одинаковой полнотой), а также которые были извлечены из архива Владгубмузея за 1926—1928 годы». С. 3.)

¹²⁴ История краеведения в Муромском районе. НА МИХМ. № 225. Л. 30 об.

¹²⁵ За три года... С. 6; *Уколова М.Г.* Этнографическая экспедиция Г.С. Масловой 1927 г. (К вопросу о традиционном костюме Муромского уезда) // Рождественские чтения. Ковров, 1995. С. 109—112.

¹²⁶ *Маслова Г.С.* Опыт составления карт распространения русской народной одежды // КСИЭ. Вып. 22. М., 1955; *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — нач. XX в как материал к этнической истории народа (по данным Русского историко-этнографического атласа) // СА. 1956. № 4. С. 18—31; *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточно-славянских традиционных обычаях и обрядах XIX — нач. XX в. М., 1987.

В период с 1963 по 1969 гг. Институт этнографии АН СССР проводил комплексную экспедицию во Владимирскую область с целью рассмотреть синхронное состояние традиционного фольклора в селе 1960-х гг. В состав экспедиции входили этнографы, фольклористы, музыковеды, искусствоведы, художники и фотограф. Кроме сотрудников Института этнографии были приглашены работники Московской государственной консерватории, Научно-исследовательского института художественной промышленности, Высшей партийной школы. В течение семи лет состав участников менялся. В основной его костяк вошли Э.В. Померанцева (руководитель), Н.В. Новиков, С.И. Дмитриева, Т.С. Макашина, Г.А. Носова, Б.И. Рабинович и др. Ими был собран большой материал, состоящий из текстов и нот песен, описания обрядов и поверий, записей сказок, быличек, преданий, сведения о детском фольклоре. Результатом этой работы стал сборник «Традиционный фольклор Владимирской деревни в записях 1963—1969 годов»¹²⁷.

Книга делится на две части. Первая состоит из статей участников экспедиции: «Собирание и изучение фольклора Владимирской области» (Н.В. Новиков, Э.В. Померанцева), «Современное состояние традиционного фольклора» (С.И. Дмитриева), «Пережитки обрядов и верований в традиционном фольклоре» (Г.А. Носова), «Музыкальные записи народных песен» (Б.И. Рабинович). Во второй части книги были сосредоточены фольклорные тексты и описания традиционных обрядов и праздников — всего 142 номера. Несмотря на то, что центром их стационарной работы было село Борисоглеб Муромского района, составители не ограничились этим регионом, стремясь осветить состояние традиции в целом по всей области. Основным их выводом стали слова С.И. Дмитриевой: «Репертуар современного старшего поколения, которое в 20-е гг. относилось к молодому, остался примерно таким же, каким был в то время. Для него характерно преобладание городского романса и частушек и почти полное отсутствие произведений традиционного фольклора»¹²⁸. Тем не менее, Б.И. Рабиновичу удалось записать ряд старинных песен от женщин 50—70-ти лет: «Пожилой возраст хороших певиц не служит препятствием для верной и выразительной передачи музыкально-фольклорного наследия, которым они располагают»¹²⁹. Автор считает, что музыкальный фольклор «гибнет, если не возрождается регулярно в устной традиции того или иного места, его охрана — в поддержании его постоянного звучания»¹³⁰.

К сожалению, составители книги по идеологическим соображениям не имели возможности опубликовать собранный ими большой материал, широко распространенный в области и в Муромском районе, в частности, так называемой «несказочной прозы» о современных верованиях в колдунов, ведьм, леших, домовых и т.д.

С 1974 по 1988 гг. Муромский музей на правах филиала входил в состав Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Кроме многих других неудобств, это осложняло собирательский процесс, поскольку все новые приобретения требовалось предоставлять на закупочную комиссию во Владимир. Правда, в этот период стали проводиться собирательские экспедиции, но, как вспоминала директор музея О.А. Лукина, «приобретать вещи у нас не было стимула, так как их следовало сразу сдавать во Владимир»¹³¹. С 1995 г. закупочно-этнографические экспедиции стали проводиться в музее регулярно. Первые две были совершены по маршруту экспедиций Г.С. Масловой; весьма интересно, что в ходе их были приобретены

¹²⁷ Традиционный фольклор Владимирской деревни в записях 1963—1969 годов / Отв. ред. Э.В. Померанцева. М., 1972.

¹²⁸ Там же. С. 63.

¹²⁹ Там же. С. 11.

¹³⁰ Там же. С. 112.

¹³¹ Лукина О.А. От советского музея к историко-художественному (Муромский музей: взгляд изнутри) // Музеи Верхней Волги: проблемы, исследования, публикации. Ярославль, 1997. С. 42.

вещи, аналогичные тем, которые в двадцатые годы приобрела исследовательница. Несколько последующих экспедиций проводились при поддержке грантов¹³². По условиям грантов исследования в ряде случаев проходили на территориях, ныне не входящих в Муромский округ, но некогда принадлежавших Муромскому уезду. В результате экспедиций этнографическая коллекция музея значительно пополнилась. Достаточно отметить, что если в начале 1980-х гг. в собрании музея было только два вышитых полотенца, то теперь их стало около двухсот. Полевые записи поступили в научный архив музея.

В течение нескольких лет, начиная с 1984 г. в Муроме в рамках фольклорно-диалектологической практики студентов филологических факультетов проводились экспедиции Таджикского государственного университета и Таджикского педагогического института русского языка и литературы (Душанбе). В ходе работы был собран обширный фольклорный материал: только частушек записано более трех тысяч. Опубликовать собранный материал не успели, и он был утрачен в ходе гражданской войны в Таджикистане. В последние годы Муромским Домом народного творчества также проводятся фольклорные экспедиции. Их материалы используются в работе фольклорных коллективов Дома. Муромское краеведение пятидесятих-девяностых годов прошлого века не оставило заметного следа в изучении традиционной культуры. Идеологические установки того времени ориентировали краеведов на совершенно иные темы, выходящие за рамки данной статьи. Да и те изыскания краеведов в лучшем случае выливались в коротенькие заметки в городской газете или заводских многотиражках. Невозможно не согласиться с замечанием М.Н. Тихомирова о том, что «представления о небывалой славе своих городов весьма типичны для многих бытописателей истории разных городов и нередко встречаются в сочинениях... даже нашего времени»¹³³. Это замечание полностью описывает муромское краеведение того времени. К сожалению, этих недостатков не удалось избежать даже на краеведческой конференции «Добрынкинские чтения», в течение нескольких лет проводившейся в музее.

К этому следует прибавить, что население Мурома к восьмидесятым годам по сравнению с серединой двадцатых выросло в семь раз, и весьма значительную его часть составляли «горожане в первом поколении», переселившиеся из окружающих деревень. При всем стремлении новых жителей поскорее стать настоящими горожанами, их отличия были очевидны и в речи, и в одежде, и в манере поведения, и в обычаях. Даже в семидесятые годы, пока молодожены всей страны не стали совершать введенное сверху паломничество к вечному огню, в Муроме на улицах часто можно было встретить традиционные деревенские свадьбы с ряжеными, выворотками, гармошкой, забористыми частушками. Мало сказать, что коренные горожане относились к этому свысока. Откровенная маргинальность культуры городских неофитов вкупе с официальной установкой на «стирание различий между городом и деревней» создавали откровенное отношение к традиционной культуре как к культуре «второго сорта». Кстати, некоторые представители муромской интеллигенции до сих пор, например, считают частушки «низким жанром».

Некоторая активизация изучения и заполнения белых пятен локальной истории произошла в последние пятнадцать лет, в значительной степени благодаря «Уваровским чтениям»¹³⁴ — научной конференции, раз в три года проводимой

¹³² См., например: *Смирнов Ю.М.* Муромский историко-художественный музей: экспедиция 99 // Вестник Ассоциации музеев России. Выпуск 4, осень 1999. Приложение. С. 52.

¹³³ *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города // Уч. зап. МГУ. Вып. 99. М., 1946. С. 75.

¹³⁴ Уваровские чтения. Тезисы докладов. Муром, 1990; Уваровские чтения II. Муром, 21—23 апреля 1993 г. М., 1994; Уваровские чтения III. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность: Материалы научной конференции, посвященной 900-летию муромского Спасо-Преображенского монастыря. Муром, 17—19 апреля 1996 г. Муром, 2001; Уваровские чтения IV. Богатырский мир: эпос, миф, история. Муром,

Муромским историко-художественным музеем. В части исследований, касающихся Мурома, они в значительной степени произвольно сохраняют традиции, заложенные местными краеведами еще до революции, т.е. основное внимание уделяется археологии, церковным древностям и архитектуре, житиям муромских святых¹³⁵. Многие из этих работ, как, впрочем, и ряд других, помещенных в сборниках конференции¹³⁶, в той или иной степени затрагивают вопросы традиционной культуры края. Бытованию фольклорной традиции, связанной с преданиями об Илье Муромце, посвящена работа О.А. Суховой «Муромский миф о богатыре Илье: история и современность»¹³⁷. Некоторые вопросы материальной культуры муромского горожанина XVIII — начала XX вв., связанные, прежде всего, с бытом, рассмотрены в работах Е.И. Сазоновой¹³⁸, которые в известной степени дополняются исследованиями В.Я. Чернышева¹³⁹.

Характеристика основных черт традиционной культуры восточной части Владимирской области, куда входит и Муромский край, дана Н. Данченковой

14—16 апреля 1999 г. Муром, 2003; Уваровские чтения V: Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Муром. Муром, 14—16 мая 2002 г. Муром, 2003.

¹³⁵ См.: Уваровские чтения. Тезисы докладов. Муром, 1990; Уваровские чтения II. Муром, 21—23 апреля 1993 г. М., 1994; Уваровские чтения III. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность: Материалы научной конференции, посвященной 900-летию муромского Спасо-Преображенского монастыря. Муром, 17—19 апреля 1996 г. Муром, 2001; Уваровские чтения IV. Богатырский мир: эпос, миф, история. Муром, 14—16 апреля 1999 г. Муром, 2003; Уваровские чтения V: Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Муром. Муром, 14—16 мая 2002 г. Муром, 2003.

¹³⁶ См., например: *Астахина Л.Ю.* Письменные памятники города Муром XVII века как источник по истории русского языка и быта // Уваровские чтения III. Муром, 2001; *Большакова Н.В.* Церковное строительство Ивана Грозного по пути следования его войска в Казань в 1547—1552 гг. // Уваровские чтения V. Муром, 2003; *Волостнов С.А.* История голода и продовольственного обеспечения до середины XIX в. (По материалам Владимирской и Костромской губернии) // Уваровские чтения V. Муром, 2003; *Петерс Д.И.* Архивные документы о пожаловании наградными медалями жителей г. Муром и малых городов Российской империи в первой трети XIX в. как исторический источник // Уваровские чтения V. Муром, 2003; *Седов В.В.* Из этнической истории Муромской округи во второй половине I тысячелетия н. э. // Уваровские чтения II. М., 1994; *Селин А.А.* Посвящения сельских церквей XVI — XVIII вв. Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Опыт исследования и сравнительный анализ // Уваровские чтения V. Муром, 2003; *Слюнькова И.Н.* Дворянская усадьба в системе расселения Муромского края конца XVIII — середины XIX вв. // Уваровские чтения V. Муром, 2003; *Черкасова М.С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в Муромском уезде в XV—XVII веках // Уваровские чтения III. Муром, 2001; *Черкасова М.С.* Монастырские крестьяне и феодалная рента в Муромском уезде в XVII — начале XVIII вв. (По архиву Троице-Сергиевой Лавры) // Уваровские чтения V. Муром, 2003; см. также: *Черкасова М.С.* Аграрные технологии в вотчине Троице-Сергиева монастыря в первой половине XVII века: земля и люди // Аграрные технологии в России IX—XX вв.: Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 90, 95, 98; *Черкасова М.С.* Зажиточные крестьяне Троице-Сергиева монастыря в конце XVI—XVII вв.: Тягло, наделы, денежная рента // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 83. Табл. 1.

¹³⁷ *Сухова О.А.* Муромский миф о богатыре Илье: история и современность // Уваровские чтения IV. Муром, 2003.

¹³⁸ *Сазонова Е.И.* Дом и усадьба жителя города Муром в XIX в. // Уваровские чтения V. Муром, 2003; *Сазонова Е.И.* Материальная культура и быт русского провинциального города конца XVIII — начала XX вв. (на примере городов Владимирской и Ярославской губерний). Автореф. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002.

¹³⁹ *Чернышев В.Я.* Топография расселения посадских семейств г. Муром XVII — первой половины XIX вв // Культурно-историческое наследие русского города: Материалы научной конференции. V Плесские чтения. Плес, 2001. С. 114—121; *Чернышев В.Я.* Социоэкономическая история Московской улицы г. Муром XVII — начала XX в. Муром, 2004; *Чернышев В.Я.* Муром. Краткий путеводитель. Прогулки по Мурому. Кн. 2. Муром, 2004.

в статье «Пространственный образ в крестьянском фольклоре Восточной Владимирщины»¹⁴⁰. Автор указывает, что в конце XIX — начале XX в. здесь сложилась своеобразная крестьянская культура с яркой фольклорной традицией, элементы которой — похоронно-поминальные обряды, причитания, духовные стихи — не утратили своего значения в деревенском быту до сих пор. Истоки своеобразия Н. Данченкова не без основания видит в исторических условиях, отделивших регион от пространственно недалеких Москвы и Владимира и связавших его «крепкими узами с Поволжьем». «Это высокоразвитый земледельческий район с предпринимчивым, подвижным населением. Крестьянский уклад здесь был чужд консервативной патриархальности: обрабатывание земли сочеталось с занятием ремеслами, отходничеством»¹⁴¹. Одной из особенностей региона исследовательница считает «известную открытость культурного пространства», в котором деревни и села объединяются в своего рода обширные землячества, а это, в свою очередь, объясняет существование похожих напевов в песенном фольклоре на территории нескольких приходов. Также в статье отмечается постоянное взаимовлияние города и деревни и сильное воздействие старообрядческой культуры, рассматриваемой «как импульс к творчеству внутри устной традиции на прочной христианской основе»¹⁴².

Наиболее полной систематической сводкой по истории и культуре к настоящему времени является вышедшая в 2001 г. «История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века»¹⁴³, однако, во-первых, перед этим изданием не ставились исследовательские задачи и, во-вторых, формам традиционной культуры там уделено весьма мало внимания. Таким образом, даже беглое рассмотрение вопросов традиционной культуры, намеченных или затронутых в исследованиях о Муроме, показывает отсутствие системы изысканий, мозаичность, недостаточную разработанность отдельных тем, дефицит зафиксированного фактического материала, несформулированность проблем. В то же время наметившаяся в последние полтора десятилетия тенденция к активизации изучения социально-экономической, политической, религиозной, культурной истории Муромского края позволяет со всей определенностью сказать, что изучение традиционной культуры края — это уже не самоцель, а необходимость, поскольку решение многих исторических проблем невозможно без знания и учета традиции.

В 2003—2005 гг. Государственный республиканский центр русского фольклора проводил комплексную экспедицию в Муромский район. В ее состав входили филологи, искусствоведы, музыковеды и хореографы. Некоторые предварительные результаты работы были опубликованы в статьях журнала «Живая старина». В.Е. Добровольская обратила внимание на множество свидетельств об обрядовом печенье в Муромском регионе. Были зафиксированы различные типы зимних печений: «коляды», «кокурки», «козьи ножки» («копытца»), «баусеньки», «кресты», «орехи». Добровольская собрала множество рецептов, а вместе с тем указала песенный репертуар, сопровождающий дарение этого печенья. Указаны приметы, связанные с изготовлением и употреблением обрядового печенья¹⁴⁴.

В «Живой старине» помещены тематические статьи, посвященные Муромским экспедициям Центра:

¹⁴⁰ Данченкова Н. Пространственный образ в крестьянском фольклоре Восточной Владимирщины // Творчество. 1994. № 1—4. С. 47—49.

¹⁴¹ Там же. С. 48.

¹⁴² Там же. С. 49.

¹⁴³ История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. Муром, 2001.

¹⁴⁴ Добровольская В.Е. Зимнее обрядовое печенье Муромского района Владимирской области // Живая старина. 2005. № 2. С. 24—26.

В.Е. Добровольская. «“Грозные” праздники в системе календарных дат Муромского района»¹⁴⁵ — о летних праздниках, во время которых часто бывает гроза.

Н.Е. Котельникова. «Несказочная проза Муромского района»¹⁴⁶ — о быличках, преданиях, в основном, топонимических, легендах (о помощи святым), об Илье Муромце — уроженце местного с. Карачарово, а также о рассказах о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

А.Г. Кулешов. «Деревянная резьба в Гороховецком и Муромском районах»¹⁴⁷ — об архитектурном резном декоре, деревянной мебели и утвари.

С.В. Просина. «Художественный текстиль Муромского района — о лоскутных половиках, ручной вышивке, кружевоплетении и вязании»¹⁴⁸.

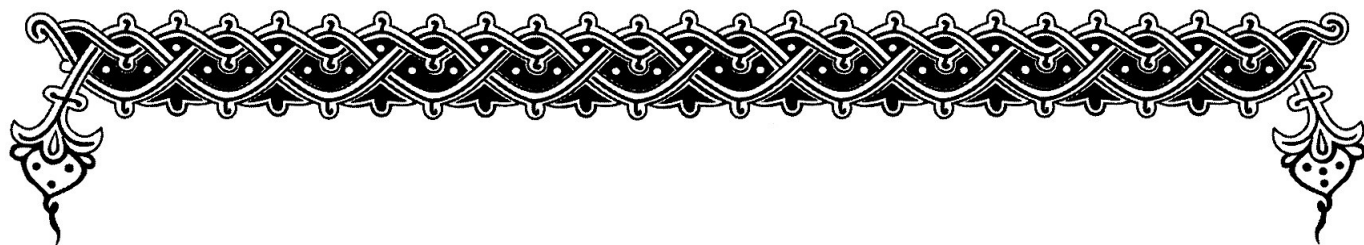
Все эти материалы в расширенном и дополненном виде вошли в настоящее издание.

¹⁴⁵ Добровольская В.Е. «Грозные» праздники в системе календарных дат Муромского района // Живая старина. 2005. № 2. С. 18—21.

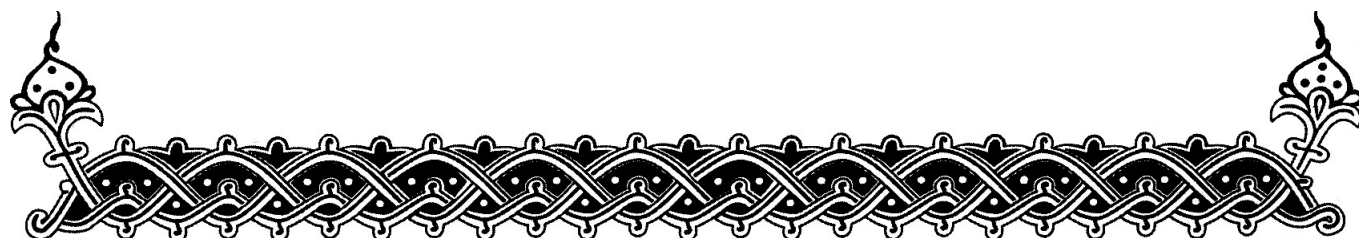
¹⁴⁶ Котельникова Н.Е. Несказочная проза Муромского района // Там же. С. 21—24.

¹⁴⁷ Кулешов А.Г. Деревянная резьба в Гороховецком и Муромском районах // Там же. С. 24—26.

¹⁴⁸ Просина С.В. Художественный текстиль Муромского района // Там же. С. 26—28.

**Народный календарь
Праздники
Семейные обряды**

Народный календарь

Составитель и автор статьи

В.Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

45

Свадьба

Составитель

И.Е. ПОСОХА

81

Проводы в армию

Составитель

И.Е. ПОСОХА

140

Похороны

Составитель

В.Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

151

Народный календарь

Народный календарь — сложное многожанровое явление, складывающееся на протяжении многих десятилетий в рамках той или иной локальной традиции. Он представляет собой комплекс правил метеорологического и агрономического характера, практических знаний, магических обрядовых действий и суеверных представлений. В рамках календарного цикла активно функционируют многие жанры песенного фольклора. Исследуя отдельные элементы календарного фольклора, необходимо учитывать, что они не существовали в народной культуре изолированно, а складывались в результате сложных процессов, присущих фольклорной традиции. Именно поэтому календарный фольклор необходимо рассматривать, учитывая как собственно тексты, так и внутрифольклорный и более общий внутрикультурный контекст, оказавший влияние на формирование репертуара.

Календарь выполнял функцию регулятора жизни крестьянской общины, своеобразной энциклопедии народного быта, определяющей сроки хозяйственных работ, праздники и будни, социальные и семейные взаимоотношения людей.

На Руси существовало два календаря: церковный и светский. Народный календарь представляет собой их соединение. После принятия христианства церковь повела борьбу с языческими праздниками и обрядами. В повседневный обиход вводились церковные святцы, в которых каждый день был посвящен какому-либо святому. В народной среде достаточно долго сохранялось обожествление различных природных стихий. В результате взаимодействия церковного календаря и народных верований возникли так называемые «народно-бытовые святцы», в которых святым приписывалась способность влиять на погоду, здоровье, урожай и т.п.

Наши исполнители делят календарные праздники на не имеющие четкой даты («скользящие») и приуроченные к определенному дню. Именно в рамках этой логики народный календарь органично включен в общефольклорный и общекультурный контекст и, соответственно, каждый календарный цикл представляет собой комплекс разножанровых явлений.

Необходимо также отметить, что народный календарь — это не только определенные дни, но и целые календарные циклы, сгруппированные вокруг одного или нескольких дней.

Безусловно, муромский народный календарь имеет свои отличительные особенности, связанные с природно-климатическими условиями, хозяйственным и культурным укладами. К сожалению, современные записи не дают возможности представить его в том сложном и разнообразном виде, в каком он был известен жителям Муромского уезда в прошлом. С изменением социальных и хозяйственных факторов одни праздники забылись, другие утратили обрядовые черты. В настоящее время сохранились лишь отдельные элементы некогда богатой календарной традиции. В основном это календарные праздники, хотя, безусловно, в записях экспедиций Государственного республиканского центра русского фольк-

лора есть материалы, связанные с делением года на сезоны, характеристика месяцев, дней недели и того или иного времени суток, взаимоотношение постов и мясоедов, праздников и буден и т.д. К сожалению, мы не можем представить весь этот материал в рамках одной статьи.

* * *

РОЖДЕСТВО. СЯТКИ. КРЕЩЕЬЕ

Святками называется период народного календаря от праздника Рождества Христова до Крещенья. Он был насыщен большим числом обрядовых действий.

Рождество считалось семейным праздником, на который съезжалась вся родня. Однако основные обрядовые действия не были связаны с приездом гостей. Собственно на день Рождества приходился только обычай «славить Рождество», все остальные обрядовые действия рассредоточены по другим святочным дням.

По современным записям можно выделить несколько наиболее ярких элементов святочной обрядности.

Обычай «славить Рождество»

Утром, после церковной службы, маленькие дети бегали из дома в дом и с разрешения хозяев исполняли христославия:

«Утром детки бегали маленькие, Христа славили. С утра бегали. Кто раньше» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

«Вот только служба закончится, ну, совсем рано утром дети Христа бегали славить. Старались раньше всех» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

«С утра после службы христославщиков ждали. Ребятишки бегали. Им давали чего-то. Кто конфетку, кто чего пекли» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139).

Христославия — это небольшие песни, в основу которых легли церковные песнопения, повествующие о сущности праздника Рождества (ирмос первой песни рождественского канона «Христос рождается», тропарь праздника «Рождество Твое Христе Боже Наш» и кондак Рождества Христова «Дева днесь Пресущественного рождает»). В народной традиции в единый текст объединены различные элементы этих молитвенных песен. В связи с тем, что церковная служба ведется на старославянском языке, многие незнакомые слова, а иногда и целые предложения переделываются на более привычные. Христославщикам подавали что-нибудь из выпечки или деньги.

Если христославщиками были в основном маленькие дети, то большинство обрядовых действий святочного цикла совершалось молодежью.

Обычай колядовать

С первого дня Рождества девушки (иногда вместе с парнями) начинали колядовать. Собравшись в небольшие группы, они по вечерам приходили под окна и пели колядки.

«С Рожества колядуют. Под окнами девки и парни колядки поют. Чаше девки одни, но и с парнями было» (Антонова З.А., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1141).

«Все Святки вечерами под окнами колядуют. Девки собираются и поют под окнами колядки. Колядуют» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Иногда считают, что колядовать можно только в Старый Новый год.

«Мне вот говорили, что колядуют только под Старый Новый год. Но у нас колядуют все Святки» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224).

«Колядуют только под Васильев вечер, а так нет — в Рождество Христа славят» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд).

Однако чаще полагали, что колядуют в Рождество, а под Новый год, т.е. в Васильев вечер, поют овсениевые песни, которые в Муромском уезде называются «таусень / усень / баусень».

«Колядуют-то в Рождество. Вот с Рождества до Василия, тут у нас колядки. Девки одни, а иногда и с парнями ходят и кричат под окошками коляду. Им подают что-нито. А уж с Василия — тут баусень кричат. Им подают баусеньки такие из теста» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142);

«У нас и колядки были и таусени. От Рождества до Василия — коляду кричали, а потом до Крещения таусень. Колядуют девки больше, а таусень все ходили, и девки, и парни» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136).

И те, и другие песни исполнялись молодежью под окнами, и соответственно тем, кто пел колядки и таусени, подавали. Большинство исполнителей указывают на то, что во времена их молодости подавали то, что было в доме. Некоторые из них отметили, что обязательным элементом благодарности поющим являлось обрядовое печенье. Причем, колядовщикам подавали печенье, имевшее, чаще всего, форму кружочков или восьмерок, а исполнителям овсений — форму птицы. Первое чаще всего называли колядками или кокурками, а второе — баусенькой:

«Так-то плохо жили. Подавали им что в доме есть. Но мама вот пекла специально кокурки и вот как коляду кричат — она им кокурки и подавала. А когда усень пели, такие пекла — как птички. Это баусеньки» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079);

«У нас только коляду кричали. И вот им в окошко кокурки подавали и какой-нито еды еще. Там пироги, сало, что есть. А вот там дальше, там под Василия кричали таусень. И вот они подавали там баусеньки. Такие из теста, ну вот треугольник и шарик и вроде как крылышки. Баусенька такая была» (Мясникова Т.А., 1936 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Обойдя дома односельчан и получив вознаграждение за пение, молодые люди устраивали совместную трапезу из собранных продуктов:

«Вот они обойдут все дома и вот где-нибудь соберутся. Соберутся в избе какой. Снимали избу. Ну, где одинокие жили и вот стол накрывали из всех этих продуктов, что собрали» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075).

Иногда, если подавали деньги, на них покупались сладости и, значительно реже, вино:

«Если вот денежки подавали, то уж тут накупят конфетов, баранков, а так просто вместе в какой-нито избе собирались и ели, песни пели, пляска была» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Все больше на денежки эти сладости покупали, конфеты такие были “падушечки” вот их покупали. Вино редко покупали. Это все позже стало, а так сладости» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд).

Ряжение

Еще одним обрядовым действием, выполняемым на Святки, было ряжение:

«На Святки у нас рядились. Кто во что горазд. Кто в солдата, кто в цыганку, кто как» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Ой, как у нас рядились. Кто шубу навыворот оденет, кто что. Кто цыганами, кто солдатом, кто доктором. Молодежь веселилась на Святки» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Надо отметить, что в Муромском крае ряжение не было уделом только молодых людей. Рядились и взрослые:

«Рядилась не только молодежь, и взрослые рядились, и вот я помню старухи. Все своими компаниями, но ходили» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Вся деревня рядилась, сегодня одни, завтра другие. В основном молодежь, но и старшие ходили» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Иногда ряженных называли «святками»:

«Тех, кто рядился, называли святками. “Ой, святки идут”. Страшно. Рябятишки прятались. Страшные» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075);

«У нас святками ходили. Рядились и ходили. “Святки идут”. Готовились к их приходу» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

Рядились чаще всего в вещи, имевшиеся под рукой:

«Рядились кто во что. В шобол какой. Кто старые сарафаны, кто шубу навыворот. В тряпье какое. Чем чуднее, тем лучше» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Вот по сундукам всякое старье рядили. Чего найдут, то и нацепят. Любое тряпье. Занавески старые, подзоры, юбки — все в дело» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Иногда участники действия разыгрывали целые сцены.

«Чаще так ходили. Там что на ум придет. А то бывало, лошадь какую продавали, там или доктор лечил» (Мокеева Н.К., 1921 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Вот бывало фининспектором наряжались и давай налог собирать. Или там доктором, давай всех лечить» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

Ряженым подавали, и они так же, как и колядовщики, устраивали складчину:

«Святок всегда кормили, подавали им что-нето. Они потом собирались в избе у кого-то и там уж устраивали обед. Все что собрали на стол!» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Если ряженные в дом приходили, то им подавали какой еды, кто пирог даст, кто сало, что было подавали. Они потом в складчину застолье устраивали» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

Гадания

Комплексные исследования традиционной культуры Муромского округа свидетельствуют о хорошо развитой системе гаданий в этом регионе. Как известно, данный ритуал направлен на установление контакта с потусторонним миром для получения знаний о будущем. Гадание чаще всего совершалось в пограничные временные периоды.

В муромской традиции основным периодом гаданий были Святки. Причина этого очевидна. Святки в народном календаре имели особое мифологическое значение, которое определялось пограничным характером этого периода. В это время заканчивается старый и начинается новый год, празднуется один из главных праздников христианской церкви. Но в то же время Святки — опасный период, поскольку представители нечистой силы активно вторгаются в мир людей¹. Именно характерная для этого периода временная пограничность и переходность способствуют наполнению святочного комплекса гаданиями.

Святочные гадания о замужестве

В основном святочные гадания Муромского округа представляют собой девичьи гадания о женихе². Совершенно очевидно, что «анализ вариантов девичьих гаданий выводит нас на тему общения участников <...> с потусторонними силами, миром мертвых, “душами предков” или их символическими игровыми воплощениями»³.

По принципу действия и по типу используемых предметов их можно разделить на несколько групп.

¹ Подробнее о мифологическом значении Святок см.: Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957; Богатырев П.Г. Народный календарь // Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 202—226.

² Необходимо однако отметить, что нами зафиксированы гадания о судьбе и хозяйственном благополучии, которые совершали и другие члены сельской общины.

³ Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX—XX вв.). М.: Индрик, 2004, С. 712. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)

Прежде всего это гадания на выслушивание судьбы.

Самым распространенным гаданием такого типа было слушание на перекрестке, во время которого девушки пытались услышать звук, предвещающий свадьбу. Таким звуком мог быть лай собаки, громкий или резкий звук, колокольный звон и т.п.:

«У нас вот на перекресток бегали слушать. Выйдут и слушают откуда послышится. Вот если где собака залает — в той стороне и жених» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079);

«На перекресток ходили. Слушали с какой стороны колокольцы звякнут. С той — оттуда жених, с той — оттуда» (Нестерова А.Т., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«У нас на перекрестке слушали. Если где громко стукнуло или звякнуло, туда значит и выходит» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

Иногда помимо простого слушания гадание могло сопровождаться и другими действиями. Так, девушки «пололи снег» или толкли его мутовкой, и только потом интерпретировали услышанные звуки:

«Вот на перекресток выйдешь и снег полешь. Так его перебираешь. И слушаешь — где значит собачка залает. В какой стороне лает, туда и замуж» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Мутовку брали и снег ей взбивали, как вот масло. И вот слушали. Если колокольчик зазвонит, то замуж выйдешь этим годом на ту сторону. Ну, откуда звонит» (Пилюкина А.А., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Другим типом гаданий на выслушивание было «хождение под окна», когда по разговору в избе судили о будущем:

«У нас вот под окна ходили слушать. Если значит в доме о хорошем говорят, то к свадьбе, а если ругаются, то в девках сидеть еще год» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«Вот под окном стоишь и ждешь. Если там о семье говорят, о хорошем, то замуж пойдешь в этот год» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Целью еще одного гадания данной группы было желание гадающих услышать эхо. Девушки собирались у колодца и кричали в него, а затем замечали, с какой стороны слышится эхо:

«В колодец чередом кричали. Вот наклонись и крикнешь. И слушаешь с какого края эхо отзовется. С какой стороны слышится, туда и замуж выйдешь» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Вот над колодцем кричали. Эхо слушали. Если есть эхо — то замуж на ту сторону и выйдешь, а нет, так в девках еще год просидишь» (Посулова В.Н., 1959 г.р., рукописный фонд).

Немногочисленные гадания Муромского района на выслушивание основаны на принципе *вопрос — ответ*. Чаще всего девушки задавали вопрос об имени своего будущего жениха. Наиболее распространенным местом, у которого гадали таким способом, были окна домов, под которыми гадалыщицы выкрикивали свой вопрос об имени суженого:

«Вот под окно придешь и крикнешь: “Как жениха звать”. А тебе ответят. Ну, кто по-доброму, а кто и уродство какое, а кто и матом» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Девки под окно прибегут и спрашивали: “Как жениха звать”. Ответишь: “Миша, — там или — Ваня”». Они и убегут. Жениха значит так звать будут» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

Однако иногда вопрос задавали не под окном, а при встрече. В данной традиции любая встреча⁴ является ритуально маркированным действием и рассматри-

⁴ Подробнее о славянских верованиях, связанных со встречах, см.: Плотникова А.А. Встреча // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1. А-Г. М.: Международные отношения, 1995. С. 452—455.

вается как проявление судьбы. При гаданиях особую роль играет именно первый⁵ встречный, который и воплощает собой судьбу. Его либо спрашивали об имени жениха, либо, значительно чаще, о его собственном имени, которое, по представлениям гадающих, должно было совпадать с именем будущего мужа. Значение имеет и место встречи — это практически всегда перекресток и лишь в редких случаях околица:

«На перекресток рано утром идешь и вот идет кто или едет. Спрашиваешь: “Как звать жениха”. Ответят там “Иван” или еще как. Так и звать будут» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142);

«Кого первым на перекрестке встретишь, спрашиваешь имя. Как зовут, так и жениха звать будут» (Рогоськина К.М., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1079).

В Муромском районе зафиксированы гадания, в которых вопрос задается не только первому встречному мужчине, но и женщине. В таком случае толкованию подвергается как ее собственное имя: *«так свекровку будут звать»* (Рябова А.М., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1137), так и ее отчество: *«как она по отчеству, так значит и мужа звать будут»* (Святова З.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1076).

Иногда сама встреченная женщина рассматривается как будущая свекровь:

«Вот на перекресток выйдешь и ждешь — кто покажется. Если мужик, то так жениха звать будут, если баба — свекровку» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Вот спрашивали у мужика имя, а у бабы отчество. Как его зовут, так и жениха звать будут. А если баба, то как ее отчество, так значит и мужа звать будут» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139);

«Если мужика встретишь, то так мужа звать, а если бабу, то она тебе свекровью будет» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075).

Другой, весьма распространенный тип гаданий основан на принципе *чет — нечет*. Он основан на подсчете используемых для определения будущего предметов. Если количество предметов четно, или, как говорят местные жители, *парно* — это предвещает удачу. Вариантов таких гаданий было достаточно много. Однако даже внутри одного вида такого гадания мы фиксируем несколько разных вариантов.

Так, например, одним из самых распространенных гаданий на счет было гадание с забором. Участницы ритуала обхватывали руками штакетник и считали количество захваченных досок. Чаще всего доски просто считали и, соответственно, четное число указывало на скорое замужество:

«Забор обхватишь, сколько рук хватит и считаешь “парно-непарно, парно-непарно”. Если парно — замуж выйдешь, непарно — в девках сидеть» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Штакетины считали, сколько обхватил. Если парно осталось — замуж пойдешь, а непарно — нет» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224).

Однако если целью гадания было определение имущественного статуса жениха, то для счета использовалась словесная пара «бедный — богатый» и даже триада «сусек — мешок — кузов», в которой мешок был знаком нормы, сусек — богатства, а кузов — нищеты. Вероятно, «гадания этого типа развились на основе противопоставления “чет-нечет”, которое может быть сопоставлено с представлениями о жизни — смерти»⁶:

⁵ В данной традиции отсутствует ритуальная семантика «последнего», релевантен только первый объект (ср. первая встреча в похоронном обряде; первый гость в Рождество; первая девушка, взявшая «орех» в Масленицу и т.п.). В данном случае первый не выступает как оппозиция последнему, этот признак выступает как самостоятельный и непарный, но тем не менее необычайно значимый и символически нагруженный.

⁶ Виноградова Л.Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности // Славянский и балканский фольклор: обряд, текст. М., 1981. С. 38.

«Когда забор обхватишь, то считаешь — “бедный — богатый, бедный — богатый”. Если бедный — муж бедный будет, если богатый — хорошо» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«Считали все: “мешок — сусек — кузов, мешок — сусек — кузов”. Если кузов — Христа ради просить. Плохо — муж бедный будет. Сусек — богатый, а мешок — нормальный, не богатый, не бедный» (Рыбакова А.Я., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1221).

Еще одним типом девичьих святочных гаданий было ритуальное действие, в основе которого лежало *высматривание* — гадающие пытались увидеть свое будущее.

Самым распространенным типом такого гадания было широко известное гадание с зеркалом:

«С зеркалом еще гадали. Высматривали суженого в нем. Поставят зеркало, две свечи и там, за спиной второе зеркало, и смотрят — кто покажется. Жених должен показаться» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Жениха пытались увидеть и в кольце, опущенном в воду.

«Вот стакан ставят и в него венчально кольцо, у кого там возьмут. И вот смотрят. Кто в кольце покажется» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Брали стакан, золу туда сыпали, воду наливали и опускали кольцо. И вот в это кольцо смотрели — кто там покажется» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140).

Свое будущее пытались определить и по формам, которую приобретал расплавленный и вылитый в холодную воду воск:

«Брали там свечку, зажигали и вот воск в воду и капал. Накапает и застынет. Вынут и смотрят, на что похоже. У кого на церковь, на цветы, на карету, а у кого и на гроб. Кому замуж выходить, а кто и помрет» (Антонова З.А., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1141).

Чрезвычайно интересным гаданием данной группы можно считать ритуальные действия с тенью от сожженной бумаги. Глядя на тень, девушка могла увидеть как знаки, предвещающие свадьбу (карету, цветы, человека и т.п.), так и то, что служило свидетельством скорой смерти (гроб, крест и т.д.):

«Брали сковороду большую, бумагу намнут и сжигали. И вот потом смотрели на печь — какая тень. Если цветы там, или церковь — к свадьбе. Если могила — к смерти» (Мойсеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073);

«Вот газету намнут и на лист жестяной, подожгут и вот смотрят, что на стене отражается. Если вроде как человек — к свадьбе, а вот бывает крест — к смерти» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079).

Одной из разновидностей гаданий на высматривание являются гадания на высматривание жениха во сне. Для того чтобы увидеть жениха во сне, под подушку клали предметы, наделенные в данной традиции мужской семантикой. Это мог быть как элемент мужского костюма (штаны, пояс), так и инструменты (нож, молоток):

«Вот на Святки берут штаны мужские и под подушку кладут. Во сне жениха увидишь — он за штанами придет» (Рожкова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Пояс под подушку кладут и во сне жених приходит за поясом-то» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Раньше еще нож под подушку ложили. Говорят, жених во сне покажется. За ножом значит придет» (Смолина М.П., 1936 г.р., рукописный фонд).

Особую группу составляли так называемые *тактильные гадания*, основанные на толковании вызванных в ходе обряда ощущений. Нами зафиксировано несколько типов таких гаданий. В них особое значение имеют место проведения обряда и часть тела, которая используется для контакта с представителями «иного» мира. Местом гадания мог быть подпол, баня, овин и некоторые другие мифологизиро-

ванные локусы⁷, в которых обитают или могут временно находиться представители нечистой силы. Девушки опускали в подпол ноги, вставляли в окошко бани руку или приседали над овином, прося дотронуться до оголенной части тела представителя иного мира, тем самым указав на качества жениха:

«Вот руку голу в окошко бани просовывали и говорят: “Шани-мани меня по голой ручище мохнатой лапой”. И вот если лапой мохнатой дотронется — жених богатый будет» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«Над овином подол поднимут и “Шани-мани меня по голой жопище мохнатой ручищей”. А бывает и голой рукой хлопнут. А бывает и палкой. Значит жених бедный или драчун будет» (Мясникова Т.А., 1936 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Совершенно очевидно, что важной является не сама часть тела, а ее нагота, которая рассматривается как признак нарушения естественного состояния. Обнажая какую-то часть тела, человек устанавливал контакт с «тем светом»⁸. В этих гаданиях интерпретировались тактильные ощущения девушек. Так, если нечистый дотрагивался до них лохматой рукой — это предвещало богатство, голая рука, напротив, символизировала бедность. Именно с этим типом гаданий наиболее тесно связан такой элемент ритуального поведения, как мистификация результатов гаданий⁹. Пока девушки гадали, парни могли имитировать результат обрядового действия, выполнив функцию представителей иного мира. Причина этого отчасти в том, что данный тип гаданий подразумевает активное общение с представителем иного мира, называемого чаще всего в данной традиции Шани-мани. Соответственно, родственники или ухажеры девушек брали на себя функцию нечистого духа: «Гадания <...> представляют собой разновидность ролевых игр, своеобразным “сценарием” которых были широко распространенные тексты несказочной прозы о низших демонах, а роли “нечистиков” <...> исполняли парни или родители»¹⁰:

«У нас девки пошли к овину гадать. Жопу-то заголила и говорит: “Шани-мани меня мохнатой ручищей по голой жопище”, а парни там спрятались и один ее как доской-то треснет. Она: “Ой, у меня плотник будет, доской дотронулся”. Так вот гадали» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Довольно большая группа гаданий была связана с определением направления, откуда следовало ждать сватов. Наиболее распространенным в муромской традиции было гадание с обувью. В гаданиях этого типа проявляется брачная символика обуви¹¹ и семантическая оппозиция свой — чужой, проявлявшаяся в том, что носок валенка (реже ботинка или лаптя) указывает направление на дом жениха (т.е. на чужой для девушки мир):

«С валяным сапогом гадали. Вот, выйдут на двор и за ворота через голову кидают. Потом смотрят — в какую сторону носок лежит, там и жених будет» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142);

⁷ Например, нежилая или недостроенная изба.

⁸ Подробнее о роли наготы см.: Агапкина Т.А., Топорков А.Л. Ритуальное обнажение в народной культуре славян // Мифология и повседневность. СПб., 2001.

⁹ Подробнее о мистификации результатов гадания см.: Морозов И.А. Мистификация чуда (о способах поддержания веры в чудесное в традиционной культуре) // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. материалов научно-практической конференции. Вып. 3. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1999. С. 63—75.

¹⁰ Морозов И.А. Мистификация чуда (о способах поддержания веры в чудесное в традиционной культуре) // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. материалов научно-практической конференции. Вып. 3. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1999. С. 74.

¹¹ См. роль обуви в свадебных обрядах: Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Обувь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 3. К (Круг) — П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. С. 475—479.

«Сапоги кидали через крышу, смотрели куда носок, в той стороне и жених» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

Особый тип составляют гадания с домашней птицей, в основном с курицей. Вариаций ритуальных действий с ней необычайно много. Самым популярным является следующее: гадающие идут в курятник, в темноте берут курицу, приносят ее в дом и ставят перед ней различные предметы, символизирующие характер будущего мужа. Так, если курица клевала сначала хлеб, то считалось, что девушка будет жить в достатке, если воду — муж будет пьяница, если корзину — нищий:

«С курицей гадали. Вот шли в курятник и в темноте с насеста курицу снимали. Вот что она клюнет. Тут все наложат. Клюнет зерно — хлеборобом будет, клюнет золу — куряка. Все вот смотрели» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Вечером, значит, принесут курицу из курятника. Какую схватишь впотьмах. А в избе так кругом клали блюда с зерном, с золой, с водой, с солью и вот смотрели, что курица клюнет. Если зерно — муж богатый будет, если соль — бедный, зеркало — модный, воду — пьяница» (Рожкова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Курицу в дом приносили и смотрели, что она клюнет. Топор клюнет — плотник будет, шило — сапожник, ножницы — портной. Хлеб ставили, воду, зеркало. Если хлеб — богатый будет, воду — пьяница, зеркало — фартовый, говорили» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Встречаются упоминания о том, что если девушка поймала петуха — она выйдет замуж за вдовца или останется старой девой:

«Петуха поймать плохо — замуж за вдового пойдешь. Муж вдовцом будет» (Моисеева Н.К., 1921 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Если петуха ловили, то все говорили старой девой останется, замуж не выйдет» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд).

Особую группу составляли гадания, основанные на совершении или не совершении участницей ритуала какого-либо действия. Считалось, что если девушка не смогла сделать предписанное, ее судьба сложится неудачно. К такому типу относятся гадания с перекидыванием валенка через крышу бани, хватанием в темноте коровы за рога:

«Вот во двор выйдут, кадушку на голову наденут и раскручивают их. И если она в ворота вышла, смогла выйти, то и замуж выйдет, а если к дому повернула, то будет в девках сидеть» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд);

«Валенок надо было через крышу перекинуть. Перекинула — замуж этим годом пойдешь, нет — сиди в девках» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239);

Вот шли в хлев и в темноте корову за рога хватали. Если схватишь — жди сватов, нет — еще в девках посиди» (Мясникова Т.А., 1936 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Иногда девушки прятали в глубокий сугроб солонку, а затем пытались ее там найти:

«Брали солонку и в сугроб ее бросали, а потом искали там. И вот если найдешь — замуж выйдешь, а нет — нет. Все бывало в снегу извасюкаемся, а ищем» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137).

В основе некоторых святочных девичьих гаданий лежал принцип опережения одной участницей других. Самым распространенным гаданием этой группы в Муромском крае были гадания с нитками, которые участницы ритуала сначала привязывали к матице, а затем поджигали. Считалось, что девушка, чья нитка сгорит раньше, первой выйдет замуж:

«Вот нас три подружки было. Вот взяли нитки и привязали к балке и вот подожгли. Одновременно подожгли. И вот у меня она второй сгорела — я второй замуж вышла. А у той, что первой — первой нитка догорела до конца» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд).

Святочные гадания о судьбе

От Рождества до Старого Нового года на некоторых территориях Муромского края¹² пекли обрядовое печенье, которое исполнители называют козулями или козыими ножками, реже употребляется термин *копытца*. Из дрожжевого скоромного теста делается небольшой брусок, один край которого разрезается параллельно, а другой перпендикулярно столу. Края перпендикулярного разреза разводятся в стороны и называются козыими ножками или копытцами. Края параллельного разреза также разводятся в стороны и носят название *рот*. Нами зафиксировано гаданье, участники которого стремились завладеть козьей ножкой с самым большим «ртом». Они верили, что ее владелец будет в наступившем году богатым:

«Вот пекли у нас копытца. И кладут их все и каждый берет. И вот смотрели у кого рот больше. И вот у меня, хорошо, значит я в новом году богатым буду, а у тебя — ты богатый будешь» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

Полагали также, что *«Чем больше рот, тем богаче год»* (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Озорство молодежи

В течение всех Святков среди молодежи существовал обычай подшучивать друг над другом и над взрослыми:

«Молодые в Святки озорничали. Шутили над всей деревней» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

Святочное озорство молодежи имело весьма устойчивые формы. Оно, вероятно, может быть отнесено к элементам обрядового «антиповедения», позволяющего в определенные календарные сроки и призванного обеспечить благополучие общины. Самым популярным видом озорства был увоз саней:

«Ой, как сани увозили. У нас тут двор был и там значит сани колхозные ставили, а мы утащим и с горы катаемся, а потом под горой оставим. Утром приходят — сани нет. Давай их искать. Найдут и вытаскивают. Ругали, но так. Это всегда так делали» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

Еще одним видом озорства было рассыпание поленниц. Чаще всего именно так наказывали неверную возлюбленную:

«Поленницы рассыпали. Вот толкнут и рассыпят. Гора такая лежит» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд);

«Поленницы рассыпали девкам. Вот она со мной гуляла, а потом с другим. Я ей поленницу и рассыплю. Вроде как в наказание» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд).

Иногда озорники могли заткнуть трубу и подпереть дверь в какой-нибудь избе:

«Озорничали в Святки. Вот трубу могли заткнуть. Или вот даже стекло клали. Утром хозяйка печь начнет топить, а дым весь в дом идет» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239);

«Иногда двери заваливали. Утром открыть не можешь. Завалили значит» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Молодежь двери замораживала. Вьют воду и замерзнет все — дергаешь, а дверь-то и не открывается. Ждешь, чтоб открыл кто» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

Довольно распространенной святочной забавой молодежи было изготовление стукалок. Надо отметить, что их могли делать как зимой на Святки, так и летом, чаще всего на Троицкой неделе. Стукалки, которые делали на Святки, представля-

¹² В основном это север района, традиция которого испытывает на себе сильное влияние севернорусской традиции (скорее всего, Костромской).

ли собой деревяшечку, привязанную за нитку и установленную у окна. Отойдя на некоторое расстояние, шутники дергали за нитку, и деревяшка стучала в окно:

«Мы стукалки делали. Вот привяжем нитку к дошечке и на окошко к кому, а сами на другую сторону улицы и дергам. Мы дергаем, а она стук-стук. Вроде как стучат в окно. Хозяева выходят, а нет никого. Могли долго так стучать» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд).

Наши исполнители упоминали и другие святочные проделки молодежи. Так, рассказывали, что ребята раскатывали бревна, сложенные для строительства избы или разбирали крышу у сарая:

«Вот были бревна сложены. Избу строить собирались, так они их раскатали по бревнышку. Озорничали» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«У нас на Святки ребята у сарая крышу разобрали. И всю сложили рядом. У старого сарая, так озорничали просто. Не со зла» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд).

Магические действия Васильева дня

Согласно старому стилю, именно в этот день праздновали Новый год, и соблюдение целого ряда магических действий должно было обеспечить благополучие в наступившем году. Так, чтобы водились деньги, на Старый Новый год надо посчитать мелочь, а чтобы всегда быть с обновой, необходимо надеть неношенные вещи:

«На Василия у нас дедушка всегда деньги считал, ну, мелочь. Чтоб гремело. Говорят, что если деньги посчитаешь, то весь год с деньгами будешь» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«На Василия нам мама всегда какую обновку сладила. Хоть перешить из чего, но обновку. Нужно неношенное одевать. Первый раз какую-то вещь надеть, чтоб всегда с обновкой быть» (Сизова З.Н., 1929 г.р., рукописный фонд).

Святочные приметы

Аграрные приметы, связанные с народным календарем, сохранились плохо. Это объясняется тем, что они чрезвычайно тесно связаны с изменениями в бытовом укладе и хозяйственной деятельности людей. Экспедициям Центра русского фольклора удалось записать лишь самые распространенные приметы. Например, на Рождество замечали погоду и по количеству звезд на небе судили о количестве ягод в лесу:

«На Рождество смотрели на звезды. Если звезд много — много ягод будет» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд);

«На все Святки замечали много ли звезд. И вот если на Рождество много будет, много поляники, если дальше, то смородины, черники, брусники и так дальше. Каждый день какая-то ягода» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Также смотрели на луну: если вокруг нее видели круг, то ждали снежной и затяжной зимы:

«Если в Святки вокруг луны обод — то зима еще долго будет и много снега выпадет» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд);

«Когда на Рождество вокруг луны марево — конец зимы снежный и холодный» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140).

Крещение

Завершался святочный цикл праздником Крещения. Этот день был насыщен обрядами, семантика которых носит защитный, обережный характер. Наиболее значимым событием церковной жизни общины был крестный ход на реку и освящение воды:

«Раньше тут на реке воду святили. Крестный ход был, вырубали пролубь и святили воду. И эту воду все набирали себе» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075).

Сейчас местные жители указывают на то, что лишь некоторые люди отваживались купаться в крещенской проруби, но многие говорили о том, что на Крещение существовал обычай мыться в бане и валяться в снегу:

«В пролубке редко кто купался, но были. Но вот на Крещение всегда и в бане мылись, и в снег ныряли. Грехи смывали» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

С утренней службы из церкви приносили домой освященную воду, которую использовали для лечебных и обережных целей:

«Бабушка вот всегда воду из церкви приносила и ей и нас сбрызгивала, и скотину если что. А на Крещение обязательно все ей брызгали» (Смолина М.П., 1936 г.р., рукописный фонд).

«Вот воду из церкви приносили и ей и детей, и скотинку, и вот углы в доме брызгали. Чтoб значит все чисто было» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

Святую воду брали не только в церкви. Считалось, что свойствами святой обладает вода, взятая в праздник Крещения из любого источника в двенадцать часов ночи:

«У нас тут церкви не было, мы на колодчик ходили и вот в двенадцать часов вода култыхнется и мы набирали. Она святая» (Сорокина Л.С., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Ходили в двенадцать часов ночи к колонке и набирали там воду. Говорят она такая же как в церкви» (Дербина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Многие исполнители указывали на то, что на Крещение рисовали по всему дому кресты, чтобы защитить себя от нечистой силы:

«Я вот до сих пор крестики углем рисую. И вот над дверями и над окошками. В Крещение. От нечистого духа» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075);

«Мама в Крещение всегда рисовала крестики мелом и над дверью, и над окошками, чтобы враг в дом не проник» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239).

На Крещение хозяйки пекли пресное печенье в форме крестиков, которое использовалось для гаданий о судьбе в наступившем году. В них запекали монетку и зернышко. Считалось, что тот, кому досталась монетка, будет весь год счастливым. Тот же, кому доставалось зерно, должен был начинать первым все работы в году:

«На Крещение у нас крестики пекли. Из пресного теста. И в них запекали монетку и денежку. Кому денежка досталась — при деньгах весь год будет, а кому зерно — весь год первым работу начинать ему» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«У нас в крестики только монетку запекали. Кому монетка достанется, весь год при деньгах будет» (Мокеева Н.К., 1921 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«На Крещение в крестик зернышко запекали. Кому зерно досталось, тот весь год полевые работы начинает» (Рябова А.М., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1137).

МЯСОЕД

После Крещения начинался Мясоед. Это был один из тех периодов, когда играли свадьбы.

«Свадьбы всегда Мясоедом играли. От Крещения до Масленицы» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139);

«Говорят что Мясоедом надо свадьбы играть» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

СРЕТЕНЬЕ

Еще одной пограничной датой считают Сретенье (15 февраля), которое в данной традиции приобретает характер сезонной границы. Считается, что в этот день встречается зима и лето:

«Так вот раньше говорили: “Сретеньё — зима с летом встретились”» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075);

«На Сретенье зима с летом встречаются» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд).

МАСЛЕНИЦА

Завершался Мясоед праздником Масленицы:

«Мясоед Масленицей кончался. Последняя неделя перед Постом» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142);

«Вот Мясоед кончался и тут Масленица. Масленица — она последняя неделя перед постом» (Рогоськина К.М., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1079).

Некоторые исполнители говорят, что Масленица в настоящее время является концом зимы, однако значительно чаще по вариантам, она называется «проводами зимы». Масленицу отмечают в течение недели перед Великим постом. Необходимо отметить, что Масленица не относится в данной традиции к великим или даже большим праздникам:

«Масленица — это конец зиме. Но это не божественный праздник, не великий» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Масленицу неделю перед Постом гуляют. Это проводы зимы. Зиму тут провожают. Праздник это, но он не божественный, не большой. Ну, его в церкви как-то отмечают, но он небольшой праздник, не великий. Его правда все отмечают и даже неверующие» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

Безусловно, в современном понимании Масленица это праздник, однако до сих пор сохранилось восприятие этого периода как времени, которое маркирует границу между зимой и весной, а также между Мясоедом и Великим постом, поэтому иногда говорят о том, что Масленица это проводы Мясоеда:

«Масленица — праздник. Это неделя, которая Мясоед от Поста отделяет. Здесь зиме уже конец, а весне начало» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139);

«Масленица она между Мясоедом и Постом. Уже мясо не едят, а молоко и масло, и яйца едят. Как бы провожают Мясоед Масленицей» (Дербина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Традиционно Масленица делилась на малую и широкую, в настоящее время сведений о малой Масленице довольно мало. Широкую Масленицу начинали отмечать с четверга. Иногда, говоря о сроках Масленицы, указывают, что гуляли целую неделю:

«Масленицу целую неделю гуляли. От понедельника до воскресенья. Но больших гуляний в понедельник не было. С четверга гуляли широко. Говорили — широкая Масленица» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142);

«Масленица делится на малую и широкую. Малая с понедельника по среду, а уж широкая с четверга по воскресенье. Тут уж гулянье» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Значительная часть масленичных обычаев так или иначе была связана с семейно-брачными отношениями. Именно поэтому были чрезвычайно популярны визиты породнившихся семейств друг к другу. Считалось, что молодожены должны обязательно навестить родственников именно на Масленицу. После угощения зять должен одарить тещу:

«На Масленицу молодые ходили к родне в гости. К теще на блины. Вот она зятя угощает, а он ее дарит. Дарит ей там платок, или там что. Дарит тещу на Масленицу» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Вот родня-то в гости друг к другу ходила. Все больше молодые к родителям. Родня между собой тоже. Вот кумовья и особенно сватья. Вот у кого дети-то поженились, вот тут уж ходят друг к другу» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд).

Приход молодых сопровождался широко распространенным на данной территории обычаем. Его суть заключалась в том, чтобы вывалить молодоженов в снегу и получить с них выкуп в виде угощения:

«Ой, да как молодых-то в снегу валяли. Прямо всех вывалият. Они идут к теще, а уж их ждут и прямо в снег и вываливают. Прямо снегом засыпали. Они откупиться должны. Денег там дать или угостить» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079);

«Кто этим годом поженился — тех в снегу валяли. Ямы делали и их в снег зарывали. Нужно было откупиться» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140).

Угощение друг друга блинами было важным элементом праздника. Блины пекут всю неделю. Они различаются размерами, могут быть большие или маленькие, из овсяной, пшеничной или ржаной муки, преимущественно дрожжевые. Их сдабривали сметаной, маслом, реже яйцом, медом или творогом. Иногда делали некое подобие блинного пирога:

«На Масленицу все друг друга угощали. Пекли блины — кто какие мог. Кто большие, кто маленькие. Большие дрожжевые пекли» (Рыбакова А.Я., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«На Масленицу блины пекли из разной муки, и из ржаной, и из овсяной, редко из пшеничной. Все друг друга угощали» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Блины ели со сметаной большие. А так, у кого что есть. Маслом мазали, с крутыми яйцами ели, с медом, но это у кого был» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Блины ели со сметаной, с творогом, с маслом. С вареньем как-то нет, а с яйцом крутым, мелко так резали — это вот делали» (Сорокина Л.С., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1136).

В данной традиции Масленица характеризуется обильным угощением, которое символизировало будущую сытую жизнь. Трапеза на Масленицу игнорировала все ограничения на количество и порядок приема пищи (за исключением мясных продуктов):

«На Масленицу ели много. Вот как с утра начинали и вот так до вечера. Друг друга угощали. Нужно было всех угощать. Как можно больше пекли. Чтоб никто без угощения не остался» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239);

«Можно сказать обжирались на Масленицу. Ели много и все что было. Вот только мясо не ели, а так все» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

Считалось, что за Масленичную неделю необходимо уничтожить всю скоромную пищу:

«На Масленицу старались все подесть. Мясо уже не ели, а так все подедали. И яйца, и творог, и масло. Постом-то сколько всего наберется» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Скоромное все съедали, чтоб на пост ни масла, ни яиц в доме не осталось. Постом-то к Пасхе начинали заготавливать. А на Масленицу, все что в доме было — съедали» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140).

Поскольку большинство масленичных обрядов связано с семейно-брачными отношениями, то целый ряд действий был направлен на ту часть молодежи, которая по возрасту должна была вступить в брак.

На Масленицу было зафиксировано несколько видов гаданий. Использование обрядовой пищи в гаданиях в муромской традиции распространено достаточно широко, однако из всех гаданий о замужестве обрядовая еда присутствует

только в масленичных гаданиях. Так, были широко распространены гадания с блином. Девушка брала первый испеченный блин и выбегала с ним за ворота. Встретив кого-нибудь, она задавала вопрос об имени суженого. Необходимо отметить, что с нашей точки зрения, в данном случае важен сам тип пищи. Блины в муромской традиции до сих пор осознаются как поминальная пища, связанная с культом предков. Первый блин довольно часто упоминается как поминальная еда, которую выкладывают на окно или «боженку» для душ умерших родственников¹³. Таким образом, девушки апеллировали при гадании к представителям «иного» мира, а первый встречный лишь выполнял роль посланца потусторонних сил:

«С блином гадали. Вот пекут блины, первый схватишь и на улицу. К себе прижмешь и стоишь за воротами, ждешь. Идет кто — спросишь: “Как жениха зовут?”. Как ответят, так его и звать будут» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Вот первый блин испекут и его берут и за ворота. Кого увидишь — “Как жениха звать?”. “Федя, — там или — Петя”. Как уж ответят. Так значит жениха звать будут» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

Однако в масленичных гаданиях использовался и другой тип обрядовой пищи — печенье, которое местные жители называют *орехи*. Это небольшие шарики из теста, которые обжаривались в масле и которыми парни обычно угощали понравившихся им девушек. Нами зафиксированы гадания с этим обрядовым печеньем. Так, если девушки хотели узнать, кто из них станет женой того или иного парня, они подходили к нему и просили угостить *орехами*:

«Вот девки к парням подходили и просили: “Угости орехами”. Какой первой орех даст, та и женой будет ему. Так вот гадали» (Москвина М.Ф., 1921 г.р., рукописный фонд);

«Несколько девок к парню подбегут и он их угощает орехами. Какая первая схватит, той он и жених. Верное гадание» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Отметим также, что орехи в данной традиции очень часто связываются с миром мертвых¹⁴ и даже использование их имитации вполне возможно связано с обращением к потустороннему миру за предсказанием судьбы.

Одним из основных масленичных развлечений для всех возрастных групп было катание на лошадях. Обычно его устраивали в последний день Масленицы. Лошадиную упряжь старались необычно украсить и прокатиться на санях с особым шиком. Однако в основном на лошадях каталась именно неженатая молодежь:

«На Масленицу на лошадях катались. Лошадей запрягали и санки украшали, и упряжь. Сани все изукрашены были» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«На Масленой катания устраивали. Тройки, у кого могли, а так, лошадь в санки запрягали и бубенчиков навешают, и лент. Все катались» (Мокиева Н.К., 1921 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

Парни, катая девушек, обязательно угощали их сладостями, семечками и *орехами*. Постепенно этот вид лакомства был заменен на конфеты, семечки и настоящие лесные орехи.

«Парни девок на лошадях катали. Катали и угощали сладостями и орехами. Семечками угощали» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136);

¹³ Подробнее о поминальной функции первого блина см.: Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды у русских, украинцев и белорусов. М.: Наука, 1979. С. 47—49.

¹⁴ Так, например, увидеть во сне орехи — к смерти; иногда орехи рассматриваются как поминальная еда и т.д. Связь орехов с хтоническими существами прослеживается и в молодежной игре «Ящер», где хтоническое существо, грызущее орехи, хочет получить жену (подробнее об этом см.: Бернштам Т.А. Следы архаических ритуалов и культов в русских молодежных играх «Ящер» и «Олень» (опыт реконструкции) // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990, С. 17—36.

«Парни, когда девчонок катали, они их угощали этими орехами, печеньем этим. А потом уж стали угощать семечками и орехами лесными, потом уж конфетами» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

Помимо катания на лошадях, частью молодежных масленичных развлечений была карусель, представляющая собой столб с привязанными к нему на длинных веревках санками. Вокруг столба заливали лед и катались на санях по кругу:

«На Масленицу карусель устраивали. Столб такой и веревки, а к веревкам санки или просто дощечки. И вот лед заливали и по кругу катались» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд);

«Каруселю на Масленой неделе делали. Столб и вокруг водой заливали. К столбу веревки с санями, разбегались и по кругу ехали» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137).

В.Я. Пропп писал, что «Масленица праздник сложный, комплексный»¹⁵. Именно поэтому помимо ритуалов, направленных на установление брачных отношений, для Масленицы характерны действия поминального характера.

Первый блин, который пекли на Масленицу, клали на окно, посвящая его умершим родственникам:

«Вот, первый блин ставили на окошко и звали родственников, которые померли “Блинком угоститься”» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Первый блин, что на Масленой пекли, для покойника. Его на окошко ставили, чтоб и у них был праздник» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд).

Некоторые исполнители отмечают, что на Масленицу принято ходить на кладбище и поминать умерших родственников:

«На кладбище на Масленой ходили, родственников блинами угостить. На могилку блин клали. Чтоб значит угостился покойник» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«На Масленную покойников кормят блинами. Ходили на кладбище и блины ему оставляли на могилке» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239).

Основные масленичные действия были связаны с последним днем Масленицы, называвшимся в Муромском крае Прощеным воскресеньем или Заговеньем:

«Самое гулянье на Прощенное воскресенье. Тут уж все гуляют. Блинов горы. Лошади. Все гуляют» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«На Заговенье здесь уж самое веселье. Тут уж все празднуют» (Фокичева Е.В., 1924 г.р., рукописный фонд).

Наиболее значимой частью этого дня было изготовление и сжигание на костре чучела Масленицы. Чаще всего чучело делали из соломы и наряжали в старые вещи:

«В Прощенное воскресенье чучело делали. Из соломы делали и во всякий шобол наряжали. Потом поставят на шест и жгут» (Антонова З.А., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1141);

«В воскресенье чучелу делали. Из соломы жгуты, а потом в тряпье наряжают, платочек повяжут и сжигали. Масленица, говорили, горит» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Помимо сжигания чучела Масленицы в этот день устраивали костры. В центре деревни (реже на каждой деревенской улице на каждом порядке) молодежь собирала старые вещи, мусор и т.п., а затем поджигала их. Иногда специально для таких костров воровали дрова из поленниц односельчан. Наши исполнители отмечали, что этими кострами освещали дорогу Масленице:

«Костры на Масленицу жгли. Соберут всякий мусор, шоблы, солому. В центре деревни сложим и костер жжем» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«На каждом порядке костры жгли. Всяку рухлядь, шобол разный собирали и жгли. Масленице дорогу светили» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227);

¹⁵ Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 22.

«Костры на Масленой жгли, в воскресенье. Так всякий мусор, а иногда поленья воровали и жгли. Два-три полена. А так все мусор» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд).

Большинство исполнителей указывали на то, что в костры не бросали скоромную пищу, но детям говорили, что в кострах горит молоко:

«Вот эти костры жгли, а детишкам говорят: “Смотри, молоко горит!”. Не будет молока до Пасхи» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«Нет, молоко в костры не лили, и масло не бросали, но детишкам говорили: “Молочко на небо ушло! Молоко горит”. Чтoб значит до Пасхи не просили» (Сизова З.Н., 1929 г.р., рукописный фонд).

Вечером Прощеного воскресенья в Муромском крае было принято ходить друг к другу и просить прощения. Чаще всего прощения приходят просить младшие члены семьи у старших. Исполнители указывали на то, что просят прощения преимущественно родственники, однако иногда это делали и соседи:

«На Прощенное воскресенье прощенье все просили друг у друга. “Прости мне грехи вольные и невольные”, а ему: “Бог простит”» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Дети у родителей прощенья просили. Иногда соседи друг у друга. Но чаще в семье. “Прости мне грехи вольные и невольные”. “Бог простит”. Все вот так говорили» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Некоторые наши исполнители говорили о том, что во времена их детства было принято ходить на кладбище и просить прощения у умерших.

«Вот в детстве помню ходили на кладбище и просили прощенья у тех, кто умер. Так же просили, как у живых: “Прости грехи мои” и кланялись» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Однако название «Прощеное воскресенье» многие исполнители трактовали не только как время, когда просят прощения за грехи, но и когда прощаются с зимой. Именно Прощеное воскресенье чаще всего называется проводами зимы.

«Вот в Прощенное воскресенье с зимой прощаются. Уходит зима. Весна скоро» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079);

«Прощенное воскресенье это и есть провода зимы. С Масленицей прощаются и с зимой» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Несмотря на изменение социальных условий, празднование Масленицы не прерывалось. Мог меняться ее статус, когда из общедеревенского она превращалась только в семейный праздник. В 60—70 гг. Масленицу опять начали праздновать как общедеревенский праздник, но многие исполнители говорят о том, что название было изменено. И хотя в домашнем обиходе неделю перед Великим постом продолжали называть Масленицей, официальным ее названием было «Проводы зимы». Клубные работники, хотя и привносили какие-то свои оригинальные идеи в празднование этого периода, тем не менее редко нарушали общую канву праздника, связанную с разгульным весельем:

«Масленицу всегда праздновали. Дома-то всегда. Маслена она и Маслена. А вот в деревне, когда деревней гуляем, раньше все “провода зимы” говорили, а сейчас опять Масленица» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«У нас в клубе “провода зимы” были на Масленицу. Тут и лошади катали, и блины пекли, и все гуляли. Веселье. А дома тоже гуляли» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд).

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Сразу после Масленицы начинался Великий пост. На семь недель со столов исчезала скоромная пища, наступало время строгости и воздержания, замолкали песни и пляски. Существовало множество запретов на совершение определенных действий в пост. Так, например, запрещалось жениться в пост:

«Постом свадеб не играют. В пост не женятся — это грех» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139).

«Постом жениться — всю жизнь мучится. Одни проблемы всю жизнь будут» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

Однако строгость великопостных недель вовсе не означала, что в течение этого времени не было важных для народного календаря дат. Таких значимых дат немного, но все они, в большей или меньшей степени, сохранились в Муромском крае.

Чистый понедельник

Первый день поста назывался Чистый понедельник.

«Первый день Поста назывался Чистый понедельник. Так и говорили — Чистый понедельник» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Понедельник первой недели поста назывался у нас Чистый понедельник» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Существовал обычай на Чистый понедельник мыться в бане, чтобы смыть грехи.

«На Чистый понедельник в бане мылись, грехи смывали» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«В Чистый понедельник надо в бане помыться, чтобы все грехи смыть» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд).

Иногда этот день назывался Заговеньем:

«Этот день называют Заговеньем. После Масленицы здесь уж заговляются» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«Первый день поста все говорили: Заговенье. Постятся» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Средокрестная неделя

Особое место в народном земледельческом календаре уделялось Средокрестной неделе, главным событием которой была ночь со среды на четверг, когда, по поверью, происходил перелом поста:

«Вот середину поста отмечали. Тут уж со среды на четверг в ночь Пост хряснул. Половина поста прошло» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«Со среды на четверг Пост пополам ломается. Вот сколько прошло, столько и осталось» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

На Крестопоклонной неделе пекли обрядовое печенье в виде крестиков, в которые вкладывали различные предметы. Иногда в крестик запекали только монетку. Но чаще предметов-символов, предсказывающих дальнейшую жизнь человека, было больше. По тому, какой из них доставался участнику ритуала, судили о его дальнейшей судьбе. Так, если ему доставалась монетка — это сулило богатство, пуговица или цветная тряпочка — обнову, щепочка — гроб, белая материя — саван, сахар предвещал сладкую жизнь, лук — горькую, уголь — черную и т.д. Крестики выкладывали на большое блюдо и выбирали свою судьбу:

«Вот крестики на Средокрестье пекли. Запекали в них и монетку, и уголек, и соль, и пуговку. Кому что достанется. Кому, значит, монетка, тот богатым будет, кому пуговка — с обновой, кому соль — тому слезы, уголь — радости не будет, беспросветная жизнь, черная» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142);

«Крестики на Средокрестной неделе пекли и в них чего только не запекали. Вот уголь — жизнь черная будет, белую тряпочку к смерти — саван это, цветную — к обнове, щепка или спичка — к смерти, гроб». (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Вербная неделя

В народной традиции еще одним великопостным праздничным циклом считалась Вербная неделя.

Суббота накануне Вербного воскресенья называлась Лазарева суббота.

«Вот Вербная неделя была. Тут суббота — все говорили Лазарева суббота. Лазарь за вербой лазит» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Лазарева суббота. Лазарь вербу ломает. Тут вербу заготавливали» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

В этот день пекли печенье в виде лесенок:

«Вот на Лазареву субботу печенье пекли, лесенки такие — чтобы Лазарь за вербой лазил. Лепешки из теста, а ложкой так лесенку сделаешь» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«Лесенки пекли из ржаного теста, постные. Это на Лазоревскую субботу» (Пилюкина А.А., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Воскресенье этой недели называлось Вербным.

«На Вербной неделе воскресенье и называется Вербным, а суббота Лазоревская» (Антонова З.А., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1141).

В этот день в церкви освящали заранее приготовленную вербу, которую использовали в дальнейшем как магическое средство.

«Вот вербу заранее готовили и с ней в воскресенье в церкву ходили. Потом ее на божью полку ставили. И вот скотину ей выгоняли в первый раз, и вот от клопов клали» (Москвина М.Ф., 1921 г.р., рукописный фонд);

«С вербой в Вербное воскресенье в церкву шли, а потом ее на боженку ставили. Как скотину выгонять, брали вербочку. Потом, чтоб мыши картошку не ели — тоже эту вербу клали» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

В Вербное воскресенье старались встать пораньше и хлестали друг друга вербой:

«Утром вот из церкви придут и детишек вербочкой этой хлыщут. Верба-хлест бьет до слез, — чтоб значит не болели» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Страстная неделя

Страстная неделя предшествовала светлому празднику Пасхи. И хотя, согласно церковной традиции, она рассматривается как самостоятельный временной период, в народной традиции это последняя и самая строгая неделя поста. В Муромском крае ее чаще всего называют Страшной неделей:

«Ой, Страшная неделя. Тут самый строгий пост. Тут только хлеб с водой» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075);

«Последня неделя поста она сама тяжелая, тут пост строгий самый, только хлеб и вода. Страшная неделя» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140).

Особо значимыми днями Страстной недели были четверг и суббота. В Страстной четверг жители Муромского края готовили так называемую четверговую соль. В субботу красили яйца, пекли куличи и делали пасху:

«Яйца в четверг на Страшной недели красили. Все больше луковой шелухой. Красные такие получались» (Мокеева Н.К., 1921 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Яйца в четверг красили, а куличи и пасху в субботу. Запахи такие стояли» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«В четверг яйца красили. И еще четверговую соль делали. Вот ее в печь ставили или на боженку» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд).

Для уборки изб устраивали помочи. Собирались несколько женщин и по очереди убирались всей группой в каждой избе:

«У нас тут помощи собирали и все убирались. Сегодня в одной избе, завтра в другой. Стены скребли, потолок мыли» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140);

«У нас тут вся родня собиралась. Сегодня у одних моют, завтра у других. Потолок и стены песком оттирали, они такие желтые становились, все меняли, мыли» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136).

* * *

Еще несколько дат народного календаря, хотя и могли приходиться на дни Великого поста, не осознавались в народной традиции постовыми праздниками. Прежде всего речь идет о Евдокиином дне, Сороках и Дне Герасима Грачевника.

ЕВДОКИИН ДЕНЬ

Безусловно, для носителя традиции первый весенний день не всегда совпадает с календарным началом весны. В Муромском округе исполнители довольно уверенно говорят о том, что весну ждут на Евдокию. Надо отметить, что Евдокин день (14 марта) считается днем, с которого начинается приход весны, ее встреча:

«Евдокин день — первый день весны. Весна уж тут пришла. Еще снег лежит, но уже весна» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

По погоде в этот день гадали о предстоящей весне:

«Если на Евдокию курица из лужицы напьется, то на Николу конь травы наестся. Так вот примечали. Если на Евдокию снег тает, то значит теплая весна будет» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142);

«Замечали. Если на Евдокию курочка напьется талой воды, то на Егория корова с травой будет» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

На Евдокин день пекли особое обрядовое печенье в форме птиц, которое называлось *жаворонки*.

Данное печенье делали следующим образом. Раскатанную лепешку разрезали ножом, и сегменты особым образом заворачивали к центру так, чтобы получилось туловище. Оставшимся сегментам лепешки придавали форму головы, крыльев и хвоста. На хвосте и крыльях ножом делались надрезы. Фигуркам вставляли глазки из засушенных ягод черемухи или березовых почек, а затем выпекали в печи.

С этим типом печенья дети и подростки, реже молодые девушки, совершали следующие действия. Привязав к птичке нитку, участники действия залезали на крышу сарая и раскачивали птичку, призывали весну. Некоторые исполнители сообщают, что жаворонков не ели, а кидали с крыши на землю:

«Жавороночков пекли на Евдокию. Такие лепешечки делали и их резали и складывали узелком, а другое — это крылышки и хвостик. И вот с ними ребята на крышу лазили и за нитку качали. Качают и кричат. Весну зовут» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«Жаворонков пекли из пресного теста. Вот напекут, ребяташки похватывают, нитки привяжут и на крышу. Сидят, качают. Кричали, чтоб весна приходила» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137).

На территории Муромского края зафиксированы и гадания с *жаворонками*. В них участвовали преимущественно девушки, хотя не возбранялось участие женщин. Считалось, что гадать могут и подростки обоих полов, но не парни и мужчины.

Гадающие брали *жаворонка*, подкидывали его вверх и просили предсказать свою жизнь, а затем по тому, как падал *жаворонок*, смотрели, что предвещает его падение — жизнь или смерть. Если *жаворонок* падал крыльями вверх, считалось, что гадающий будет жить, если наоборот, умрет.

Некоторые исполнители говорят о том, что данное действие исполнялось только детьми и уже рассматривалось не как гадание, а как своего рода игра:

«Вот жавороночка брали и подкидывали. Смотрели, как упадет. Если лицом, то жить, а если оборотом — умереть. Спрашивали:

— Жаворонка, мне жить или умереть? — и кидали вверх.

С жаворонками этими гадали. Кричали:

— Жаворонка, жаворонка, мне жить или умереть? — и подкинут так. Подкинут и смотрят, как упал — лицом или спинкой. Если лицом — жить, спинкой — умереть» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Данные действия идентичны южнорусским весенним закличкам. Мы не имеем основания говорить о рудиментах обряда закличания весны — термин *кликать весну* в наших записях не встречается. Скорее мы должны говорить об отдельном мотиве весенних закличек, сохранившемся в репертуаре другого обряда — гадания.

Магическая формула, используемая при гадании, разрасталась за счет фрагмента заклички и представляла собой на данной территории специфический приговор, который в полном виде, вероятно, сопровождал детскую игру с *жаворонками*, а в коротком — ритуальные действия (гадания).

Необходимо отметить, что на исследуемой территории данное печенье устойчиво датируется Евдокииным днем и называется *жаворонками*. Исключение составляет крайний юг Муромского округа, где более частотным становится название *журавушка* (хотя название *жаворонок* также встречается) и меняется форма печенья (это плоскостное изображение профильного силуэта птицы с лапками). Кроме этого изменяются сроки изготовления печенья. Большинство исполнителей, говорящих о *журавушках*, отмечают, что их пекут дважды, на Евдокию и на Сороки.

Печенье, изготавливаемое на этой территории 1/14 марта используется здесь только для гаданий, а в день Сорока Мучеников для закличания весны. Возможно, что именно здесь находится граница между окско-поволжской и южно-русской зонами функционирования орнитоморфного печенья (ср. также рязанское название этого типа печенья *журафь*).

ГЕРАСИМ ГРАЧЕВНИК

Следующей датой, с которой в Муромском крае связывают приближение (*приход*) весны, считается день Герасима Грачевника (17 марта). Верят, что в этот день прилетают грачи и прокладывают весне дорогу:

«На Герасима Грачевника грачи прилетают, весне дорогу показывают» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«Говорят, что в этот день грачи прилетают и на крыльях весну приносят. Поэтому и говорят — Герасим Грачевник» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136).

В день Герасима Грачевника пекли печенье, которое называлось *грачики*. Его делали из пресного теста, раскатывая толстым жгутом и завязывая затем узлом. Один кончик жгута поднимался вверх, и ему придавали форму головки с клювом, а другой расплющивался, и на нем делали три надреза. Иногда по краям туловища делали крылья, вытягивая тесто, а иногда — нет. Глазки чаще всего делали из черемухи или других засушенных ягод:

«На Грачевника грачиков пекли. Птичку с глазками. Жгутик такой узелком завяжут и клювик сделают» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079).

Надо отметить, что сохранились упоминания о том, что *грачиков* использовали в магических целях — прежде всего в продуцирующей магии. На территории Муромского края магические действия с *грачиками* сводятся в основном к защите семян огородных культур от птиц:

«Грачиков в семена клали, чтоб птицы не клевали» (Мокеева Н.К., 1921 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Чтоб на огороде птицы семена не склевывали, в них грачилов этих клали и так и засекали гряды» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

В то же время грачилов становятся предметом детских игр. Дети стукали грачилов друг об друга и пытались сломать печенье противника, победитель забирает сломанного грачилов себе:

«Мы пацанятами грачилами играли. Вот стукали их друг об друга. Твой сломался, а мой целый — забираю. У меня сломался — ты забираешь» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд).

СОРОКИ

День Сорока Мучеников (22 марта) в Муроме чаще называется Сороки. Считается, что в этот день весна пришла, ее принесли птицы на крыльях, она устоялась:

«Сороки это уж весна, она пришла, устоялась» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079);

«На Сороки птицы весну принесли, она уж тут устоялась» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Жители Муромского края верят, что в этот день прилетает сорок птиц или что все птицы возвращаются в родные края:

«На Сороки сорок птиц из-за моря возвращается» (Сорокина Л.С., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«К Сорокам уже сорок птиц разных вернулось» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

По этому случаю пекли фигурное печенье, называемое *птички* или *колобки*. Печенье делали из дрожжевого теста в виде шариков, у которых чаще всего делали только клюв, с чем и связано второе название данного печенья. Реже, у *птичек* делали хвост и в единичных случаях крылья:

«На Сороки сорок птичек пекли. Сорок шариков с клювиком таким» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Сорок колобков делали в этот день. Вот сорок птиц возвращается — сорок колобков» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

В этот день хозяйки делали сорок птичек и использовали их как тайную милостыню. В данном случае речь идет не о подаении нищим, которое считалось на Руси богоугодным делом, а о тайной милостыне соседям и родственникам¹⁶. Считалось, что печенье *подается* Богу и умершим родственникам, особенно детям. Сохраняется традиционная передача милостыни — *в окошко, на окошко*. Считалось, что так она быстрее дойдет до адресата¹⁷:

«Вот эти сорок колобков раздавали милостыней. Вот на окошко положишь, чтоб значит помянули умерших. Особенно если дети умирали, старались подать милостыньку» (Антонова З.А., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1141);

«Этих птичек, чтоб никто не видел, по окошкам раскладывали, чтоб помянуть родню» (Рожкова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1224).

Необходимо также отметить, что повсеместно *птичек* или *колобков* раздавали детям:

«Этих птичек везде детишкам раздавали. Обязательно ребенку надо дать» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239);

¹⁶ Отметим, что тайная милостыня входит в комплекс обрядовых действий, связанных с *проводами души*. На сороковой день после смерти родственники умершего тайно оставляют *милостыню на помин души*, используя для нее преимущественно лук, режу картошку, и иногда обрядовое печенье. Печенье становилось тайной милостыней только на Сороки.

¹⁷ Отметим, что традиционно тайную милостыню для нищих также клали на окно домов, где они останавливались.

«Ребятишки в этот день по домам бегали и их угощали этими птичками» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

День Сорока Мучеников, отмечаемый в христианском календаре как день памяти Сорока Севастийских мучеников в традиционной народной культуре Муромского края не рассматривается как значимый христианский праздник, его обрядность и мифология широко разрабатывает символику 40 птиц, приносящих на своих крыльях весну, а не присущие этому дню христианские мотивы. На данной территории не зафиксированы обряды, отмечающие начало весны. Наши материалы не дают возможности говорить о бытовании на данной территории обычаев закликания весны и встречи птиц. Но, вероятно, насыщенность небольшого временного отрезка (с 1/14 марта по 9/22 марта) обрядовыми действиями с различными типами орнитоморфного печенья позволяет говорить о том, что на данной территории именно эти сроки соответствуют началу весны.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Благовещение чаще всего приходилось на пост, поэтому его принято рассматривать как один из праздничных дней Великого поста. Однако в традиции Муромского края жесткой привязки Благовещения к дням Великого поста не существует. Оно, наряду с другими датами земледельческого календаря, рассматривается как один из весенних праздников, хотя исполнители могут отметить, что он приходится на пост:

«Благовещение бывает Постом, бывает — нет. Он в числах» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Благовещение не всегда постовой праздник, он и после Пасхи может быть» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Благовещение — большой церковный праздник, и если он приходился на пост, верующим разрешалось есть рыбу:

«Благовещение большой праздник. Если он на пост приходится, то в этот день рыбу можно есть, а так постом нельзя» (Москвина М.Ф., 1921 г.р., рукописный фонд);

«Если Благовещение постом, то разрешается рыбу есть, потому как большой праздник» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239).

На Благовещение пекли особое обрядовое печенье в виде птичек. Оно называлось *голуби*. Это печенье было плоским и представляло собой стилизованный птичий силуэт. Им угощали всех, кто приходил в дом:

«На Благовещение голубей пекли, печенье такое как голубь. Из лепешки птичку вырезали. Угощали ими всех» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

В этот день запрещалось работать:

«На Благовещение работать грех. Говорили, что в этот день птица гнезда не вьет, а девка косы не плетет» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«На Благовещение работать нельзя, большой праздник. Девушка косы не плетет, а птица гнездышка не вьет» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд).

Необходимо отметить, что в данной традиции существовал запрет и на расчесывание волос в этот день, так как в противном случае куры могли разрыть огород:

«На Благовещение-то волосы расчесывать нельзя. Если расчесывать будешь, куры весь огород разорят. Так и будут шастать» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

Обычно сведения о запрете работать в этот день сопровождаются рассказами о Божьей каре для нарушителя запрета:

«Вот у нас одна собралась работать, чего-то ей постирать надо или уж не помню. И вот это Благовещение. Так у ней руки отнялись. Бог ее наказал» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140).

День недели, на который пришлось Благовещение, приобретал на целый год особую сакральную отрицательную силу — в этот нельзя было работать или по крайней мере начинать какие-либо работы:

«Вот смотрели, на какой день Благовещение приходится, и вот весь год потом ничего в этот день не начинали» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140);

«Замечали на какой день оно приходится и вот уж тут годом и не работали в этот день» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079).

О тяжести этого дня говорит и поверье о том, что рожденный в этот день будет несчастным:

«Кто родится на Благовещение, несчастным будет — день больно тяжелый» (Рогоськина К.М., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1079).

В Муромской, как и в большинстве православных традиций, Благовещение сопоставляется с Пасхой:

«Вот всегда замечали, какой день на Благовещение, такая и Паска будет» (Фокичева Е.В., 1924 г.р., рукописный фонд).

Благовещение, наряду с днем св. Евдокии, днем Герасима Грачевника и праздником Сорока Мучеников, считалось днем прихода весны. Иногда Благовещение сопоставляется с началом весны, однако чаще считается, что с этого дня рушится санный путь:

«Благовещение весне начало. Говорили, что Благовещение — саням помещенье. Уж на санях не едут» (Антонова З.А., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1141).

Пчеловоды на Благовещение ходили пчел поздравлять (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Благовещение было важным днем для земледельца. Хозяин приносил со службы просфору и ее хоронили до первого сева:

«Вот из церкви приходили и приносили просфору и ее в сетевую ложили, до первого сева, чтоб урожай был» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд);

«Просвиру приносили из церкви и в зерно зарывали. Это на Благовещение, чтоб хлеб родился» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд).

ПАСХА

Светлое Христово Воскресенье в народной традиции не насыщено обрядовыми действиями. Основным действием в этот день является посещение церкви:

«На Пасху в церковь ходили, на службу. Красиво. Все со свечками. Праздник» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Старались в церковь пойти, на службу. Она ночью, все равно ходили. Много народу было» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

После церковной службы с утра люди ходили христосоваться:

«Утром вот все христосовались. Я вот с яйцом иду и она с яйцом. “Христос воскрес!”. “Во истину”. И вот яйцами обмениваемся. Христосуемся» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239);

«Все христосовались. Яйцами менялись и целовались. Говорили, христосоваться надо» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140).

Существовал обычай стегать, «крестить» вербой, оставшейся с Вербного воскресенья, и получать за это яйцо:

«Вот брали с боженки вербу и вот кто в дом придет, его этим прутиком и крестят. Крестят этим прутиком на Пасху» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

Зафиксирован также обычай жечь костры на Пасху:

«На Пасху у нас тут костры жгли. Прямо посередине порядка. Собирали и жгли. В пасхальную ночь. Прямо после службы. Красиво так горело» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

В Муромском крае существовал обычай смотреть, как солнце играет:

«Мы утром пораньше вскочим, смотрим как солнце-то играет. Оно всеми цветами переливается. Прямо искорки такие скочут» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Нас мама будила смотреть как солнце играет. Оно по облакам переливается всеми цветами, как радуга. Говорят, кто увидит как оно играет, счастливым весь год будет» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Пасха у всех исполнителей ассоциируется с представлениями об изобилии, а не с конкретными пасхальными блюдами. Хотя многие говорили, что основными блюдами пасхального стола является кулич и крашеные яйца:

«На Пасху чего только на столах не было, и напарено, и нажарено. Столы ломились. Конечно, яйца, кулич это всегда. А так что что горазд» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Еды на Пасху много было, уесться. Все на стол ставили. Ели и спали всю неделю. Яйца, куличи, мясо, масло — все на столах» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239).

Всю Пасхальную неделю запрещалось работать:

«На Пасхальной неделе только ели и спали, работать на Пасху грех» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Грешно на Пасхальной неделе работать, Бог радоваться велел» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

К сожалению, в наших записях нет рассказов о пасхальных гуляниях, исполнители лишь упоминают о них.

На протяжении всей Пасхальной недели жители Муромского края играли в так называемые «игры с яйцами», которых существовало довольно много:

«Яйца на Пасху катали. У нас вот желобок такой был. И вот все расставят яйца и по желобку выбивают. Я вот выбила — я забираю. Не попала — ты забираешь» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«У нас вот по желобку-то не катали. У нас вот тут у дома делали площадку и вот выставляли яйца и яйца эти другим яйцом надо было выбить. Если вот я качу и попала, то значит забираю то яйцо, нет, другие забирают» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Мы вот мяч из какого-то шбола делали и вот этим мячом и выбивали яйца. Вот разложат на площадке и выбивать надо. Ты попала — ты берешь, я — я. Мужики не катали, а мальчишки да» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд);

«В избах катали у нас. И по желобку, и так. Выбивали до корзины, если везет» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139);

«У нас яйца не только катали, но ими и стукались. Вот я зажму и он зажмет. Вот так в кулак, только чтоб носик торчал и стукались. У кого разобьется, тот и проиграл» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд).

В настоящее время большинство исполнителей указывают на то, что в Пасху они ходят на кладбище, но в то же время все отмечают, что раньше это было не заведено:

«Сейчас вот на Пасху на кладбище ходят, а раньше нет. И батюшка сказал, что к покойникам на кладбище в Пасху не ходят, у них свой праздник» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

ЕГОРИЙ

Считается, что первый выгон скота после зимы совершается в Егорьев день. Конечно, реально выпас скотины начинался лишь тогда, когда вырастала трава, но в Егорьев день старались выгнать скот в поле хотя бы на несколько часов. В то же время некоторые исполнители уверенно заявляли о том, что выгон скотины в Егорьев день невозможен. Однако совершенно очевидно, что семантика Егорьева дня тесно связана со скотоводческой обрядностью.

По поверью, святой Георгий защищает скотину от волков и болезней:

«Егорий он скотий пастырь, скотину он защищает» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142);

«Егорий он скотинку защищает от волков, все больше от надежа» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137).

По погоде этого дня судят, когда будет достаточно травы, чтобы скотина могла полноценно пастись в поле:

«Замечают вот все: если Егорий с водой, то Никола с травой, травы много будет к концу мая» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд);

«Егорий с водой, а Никола с травой. Если на Егорий снега не осталось нигде, и лужи, то травы на Николу будет достаточно для скотины» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136).

В этот день коров кропили святой водой, и даже если погода не позволяла начать выпас, выводили их из хлева:

«На Егория коров всегда святой водой кропили, чтоб надежа не было» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд);

«Скотину старались вывести из хлева, какая-никакая погода, выводили все равно. Кропили святой водой, иконкой обносили» (Святова З.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1076).

Перед самым Егорием нанимали пастухов, договаривались с ними о плате и еде. Пастух играл большую роль в жизни сельской общины. И не случайно исполнители вспоминают о прежних пастухах. Почти все исполнители отмечают, что пастухи играли на рожках. В Егорьев день пастухи совершали с рогом обрядовые действия, призванные облегчить им работу. Так, например, некоторые закладывали в пастуший рог вербные почки, чтобы легче было собирать скотину:

«Вот мой дед он с рожком пас. Так вот он с боженки вербу брал, и вот барашка (почку) и закладывал в рожок. Чтоб, значит, скотина рожок слышала» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

С утра хозяйки приносили пастуху еды, и это приношение называлось «выгон»:

«На Егория пастуху выгон приносили. Хозяйки вот соберут там яйца, хлеба, пироги может у кого есть, и несли пастуху» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд).

Каждая хозяйка выгоняла свою корову на пастбище вербой, оставшейся с Вербного воскресенья. Большинство исполнителей отмечают, что вербу ставили обратно к божнице, но некоторые вспомнили о том, что вербовый прутик втыкался в землю на месте выпаса, чтобы скотине не угрожала опасность:

«На Егория скотину вербой выгоняли. Вот с боженки брали прутик и гнали. А потом этот прутик втыкали на пастбище, чтоб волки скотину не драли» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239).

В этот день коровам подрезали хвосты, чтобы скотина домой ходила:

«На Егория коровам хвосты подрезали, чтоб они домой ходили» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

Иногда считают, что на Егория выгоняют на пастбище лошадей, а коров несколько позже:

«У нас на Егория коров не гоняли, а только лошадей. Егорий он лошадей привечает» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140).

«На Егория коров только из хлева выводили, а лошадей тех за околицу, как на пастбище» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

С Егорьева дня начинали сажать лук, но при этом на сам праздник распространяется запрет на работу с землей:

«С Егорьева дня лук сажать начинают, чтоб много было, но на самого Егория не работают. Грозный он» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«На Егория работать нельзя — грозный, а после надо лук сажать. А на Егория ни-ни, как бы тепло не было, до Егория и на Егория лук не сажают, только после» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075).

Существовала примета о том, что если на Егория достаточно травы, то в Николин день (22 мая) уже будут комары:

«Егорий с травой, а Никола с комарами. Так говорили. Это если на Егория травы много, то значит к Николину дню комары появятся» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд).

В народном мировоззрении Егорьев день также характеризуется как грозный праздник, на который нельзя работать. Грозным называют и самого святого, который наказывает за нарушение запрета. Поскольку св. Георгию в христианской традиции посвящено два дня, то обычно уточняют, что *грозный только Вешний Егорий* (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137).

ВОЗНЕСЕНИЕ

Вознесение Господне — двенадесятый праздник, отмечаемый на сороковой день после Пасхи. Он всегда приходится на четверг, однако исполнители отмечают это как некую специфическую особенность праздника:

«Вознесеньё оно всегда должно на четверг приходиться, если на другой какой день — то плохо» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Вознесеньё оно в четверг случается. Обязательно должно на четверг приходиться» (Мокеева Н.К., 1921 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

Эта дата в календарной традиции Муромского края связывается с серединой весны:

«Вознесеньё — весне середина. Тут уж сколько ни думай, а лето скоро» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079);

«Вознесеньё — весне половина. Прошла значит половина весны» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239).

Считается, что с этого дня начинается активный рост трав:

«С Вознесенья травы сильно в рост идут, тянутся» (Мокеева Н.К., 1921 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Вот как Христос вознесся на небо, так и трава с Вознесенья к небу тянется» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

Праздник Вознесения сопровождается обрядами, призванными обеспечить будущий урожай. В этот день девушки, а реже молодые женщины, совершали обходы полей, сопровождаемые совместной трапезой:

«У нас на Вознесеньё девки в поля ходили. Вот поля обходили и потом гуляли. Соберут с каждого дома чего-нето, кто там яйца, кто хлеб, кто пироги какие. И вот гуляли в полях. Яичню обязательно делали. Из всех яиц, что собрали» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

С яичницей, которую девушки совместно делали в поле, гадали о качестве будущего урожая¹⁸. Для этого каждая из участниц совместной трапезы брала последнюю ложку с остатками яичницы и бросала через голову в поле, а затем смотрела в поле, и если за ростками ложку было не видно, то считалось, что урожай будет богатым¹⁹. Иногда кидали не ложки, а просто остатки пищи:

¹⁸ В большинстве славянских традиций на Вознесение обрядовые предметы кидают вверх, чтобы спровоцировать рост, высоту растений. В данном случае исполнители говорят о густоте растений, хотя, может быть, под густотой понимается именно высота растения, оно такое высокое, что не видно лежащего на земле предмета.

¹⁹ В данном случае магический акт был направлен на узнавание будущего, а не на усиление вегетации растения.

«Вот я маленькая была, видела. В наш возраст уже не делали, а вот постарше кто. Вот они яшню в поле сделают. Вот поедят и ложки с остатками в поле и кинут. И потом каждый свою ложку ищет. Если найдут — хлеба редкие будут, нет — густые.

[Соб.]: Они ходили по полю?

Нет. Они вот смотрели. Если видно ложку — хлеб редкий будет, нет — густой. Все больше во ржи гадали» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Мне мама рассказывала, что они яшницу в рожь кидали и смотрели: видны кусочки или нет. Если видно — хлеба мало будет. Если нет — много» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Наиболее пожилые исполнители говорят о том, что обходы полей могли сопровождаться молебном, однако, и в этом случае по окончании службы девушки совершали самостоятельный обход и гадание с яичницей.

В этот день пекли особое печенье, которое представляло собой сделанную из жгутов теста лесенку с семью перекладками. Печенье использовалось в аграрной магии. Его могли крошить или ставить в поле целиком с целью защитить посевы от погодных явлений:

«У нас вот на Вознесенье лесенки пекли. Так вот из теста жгутики и перекладки. Семь перекладок делали. И в поле их ставили, чтоб град не побил хлеб» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Лесенки на Вознесенье пекли из ржаного теста и в поле крошили или так прям ставили, чтоб засухи не было» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140);

Этот вид обрядового печенья использовался и для защиты от колдунов:

«Чтоб значит хлеб не пережинали. Ну, колдунья чтоб хлеб не пережала, вот значит эти лесенки в хлеб и ставили» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227).

В Муромском крае для защиты от погодных явлений могли использовать как целые, так и разбитые печенья, а в случае обережной магии использовались только абсолютно целые лесенки. Считалось, что для защиты поля от пережидиц необходимо обойти поле с лесенкой и лишь затем поставить ее в посевы:

«Когда от засухи лесенку ставишь, то к краю поля подойдешь да и воткнешь. И она там и сломана может быть. И даже иногда крошки сыпали. А вот от пережина тут уж целая должна быть. И вот ее брали и с ней вокруг поля обходили и старались подальше в поле поставить» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

Некоторые исполнители вспоминали о том, что лесенки втыкали в землю для усиления вегетации растений:

«Лесенки в рожь ставили, чтоб росла лучше, выше чтоб была» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140).

Вознесение в данной традиции было связано не только с аграрной продуцирующей магией, но и с представлениями о посмертном пребывании души на земле, ее вознесении на небо и загробной жизни. Похоронная семантика этого дня сведена практически к одному действию — гаданию с лесенками. Действия, совершаемые с ними, были одинаковые, а результат гадания мог трактоваться по-разному. Так, повсеместно гадающие брали свою лесенку и шли в церковь, отстояв службу, они бросали лесенку с церковного крыльца. Если лесенка разбивалась, то после смерти человек окажется в аду, а если нет — то в раю:

«Эти лесенки после службы бросят с церковного крыльца. У кого разбилась, тот в ад попадет, а целая — в рай» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

Зафиксировано другое толкование этого гадания, связанное с представлением о семи небесах Апокалипсиса. Гадающий смотрел, какая ступенька лесенки отбилась, и считал, что именно на таком небе он и окажется после смерти:

«Вот ее бросят и смотрят, сколько отбилась палочек. Если одна — будешь на первом небе, а пять — на пятом. Так вот все смотрели» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075).

ТРОИЦА И ДУХОВ ДЕНЬ

Троица и Духов день представляли собой в традиции Муромского края единый комплекс.

Надо отметить, что начинались обрядовые действия в четверг перед Троицей, когда девушки *заламывали березку*. Некоторые исполнители вспомнили, что Троицкий четверг назывался Семик:

«Вот в четверг перед Троицей березку заламывали. Ну, в лесу березку замечали, веточки у нее так связывали, ленточками, тряпочками» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

«Вот четверг перед Троицей — это Семик. Тут в лесу березку заламывали. Ну так веточки связывали колечками» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075).

Березку рубили или вечером в субботу или в сам праздник Троицы с утра. Девушки украшали деревце, чаще всего лентами или тряпочками:

«Вот ту березку что заломали, вот ее в субботу вечером срубят и уж тут ее девки украсят всю, всю украсят. В четверг так, две-три ленточки, а тут уж она стоит вся изукрашена» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

В Муромском крае существовал обычай украшать дома березовыми ветками.

«У нас на Троицу дома веточками украшали. В окошечки втыкали. У домов ставили березки срубленные» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

Необходимо отметить, что до настоящего времени в крае сохранился запрет ломать березу до Троицы:

«Березу до Троицы не ломают. Лист у нее склизкий, веники плохие» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«До Троицы березу не ломают, грех это. Она еще не вошла в силу» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

В настоящее время никто не помнит об обряде кумления на Троицу. Большинство лишь упоминают о том, что девушки обменивались на Троицу платками:

«У нас вот девки на Троицу платками менялись. Лентами не менялись, а платками да. Ну, самые близкие подружки» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«На Троицу девушки должны были обменяться платками. Я тебе, а ты мне» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Некоторые исполнители говорят о том, что девушки на Троицу собирались на совместную трапезу, называемую ссыпченой. Однако чаще всего ссыпчину устраивали не сами девушки, а кто-нибудь из взрослых. Блюда на Троицком столе были строго регламентированы. Обычно среди них называют яичницу, лапшевник, кашу и картошку. Необходимо отметить, что каждая возрастная группа украшала свою березку и устраивала свой стол:

«У нас вот девки и бабы под березкой гуляли. Соберут продукты и гуляют. Бабы сами собирали все и вот на дойку идут с этой березкой, а девки в селе гуляли» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079);

«Каждый возраст сам гулял. Девки в деревне устраивали. Кто-нибудь из родителей им стол делал, а бабы все в поле. Каждый свою березку наряжал» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд).

После совместной трапезы девушки устраивали гулянья. Впереди гуляющих несли украшенную березку:

«Какие гулянья были. Девки идут по деревне, березку эту несут, песни, гармонь» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд).

На Троицу девушки гадали о женихе. Считалось, что венок, сделанный из троичкой травы, может предсказать скорое замужество, если его бросить в воду и он не утонет, в противном случае это предвещало смерть:

«Девки на Троицу гадали. Из травы венки сделаешь, из цветов и в воду бросаешь. Если плывет — замуж выйдешь, потонул — к смерти» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«На Троицу венки плели и в воду кидали. Если плывет — к свадьбе, тонет — к смерти» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239).

Завершался праздник уничтожением березки. Чаще всего ее топили в реке или сжигали в поле:

«Вот с этой березкой нагуляются, а потом в реку бросали, топили ее. Шли к реке и топили» (Рябова А.М., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Ее в поле за деревней бросали. Вот уж вечером нагуляются и бросали» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073);

«Березку за деревней в поле жгли. Вечером, когда уж с ней нагуляются» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Итоговым днем троичского цикла был Духов день. Духовым днем принято называть праздник Сошествия Святого Духа. Он приходится на 51 день после Пасхи и отмечается в понедельник после Троицы. Большинство исполнителей уверенно говорили о том, что на Духов день приходит настоящее летнее тепло. Некоторые считали причиной тепла дождь, который всегда бывает на Духов день. Некоторые исполнители указывают на то, что именно в дожде на землю сходит дыхание Святого Духа:

«На Духов день настоящее лето приходит. Тут уж Святой дух теплом на землю дохнул — тут уж лето пришло» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«На Духов день всегда дождь. Это святой дух тепло на землю посылает. Духов день — это настоящее лето пришло» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239).

В данной традиции именно этот день считается началом купания:

«У нас купаться начинают с Духова дня. Как лето начинается — тут и начало купанья» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд).

Как и на большей территории северной, северо-восточной и центральной России, на территории Муромского края существовал запрет работать в этот день с землей; отчасти потому что Духов день — это *грозный* праздник, в который нельзя работать. С другой стороны считается, что в этот день земля именинница:

«На Духов день землю трогать нельзя, нельзя в огороде работать. Грозный праздник. Грех работать» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139);

«На Духов день земля именинница. Тут уж не копают, и в огород не выходят» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

В Муромском округе зафиксирован довольно редкий запрет, связанный представлениями о земле-имениннице. Наиболее пожилые исполнители говорят о том, что на Духов день нельзя ходить по земле в обуви:

«Я помню, у меня дед на Духов день без обуви ходил, говорил, что нельзя, грех — земля именины справляет» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд).

С Духова дня в данной традиции отменяются запреты, связанные с использованием растений, прежде всего трав, и действующие на данной территории в троичский период. С Духова дня начинали косить траву (к этому времени приурочен первый покос), собирать лекарственные, а отчасти и магические растения, рубить деревья, заготавливать веники, приносить в дом цветы.

Надо отметить, что по народным представлениям день Сошествия Святого Духа не только *грозный*, но и *грозовой* праздник. Почти все исполнители отмечают, что в этот день ожидают дождя с грозой. Считается, что если в этот день не будет грозы, то не будет и лета:

«На Духов день всегда гроза. Всегда она бывает. Должна она быть. Не будет грозы — лето холодное будет. Тепла не будет» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

ИВАН КУПАЛА

Иванов день (Рождество Иоанна Крестителя — 7 июля) в муромской традиции не сохранил большинства присущих ему обрядовых действий. Так, даже наиболее пожилые исполнители не вспомнили ни обрядовых действий с травами и цветами, ни традиции купальских костров. Не вспомнили наши исполнители и присущие этому дню обрядовые бесчинства. Мы имеем лишь единичные упоминания о ритуальном купании в этот день:

«Купаться начинали с Духова дня, а на Иванов день уж всегда. Тут обязательно надо искупаться» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

Таким образом, весь комплекс ритуалов, связанных с Ивановым днем в настоящее время находится в разрушенном состоянии. Об этом свидетельствует и отсутствие в наших записях песен купальского цикла. В настоящее время Иванов день осознается как определенный сезонный рубеж. В данной традиции он чаще всего называется вершиной лета:

«Иванов день лету макушка» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Иванов день лету вершина, самое тепло тут» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

ПЕТРОВСКОЕ ЗАГОВЕНЬЕ И ПЕТРОВ ДЕНЬ

Последний день перед Петровским постом в данной традиции чаще всего называется Заговеньем²⁰.

В данной традиции основной функцией Заговенья является завершение пасхального (окончание окрашивания и катания яиц) и троицкого цикла обрядов (день, когда убирают троицкую зелень):

«Яйца на Заговенье кончают катать. Прямо перед Петровками. Тут пост и яйца не катают уже» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«На Заговенье березку с окошек снимают, тут все прибирают — Пост» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Петров день (День памяти апостолов Петра и Павла — 12 июля) считается в муромской традиции поворотной датой, после которой в природе начинаются изменения, свидетельствующие о приближении осени. Большинство текстов, связанных с этим днем, фиксируют угасание процессов роста трав и цветов, потерю ими силы (физической и магической):

«С Петрова дня трава уж медленно растет» (Мокеева Н.К., 1921 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«После Петрова дня трава не такая густая, сено уж будет не такое сытное что ли. Другое оно после Петрова дня» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

Считается, что на Петров день перестают петь все птицы. Прекращение пения объясняется тем, что птицы кормят птенцов или, реже, сидят на яйцах:

«С Петрова дня птицы не поют — они уже птенцов кормят» (Москвина М.Ф., 1921 г.р., рукописный фонд);

«На Петров день птицы на яйцах сидят и не поют уже. Тихо так становится» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Однако главное изменение, которое отмечают практически все исполнители, это сокращение светового дня. Петров день является первой из трех дат²¹, с кото-

²⁰ Иногда, чтобы различать этот день от других дней, предшествующих постовым циклам, заговенье перед Петровым днем называют Яичным или Петровским заговеньем, еще реже, в основном на западных территориях, испытывающих сильное влияние поволжской традиции, встречается название Сыпное воскресенье.

²¹ Вторая — Ильин день, третья — Третий Спас.

рыми связано убывание светового дня. Считается, что с Петрова дня ночь становится длиннее на час:

«Петр-Павел час убавил. День короче на час стал» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд);

«Петр-Павел к ночи час прибавил. Ночь с этого дня на час длиннее» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

КАЗАНСКАЯ

В этот день, как и в другие праздники, нельзя было работать, так как Казанская считается одним из *грозных* и грозовых праздников. Гроза на Казанскую рассматривается как проявление грозности Божьей Матери, как кара за нарушение запрета работать:

«На Казанску работать грех. Кто в этот день работает, она того накажет. Грозы сильные бывают — это Богоматерь сердится» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

ИЛЬИН ДЕНЬ

Датой, которая считалась в муромской традиции окончанием лета, считается Ильин день (день памяти пророка Илии — 2 августа):

«На Ильин день лето кончается, тепло уходит» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Ильин день лету конец, а осени начало» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Считается, что на Ильин день резко меняется погода, прежде всего перестает греть солнце. С этого дня могут начаться заморозки, и уже не бывает теплых ночей; изменяется привычное для данного места направление ветра; дни становятся короче, а ночи длиннее:

«С Ильина дня солнце уже не греет, ночи холодные, даже заморозки могут быть» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«У нас с Ильина дня ветер меняется. Он до Ильина оттуда дует, а потом только отсюда» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд);

«С Ильина дня время убывает. Илья Пророк два часа уволок. Ночь на два часа длиннее» (Сорокина Л.С., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Считается, что с Ильина дня начинается активный листопад и сильные дожди. Верят в то, что если на Илью дождь до обеда, то дожди будут в течение шести недель, а если во второй половине дня, то август будет сухим. Дожди после Ильина дня не приносят пользы, поскольку отсутствие тепла не дает возможности активно сохнуть растениям. Именно поэтому считается, что дождь после Ильина дня приносит убытки. Таким образом, Ильин день выступал еще и как одна из хозяйственных границ года:

«С Ильи дожди сильные начинаются, и лист уже падает. Если на Ильин день дождь с утра — шесть недель дожди будут» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Дожди после Ильи к убыткам, все гнить начинает. Не сохнет ведь ничего» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Большое число поверий связано с запретом купаться в этот день. Причиной запрета служит резкое охлаждение воды, основанием которого считают самые разные явления. Самое большое число поверий связано с оленем, в образе которого тесно переплетаются различные мифологические черты. Олень может совершать множество действий, которые приводят к охлаждению воды (наиболее целомудренные, но наименее частотные из них, это опускание в воду рогов и копыт):

«Купаться после Ильина дня нельзя, потому что олень в воду рога опустил» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

«С Ильи уже не купаются — олень в воде копыта намочил» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«На Илью олень в воду дунул — вода холодная стала» (Сизова З.Н., 1929 г.р., рукописный фонд).

«Олень, все говорят, в воду плюнул и вода стала холодной» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«На Ильин день олень в воду пернул — тепло ушло» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд);

«На Илью олень в воду нас...л — вода ледяной стала» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

Менее распространена другая мотивировка запрета купаться. Некоторые исполнители говорят, что воду охлаждает сам святой, бросив в нее льдинку, дохнув холодом или искупавшись:

«С Ильина дня купаться нельзя. Святой Илья в воду льдинку бросил» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«С Ильина дня вода холодная, купаться нельзя, потому что Илья в воду дохнул» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075);

«Илья в этот день в реке искупался и тепло ушло» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239).

Наконец, еще одной причиной охлаждения воды называют действия такого персонажа, как Алёна, которая мочит или моет свои волосы в воде:

«На Ильин день Алёна косы в воду опустила и вода холодной стала, купаться кончали» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«С Ильи купаться кончали — все говорили, что в этот день Алёна косы моет, и поэтому вода холодная» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136).

День памяти пророка Илии считается в Муромском крае большим праздником, но в отличие от других значимых дат народного календаря на него не совершают значительных обрядовых действий. Интересно, что праздник в народном сознании распадается на две части. Первая — это день памяти пророка. Те исполнители, для которых именно эта часть наиболее значима, рассказывают обычно о святом Илье, который является грозным святым — наказывает всех за грехи (Святова З.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1076). Поскольку в здешней традиции имя Илья связано не только с Пророком, но и с Ильей Муромцем, то о святом рассказывают, что *Илья-Пророк тридцать лет не ходил, а Бог с Николаем Угодником по земле много ходили раньше-то, они Илью и исцелили, а потом его на небо вознесли живым* (Рогоськина К.М., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1079).

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Яблочный Спас, или праздник Преображения, в настоящее время не осознается в муромской традиции как крупный праздник. Некоторые наши исполнители вспоминают, что во времена их детства родители, а чаще бабушки и дедушки, в этот день читали над плодами нового урожая молитвы, кропили их святой водой. Обязательным для этого дня было и посещение церкви, где происходило освящение плодов, которые могли использоваться как для разговения, так и для пожертвований. Освященные фрукты жертвовались церкви и использовались в качестве милостыни:

«Сейчас не так все, а раньше на Яблочный Спас все с яблоками в церкву идут, там их святят, что-то там оставляют. Дух такой в церкви стоит. Сейчас такого нету» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136).

В настоящее время большинство исполнителей говорят об этом празднике как о некой дате, после которой отменяется запрет на употребление в пищу яблок.

Нами зафиксированы многочисленные поверья, объясняющие и комментирующие этот запрет. Имеются две наиболее устойчивые мотивировки: яблоки нельзя есть тем, у кого умерли родители и яблоки нельзя есть тем, у кого умерли дети. В противном случае на том свете умершим не достанется яблочка:

«До Спаса яблоки нельзя есть. У кого дети умерли особенно. На том свете им яблочка не дадут» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142);

«Яблоками на Спас разговлялись. До Спаса не ели. Говорят, родителям на том свете яблочка не достанется» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137).

ИВАН ПОСТНЫЙ

Иваном Постным в муромской традиции, как и в большинстве регионов России, называют день усекновения главы Иоанна Предтечи (11 сентября). В этот день требуется соблюдение строгого поста (отсюда собственно и народное название праздника — Иван Постный) и отказ от работы в огороде. Нарушение запрета приводит к болезням людей и скота:

«На Ивана Постного пост держат. Ничего кроме хлеба не едят. И на огороде работать нельзя» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

Помимо собственно поста, соблюдался в этот день и запрет на употребление в пищу любых круглых предметов: картофеля, лука, яблок и т.п. Запретительная обрядность этого праздника связана с христианской легендой об отрубании головы Иоанна Предтечи по приказу Ирода, но в народной традиции она осмысливается примитивно-магически и порождает запреты на употребление в пищу всего, что напоминает голову. Этой же легендой мотивируется запрет на использование ножей и других острых предметов:

«На Ивана Постного ничего круглого не ели. Ни лука, ни яблок, ни картошки. Вот ничего нельзя. Это как голова Ивана Предтечи. Нельзя есть круглое — грех» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«На Ивана Предтечу ножом ничего нельзя резать — грех это, Бог накажет» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

ВОЗДВИЖЕНИЕ

Датой, которая в данной традиции маркирует середину осени, является Воздвижение (праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня — 27 сентября). Все поверья этого дня связаны с семантикой движения. Верят, что после Воздвижения Бог закрывает или запечатывает землю. Именно этим объясняется представление о том, что в этот день змеи прячутся под землю. Именно перемещением змей и объясняется запрет ходить в этот день в лес во избежание укуса змеи:

«На Сдвиженьё в лес не ходят. Бог землю запечатывает на зиму и змеи прячутся в норы. Их много в лесу в этот день» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Змеи на Сдвиженьё сдвигаются, в клубки сдвигаются и в ямы под землю уходят. Бог землю закрывает на зиму» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

ПОКРОВ

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) в традиции Муромского края считается *предзимьем*, т.е. временем, занимающим некое промежуточное положение между осенью и зимой.

Неустойчивая погода этого дня постоянно отмечается нашими исполнителями: *«На Покров до обеда осень, а после обеда зима»* (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

В этот день по погоде судили о характере предстоящей зимы:

«Если на Покров солнце светит, то зима будет теплая, а если холодно и пасмурно, то холодная» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд);

«Если на Покров снег идет — зима снежной будет» (Бесчастнов Б. И., 1935 г.р., рукописный фонд).

Сохранились лишь единичные упоминания о том, что девушки гадали в этот день на жениха. В одних случаях жениха должны были увидеть во сне. Тогда девушка перед сном убирала под подушку какую-нибудь мужскую вещь и просила показать ей во сне жениха. Во втором случае она выходила утром на улицу и рассматривала первого встречного, имя которого указывало или на имя жениха, или (если встречалась женщина) на имя его матери:

«Вот на Покров под подушку клали штаны там или ремень и просили, чтоб жених приснился» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Вот утром на Покров выходили на улицу и смотрели, кто покажется. Имя спрашивали. Мужик — так жениха звать будут, а баба — свекровь» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137).

* * *

Как видим, праздничные даты народного календаря в Муромском крае сохранились недостаточно полно. Большинство праздников сохранились лишь в памяти наиболее пожилых исполнителей. Многие значимые даты народного календаря забыты. Однако некоторые праздники отмечаются и до сих пор.

Исполнители

Антонов Владимир Николаевич, 1927 г.р., с. Ковардицы (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Антонова Зоя Алексеевна, 1938 г.р., с. Борисово, урож. с. Пестерькино (ЦРФ-Э-1141 Соб. В.Е. Добровольская).

Бесчастнов Борис Иванович, 1935 г.р., с. Панфилово (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Борисова Нина Ивановна, 1919 г.р., д. Малое Юрьево (ЦРФ-Э-1142. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина).

Венина Вера Матвеевна, 1935 г.р., д. Степаньково (ЦРФ-Э-1079. Соб. В.Е. Добровольская).

Гришина Глафира Васильевна, 1931 г.р., д. Петраково (ЦРФ-Э-1075. Соб. В.Е. Добровольская).

Гусенкова Мария Андреевна, 1918 г.р., с. Ковардицы (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Демина Ефросинья Григорьевна, 1919 г.р., д. Варез (ЦРФ-Э-1226. Соб. В.Е. Добровольская).

Деребина Антонина Герасимовна, 1932 г.р., д. Новое Ратово (ЦРФ-Э-1136. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина).

Епифанова Наталья Дмитриевна, 1921 г.р., д. Новое Ратово (ЦРФ-Э-1136. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина).

Зеленова Клавдия Павловна, 1925 г.р., с. Якиманская Слобода (ЦРФ-Э-1227. Соб. В.Е. Добровольская).

Ивлева Тамара Петровна, 1935 г.р., д. Петраково (ЦРФ-Э-1074. Соб. В.Е. Добровольская).

Калинина Раиса Максимовна, 1925 г.р., д. Лазарево (ЦРФ-Э-1139. Соб. В.Е. Добровольская).

Касатова Мария Ивановна, 1926 г.р., с. Ковардицы (ЦРФ-Э-1224. Соб. В.Е. Добровольская).

Ларионова Мария Алексеевна, 1924 г.р., с. Якиманская Слобода (ЦРФ-Э-1227. Соб. В.Е. Добровольская).

Макеев Виктор Петрович, 1938 г.р., д. Новое Ратово, ур. д. Межищи (ЦРФ-Э-1136. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина).

Медведева Нина Павловна, 1946 г.р., д. Лазарево (ЦРФ-Э-1140. Соб. В.Е. Добровольская).

Моисеева Антонина Ивановна, 1920 г.р., д. Петраково (ЦРФ-Э-1073. Соб. В.Е. Добровольская).

Мокеева Наталья Константиновна, 1950, г. Муром (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Москвин Борис Федорович, 1929 г.р., с. Панфилово (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Москина Мария Федоровна, 1921 г.р., с. Ковардицы (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Мясникова Евдокия Максимовна, 1919 г.р., д. Новое Ратово (ЦРФ-Э-1137. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина).

Мясникова Мария Андреевна, 1926 г.р., д. Новое Ратово, ур. с. Благовещенское. (ЦРФ-Э-1136. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина).

Мясникова Тамара Алексеевна, 1936 г.р., д. Новое Ратово, ур. д. Кулаки (ЦРФ-Э-1137. Соб. В.Е. Добровольская).

Нестерова Анна Титовна, 1925 г.р., д. Степаньково (ЦРФ-Э-1226. Соб. В.Е. Добровольская).

Пилюкина Антонина Александровна, 1937 г.р., д. Лазарево (ЦРФ-Э-1140. Соб. В.Е. Добровольская).

Посулова Валентина Николаевна, 1959 г.р., с. Ковардицы (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Рогоськина Клавдия Матвеевна, 1929 г.р., д. Степаньково (ЦРФ-Э-1079. Соб. В.Е. Добровольская).

Рожкова Нина Петровна, 1923 г.р., с. Ковардицы (ЦРФ-Э-1224. Соб. В.Е. Добровольская).

Рыбакова Анисья Яковлевна, 1918 г.р., с. Ковардицы (с 1941г), ур. д. Паново (Меленковский р-н) (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Рябова Александра Михайловна, 1938 г.р., д. Новое Ратово, ур. д. Князево. (ЦРФ-Э-1137. Соб. В.Е. Добровольская).

Святова Зинаида Васильевна, 1931 г.р., д. Петраково (ЦРФ-Э-1076. Соб. В.Е. Добровольская).

Сизова Зинаида Николаевна, 1929 г.р., с. Панфилово (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Смолина Мария Петровна, 1936 г.р., с. Панфилово (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Сорокина Лидия Сергеевна, 1939 г.р., с. Панфилово (ЦРФ-Э-1136. Соб. В.Е. Добровольская).

Фокичева Елизавета Васильевна, 1924 г.р., с. Панфилово (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Шеронова Валентина Яковлевна, 1932, с. Ковардицы (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Шубина Анна Ивановна 1918 г.р., д. Пестенькино (ЦРФ-Э-1239. Соб. В.Е. Добровольская).

СВАДЬБА

В раздел, посвященный свадебному обряду, включены рассказы-воспоминания местных жителей в возрасте от 40 до 90 лет. У каждого из них виденное и пережитое сложилось в живое, эмоциональное повествование, передающее их личные впечатления, связанные с течением свадебного действия. При этом рассказы удивительно информативны, насыщены фактами, исторически достоверны и вполне могут быть использованы для воссоздания этнографического описания свадебного обряда Муромского края, каким он сохранился к середине XX века.

Обряд состоит из нескольких этапов. По предварительной договоренности в дом будущей невесты приходили **сваты** — родственники жениха, которые в индифферентной форме излагали причину своего визита. Если родители девушки были согласны с предложением, как правило, сразу же, а иногда с небольшой отсрочкой, проводился **запой/пропой**, во время которого выговаривалось приданое и решались вопросы по организации свадьбы. По замечанию некоторых исполнителей, **запой** непосредственно связан со сватовством, а **пропой** проходит вслед за этими мероприятиями с некоторой временной отсрочкой. Затем следует прощание невесты с подругами — **девичник**, время проведения которого трудно определить точно, так как одни информанты утверждают, что он происходил накануне свадьбы в доме невесты, у других он ассоциируется с **привозом приданого** в дом жениха.

Поезжание, т.е. прибытие свадебного поезда в дом невесты в день венчания или бракосочетания, сопровождается **выкупом дороги, места, величальными песнями** в адрес жениха и невесты, свахи, дружки и других участников свадебного поезда, а также **корениями** в адрес родни невесты. После благословения молодой пары родителями невесты поезжане и виновники торжества отправляются в церковь к венцу, откуда все приезжают в дом жениха, где родители молодого мужа встречают гостей и благословляют новобрачных. На **горно́м** (т.е. высоком, великом) пиру гуляют только родственники новобрачных, девушки на него не приглашаются, однако в последние годы присутствие молодежи на свадебном пиршестве допускается практически повсеместно. Во время свадебного застолья молодых **величают и одаривают**.

Обряды **второго дня** начинаются с пробуждения новобрачных, проверки **«честности» невесты**. Если девушка сохранила себя для мужа, то молодой супруг и его родственники **бьют горшки** и другую посуду, что должно знаменовать включение новобрачной в круг замужних женщин, причем **мести пол**, т.е. убирать осколки, мусор и подброшенные деньги должна молодая хозяйка — таким образом проверяется ее хозяйственность и сноровка. Затем из дома невесты приходят родственники и подружки с наряженной лентами и разноцветными бумажками **курицей**, сидящей на лукошке с яйцами, что должно, по мнению информантов, являться благопожеланием молодой быть плодотворной и благополучной в семейной жизни.

Новобрачных приглашают в дом тестя и тещи **на блины**. Там зять должен засвидетельствовать утраченную невинность своей супруги, особым образом **разрезая блины или отведав яичницы**. После обозначенных ритуалов начинается разгульное

веселье с участием ряженных, пением неприличных частушек и угощением спиртным всякого, кто встретится на пути свадебной процессии во главе с новобрачными. Второй день свадьбы повсеместно называется **пóзднать** или **пóзнать**, что означает день после основного события. В этот же день могли устраивать **баню** для молодых.

На третий день (**розгонь**) всё заканчивается хождением новобрачной на колодец за водой, где ей всячески мешают зачерпывать воду и нести ее в дом свекрови. Свадебщики ходят друг к другу в гости, пляшут и поют.

Свадебные действия первого дня сопровождаются магическими ритуалами, направленными на сохранение жизни, здоровья, репродуктивной функции молодых, которые, по местным поверьям, в этот день особенно уязвимы и подвержены дурному **влиянию колдунов** и другой нечистой силы. Рассказы такого характера сгруппированы в соответствующем разделе.

Свадебный цикл включает в себя ритуальные действия, которым подвергаются молодые, не прожившие еще и года в браке, на масленицу. Повсеместно известен обычай **«солить» новобрачных супругов** снегом, представляющий собой купание их в снегу.

Хотя последовательность свадебных ритуалов и действий хорошо сохранилась в памяти многих муромцев, к сожалению, практически полностью забыты причитания, приговоры свахи и дружки, лирические песни и величания, которые звучали на всех свадьбах, несмотря на то, что свидетельства об их бытовании фиксируются в каждой деревне. Собранные по крупицам тексты представлены не только в данном разделе, но и в музыкальной части сборника с указанием их обрядовой закреплённости. В настоящее время свадебными песнями называют «Златые горы», «Коробочку», «Раз полоску Маша жала», «Катюшу» и под., которые расположены в разделе «Необрядовая лирика».

В целом предложенные в разделе рассказы настолько ярко индивидуализированы, передают непосредственные впечатления участников свадеб, где в разное время исполнители играли разные роли, стилистически разнообразны, зачастую филигранны в передаче настроения и эмоционального накала, что сами по себе заслуживают внимания читателей и исследователей традиционной народной культуры как образцы устной прозы.

ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ СВАДЕБ

1.

...Ну, грех, постом. Когда пост, знаешь, спрашивают. Вот сейчас, например, пост Петровский, там Успенский будет пост, ещё Великий, Рождественский пост. Постом не играли свадьбы, нет <...> Ну, как, рассказывали. Или заболит человек, или жизнь плохая: не ладится, то разводятся. Были случаи. Вот постом никак не играли свадьбы. И сейчас всё спрашивают: «Когда пост?». Поглядишь на календарь, когда пост. Запомнишь так.

2.

И постом, да, нет, постом никогда не делали, это уже случай, случай какой-то может быть, это вот я помню, что одной свадьба, значит. Он военный, он приехал, и родители никто не пришли на свадьбу, только вот молодежь у них сидела. Ему надо уезжать срочно, а так — постом никогда, и то ждали какой-то супраздник, какой-то день надо. Ну, большинство осенью, большинство, потому <...> что в мае маяться, туда-сюда, осенью вроде урожай собирают, то ведь работы много, большинство все осенью.

3.

Постом играли свадьбу, но очень редко. Вот на моей памяти. Приезжал парень на побывку, моряк с Черноморского флота. У него кончалась уже побывка. И сыграли свадьбу, расписались. Они жили неплохо.

4.

...За постом вот только не делали. Уж после этого. После Масленицы и до Пасхи — вот эти шесть недель не делали... семь недель. А то всегда делали. И в мае не советовали — будешь маяться. Советовали от Рождества и до Масленицы. В Масленицу гуляют, тут уже пост начинается. И летом вот — у меня десятого августа была свадьба. А расписывались седьмого.

[Соб.]: Когда сваты приходят, что говорят?

Кто чего врёт. Вот у нас была... Пришла сватать за племянника. «Вот нам надо здесь овечку усватать. Говорят — у нас барашек, у вас овечка. Всё стадо...». Просили пройтись — не хромя ли... Какая невеста. У нас всё жених смотрел. Сговорились... «Ну, покажись, невеста, покажись».

5.

...Когда картошку выкопают и потом уже справляют свадьбы. Раньше осенью. Вот здесь вон Польцо было, большое село. Как только там Михайлов день престольный праздник. И вот на этот Михайлов день <21 ноября> по сколько свадеб, по десять и больше свадеб.

6.

В основном свадьбу играли осенью. Ну, раньше, свадьбы не играли в январе и в мае. Январь — всю жизнь январём будут смотреть друг на друга. А май — всю жизнь маяться. И поэтому, вот осень до Покрова. Покров — это 14 октября. Значит, в основном, свадьбы: сентябрь, октябрь. Ну, присылали сватов. Сватов, конечно, мать жениха, обязательно, ну и потом ещё родственников брали. Сватались, конечно, не так, как вот сейчас. Сейчас вообще не сватаются. Торговались: тогда у нас купец с женихом пришли товар покупать. Торговались долго. Специально время отводили для родителей невесты. А потом, когда жених и те сваты настаивают, тут уже собирают гостей, вызываем <...>. А вот вечером обычно приходят ко мне. А свадьбу они сами между собой назначали. Если, например, сватают в августе, то свадьба на октябрь, а может, даже и на ноябрь отнесут. Промежуток между сватовством и свадьбой большой был.

БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ**7.**

Раньше нам волю не давали, мы никуда не ходили. В деревне ещё строже держали, чем в городе. Сейчас молодёжь гуляет, а у нас бывало в девять часов мамина сирена: «Таня, домой!». Всё, шаш-монтаж, и мы не перечили, шли.

8.

Обычно, с 18 лет <можно сватать девушку>. Ну а как же! «Ти-ли, ти-ли, тесто, жених и невеста!» — их дразнили ребяташки.

9.

До войны мы невестами не считались. Бегали, оголяя ж..., так сказать. Невесту сватать лет с двадцати начинали.

10.

Сватали, да как сватали! Приходили, вот мы с ним дружили до армии. Я его ждала из армии. Он пришёл, сколько мне тогда было, двадцать лет мне, раньше три года служили. Я уж его и забыла, он в армии был. А потом пошла в клуб. «Вон Колька, Колька приехал!». Я с клуба-то бежать, пришла домой, хватить — он идёт. Ну, у нас произошла воспоминание, старая любовь. Ну и пришли сватать. Приходили его отец, мать. Пришли меня сватать, а я сидела. Договаривались как, когда свадьба, как что на свадьбу припасать. Тогда вот договорились, у нас была свадьба в июне, ну и гуляли сначала у жениха, потом у невесты. Гуляли весело, попросту было всё, отлично. Как вы сходитесь, любите ли вы друг друга, такие вот были.

СВАТОВСТВО

11.

Раньше, в старину, бедно было всё, но весело. Гуляли по неделе свадьбы, гудели из дома в дом, вся родня молодых. Как сватали: придут, другой раз жених и невесту даже не знает и не видел никогда. И кто-то из родни скажет: «Вот там есть девчонка хорошая, вот туда бы». Ну и вот они собираются, у жениха крёстный или дядя, может быть, или тетка какая-нибудь, родня, конечно, и поедут в ту деревню. Приедут, им приведут штуки две девчонок. И они не знают, которая из них невеста. А уже когда поговорят с родителями, и говорят: «А невеста которая?». — «Вот выбирай любую, которая тебе полюбилась».

Говорили: «У вас товар, у нас купец», это и в нынешнее время так говорят; «У вас петушок, нам бы курочку», кто чего говорит: «Нет ли у вас продажной овечки (или ярочки), у нас барашек один беспризорный бегает». Где как, в любой деревне говорят своё, нет такого, чтобы в нашей так, и во второй, и в третьей — везде по-разному.

12.

Мать, отец, родители приходят. Мать, отец, крёстная. <...> Они ещё постучатся: можно взойти или нету. Ещё разрешение спросят. Так вот. Там, это, около двери: «Разрешите, вот...». Всякие слова говорили: «Ага, у вас есть тёлочка продажная?» — «Есть, есть». — «Ну, есть, так пришли вот покупать. Давай посмотрим, что за тёлочка». Вот так, по старинке-то. Ша, в общем, так всё равно ходят так, наверно. Вот мы так ходили. «Ага, тёлочка есть продажная?». — «Есть тёлочка». — «Ну, вот давай к нам сюда тёлочку».

13.

Крёстные, родители, приходили, под балку садились. Вот, тут ставят стол, балка тут <...> Сват и сватья садились под балку. «Что, зачем пришёл?» — «Да мы вот пришли, нам надо ярочку молодую, у нас вот есть барашек, вот надо ему парочку». — «Есть у нас и ярочка, барашка нет». — «Как она живёт, что кушает?». — «Ну, что кушает? Сенцо хороше кушает, досыта кушает. А как же ваш барашек, может ли содержать нашу ярочку? От нас уйдёт, у нас-то она сытая, а барашек умеет содержать-то, прокормить-то её?». — «Надеемся».

14.

Садятся под балку. Ну, вот теперь уж нет балки. Это у потолка, на чём к потолку доски прибиваются. Доски так лежат, а балка так — поперёк. И вот под нее садились. Да, это обычай какой-то был, чтобы вот именно под ней. И приходят покупать тёлушку. Ну, как они обычно говорили: «У нас купец, у вас товар. Мы

пришли». А ещё девушку спрячут, не показывают. Бабушка у нас рассказывает, что пришли к тете Тале сватать. Пришли, а их же там три или четыре сестры-то было. Ну, говорит, пришли, сидим. Ну, жених-то её, наверное, видел, а они-то не видели. А зимой приехали, говорит, мы на санях туда за ней. Ну, ходят, выходят девки-то, одна вышла, другая. Все такие, ну которая-то из них. Тут выходит невеста. Ну, это ведь сейчас стрижки короткие в моде, а тогда... Батюшки, выходит невеста, да стриженная. Волосы-то короткие. Ой, она нам, говорит, не понравилась. Едем оттуда, говорим: «Ой, Санька, ты что какую невесту плохую взял? Она вон с волосами короткими».

— [Соб.]: И не стали жениться?

Да, нет. Чтой-то? Женились, жили они, да детей сколько нажили, четверо. Да она нормальная, тетя Таля-то была, просто она им такая показалась.

15.

Сперва приходят свататься. Потом назначают день свадьбы. Мать, отец, жених придёт. Ну, ещё кого-нибудь возьмут с родни-то. <Парень с девушкой>, они договорятся сами промеж собой. Уж они знают, что придут. Готовились. Угощение готовили. Другие нормы вон просят. Хлеба. Сколько... Хлеба, картошки. Скоко там. <За девушкой надо дать>: польта ль там нет, чего ли, куртки какой.

16.

Приходили. До меня вот сваты приходили. Приходил вот его товарищ. Приходила его сёстра и мать. Вот. На сватанье выговорили с меня <...> хлеба сколько пудов, машинку, перину <...> Свекровь выговорила. Машинку <...>, хлеба. Сколько пшеница, ржи. Вот. Перина. Это всё у меня было.

17.

...Мне было 17 лет <...> Ну и всегда я с ним ходила. Всегда ходила. Дружила. Потом его взяли в армию. Взяли в армию. И он четыре года служил. А этот год только прослужил <...>. И он пробыл, был в отпуске целую неделю. И потом приехал когда, уехал. Уехал. А этот через месяц приехал. И я с этим ушла, а тот меня был не на год, а поменьше моложе. А этот старше меня на четыре года. Я ушла с этим. Стала дружить. Ни с кем я не дружила. И вышла. Сначала <отказала> не пойду. А меня мать начала ругать <...> «Пора. Ты что?». Тут. А этого, прозвали монах. Мать — монашка. И он монах. <Они вместе уже приходили сватать>. И ушли. Мать, отец, тетка. И он сам.<...> Я пока гуляла с ним <другим>, узнала, что они у нас. Сватают меня. А я ко... — они все уж, договорились.<...> Ну, я подруге сказала: «Тамар, <меня сватают>, что мне делать-то?». Она знала, <какой> жених. «Иди-иди туда» <...> Туда и вот это, придано: вот машинку надо было. <...> Да надо вот тому-то платьё, другому платьё. Сёстрам... <...> А когда оне сказали на машинку. А у нас машинка стоит, а я и <...> не умею шить. Даже и не умею. Нет призвания такого <...> Не шила и не понимала. Слушай. Мать-то мне и говорит. <Ко мне подошла>, говорит: «Поди». Я подошла. Машинку, говорю <...> А я выхожу. А тут-то ещё ума хватило. А я выхожу и говорю: «А когда я буду шить-то? Машинку. Я шить-то не умею!». Все тут <...> А жених-то и говорит: «Ну, мы с тобой вместе будем шить.» Согласен. Да. И я вышла в сени. И не подошла больше. Звали, звали мне <...> И не зашла. Ну и ушли. А меня мать <...> пошла <ругать>: «Бесстыжая, бессовестная!» <Я говорю, поди за ним сходи>. Она говорит: «Нет, я <...> не пойду. Я сегодня не пойду. Придём послезавтра». Это было в воскресенье. В понедельник не ходят. Во вторник придём. <...> Меня мать-то ругала.

<Во вторник> я сижу. <...> Время, пришла я с работы в семь. Сижу на лежанке. <...> Я сижу: «Господи! Что наделали? Что наделал?». И не идет. Время-то восемь,

полдевятого. Всё нет. А у него там <...>. Во вторник-то пришли мать, отец, тетка обратно эта его. Еще раз. <...> Согласна я — не согласна ль? Не согласна, что ли? Встали под матицу. <...> Тут ничего не говорили. Поставили. <...> И все. Начали выпивать. А мать говорит: «Как меня будешь звать-то?» <...> А я говорю: «Как я тебя могу звать? Мамой». А меня, говорит, папой. Так и <довольны остались>.

18.

Постом свадьбы не играли, пост — все считали грех. Не будет счастья или там не уживутся.

После Крещения начинался мясоед. Сватали по-всякому. Кто сватает — мать, отец и крёстные, крёстный и крёстная приходили. Приходили, садились под балку. Приходят, садятся под балку. Задумает парень жениться, пойдут сватать, придут к одной — не пошла, к другой, к третьей. Вот кто-то пойдет, безо всякого сватали и женили.

Договаривались о свадьбе, выговаривали приданое. Кто чего давал. Швейную машинку или чего. Чтобы матери там платье или чего купить. Крёстному, крёстной — всем подарки: кому полотенце, кому на платье. И вот все выбирали, чтоб невеста была богатая.

И хлеба даже выговаривали, чтоб, значит, хлеба сколько-то привезла, мешок ли, два, картошка.

19.

Постом свадьбы справлять грех, мясоедом справляют, а постом грех.

Сватали мать с отцом. У нас ходят сватать. Мать, отец, крёстная и сам парень. Идут к невесте и просят у родителей руки. Это раньше шли не гулявши сватать. Они приходят в дом и под матицу садятся. Села и сидит, а мы ждём, чего скажет. Раньше выговаривали дары. В какой-то день дары дарили, до свадьбы.

Вот у нас одну сосватали, она его не любила. Уж всех отдалили, все. А она взяла и говорит: «Сходи откажи, я не пойду за него замуж, я его не люблю. Если выдадите, я с собой что-нибудь сделаю. Откажите». Вот ходили отказывали и дары пропали. Всё, что дарили, осталось там, у них.

20.

Я помню, как сестру приходили сватать, а про себя я и забыла. Так два мужика пришли и говорят (а у меня корова была): «У вас нет тёлочки продажной?». Да мы... А у нас правда тёлка. «Да есть! Только она уж не больно большая». — «А нам не больно большую и надо!». А они не тёлку, а вот невесту сватать пришли. Ну и усватались тута оне.

21.

Приходят сватья. Сватать и меня приходил — свадьбы не было. Пришёл (гуляла я с ним до армии), ушёл он в армию, год прожил, пришёл домой. Дома бедно, брат тут, четверо детей. Вот работать стал на свадьбу к мясоеду. Работал — отдавал матери. Время пришло вроде жениться. «А чего ты будешь жениться, денег-то нету». — «Как нету! Я ж тебе отдавал?». — «У меня их все отбирали». Ну и нет. Пришёл ко мне на праздник, чуть не плачет: «Хочешь, а то я пойду другую искать». Я говорю: «Как хочет мамка». Мамка в чулане. Она говорит: «Как хотите. Раз вы гуляете, любите, это дело ваше. А свадьба, это не имеет значения свадьба». Только пришла мать, помолились Богу. Вроде он вострепнулся, обрадовался и убежал. Приходит с матерью и крестной. Тут уж чего, поболтали, поговорили. Жить там негде, и решили

покуда у нас, а там Бог даст. Пожили мы с мужем полгода и война. Ушёл на фронт взяли его, потом его отправили куда-то учиться. Он там выучился на лейтенанта. И вот его послали на фронт. Неделью дали побыть на фронте и убили. Осталась с ребёнком.

22.

<Сватали> кто как придумает:

— Вы вот тёлочку продаете. Вы как: на зарез или на племя?

— На племя.

— Ну, давай. На племя мы и возьмем.

Вставали под балку. Приезжаем в Афанасово, Ломакин идет: «Здравствуйте, люди добрые! Я слыхал, вы тёлочку продаёте? А то, говорит, у нас бычок есть!» — «Да, вот, продаём, только на зарез не отдаём». — «Ну, мы как раз возьмем!». Вина ставят две-три бутылки, пьют и гуляют. Потом свадьба. Сватать чужие идут. Крёстный обычно ходит, чай.

О чём договариваться. Раньше долю брали. Долю. Сколько хлеба пудов. Тогда время тяжелое было, сколько пудов. Невесту берёт к себе в дом жених. С невестой значит, договаривались, что один или два пуда муки. Кормить невесту надо было. Пришли, договорились и всё. Богу молятся. Как усватают, так и помолются.

23.

[Соб.]: А Вас сватали?

Я с войны, меня пустили на неделю домой. И появился тут один фронтовик, он меня украл, ухороводил и все. Мы сошлись и стали жить. А он стал хлопотать, чтоб меня больше не взяли.

Подружку мою сватали в Климово. Усватали. Мать приезжала, жених, тётка. Ну, договорились, свадьба.

24.

Как сватали? Приедут тётенька с дяденькой. Пойдём за женихом. Жених невесту знает. «Пойдёшь?». Она: «Пойду». Ну и всё. И приходят гулять. Значит, что сватали. <...> Кто как выдумает, так скажут. Кто скажет: «Продайте нам тёлочку». Кто как скажет. Ну да, это уж так, для шутки, сами придумают. Вот пришли бы ко мне, а ты была бы у меня невеста, а у нас как: «Ну, вот пришли к вам тёлку купить». Вот. Да и так. «Есть продажна-то?». — «Есть, покупайте». Вот, значит. Раньше было весело. А теперь уж...

[Соб.]: А бывало, что отказывали?

«Нет, непродажная». А то скажут: «Как хочет она». Их соберут, жениха с невестой: «Идёшь?» — «Нет, не пойду». — «Не пойду. И пошла в зад».

25.

Я приехал из города на праздники, и она приехала. Вот сошлись два дурака, да и живём. До сих пор. Прислал тётку с матерью — вот и усватали. Вечером и свадьба была. «Ты пойдёшь за меня замуж?» — «Да, пойду» — «Ну и всё. Давай, когда будем свататься? Вечеринку-то делать?» — «Ну, завтра уж некогда, завтра надо на работу идти...». Ну, купили вина маленько, угостили кого, чего, где-то. Вот и вся история.

26.

«Вот, пришли. Вот у нас кошечка пропала. У вас не находится?». — «Да нету», — там скажут. Или: «Есть». А невеста спрячется, она ещё пока не сидит за столом. «Ну, идите, да, идите». Невеста придёт и жених сядет. <...> Это мне моя мама рассказывала. Ну, вот, в старину, показали невесту одну как бы, а села не эта невеста,

а её сестра. А сестра-то была некрасивше, хуже; ну и так пришлось жить с той, а не с этой, которую подставили. Это давно-давно, конечно, в старину. Не в наше время, конечно.

27.

Меня сватали-сватали, дочка, да ушли. Не дали мы подарки. Муж пришёл, сестра пришла, мать пришла. Вот сватали-сватали, сидели-сидели, и мать запросила подарки. Всем. Ну, по кофточке там или чего... материалу. И значит... А мы не дали. У меня не было. Потому что мать одна была. После войны. Брат у меня тоже на войне был. А отца уже не было у меня. Ну и, значит, стали просить. А я сидела-сидела и говорю: «Вам приданое надо? Дары? — я им говорю. — Я незамбранная? Незамбранная. Он найдет, и я найду». И они ушли. Вот так сватали. А потом... Ну и ушли. А мать и говорит: «Может, сожалеешь его?». (А мужик у меня красивый был, высокой, черный). «Ну что жaley, чего ж делать. Нет». <...> Я гляжу, он за мной гонится. Он, значит, и говорит: «Я, — говорит, — это... не ночевал дома-то». А она там какую-то богатую нашла ему. А он говорит: «Токо ее!» И через неделю она пришла — мать. Пришла и говорит: «Ну вот. Значит, он тебя очень полюбил. Давайте уж. Не надо никакого этого». Вот так вот.

28.

...Мы договаривались с женихом: «Когда я пришло мать — будет запой». Было две сестры приходило, дядя приходил с женой. <...> Договариваются, да. Свекровь вот у меня сказала, шо надо двое занавесок, чтоб было двое занавесок. Не одни, а двое. Надо двое занавесок, чтоб на смену было. Машинка. Надо, чтоб была машинка. А мама тут моя и говорит: «Нету. У меня их четыре дочери (я вторая замуж выходила, а мама все шила на нас.) Мне без машинки нельзя. У меня ещё остаются две. Мне нужно шить...». А сестра вот дедушкина входит в дом и говорит (они на улице, а мы там, все дома): «Да ладно вам, не надо никакую машинку. Давайте скорей. Мы есть хотим. Семь километров шли пешком. Мы есть хотим. Уж поскорей бы за стол сесть. Не надо никакую машинку. Наживут, купют машинку».

29.

Вот я счас своё сватанье расскажу. Вот, значит, когда ему назначили день, идут сватья. У нас дом один, я жила в другом доме... Пришли сватья, в субботу что ли... я спряталась в чулан. Ну, пришли они: мать, отец, сестра его и сёстрин муж. Стали договариваться тама, все договаривались, спрашивали. Потом, значит, по скока человек уговариваются, какой день назначают свадьбы, с какой меркой приходить... Вот договорились тут, а семья, золовка, спрашивает машинку с моей матери, а у меня сестра вышла замуж — отдали ей эту машинку, «Свингер», такую. Она говорит: «У меня машинки нету, я отдала старшей дочери». А мать и говорит свекрови: «Ну, купят машинку, наживут». А потом и говорит (свекровь): «А я и невесту-то не знаю», — они не видели меня. А я всё из чулана-то никак не выйду, мне стыдно, а у меня было такое платье-штапель, такое красивое, я и в Костроме была и вот тогда в Москве купили, стояли. Ну, вот я и вышла из чулана-то, иду <показывает>. Зашла в эту комнату, где они сидят, повернулась и пошла. А свекровь и говорит: «Вот нам ничего и не надо, всё, невесту увидали». И за стол, стол накрыли, выпили по одной, по другой...

30.

Я помню, пришли сначала без жениха, взошли родители, спрашивают: «У вас тёлочки нет продажной?». А уж у нас знали. «Есть, есть!». Я помню тётку пришли сватать. «Раз есть, так идите выкупать». Ну и взошли все, начали разговаривать. Ну и усватали.

31.

Сваты приходят — как говорят: «Мы пришли сватать...» (Вот и я ходила сватать к племяннице в Петроково.) Пришли сватать, села под матицей — это закон: под матицей сидят — пришли сватать. Чого говорили:

— Вот мы пришли — у вас тёлочка не продаётся?

— Всего-то одна тёлушка!

— Ну, вот где эта тёлушка? Показали бы, поглядеть бы надо!

Ну вот, приводят невесту. Ну, договариваются.

— Не против за жених идти?

— Не против.

— Вы не против утдавать за моего сына?

— Не против, дело ихное: раз они любят друг дружку — пожалуйста.

Ну вот, пого<во>рили вот так вот, и на какое-то там время свадьба: через день ли, через два, через неделю ли, через месяц ли, как. И гуляют.

32.

Ну, вот, например, у нас приходили с города, сватали. Пришли, вроде как, за невестой, а потом поболтали, стали стол собирать, начали гулять. Их восемь человек было. Придут, просватают, и песни не пели-ти. А кто знает: будут петь, плясать, а может, они разойдутся? Раньше-ти невесты плакали, а сейчас — нет. Одну сватали, а она от другого была в положении, а вышла за него. Она богата была, а он бедный. За пуд муки, еще чего-то взяли с них. Она сидела... (Мы были маленькие, ходили глядеть.) У нее были бусы, они прям на шее вздрагивали, у неё брюхо-то — во! Её за богатство взяли, а он бедный. Она не причитала, так сидела... А я забыла, как раньше причитали. Я всё забываю. В баню-то ходили, её провожали тут, как ей косу заплетали — это ведь всё надо запомнить... Подруги водили в баню. А потом на лошадях приезжали за ней. Невесту жениху продавали.

33.

Раньше без нормы замуж не брали. Если тебя осенью сватают, то значит, десять пудов хлеба дай, и десять мешков картошки, и сена — пудов двадцать. Так ты перейдёшь в другой дом, так будешь корову кормить моим сеном, и буду хлеб-соль есть — а буду работать, то ли нет... Это «норма» называлась. В дом жениха даёшь норму. И проса.

34.

Мы в деревне играли свадьбу. Сватали сначала. Вот мачеха его и крёстная приходили. Он из Грибков, я из Кривиц. Обычно считают, по сколько человек будет на свадьбе. Под матицу они чего-то садились, чего-то крёстная говорила: «У вас вот есть тёлушка, вот пришли к вам за телушкой!». Потом договорились — на такой-то день свадьба. Вот после сватанья делается девичник-запой. У нас девичника не было. Сватовство сделали — и назначили день свадьбы, чтоб меньше расходов.

35.

Как сосватали, гуляли на запое. Ко мне пришли сваты, а другой ждал. Пришли за мной. Меня встречают на крыльце брат старший (он потом погиб у нас на фронте...) и зять — старшей сестры муж. Вот они встретили меня:

— Вот так и так, пришли тебя сватать. Давай говори всю правду: любишь или нет? Всю правду!

Его мать и сестра пришли сватать. Отец его не пошёл. Уж он пришёл, когда запили.

— Ну, как же, — говорю, — конечно, раз ходила я с ним... Не скажу я вам, конечно, что вот больно уж люблю, но... уважаю.

— Ну, а как ты: желаешь выйти?

Я говорю:

— Да, хочу выйти.

Усватали меня, а на другой день пошла я, рядом со мной соседка была — она моему мужу двоюродна сестра. А у нее брат был, старше отца-то (мужа Е.К. — Соб.), он за мной. И говорит:

— Ну, что же ты сделала, что ж ты изменила?

— Нюсь, — я говорю, — что я изменила? Я гуляла с ним мало.

— Ну, что ты, може, еще... пока еще не молились?

(Раньше усватают — молиться, благословляли молодых.) Я говорю:

— Нет, я не могу крест свой изменить. Какая есть моя судьба, такая и будет.

— Он, — говорит, — плачет, жалеет тебя!

Я говорю:

— Ну, и что ж теперича? Ничего не сделаешь. А потом, родное дело ваше тут. Нет, я не буду этого делать.

36.

Сватали, приходил сам жених со свахой — с тёткой. И тут толковали, выговаривали, чтоб пять пудов хлеба давали с невестой. Мы упирались, а они настаивали. <...> И еще я работала в колхозе дояркой, у меня было триста дней уже заработано. И им переписали, им отдали мои дни, что заработаны. Жениху отдали, свекрови (он был только с матерью, больше никого не было). И он не дожидался, пока договоримся, садится за стол, вынимает бутылку из-за пазухи, ставит на стол. Мать его возражает:

— Что ты, Павлуша, погоди, договориться надо! Дадут ли эту норму?

Меня мать спрашивает:

— Давать, что ли, ай не давать?

А я говорю:

— Как хотите, мое дело маленько.

Ну, и они договорились. И жених уже за стол, наливает рюмки.

37.

Знаете, что в старину парень выглядывал себе невесту, но от него тоже мало зависело. Как сходились: не по любви, а по сговору. Свахи высматривали подходящих, приходили, и уже осуществлялся сговор. Вообще вот сам обряд интересный свадебный. У нас он тоже сохранился, только в несколько изменённом виде.

Раньше невеста могла увидеть жениха только в день свадьбы. Не по любви всё это было. Ну, а сейчас что у нас от этих старинных обрядов осталось: так называемое сватовство, когда приходят в дом невесты и обговаривают уже, согласна будет невеста или не согласна. У родителей её — когда свадьба будет.

Жених с невестой договарятся, приходят мать, отца с собой, бабушку, крёстную, ну, и договариваются. Заходят:

— Мир дому вашему!

— С миром принимаем.

Положено вот так. Если вас не с миром приняли, плохо с вами <обошлись>, пошли, и оставляйте эту грязь — ногой потряси в доме и уходи. Ну, чего ещё говорили:

— У вас козочка есть продажная или барашек?

— Да нету!

— Да нам сказали, продаёте.

— Иль уж продадим?!

— Ну, давайте, договоримся, продайте нам барашка или козочку.

Ну, и начинают. А потом, прежде чем к невесте зайти жениху в дом, это уже в день свадьбы, её тоже продавали. В разных деревнях по-разному, у нас жениха вообще в дом не пускали, это делается около дома, на приступках, на крылечке или вообще около дома. Выносятся табуретка, на табуретку стелется скатёрка.

— Продаётся невеста?

— Ну, сколько?

— Вот, у табуретки четыре угла. И клади четыре рубля.

Ну, а уж постесняется, наверно, рубли класть, уж положит побольше. На каждый угол табуретки кладут денежку, забирают эту табуретку и пропускают: иди, продано.

38.

Вот моего дедушку повезли в другую деревню, невесту себе выбирать. Узнали, в соседней деревне поблизости есть девка, ей вот столько лет, годами подходит под его двадцать лет. Ей там уже, допустим, восемнадцать лет — она уже созревшая девка. Поехали туда свататься. Приехали. Покажите нам её, может, девка плохая, как говорится. Там неизвестно: чего у неё болит, чего не болит, хромая, без руки, без ноги бывает. Там всякие.

— Есть девка?

— Есть девка.

— Покажете нам?

— Не покажем.

— Ну, хоть выведите там.

Выведут, говорят, даже с закрытым лицом.

— Лицо-то покажите.

— Нет, не покажу. Когда женишься, тогда и увидишь. Раз приехал в этот дом свататься, бери!

Ну, и дедушка приехал в этот дом, деваться некуда. Взял бабушку Клавдию в жены. Не больно ведь красавица-то была, маленькая. А что делать, приехали свататься, отдали ему. Прожили, всю жизнь прожили.

39.

Сватали посторонние там ходили, кого-нибудь там возьмут. Идут родственники и посторонняя сваха. У нас такая там была бабушка. Уж она наговорит, как какая-нибудь Дрындычиха, как Татьяна Пельцер. Вот она все время ходила. Хоть родня, не родня, а её приглашали на сватанье. Мне вот он сказал: «Мы сегодня придём к вам, скажи матери». Мать, отец и тётка, отцова сестра, вот ко мне приходили свататься. Тут уж догадываешься, почто они пришли. Начали. Вот тётка, я помню:

— Павел Ляксандрович, уж вы, наверно, догадались, почто мы к вам пришли.

— Кто знает, может, догадался, а может, не догадался.

Вот и весь разговор. Пришли. Богу помолились. Договорились. Вот как усватались, так Богу помолились. Пришли, поговорили, сосватали и Богу помолились. Зажгли лампадку у боженки и вот встали, перекрестились и с Богом.

40.

Да, сватали. Вот я жила в Пестенькине. У меня было четыре деверя. Ну, и самый младший деверь дружил с одной девушкой, и согрели. И она забеременела. И вот я выметаю пол зимой, подходит женщина: «Мать-то дома?». Я говорю: «Дома». — «Вышли мне её!». Ну, год я прожила. Я говорю: «А что это вышли?

Пойдѣмте в избу!». Ну, зазвала её в избу. Как вперѣд себя отпустила я её, она как заревела (а свекровь мою Дуней звали): «Дуня, вы что мою дочь испортили?». А друг друга знали, рядом. «Да ты что, Настасья, как я испортила?». — «Она беременна!». — «Ну, это не я, наверно, испортила!». — «Твой сын Володя». Она начала уговаривать: вот возьмите! «Да у меня-то сноха уж есть!». И они его кормят, он не работает, учился он на тракториста. Уговаривает: сами кормить будем. «Ну, вот приедет из города, я с ним поговорю — как хочет, пусть берет». С ним поговорила: «Не возьму» — да и всё. Потом пришли два брата, увели его с собой, чего ны — напугали его, избили ли: «Возьму!».

Ну и вот, идти сватать. Мы с ночи пришли с мужем-то, я спать не ляжилась. А вечером-то пришли, она мне, свекровь-то, и говорит: «Клавдия, идите вы с Виктором сватать!». Господи, я и не умею сватать-то! Как тут сватать? Вот тетя Паша еще пойдѣт. Пошла тѣтя Паша с мужем. Говорит свекровь: «Без машинки не берите! Чтоб машинка была». Ну вот, Володьке мы приказываем: «Что б мы ни говорили, ты сиди и молчи, в разговор не вступай!».

Ну, пошли я с мужем, тѣтка с мужем и он. Пришли в деревню, эта тѣтя Паша говорит: «Ну, мужики, вы погуляйте по деревне, а мы с Клавдией посватаем!». Когдаходишь, надо садиться под матицу. Сели. «Мы пришли по такому-то делу, с вами породниться». Ну, так всё это пошло, пошло... «Мать нам велела машинку с вас выговорить». А у них тоже семья большая, машинку не отдают. «Я машинку, — мать говорит, — не отдам!». Бились, бились, уж они замѣрзли ходят, зимой, замѣрзли, и входят в избу. И вот старый мужик говорит (дяденька мы его звали): «Ну, вы что теперь тут уселись? Мы замѣрзли». Я говорю: «Дяденька, машинку-то нам приказала свекровь, а они не дают!». — «Это как не дают?». — «Ну, как? Не отдают — и всё». — «Вставайте, пошли домой! С таким позором берем, да еще машинку не отдают. Вставайте, пойдем отсюда». Мать-то испугалась: «Ну, ладно уж, тогда берите и машинку!». И потом мы пошли, мать нам приказала без свадьбы. А я говорю: «Что уж без свадьбы? Ладно уж, сделаем свадьбу!». Вот так сватали.

ЗАПОЙ, ПРОПОЙ

41.

У кого гуляют запой, у кого и нет. <Запой> — гуляние, <когда просватают>. <...> Ну, да: гуляют — песни поют. Только поменьше народу... Кто какие выдумат... Раньше ведь частушки были — пели.

42.

<После сватовства> запой делали. Да. Ну, тут при сватях запьют. А уж пропой-то само собой делают. Отдельно... А запой вместе. А пропой особенно. Тут уж собирают родню. <...> Уж оне приводят свою родню. Что, мол, знакомишься с ихней-то родней. И свою собираешь. А потом день свадьбы назначают. С венцом или без венца ли. Раньше с венцом выходили.

— [Соб.]: И даже в советское время тоже венчались?

— Венчались. <После пропоя до свадьбы> неделя-то всё должна быть. Надо ведь тут стоговиться, припасться. Ну, ведь раньше большинство всё осенью это дело было. Да. Продуктов-то больше. И уж все маненько такой приберѣтся. С поля-то уберѣтся. Работать меньше. Тут вот и гуляют. Свадьба пройдѣт — на другой день опять пойдут — по жениховой родне. Опять из дома в дом. К своим-то. А потом на другой день по невестинной родни. Опять из дома в дом. Ну и неделю и гуляешь.

43.

<Запой> делали. А уж на запое... Ну, у меня хоть маленькая <...>. Был баянист. Его двоюродный брат. <...> На баяне. Вот играл. И одна <...> так. Его дядя и тетка были. И <...> плясали. А он всё пел <...>. Песни поют. <Дядя Саша>. Лет уж ему шестьдесят, наверно. Песню такую интересную всё пел. Да плясал так здорово! Пляшет, пляшет. <Песню споёт>. Прибаутки. <...>

— [Соб.]: Запой-то когда делают, после сватовства?

— Вот <во вторник сватали — в воскресенье>. А свадьба была двадцать пятого <января>.

44.

Запой делают. Вот договорились и там собирались несколько, не как на свадьбу, а поменьше. Запивали, тут уже всё. Богу помолятся. А вот когда сватали, тут договаривались, лампадочку зажгут и помолятся Богу. Считают — засватана. Сватовство, тут помолятся Богу, а потом запой.

Подружки в дом приходили. Я вот подружке, не одной подружке вышивала наволочки, дорожки, кто шил, кто какой подзор, кто чего. Песни там пели.

45.

А потом сговорились, когда пропой будет. Ну, гулянка какая-то маленькая, посидят. Отец, мать, сестра, может, какая или брат там какой. Посидят маленько, выпьют. А невеста с женихом уж остаются. А потом через несколько времени договариваются, когда свадьбу делать. <...> Пропой был у невесты. Невеста жениха домой ждет. Пропой сделают, уж жених остается у невесты. Остается у невесты.

46.

...Сначала сватали, через какое-то время был запой. С меркой когда шли, на запой. Сватали у невесты, а запой был у жениха.

47.

Сватают невесту, потом делают запой, пропой. Всё гулянки. Запивали невесту с женихом. Как соберутся сватья, все, поговорят, договорятся, скоро ли свадьба. Повенчаются, гуляют.

48.

На запой приходили отец с матерью, у их дочери были с мужьями — приходили на запой. Два стола было. <...> Друзья жениха тоже приходили. Песни всяки пели, только хороши.

49.

Через неделю как засватали, делали запой. Запивают невесту. Родители благословляют, чтобы больше ни с кем никуда.

50.

А запой делать идут родители, и идут кто-то еще вот эти крёстные, обязательно были крёстные, вот крёстные идут, подруги у невесты и у жениха эти самые товарищи. Ну и стол накрывали, гуляли, то же самое и плясали и всё.

51.

Ну, он там своим родителям сказал, я своим родителям сказала. Вот придём в этот день сватать. Ну, пришли, засватали, запой это раньше называлось, запой. Запой всё равно гуляли, но только вот родных, близких. Стола на два. <...>

Накрыли стол, погуляли и наметили, в какой день свадьба. А у меня на Новый год была свадьба. <...> Ну, сватья приходят вечером, усватали, всё, и не встречались, и даже вот не смели. Запой сделали, и он там дома, и я. Не смели. А теперь живут... У меня вот десять внучат. И такой закон — до свадьбы чтоб вот не виделись. Где увидимся, вот вечером. Ну, не виделись... Не смели! Не смели друг друга видеть. Как-то и родителей, и народу не смели сказать... Ну, вечером-то гуляли, чтоб никто не видел, вечером-то гуляли! А когда днем-то идёшь, видишь его — стесняешься.

52.

Потом, у нас есть так называемый запой, где невесту пропивали, то есть это как вторая свадьба. Сейчас этого всё меньше и меньше. Это время между сватовством и свадьбой. Пропивают невесту: приходят в дом невесты, ну, и такая же гулянка. Договариваются. Если у жениха брат или племянник — вот, им по рубашке, свекрови — кофту, свёкру — рубашку или полотенце. Вот так договариваются: «У нас хлеба мало — два пуда хлеба». «Да может, если сено есть у вас, корове нашей воз сена привезите».

53.

А потом пришли пропой делать. Тут пропой или запой, как уж тут. Тут готовились как положено. Они пришли уж с родными, позвали и тётку с мужем, и сын у ней был женатый с женой. И вот тут невеста дарит полотенца. Хоть выговаривай — хоть не выговаривай, а невеста дарит полотенца. Вышивали. Всей родне дарили. Кладут полотенце на поднос, сложено так, чтоб вышивка была видна, и подносят:

— Свахонька любезна (это матери его) дарит и жалует ваша невестка-сношка не фабричным изделием, а своим рукоделием. Блюдечко примите, а на блюдечко посеребрите.

Она должна положить.

— Свахонька любезна, дарит и жалует ваша сношка Клавдия Павловна не фабричным изделием (это если бы ситец был), а своим рукоделием.

И свата, и свахе. Говорили то же самое. Всех. И жениху. Ему моя мама дарила:

— Зятюшка...

54.

Накануне свадьбы был запой. Когда родители договорятся, жених шёл знакомиться с невестой — он её не видел никогда. Отведут их в заднюю избу, посадят, вот они знакомятся: как тебя зовут, как меня. Вышли. «Договорились?». — «Договорились!». — «Узнал невесту?». — «Узнал!». Вот так, а не то что, гуляем годами, а потом женимся и тут же расходимся (*смеётся*).

55.

Был до свадьбы пропой — на пропой уже приглашали подружек, близких тут уже гуляли, плясали.

ДЕВИЧНИК, БАНЯ

56.

Это вот мама рассказывала, как эту, косу плели. Это вот накануне свадьбы девки-те подружки собирались, косу ей тут заплётали что ли, или расплётали. Этого уж у нас не было. Плакали тут все, её провожали. Жалели её.

57.

...к жениху только за мылом сходят и всё. Больше ничего нет. <Куст или веник не наряжали>.

58.

Невесту накануне свадьбы моют (обычно в пятницу). Когда моют, её бьют.

59.

Плакали раньше. Истопили баню, пошли мыть невесту. Со слезами. Девки мыли. Больно плакали, по полу валялись. «Подруженька ты наша потайная...». <Невеста тоже плакала>. Ленточку <невесте> вплетали. Это значит — замужняя. В девочках две косы носили, а уж когда замуж выходили, одну. <Когда косу расплетали и заплетали, пели>.

60.

[Соб.]: А в баню невесту водили перед свадьбой?

— Это все дореволюционное, нет уже этих обрядов, они уже изжили себя...

61.

[Соб.]: Невесту в баню водили?

— Кто это меня поведет? Я сама ходила. <...> Косу плели. Плакала невеста. Коли вот постель возили, подружку я свою обняла и плакала. И с причетами плакали, только я уже не помню.

62.

[Соб.]: А подружки в баню невесту водили?

— Водили накануне свадьбы. Не помню уж, были там интересны какие-то прибаутки... Косу тоже накануне расплетали.

63.

[Соб.]: А перед свадьбой вечером что-нибудь было, невесту в баню водили?

— Это было местами. У кого как. У кого в первую субботу в баню поведут.

64.

Девичник — это невеста устраивает, и жених друзей своих приглашает тоже этот день уже, девки не гуляют — одни ребята. А невеста делает девичник, одни подружки гуляют. <Они> гуляли, выпивали, песни пели, плясали. <...> Невеста плачет, ей косы заплетают.

65.

Раньше всё как-то знала, а теперь забыла, я ещё, знаешь, что тебе не сказала? Вот на девичник ездили и ходили к жениху за дровами девки-те. Все перед этой, девичником днем, пойдут за водой в его колодец за дровами. Это всё баню топить. <...> Вот для этой бани просто они ходили за дровами, невесту мыть накануне свадьбы. <...> За водой <брали> ведра с бантами и поедут к жениху, а женихи-то, они ребята озорные, накладывают дров, не жалеют, а вниз сучок, чтобы чертил, вот они и ведут, а за ними чертит, а одна несет воду хоть пусть не полный. <Даже коромысла украшали> да и на ведра цветочки вешали, ленточки, а потом на постельку приедут девчонки, продавали костюм для свата. Его рядили перед девичником, вот на девичник собирались и рядили этот костюм: старенькая рубашка и старенькие брюки, его разряжали тряпочками, чего только не наматывали и даже на ширинку нашивали морковь.

На постельке садимся за стол, и вот он, жених, говорит: «Ну, вот вы поработали, вешали всё, давайте выпьем». — «Нет, у нас дело ещё: надо продать. Где сват, пусть сват идёт, мы купили костюм ему, хороший, привезли оттудова, отсюдова, вот по заказу, пятое, десятое». Торговля открывается.

66.

*Топись, топись, нова банюшка¹,
Мойся, мойся, задушевная...
Распоследний раз в остаточке
У родимого у батюшки,
У родимой-то у матушки.
На тебя мы спонадеялись...*

67.

Девушник что ли? Четыре подружки ходили. Вот жених придет — гостинцев принесет. Где орехов, где конфет.

68.

Девушки невесту, конечно, готовили. Сваты приходили. Девушки плели косу ей, плакали, песни пели плачевные ей.

69.

Девчонки собирались, баню топили... В баню ходили, ей волосы расчесывали...

70.

Раньше вечером сидели, вот, за столом с невестой подружки. Песни пели. <Косу> заплетали.

— [Соб.]: Зачем?

— Что больше не девушка, выходит замуж. С матерью проводили их, иконой благословляли.

71.

Нет, девичник накануне. Ну, а когда вместе, сначала девчонки утгуляют, потом свадьба.

72.

Может, где-то и был девичник, а у нас это был запой.

О ПРИЧИТАНИИ НЕВЕСТЫ

73.

<Невеста> причитать-то не причитала, но грустила. Грустила. Были. Были. Грустила. С девками-то не хочется расставаться.

74.

Плачут которы <невесты>. Вот я сама помню: подружку просватывали, у неё отец был зарытый, где церкви. Вот мы ходили с ней, она плакала — будила отца. Вот я, мол, выхожу замуж, благослови меня!

— [Соб.]: Значит, плакала, если сирота?

¹ Здесь и далее тексты и начальные строки причитаний, лирических песен, приговоров, частушек даны курсивом.

— Да не только сирота, чтой-то? Сирота не сирота... Ну, у неё-то отца не было, она ходила на могилу, плакала, я с ней ходила. У отца там прощенья просила, что ли, я уж там забыла... Причитала вот она батюшку свою, причитала... Теперь уж подружки все мои примерли, одна я осталась.

75.

Я плакала, да. А девчонки, когда постель отвезли, вернулись, меня схватили (у нас была такая полпечка), и вот на этой полпечке как на меня навалились все, ревели! И никак их не растащишь! Я говорю: «Вы душите меня!». Они придавливают, а ничего не понимают — одно своё! Вот все причитали. <...> Раньше из соломы матрасы-ти сами шили. Трое ребят было, и вот будили... я будила их. И вот какая же была песня? «*Вы вставайте, милы девушки...*». И вот я ревела тут! И наплакалась, и девки все наплакались, и родные все наплакались... И когда сидели за столом, когда вот на венец повезли, невеста плакала, а девчонки тут пели песни. А какие песни были, не помню...

76.

Я нет, не плакала. Другие плакали, там много прибауток было сложено. Как невеста плакала... У кого мать померла — она плакала, тут такие переборы были! Слова я уж не помню... Плакали мы все, когда у кого-то гуляли, мы ещё до нашей свадьбы гуляли там у невесте какой другой... Она плакала, я уж не помню, какие слова.

77.

Ой, невеста плакала, вот мы не знаем как... Просватают невесту, и вот в день свадьбы, чтоб она поплакала, обязательно. Вот невеста плакала голосом. О чем причитала, я вот не знаю... «*Спасибо тебе, мамонька и папонька, за воспитание...*». Вот уходит она от их замуж, плакала, чё-то и причитала. Так, какие-то слова... <...> «*Спасибо, папонька, тебе, за соль, за хлеб...*» — родителям вот спасибо говорила она. Своим родителям. Уходила из дому. Замуж выходила.

78.

Раньше плакали, плакали:

*Моя мила маменька,
Прости меня, я тебя не слушалась.
Куда пошлѣшь, не дошлѣшься,
Куда пойду, не дождѣшься!*

Это всё причитала невеста. Плакала у матери в ногах, наклонившись.

79.

Когда я замуж выходила, ночевали девки у нас. Да и ребята ночевали трое, я помню, кто ночевал у нас. <...> И вот я встала раньше их, их будила: «*А вставайте-ка, милы девушки!*». А вот какие дальше слова, я теперь не помню. Да, это было. Это перед тем как под венец ехать. Родители благословляли, отец и мать, с иконами. Шубу стелили, стояли мать, отец и я. Меня одну благословили, без него. Ну, слѣз было полно! Я на коленках. Мать говорила: «С Богом!». Благословили, крестили иконками. Потом встала, мать поцеловала и отца. И всё. Приехал жених и всё.

80.

Плакали раньше, плакали. Накрывали терновой шалью. Терновая шаль раньше была. Вот я раз в магазине видала, продается шаль... красивая, с цветами... <...> Вот приезжают за мной. Начинает плакать:

*Ой, подруженьки-изменищицы,
Изменили, изменили... <...>
Вы пошили полотенца чёрные,
Заплели вы косы русые...*

Ой, длинная была песня!..

81.

Плакали, знаешь когда, когда невесту собирают к венцу и вот невеста плачет. Брат её обувает, а она перед братом плачет. И перед сестрой плачет, если сестра замужем:

*Расскажи-ка ты мне, сестричушка,
Как в чужих людях жить
Чужой матушке служить.
Сумела ли ты к ней подойти
Благословение спросить...*

Как-то так.

ПРИДАНОЕ, КУСТ (КРАСОТА)

82.

Приданое привозят перед свадьбой. <...> В этот день. Вот. Сегодня свадьба. И там, к обеду везут приданое. Жених это приданое выкупает. <Дают> деньги. Кто бутылку, кто чего. А большинство деньги. <...> Я точно не помню. Немного. Двадцать копеек, десять копеек. <Привозят приданое> подруги. <...> Свадьба идёт. И смотрят, приходят. Кто хочет. В деревне-то. <...> Они когда привозят приданое, все развесят — и тут немного гулянка у них. <...> А это когда вот девишник. Вот когда приданое везут. Веник рядют. Вот берёзовый. И вот с этим веником гуляли. <...>

83.

<Приданое привозят> накануне. Накануне свадьбы. <Везут> девчонки. Ну, раньше на лошадях, теперь уж машина вот. А раньше машины-то не было — на лошадях. <Везут> в сундуках. <...> Всю постель. <...> Ну, раньше эти, перины были. Теперь вот ватники. А ведь раньше перины были. Раньше ватников-то не было. Подушки. <Жених выкупает приданое>. Сам выкупает. <...> Платит тут — деньги тут скоко. Начинают оне стаскывать. А не заплатит — и не стащат. <Приходили смотреть приданое>. Занавески <...> развешивают.

84.

Подъезжает лошадь. Вот раньше у нас — щас на машинах возят. Щас нет уж теперь. А вот подъехала ко мне. Подогнали лошадь. На лошади <...> сундуки были. У меня сундук большо-ой был! Сундук вынесли. Вынесли перину. Вынесли подушки. Одеяло. А придано там все в сундуке. А тут всё вот такие подушки. <...> Сколь одеял — всё это наружу. Простыней, сколько пододеяльников — это всё вот показывали. Трясут. Да. Тут народ-то <...>. Глядят. Пока постель... Интересно было раньше. Ага. Вот пойдем-к там, <...> какого ей приданого-то. Господи, обсуждали: у кого много, у кого мало. И вот подруги-то, бывало, во-во-во, трясут. Трясут всё это. Вот показывают. Сколь. Сколь полотенца. Полотенца были все расшиты. У меня и сейчас есть. <...> По всем углам вешали их, вот когда постель привезут к жениху. Занавески повешут. Полотенца по всем углам навешают, полотенца. Это был такой закон раньше. И там, вдоль улицы, когда к жениху подъедут. Вот там — же-

них выходит, постель выкупает. <...> Подруги деньги. Затребуют они. Задёшево не отдадут. Подруги стоят. Две или три их тут. <...> Деньги соберут и невесте отдадут. Да. <...> Сразу вот там за стол садятся, выпивают, жених угощает. <...>

85.

...Как заявления подают расписываться. У нас вот приданое возили накануне. Гуляли девчонки. <...> Девишник назывался. Одни девчонки гуляли.

86.

Постель обязательно. Одеялочки, две подушки, простыни, пододеяльников не было, одеялко и простыночка, у кого на сколько хватает, кто две одеялочки, кто три. Было, вязали, вышивали.

К иконам вышивали. У меня было гладью вышито, две шторки и низ. К чулану было вышито. Даже на стулья были, с этой спинки, с этой спинки и на серёдке цветочек был. Дорожки были — на постель ложили, наволочки. Столешники были, подзоры, полотенца вышитые, (на концах) связано и пришито. Вышивали всякие цветы крестиком.

Приданное показывали. Кто лучше, у кого больше одеялов, у кого больше полотенцев, кому сколько приехала. Десять вот полотенцев привезла, вот две одеялки ватны привезла, там были каньевы покрывала, байковые были одеяла. Показывали, когда везли к жениху постель. Свадьба сегодня, например, может, кто накануне возил, а то с утра привозят постель, потом уже едут там за молодыми, тама. Постель подружки везли. Развешивают всю эту красоту, постель, все эти вышивки.

87.

Везли <приданое>. На лошадях или в машинах, это еще я помню. Обязательно его трясли около дома жениха. Там просили. Обязательно всё трясли, всё показывали чего. Вот брали, например, с машины или с лошади и показывали чего. Еще с жениха сдерёшь сколько, за рубашку.

88.

Потом везут постель... Потом девчата идут за мылом к жениху. И постель ему и за мылом — называли так. Теперича у жениха гуляют девчонки.

89.

<Невеста обязательно должна была привезти в приданое> постель. Сейчас ватники, а то перина. Кровать. Кровать вроде должен жених покупать, но в моё время всё покупали. Матрас, перина. Простыни, у кого две, у кого шесть, у кого восемь, наволочек тоже. Примерно четыре подушки, так там двадцать наволочков, наверное. Накидушки. Вот и постель собрана. И подзоры. Вот у меня сохранились. Салфетки на стол, уголки всякие, куда вешали. Вот нынче свадьба. Часа в два привезут постель, а потом свадьба.

90.

<Приданое возили> до свадьбы. <...> Перед свадьбой. Вот скажем, в субботу свадьба, а в пятницу возили. В то время была лошадь обряжена. Вот, как и на Масленицу, так и приданое возили. Дуга. <Приданным> трясли, смотрели. Собирался народ, чего привезли.

Постельные принадлежности, сколько простыней <невеста> привезёт, сколько одеял привезёт, подушки, перины. А вообще-то мы ходили с меркой, мерка называется, а хоть за мылом. Это одно и то же. Замерили и всё. Угостили и пошли с песнями.

91.

Приданое готовили обязательно. Железная кровать была, сундук (украшенный краской и квадраты из железа, и замок на нем), платья, рубашки. Должна быть обязательно перина, если перины нет, то невеста бедная. Приданое я готовила не сама. У меня была старшая сестра — Роза, она должна была по закону выйти первой замуж. Это я неправильно сделала, что вышла первой, а она что-то не нашла себе никого. Её приданое мне и отдали.

92.

Родители всё закупали. Перина, одеяло, два ватных одеяла, тканевы одеяла, подушки, наидушки. А кровати были железные, вот кровать, подзоры. Это уже вязали сами кружева. Скатерти вязали. Крючком. <...> Как только уже повезут постель, всё придано в этот день все свезут, а после обеда уже за невестой приезжает жених. <...> Девчонки, родные. Вот поедут, повезут постель, жених выкупает эту постель. А то не отдают. Вот выкупить, тогда вносят в дом. Это все развешивают. Там всё повесют, а потом их угощают, девчонок. Постель не стелили, потому что тут всё складывали. Где? Негде. Уж после, оне сами уже складывали.

93.

Как постель привезут, девчонки гуляют. Жених сначала выкупает рубашку, потом подушку.

94.

У меня старшая дочь выходила замуж... Нет, пожалуй, Паша, вторая. Первую выдали, вторая... Свадьба прозвенела, приданое Паше увезли — у нас в доме не осталось ничего! Зимой вечером расстилаем по полу сноп соломы и ложимся: ничего не осталось, ни одеяла, ни матраса, ничего. Всё отдали... Его и не было, всего-то! <...>

95.

А потом невестины подружки возили к жениху постель, и он там принимал, угощал их. Не кровать возили, а одеяла там, подушки. У меня швейна машинка была: мне её подарил колхоз за работу отличну, она у меня и сейчас вон стоит... И её я возила к жениху. Накануне свадьбы возили, на другой день уж свадьбу гуляли.

96.

Ведь это сейчас едут девчонки. Раньше девчонки не ездили: ни за невестой, ни на свадьбу, ни на горной девчонок не брали. Девчонкам только что постель отвезти. На пропой, это когда девичник, вот это гуляли девчонки. Девчонки только постель возили. Привезут, развешают всё, кровать уберут, поставят, их угощают, они гуляют, девчонки.

А вот когда уж девчонки съездиют отвезут постель. Сначала накануне возили, а тут уж стали в этот день возить. Этот день девчонки гуляют у жениха. От жениха приезжают им тут у невесты собирают, стол им собирают, они гуляют. Отгуляют, собираются, уходят домой, там разберутся, опять приходят — надо всё готовить.

97.

Приданое раньше возили. Едут с постелькой перед свадьбой-то. Везут полотенцев, набьют гвоздей в стену, вешают: сколько полотенцев. Придут глядеть: «О, сколько у неё полотенцев». Койку убирают, стелят, там простыни, сколько про-

стыней там, сколько одеял — люди считают. Богатая; бедная невеста — она ничего не привезла. <Приданое готовили> родители. А как девушка приготовит, когда не работали раньше, в колхозе, в деревне-то. <...>

98.

Накануне приданое возят в дом невесты, как правило, возят подружки. Причём, тоже продают это приданое, не отдают — вот, сколько дадите за него. Как правило, друзья жениха воруют это приданое, не отдают, перепрыгивают (как правило, на бортовой машине возят) — или подушку утащат, или ещё что-нибудь. Машину украшают лентами, ещё чем-нибудь, куклу ставят, и вот эту куклу надо получить вместе с приданным.

Ну, а затем народ столпится и начинает смотреть, богатая невеста или небогатая: каждую подушку подружки невесты несут как драгоценность, в дом жениха, и постель застилают.

А други его стараются вперёд украсть женихову рубашку. Эту рубашку тоже невеста покупает. А чтобы не покупать, её надо украсть. А никак не удастся. А рубашку сторожат друзья, как бы не украли.

Невеста везет у нас в дом к жениху приданое, ещё шифоньер везет, а жених покупает кровать, это у нас до сих пор. Ну, сейчас, как правило, родственники очень богатые, и квартиры дарят, и всё, но это вот такой обычай. В других деревнях невеста всё полностью везет. А тут жених покупает кровать. А шифоньер и приданое невеста должна везти: и простыни, и подушки, и наволочки, и жениху на первый день рубаху и на второй, как правило. Правда, на второй день платье невесте покупает жених, его родня.

99.

Везут приданое. От невесты приходим, подружки, и несём. Или на машине, на лошади. Там носят и показывают у жениха. Накроем все, привезем к жениху. Там выходят выкупать. Там покажем — во, какая невеста богатая или небогатая! Подушки, одеялки, все трясём. Поддашь — и пошло. <...> Мы рубаху ему везём. Он платил деньги за все. Я торговалась... <...> Он сначала постель выкупит, потом с рубашкой трясемся. Все выкупили, переносим, все убираем, занавески старые эти снимаем у свекрови. Выкидываем всё, новые вешаем. Невесту привозят, садятся они в уголок, под образами. И пошла гулянка, пьянка: горько всё, сладко...

100.

Девушки собирались помогать невесте. Постель вот возили. Собирались, ходили к ней. Чего там не хватало, дошивали, довязывали. Девишник у нас называли, когда постель возили. Накануне свадьбы. Завтра свадьба, а сегодня везут постель жениху. Все подружки, а если нет, звала девок, которые веселы. Приданным трясли на второй день. Это уж у жениха. В жениховой деревне там трясли постель. А вот когда приедут — тут трясут одеяла, подушки — всё показывают. Это ходили перед свадьбой меряли. Ходить с меркой называлось. И тут вот рубашку жениху меряли. А жениху невеста рубашку к свадьбе должна купить или сшить. Раньше всё сами шили. Меркой меряли не только окна, но и жениха обмеряли. Как ворот ему сделаешь?

101.

...Девчонки, когда везут постель невестину, жениху везут рубашку. Рубашку эту они привезут, постель, жених постель ещё и выкупает, они ещё торгуются, они не отдают так постель. Не сразу подъехали, да сразу носить начали, а жених вышел, они еще торгуются, спрашивают цену, жених даёт им мелочь какую ни то, шутят. Дает им мелочь, дает рублями, они всё: «Нам мало, мало, нам вот давай еще!». Он

дает покрупнее деньги, заранее договорятся, сколько там положено, договорились, за сколько там положено — за сто рублей, за пятьдесят рублей продать постель, вот они как это наберут, он всё шутит — то мелочью им дает, то рубль даст, то трёшницу даст. А потом уж договорились, что он им платит и всё. А рубашку он выкупает отдельно, за рубашку они уже спрашивают отдельно, они рубашку будут ему продавать потом, раньше возили еще и кальсоны...

102.

Девушки приданое привозили накануне, приданое только девушки подружки возили накануне. И выкуп с жениха брали, ну это уже глядя по девчонкам, кто смог сколько выбить. Тут уже деньгами. Не вином, а потому что они девушки молодые. Это потом им ставили стол. Всё приданое свалят, потом им стол ставят, они выпивали, закусывали и тоже плясали, пели. На первый день уже не гуляли. Гуляли только тогда, когда привезут приданое накануне.

ВЕНЧАЛЬНЫЙ ДЕНЬ (поезжание, выкуп места, горной, гулька)

103.

<Косу расплетали невесте>, ко<г>да жених за невестой приедет:

*Уж ты девушка изменчивая,
Ты сказала, что я замуж не пойду,
Чай изменила любовь девичью.*

Поют, а невеста плачет, и девки плачут. Это я видела у Коли Золотого Таньку. Её собирали, платье ей одевали, уваль одевали, и плакали:

*Уж ты девушка изменчивая,
Ты сказала, что я замуж не пойду.
Мне не мила любовь девичья.*

Посадили её и поехали.

<Жених идёт за невестой> с крёстной и с кем-то. Подружка и там товарищ. С иконой провожали, шубу расстилали, она на коленках, благославляются. На полу <расстилали>, и она на коленках, молится. Пойдешь и: «Ну, благослави, благослави тебя, Господи! Дай, Господи, святой час! Благослави, Господи, дите мое мило!»

104.

*Изменищица красна девица,
Изменила ты нас, девушек:
Не хотела ты замуж идти,
А хотела в монастырь идти,
В монастырь идти в монашенки.
На тебя мы спонадеялись —
Все пошили платья черные,
Покупили ленты длинные,
Ленты длинны, трехаршинные.
Вот пошлют тя, младу, по воду
Вот пошлют тя, младу, по воду
На Дунай, на речку быструю,
На Дунай, на речку быструю...*

Пришла... как-то там... за водой... Забыла!.. Это невесте поют подружки, когда она выходит замуж. Подружки провожают... Вот когда она за столом сидит, ей и поют. Жених приезжает за невестой, за столом сидят, и девки начинают петь.

105.

Только вот как перед женихом, покрывали шерстяным платком. А как, как жениху придти за невестой. Невеста сидела за столом. И вот я как вот шас помню, вот так меня покрывали. У меня была коса длинна. Вот так покрыта, я сидела, вот так вот...<...> А потом жених сам открывал уж.

106.

Покрывали <невесту>. В чулане она сидела в особенном. Поведут её за стол покрытую. <...> И других сажали. Вместо невесты сажали других. Поглядит жених: мою невесту посадили, так и оставалось. Случаи были такие. <...> Сестру подсаживали. Так и оставалось. Красивее она была другой, а эта похуже, которую ему надо, которую ему посадили. Все было. А про одного рассказывали, что когда она покрыта, в сани сажали. Большинство зимой женились. Или в телегу, к лошади посадят, а он выйдет, скажет: «Невесту ли мне посадили?». Поглядит, а там другая. Подумал и назад вернулся. Был случай.

107.

Не было фаты, только платки с кистями, красными цветами. Накроют молодую: ты сиди, закрывшись. Не знаю. За мной приехали, я с платком сидела. На лошади поехали, тоже с платком сидела, а приехали, поздравили — тогда уж платок раскрыли. <...> Всё было. Куда уйдет жених, ты... Раньше кальсоны были. Кто не успеет, али рот разинет и зашивали. Раньше как спать ложились, жених раздевался — невеста кальсоны вниз, ну как у нас трусы. Так вот кто рот разинет, так зашьют, зашьют, нахулиганят — это, значит, невеста бестолковая. И подружки хитрят, догадается или нет.

108.

Я Наташку ещё благословляла. Шубу стелили, икону, хлеба буханку. Меня мать своя благословляла, а жениха своя. «Благослови тебя, Господи! Дай, Господи, тебе святой добрый час!». Иконой вот крестила. Шубу подстиляли, и вот на этой шубе стоишь, мать благословляла. Плакали. Как было тревожно ведь это. <Жених за невестой приезжал> с крёстным. С крёстным. <...> От жениха — крёстный. А от невесты — крёсна. Продавали невесту, как шутили. Дадут денег, то мелочи наберут, поменьше дадут: «Нету, нет!». — «Давайте добавляйте». Добавляет, сто рублей или там добавит.

109.

Вот сваха говорит: «Всё, пора нам подниматься». Все вылезают, крестный берет молодых за руку, выводит, мать начинает благословлять, молитвы читает. Благословит мать с иконой, благословение у жениха должно быть, женихово, и у невесты должно быть благословение. Благословят молодых, уводят.

Собирают невесту, жених это всё одетый, не раздеваются, сидят так, а невесту собирают, одевают, выводят. Все выбегают. А лошадей-то разряжут, колоколов-то навешают, не знаю, откуда слышать. Невесту выводят, садится на переднюю лошадь, садятся обе крёстные: и её крёстная садится, и его крёстная садится. К невестиней крёстной садится на колени жених, а невеста стоит, она сядет к его крёстной. Все сели, невеста начинает Богу молиться, кланяться на все стороны.

На все четыре стороны перекрестится и садится. Садится, лошади дернули, девки кричат: «Маши здоровши, маши здоровши». Она платком едет и машет, и до самого как их не видать, всю деревню проедет и всё машет. А девки только кричат: «Маши здоровши, маши здоровши». Вот это всё было.

<После венца молодую везут> к жениху. Приезжают, а там тоже народу бежит со всех сторон глядеть. Мать встречает жениха с невестой хлебом-солью. Встретит, они проходят. А народ лезет, полна изба. Мать вскрывает молодую невесту. Все садятся в одёжи за стол, и молодых вводят в одёжи, потом мать идет, несет на платье отрез. Поздравит с законным браком и вскрывает невесту. «Пригнись маленько», — на голову ей накроет этот отрез. Крестная у неё снимет его, уберет. Вот теперь скажет мать: «Теперь, бабоньки, уходите, мы теперь будем готовиться к горному». Раньше называли горной.

Девчонок на горной не брали, там ни одной девчонки не было, только если сестра у него есть, ну уж она никуда не уйдёт, она тут будет. Сейчас наливают всем сразу, а в то время не наливали. Подают жениху вино и две стопки. Невеста, жених встают, крёстная с ними встаёт. У крестной две тарелки. На одной печенье, конфеты, а другая пустая. Жених наливает, невеста подносит и в это время она всех называет. Подходит сначала матери подносит, потом золовкам, деверьям и она всех называет. Мать называет матерью, золовок называет по имени и братьев его. Они выпьют, поздравят с законным браком, ведь кто шутник, кто целые «библии» напишут, читают. Выпьют, поздравят, закуска вся на столах стоит, а закусывать никто не дотронется ни до чего, подают печенье и конфеты. Поздравили молодых, выпили, возьмите, закусите. Возьмут печенье, конфет — это закусят. Вот когда всех обнесут, столов-то сколько наставят. Они выпили, взяли, закусили, а на блюдечко чего-нибудь кладите. Или денег, кладите, или какой подарок привезли, на другую тарелку положат. По две только стопки подносили. А сейчас всем сразу, и кто чего и скомкают. А раньше интересно было.

Выпьют, начинают гулять. Заигрывает гармонь. У нас вот гармонист был двоюродный брат. Он играл очень хорошо. Он играет и запекает, заигрывает песню и запекает:

*Подуй, погодушка верховенькая,
Раздуй, погодушка, калину в саду.
Калину с малиной, лазоревый цвет.
Смиренная наша беседа, где батюшка ждёт.
Он ждать не ждёт, голубчик мой, за мной молодой,
А я, молода-младеханька, замешкалась,
За утками я за гусями поглядывала...*

Вот пели эти песни, а уж я их забыла. Много песен совсем забыла. Совсем... даже вот думаю, думаю, придет на разум вот эта вот песня, а как её запевают, не знаю. Нет, это не до конца. Там я дальше уж её не помню.

Гуляли целыми ночами, до четырех часов. А потом домой. Там ведь надо готовить, к невесте придут на другой день. К невестинной родне пойдут, и все песни были. А уж я их вот забыла. Сваха скажет:

*Не пора ли нам, девчонки, своё пиво пить,
Не пора ли, дорогие, своё заводить.
У нас солода довольно, хмеля привольно.
У нас солод на овенье, а хмель на точенье.*

Вот это пели, домой уж собираться. Это когда пето, не знаю когда. Сколько лет прошло.

110.

Читали, раньше читали «*Кто у нас хороший во беседе сидит*», ну и там фамилия, имя, начинаем. Ой. И вот пели, пели, когда невеста с женихом за столом, всё мы пели. Да. «*Во беседе сидит, во беседе сидит <...>. Хороший, пригожий там, Иван или Марья, госпожа*». Да еще и начнем мы стукать половником им всем тама, и они нам кладут в половник деньги. <Половник> обычный, вон щи которым хлебаем. Вот. <...> стукали им по плечам, кто нам сунет. Раньше победней были люди <...> .«*Кто у нас хороший во беседе сидит, во смиренной / Хорош да пригож, Иоанн, да нет, госпожа Прасковья Яковлевна*». <...> свахам мы ничего не пели. <...> Нет, может там на Украине, там видно поют так-то.

<Невеста> причитала. Плакала. Ну, когда приезжал жених за ней, и она плакала. И все плакали. Жалели её. <...> Ага. Как девчонки плакали, <...> жалеет мы тебя вроде. А уж как никто плакал, <так как> жалеет мать. Расставаться с родным домом было жалко. Вот, наверно, поэтому она и плакала. Невеста-то. Она выходила замуж и в слёзы. Раньше вот так было всё. <...>

111.

<Едет за невестой> жених. Ну и товарищ. Ну, свое. Из своей родни. Там крёстная, крёстная.

<Дорогу перегораживают в деревне>. Ну выкупит жених, даст на бутылку, даст бутылку-то. Уж едут — знают все. Уж он знает всё — с вином тут им. Вином выкупали.

<Место около невесты выкупает жених>. Сажают. Маленькой. Девчонку или мальчика маленького. Круг неё. Круг невесте-то. Ну вот. Жених подходит и: «*Четыре угла — четыре рубля*», — мальчик там иль девочка говорит. Значит, жених <становит>. Кладет четыре рубля. Ну, там скоко кто ложит ему там. Маленькие-то уходят, а жених садится с ней. Ну, тут вот опять угощение. А потом уж к венцу едут. <...>

<После венца едут> к жениху. Да. Там встречает мать женихова с отцом. Благословляют их. Иконой, хлебом-солью. Если парень <...> — Николай Угодника. А девку — Казанской. <...> Ну, вот все гуляют. Уж и невестина-то родня приходит. И женихова-то.

<Девчонки-подружки> уж тут на свадьбе-т не гуляют. Гуляют, когда постель везут.

<Подарки дарят молодым> за столом. <...> Да ведь раньше скотину большинство. У кого скотина там — кто овечку, кто если там телочку. Я вот те приговор-то скажу:

Вот дарю тебе носки, чтобы не было тоски.

Дарю тебе яйцо, чтоб спали лицо в лицо.

Дарю тебе медь — побольше детей иметь.

А дарю тебе я серебро, чтоб велось добро.

А дарю тебе бумажку, не ходи к другой Наташке.

Забыла уже. Сама <е>ще говорила.

112.

Это на свадьбу говорят:

Сколько в лесу кочек,

Столько бы вам дочек.

Сколько пеньков,

Столько бы пареньков.

Это на свадьбу, вроде шутки. Пораньше-то вот говорят: уважай свекровь, свёкра, уважай всё в делах, чтоб она тебя любила.

113.

Идут с другом за молодой. Пришли, меня забрали <...> Выкупают. Когда невесту привезут, сидит, там, девчонка или мальчишка.... <...> Это у невесты вот выкупал, у меня <Сашка-то>. Давал деньги-то. Когда он за невестой пришёл, вот он у него, это, выкупал. Деньги кладёт <...> куды-то. «Мало, ещё! — кричит, — Мало, ещё клади! Я такую тебе крёстную отдаю». Она ему крёстная. Да. Вот так вот пятьсот и выклат. <...> Отец с матерью благословляют, выходят с иконой. Да. Вот. <...> Меня мама вышла благословляла. С иконой. Сымали икону Божьей матери. Да. Я с собой её забрала. <...>

<После венчания> приведёт жених невесту. Вот горной гуляют и всё. <...> Это называлось у жениха — горной. А невестин — другой день, это вот уже... Другой день у невесты гуляли. <...> Да, это уже познать, а это горной. <Они приезжают от венца>. <...>

Встречают отец с матерью. Ну, вот они взходят, на порог не велят вставать. Чтоб через порог шагали. Вот они подъехали, стали выходить, и мать уже стояла с иконами. Благословлять. Да. <...>

114.

...Где гордой² все приготовлено, раньше ведь было <...> щи, всё горячее и только закуски понемножко там: помидорку, огурчики, только соленого, а потом вот значит, тут много, всё вкусно, а потом всё убрали, оставался один стол это раньше уже было, ставили тарелку или чашку с семечками и пирог на стол. <...> А уж теперь всё из моды вышло: хлебушек, бывало, пекли сами, за невестой приезжали — пирог. Тёща пекла встречать жениха, когда он за невестой приезжал, мясо запекали. В печке обжаривали запечённое, так вкусно, румяно, на тарелке подают, на другой тарелке пирог подают, стопки ставят, вино, вилочки. Сваты и товарищи ихние <режут>. <...> Да, тёща ставит. Да, это я всё сама проделывала, и со мной так же было. <Пирог с мясом> или с кашей, или с рисом, но он был какой-то прям. Он вот продолговатый, уж круглый не пекли, конечно, а вот такой. <...> на противень клали и вот такие, а потом так на кусочки разрезали и с мясом. Закрытый <был пирог>.

115.

[Соб.]: А что раньше ели на свадьбе?

— Холодец делали раньше, рыбы нажарят, солянки, картошки, пирогов напечешь, плюшек, ватрушек. Колбасы-то раньше ведь не было! Угорцов, помидоров солёных подадут, капусты вилки нарежут солёны-ти.

116.

Я когда выходила в пятьдесят пятом году, и то еще бутылок-то не было на столе. Гнали самогонку, и вот там где-нибудь стоит бак или ведро. И вот ставят на поднос все стопки, стаканы, там наливают и вот разносят уже готовые, налитые каждому. А это сейчас уж ставят бутылки на столы — наливай сколько хочешь, а раньше не наливали так. Это уж стало в шестидесятых, что ли, годах это пошло, эти бутылки. А там наливает хозяин черпаком, наливает в стопки, стаканы на подносе, и вот разносят по всем по гостям. Всем разнесут, все выпивают — и жди, пока он ещё нальет. А сейчас бутылки наставят — наливай, сколько хочешь сам. А на поминках раньше только что могильщики, мужики, которые несут, вот мужики

² Исполнители по-разному называют свадебный пир в доме жениха — «горной», «гордой», «гордной».

только выпивали. И закусок не было, только помидорки им поставят, они выпили, закусили, огуречки, все и начинают — суп, каша, другое, а сейчас наедятся, наставят закусок, наедятся, а горячее-то и не хотят.

117.

[Соб.]: А что подавалось на стол на свадьбу?

— Раньше было всё горячее... Огурцы, картошка... Мясное, котлеты, это всё было... Всё что было, всё это уже подавалось на стол...

— А какие блюда были обязательны на свадьбу?

— Сейчас — это уха. На второй день — уха. А раньше, вроде, не было обязательных блюд...

— А во что невеста одевалась?

— Ну, что я застала, было белое платье и фата... Фата переходили из рук в руки. А платье — нет, платье не давалось.... С иконой встречали, с хлебом, солью... Родители стоят у дверей, каравай у них и иконка. Невеста должна отломить... Сколько отломишь, как говорится, кто в доме будет хозяин... Сначала свадьба справлялась у жениха, потом — у невесты... Жених едет к невесте, и выкупает её, обязательно выкупает... Раньше... Когда встречает народ на улице, им дают бутылку. Стол накрыт, ждут жениха... Приходит жених... Крестница должна продать невесту... Чем она святая, как говорится, непорочная, тем больше она должна требовать денег. Это уже однозначно...

*Четыре угла —
Четыре рубля,
Посередине — золотой...*

Когда выкупит, тогда уже везёт к себе домой... Стараются дороже продать... Деньги всегда остаются у крестника... Садятся за стол, выпивают...

— А был ли дружка, тамада?

— У нас этим занималась крёстная жениха, она вела всю свадьбу... От начала до конца... Первую рюмку выпивают. После первой рюмки начинают дарить подарки... Невеста должна подарить всей родне своей... Потом начинается дарение подарков... Крёстная начинает каждому дарить, все показывает, трясет... Началась свадьба. Первой песней запевалась про Марию. Потом «Коробочка» начиналась... Обязательно...

После этого, уже, знаете, кто что запоеет. Ну и заводила была, на свадьбе обязательно была заводила, которая запевала все песни, но она песни знала все уже от начала до конца... Чем больше ты знаешь песен, тем веселее свадьба... Она заводит и все уже подпевают... Потом, значит плясали, под гармошку... Плясали и «Сормача» и «Бешеного»... «Цыганочку» плясали, вдвоем... У нас толь «Бешеного» все вместе...

118.

Конечно, и шутили родные только. На тарелку клали два носовых платка, уголочками и говорили:

*Четыре угла — четыре рубля,
Посерёдке — золотой,
Тогда сядешь с молодой.*

Раньше все шутили.

119.

Выкупал не жених, а выкупал крёстный. <...> А выкупали, когда жених приедет за невестой. Раньше ни машин, ничего не было, а лошадка. Приезжают на двух лошадях, едут жених, крёстный и крёстная. Девчат никого не брали, ребята ездят

ли, парни холостые приезжали. Вот приезжали, заходят, невеста уж сидит, невесту собрали, невеста сидит за столом. Сажают или братишку, невеста сидит, по эту сторону сидит или братишка, кто есть. Сажают его, стелят платок, и он сидит. Вот подходят с женихом-то: «А это что-то наше место заняли?». А он отвечает:

*Четыре угла — четыре рубля,
А посередине зелёнька.*

Ставят ему стопку, наливают водой и стопку ставят. Вот крёстный должен выкупить. Положить четыре рубля, четыре угла — четыре рубля, должен монетку пустить в стопку и закрыть эту стопку зелёнькой. Раньше были зелёнки сотвены, вот чтобы этой денежкой закрыл стопку. Тут торгуются, кто чего, ведь другие шутники, они кто чего говорят. Выкупили, этот братишка должен выпить эту стопку и должен невесту поцеловать, и вылезает, теперь занимайте вы свои места. Тут жених садится, и садятся все подряд. А сейчас около стола стоят все становком, да где-то это было писано, чтобы вот стояли за столом, невесту посадят с женихом, стойком стоят и пьют и едят. Все садятся. Сели, начинают их обносить, а девчонки, когда они заходили зимой то, с них шапки стаскивали, со всех, только жениха пропускали, эти шапки рядили. Тряпками, разными тряпками. Нашьют на всё, одна или две там рядят шапки, а остальные девчата встают песни петь.

120.

Ну, например, вот там была я или там дочь была, стол ставили, на стол теперь тарелка тама и там девочка или мальчик покупает тарелку, она говорит, там: «*Четыре угла, четыре рубля в серединке золотит*», — это обязательно. <...> жених платил на всё, и ему ложили платок носовой и две ложки деревянные связочками, это вот тоже, это было. Ну, не знаю, вот деревянные ложечки, вот так ложили ручкой туда, это к себе. И жениху, и невесте, обоим ложили тут эти ложки, там с этим с лентами ложили. Вот такие дела, ну че-то розовое платье не больно радостное было, чтобы на свадьбу розовое, что-то не сладится, другие платья лучше. Такие дела, девочки.

121.

Да, нас всех тоже выкупали. Я, например, сидела за столом, рядом мой крестник или крестница. Жених входил, но его не пускали за стол, пока не даст выкуп. Потом он садился, и между нами стелили носовой платок.

122.

Невесту на свадьбе выкупали. Крёстный говорил: «*На каждый угол по рублю, а посередке золотой*» или:

*Четыре угла — четыре рубля,
А посередке живого воробья.*

Крёстные менялись кокурками (плюшки). Крёстные менялись местами. Крёстная невесты уйдёт и сядет к жениху.

123.

Нет, за мое время не накрывали ничем. Только так: коли венчать, сваты, увалья была. Теперь маленькие увальи-то, а то увалью насборят сборками, хорошо, и чуть не до ног. Убвенчают, и едут — гордной: садятся молодые за стол. Посидели в увалье вечер, посидят-посидят — начинает невеста переряживаться. Перерядится, на другой уж день увалью она не одевает, и цветки — ничего этого, только в простом платье хорошем. И сидят, гуляют — вот так продолжается.

Дружки-то эти... забыла, как уж оны назывались. Были, конечно, дружки. Приезжали мужики и бабы, каки-то дружки. Коли венчали (вот они, наверно, самы эти дружки и называются), вот невеста, вот жених, и два молодых человека там венки держут — вот они дружки и называются.

124.

Крали у свата шапку на первый день, то есть в день свадьбы, после того как к венцу ехать, и украшали шапку. Шапку крали не у одного свата, а у нескольких. И сваты должны были их выкупать. Шапку крали и у тех, кто держал венец.

125.

Подарки подарят, кому там купили, кому рубаху, кому платье, кому чего. И начинаем гулять. Гармонь, песни. Дары были свёкру, свекрови, золовке, деверю, крёстной, крестному. Родне жениха невеста делала подарки. Первым долгом жениху. Рубашку дарили.

Садилась за стол, разливали вино. И сначала должны выпить жених и невеста. Прежде чем дарить родных, всех надо поцеловать.

За столом сразу *«Золотые горы»*, она первый номер *«Когда б имел золотые горы»*, за ней *«Коробочку»* пели. Гармошка была, конечно.

Их заставляли обязательно целоваться. Вино отпивали и *«Горько!»*. И сколько раз скажут *«Горько!»*, приходится им вставать.

126.

Вот кинут копейку — целуй, кинут, еще немножко положат — опять. Надоест целоваться. Один раз у нас один, целовал-целовал, ему уж надоело — он взял да укусил.

Я вот, например, подарок дарю, положила копейку — целуй меня. У меня там можа много копеек, и будут тут целовать. Уж он целовал-целовал, да и укусил.

127.

Покупали подарки свекрови, свёкру, деверья, если есть, золовки, крёстным еще. <Дарили> прямо, когда свадьба начинается. Сначала свекровь дарит невесте, а потом невеста отдаривает её. <Когда молодые входили в дом>, там свекровь благословляет <иконой>. И хлеб-соль. Кто первый шагнёт на порог, вот уж я только слышала, а про своё не помню. Надо чтоб невеста... Ну, кто вперед. Ему ведь тоже говорят, что ты вперед шагай. Мне, например, говорят, может девчонки, а может родители, чтоб через порог перейти первой — хозяйном будешь.

<...> А уже в свадьбе, в гуляние. Гуляют, гуляют, молодые пошли, может, постель или чего, идут — уж их места заняты. Вот они потом выкупают. Раньше даже платье меняли. В одно платье, потом половину вечера так просидишь, идешь другое платье оденешь. <...> Плясали. Гармонь играла, все плясали.

— [Соб.]: А молодых укладывали спать в отдельную комнату?

— Это сейчас комнаты. А то, наверно, меньше была комната, вот у Кочановых. Взойдешь — кровать материна стояла. Здесь печка стояла в этой стороны, тут сундук — золовка спала, тут шифоньер, тут наша кровать стояла до самых образов, тут стол и лавки, и все. Это было в пятьдесят восьмом году. А то комната! Это сейчас комнаты. Ну, ночевали мы у кого-то, я уж не помню. Они все были на свадьбе, а мы пошли туда спать.

128.

Постель когда стелют, свахи полено туда положат. Для шутки.

129.

Свадьбы были очень интересные: не дрались, все пьяны были, всё было хорошо, сейчас этого нет. «Сормача» потешного пели.

После того как молодые поженились, они на свадьбе почти что не гуляют, уходят, а гуляют родители, взрослые, неженатые уходят. <...> Чтобы показать молодым, что пора уходить, им кидали веник. А у нас на свадьбе, молодые напились, им веник кидают, а они его обратно.

Потом назывался горднóй — время, когда приходили все гости, друзья, все родные. Гордные — родные.

130.

Какие песни.... Всякие песни, про сватьёв, про жениха, про невесту, про сваху, про свата:

*Эх, ты, сват,
Эх, ты сват,
Голова твоя кудрява,
Ты кудрями потрясёшь,
Нам по рюмке поднесёшь.*

Вот, девчонки. Еще: «Сваха, а ты сваха...». Забыл. Давно. Ну, всякие песни. Мы и народные пели. Тогда советские не пели на свадьбах. Не принято было. <Невеста> ревела:

*Милая мамонька,
Милый папенька.*

Там не папенька, а батюшка раньше.

*Милая мамонька,
Милый батюшка.*

Вот так вот:

*Оставляю вас.
Теперь усадят меня вот на возочки,
Или я вам надоела?...*

Ну, всё.

131.

*Сватушка, сваток,
Тебе песню поём,
Тебе честь придаём!
А чем будешь дарить,
А чем жаловати?
Или пивом, иль вином,
Или золотом-казной?
Не рублём — полтиною,
Золотою гривною?*

Вот и ко́кают по башке половником! Сват там или кто... Девки его половником, того, кому спели... А свахе вот такую:

*У нас сваха хороша —
На меду замешена.
Как у свахи деньги есть —
Мы не знаем, как подлезть!*

*А мы лесенку поставим —
Все до грошика достанем!
Деньги унесём!
Деньги унесём!*

Девки вот эти все песни поют и стучат половником, чтобы им подавали. У невесте в дому это, перед тем как ехать под венец. Как уж это называется, забыли... А вот про жениха-то ещё...

*Он манерно ходит,
Нежно выступает.
На коня сядился —
Под ним конь бодрился.
Ой, люшеньки-люли...*

Это все в девчонках мы пели, давно, а больше не пели. Нинку, помню, когда просватали, бегали всё с половником... <...> А еще вот интересно — делали на свадьбу гуленьков из соломы. Кто умеет, их плели. Вешали за веревочку к потолку. А как, чего там пели, я не знаю. Посредине, над столом.

132.

Когда выходила невеста. Жених приехал, сели за стол, тут собираются, придёт кто-нибудь, эта, и вот поют песни:

*Не шелкова ленточка к стенке гнётся,
Как там Ваня Таню к сердцу жмёт.
Ты скажи-ка, Таня, кто те мил.
А мне мил-милёшенек Ваня-дружок.
Это же, Таня, правда твоя.
Правда истинная.
Вот слышишь ли, Ваня, песню поём,
Песню поём, тебе честь воздаём.*

Вот это пели на свадьбе. И сваха, которая приехала, сват, который приехал, молодёжь, родители. Про них пели. А вот молодёжь, если холостой парень:

*Кто у нас хорош, кто у нас пригож?
Хорош Ваня-господин.
Кудри у него, кудри золотные,
Брови у него — чёрного соболя,
Личенько его снегу белого,
Хорош-пригож, свет Ванюша-господин,
Слышишь ли, Ваня, тебе песню поём.
Песню поём — честь воздаём.*

133.

<...> Собирались и вот пели, вот все песни и я пела эти песни:

*Свахонька, ты наша удалая
На ней шуба та, голубая
На ней пуговицы золотые...*

Забыла, девчонки. Таковую вот, эти я, или дружку тоже поминает:

*Дружка там богатой,
Да дружка мужик богатой.
Не гривенниками, а полтинниками,
Не полтинниками, а четвертными.*

Ну, он-таки в это самое раскошелится и бросит там на тарелку сколько. И сваха также, и сваху также расхвалят, чтоб она тоже им подкинула. Они едут с этим, с тарелкой и все значит это, и дружку, и подружку, и всех, ко всем своя песня, а я их не помню. <...> А невесту, значит, ругали.

134.

*Помада-помада, душиста, не мята.
А кто у нас холост, а кто неженатый?
Неженатый Ванюшка по городу ходит,
Да всё глядится, сам себе дивится,
Какой я хороший, какой я пригожий.*

Это про него. А худое про невесту пели. <Когда за столом сидели >.

135.

*Ой, на ком кудри, на ком русы,
Ой, люли, люли, на ком русы.
На ком русы и не расчёсаны,
Ой, люли, люли, не расчёсаны.
Не расчёсаны, не разглажены,
Ой, люли, люли не разглажены.
Никто к этим кудрям не подступится,
Ой, люли, люли, не подступится.
Подступалась свет ли Машенька,
Ой, люли, люли, свет ли Машенька.
Начала кудри чесать, гладить <...>
Маслом мазать,
Ой, люли, люли, маслом мазать.
Со Москвы гости съезжались,
На молодчика любовались,
Ой, люли, люли, любовались.
Хорошо дитё спорожено:
Он речист, речи говорить горазд,
Ой, люли, люли, говорить горазд.
Говорить горазд, гостей потчевать,
Ой, люли, люли, гостей потчевать.
Кушай, тятенька, кушай, мамонька,
Ой, люли, люли, кушай, мамонька.
Молода жена свет же Машенька,
Ой, люли, люли, свет же Машенька.*

Это молодым поют. Рядом с женихом сидит крёстный, а по эту сторону сидит крёстная с невестой. Крёстному запевают:

*Вот сказали свет Анне: «Иван домой едет».
Не успела свет Анна шубу взять.
За рукав шубу тащил, и середь двора взяла.
Среди двора взяла, в воротах встречала.
Целовала, миловала, правду не сказала.
Я скажу тебе правду во новых сенях.
Я рожу тебе дочку как белу комочку,
Я рожу тебе сына как белого сыра.
Тебе сын перемена, а дочь перепутье.
Куда пойдешь-не поедешь, все к дочке заедешь.*

Это пели крёстному. А холостому парню пели:

*А кто у нас умён, хорош и разумен,
Ой, люли, люли, хорош и разумен.
У нас Ваня умён, хорош и разумен,
Ой, люли, люли, хорош и разумен.
Он чопорно ходит, манерно ступает,
Ой, люли, люли, манерно ступает.
Манерно ступает, сапог не ломает,
Ой, люли, люли, сапог не ломает.
Совок не ломает, чулок не марают.
На коня садился, а конь веселился,
Ой, люли, люли, а конь веселился.
Он плеточкой машет, а конь под ним пляшет,
Ой, люли, люли, а конь под ним пляшет.
Он лугами едет, луга зеленеют,
Ой, люли, люли, луга зеленеют.
Он садами едет, сады расцветают,
Ой, люли, люли, сады расцветают.
Сады расцветают, птички распевают,
Ой, люли, люли, птички распевают.
Он улицей едет, вся улица стонет,
Ой, люли, люли, вся улица стонет.
К дому подъезжает, мать его встречает,
Ой, люли, люли, мать его встречает.
Маменька родная подносит хмельного,
Ой, люли, люли, подносит хмельного.
Подносит хмельного вина зелёного,
Ой, люли, люли, вина зелёного.
Маменька, родная, я не пью хмельное вино зеленое,
Ой, люли, люли вино зелёное.*

А свахе пели:

*Свахонька дорогая, шубонька меховая,
Петельки шёлковые, пуговицы золотые.
Слышишь ли, свахонька, тебе песню поём, тебе честь отдаём.*

Это всё с пляской. С приухом, с пляской это всё. Жениху с невестой поют это всё, спели им всё. Свату спели песню, крёстному, сватушка разделась, тебе песню пели, вот там кто, сколько даст, девки денег наберут. <...> А сваха, бывало, споют, пирогов привезёт или кокурок каких привезёт. Это всё было. Весело было весело, а народу-то глядело, не знаю сколько, полная изба найдет. Кокурки это такие лепешки были. Сдобны кокурки пекли. <...>

136.

*Свахынька ты дорогая,
Шубонька ты шёлковая,
Петёлки твои золотые,
Слышишь ли, свахынька,
Тебе песни поём,
Тебе честь утдаём?*

Вот она, сваха-то, тут и печенье, и конфет, выкупает, а свату шапку сымают с него, эту уж песню я не помню. Их у меня целая изба народу было, за мной приезжали...

137.

<Поют жениху>:

*Розан мой, розан,
Виноград зелёный,
На коня садился,
Под ним конь бодрился.
За лугами едет,
Луга зеленеют.
Луга расцветают,
Птички распевают.*

Да, это невесте пели:

*Полевая красна ягодка,
Дорогая гостья...
Там в родильном кутятнике,
В родильнице у маменьки.
Просватали тебя, молодую,
На чужую дальнюю сторону
К неродному отцу с матерью.
Неродной отец — не батюшка,
Мать — не матушка.*

138.

Все кому поют — дают деньги. А потом к венцу, если венчаться, а нет — так домой в свою деревню. Врозь едут если с венцом, а если без — то вместе. А если к венцу, то жених на первой, а невеста на второй лошади едет. А обвенчались, едут уже вместе. Уж их тут мать встречает хлебом-солью через порог. Она опять их тут благословляет. Когда к венцу едут — иконой благословляют и дают невесте. Это уж её благословление. Свекровь, значит, тоже одаривает невесту: «С законным браком Вас». Одаривает её материалом, платок ли какой, полушалок. А невеста опять тут дарит свекрови.

Тут уж все собираются, гуляют. Сперва гуляет женихова родня, у жениха. Напляшутся, напоятся все. Теперь идет родня невестина. Потом все кричат:

— Новая родня идёт, новая родня.

Приходят, стучат:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Аминь!

Им открывают двери и заходят. Женихова-то родня нагулялась, освобождает место новой родне. Они поют, а эти пока выпивают, закусывают. Всё прошло. Тут уж вместе гуляют.

139.

Это собирали детки из Алешунинской средней школы. В двухтысячном году у нас была экспедиция для сбора информации о свадебном обряде Боровицкого прихода. Ну, мы собрали. Так называемое... описывали весь свадебный обряд, ход свадьбы, начиная от приготовления, сватовства, заканчивая гуляньем на свадьбе, непосредственно. Ну вот, например, значит... старшие женщины наставляли, опытные, наставляли невесте и желали:

*Надо жить во чужих людях умеючи, разумеючи.
Чужие люди ровно тёмный лес, словно туча грозная.
Без мороза сердце вызабнет.
Во чужих людях будьте покорны и пословны...*

Когда уже непосредственно на свадьбе, жениху пели:

*А кто у нас холост,
Холост-неженат?
Холост у нас Ваня,
Неженат Иванович!
На коня садился,
Под ним конь бодрился!
Он плёточкой машет,
Под ним конь пляшет!
Он лугами едет,
Луга зеленеют!
Луга зеленеют,
Пташки распевают!
Лишь улица тонет.
К дому подъезжает —
Его тесть встречает,
Тёща привечает,
Пожалуйте в гости,
Милого зятёчка...
Невеста ряжена,
За стол посажена.
Невеста умыта,
Платочком покрыта...*

<Пели дружке>:

*Как дружка мужик богатый,
Он и с гривны на гривну ступает,
Рублём ворота запирает,
Полтиной отмыкает.
Ты поедешь туда на свободу,
Тебя будут девицы корить,
Было бы, чем подарить!
Слышишь ли ты, Витя,
Тебе песню поём,
Слышишь ли ты, Матвеевич,
Тебе честь воздаём.*

<Величание невесте>:

*Полевая красна ягодка,
Ты подружка наша, Ниночка,
Погости в гостях в остаточке,
У родильницы у матушки,
У родильницы у батюшки.
Ни родна матушка,
Ни матушка родна.
Ни родной батюшка,
Ни батюшка родной.
Вот послали тебя, младу, по воду.
А ты, млада, без воды домой пришла.
Там летели сизы голуби,
Возмутили воду свежую.
Свёкор-батюшка журит-бранит меня,
Свекровь-матушка побить велит меня,
(Только) ласкова золовушка
Вот замолвила словечко за тебя.*

<Пели свахе>:

*Уж ты, свахонька наша приезжая,
На ней шубонька голубая,
На ней петельки шёлковые,
На ней пуговицы золотые.
Слышишь ли, свахонька, догадайся.
Тебе песню поём, тебе честь воздаём.
Как приезжала сваха хороша-хороша,
На меду сваха замешана,
Сытою она обливалась,
Золотой канвой покрывалась.
Слышишь ли ты, сваха, тебе песню поём,
Слышишь ли ты, Ивановна, тебе честь воздаём.*

<Пели холостым парням>:

*По сениям, сениям новеньким
Там гуляет добрый молодец,
Добрый молодец Алёшенька.
Он свои кудри начёсывает,
Он своим кудрям наказывает:
Прилегайте, кудри русые мои,
Привыкайте, красны девушки, ко мне.
Спесивая гордость ко моей спесивой гордости,
Ко молодецкой к бодрости,
К молодецкой бодрости
Слышите ли вы, ребята,
Вам песню поём,
Слышите ли вы ребята,
Вам честь воздаём!*

<Пели жениху>:

*Капустонька вилы, вилы, вилы,
Какой Ваня милый, милый, милый.
Какой Ваня жена <...>:
Ты поедешь, сударь, на свадьбу, на свадьбу,
Тебя будут девицы корить.
И было бы чем подарить, подарить.
Слышишь ли ты, Ваня,
Тебе песню поём,
Слышишь ли ты, Алексеевич,
Тебе честь воздаём.*

Также на свадьбе пели за столом такую песню:

*На столе-то хорошо,
Пирожок с творожком.
Кабы было бы с кем, разломил бы и съел.
Ах, кабы было бы с кем, разломил бы и съел.
Ах, своему милому серёдочку,
А постылому конец.
За то ему конец,
Что удалый молодец.
Не ходи, милый, по сенечкам, ты не топай ногой.
Ты не топай ногой, не качай головой,*

*Мне не быть за тобой.
Уж и быть и не быть мне за Ванюшкой.
А целовать в уста Николаюшку.
Николаюшка — парень любушка,
Любил девушку Пелагеюшку.
Пелагеюшка-душа, словно бела мука,
Мука высушена, мелко вытопчена,
А крестьянская дочь невыучена.
Она по полу ходила, свою голову чесала.
Чесала-чесала, во плетень косу вплела,
Моя русая коса — всему городу краса.
Всему городу краса, всем ребятам — лубота.*

140.

<Невесте пели: «Полевая красна ягодка»>:

Полевая красна ягодка.

.....

*Не хотела ты замуж идти,
Не хотела в монастырь идти,
В монастырь идти — в монашенки,
А мы, девки, понадеялися,
Мы пошили платья длинные,
Купили шали чёрные.*

<Свахе пели>:

*Да, на ней шуба голубая,
Петелки шелковые,
И пуговицы золотые.
А ты, свахонька, послушай,
Семеновна, догадайся.
По имени называем,
По отчеству величаем.
Слышишь ли ты, сваха,
Тебе песню поём,
Слышишь ли ты, там, Васильевна,
Тебе честь воздаём.*

<На свадьбе пели>:

*По московской по дороженьке
Тут ехала каретушка,
А в этой-то каретушке
Тут сидела душа-Катенька.
Она сидит и рыдает,
А к ней Коля припадает:
— Ты не плачь-ко, душа-Катенька,
У нас жить-то больно гоже,
Работать, гулять охотно,
Куда пойдешь — всё спросися,
Коль придёшь — всё скажися.
— Ну и что это за волюшка?
У маменьки жить вольнее:
Куда пойду — не спрошуся,
Отколь приду — не скажуся.*

141.

Приезжали за мной на лошаде. Венчались мы в церкви. Батюшка убвенчал нас, по кольцу одел. Дал ему на руку: «Ну вот, бери кольцо, надевай!» Вот и всё. А потом поехали, где жених живет, к свекрови — гордной справлять. Придут, которые все плясуньи-ти. Один вот пляшет и кричит:

— Нюрка, ты выбрала жениха хорошего!

— Я, — говорю, — и выбирала, чтобы был хороший.

Из тряпков девки делали и вешали над столом под потолок птичек: жених поймает или невеста. Вот я поймала голубушку: «Голубушка моя!». А жених поймал голубя. А ему кричат:

— Васютка, ты неправильно сделал! Тебе надо голубку ловить-то, а не голубя.

А он:

— Ну, как сделал, так и сделал!

Так, чудили, не знаю чего. Это гордной коли бывает...

142.

Ну, из бумаги делали, пекли их... Жениху пичужку и невесте пичужку. Над столом вешали, да. <...> Коды там будет — палкой по рукам, ловить пичужку. Сперва засватают, усватают, на неделю, на две, может и меньше, потом свадьбу делают и вот, пичужки делают. Из соломы, изо всего, с крыльями. Да, из бумаги, из газеты. <Соль> насыпали. Вот, когда он сорвет, и посыплется соль-то.

143.

Другая накатает штук двадцать — тридцать. Шар такой и катали на Пасху яйца. Из соломы делали и вешали. Жениху два яйца клали, а дружке две картошины сырых. Крёстный с невестой приедет и положит... срывали их, жених сорвет. Яйца в тещу бросит... заплётывали две картошины...

144.

А еще голубку повесят с картошины. Вот её ловят. Её подденут веревкой, не достанут — опять... <Ловит> жених. По рукам палкой бьют! <...> Такая традиция на Руси. Или яйцо, или картошину повесят.

145.

Поедут за молодой — поезжение. А потом — пир у жениха, а поезжение у невесты. Ну, два дня. Первый день у жениха, поезжение, второй — у невесты. <...> Народ старинный. Они запоют. Эх! Деньги собирали, клали на стол. Они поют, и, значит, тарелку подносят, и денежки собирали. Бывало, бабы наберут. Жених приезжает за невестой, к невесте. Тут у невесты поют песни. Напоют, много напоют. Бабы собираются и вскладчину выпивку собирают. А после собирались и гуляли.

<...> птицу делали, в чашке. На веревочке. Когда суп подают. Вот когда песни поют и во эти вот две птички бабы сидят в углу и пускают. Вот дразнят его <жениха>. Когда хватит, а когда нет. <...> яйца там пустушку и из таких бумажек, покрасят их. Все приготовят. Это уж дело подружек. Придут с утра, поезжение в обед, вот придут с утра и всё устраивают тут. И всё обдeldывают, чтобы голубь в чашку летал, два голубя. <...> Жениха дразнят, а он сидит, ему пустят, то другой раз пустят, а он схватит, а он улетит опять. До тех пор пока не поймает. Ну, там поймает, денежки плати. И к теще кидается, к их чулану. Так заведено. Денежки платить надо, коль голубя погубил. <...> Приходит и в дверях задерживают. Все берут и туда, и сюда. А потом сидят за столом, когда тоже приходят к невесте, не пропускают. Давай выкуп. Вот четыре угла, положит по пятерке, пятый конек.

Все денежки кладет. Крыша — пятый конек. Обязательно сваха. Он <дружка> ведет молодых. Дружка всё делал, и икону несет, и хлеб. Менялись буханками, иконами. Хлеб-солью менялись.

146.

А, помню! Гуленьку! Перед столом повесить гуленьку, там соль, что ли, насыпана. Да, так было заведено, заведено стариками. <Гуленьку делали> из бумаги. Шас не делают, наверное. Нет! Эту гуленьку вешали>, чтобы жить мирно, не ругаться, чтобы невеста привыкла, не убегала.

147.

Ой, на столах плясали! Всякие пели, «Веселого» заиграют. С рюмки запляшешь! А теперь...

148.

Танцевали, плясали. Некоторые даже на лавку вставали, женщины плясали. Раньше все попросту было. Так стояли. Они не дробили, а просто песни пели.

149.

Ухальны <песни> плясать надо, ухать, артелью пляшут. То есть застóличные песни, а то есть ухальны, их много. Вот, например, «Утушка луговая», ее все знают. «Посею лебеду на берегу» — тоже ухальна. Только вот котóры «Бабкины» поют — извернут: куплета два пропоют и всё, кончают. Потом «Теперь нам попити, теперь погуляти...» — это вот тоже ухальна:

*Теперь нам попити, теперь погуляти.
Бай-говори, головка, теперь погуляти.
Некому уняти, некому уняти.
Бай-говори, головка, теперь погуляти.
Мужа дома нету, мужа дома нету.
Бай-говори, головка, мужа дома нету.
Гроза его дома, плеточка шелкова.
Бай-говори, головка, плеточка шелкова.
Во сенях на гвозди, во сенях на гвозди.
Бай-говори, головка, во сенях на гвозди.
Во сенюшки взойду, во сенюшки взойду.
Бай-говори, головка, во сенюшки взойду.
На плетычку взгляну, на плетычку взгляну.
Бай-говори, головка, на плетычку взгляну.
Всё сердца обомрет, всё сердца обомрет.
Бай-говори, головка, всё сердца обомрет.
Всё кровью обольет, всё кровью обольет.
Бай-говори, головка, всё кровью обольет.
Вы девки-пострелки, не пейтя горелки.
Бай-говори, головка, не пейтя горелки.
Они безразумны заведут за гумны.
Бай-говори, головка, заведут за гумны.
За гумны половни, за гумны половни.
Бай-говори, головка, за гумны половни.
В половне мякина, в половне мякина.
Бай-говори, головка, в половне мякина.
В мякине детина, в мякине детина.*

*Бай-говори, головка, в мякине детина.
Белай-кудреватай, белай-кудреватай.
Бай-говори, головка, белай-кудреватай.
Холост-неженатай, холост-неженатай.
Бай-говори, головка, холост-неженатай.
Мякину взъерошил, мякину взъерошил.
Бай-говори, головка, мякину взъерошил.
С девушкой хорошей, с девушкой хорошей.
Бай-говори, головка, с девушкой хорошей.*

Вот, это плясовая свадебная, хором поют, пляшут. В любое гулянье ее пели, не только на свадьбу, а на свадьбу — в любой день. Как напились — кто за столом, кто уж тут. Под гармошку, под гармошку. Их много!

ВТОРОЙ ДЕНЬ, ПОЗНАТЬ, ПОЗДНАТЬ

150.

Из Битюково в Борисово идем, все пляшем. Идут к невесте гулять — это уже другой день, то был гордной, а то познать. Это к невесте ходили. Кто гулял, тот и рядился во всяких чудаков.

151.

На второй день выкупают. Вот когда торты приносят. Это вот тогда. Это и сейчас так. На второй день, когда собираются гости, уж все подано, а ложек-вилочек нет, надо чем-то есть. Вот кто даст — тебе ложку на или вилку. Сиди ешь, выпивай-закусывай. А остальные смотрят.

А то вот ведут молодых, и вот залезут на полог, и вот какой нето горшок или с чем с мусором, его стукнут и заставляют мести невесту. Вот она метёт-метёт, расшвырнут, денег бросят, деньги собирает: в щёлку какую-то засунут, кто сколько. Вот жених поднимает её, она достаёт. На второй день. Вот тут рюмки били, когда мести. Вот чтоб мела она и видишь, невеста не хромая ли, не слепая ли — может, не видит. Плохо метёт — жених-то вот рябой.

Торт на второй день резать. Вот жениху ножик — как он режет. А он вот возьмёт торт как он есть, возьмёт и выговорит всю серёдку, прям вот так вот. Ну и вот если серёдка — то честная.

152.

В Лесниково к жениху понесли курицу, а она поносит, облила всех — смеху-то было. От Степанькова до Лесникова несли белую курицу. Курицу несли для питания. Кто кормить-то нас будет, раз я сюда вышла. Вот чтоб моё яйцо было здесь. Она снесёт, и я чтобы ела свое яйцо.

153.

Рассыпали деньги. Горшки били и рассыпали деньги. Лепят на потолок, достают. Рядились на второй день. Я вот военным рядилась, а эта — сарафан бабушкин. Гармонь играет, а мы впереди идём выплясываем.

154.

А на второй день у невесты ходят гуляют. Плясали. Пели, но я забыла какие песни. <...> Рядились. Один нарядится или одна, или он или она, накрадется, намажется, то краской, то сажей. Вот и гуляет. Оденется в какое не то, в шобол

нарядный, гуляют. На второй день по улице гуляют. Погуляют и отправятся на волю, ходят по деревне с песнями, и ряженные ходят. Угощают. Ходят с водкой и закуской. Кто попадётся, наливают стакан и закуску дают. На второй день. А на другой день уж расходятся все, уж кому мало, то придут похмелиться.

155.

...На другой день у жениха отгуляют, и приходят от невестиной стороны. Курицу приносят. Нарядятся, курицу. И вот тут деньги, куда кидают, горшок бьют. Вон молоденький, глиняный. Розобьют, и тут мелочь тебе кидают. Мётут. Курицу принесли, курицу наряжают в тряпочки.

156.

На второй день вставали, похмеляться собирались, вот к теще уже. <...> Встанем и пойдем. Там уже столы собирают, поможешь, может, чего. Всё у всех попросту. <...> Наряжали курицу и несли её. Когда шли приглашать гостей к теще. Наряжали тряпками, бантиками.

157.

Курицу не наряжали, ну, а невестой с женихом рядились. Я сама два раза рядилась. Вот это второй день. Я вот нарядилась невестой, а Костя нарядился женихом, тута всё надела рваное, я тут вот обрезала штаны, босиком, уж летом это было, вот и бегу, а он за мной с ружьём: «Застрелю! Ты что, такая-сякая, убегаешь?» — ругает меня. А я прибежала к матери-ти, а она печь топит, я её за ногу зацепила, его мать, ну, а я в роли невесты: «Не пойду я, мамынька, больше, он такой-сякой, я не пойду к нему больше!». А она говорит: «Да иди, иди!». С узлом! Набрала узла, будто совсем я убежала! Тут всякого шобла в узел навязала. А она меня прогоняет, а он тащит меня, ружьё поставил: «Пойдём, ты такая-сякая, нехорошая!». — «Я всё равно с тобой жить не буду, не понравился ты мне!». <...> Ну и за стол, тут почудили, почудили, и за стол. Выпили, угостили нас, вот тут пошли парой. А вот раньше-то ещё, я в девчонках была, вот как невесту-то... Рядились женихом, сядилась он верхом на лошади, к узде-то привязали вожжи. И вот она уцепилась, и в пруд, по пруду тащут! Ну, невестой рядилась... По пруду! Лошадь идёт, жених едет верхом, а она тащится, далёко, чтобы не ушибла ноги, вот за вожжи держится, уцапилась, а её тащут по всему пруду. <...> Ой, а народ соберётся, смеху! <...> Это всё с утра делается, пока невеста рядятся с женихом. На второй день, на познать, когда уж у невесты гуляют. Первый день у жениха гуляли, а второй день «познать» называется. Познать у невесты гуляли. <Познать значит> опосля. Опосля свадьбы, наверное, так.

158.

А наутро уже идёт невестина родня, отец там или брат ли отца за молодыми к зятю, приглашают к невесте. День гуляют у невести. Второй день. Вечер гуляли у жениха, а утром приходят к невесте. У невесты тоже как-то назывался — не помню.

На свадьбе всякие песни поют. А во второй-то день еще чудней и рядются тут. Баба мужиком нарядится, мужик бабой. По деревне ходили тут, пели. И невеста с женихом идут вперед, а кто из молодых упадет перед ними — они тут и выкупают. Куча-мала.

На второй день у жениха просыпаются и начинают горшки бить. Наложат там немножко мусору какого-нибудь, а туда денег. А невеста метёт пол. Тут с горшками идут. Только-только подметёт, а тут другой бросает. Да ещё всё расшвыряют ногами во все стороны. Давай опять выметать. Только опять подметет — опять. Тут уж долго гуляют. На веник ленту привяжут.

Раньше-ти проверяли, честная невеста или нет. Сваха там поглядит. Ведь будят молодых. Будит сваха. А раньше гулять пойдут и эту простынь несут, её ещё показывают.

159.

Такой обычай — рядятся, когда за молодой идут на второй день. От жениха к этой... к жениху идут за молодой, на второй день. Горшки били. Я во недавно била, принесла эту тарелку. Веник цвятами рядили, кур приносили. Да, веник цвятами рядили на второй день. Такой обычай был — у жениха поймаем курицу, к невесте курицу принесем. Чтоб богатство было:

*Дарю злато, чтоб жили богато,
Дарю кружку, чтоб любили друг дружку.*

А дальше я забыла.

160.

Ну, это потом пришло... А вот мели у жениха на второй день пол... Обязательно должна невеста у мужа... С утра встают пораньше, берут горшок — насыпают туда опилок, мелочи и разбивают... Пол должна молодая мести... В этот момент гости начинают кидать, кто сколько сможет, кто мелочью, кто рубли, кто десятки... Собственно, кто сколько сможет... Ну, и в это момент муж начинает ей помогать. Для шутки гости опять начинают разгребать всё это, чтоб она по новой мела, стараются уже родители помочь...

161.

Рядились. Кто в женщин, кто в мужчину, юбки надевали, типа Святки. <...> Рядились на свадьбу только людьми (мужчина и женщина), хулиганские наряды. И угощение в чайнике по деревне носили. Как по русскому обычаю по деревне ходили. В чайнике была самогонка. Идут по деревне, попадается кто-то — и угощают, из чайника наливают, закуску дают.

<...> На второй день — с утра обычно уха. Это русский обычай. Горячее подаем и начинаем с закуской по новой, обряды и гуляния. Обряд — деньги, собирают мелочь всякую, обманные деньги (что уже не ходят), мусор в горшочек кладут. Начинают бить на второй день. Жених и невеста начинают подметать, искать, какие деньги им нужны, разбирают. Благодаря этому узнают, какая невеста: хозяйственная ли, как подметет пол, как уберет всё. Деньги могут прятать везде, кто на потолок может даже засунуть. Жених должен достать. На третий день — похмеляются, собираются.

162.

Гуляли, плясали, пили. Хулиганские частушки под гармонь пели, и все пели. Рядились, кем только не рядились, всеми и шутами, и цыганами, кто во что мог (на второй день). По улицам ходили с корзинкой, с чайником, самогонки в чайник. Кто ни шёл, всем в стакан наливали, все пили, все родные были, все гуляли. Песни пели и «*Ой при лужке, при лужке...*», «*Одинокая гармонь*». Плясали женщины, и очень хорошо было. «*Цыганочку*» плясали (с выходом), «*Елецкого*» плясали и «*Сашоночку*» плясали.

163.

Яичницу варят, яичницу, если (это на второй день), вот, да. Жених узнаёт, честная девка. <...> Ну, вот если, вот если, например, честную меня взял, хоть там Карась... Вот, значит, следят-глядят, яичницу сварят наутро-то. Ну, и поставят. Вот если честная, честная если я, он с серёдки её ковырнёт, а если нечестная, значит, с краешку. Вот так.

164.

Яичницу подавали на второй день, блины. Так и называлось: «На глазной к жениху, а на блины к невесте». Подавали блины, стопку. <...> На другой день встаешь у жениха — надо пол мести, чтобы проверить, что она умеет делать. Вот кидают мелочь: только подметёшь, её опять раскидывают, опять мети.

165.

На свадьбе раньше проверяли, честна ли была невеста. Если ночь переспали... Сейчас уже все в девчонках переспят. Правильно? А бывало, блюдешь себя до первой <брачной> ночи. <...> Ежли ты честна, то он яичницу задевает в серёдке, а ежли нечестна, то с краюшку. Все: «Ба, нечестну взял, батюшки! Ой, гулёну взял нечестну!». По яичнице все узнавали, честна ли была невеста. Это в гордой, а утром — на блины. Это на блины зовут к тёще. У тёщи на блинах и яичницу подают, он зачерпывает её. <...>

166.

<...> Первый день у жениха, а на другой день, на блины, нету... Да, идут на блины к невестиной родне, молодые и все свадьбишные. <...> Ставили блины на стол, и кто первый блин зацепит, если жених, значит целка, если нет, то значит, всё, пропала! Ставят блины. Ну, их тут же начнут есть, а потом ставят все: вина. Начинают первым долгом без всякой закуски выкупать стопку. Платишь деньги — тебе нальют. Я вот сроду не выпивала, а деньги платила, гуляла. Мне воды наливали. Я и вкуса-то не знаю вина-то. Все яичницу на второй день. В чашечках глиняных, и вот на все столы поставят, вот ели. <Потом чашку> били. Одну чашку бросали. А раньше в глиняных-то и делали. Так небольшие чашечки. <...> Рядились, ходили по деревне ряженные. Кто вздумает, тот и рядился. Угощали. Идут с бутылкой, с закуской по деревне, и кто попадётся — подходили и угощали. И третий день гуляли. Раньше чуть не целую неделю гуляли. А сейчас! Сейчас второй день и все, все свои третий день, кто дома.

167.

<Блины> на второй день пекли. Уху варили на второй день. Приглашают всех сватьев на уху... <Невеста замуж выходила в положении> сколько хочешь. Ну, считалось <позором>, но всякий позор, всё переносят. Не все больно уж такие благочестивые. Делали всё, <чтобы скрыть, что невеста нечестная>, и красными карандашами мазали простыни... Ведь раньше выносили всё — показывать.

168.

Раньше рядились и врачами, и всяко. И лапти у кого есть, обуют. А счас и лаптей-то ни у кого не найдешь. Нарядуются, наденут халат белый, чепчик, и трубочку там какую-нибудь возьмут. Вот у меня сестру выдавали замуж, здесь была свадьба, а в город выдавали. Ну, и женщина живот набьет нарочно, ляжет посреди улицы. Ну, а он прослушивает, роды принимает. В общем, всё смеялись, шутили, всё, а ведь счас нет этого. Это на второй день свадьбы... Раньше ведь как свадьба-то? По улицам ходили. А сейчас делают в клубе вечер, другой день попрыгают там сколь-то часов и всё. А раньше-то с гармонью ходили по селу. Частушки пели, хто какие может. По неделе гуляли, из дома в дом ходили — родня-то! К жениховой родне, а потом к невестиной родне ходили гуляли. Родня-то большая. Сейчас ведь и родные-то не роднятся, а раньше — двоюродные, троюродные (детей-то помногу было) — всё родня. Нынче, к примеру, к десяти часам соберутся у жениха. Ну, там посидят... «Ну, пошли ко мне!» Я к себе веду. У меня побудут — она говорит: «Пойдемте ко мне!» Идем к ней. Когда уж надоест, на другой день всё закончится. А счас чёго — счас нет.

Блины пекли на второй день, у невесте. Намажут маслом и подают на первый стол, где жених с невестой. И он должен (большие блины-ти пекли) их разрезать... как вам объяснить?... честная невеста или нет. Если честная — они должны не разваливаться, а если нечестная — они разъедутся. Вот все и глядят! Яичницу в черепеньках варили. Тоже ждут, когда жених серёдку заденет. Значит, честная. А если нечестна, там надо край... Ну, уж жених, наверно, не будет её позорить. (Это сейчас с двенадцати до четырнадцати лет живут в гражданском браке, а раньше ведь этого не было).

На второй день у жениха как встанут — горшки били. У жениха первый-то день погуляют, и наутро опять идут к жениху, ну, не все... Там угощают горячим и начинают горшки бить. Там в горшках мелочь, мусор, и вот невеста метёт. Шевыряют ей все мелочь, копейки, она собирает. И вот как подметёт, невестина-то родня, тёща-то идет и забирает к себе на блины. У невесте-то погуляют, потом начинают по домам. <...>

169.

После венчания здесь погуляли, потом поехали туды, к моим родным. Там отгуляли, там у них и ночевали. Наутро пришли родные вот его туды к нам. А потом гуляли по домам разных родственников — третий, четвертый дни. Когда мы обвенчались, приходили отец с матерью, мы встречались с ними на крыльце, через порог не переходили. Стояли около порога, подошли родные, отец мне поклат деньги в туфли. Так делали раньше. Раньше туфли-то не найдешь! Я замучила брата туфлями одними: везде искал-искал, нигде не найдешь! <...>

Мой двоюродный брат женился — и привели прямо в избу коняшку маленького, жеребеночка. Вот смеху-то было! Нарядил его. Потом пошли к снохе моей и брату моему. А тут настановили на стол всяких этих туфель, галош, ботинок — чего только не было! Мода была такая, счас ведь этого нет. Это, мол, вам столько детей родить! Вот убрали эти ботинки — начали собирать на стол. Потом разгоне было, на пол кидали деньги. Горшок разбивали, я начинала мести пол. Не знаю я, не помню, сколько уж мне накидали. Это на четвертый день. В горшок еще сено кладут. Раскололи эту черепицу, и потом начинают кто ногами, кто чем по полу раскидывать. Потом это кончилось, подмели пол: «Ну, всё, невеста у нас не слепая!». Теперича это всё кончилось, выпили по рюмке мужики. А этот зять (шили раньше пинжак подсуконный, подсукно), надел пинжак такой... Раньше с вином плохо было, все гнали самогонку, и нашли эту барду двоюродные-то его братья, которые приводили жеребеночка, и этой бардой его и облили. А я спряталась к соседям, пока начал тут он шуровать. Ну, а потом разогнали всё это, опять сели за стол, выпили, разошлись. А полезли вон куда, под потолок, с потолка-то на него и лили. И водой обливали. Но по воду я не ходила, что-то мне не пришлось.

170.

Это уж после свадьбы, как кончается тут свадьба. Ходили по воду, искали там, где колодец. Обливали водой жениха и невесту, они прятались, да и кого найдут. Да ещё и грязью обольют, не только водой. Было. Свадьбишны сродники наряжаются — кто женщина в мужчину, а мужчина — в женщину. У нас на свадьбе был брат, а он чудной такой был. Он нарядился в женщину, а сестра — в мужчину, и ходили вот они как жених с невестой... На второй и на третий день это. А потом ходили по всем сродникам, все сродники принимали. Вот у меня сестра из Битюкова — она принимала всех гостей. В баян хорошо играли, и плясали тут, танцевали, ходили по улице, пели.

171.

На второй день у невесты рядятся, собираются, кто чем наряжаются. Кто солдатом, кто цыганкой, едут к невесте звать, раньше звали на блины, на познать.

Приходят к невесте. Раньше были кувшины. В кувшины насыпят мякины, туда мелочи наладут, приходят к невесте, к жениху-то. Заходят, поздравляются, проходят вперед, грохот — кувшин. Невеста, вставай, бери веник, мети. Накладут мякины, а она ведь летит по всем сторонам, ее метёшь, а она разлетается. А они возьмут: или ногой, или швырнут, берут деньги, кидают. <Жених помогал> <...> они оба, невеста метёт, а он собирает. Чудят, тут уж чудят. Принесут ведро, невеста соберет, садятся за стол. За столом гостят, потом идут к невестинной родне. Собираются и идут к невестинной родне. Дорогой идут, чудят, чудят кто чего. И песни поют и кто чего, кому чего на разум придет.

<...> Вот когда у невесте гуляют, уйдут домой, тогда невестина родня собирается, женихова родня вся уйдет, а жених с невестой остаются. Утром встают, уж тут похмеляются, тут одна родня. Идут по деревне, молодые идут, гуляют с гармонью по деревне, вот уж тут кто стоит, где уж тут подносят, угощают.

<...> Это еще до этого, раньше ходили по воду. Дают невесте вёдра на коромысле. Невеста кладет на плечи коромысел и идет с женихом под ручку. А тут все гуляют, пляшут, туда берут вина, у колодец выкачивать воду. А там прибегут, не дают выкачивать, скажут: «Выкупай. Не примем мы её в нашу артель». Тут вот жених расплачивается, отдает вина. А невесте мать родная пекла кокурки вот эти и клала в сундук, когда постель повезут, и их положат в сундук. Вот уж она в это время берёт эти кокурки, бутылку вина, яиц наладут, кто чего, и пирогов наладут, тогда примут её в свою артель. Это всё чудили.

<...> Вот уйдут за невестой к жениху, мать скажет: «Глядите, как он появится там, на краю деревни увидите, идите, скажите». Она растопляет печь, пекёт блины. Там братишка у нас бежит: «Ма, идут, там с рубежа вышли в деревню, затопляй». Она затопит. Пока они идут, а ведь когда придут, с пляской потихоньку идут. Вот она печёт блины. Пришли, встретили, мать выходит с заслоном, их встречает. В заслон заиграет, как пойдет плясать, песню какую-нибудь споёт. А их там подгоняет пастух с кнутом, нарядится. Кричит: «Хозяйка, встречай, принимай, готово не готово, принимай». Хозяйка выходит с заслоном, стучит в заслон, заиграет и заплещет: «Пожалуйста, проходите». Заходят, раздеваются, садятся за стол, гуляют. Блинами чудили. Яичницу делали, яичницей чудили. На каждый стол яичницу делали, блины пекли. Разгуляются немного. Жениху украдкой подадут ножик. Вилки были, а ножа не было. Жених должен, как тарелку только поставили, воткнуть вилку и разрезать блины на четыре части. Надо, что бы это жених сделал, а то ведь полезут, кто вилкой, кто чем, полезут, раздерут эти все блины. Тёща фартуком повяжет зятю, он под фартук эту тарелку спрячет. Бабы пролезут ближе к жениху, он тут же вилкой раз, рукой-то, и раз, раз — и разрежет блины. Бабы закричат: «О, как зятя-то тёща любит, и не видали, как блины-то пронесла». И яичницу тоже так же. Яичницу тоже первым должен задеть жених, и в саму чтобы серединку, саму серединку чтоб задел. Также так же проташит, закрытую, тоже так же поставит, и он сразу ложкой. Ложку подаст ему тоже заранее. Это всё причуды были. Это всё для молодых. <...> В яичницу в серединку попасть — это вершок снимет. <Первый он у нее>. Да. А блины... Это сейчас ни стыда ни совести нет, а раньше стыд был, совесть была.

<...> Да, невесте это курицу носили. Вот собираются, когда рядятся, рядили курицу, а яичницу делали, проткнули там иголкой или булавкой, выпускают оттуда всё, наладут в решето, и курицу, разурядят ей крылья, перевяжут, ноги свяжут, чтобы она не барабылась. Понесут курицу, и пяток яиц положат, вот это всё причуды были. Это всё давно было, с пятидесятих годов я и рта не раскрываю. Уж я и прибаутки все забыла.

<...> Утром невеста с женихом еще спят, а тут мужики-то, им не спится, они всю ночь не спали, можно сказать. Тут сидят и пьют, и всё на столе. Начнут: «Это что-то молодые не встают долго». Начнут таскать в дом, натааскают всего. И ступу притащат, напихают в нее соломы. Налиют воды. Козу притащат, овцу приведут, и корзинку сена притащат. Натааскают всего. Чудят, чудят, крёстный идет: «Виктор (например), вставайте, глядите, что вам начудили». — «Что они там чудят?». — «Вы не встаёте, чего же им делать». А невеста скажет: «Крёстный, а чего ж мне делать?». — «Тебе мать-то чего наклала там в сумку». — «Да чего-то клала». Вот этих кокурок, яиц сварит, вина положит. Берёт бутылку, накладывает кокурок, яиц положит. Жених берёт вино: «А ты подвяжи фартук и в фартук положишь все, и принесешь и выложишь им». Заходит жених-то: «Ну и чего вы тут чудите. Ну-ка сейчас же убирать». — «Сейчас, уберете вы». — «Я убирать не буду. Кто натааскал, тот и уберет». Подходит к столу, выставляет бутылку им, невеста подходит, всё выкладывает. «О, за это мы сейчас всё уберем». А мать кричит: «У меня чтобы все было чисто!». Жених кричит: «Где взяли что, туда и несите, чтобы всё было на месте». Вот начнут таскать. Это всё шутки, чудили. Очень интересно было. Тащат ступу, туда нальют воды, а мать-то скажет: «Ведь навешали всё хорошее, не выдумайте мотнуть еще пестом, чтобы брызги полетели, с ума не сойдите. А не выкупите, значит, будем толчиня. Я вам этим пестом по башкам».

172.

Свадьбу гуляют с вечера, на другой день гуляют и были, после гуляли на блины, у невесты должны быть блины. В субботу гуляют, в воскресенье гуляют, утром встают, приходят подружки, затопляют баню — невесту в бане мыть. Свадьба, допустим, в субботу, прогуляли, а в воскресенье — в баню, ну как в баню — для шутки, чтобы угостили их. Подружки её в баню водят. А потом уже у невесте должны быть блины. На блины. Вечером собираются у невесте на блины. У жениха первый вечер гуляют — называется гордой. А уже на следующий день идут к родителям невесты на блины. После первой брачной ночи нужно вымыться в бане обязательно. Кто топил баню — тому за эту баню ещё обязательно давали подарок. Ещё стопку лишнюю нальют. Ещё возьмут чего-то — сажей намажут.

<...> Второй день свадьбы ходили по улице. Жених с невестой идут впереди под ручку, за ними вся толпа идет. Гуляют за селом. Вино, самогонка, пироги, закуска — с корзиночкой, в ней там вино, стопка и закуска. Идёт там — раз, нальют, угостят. Посидят за столом, посидят-посидят — скучно, пойдем погуляем по улице, потом опять продолжается гулянка. Всё закончится, блины все, а потом в последний день идут, значит, несут курицу, с курочкой. Несут курицу, родители несут курицу к жениху, пускают эту курицу, как она будет клевать. Опять угощают. Наливают курице пшена, воды, и смотрят, что она потащит. Пшена — значит, будет богатая, если воды нальют — пьяница будет. Ну, эта примета так вроде. И гуляли. Бывает, на курицу ленточку вот привяжут. А вот веник, которым подметала невеста, его вот украшали, цветами, ленты вот навяжут и с этим веником ещё вот ходили. С веничком ходили. Вся родня ходила. Веник наряжали, и она с ним ходила. Она наряжала, потом они собираются и вся родня идет с веником на блины и она подметала у невесты в доме. Где блины, там и подметают. Второй день вообще весь в доме невесты.

173.

<На второй день> ходили, ходили в баню и жениху-то раньше нижнее белье, например, до рукава, вот рукава перемывали, срывали, придет жених... <Баню топила> сваха, озорница.

[Соб.]: И она, наверное, их будила.

Наверное, тормошила: «Вставайте, идите». Чай, посмеяться, пошутить. <...> Ну, после бани, там смотрит, намажутся ли они, вымоются ли они, ну чай не моются да уж тут орава придет, а придут там опять за стол, угощение, опять тут гости приходят все, если в одном доме, в один дом к жениху все приходят, а если только у жениха угощаться немножко и пойдут на блины к невесте. <...>

*На печке блин,
Под печкой блин,
Мне не надо блина,
Мне бы стопочку вина.*

[Соб.]: Это сваха говорит>. Да идет в чулан, у них столы не ставят, молодые заходят за стол и все садятся, угощаются, улицей шли, пели, сюда до невесты шли, плясали и потом когда все тут угостятся, набирают вина, пирогов, рялятся, кто, как сумеет, и по улице до темной ночи.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ, РОЗГОНЬ

174.

На второй день свадьбы рядились — кто петухом, кто еще кем. День гуляют у жениха, день — у невесты. Третий день — «разгонный». Бегают с водой, молодых обливают, невесту воруют.

175.

Раньше свадьбы три дня справляли, из дома в дом ходили по несколько раз. А на последний день разгон делали. Посреди улицы был колодец — глубокий был, и вот обливались водой. Сноха должна за водой сходить, принести ведро воды. А гости не давали — обливали и жениха, и невесту.

176.

Первый день свадьбы назывался «горднóй» (у жениха), второй — «пóзднать» (у невесты). На третий день по домам ходили. Не успеешь за стол сесть: «Пошли в другой дом, а то не успеем всё обойти!». До ста человек гуляли. Обходили всю родню... <...> А ещё невеста черпала воду, а её тут уже ждали. Она два ведра вычерпает, жених выльет, а третье не успеет — на них, и убегают. А потом кто чем — намешают золы, сажи, обливают, если найдут. А оны прячутся, молодые-ти!

Я тогда сама. У нас была свадьба. И вот пошли мы — вытаскали два ведра, раз, вылили. А дядя Максим покойный припас ведро, намешал золы и нас сторожит. <...> А Манька, золовка (она была поменьше), взяла нам открыла двор. И он глядит, высунулся из коридора-то, а мы бежим. Она нам двор открыла, мы раз — у них там подклеть, как вон у нас терраска — под эту терраску спрятались. А он выбежал и на нее:

— Ты куда, п...а, их дела? <...> Говори!

— Я не знаю, не видала ничего!

— Да они вот бежали!

Потом подбегают мужики тут, ребята — раз это ведро на него! И мы пришли домой, нас не облили. А тут и сажей мажут, и красками — всем. <...> Кто на свадьбе гулял, друг дружку мазали. Молодых... и старых, кто попадется. Молодых, если найдут, обмажут. После уж свадьбы на третий день. Это называется у нас «розгóнь». Раньше на колодец шли, потом на колонку. Кто нарядится, кто так — по-всякому. Кто в сарафан нарядится, кто в штаны, кто во что найдет... Я тогда вот у Вовки Ванчеева гуляла — и вот нарядилась в штаны ватные, и куфайку, и шапку надела,

а тут тюль на лицо-то. И вот по улице ходили... Пошла тогда к Мишке Равчееву: «Подайте!». Не помню, что они тогда мне дали. А он это: «Кака-то старуха пришла маненька! У нас такой нет! Ай, старик? Старик! Отколь он взялся!». Они меня не узнали. А потом на розгонье-то я всех мазала, мазала, тёрла тряпкой с сажей, а дедушка Володя покойный, свёкр мой, говорит: «Какой-то, ..., старик привязался! Маненькой, а вон чего делает — всех намазал! Меня вот еще не намазал!». Я его поймала, натерла. «Ой, ... и до меня добрался!» А после уж разрядилась. Вон какой старик!

На розгонье, на третий день свадьбы, горшки быют. В горшок накладывают мелочи и там чего-нибудь — опилок или мусору — и вот мешают. Приходят, рассыпят посередке полу. И склянки, и всё тут, и грязь, а невеста с веником собирает. А потом мелочь выбирает, а кто там вляпает и рубли, и десятки. Кто куда спрячет — она ищет. Не найдет — кричат: «Слепая, слепая невеста!». Кто пособляет тут ей. А кто раз, раз — соберет, потом опять раз — полетели все деньги у ей. Опять собирай!

177.

<На третий день> это уже более-менее свое, опять сват со свахой и еще тут вот ближние товарищи, тут вот, человек пять-шесть, вот эту ёлочку, опять гармонь. <Ёлочку украшали> и бумажками и конфеточками. Вот настоящую ёлочку, конфетами, пряниками, печеньями и бумажками можно, а и веник так же этими тряпками всеми. Или березовый, или какой, в то время-то, это теперь такой носят. <...> Курочку в корзиночке и с яичком, она должна быть, вот тут вот разговоров-то интересных много. <...> Чудят, чудят. Ну, вот курочку как надо нести, как она там, ой я дорогое снесла яичко, вот какое оно у меня, молодую все прославляют, потом вместе ходят, деньги собирают все. <...> Это конечно, как вам сказать, говорили: «Вот вам двойня, чтоб была», и частушка была:

*Вот она и повела
Погодушка с метелью,
А вот Коленька приехал
К тебе со постелью.*

Вот это всё.

РАССКАЗЫ О ПОРЧЕ НА СВАДЬБЕ

178.

У нас у одного, так же над ним сделали, видимо, на свадьбе. Она знала. Она сейчас умерла. Он бесился, что он делал — сил нет. Его и в больницу увезли, в больнице ничего не помогло. Но нашли они такую старуху, куда-то они ездили. Отделала, перестал, и родила она сына, и до сих пор живет.

А как бесился, все бил, колотил, бегал как огненный. И никто его не мог утешить.

У меня на свадьбе нашли прямо в двери, прям какходишь, нашли волосяной клубок, и весь-весь был он в иголках. Кто-то хотел что-то сделать. Завидовали, он был очень хороший и все с ненависти, чтоб он меня не брал.

А не нашли б — может тоже бы бесилась. Может, разошлись давно, никого бы не было, и сама б в земле была. Если бы не нашли б никого отделать, конечно он бы попал.

179.

Когда мамин брат женился, брал из Сосниц. Это туда к Польцу — Сосницы. И вот поехали они сватать на двух лошадях. До Сосниц доехали — старик сидит на завалинке. Тут лошади встали как вкопанные, не идут ни туда ни сюда.

И били, и по-хорошему — нейдут. И этот старик подходит: «Что, миленькие, встали?». И сразу там мамин брат, жених, говорит: «Да ты, дедушка, колдун, наверное?». А он: «Да ты что!». И вот погладил лошадей — лошади пошли. Ну, а ругаться раньше не ругались, ничего... И с этим конец. Так что он колдун был, этот старик.

180.

У нас свадьбу даже испортили. Гуляют, гуляют, и, говорит (у нас в Иване это было что ли)... Гуляли, гуляли, и квасу попил один мужчина, парень, и ляжку разнесло, и еле-еле дошел, прямо распирает. Раньше могли. Дали квасу кому-то пить, а он — дай я попью. И с ним было вот. А там чего они делали? <Чтобы уберечь жениха с невестой>, может быть, то иголки или булавки натыкают на подол ли, куда ли.

181.

Вот колдуны у нас были! Я расскажу вам случай. Конечно, может быть это, как говорится... но... У нас двое поженились: Витька Гурьянов с Ниной. Крёстный был мужчина, а про его жену говорили всё время, что она колдунья. Это на Волнине было у нас (мы сами-то волнински, а сюда замуж вышли). Значит, дело было так. Про его жену говорили, что она колдунья. И вот молодые уехали расписываться... Нет, жених уехал за невестой. Уехал за невестой, и вот они приезжают. Приезжают, и значит, их должны встречать, как обычно, хлебом-солью. А в дом их вводит крёстный. А у них как раз стол — не то вносили в избу, не то выносили. И вот застрял стол между дверями: ни туды ни сюды. Молодые подъехали, надо молодых встречать, а тут стол застрял, и всё. И вот глядим, говорят, бежит она. А мы, мол, никак не можем через стол пролезть, молодых встретить. Ой, она бежит, бежит прям галопом! Мы тут не знаем как, а она уж подбежала. Муж-то взял их тут за руки, а она, говорят, вырвала у него: «Не так, — говорит, — ты! Вот так надо!». Схватила и сама повела молодых. Ага. Ну, всё, мы вышли, говорят, а она ведет уж их. И что ж... Сначала жена умерла, ребенок маленький был, и сколько-то времени прошло — и муж умер. Болели, болели и умерли. Она, говорят, увела их на тот свет... Так они всё время грешили на неё: «Она это сделала». Конечно уж, специально. Про неё уж сколько говорили, да и в глаза ей говорили, и всё равно. Чего она к молодым-то суется? Когда молодые идут, все стараются уж как-то не мешаться. Для чего она молодых повела?

182.

А ещё вот помню случай. Настькина свадьба была. А была колдунья — Елюча её звали. Они враждовали между собой. Мы увозили приданое и приехали назад. А она из-за стола выскочила раньше, мы немножко посидели, потом вышли потихоньку — и к её дому смотреть! Смотрим: у неё стол стоит посреди, а она с распущенными волосами и с палкой в руках вокруг стола бежит, бежит. Такая страшная, волосы с проседью! А после свадьбы уже мы бегали убираться, нашли пучок волос, сожгли в печке. Тут такое пламя было огромное! Но волосы не Настькины были! Если бы не сожгли волосы, было бы плохо в семье.

Но эту колдунью Бог наказал: она пошла на угород редьку воровать, упала и умерла. И сын её единственный погиб.

183.

Раз у нас одни поехали на лошадях за невестой, и ехали с невестой. И вот один подошел и остановил, и он испортил невесту. Она и плясала, и пела, вот ходила как дурочка. <...> Вот сделают — и не узнаешь. С милым с первого вечера разойдетесь.

184.

У моего двоюродного брата (он уже умер) свадьба была, и курицу ему бросил прямо в свадебный вечер, идет свадьба, и ему кто-то с порога бросил курицу живую. Ну и тут, поймали её, конечно, куда дели — не знаю, я не видела. Но тоже в жизни <...> пошло дело... Жена тоже заболела быстро, мало прожили они, конечно, одного тут родили. Она заболела, давно умерла, а потом и он. И он уж давно помер. А моложе меня, вот годов десять, как умер.

185.

А сколько на свадьбах портили. Вот моя подруга стала выходить. Вот они поехали венчаться. Ну, всё там обделали, их вывели, она вышла, села в тарантас и жених в другой, она сзади со свахой. Стали трогать — колеса задние упали. И невеста перекувырнулась — прям телега эта на неё. Её вытащили, прям как бело полотно. Вот как делали. Это делали. И очень много было таких делов. Это уж такие были люди. Колдуны.

Они и постель чем-то обсыпали, и жизни не было. И след брали. Когда уж они всё тут успевали. Никто их не мог схватить.

И вот мне сделали, наверное, тоже. Уж мы сходились, прям души не чаяли. А тут как вот отворотили. Я и так к нему, и так к нему, а он даже глядеть не хочет. Ляжет, отворотится, как будто бы меня и нет. И всю жизнь у нас с ним жизни не было.

186.

Одна женщина рассказывала: в их деревне замуж вышла она в богатую семью и из богатой семьи, детей не было. Лет десять не было, а какое житьё без детей? И она поехала куда-то с матерью или с мужем к старухе или к старику. «Чего, — говорит, — мне делать-то?». — «А чего тебе делать-то, тебе делать нечего: ты спишь на счастье на этом. Приедешь домой, распори перину и там увидишь чего». Распорол — ключ.

ПОВЕРЬЯ, МАГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ, ГАДАНИЯ

187.

Жених приезжал, крёстный, крёстная. А подружки сидели с невестой. Вот сидит подружка и вот сидит невеста. Вылазит невеста из-за стола и вот чтоб подружку за собой, чтоб тоже замуж вышла, свести эту скатерть маленько, загрести за собой, чтобы подружка замуж за ней же вышла.

188.

Дождик в день свадьбы говорили хорошо — хорошо жить будут.

189.

Когда невесту привезут, выносят молоко с углями, чтобы дети были чернобровы.

190.

Жениха брат, друг. Дружка-то. Он невесту за стол заводил. Когда возьмёт невесту за руку этот дружка, то берёт и говорит: «Молодой народ надо беречь». <Так говорят>, чтобы никто не убежал, никто дорогу не переходил им. <Если кто им дорогу перейдёт>, плохо, будет несчастье. Так говорят. Нехорошо.

191.

Между женихом и невестой не давали никому пролезть. Чтобы беды, скандала не было, чтоб не развелись. Мамка иконой поздравляла, благословляла молодых.

192.

Из соломы плели голуби, сделали голубя и его на ниточку привязали к потолку. И спускали жениху, чтобы жених ловил этого голубя. Потихоньку спускают, и, вот, он ловит. Вниз и вверх этого голубя. И когда поймает, тогда уж невесту увяжут к себе. Стараются поймать, сидит сторожит, как бы поймать его. Другой поймает, другой — нет. Так и уедет. <Внутрь клали> соли. Когда он летит, соль летит на стол. Мать плачет. На стол налетит соль, то это хорошо. А, нет — плохо.

193.

Чтобы переступить порог, вот на это место что-то мягкое постилали они должны были встать на мягкое. Причём, они не просто прошли и всё. Вначале идут с иконой, указывают им место. Икону ставят там в угол на приспособленное место — ту, которую благословили родители. Если и делали птичку, то из хлеба. Хлеб и соль сыпали!

194.

Молоко с углями давали, чтобы дети были чернобровы. «В первую очередь, молодые, хлебните молока и уголька», — вот это было. А так больше ничего.

195.

<...> Колдунов было до хрена. <...> Только вот моей, когда у меня была свадьба, шла из <Чаадаево> материна сноха. Братова. И говорит. А ей сказала Зоя. Матери. Говорит: «Эти, ножик и вилку, ткните в сени в пороги». <Если колдун придет>, он не перешагнет <через порог>.

196.

<...> Как ты с мужем, с женихом-тоходишь, чтоб на порог не наступать, — вот это был первый заповедь, а перешагивать. Если наступишь на порог, то...

197.

Клавдия Бухарова, когда выходила за Шурку, ей сказали: «Не вставай на порог». <...> А она встала, Клавдия. Она потом ничего, а хозяин хворал. Это вот тетя Поля Бухарова говорила.

198.

Я помню, мне говорили: «А ты вставай скорей-скорей на порог перва, чтоб ты была бы хозяйка над ним».

<...> Вот чего было: молоко наливали. В молоко угли ложили, чтобы дети чернобровы родились. И чтобы выпить это жениху и невесте. Это молоко. Это вот было.

199.

<Чтобы не сглазили>, это много было. Втыкали <булавки в платье>, это когда невесту собирали, спички крест-накрест клали, лук клали в карманы. Невесте и жениху. Сделают если, то обоим, крест-накрест затыкали в подол. Карманов у платьев не было, булавки — где приткнут.

200.

Конечно, иголки вот в платье втыкаешь крестами, благословляешь. Это уже проблема матери жениха. Если я вот выдавала, я и писала им молитвы, куда-нибудь сунешь им. Пшено нет, <не сыпали> — перья вот ложили в карман, а пшено нет. Перья от лука, чтобы не сглазили.

Вот у нас жила... напротив был детский дом, где жила жена директора детского дома. Она к нам все время ходила, как начнут рассказывать про колдунов. И вот она говорит: «У нас одни колдуны в деревне. И на свадьбу обязательно самого старшего колдуна приглашали. Дедушка, пожалуйста, к нам на свадьбу. Он уже знал зачем. Тогда уже считай, ничего уже не сделают ни невесте, ни жениху».

201.

<...> На свадьбе, когда жених приезжает за невестой, им давали молока с углями, чтобы были чёрненькие ребятишки... Нам вот уже этого не досталось. Нам ложки давали с бантиками, носовые платки. На шубу вставляли, чтоб богато жить, и благословляют. Когда жених приезжает за невестой и родители благословляют. И дальше едут в церковь или в ЗАГС. Мы-то женились — всё запрещено было, всё было втихую. Мы в украдку и детей крестили, двое у нас, сын и дочь. (Через кого-то, через людей, просили монашку, деньги отдавали...). <...> Вот в то время почему-то не любили белых или чего... Молодым две ложки дают с бантиком — это закон такой, что ли... Два носовых платка, две ложки с бантиками, и всё это лежало на тарелке.

202.

Ну, не знаю, вот блины пекли, то чтоб жених там обязательно их разрезал, чтоб не развалились. Чтоб счастье, что ль было, а то вроде развалится у них счастье, не будет, это и делали.

203.

<...> Ряженки ходили и носили курицу. Курицу привязывали к палке и смотрели на поведение курицы. Если сидит на палке спокойно, то невеста спокойная. Если трепыхается, то невеста с характером, буянистая.

204.

Брата жена потеряла кольцо обручальное. А говорят, если кольцо потеряешь — жизнь не сложится. У меня отец снял деньги, принёс: «На, купи», — говорит. «Не надо денег, мы сами купим кольцо». Я его нашла. Она похудела, и слетело, зацепилось за что-то.

Я вот кольцо теряла случайно, первый раз потеряла его — оно у меня большое было — 9—10 грамма, я его на ночь всегда под подушку. А был ремонт. Муж позвал посмотреть Лещенко, я его люблю. И муж случайно выбросил его утром с кусочками еды поросёнку. И говорит, что вроде показалось, что-то стукнуло. Я спрашиваю: «Ты куда кольцо-то моё дел?». А он говорит: «Не брал, значит, это оно стукнуло». Начали искать: всё у поросёнка выгребли, не нашли. Муж говорит: «Не волнуйся, он его не возьмёт». Он его и не взял, только обкусал. Сплю ночью, и снится мне, что-то чёрное говорит: «Не расстраивайся, тебе твоё кольцо блеснет на третий раз». Первый раз я ринулась: мне на чашке ободок позолота блеснул, второй раз — корпус позолоченный от часов, а на третий раз: иду из огорода, брала огурцы, муж кучу грёб, а я говорю: «Бросай кучу, пошли ужинать». Он кучу эту оставил и ушёл. На другой день блеснит, а я думаю, третий раз, смотрю — кольцо.

«СОЛЕНИЕ» МОЛОДЫХ

205.

<...> Молодых, ой, чтобы «посолить» — это называлось. Надо обязательно молодых посолить, вывалить их. В мою пору было. Вот если молодые идут, например, ну домой возвращаются откуда-нибудь из гостей или наоборот пошли куда-то к друзьям, может быть, а обязательно несколько ребят, ну с которыми дружили, ко-

нечно, не вот кто попало, а вот с которыми дружили, если попадаются навстречу подруги, или девчонки или мальчишки, попадаются навстречу, обязательно их у-ух! в сугроб. Раньше было очень много снега. Такие были зимы снежные. Просто вот делали даже пещеры, я помню, и там играли зимой, туда лазили в эти пещеры. Так вывалиют, а другой раз затолкают в эту пещеру. Просто такой был обычай. <Заталкивают> неженаты, неженаты. Друзья и подруги. Теперь вас посолили, поваляли в снегу. Это в общем, чтобы вы счастливо жили.

206.

На Масленицу молоды к невесте приходили. Они в гости приходили. Погостить. Пришли погуляли, а утром опять пришли — если в одной деревне. Два дня — больше не гуляли. На лошадях на Масленицу катались. Девочек возили и в снег закапывали жениха с невестой. Сугробы-то были какие! Их подводят и с крыши прям, когда снег падает. Интересно. А надо было откупаться. Жених опять раскошеливайся. Кто чем. Как вроде играли. Конфетами, деньгами, а если повзрослей, то и вином откупались.

Примечания

1. **Шметакова Зинаида Сергеевна**, 1925 г.р., урож. Московской обл., ср. обр., правосл., русская. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково, д. Мордвиново, пос. Климово. Соб. О.В. Жукова, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1333, № 198.

2. **Макаренко Мария Федоровна**, 1933 г.р., местн., обр. 7 кл., зап. в 2004 г. в д. Иваньково. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-39, № 2.

3. **Свирёжева Евгения Сергеевна**, 1932 г.р., местн., обр. 7 кл., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в д. Межищи. Соб. О.С. Славинская, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1332, № 29 (48).

4. **Лапенкова Зинаида Григорьевна**, 1929 г.р., местн., образ. 7 кл., правосл., и **Андрюхина Нина Григорьевна**, 1942 г.р., местн., ср. обр., правосл. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. Е.А. Барсукова, Ф.А. Ордынец. ЦРФ-Э-1334, № 9.

5. **Пашина Валентина Андреевна**, 1933 г.р., урож. Селивановского р-на, ср. обр., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Красный Бор. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1218, № 173.

6. **Тимохина Ольга Григорьевна**, 1925 г.р., местн., ср. обр., православ., русск. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. О.В. Жукова, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1333, № 13 (8).

7. **Лукьянова Татьяна Алексеевна**, 1951 г.р., местн., ср.-тех. обр., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. О.С. Славинская, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1332, № 12 (44).

8. **Сатинова Валентина Ивановна**, 1939 г.р. Зап. в 2004 г. в д. Грибково. Соб. С.В. Просина, Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1156.

9. **Рожкова Нина Петровна**, 1923 г.р., ур. с. Ковардицы. ЦРФ-Э-1224 (6). Соб. В.Е. Добровольская.

10. **Власова Александра Степановна**, 1934 г.р., местн., обр. 4 кл., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. О.С. Славинская, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1332, № 30 (25).

11. **Анохина Александра Кузьминична**, 1929 г.р., местн., обр. 7 кл., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. ЦРФ-Э-1121, № 8 (2).

12. **Мочалова Тамара Петровна**, 1926 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. Посоха. ЦРФ-Э-1062 (1).

13. **Алексеева Зинаида Андреевна**, 1923 г.р., урож. Селивановского р-на, обр. 7 кл., правосл. Зап. в 2005 г. в д. Межищи. Соб. Е.А. Барсукова, Ф.А. Ордынец. Касс. 16, № 54.

14. **Малинина Валентина Алексеевна**, 1933 г.р., местн., образ. 7 кл., правосл., русской. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. А.Ю. Румянцев, Е.В. Терешина. ЦРФ-Э-1335, № 24 (10).

15. **Кабанова Мария Степановна**, 1920 г.р., **Татаева Клавдия Андреевна**, 1924 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. Посоха. ЦРФ-Э-1062.

16. **Веденеева Раиса Дмитриевна**, 1929 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. Посоха. ЦРФ-Э-1063.

17. **Фокина Валентина Васильевна**, 1932 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. Посоха. ЦРФ-Э-1064.
18. **Ивлева Тамара Петровна**, 1935 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1073 (5, 45).
19. **Бухарова Зинаида Николаевна**, 1930 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1076 (28—30).
20. **Кашина Агриппина Васильевна**, 1920 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Н.Е. Котельникова, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1088.
21. **Воеводина Татьяна Михайловна**, 1916 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1091.
22. **Городничина Александра Дмитриевна**, 1935 г.р., местн., правосл., **Малькова Зинаида Ивановна**, 1931 г.р., урож. д. Тереховицы. Зап. в 2003 г. в д. Саксино. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1091.
23. **Петунина Анна Прокофьевна**, 1921 г.р., урож. д. Столбище. Зап. в 2003 г. в д. Михалево. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1094.
24. **Ваганова Прасковья Григорьевна**, 1919 г.р., местн., нач. образ., правосл., русск. Зап. в 2004 в с. Благовещенское. Соб. С.В. Лебедева, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1216, № 1.
25. **Игорин Николай Павлович**, 1931 г.р., местн., нач. образ., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. С.В. Лебедева, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1218, № 21.
26. **Челышева Евгения Васильевна**, г.р., местн., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково, д. Мордвиново, д. Климово. Соб. О.В. Жукова, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1333, № 35 (216).
27. **Епифанова Наталья Дмитриевна**, 1921 г.р., местн., нач. образ. Зап. в 2004 г. в с. Новое Ратово. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-Э-1220, № 41 (12).
28. **Рябова Александра Михайловна**, 1930 г.р., урож. д. Князево, нач. обр. Зап. в 2004 г. в д. Новое Ратово. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-Э-1220, № 41 (49).
29. **Кузьмина Антонина Михайловна**, 1933 г.р., местн., образ. 4 кл. Зап. в 2004 г. в д. Грибково. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-Э-1220, № 42 (12).
30. **Виноградова Зинаида Андреевна**, 1922 г.р. Зап. в 2004 г. в д. Иваньково. Соб. Н.Е. Котельникова, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1152.
31. **Парфенова Прасковья Борисовна**, 1916 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1122, № 13 (34).
32. **Поликарпова Евдокия Ивановна**, 1924 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.В. Грудзенко, И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1122, № 14 (139).
33. **Горова Тамара Николаевна**, 1931 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.В. Грудзенко, И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1122, № 14 (161).
34. **Голубева Валентина Сергеевна**, 1937 г.р., урож. д. Кривицы, ср. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 в д. Волнино. Соб. А.А. Барсуков, И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1123, № 28 (235).
35. **Баранова Елизавета Кузьминична**, 1916 г.р., местн., нач. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1123, № 29 (278).
36. **Сельцова Анна Павловна**, 1907 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1123, № 30 (370).
37. **Золотухина Нина Петровна**, 1929 г.р., обр. 7 кл., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. ЦРФ-Э-1124, № 38 (59, 61).
38. **Холбина Альбина Алексеевна**, 1959 г.р., местн., ср.-техн. обр., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1332, № 28 (280).
39. **Зеленова Клавдия Павловна**, 1923 г.р., урож. д. Рожново (Талызинский с/с). Зап. в 2004 г. в с. Якиманская Слобода. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1226 (35).
40. **Захарова Клавдия Егоровна**, 1925 г.р., местн., образ. 7 кл. Зап. в 2005 г. в пос. Климово. Соб. Е.А. Барсукова, Ф.А. Ордынец. ЦРФ-Э-1333, № 31.
41. **Ивлева Тамара Васильевна**, 1929 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. Посоха. ЦРФ-Э-1061 (20).
42. **Кабанова Мария Степановна**, 1920 г.р., **Татаева Клавдия Андреевна**, 1924 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Петраково. Соб. И.Е. Посоха. ЦРФ-Э-1062.
43. **Фокина Валентина Васильевна**, 1932 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. Посоха. ЦРФ-Э-1064.
44. См. № 18.

45. **Кашина Агриппина Васильевна**, 1920 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Н.Е. Котельникова, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1088.

46. См. № 22.

47. **Кузнецова Мария Никифоровна**, 1921 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-Э-1124, № 40 (310).

48. **Евстифеева Анна Петровна**, 1918 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1123, № 29 (273).

49. **Баранова Елизавета Кузьминична**, 1916 г.р., местн., нач. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1125, № 42 (475).

50. **Пашина Валентина Андреевна**, 1933 г.р., урож. Селивановского р-на, обр. 7 кл., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Красный Бор. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1218, № 19.

51. **Киселёва Александра Егоровна**, 1935 г.р., обр. 4 кл., местн., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в с. Благовещенское. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1216, № 2.

52. См. № 37.

53. См. № 39.

54. См. № 11.

55. **Богданова Зинаида Фёдоровна**, 1939 г.р., урож. д. Михайлово, обр. 7 кл. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. А.А. Костикина, Ф.А. Ордынец. ЦРФ-Э-1334, № 32.

56. **Григорова Антонина Петровна**, 1931 г.р., урож. д. Иваньково. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1090.

57. **Михаил Иванович** (фамилия неизвестна), 1910 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Саксино. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1092.

58. **Ярцева Вера Викторовна**, 1964 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-Э-1124, № 35 (269).

59. См. № 47.

60. **Софронова Мария Никитична**, 1929 г.р., урож. д. Волнино, ср.-спец. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко, И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1122, № 14 (146).

61. См. № 48.

62. См. № 36.

63. **Зудилина Анна Васильевна**, 1921 г.р., местн., обр. 4 кл., правосл., русск., **Моисеева Лидия Алексеевна**, 1938 г.р., местн., ср. обр., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в с. Польцо. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1216, № 2 (39).

64. **Луговская Елизавета Кузьминична**, 1925 г.р., местн., обр. 9 кл. Зап. в 2004 г. в д. Мишино. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-1219, № 34 (42).

65. **Щелова Эсфирь Павловна**, 1931 г.р. Зап. в 2004 г. в с. Панфилово. Соб. Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1147.

66. **Игнатова Евдокия Фёдоровна**, 1928 г.р., местн., нач. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1125, № 41 (450).

Свадебная лирическая песня, исполняется во время бани.

67. См. № 9.

68. **Орлова Мария Андреевна**, 1933 г.р., местн., обр. 7 кл., правосл., русск., **Орлов Михаил Егорович**, 1930 г.р., местн., обр. 7 кл., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. ЦРФ-Э-1121, № 8 (24).

69. **Мирина Мария Сергеевна**, 1934 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1124, № 32 (75).

70. **Смолякова Наталья Осиповна**, 1913 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Сафоново. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина. ЦРФ-Э-1217, № 17 (94).

71. См. № 13.

72. См. № 14.

73. **Кабанова Мария Степановна**, 1920 г.р., **Татаева Клавдия Андреевна**, 1924 г.р., в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. Посоха. ЦРФ-Э-1062.

74. См. № 31. ЦРФ-Э-1122, № 13 (35).

75. См. № 35. ЦРФ-Э-1123, № 29 (279).

76. См. № 36. ЦРФ-Э-1123, № 30 (371).

77. **Пономарева Нина Александровна**, 1932 г.р., урож. г. Муром, нач. обр., **Горожанова Анна Алексеевна**, 1919 г.р., местн., нач. образ. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных. ЦРФ-Э-1216, № 5.

78. **Макарова Татьяна Ивановна**, 1914 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. ЦРФ-Э-1123, № 22 (38).

В рассказе представлен фрагмент причитания невесты, обращенного к матери.

79. См. № 49.

80. См. № 51. ЦРФ-Э-1216, № 2 (5, 6). В рассказе представлен фрагмент причитания невесты, обращенного к подругам.

81. См. № 39. ЦРФ-Э-1227 (11).

82. **Бухарова Антонина Николаевна**, 1938 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. Посоха. ЦРФ-Э-1062.

83. См. № 15.

84. См. № 16.

85. **Суркова Александра Михайловна**, 1916 г.р., местн., и **Суркова Мария Васильевна**, 1935 г.р., урож. Меленковского р-на, обр. 7 кл. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Л.В. Фадеева. ЦРФ-Э-1068, (33).

86. См. № 18.

87. См. № 22.

88. См. № 57.

89. Зап. от неизвестного лица в 2003 г. в пос. Зименки. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1093.

90. См. № 23.

91. **Лопы Нина Михайловна**, 1937 г.р., местн., обр. 8 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.С. Белова, А.А. Барсуков. ЦРФ-Э-1121, № 1 (26).

92. См. № 30.

93. См. № 58.

94. **Герасимова Александра Трофимовна**, 1936 г.р., урож. Белгородской обл., ср. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.В. Грудзенко, И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1122, № 14 (146).

95. См. № 36.

96. **Хайкова Александра Вячеславовна**, 1927 г.р., местн., обр. 4 кл. Зап. в 2004 г. в д. Пестенькино. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-1219, № 32 (1).

97. См. № 64.

98. См. № 37.

99. **Гуреева Валентина Максимовна**, 1937 г.р., урож. д. Савково, обр. 7 кл. Соб. Л.Ф. Миронихина. ЦРФ-Э-1130 (23).

100. См. № 39.

101. **Белкина Зинаида Павловна**, 1928 г.р., урож. д. Мордвиново, ср.-тех. обр., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-Касс. 22 (33).

102. См. № 55. ЦРФ-Э-1334, № 32 (32).

103. **Гришина Клавдия Петровна**, 1923 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Н.Е. Котельникова, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1087.

В рассказе звучит фрагмент свадебной лирической песни, исполняемой перед венцом во время прощания невесты с подругами.

104. См. № 66. ЦРФ-Э-1125, № 41 (446).

105. **Сергеева Мария Егоровна**, 1926 г.р., урож. с. Польцо, обр. 8 кл., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Шумилиха. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1217, № 12.

106. **Самохина Анна Васильевна**, 1925 г.р., местн., обр. ср. неполн., старообряд., русск. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина. ЦРФ-Э-1216, № 4 (25).

107. **Ильичева Наталья Ефимовна**, 1918 г.р., местн., нач. обр., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в с. Польцо. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина. ЦРФ-Э-1216, № 9 (55).

108. См. № 56.

109. См. № 96. ЦРФ-Э-1219, № 32 (1—5).

В рассказе звучит фрагмент протяжной лирической песни «Подуй, погодушка верховенькая...», не являющейся сугубо свадебной. Фрагмент песни «Не пора ли нам, девчонки, свое пиво пить...».

110. **Клинькова Прасковья Яковлевна**, 1915 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Молотицы. Соб. С.Б. Владова. ЦРФ-Э-1101.

Исполнительница вспоминает начальные строки величальной песни молодым.

111. См. № 15.

В рассказе звучат современные свадебные приговоры.

112. **Петунина Анна Прокофьевна**, 1921 г.р., урож. д. Столбищи. Зап. в 2003 г. в д. Михалево. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1094.

В рассказ включен современный свадебный приговор.

113. См. № 16.

114. См. № 65.

115. **Ермакова Дина Андреевна**, 1932 г.р., урож. Кировской обл., неполн. ср. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков, И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1122, № 15 (201).

116. См. № 101.

117. **Меньшова Александра Владимировна**, 1941 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1122, № 17 (37).

В рассказе звучит вариант текста современного свадебного приговора.

118. **Харитоновна Анна Семеновна**, 1930 г.р., местн., образ. 4 кл. Зап. в 2004 г. в д. Грибково. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-Э-1220, № 42 (65).

Вариант текста свадебного приговора (см. № 117).

119. См. № 96.

Вариант текста свадебного приговора (см. №№ 117, 118).

120. См. № 2.

Вариант текста свадебного приговора (см. №№ 117, 118, 119).

121. См. № 4. ЦРФ-Э-1334, № 7 (9).

122. **Сатинова Зоя Петровна**, 1940 г.р., урож. д. Грибково, обр. 7 кл., и **Кузьмина Любовь Петровна**, 1941 г.р., урож. д. Грибково, ср.-тех. обр. Зап. в 2004 г. в с. Стригино. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-1220, № 36 (12).

Вариант текста свадебного приговора (см. №№ 117, 118, 119, 120).

123. См. № 31.

124. **Борисова Нина Ивановна**, 1919 г.р., урож. д. М. Юрово. ЦРФ-Э-1142.

125. **Рогоськина Клавдия Матвеевна**, 1929 г.р., урож. д. Санниково, и **Венина Вера Матвеевна**, 1935 г.р., урож. д. Санниково. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1077 (30).

126. См. № 18. ЦРФ-Э-1073 (1).

127. См. № 89.

128. **Москвин Борис Федорович**, 1929 г.р., урож. с. Панфилова. Зап. в 2004 г. ЦРФ-Э-1133.

129. См. № 91.

130. **Ярлыков Павел Михайлович**, 1915 г.р., местн., ср. обр., старообряд., русск. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. С.В. Лебедева, И.М. Михайлова. ЦРФ-Э-1216, № 1 (43, 55).

В рассказе исполнитель вспоминает частушку «*Эх, ты, сват*», которая часто используется в качестве величальной свадебной песни, а также пытается воспроизвести текст причитания невесты перед отъездом к венцу.

131. См. № 66. ЦРФ-Э-1125, № 41 (447—449).

В рассказе звучат фрагменты величальных песен, обращенных к свахе, свату, жениху, которые исполнялись до отъезда к венцу.

132. **Герасимова Вера Аверьяновна**, 1913 г.р., урож. д. Александровка, правосл., русск. Зап. в 2005 г. в д. Мордвиново. Соб. О.В. Жукова, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1333, № 14 (69—70).

В рассказе представлены величальные песни жениху и холостому парню, которые исполнялись до отъезда к венцу.

133. **Шошкина Александра Сергеевна**, 1926 г.р., обр. 7 кл., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в с. Боровицы. Соб. О.С. Славинская, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1332, № 19 (188).

В рассказе предпринята попытка вспомнить величальные песни свахе и дружке.

134. См. № 63. ЦРФ-Э-1216, № 2 (38).

Звучит фрагмент величальной песни холостому парню.

135. См. № 96. ЦРФ-Э-1219, № 32 (1—5).

Величальные песни молодым, холостому парню и фрагмент величания свахе.

136. Местные мужчины и женщины лет семидесяти, соседи (паспортные данные утеряны). Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-22 (9).

Величание свахе.

137. **Смолякова Наталья Осиповна**, 1913 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Сафоново. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина. ЦРФ-Э-1217, № 17 (92, 93).

Фрагмент величальной песни жениху *«Розан, мой розан»* и фрагмент свадебной лирической песни, исполнявшейся перед отъездом к венцу *«Полевая красна ягодка»*.

138. См. № 39. ЦРФ-Э-1226 (39).

139. **Кузьмичева Ольга Владимировна**, 1970 г.р., местн., ср.-спец. обр., учитель Алешунинской ср. школы. Зап. в 2004 г. в д. Шумилиха. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных. ЦРФ-Э-1217, № 13 (99—106).

Тексты зафиксированы в момент чтения исполнительницей с листа из тетрадки с собранными материалами. Величальные песни: жениху *«А кто у нас холост»* и *«Капустонька вилы, вилы, вилы»*, дружке *«Как дружка мужик богатый»*, свахе *«Уж ты, свахонька наша приезжая»*, неженатому гостю *«По сеням, сеням новеньким»*, молодым *«На столе-то хорошо, / Пирожок с творожком»*. Лирические свадебные песни, исполняемые до отъезда к венцу: *«Надо жить во чужих людях умеючи, разумеючи»* (фрагмент) и *«Полевая красна ягодка»*.

140. **Меркеева Нина Ивановна**, 1933 г.р., урож. с. Михайловка, правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Мартыново. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1218, № 22 (7—8).

Величание свахе *«Да, на ней шуба голубая»*, свадебные лирические песни: *«Полевая красна ягодка»* и *«По московской по дороженьке»*.

141. См. № 48.

142. См. № 63.

143. **Романова Елена Васильевна**, 1924 г.р., местн., нач. обр., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1216, № 7 (50а).

144. См. № 143. ЦРФ-Э-1216, № 7 (74).

145. **Маркеева Валентина Степановна**, 1930 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Мартыново. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина. ЦРФ-Э-1218, № 23 (2).

146. **Белов Сергей Павлович**, 1929 г.р., местн., ср.-спец. обр., правосл. Зап. в 2004 г. в д. Красный Бор. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина. ЦРФ-Э-1217, № 17 (70).

147. См. № 51. ЦРФ-Э-1216, № 2 (5).

148. **Павлова Валентина Александровна**, 1939 г.р., местн., обр. 4 кл., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. А.Ю. Румянцева, Е.В. Терешина. ЦРФ-Э-1335, № 24 (10).

149. См. № 13. ЦРФ-Э-1333, № 31 (11, 12).

В рассказе звучит плясовая песня, которую обычно поют и на свадьбе.

150. См. № 48.

151. См. № 18. ЦРФ-Э-1073 (2—4).

152. См. № 19. ЦРФ-Э-1077 (29).

153. См. № 125. ЦРФ-Э-1077 (39).

154. См. № 45. ЦРФ-Э-1088.

155. См. № 56.

156. См. № 89.

157. См. № 13.

158. См. № 39.

159. См. № 99. В рассказе представлен текст современного свадебного приговора.

160. См. № 117.

161. **Шишкина Нина Леонидовна**, 1948 г.р., урож. с. Талызино, ср. обр. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.С. Белова, А.А. Барсуков. ЦРФ-Э-1121, № 1 (20).

162. См. № 91.

163. **Книгина Марья Федоровна**, 1929 г.р., местн., нач. обр., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. С.В. Лебедева, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1216, № 1 (27).

164. См. № 118.

165. См. № 33.

166. См. № 30.

167. **Кисиль Мария Петровна**, 1925 г.р., урож. д. Варез. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-Э-1123, № 21 (1, 4).

168. См. № 115.

169. См. № 35.

170. См. № 36.

171. См. № 96.
172. См. № 128. ЦРФ-Э-1133, (16).
173. См. № 65. ЦРФ-Э-1147 (4, 5). В рассказе звучит частушка, ассоциативно связанная с темой разговора.
174. См. № 58.
175. См. № 47. ЦРФ-Э-1124, № 40 (314).
176. **Игнатова Лидия Михайловна**, 1930 г.р., местн., нач. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1125, № 41 (454-455, 457).
177. См. № 65. В рассказе звучит частушка, ассоциативно связанная с темой разговора.
178. **Рогоськина Клавдия Матвеевна**, 1929 г.р., урож. д. Санниково. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1078 (14—15).
179. **Фадеева Таисия Ивановна**, 1927 г.р., местн., обр. 5 кл. Зап. в 2004 г. в д. Сафоново. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных. ЦРФ-Э-1217, № 16 (171).
180. **Караваяева Мария Федоровна**, 1923 г.р., урож. д. Иваньково. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. ЦРФ-Э-1089.
181. **Кутакова Нина Николаевна**, 1940 г.р., урож. д. Волнино, ср. образ., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.В. Грудзенко, И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1122, № 14 (88).
182. **Баранова Вера Ивановна**, 1940 г.р., местн., ср.-спец. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1125, № 42 (482, без аудиозаписи).
183. См. № 63. ЦРФ-Э-1216, № 7 (95).
184. **Иголина Нина Ивановна**, 1926 г.р., обр. 6 кл., местн., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1218, № 25 (8).
185. См. № 39. ЦРФ-Э-1226 (45—47).
186. См. № 3. ЦРФ-Э-1332, № 29 (51).
187. См. № 18. ЦРФ-Э-1073 (46).
188. См. № 187.
189. См. № 58.
190. См. № 70. ЦРФ-Э-1217, № 17 (92, 93).
191. **Полякова Екатерина Алексеевна**, 1923 г.р., местн., обр. 8 кл., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в д. Межищи. Соб. О.С. Славинская, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1332, № 19 (19).
192. См. № 70. ЦРФ-Э-1217, № 17 (92, 93).
193. См. № 6. ЦРФ-Э-1333, № 13 (10).
194. См. № 132. ЦРФ-Э-1333, № 17 (70).
195. См. № 17.
196. См. № 130. ЦРФ-Э-1216, № 1 (56).
197. См. № 103.
198. См. № 28.
199. См. № 96.
200. См. № 64.
201. См. № 34. ЦРФ-Э-1123, № 28 (234).
202. См. № 2.
203. **Баркова Вера Ивановна**, 1950 г.р., урож. Горьковской обл., обр. 10 кл. Зап. в 2004 г. в д. Старое Ратово. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-1220, № 35 (35).
204. См. № 7. ЦРФ-Э-1332, № 12 (52).
205. См. № 23.
206. См. № 39. ЦРФ-Э-1226 (48).

Проводы в армию

Традиционный рекрутский обряд сложился гораздо позднее других семейных обрядов и ритуалов — лишь в XVIII веке, когда в России появилась регулярная армия, формирование которой требовало периодического призыва новобранцев из крестьян. Губернские ведомости и этнографические журналы с середины XIX века публикуют подробные описания обычаев, приуроченных к проводам в армию в различных уголках страны, которые демонстрируют очевидную типологическую связь сложившегося рекрутского обряда в частности со свадебным комплексом, включающим в себя развернутые во времени и пространстве обрядовые действия, сопровождающиеся исполнением причитаний, песен, приговоров. Однако актуальность рекрутского обряда была исчерпана в силу различных социально-исторических причин уже к первой трети XX века, когда новые идеологические установки государства, изменение хозяйственно-бытовых условий жизни крестьян привели к иному восприятию необходимости службы в армии.

Использованный в разделе материал основан на полевых записях 2003—2005 годов и представляет собой воспоминания людей, в основном 20—30-х годов рождения, о том, как проводжали в армию их самих, детей, родственников в 40—80-х годах XX столетия. К сожалению, в подобных рассказах содержатся лишь фрагментарные сведения о поверьях, приметах, обычаях, связанных с проводами в армию, что не позволяет нам восстановить обряд в целом. Практически нет записей фольклорных жанров рекрутской тематики: причитаний, песен, частушек. Единственная попытка вспомнить причитание по рекруту является всего лишь «авторской» импровизацией, в которой встречается, пожалуй, одна традиционная инициальная формула *«Ах, милой ты мой, куда ты собрался»*, которая не получает дальнейшего развития. В качестве «рекрутских» песен повсеместно исполняются *«Последний нынешний денечек»*, *«Как родная меня мать провожала»*, а также немногочисленные частушки соответствующей тематики, что вполне характерно для всех российских регионов и областей.

Сохранились воспоминания о гулянии новобранцев за несколько дней до отбытия на приемный пункт. Рекруты проходили по всей деревне, заходя практически в каждый дом, и собирали провизию для будущей пирушки, в основном сырые яйца, прощаясь с односельчанами и получая от них напутствия. Матери, сёстры, невесты плакали, часто в голос, готовили подарки (кисет, платочек, вареники, перчатки, деньги) и обереги (иконку, крестик, мешочек с родной землёй). Выводили из дома рекрута вперёд спиной, чтобы он вернулся благополучно назад.

1.

Провожание делали мало. Вот там родные соберутся кровные. Соберут ему в поход вещевую сумку, все ложат ему. И такой был рёв, голосом:

*А милой ты мой,
А куда ты пойдёшь,
Не знай, ты оттуда придёшь,*

*Ах, не знай, ли вернёшься,
Что будет, как мы будем тебя забывать,
И откуда будем тебя встречать....*

* * *

*Ах, милой ты мой,
Дорогой ты мой,
А куда ты отправляешься,
А я не знаю — дождусь ли тебя,
Ах, не знаю, встречу ль.
Ах, милой ты мой, вдруг тебя убьют,
И не вернешься, и я тебя больше не увижу....*

* * *

*Ах, милой ты мой, куда ты собрался.
Ах, не в эту сторону
Ох, как мне будет тебя встречать,
Ох, так ты мила,
Ах, поехал ты, ох очень далеко,
А встречать буду я тебя, не знаю откуда,
Сохранил бы тебя Господь...*

Слез было много, вся деревня провожала. Обязательно зашивали «Живые помощи». Кружку, ложку давали. Харчей, иголку. Его девушка провожала. Солдата надо было ждать. А если девушка солдата не дождалась, все говорили: «Не повезёт. Обязательно ей не повезёт».

2.

Эти военные (призывники) собирали яйца. К каждому дому подходили, два яйца — дальше пошли. Много давали. Они их продадут и вина накупали. Проводы отмечали.

3.

Тогда провожали хорошо. Меня провожали, молодёжи много было, собирались с гармошкой. Ну, там говорили, кто чего. Молодёжь всё песни пели:

*Стели, мать, постелюшку,
Последнюю неделюшку.
А на той неделюшке
Я лягу в шинелюшке.*

Вот из этого выводы выводы.

4.

Нас провожали — некрутились. Как говорится, некрутились: вино выпивали, гуляли. Некрутились — некрута значит. ... Мать благословила, отец, тогда живой был, благословил. Деньжонок мне дали в дорогу и посылки мне туда посылали на Дальний Восток. Даже прислали мне свёклу сушену. Нас всех забирали вместе.

<Когда некрутились песни пели:> «По долинам и по взгорьям шла дивизия в поход», «Катюша», «Горы и долины, реки и просторы» — вот какие. Это песня такая была: «Едут новоселы по земле целинной». Какую заиграешь, такую и поёшь.

<А у себя на проводах Вы себе играли?> По улице шли да песни пели. «Сормовского» играл на русской гармошке. Она ведь, она звонка была у меня. А песни всякие. «*Распрягайте, хлопцы, кони и лягайте почивать*», «*При лужке, лужке, лужке, при широкой доле, / При знакомом табуне конь гулял по воле*». Все. И сейчас это всё играю.

5.

Гуляли. Гуляли девчонки, собирались родные. Все время так. Вечер, большой хороший вечер. Плясали, гармонь была. Вот раньше, я помню, некрута называли, которых в армию провожали. Они ходили по деревне с вот такой корзинкой, набирали яиц много. И, значит, кого провожают, тут у них и яйца, и вино — всё на свете. А у меня уж дети выросли, уж не было этого.

[Соб.]: А они эти яйца продавали?

Нету, нету, съедали!!! А ведь, ты знаешь, если провожают в армию, то человек двадцать ребят собирают. Раньше было сколько ребят! Это сейчас: раз-два собирают в армию — и никого нету! А ведь раньше собирались если в армию, парня провожают двадцать человек, двадцать друзей, и они соберутся вся деревня, и провожают в армию, а сейчас нету. А кого провожать-то?

[Соб.]: А что делали, чтоб вернулся?

Я помню, мать благословляла его, иконку ему или крестик. Все своим чередом. Раньше, мне кажется, лучше было. Скромнее как-то было. В армию провожают, и старухи-те все, женщины, девки провожают, плачут.

[Соб.]: А как плакали?

Ну, как плакали? Плакали, жалели, что парень уходит в армию.

6.

Допризывники ходили яйца собирали. Ходили с гармонью. Это с<ей>час уже не ходят, а раньше все ходили. В армию берут — они ходят накануне с гармонью, и вот яйца подаёшь. Они потом собирались: гуляли, выпивали, а утром — в армию.

7.

[Соб.]: А в армию когда провожали ребят, какие песни пели?

А вот «Сормача» и пели, вот под гармонь идёшь и поёшь, идёшь и поёшь и пляшут, и поют все тут. Раньше ведь никакой ещё-то музыки не было: только гармонь, ну гитара, балалайка.

[Соб.]: А как забирали в армию? Ну, вот ребят, которые уходили, им что-то давали с собой?

А чё им с собой-то: пару белья. Я вот сына провожала, вот когда его в восемьдесят пятом году. Чё? Пару белья, кружку и ёды на неделю там, дня на три, на четыре и всё, больше ничего.

Всю ночь гуляли, утром в пять часов, а он у меня учился в Суздали в техникуме, был там прописан, четыре года он учился, был прописан тама, и он не из Муромы отправлялся, а из Владимира, я его туда возила. В пять часов утра все разошлись, еще дочь у меня, вот с ней и с зятем на легковой машине поехали во Владимир.

[Соб.]: А когда провожали ребят, то мамы плакали, причитали, может?

А то. Я вот дома-то не плакала, воздерживалась, а во Владимире плакала.

8.

Вот, например, ходят яйца по домам собирают. Просто такая была традиция. Все уже знают. Ага, сегодня новобранцы придут. Уж им там ли сырыми, большинство сырыми давали. Каждый. Не яйца, то денег дают. Как бы они вечеринку

собирают потом, ну вот и угощают вот тем, что набрали-то. Ведь народу-то придёт много на это, на проводы эти. И товарищи, и друзья, и родные, и все. А все раньше-то ведь жили бедно, нет, не то что вот сейчас — стол накрывают, не знаю какой, а тогда стол накрывался вот общий, со всей общины собирали и человека отправляли.

<Пели:>

*Как солдата Ваню мать провожала...
Как солдата меня мать провожала,
Сразу вся моя родня набежала,
Сразу вся моя родня набежала.
А куда ты паренёк, а куда ж ты?
Эх, не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты,
Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
В Красной Армии штыки чай найдутся,
Ух, без тебя большевики обойдутся.
Без тебя большевики обойдутся.
Мать страдает по тебе, поседела,
И в работе, и в гульбе, сколько дела,
И в работе, и в гульбе, сколько дела.
А дела теперь пошли любо-милло —
Сколько сразу к нам земли привалило!
Сколько сразу к нам земли привалило!
Прежних дней теперь уж нет и в помине,
Лучше б ты женился, свет, на Арине.
Лучше б ты женился, свет, на Арине.
С молодой женой бы жил не ленился,
Тут я матери родной поклонился,
Поклонился всей родне у порога:
Ох! «Не судите обо мне ради Бога»,
Ох! «Не судите обо мне ради Бога».*

Поклонился и ушёл, никого не послушал, в армию ушёл.

9.

В армию как провожали — гуляли. Собиралась родня, собирались друзья, подружки, погуляют и с утра уходит. Наставления всегда давали, благословляли. Крестик дадут, тогда нельзя была, а все равно его куда-нибудь положат. Пройдут с песнями, с гармошкой.

10.

Детей в армию провожали, мальчишек выводили задом, чтоб вернулся. Когда забирают пацана в армию, он со своими ребятами ходит по деревне, собирает яйца. С корзинкой, кто чаво даст. Они эти яйца продают и начинают гулюшку. Гуляют, а потом уже там, в назначенный срок идут провожать с песнями, со всеми. Раньше это ведь праздник был. Никто не плакал, а щас слезы. А раньше вся деревня гуляет. А еще шили мяшочки, в мяшочки ложили землички. И на проводах давали им мяшочек с земличкой. Они в армию брали, из армии привозили. <Родители> благословляют. <А призывники с песнями ходили?> Они с гармошкой ходили:

*Эх, забрали, брат, забрали
Наши головы с тобой.
Поглядели друг на друга,
Покачали головой.*

*По деревне мы пройдем
И что-нибудь да сделаем:
Быка колхозного зарежем,
Колбасы наделаем.*

11.

Когда провожали парня в армию, по деревне ходили парни и собирали яйца, деньги. Выводили из дому спиной вперед, чтобы вернулся обратно. Уходящему дарили деньги. Мать благословляла уходящего сына иконой не у всех на глазах, а наедине, в чулане.

12.

Когда в армию провожали, девушки вышивали кисет, платочки, вязали варежки или перчатки. «Живые помощи» давали и иконой благословляли. И до сих <пор> так. Сами некрута гуляли, а как же:

*Некрута-некрутики
Ломали в поле прутики.*

Идут по деревне и поют:

*Некрута-некрутики
Ломали в поле прутики.
Прутики ломались...*

* * *

*Стели, мать, постелюшку
Последнюю неделюшку.
А на той неделюшке
Я лягу на шинелюшке.*

Это под гармонь.

13.

А как в армию, бывало, отправляли ребят... Ходят с гармошкой. По домам, по улицам. Яйца подавали...

*Некрута, некрутики
Ломали в поле прутики.
Не ломали — ставили,
Завлекли, оставили...*

Яйца подавали. Кто чего, закуски... И вот несколько дней ходят, а потом — провожают в армию... Народу много. Очень много... Вот солдаты и ходят, а им яйца подавали, кто чего... У нас сын в армию ушел... В Германии служил... У нас два сына и дочь была...

14.

Как провожали на войну — со слезами! Повестка пришла — утром отправляются.

У меня отец погиб из-за людей. Он был в первую гражданскую войну. И он оттуда пришел раненый, у него в пятке пуля была. И военкоматом было сказано его не тревожить. И вдруг какая-то, оказывается, была комиссия. Всем повестки

дали. Кто за него расписался?! Не знаем. И он не пошел, повестки-то не было. Его бы не взяли никак. А потом его вызывают в военкомат.

— Почему не явился?

— У меня повестки не было!

— Как не было, вот твоя роспись.

А неграмотные же. Он сказал бы: «Давайте я распишусь, посмотрим, такая же роспись или нет», а неграмотные. Сама в первом классе, мать диктует, я пишу. Забрали его в штрафной батальон.

Потом пришло письмо нам: «Я лежу в госпитале». Ничего не пишет: то ли раненый, то ли старая рана. Если в город пешком сходит, он потом через порог не мог переступить. И то ли старая рана открылась, то ли новая. И с этим всё. Помер ли он там — никакого известия больше.

Вот мы с матерью проводили его из деревни, он пошел себе — вот и все проводы. Сейчас проводы такие справляют, молодежь-то!

В прошлое воскресенье вот проводы были: приехали из соседней деревни с каким-то охотничьим ружьем, взяли нож, топор, вот, устроили побоище.

А раньше допризывники ходили, народа много было. Получит один повестку, и ходят все с песнями:

*Рекрута вы, рекрута!
Вам дорога в никуда.
Вам дорога торная,
На горе приёмная.*

15.

Всегда пели. Когда в армию провожали, пели:

*Последний нынешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сёстры,
Заплачет мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой шёл я под венец.
Колёска к дому подкатилась,
Колёсы по двору стучат,
Колёска старший отвечает:
«Приготовьте сына своего».
Крестьянский сын давно готовый
И семья вся замертво лежит,
Снимайте со стены иконы
И кладите хлеб и соль на стол.
Благословляйте своего сына,
Который пойдёт на фронт.*

16.

*В Красну армию забреют
Из деревни одного.
Свою милую оставлю
Не знаю на кого.*

17.

*Отдадут меня в солдаты,
Куда милую девать?
Куплю милочке котомку,
Пошлю по миру собирать.*

18.

*Ты, малиночка, не вой —
Я теперича не твой,
Я теперича не твой —
А солдатик рядовой.*

19.

*Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала.
Тут и вся моя родня набежала.
Ах, куда же ты, Ванёк, ах куда ты?
Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
В Красной Армии штыки чай найдутся,
Без тебя большевики обойдутся,
Без тебя большевики обойдутся.
По неволе ты идёшь, аль с охотой,
Ваня, Ваня пропадёшь ни за что ты,
Ваня, Ваня пропадёшь ни за что ты.
Мать, страдая по тебе, поседела.
И во поле, и в избе сколько дела,
И во поле, и в избе сколько дела.
А дела-то все пойдут любо-милу,
Сколько сразу к нам родни привалило,
Сколько сразу к нам родни привалило.
Приключений больше нет и в помине,
Лучше б ты женился, свет, на Алине,
Лучше б ты женился, свет, на Алине.
С молодой женою жил, не ленился.
Тут я матери родной поклонился,
Тут я матери родной поклонился.
Поклонился всей родне у порога.
«Не грустите обо мне, ради Бога,
Будь такие все, как вы, ротозеи,
Что б осталось от Москвы, от России?
Что б осталось от Москвы, от России?
Будь такие все, как вы остолопы,
Что б осталось от Москвы, от Европы?
Что б осталось от Москвы, от Европы?».*

20.

<...>Рекруты их называли, вот, например, твой год подходит в армию. Они все эти парни гуляли, они уже не работали в этот год. К кому бы они ни зашли, их встречали, для них в деревне открыты все двери были.

<...>И считалось если в армию не пойдёт парень — позор. У меня вот отец мог не идти, он заикался, его собака напугала лет в семь, а барин там который был,

он теперь в военкомате, он моей бабке говорит: «Я сделаю так, что его в армию не возьмут, и он не пойдет в армию!». Так он в слезы кинулся. Уже таких парней презирали, раз в армии не служил, значит, он бракованный. Вот считалось это позор, если в армии не служил. Ну, вот он пошел в армию, а их же всех разъединили, чтоб они деревней не крутились. Думал все, в армию попадут, а их разъединили по одному. И он первый раз служил на Кавказе, там где-то в Турции, а потом пришел и в революцию гражданскую попал, а после каялся. Ну, в эту войну он под Ленинградом был. <...>

21.

<По всем домам ходили, отмечались> с гармонью. Его товарищи, друзья, помощники в обход ходили. Это когда я была маленькой. А вот у меня брат в семьдесят втором году в армию уходил тут уж целое гулянье, целая свадьба. И поныне всё это идёт.

<Частушки> пели, всякие, и гармонь тоже была. Вот уже в тридцать восьмой год, сплясали, тогда ещё «*Цыганочку*», «*Сашиночку*», ходили две и пели. А уж в сорок первом году всё... Уже больше не стали. <...> А тридцать восьмой год... ещё пели. А тут и радиолы появились какие-то.

22.

<...> Матери выступали, напутствия говорили, советы давали. Это вот как вы — поздравляете кого-то от души. А примет, обрядов никаких не было. Единственная примета — сын сказал: «Мам, ты не плачь. Я, когда пойду, не буду оглядываться. А когда ты повернёшься и пойдёшь к автобусу — тоже не оглядывайся. И не плачь мне вслед. Если ты будешь плакать, то я не вернусь». Это у них у всех такая примета была: «Не плачьте, а то мы не вернёмся». А ехал он с радостью.

И ещё говорится, что если мужчина не служил в армии, то это не мужчина. Не знаю, почему. У меня все служили, родные, знакомые, братья мои. Один в Молдавии служил, а старший брат — в Североморске. Сын мой служил в Германии.

23.

<...> Из дома, говорят, выходи задом, а домой придёшь передом. Вот так. Вот, например, все что гуляли — выходи. Он встаёт, его благословляют. Да? «Сынок, выходи задом, домой придёшь передом». Вот так. Вот это предмет. Больше никакого предмета не знаю. Я двоих провожала. <...> А что давали-то ему? Молитву, «*Живые помощи*». Зашивала, клала. <...> В мешочек латаный. Сменяли ему одежду: он сумел взять. И всё время с ней служил.

У меня вот был брат двадцать второго года. Кругом, говорит, убиты. Раненый был шесть раз. Кругом — убиты, у него только шинель пробита. ...Ещё ранят или в руку, или вот в ногу... <...> А так всё... И домой пришёл.

24.

Вечеринки не было. Идут по домам и собирают продукты: больше всего яиц, кто и денежку кинет, у кого что. Рекрутами они назывались. А в армию провожало всё село, близкие плакали. <...> Плакать нельзя, но слезы-то текут: провожает сына, что его ждет.

<А землю с собой давали?> Нет, потому что земля — это страшно, это могила. Благословляют мужской иконой.

<...> Пели «*Во солдаты Ваню мать провожала...*» Это была самая любимая и теперь забытая. Раньше прежде, чем завести подружку, надо было отслужить в армии...

25.

*Рекрута вы, рекрута,
Дорога ваша так крута!
Ваша дорога долгая —
В Муроме приёмная.*

* * *

*Рекрута в чужой деревне
Попросились ночевать.
— Пусты, тетенька, погреться,
Хоть на печке полежать.*

Нет, нет, обряда не было, просто, скромно.... Ну, раньше все и скромнее было... <...> Вот я, значит работала, со мной была напарница, она из Зимёнок, и она провожала сына в армию. Это она мне рассказывала. Она говорит, что собрались, и когда начали из дома выходить, он задом выходил из дома. Я сына провожала попросту... Все... Пришел из армии, ничего... <...> Вот только что «Живые в помощи»... Вот так... Положить и все... А так особо и не... Да он был комсомолец и только матери не мог поперечить... Он и это не хотел... Хочется, чтобы вернулись...

26.

И в армию провожали. Раньше в армию провожали: сначала пройдут по деревне, яйца собирали с корзинкой, с гармонью. Пройдут по всем — прощались. Ребята, девчонки. Ну и кто чего: кто денежек даст, кто яиц. Это не ради чего, а просто так принято было. Обычай. Потом вечером собирались молодёжь, гуляли, плясали, провожали. Потом пойдут на поезд провожать, автобуса еще тогда не было, в два часа. А там приедем в город, еще фотографировались, обязательно фотографию все общую такую сделают. Много фотографий было.

<...> Старые-то люди, наверное, знали как что делать. Задом выходили, чтобы назад вернуться. И невестам тоже пшеном посыпали, чтобы богатой быть. Были какие-то приметы.

<...> Собирали в плохое. Оденут одежду похуже. Сейчас присылают, видимо, из армии назад это всё, а раньше всё выбрасывали. <А обереги с собой не давали какие-нибудь?> Да нет. Им как что дашь? Там же выкинут всё. Поесть-то давали.

27.

*Некрута, некрутики
Ломали в поле прутики,
На дорожку ставили,
Страдать девок заставили.*

Рекрутчикам говорили молитву: «Живые помощи». Это оберег. Солдатам, уходящим на войну, давали землю, чтобы вернулись на свою землю.

28.

*Во солдатушки, ребятушки,
Идти не хочется.
Солдатушкам-ребятушкам
Гулять захочется.*

* * *

*Стели, мать, постелюшку
Последнюю неделюшку,*

*А на той неделе, мать,
Я уеду воевать.*

<А напутствия какие-то давали солдатам или иконку?> Ну, это мать в основном делала. А так кто землички брал, кого назначали далеко служить, и крестик. Невеста платок вышивала обязательно, края красиво обвязывали, а на углах: «*Дарю тому — кого люблю*», или например, «*Дарю сердечно — помню вечно*». На этих платочках, вот он это с собой брал.

29.

[А вот такая была примета: на войну идешь — надо балалайку разбить]. Чтобы живой пришел. Такая примета была. На прощанье я ее разбил.

Примечания

1. **Рогоськина Клавдия Матвеевна**, 1929 г.р., урож. д. Санниково. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1078 (33).

Исполнительница пытается вспомнить традиционное рекрутское причитание. Однако исполненный текст является скорее «авторской» импровизацией.

2. См. № 1. ЦРФ-Э-1079 (10).

3. **Салков Егор Павлович**, 1917 г.р., обр. 4 кл. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Н.Е. Котельникова, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1087.

В рассказ включен текст рекрутской частушки.

4. **Шабанов Сергей Кузьмич**, 1920 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1088.

В рассказе перечислены песни советского времени, заменившие традиционные рекрутские.

5. **Осипова Агриппина Ивановна** (паспортные данные утеряны). Зап. в 2003 г. в д. Иваново. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1092.

6. **Поликарпова Евдокия Ивановна**, 1924 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.В. Грудзенко, И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1122, № 14 (126).

7. **Сергеева Мария Егоровна**, 1926 г.р., урож. с. Польцо, обр. 8 кл., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Шумилиха. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1217, № 12 (130).

8. **Шошкина Александра Сергеевна**, 1926 г.р., обр. 7 кл., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в с. Боровицы. Соб. О.С. Славинская, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1332, № 19 (191, 192).

Слова популярной с гражданской войны песни, практически повсеместно в России звучащей во время проводов в армию, написаны Демьяном Бедным (стихотворение «Проводы. Красноармейская песня»).

9. **Москвин Борис Федорович**, 1929 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в с. Панфилово. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1133 (17).

10. **Лодыгина Елена Максимовна**, 1924 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Лазарево. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1140 (38).

В рассказе звучат две частушки, первая из которых является рекрутской, вторая не приурочена к проводам в армию, однако, учитывая тот факт, что призывникам разрешались вольности в поведении, вполне органична в контексте обряда.

11. **Борисова Нина Ивановна**, 1919 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. М. Юрово. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1142 (28).

12. **Зеленова Клавдия Павловна**, 1923 г.р., урож. д. Рожново (Талызинский с/с). Зап. в 2005 г. в с. Якиманская Слобода. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1226 (50, 51).

Исполнительница пытается вспомнить рекрутскую частушку. Текст второй частушки практически идентичен тексту из № 3.

13. **Акимов Александр Иванович**, 1923 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в с. Чадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1122, № 18 (21, 22).

В рассказе звучит рекрутская частушка.

14. **Орлова Мария Андреевна**, 1933 г.р., местн., обр. 7 кл., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. ЦРФ-Э-1121, № 9 (17, 18).

В рассказ включена рекрутская частушка.

15. **Ильичева Наталья Ефимовна**, 1918 г.р., местн., нач. обр., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в с. Польцо. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина. ЦРФ-Э-1216, № 9 (54).

Песня литературного типа, повсеместно в России в течение последних ста лет исполняется в качестве «рекрутской», по происхождению таковой не являясь.

16—18. **Карева Мария Павловна**, 1938 г.р., местн., обр. 7 кл. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. Л.В. Фадеева. Рукописный песенник 1953 года.

19. **Зайцева Татьяна Николаевна**, 1955 г.р., местн., ср.-спец. обр., правосл. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова. ЦРФ-Э-1334, № 1 (36).

Вариант см.: № 8.

20. **Гушина Анастасия Васильевна**, 1926 г.р., урож. с. Прудищи, ср.-техн. обр., правосл., русской. Зап. в 2005 г. в с. Межищи. Соб. А.А. Костикина, Д.И. Юрков. ЦРФ-Э-1334, № 4 (31).

21. **Зеленкова Валентина Ивановна**, 1941 г.р., **Кузнецова Надежда Валентиновна**, 1949 г.р., **Павлова Мария Егоровна**, 1946 г.р. Зап. в 2005 г. в д. Мордвиново. Соб. Е.П. Невзорова, Т.В. Устинова. ЦРФ-Э-1335, № 6 (1).

22. **Сулова Лидия Александровна**, 1942 г.р., урож. Селивановского р-на, ср.-спец. обр., правосл. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. Е.А. Барсукова, Ф.А. Ордынец. ЦРФ-Э-1334, № 7 (4).

23. **Повельева Анна Петровна**, 1920 г.р., местн., малограмотн., правосл. Зап. в 2005 г. в с. Межищи. Соб. А.Ю. Румянцева, Е.В. Терешина. ЦРФ-Э-1335, № 9 (34).

24. **Тимохина Ольга Григорьевна**, 1925 г.р., местн., ср. обр., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. О.В. Жукова, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1333, № 17 (89).

25. **Липатова Александра Степановна**, 1930 г.р., урож. д. Мордвиново, обр. 8 кл., правосл., русск.. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. А.А. Костикина, Д.И. Юрков. ЦРФ-Э-1334, № 21 (11—13).

В рассказе звучат рекрутские частушки.

26. **Малинина Валентина Алексеевна**, 1933 г.р., местн., обр. 7 кл., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. А.Ю. Румянцева, Е.В. Терешина. ЦРФ-Э-1335, № 24 (12).

27. **Жихарева Клавдия Васильевна**, 1919 г.р., местн., малограмотн., правосл. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова. ЦРФ-Э-1332, № 25 (73—74).

В рассказ включена рекрутская частушка.

28. **Богданова Зинаида Фёдоровна**, 1939 г.р., урож. д. Михайлово, обр. 7 кл. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. А.А. Костикина, Ф.А. Ордынец. ЦРФ-Э-1334, № 32 (51—53).

В рассказе звучат две рекрутские частушки.

29. **Обидин Иван Петрович**, 1926 г.р., местн., н/ср. обр. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова. ЦРФ-Э-1332, № 33 (23).

Похороны

Погребальная обрядность в той или иной форме сохранилась в традиции Муромского края до настоящего времени. Более того, каждый исполнитель уверенно называет не только этапы похоронного обряда, но и их последовательность.

В Муромском крае похоронный обряд был насыщен обрядовыми действиями, которые имели не только утилитарный, но и магический характер. Они были призваны защитить живых от умерших. Нарушение правил могло привести к трагическим для семьи умершего последствиям.

Похоронный обряд, начинаясь в момент смерти человека, заканчивается в годовщину его кончины, когда для семьи покойного полностью восстанавливается разрушенная смертью граница между миром живых и миром мертвых. Обычно похоронный обряд принято делить на следующие этапы: период от момента смерти до выноса тела из дома, уборка дома, дорога на кладбище, подготовка могилы, похороны, поминки, поминальные дни.

Первым обрядовым действием, которое совершалось после смерти человека, было обмывание:

«Вот человек помер, тут уж сразу обмывают. Самое первое, что сделать надо. Начинается, значит, с него» (Антонов В.Н., 1927 г.р., рукописный фонд).

Существовало поверье о том, что обмывать женщину должна женщина, а мужчину — мужчина. Если по каким-либо причинам происходило нарушение, то необходимо было совершить магическое действие, призванное защитить нарушителя от возможных несчастий. Он должен был встать над открытым подполом и окатить себя водой (подобное действие могли совершать и на пороге дома):

«Вообще-то мужика мужики обмывать должны, а бабу — бабы. Но бывает, ведь сейчас мужиков мало, что и бабы мужиков обмывают. Это грех, это нельзя делать, но бывает, ведь обмыть покойника надо. Вот когда не того обмоют, надо подпол открыть и в ведро святой воды капнуть, и вот над подполом и облить себя. Так окатишься и всё, смыл всё» (Антонова З.А., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1141);

«Если вдруг баба мужика обмывает или наоборот, то надо воду святую взять, капнуть его чуть в ведро и над порогом встать, облить себя, чтоб вода под пятку ушла, и всё смоешь» (Бесчастнов Б.И., 1935 г.р., рукописный фонд).

Обмывали человека на полу, при этом считалось, что обмывать на голом полу недопустимо:

«На полу-то голом обмывать грех. На пол уж непременно что-то кинешь. Шобл какой, простынку, так тряпочку. На голом полу не обмывают» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

Вероятно, первоначально на пол стелили сено, которому приписывалась очистительная сила:

«Самое правильное — на пол сенца постелить или соломы. На сене покойника надо обмывать. Сено, оно все дурное забирает, в доме не остается» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Раньше-то правильно обмывали, на сене. Сено всякую нечистоту, что от покойника идет, собирает. На дом это не перекидывается. На сене надо обмывать, а сейчас на тряпках обмывают, но вот лучше на льняных каких, а вот не на синтетике. Натуральное всё, должно быть, растительного, как говорят, происхождения» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

Существовал обычай одаривать того, кто обмывал покойного:

«Вот если кто покойника обмыли, ну, не сам обмываешь, а позвал (обычно ведь свои не обмывают), то одаривают его. Дарят там что-нибудь из одежды или деньгами» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139);

«Того, кто покойника обмыл, одаривали — дарили одежду, платок, отрез там какой-нибудь» (Мясникова Т.А., 1936 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Считалось правильным, если человек помимо своего похоронного узелка приготовит и узел для обмывавшего, в который чаще всего входила одежда:

«Человек о себе позаботиться должен. Вот, значит, смертное свое собрать и для одаривания, чтоб, значит, когда его обмоют — родня, значит, обмывальщика одарила. Для него складывают там платок, или кофту, или отрез на что. Это делали всегда, и сейчас еще некоторые делают» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079).

Предметы, с помощью которых обмывали покойника, а также подстилку, на которой его обмывали, выбрасывали или сжигали:

«Вот покойника обмыли и мыльце, и тряпочку, которой обмывали, и шобл, на котором лежал, всё это выбрасывали подальше» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Как покойника обмыли, все вещи, ну там обмылок, мочалку, полотенчко, простынку, на которой обмывали, всё сжигали. Вот на огороде там, или где костер разводят, и всё сжигают» (Нестерова А.Т., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Полагали, что воду, которой обмывали покойного, необходимо вылить на угол дома:

«Воду, которой обмывали, выливают в какое-нибудь место, где никто даже slučajем не ступит. Ну там под красный угол¹, или где на отшибе, в овраг какой-нибудь» (Пилюкина А.А., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Посуда, из которой обмывали покойника, выбрасывалась, причем место, куда ее выкидывали, считалось нечистым. Полагали, что там может появляться покойник:

«Вот воду-то выльют и посудину выкидывали. Вот у нас в овраг. Там место нечистое, там кажется» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075);

«Горшки, из которых обмывают, выкидывали в лесок там. Там плохое место, нечистое. Покойники там часто кажутся» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

Запрещалось изготавливать гроб родственникам покойного, в противном случае на семью могли обрушиться несчастья:

«Гроб завсегда сторонние делали, старались, чтоб никакого родства не было. Если родственник гроб делает — значит, в семье покойники будут» (Посулова В.Н., 1959 г.р., рукописный фонд);

«Если гроб родня делает — много в семье поумирает» (Фокичева Е.В., 1924 г.р., рукописный фонд).

В то же время не видели ничего предосудительного в том, чтобы покойник приготовил себе гроб заранее:

«Так-то сторонних зовут гроб делать, но сам себе гроб сделать может. Ничего не будет. Гроб, как смертное, можно заранее делать» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд);

¹ Красным углом называется не только угол, в котором висят иконы, но и этот же угол дома с улицы.

«Старые люди себе гроб заранее делали или вот сейчас покупают, это даже вроде как положено» (Гусенкова М.А., 1918 г.р., рукописный фонд).

Однако считалось, что заранее сделанный гроб нельзя хранить пустым. Обычно его использовали как емкость для хранения яблок или зерна:

«Если гроб заранее делали, то его пустым не оставляли. Говорят, что покойник появится в деревне, если гроб пустой у кого стоит» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Вот гроб делал кто заранее, и в него яблок насыпаят, или там зерно. Только чтоб пустой не стоял. Пустой гроб, он покойника зовёт» (Рябова А.М., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Верили, что, если гроб больше, чем нужно, в доме появится еще один покойник:

«Если гроб больше окажется — жди покойника снова» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Гроб сделают по мерке, если он больше будет, то в семье еще кто-нибудь умрёт» (Рогоськина К.М., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1079).

В соответствии с восприятием гроба как дома, его обустроивали внутри и прежде всего устраивали в нем *постелью для покойника*. Вниз клали стружки и солому, затем на них укладывали березовые листья. Сверху стелили холст:

«Вот гроб делают, стружки остаются. Их в гроб кладут и закрывают материалом белым, чтоб мягко было» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239);

«Стружки раньше оставались, когда гроба-то делали. Эти стружки и в гроб клали, и подушечку ими набивали» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Если гроб свой, сами, значит, делали, то стружками набивают подушечку и на дно кладут, а если заказной привезли, то сено кладут» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Вот стружки положат, сено, а еще березовые листья клали, в подушечку набивали. На Троицу веников навяжут и вот с этих веников-то листья и кладут в гроб» (Рожкова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1224).

Некоторые исполнители вспоминали, что их родители укладывали и лоскутки от савана:

«Вот саван шьют и лоскутки хошь не хошь остаются. Этими лоскутками раньше подушечку могли набить или просто в гроб клали» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«От савана лоскутья остаются, их раньше в гроб клали. Сейчас что-то не знаю, а раньше завсегда клали» (Святова З.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1076).

Некоторые женщины специально собирали все вычесанные за жизнь волосы, чтобы после их смерти ими набили подушку:

«Мама вот когда помёрла, я у ней в смертном подушечку нашла, она вся волосами набита была. Вот расчесет волосы и всё что на гребне, снимет и отложит. Так за всю жизнь себе подушечку и набрала» (Шеронова В.Я., 1932 г.р., рукописный фонд);

«У старых баб в смертном часто подушечки есть, они волосами набиты. Вот всякое утро причешется и волосы, что на гребне, сложит в наволочку. Так вот к смерти подушечка» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Одевали умершего в приготовленное им *смертное*. Каждый человек считал необходимым приготовить себе похоронный узел, в котором, помимо одежды, находятся покрывало и наволочка, платочки для одаривания на могиле и свечи. Некоторые отмечают, что жена должна приготовить смертное не только себе, но и мужу:

«Каждый смертное себе сам готовит. Вот у каждого человека смертный узел должен быть. В нем, значит, одёжа новая, покрывало, наволочка, платок, носовые платочки, свечечки, ну, иконка там» (Журкова М.И., 1929 г.р.);

«Вообще смертное каждый человек сам себе готовит. Ну, правда, мужики, они почти никогда не готовят, и им смертное жены собирают. Так вот два узла есть, для бабы и для мужа» (Сизова З.Н., 1929 г.р., рукописный фонд).

Существуют определенные критерии, предъявляемые к похоронной одежде. Касаются они обычно фасона платья (с длинными или короткими рукавами, с поясом или без него) и его цвета (темное — светлое, с рисунком или гладкое):

«Я платье себе сделала, вот радугу на небе видела когда, сколько полос всяких красивых — мне понравился такой мануфактур, я такой отрезала и сошила его. С рукавом с длинным должно. С поясом» (Рыбакова А.Я., 1918 г.р., рукописный фонд);

«Смертное только светлое может быть, чтоб на том свете на горе не стоять, не ждать, пока выгорит. Я себе светленькое такое сделала, в мелкую крапочку» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Смертное должно быть светлое и с рукавами, чтоб значит не ждать пока выгорит на солнце, в темном к Богу-то не пускают» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Необычайно устойчив запрет на использование в качестве женской смертной одежды костюмов или юбок с блузками:

«У меня такой костюмчик был, юбочка и сверху жакет. И я думала в смертное. Такой нарядный он. А сказали, что нельзя в костюмах-то хоронить» (Сорокина Л.С., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Я собиралась сестру хоронить, и вот у нее в смертном юбка с кофтой были, а старухи начали говорить, что нельзя. Я ей платье-то и сшила на живую нитку. В юбках-то хоронить нельзя» (Шишкина М.И., 1925 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

Особые правила на употребление конкретного типа одежды существовали для незамужних девушек, старых дев и младенцев. Первых необходимо хоронить в свадебных нарядах, причем в категорию «невеста» попадают все девушки от 13—15 лет. В настоящее время исполнители отмечают, что в случае похорон девушки ее родители покупают ей полный комплект свадебной одежды, включая туфли на высоком каблуке, которые категорически запрещены во всех остальных случаях как смертная обувь:

«Если девушка молодая умерла, то родители её покупают в магазинах свадебное платье, уаль, туфли на каблуке — всё, как у невесты, и так ее хоронят» (Антонова З.А., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1141);

«Когда девушки умирают, которые заневестились, ну, которым лет четырнадцать уж есть, ну вот молодые, их, как невест, хоронят и раньше как невесту хоронили. Платье, фата, туфли на каблучках — как невеста» (Гусенкова М. А., 1918 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

Напротив, старых дев хоронили в темной одежде и с платком, завязанным на шее сзади:

«Вот если замужняя женщина померла или вдова, ее в светлом хоронят и платок под подбородком вяжут, а если вековуха, ну стара дева, то ее в чёрном хоронят, как монашку, платок повязывают крест-накрест, с узлом на шее» (Мокеева Н.К., 1921 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«Черниченок, ну старых девок, в черном хоронят и платок назад завязывают, а не под подбородком» (Смолина М.П., 1936 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

Младенцев, т.е. детей до семи лет, по возможности хоронили в крестильной одежде. Если же это было невозможно, то шились особые рубашки, в которые вшивались элементы крестильных рубашек:

«Вот если младенец помер, то его в крестильной рубашечке хоронят. Если уж вырос он из нее, если уж не одеть никак, то её режут и кусочками вшивают в новую рубашечку» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239);

«Когда младенца помирает, его в крестильной рубашке хоронят, а если уже больший, — то передок вырезают и шивают в рубашечку смертную» (Медведева Н.П., 1946 г.р., ЦРФ-Э-1140).

Особо оговаривается наличие пояса в смертной одежде. В настоящее время чаще всего роль пояса выполняет лента с молитвами, взятая в церкви, но те исполнители, которые помнят о поясах как непременно атрибуте народного костюма, указывают на их обязательное наличие в смертном:

«Сейчас-то вот в церквях такие ленты с молитвами продают. Их вот и завязывают, как пояс. А раньше пояса просто были и их завязывали на покойниках. Чтоб, значит, обязательно в поясе лежал» (Макеев В.П., 1938 г.р., ГРЦРФ, ЦРФ-Э-1136);

«Пояс в смертное завсегда клали, даже ткали раньше специально. На покойнике пояс должен быть» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

О необходимости завязывать пояс на покойном говорили многие исполнители. Исключение составляла только одежда беременной женщины и жены способного к последующему деторождению мужчины. В первом случае одежду не подпоясывали, обеспечивая этим «удачные роды» на «том» свете, а во втором считалось, что новая жена вдовца не сможет легко родить, если умершая супруга будет подпоясанной. В обоих случаях пояс просто клали в гроб, причем в первом клали еще и пояс для младенца:

«Вот покойников всегда подпоясывают. Только вот если брюхата баба помирала, то уж ей пояс так клали, а то на том свете рожать тяжело будет. И для младенца пояс клали» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075);

«Если молодая баба помирала, и муж у ней оставался молодой, мужик же — он всегда жених, а молодой обязательно один не останется, её не подпоясывали никогда, чтоб, значит, новая жена родила легко» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Еще одной специально оговариваемой деталью является тип смертной обуви. Считается, что наиболее «правильным» вариантом являются лапти; в настоящее время они заменяются тапочками, которые должны иметь задник и не иметь каблука. Туфли, даже на низком каблуке, и мужские ботинки рассматриваются как «неправильная» смертная обувь:

«Вот раньше правильно хоронили, в лаптях. Лапти — самая правильная смертная обувка. Сейчас всё больше в тапочках хоронят. Они вот не шлёпанцы должны быть, а с пяткой» (Трепетова Н.И., 1936 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд);

«В туфлях и ботинках хоронить нельзя. В тапках хоронят, не в шлёпках, а с пяткой. А лучше всего в лаптях хоронить» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079).

Гроб устанавливали на лавке (реже на столе) в переднем углу. Более того, до последнего времени существовал запрет на установку гроба на столе, так как стол считается сакральным местом:

«Гроб на лавку ставят под иконы» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073);

«Раньше гроб только на лавку ставили, а сейчас лавок, почитай, и нет в избах, так стали ставить на стол, а это плохо. На стол гроб не ставят. Стол — это престол, на него гроб ставить грех» (Антонов В.Н., 1927 г.р., ГРЦРФ, рукописный фонд).

Исключением является гроб с умершим младенцем, который предписывалось ставить именно на стол:

«Так на стол гроб не ставят: стол — это престол, но вот если младенца умер, ребенок маленький — душа безгрешная, то гробик на стол установят, он перед Божьим престолом сразу» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Наиболее правильным считается установка лавки под гроб наискосок:

«Лавку, на которой гроб стоит, поперек половиц ставят, наискосочек так» (Москвина М.Ф., 1921 г.р., рукописный фонд);

«Лавку ставят в красный угол наискось, чтоб головой в угол, а к стенам не прикасалась. И гроб на нее ставят» (Смолина М.П., 1936 г.р., рукописный фонд).

Несмотря на то что сейчас представление о красном угле в избе может быть сильно трансформировано, икону в изголовье умершего устанавливают всё равно:

«Если вот у меня боженка, то к боженке головой ставят, а если нет красного угла, ну, тогда поставят лавку с гробом, а уж икону так прислонят или повесят» (Фокичева Е.В., 1924 г.р., рукописный фонд).

Покойник обязательно должен лежать ногами к двери. Более того, иное его положение указывает на принадлежность к иноэтнической или иноконфессиональной среде:

«У нас вот покойника ногами к дверям ложат, а головой — к иконам, а у кулугуров, у них ногами к иконам, он как будто встает и икона перед ним, а у нас вроде как за спиной» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Мы-то покойников головой к иконам кладем, а ногами — к дверям, а татары головой к дверям кладут» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139).

Причину такой установки гроба наши информанты видят в том, что покойник, лежащий ногами к дверям, как бы идет на кладбище:

«Ведь вот покойника почему ногами к дверям кладут — он из дома на кладбище уходит» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073);

«Покойник потому ногами к дверям лежит, что он из дома уходит» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Вероятно, именно после того как покойника клали в гроб, родные могли первый раз причитать в голос. Нам не удалось записать целостное причитание. Было зафиксировано несколько относительно больших фрагментов причети внутри рассказов о похоронных ритуалах:

«По покойнику плачешь. Причитают, кто как.

Милый ты мой,

Покинул ты меня.

Как я буду одна жить,

Как мне без тебя тяжело.

Я вот плакала:

Сынок, как мне трудно без тебя будет

Я кабы знала, сюда бы не поехала.

На кой ты уехал из дома?

Кабы жили мы в деревне, может, ты и сейчас жив был,

А то гляди — оставил меня одною.

Вот так как-то» (Рыбакова А.Я., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1221).

Это связано как с возрастом наших исполнителей, так и с целым рядом запретов, широко распространенных на данной территории. Так, считается, что голошение в неположенное время приводит к появлению нового покойника или доставляет умершему неудобства на «том» свете:

«Голосить с умом надо, там в гроб когда кладут или там в могилу опускают. На помин первый голосом плачут, а так нельзя. Если по-пустому голосить, то новый покойник в доме будет» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Голосить только в положенное время можно. Просто так голосить — покойника мучить, ему плохо на том свете будет» (Гусенкова М.А., 1935 г.р., рукописный фонд).

Иногда родственники умершего приглашали людей, которые славились как умелые плакальщики:

«Если уж сам не умел в голос плакать, нанимали, а то, если кто хорошо плакал, так его и нанимали, даже если сами могли» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137).

К сожалению, в настоящее время нам удалось записать лишь смутное упоминание о том, что «положение во гроб» сопровождалось причитанием:

«Вот уж если в гроб положили, тут уж голосом начинали выть, а до этого нет. Только если в гробе покойник, а пока обмывают, обряжают — тут так плачут, а голосом ни-ни» (Рогоськина К.М., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1079);

«В голос воют, когда покойника в гроб ложат, а до этого нельзя, так плачут» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Пока покойник находился в доме, над ним постоянно читали псалмы, духовные стихи, «канты» и т.п. специально нанятые люди, чаще всего набожные старые женщины, не состоящие с покойным в родстве:

«Читалок раньше приглашали, чтоб, значит, покойника отчитывали. Были такие бабки, все знали. Читали над покойником три дня» (Пилюкина А.А., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Читалки — это их нанимали. Из своих редко брали, разве что очень знающая. А так нанимали за деньги или там за еду. Как договорятся» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224).

Для них устанавливали специальный стол, ставили на него укрепленные в банках с пшеном свечи, а также иконы. Псаломщицы читали над покойным, а приходившие с ним проститься приносили и оставляли на столе какую-либо еду. Эти приношения могли использоваться как плата псаломщицам или для поминального стола:

«Старухи, что псалмы читают, им стол ставят, ну там или маленький какой, или тумбочку, и вот все, кто приходят проститься, они там на этот стол кто что ставят, кто там еду какую, кто что. Это вот псаломщицам плата» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ГРЦРФ, ЦРФ-Э-1227);

«Читалкам обычно платят тем, что приносят. Ну вот проститься приходят и на стол там ставят, кто там печенье, кто колбаски, кто что. И вот псаломщицам это отдают. Сейчас еще деньгами дают, а раньше едой» (Мясникова Т.А., 1936 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Баночка с пшеном, в которую вставлялась горящая свечка, должна была находиться в доме до тех пор, пока покойника не выносили на кладбище. После этого пшено выносили за ворота и скармливали птицам. Считается, что птицы поминают покойного:

«Вот та баночка с пшеном, в которой свечка стоит, вот когда покойника на кладбище, ее из дома выносят и пшено-то высыпают под красный угол или там еще куда, чтоб птицы склевали, ну, не домашние, а такие, там воробей ли, синичка ли. Божья птица чтоб помянула» (Рожкова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1224).

Читалки отчитывали покойника на протяжении трех дней, в течение которых в дом приходили люди проститься с покойным. Иногда если читалка пела псалмы или духовные стихи, они присоединялись к ней:

«У нас вот такая мода. Вот ныне умер. Вечером у нас собирают, всю деревню ходят собирают. Кто придет, кто не придет. Вот собирается народ — она читает, а мы поём. Стихи она скажет, мы поем. За ней повторяем, за читалкой. Собираемся к семи, что ли, или к шести. Ну, пускай, скажем, к семи, до полдвенадцатого ночи сидим. Идём домой. Утром опять к девяти, на следующий день опять к девяти, читаем до полдвенадцатого» (Рыбакова А.Я., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1227).

В день похорон покойника выносили из дома ногами вперед, опасаясь, что в противном случае умерший будет возвращаться в дом к живым:

«Вот ногами-то вперёд выносят, чтоб, значит, из дома ушел и не тревожил» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Ногами вперёд выносят, он как идёт на кладбище. А если не так вынесут — он приходит будет» (Сорокина Л.С., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Считали, что умершего должны нести на кладбище люди одного с ним пола. При этом все исполнители указывают, что нельзя было подменять людей, несущих гроб:

«Гроб мужика мужики несут, бабу — бабы. И уж если взялись, то не сменяются, так и несут, кто взял» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Если даму — бабы несут, а мужика — мужики» (Рыбакова А.Я., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Обычай такой есть, что бабу бабы несут, мужики как бы её не трогают. Свои-то нести не могут, ну там муж, сыновья, зятья даже. Так что раньше бабу бабы и несли» (Пилюкина А.А., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Особо оговаривается половая принадлежность тех, кто несет гроб незамужней девушки и старой девы. В первом случае его должны нести подруги, причем незамужние. Изредка говорят о том, что гроб с телом девушки несли вдовы.

«Вот если девка померла, то раньше ее подружки несли, только девки незамужние. Считалось грех, если баба девку несёт» (Рябова А.М., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Девку подружки несут, если мало подружек, то вдовы нести могут, а вот замужние нельзя — грех» (Шишкина М.И., 1925 г.р., рукописный фонд).

Что же касается старых дев, то их гроб могли нести либо девушки, либо такие же старые девы; ни вдовы, ни замужние женщины к гробу не допускались:

«Стару деву только девки или такие, как она, несут. Ну там бабу мужики могут нести, или там девку реже, но могут. А уж стару деву никогда, её только девы несут, вот те, кто с мужиком не спал, ни вдова, никто, только девушки и такие же, как она. Иначе случится что» (Нестерова А.Т., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Наши информанты уже не помнят, что именно произойдет в случае нарушения данного запрета, однако подчеркивают, что и до настоящего времени стараются его не нарушать:

«Говорили все, грех, чтоб мужики бабу несли, что уж случится, не знаю, беда кака будет — это точно, но какая, не знаю, а до сих пор стараются не носить» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075).

К сожалению, никто из информантов не упоминал об отпевании покойника в церкви. Вероятно, это связано с разрушением церковной жизни, поскольку в традиционной ритуальной практике церковное отпевание являлось чрезвычайно значимой частью похоронного обряда. В настоящее время в селах, где есть действующие храмы, отпевание возвращается в структуру похоронного обряда. В населенных пунктах, где церкви отсутствуют, наличие или отсутствие отпевания зависит от благосостояния семьи покойного. В зависимости от доходов гроб с телом могут отвезти в церковь или, наоборот, привезти священника, но чаще обходятся заочным отпеванием:

«Раньше-то в церкву ставили, священник отпевал. А сейчас деньги есть — в церкву везут или священника привозят, а так всё больше заочно отпевают. Вот едет кто в город и привозит из церкви земельки, ну и ленту такую» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

Существовал обычай *делать дорогу покойнику*. Чаще всего информанты говорят о том, что *дорогу* делали из еловых веток, которые бросали перед гробом:

«Ёлочки на дорогу бросают, бросают. Ельник бросают. Говорят, дорогу устилают покойнику. Дорогу, говорят, надо устилать. Именно ёлки, ездят нарубают там на воз и дорогу раскидывают от дома до кладбища» (Рыбакова А.Я., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Ёлочки кидают перед гробом. Веток нарубают и дорогу делают» (Пилюкина А.А., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Однако в Муромском крае существуют и другие модификации данного обычая. Так, многие полагают, что еловые ветки бросают только зимой, а летом надо бросать цветы и траву:

«Лапник токмо зимой кидают, не было ж ничего, сейчас вот цветы круглый год, а раньше где ж — вот и кидают лапник. А летом там или весной уж цветы есть и трава, так кидают их, по травке чтоб, значит, покойник шёл» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Ёлочки-то зимой кидают, а весной уж травку, цветы. По мягкой дороге покойник идёт» (Сизова З.Н., 1929 г.р., рукописный фонд).

Другие говорят о том, что еловые ветви бросают перед гробом взрослых людей, а для детей и молодежи используют цветы и травы.

«Ёлочки перед стариками кидают, перед взрослыми, а если ребенок помер или молодой кто, там уж цветы кидают» (Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Ёлки старикам кидают, а молодёжи цветы, траву, а ёлки не кидают, им из травы дорожку делают» (Антонова З.А., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1141).

В то же время зафиксирован запрет делать дорогу из травы и цветов именно для молодых людей, так как считается, что *«по цветам молодые покойники будут уходить»* (Рыбакова А.Я., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1227), т.е. сделанная из этих материалов дорога провоцирует смерть молодых людей:

«Из цветов дорожку делать молодым нельзя, если сделать — много помрёт молодых в округе» (Рожкова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Молодым дорогу из цветов делать грех. Только смерть кликать. Вот если делают, то обязательно много в деревне молодых потом умирает» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Есть варианты, которые свидетельствуют о том, что дорогу из елочек делают только для людей, умерших неестественной смертью.

«Ёлочки только утопленникам и удавленникам кидают. Дорогу из травы делать надо покойнику» (Сизова З.Н., 1929 г.р., рукописный фонд);

«Если кто удавился — ему дорогу из ёлочек делают» (Шубина А.И., 1931 г.р., ГРЦРФ, ЦРФ-Э-1239).

И наконец, зафиксирован запрет делать дорогу покойному из лапника, чтобы избежать появления покойного в мире живых:

«Ёлочки на дорогу кидать грех. Нельзя покойнику дорогу из ёлочек делать. Он пока все иголки не соберёт, на том свете покоя ему не будет» (Епифанова Н.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Покойнику из ёлок дорогу не делают. Он вот ходит и иголя-то собирает. Вот глянешь — а покойник ходит. Страх какой. Душа покоя не находит. Нельзя дорожку из елок делать» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Такое многообразие вариантов можно объяснить только смешением нескольких традиций. К сожалению, мы не располагаем достаточным количеством материалов, подтверждающих это, однако наблюдается определенная тенденция, когда в зоне влияния Московской Мещеры покойнику независимо от возраста делают дорогу из лапника, а в зоне нижегородского влияния наблюдается тяготение к разделению материалов в зависимости от возраста умершего. На южных территориях преобладает запрет делать дорогу покойному из ельника. Однако еще раз оговоримся, что отсутствие репрезентативных материалов из смежных регионов не дает нам возможности однозначно определить направленность данных влияний.

Следующим после выноса тела этапом похоронного обряда является ритуальное очищение дома. Специально оставленные дома люди совершали очистительные обряды, самым распространенным из которых был обычай мести пол. Это ритуальное действие называлось *выметать покойника*. Оно было призвано

защитить оставшихся членов семьи от непредвиденной смерти, которая могла им угрожать. Однако на разных территориях края действия различались. Так, в зоне влияния Московской Мещеры пол мели от порога к окну. Эти действия, призванные предотвратить последующие смерти, основывались на представлениях о том, что *«если к порогу мести — ещё кого-нибудь выметешь из семьи, ещё кто-нибудь помрёт»* (Медведева Н.П., 1946 г.р., ГРЦРФ, ЦРФ-Э-1140). В зоне влияния нижегородской традиции мели, напротив, к порогу, однако руководствовались другим представлением:

«Надо к порогу мести, вымести покойника из дома, чтоб он дороги к дому не нашёл, не вернулся и не забрал с собой кого. Чтоб новых смертей не было» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

Пол могли не только мести, но и мыть, причем мытье начинали от порога. Верили, что в таком случае не будет новых смертей:

«Метут-то от окна к порогу, чтоб покойник дорогу домой не нашёл, его вымели, и всё, а моют от порога к окну — чтоб больше, значит, никто не помер» (Рожкова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1224);

«Как вот метут от порога к окошку, так и моют так же, иначе вымоешь кого из семьи. Помрёт тогда в семье кто-то» (Шишкина М.И., 1925 г.р., ЦРФ-Э).

Помимо собственно уборки существовал обычай переворачивать мебель. Чаще всего переворачивали стол, а также выливали на него стакан воды, наклоняя стол к двери, чтобы покойник не приходил к живым:

«Вот полы помоют и стол перкувыркивают, чтоб покойник не ходил к живым» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

«Вот полы начинают мыть и тут стол кувыркнут, и стакан воды на него, чтоб мёртвые к живым не ходили» (Фокичева Е.В., 1924 г.р., рукописный фонд).

Почти все информанты говорили, что в настоящее время практически забыты обычаи, связанные с рытьем могилы. Указывали только, что рыть могилу должны чужие люди, так как в противном случае в семье может появиться еще один покойник:

«Могилу-то чужие роют, своим нельзя, а то еще покойник в семье будет» (Пилюкина А.А., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Могилу рыть всегда нанимали, чтоб свои не рыли. Но может какая очень дальняя родня, но это нехорошо. Кто уж посторонний должен рыть, а свои — нет, а то ещё кто помрёт» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075).

Все остальные поверья, связанные с обвалом могилы, ее размерами, заполнением водой и т.д., упоминаются как знаки, предвещающие опасность:

«Вот все говорят, что если яма-то больше, чем надо, то еще покойника жди» (Рябова А.М., 1938 г.р., ГРЦРФ, ЦРФ-Э-1137);

«Если у могилы край обвалился, то смотрели, с какой стороны, значит, с той стороны ещё покойник будет» (Шишкина М.И., 1925 г.р., рукописный фонд);

«Когда могилу водой заливают — снова к слезам, снова помрёт кто» (Пилюкина А.А., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Гроб в могилу опускают на холстах, которые передаются из поколения в поколение и используются только на похоронах:

«Гроб в могилу на холстах опускают. Такие специальные есть холсты. Еще у мамы моей были. Лежат скручены» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Навины такие есть — на них гроб и опускают. Еще домотканые. Бабушка ещё делала. Так вот все приходят, когда хоронить кого надо. Они у меня есть и ещё вот у Нюры» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139).

Нельзя не отметить, что в настоящее время на холстах гроб только опускают в могилу, хотя наиболее пожилые исполнители говорили о том, что во времена их молодости гроб несли на холстах до кладбища:

«По шесть человек несли. Не меняются. Постоят — и опять. На этой стороне трое и на этой — трое. Несут на плечах, на полотне. Навины у нас такие делают. Ты на плечо, и я на плечо, подберут оба конца. Сейчас уж не носят так. Сейчас на плечах» (Рыбакова А.Я., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Поскольку с кладбища ничего нельзя брать, то холсты подвергаются специальным очистительным обрядам, призванным обезопасить живых:

«С кладбища ничего уносить нельзя. Если что унесёшь — покойник в доме будет. Вот холсты забирают, но их в дом не вносят, на дворе положат и на ночь расстелят под росу или под снег, если зимой, а потом постирают — и опять на снег. И вот уж потом сушат и скатывают и за боженку ставят. И так там стоят. Их больше ни для чего не пользуют, только для гроба» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079);

«Холсты вот с кладбища уносят, а так вот уносить-то нельзя, если что унесёшь — покойник скоро будет. Так вот их уносят и либо на росу кидают, чтоб, значит, они ночь на росе пролежали, либо на снег. А стирать их можно только в проточной воде — лучше всего на реке, но можно и дома, но только под краном. А хранят на боженке их» (Рожкова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1224).

Покойника опускали в могилу ногами на восток. Считалось, что, когда наступит день Страшного Суда, покойник встанет лицом к солнцу:

«Покойника на восток головой кладут. Вот Страшный-то Суд наступит — он к солнышку-то лицом и встанет» (Нестерова А.Т., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Покойников к солнцу лицом кладут, головой, значит, на восток. На Страшном-то Суде он к солнцу лицом встанет» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Наши информанты отмечают, что второй раз причитать начинают именно на кладбище, голосить по дороге от дома до кладбища считалось опасным, так как такое голошение могло привести к неурожаю, эпидемии или падежу скота на всей территории, где можно было услышать причет:

«На дороге же кто ж причитывает. Вот где только причёт на дороге слышишь — там уж точно ничего не уродится. Вот даже на огороде, вот если с кладбища ветер дует, а тихо вокруг, причёт-то услышишь — ничего не уродится. А уж по дороге-то точно на всех огородах слышно» (Мясникова Т.А., 1936 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Если голосом на дороге на кладбище реветь — скотинкадохнуть будет. Голосом дома — когда в гроб ложат, на кладбище — когда опускают гроб, а на дороге нельзя» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Раньше, когда гроб-то несли, на дороге-то не причётывали, говорили все — где причёт услышат, там болезни будут, холера там или что. Только на кладбище причётывают» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239).

После того как гроб опускали в могилу, туда бросали монетки и платки, которыми утирали слезы. Считается, что на деньги, брошенные в могилу, покойник выкупит себе место на кладбище, а на платках останутся слезы живых, которые не будут так тосковать о покойном:

«Монетки в могилу бросают, чтоб покойник себе место купил» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Когда гроб опустят, монетки кидают. Говорят, покойник себе место выкупить должен» (Сизова З.Н., 1929 г.р., рукописный фонд);

«Вот платки еще в могилу бросают. Это чтоб слезы ушли, чтоб по покойному шибко не плакать» (Фокичева Е.В., 1924 г.р., рукописный фонд).

Полагают также, что в могилу нужно бросить длинный кусок материи или катушку ниток. Считается, что на «том свете» эти предметы помогут преодолеть преграды: полотно станет ровной дорогой, а нитки мостом через огненную реку:

«Вот полотно в могилу еще кидают, чтобы на том свете покойник по ровной дорожке шел, чтоб легко до Боженьки дошёл» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079);

«Полотенце или тряпку длинную кидают, чтоб, значит, там, ну на том свете, легче до Бога дойти было, чтоб ровная дорога была» (Пилюкина А.А., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Нитки, катушку кидают. Говорят, по этой нитке через огненную реку он перейдёт» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074);

«Катушку в могилу кидают, чтоб по ниткам, как по мосту, через огненную реку перешёл. Если грешил много — нитки сгорят, в огненную реку свалится» (Шишкина М.И., 1925 г.р., ЦРФ-Э).

Перед тем как закопают гроб, каждый из участников бросает в могилу по три горсти земли:

«Земельки три горсточку бросают и говорят: “Пусть земля будет пухом”. Все, кто есть на кладбище — все бросают» (Гусенкова М.А., 1918 г.р., рукописный фонд);

«Три горсти земли бросят на крышку гроба и скажут: “Спи спокойно. Пусть тебе земля будет пухом”» (Моисеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1073).

Существовал обычай одаривать после похорон ближайших друзей и родственников покойного. Так, например, женщины часто в свой похоронный узел вкладывают двенадцать носовых платков, чтобы родственники одарили присутствующих на похоронах:

«В смертное двенадцать платков кладут. Вот похоронят и вот ближайшим родственникам, ну или друзьям-подругам раздают, как вроде на память» (Моисеева Н.К., 1921 г.р., рукописный фонд);

«На память нибудь что отдают. Платки там или вещи какие. Двенадцать платков близким отдают, чтоб помнили» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142).

Крест на могиле устанавливали обычно сразу. Ставили его в ногах покойного, полагая, что в день Страшного Суда покойник встанет из могилы лицом к кресту:

«Крест вот сразу ставят. Вот табличку там или что, но чаще крест. Сейчас крест, а ране там звезду или просто табличку. Ставят в ногах покойника, чтоб, значит, он на него смотрел и в Страшный суд к нему встал» (Мясникова М.А., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Сразу после похорон крест ставят. В ногах крест ставят, чтоб на Страшном Суде он на него молился» (Смолина М.П., 1936 г.р., рукописный фонд).

После возвращения с кладбища все садятся за поминальный стол. Полагается поставить на стол стакан с водой, положить кусок подсолненного хлеба и ложку для умершего, душа которого приходит навестить живых. Считается, что вода с хлебом должны стоять сорок дней на божнице или на окне, пока душа умершего окончательно не покинет землю.

«Вот с похорон пришли. И за стол садятся помянуть. Ставят стакан с водой, хлеб на него с солью, и он сначала на столе стоит, а потом сорок дней на боженке. Душа попить приходит» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Поминают покойника. Для него на столе ставят стакан с водой, хлеб кладут, соль, ложку на стол кладут, ну его ложку. Потом этот хлеб и воду ставят на окно, чтоб сорок дней душа приходила и ей было что поесть-попить» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139).

Порядок подачи блюд на поминках был строго регламентирован и, несмотря на ряд нововведений, сохраняется до настоящего времени. Поминальный стол назывался горячим обедом или горячим помином, и, соответственно, большая часть подаваемых блюд были горячими:

«Горячий помин называется. Вот закуска нету, всё больше горячее на стол ставят. Это вот сейчас нарежут всякого, а так-то нет, только горячее ставили» (Трепетова Н.И., 1936 г.р., рукописный фонд);

«Все говорили: горячий обед это. Поминают, значит, горячим, никаких там колбас, сыра, это ничего не ставили. Только картошка, каши, мясо, щи там. Всё горячее» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Первым блюдом на поминальном столе является кутья, политая сытой:

«Перво дело — это кутья. Она сейчас из риса делается, раньше пшеницу брали — риса-то нет. Ее сытой поливали. Это вот мед разведёшь, и вот поливали этим» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075);

«Кутья — это первое блюдо. Раньше пшеницу брали, а сейчас рис и вот медом поливали. И вот каждый должен был по ложке взять» (Рогоськина К.М., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1079).

Затем на стол подавали суп, чаще всего щи. В пост они были грибные, в скоромные дни — с мясом. Иногда вместо щей подавали окрошку (особенно если похороны приходились на летние месяцы):

«Вот кутью подают, потом щи. Если постный день, то щи с грибами варили, если скоромный — мясные. Иногда другой какой суп» (Рябова А.М., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Щи вот подавали или, если летом, окрошку. Суп обязательно какой был» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Следующим блюдом была картошка с мясом, а затем на стол выставляли каши, обычно пшенную и гречневую, а также вареный горох, политый постным маслом:

«Уж после супа картошка с мясом и каши. Чаще гречку и пшёнку варили, а так уж какие есть. Обязательно две каши поставят. А потом уж горох. Варят его так и гороховая каша» (Макеев В.П., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1136).

Затем подавали компот со сладкими пирогами, которые всегда делались закрытыми:

«Уж потом компот и пироги. Пироги сладкими чаще делали. И вот на похороны они закрытые, а так — сладкие пекут, чаще-то открытые, чтоб начинка не текла» (Пилюкина А.А., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1226);

«Потом компот и пироги с ягодой или там с вареньем. Закрытые пироги на похороны делают» (Посулова В.Н., 1959 г.р., рукописный фонд).

Иногда на стол выставляли и пироги с другими начинками (например, с яйцом и луком, с мясом, с рисом, с грибами и т.д.), но и их тоже делали закрытыми:

«На похороны чаще сладкие пироги делают, но бывает, что с грибами, или там с луком, или там с щавелем, но они тоже закрытые, такие уж открытые-то редко делают, разве что с мясом и капустой, ну с картошкой ещё, но на помин закрытые пекут» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075).

Завершал поминки кисель. Перед его подачей на стол все участники поминок вставали и пели «Вечную память»:

«Вот уж последнее блюдо — кисель. Вот если встали и запели “Вечная память”, то уж тут кисель и несут. Кисель это последнее блюдо» (Москвина Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд);

«Последним на помине кисель, овсянный чаще всего варили, а то из ягод. Последним на стол ставят и поют “Вечная память” и потом пьют кисель» (Смолина М.П., 1936 г.р., рукописный фонд).

Почти в каждом рассказе о поминальном столе говорят о том, что раньше на поминках не употребляли водку. Основным напитком был квас, несколько позже на поминальных столах появилось красное вино:

«Водку-то раньше на поминках не пили, только квас или там красное вино, но больше квас, а сейчас водки напьются — и все поминки» (Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075);

«Раньше на поминках квас пили, а водки и в завете не было» (Мясникова Т.А., 1936 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Надо отметить, что в настоящее время поминальный стол после похорон и поминальные столы на девять, двадцать и сорок дней чаще всего не имеют существенных отличий по набору блюд. Однако некоторые исполнители вспомнили, что отличительной чертой поминального стола на девятый день были блины, а главным блюдом сорокового дня был лапшевник, которые заменяли кутью:

«Горячий помин, он и на девятый день такой, и на двадцатый, и на сороковой и на годину. Всё одно. Ну, только вот на девятый блины пекут, а на сороковой лапшевник, а кутью уже не делают, вместо кутьи это» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137);

«Так всё одно, но только на девятый день не кутью делали, а блины» (Сорокина Л.С., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«На сороковины вместо кутьи лапшевник ставили, а так все одно было» (Шишкина М.И., 1925 г.р., рукописный фонд).

Основными поминальными датами были девять, двадцать, сорок дней и година.

«Поминают на девять дней, двадцать, сороковины и годину. А так потом только по годам» (Зеленова К.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1227).

Считалось, что на девятый день душа умершего навсегда оставляет дом:

«Вот на девять дней, говорят, душа из дома уходит, только так вокруг бывает» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд);

«На девятый день душа из дома уходит, не ходит больше по дому» (Шубина А.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1239).

На сороковой день ждали, что покойник постучит в окно и можно будет узнать его судьбу в «ином» мире (Подробнее о являющемся на сороковой день покойнике см. статью Н.Е. Котельниковой «Мифологическая проза». Наст. изд. Т. 2):

«На сороковины если в окно посмотреть в полночь, то душу увидеть можно. Она за окошком либо на санях едет — в рай, или она запряжѐна — в ад, значит. Грешная душа» (Смолина М.П., 1936 г.р., рукописный фонд).

Если люди по каким-либо причинам не могли устроить поминальный стол, то они подавали тайную милостыню. Этот обычай сохранился до настоящего времени. На сороковой день надо тайно положить на крыльцо соседям кусочек хлеба и луковку. Таких милостыней должно быть сорок:

«Вот на сороковины горячий помин устраивают, но бывает, что нет возможности, тогда сорок милыстынек подают. Надо тайно подать. На окошко там или на крыльцо положат сорок милыстынек, луковку там и хлеб, или там картошку. Чтоб тебя никто не увидел, надо было класть» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«На сороковины тайную милостыню на окошке оставляли, лук и хлеб, или картошку с луком. У кого что есть. Сорок штук положат. Утром рано или вечером, чтоб не видели кто» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139).

Как было отмечено, обрядовые действия в рамках похоронного ритуала призваны обезопасить живых людей от покойника. Однако случалось, что по тем или иным причинам покойник появлялся в мире живых. Так, если по покойнику много плачут, то он может прийти, потому что ему на «том» свете неуютно:

«Если по покойнику много плакать, то он приходит. Если по нему плачут, он там в слезах весь, ему там сыро, плохо душе. Приходит и просит не плакать» (Сизова З.Н., 1929 г.р., рукописный фонд);

«Когда по покойнику плачут много, он на том свете весь мокрый. Ещё говорят, он там слезы ведрами таскает и у него работы много. Он тогда приходит и просит, чтоб плакать перестали» (Москвин Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд).

Иногда покойник приходит за забытой вещью:

«Вот ведь у каждого человека любимая вещь есть. Вот иногда покойники за ними приходят. Вот курящие часто за табаком приходят, за очками, кто плохо видит. Вот пришел и говорит: “Дай сигарку-то”. Ну вот отнесли на кладбище. За очками приходил дед, он видел-то плохо, но его похоронили без очков — он пришёл. Детки за игрушками ходят, за конфетами. Вот если беременная померла, то может за пеленками прийти. У нас вот умерла, а вот как срок родить, пришла к мужу-то и просит пеленок, ну уж он полный набор отнес на кладбище» (Венина В.М., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1079).

Такие случаи не считаются опасными для жизни родственников умершего, так как покойник прекращает появляться, как только ликвидирован источник его дискомфорта:

«Если за вещь приходят, то могут долго ходить, но как принесёшь им на кладбище что просят, так уж не ходят» (Шишкина М.И., 1925 г.р., рукописный фонд);

«Ходят и просят, пока не положишь в гроб к следующему покойнику вещь. А как положишь — не ходят уже» (Ларионова М.А., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1227);

«Надо, что просят, в могилу зарыть, и тогда ходить не будут» (Рожкова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1224).

Совершенно иная ситуация возникает, когда женщина (или, значительно реже, мужчина) чрезмерно с точки зрения традиции оплакивает свою утрату. Тогда в образе умершего появляется нечистый дух, избавиться от которого значительно сложнее. От него исходит опасность для живых людей, которых он может «высушить» до смерти (подробнее об этом см. статью Н.Е. Котельниковой «Мифологическая проза». Наст. изд. Т. 2).

Необходимо отметить, что еще одним элементом похоронного ритуала является посещение кладбища в праздники и поминальные дни. В праздничные дни, прежде всего на Рождество, Крещение, Масленицу, Вербное воскресенье, Пасху и Троицу, покойникам приносят на могилы угощение, соответствующее празднику: на Рождество — *колядки*, на Крещение — *крестики*, на Масленицу — *блины*, на Вербное воскресенье — *лесенки*, на Пасху, Троицу — *яйца*, отличительной особенностью которых является цвет — на кладбище носят желтые или зеленые, но никогда не красные яйца. Помимо этого, на Вербное воскресенье и Троицу приносят соответственно ветки вербы и березы:

«Вот на Рождество на могилки ходили. Придёшь, лапник положишь и колядки клали, а сейчас так, конфетки» (Калинина Р.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1139).

«На Крещение ходят и на Масленую. Сейчас уж кто что на могилку кладёт: конфетки, пряники, пирожки, а раньше вот на Крещение крестики носили, а на Масленую — блинок на могилку клали» (Борисова Н.И., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1142);

«Перед Пасхой вот на Вербное ходят, а потом на Пасху. Приходят родню проведать. Приносят на Вербное вот лесенки и вербочку, а на Пасху яйцо. Только вот обязательно желтое должно быть, а не красное. Только сейчас всякие носят. На Троицу вот ещё ходят. Также яйца носят. И березки на Троицу на кладбище носим» (Святова З.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1076).

В поминальные дни, которыми являются воскресенье Фоминой недели (Радужное воскресенье) и Дмитровская или Родительская суббота на кладбище также приносят угощение: соответственно яйца желтого цвета и пироги, которые крошат на могилах. Иногда в эти дни на могилах оставляют стакан воды, закрытый хлебом:

«На Радужное ходят помянуть. Приносят яйца на могилку и крошат. Раньше желтого цвета, говорили, всё носить надо, а сейчас — какие есть» (Москвина Б.Ф., 1929 г.р., рукописный фонд).

«На Радужное и на Родительскую субботу ходят. Поминают на могилах — яйцами поминают» (Деребина А.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1136);

«Дмитровская суббота — самый помин. На кладбище ходят и поминают: кто чем, а вообще надо-то яйцами» (Мясникова Е.М., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1137).

Работники кладбищ говорили о том, что последнее время наблюдается тенденция отмечать дни рождения покойных (хотя в традиционной культуре есть запрет отмечать такие дни) и приносить им на могилу подарки. Особенно это характерно для детских захоронений, но встречается и в других возрастных группах:

«Раньше все говорили, что покойникам дни рождения не отмечают, а сейчас отмечать начали. Подарки на могилы носят, особенно детям. Игрушки всякие. Взрослым тоже бывает. Особенно женщинам. Вот умерла молодая жена, он ей на день рождения цветы носит и подарки» (Посулова В.Н., 1959 г.р., рукописный фонд);

«Покойникам дни рождения не отмечают, а сейчас всё смешалось. Детям всегда на могилки приносят в день рождения подарки, и взрослым бывает, но это редко» (Демина Е.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1226).

Еще одной современной особенностью является установка на могилах новогодних елок и других предметов, связанных с новогодними праздниками (фигурки Деда Мороза и Снегурочки, снеговиков и т.п.):

«До абсурда доходит. Вот ёлку ставят — ладно, украсят её, Дед Мороза ставят — и вот хоть смейся, хоть плачь. У нас тут один чудаков повесил на ограду чулок, ну знаешь, сейчас чулки вешают, чтоб подарки клали, ну вот он такой на ограду и повесил. Уж не знаю, положил ли что, но повесил. Ребёнок у него там. Так-то игрушки кладут под ёлку, а тут чулок повесил» (Мокеева Н.К., 1921 г.р., рукописный фонд);

«Ёлки сейчас почти всегда на могилах устанавливают. На Новый год игрушками наряжают, Деда Мороза ставят, только что лампочек нет» (Посулова В.Н. 1959 г.р., рукописный фонд).

* * *

Как видно из приведенных примеров, похоронный обряд в Муромском крае сохранился в относительно полном виде. Безусловно, в силу разрушения традиции некоторые элементы ритуальной практики исчезли полностью, о некоторых сохранились лишь фрагментарные воспоминания. Однако большинство элементов обряда не только хранятся в памяти наших исполнителей, но и находятся в сфере активного бытования.

Исполнители

Антонов Владимир Николаевич, 1927 г.р., с. Ковардицы (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Антонова Зоя Алексеевна, 1938 г.р., с. Борисово, урож. д. Пестенькино (ЦРФ-Э-1141 Соб. В.Е. Добровольская).

Бесчастнов Борис Иванович, 1935 г.р., с. Панфилово (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Борисова Нина Ивановна, 1919 г.р., д. Малое Юрьево (ЦРФ-Э -1142. Соб. В.Е. Добровольская, С.В.Просина).

Венина Вера Матвеевна, 1935 г.р., д. Степаньково (ЦРФ-Э — 1079 Соб. В.Е. Добровольская).

Гришина Глафира Васильевна, 1931 г.р., д. Петраково (ЦРФ-Э-1075. Соб. В.Е. Добровольская).

Гусенкова Мария Андреевна, 1918 г.р., с. Ковардицы (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Демина Ефросинья Григорьевна, 1919 г.р., д. Вареж (ГРЦРФ, ЦРФ-Э-1226. Соб. В.Е. Добровольская).

Деребина Антонина Герасимовна, 1932 г.р., д. Новое Ратово (ЦРФ-Э-1136. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина).

Епифанова Наталья Дмитриевна, 1921 г.р., д. Новое Ратово (ЦРФ-Э-1136 Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина).

Журкова Мария Ивановна, 1929, с. Натальинка (Рукописный фонд. Соб. Е.В. Гудзенко, Е.М. Королева).

Зеленова Клавдия Павловна, 1925 г.р., с. Якиманская Слобода (ЦРФ-Э-1227 Соб. В.Е. Добровольская).

Ивлева Тамара Петровна, 1935 г.р., д. Петраково (ЦРФ-Э-1074, Соб. В.Е. Добровольская).

Калинина Раиса Максимовна, 1925 г.р., с. Лазаревское (ЦРФ-Э-1139. Соб. В.Е. Добровольская).

Касатова Мария Ивановна, 1926 г.р., с. Ковардицы (ЦРФ-Э-1224 Соб. В.Е. Добровольская).

Ларионова Мария Алексеевна, 1924 г.р., с. Якиманская Слобода (ЦРФ-Э-1227, Соб. В.Е. Добровольская).

Макеев Виктор Петрович, 1938 г.р., д. Новое Ратово, урж. д. Межищи (ЦРФ-Э-1136. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина).

Медведева Нина Павловна, 1946 г.р., с. Лазаревское (ЦРФ-Э-1140. Соб. В.Е. Добровольская).

Моисеева Антонина Ивановна, 1920 г.р., д. Петраково (ЦРФ-Э-1073. Соб. В.Е. Добровольская).

Мокиева Наталья Константиновна, 1950 г.р., г. Муром (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Москвин Борис Федорович, 1929 г.р., с. Панфилово (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Москвина Мария Федоровна, 1921 г.р., с. Ковардицы (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Мясникова Евдокия Максимовна, 1919 г.р., д. Новое Ратово (ЦРФ-Э-1137. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина).

Мясникова Мария Андреевна, 1926 г.р., д. Новое Ратово, урж. с. Благовещенское. (ЦРФ-Э-1136. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина).

Мясникова Тамара Алексеевна, 1936 г.р., д. Новое Ратово, ур. д. Кулаки (ЦРФ-Э-1137. Соб. В.Е. Добровольская).

Нестерова Анна Титовна, 1925 г.р., д. Степаньково (ЦРФ-Э-1226. Соб. В.Е. Добровольская).

Пилюкина Антонина Александровна, 1937 г.р., с. Лазаревское (ЦРФ-Э-1140. Соб. В.Е. Добровольская).

Посулова Валентина Николаевна, 1959 г.р., с. Ковардицы (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Рябова Александра Михайловна, 1938 г.р., д. Новое Ратово, урж. д. Князево (ЦРФ-Э-1137. Соб. В.Е. Добровольская).

Рыбакова Анисья Яковлевна, 1918 г.р., с. Ковардицы (с 1941г), урж. д. Паново (Меленковский р-н) (Рукописный фонд, Соб. В.Е. Добровольская).

Рогоськина Клавдия Матвеевна, 1929 г.р., д. Степаньково (ЦРФ-Э-1079. Соб. В.Е. Добровольская).

Рожкова Нина Петровна, 1923 г.р., с. Ковардицы (ЦРФ-Э-1224. Соб. В.Е. Добровольская).

Святова Зинаида Васильевна, 1931 г.р., д. Петраково (ЦРФ-Э-1076. Соб. В.Е. Добровольская).

Сизова Зинаида Николаевна, 1929 г.р., с. Панфилово (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Сорокина Лидия Сергеевна, 1939 г.р., с. Панфилово (ЦРФ-Э-1136. Соб. В.Е. Добровольская).

Смолина Мария Петровна, 1936 г.р., с. Панфилово (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

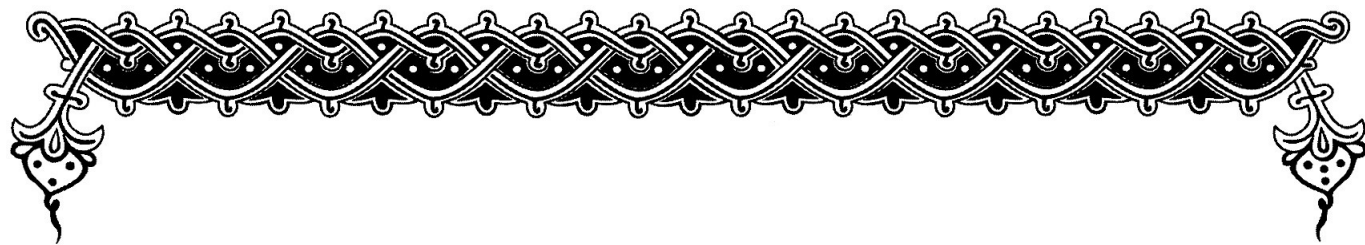
Трепетова Нина Ивановна, 1938, г. Муром (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Фокичева Елизаветта Васильевна, 1924 г.р., с. Панфилово (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская)

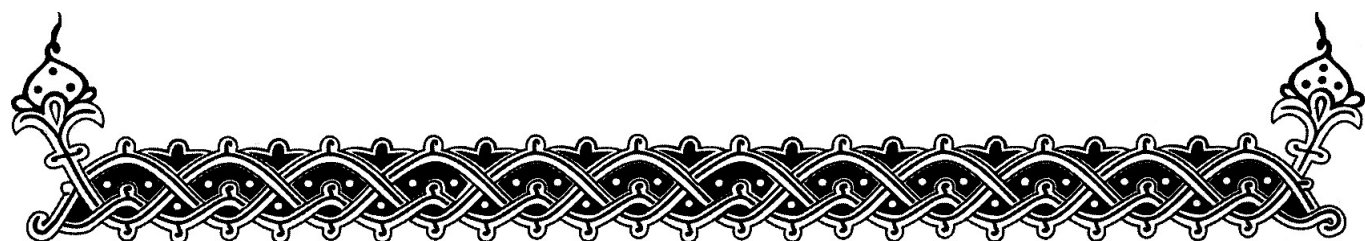
Шубина Анна Ивановна 1918 г.р., д. Пестенькино (ЦРФ-Э-1239. Соб. В.Е. Добровольская)

Шеронова Валентина Яковлевна, 1932, с. Ковардицы (Рукописный фонд. Соб. В.Е. Добровольская).

Шишкина Мария Ивановна, 1925 г.р., д. Волнино (Рукописный фонд. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва).

Традиционная поэзия

Необрядовая лирика

Составитель

И.Е. ПОСОХА

171

Религиозная поэзия

Составитель и автор статьи

Л.В. ФАДЕЕВА

335

Необрядовая лирика

ХОРОВОДНЫЕ И ПЛЯСОВЫЕ ПЕСНИ

1.

Хоровод-то водят, а один ходит вдоль хоровода, парень холостой. Он ходит вдоль хоровода, помимо хоровода. И вот допевают до этого места песню, хоровод расцепляется, и он заходит в хоровод¹:

По той травке, шелковой муравке
Донской казачок удалой,
Он гулял, всё погуливал,
Он невесту себе выбирал.

Вот он идёт по кругу, взойдёт в круг, идёт себе невесту выбирать. Это всё с игры-ми было. Выбирает невесту, вот которая девчонка ему подходит, вот этой девчонке он запекает:

— Анютушка, моя душечка,
Пойдем замуж за меня.

И выводит её в круг, и она ему запекает:

— Пойду, схожу к соседушкам,
Спрошу, парень, про тебя.

И вот она поворачивается к кругу и запекает:

— Вы, соседи, люди добрые, каков этот человек?

А ей отвечают:

— Он пьяница, да еще буяница,
Картёжный он игрок.

И она уходит от них, благодарит их. Подходит к нему и запекает:

— Соседушки мне расхаяли,
Не иду, парень, за тебя.

И уходит от него на свое место. А он ей в запятки поет:

— Не пойдёшь, Анка, покаешься,
Помянешь ты меня.

Они длинные, эти песенки, а я вот их забыла...

¹ Курсивом выделены комментарии исполнителя.

2.

Утушка, утушка, где ж ты была,
Где ж ты ночевала, где ты побывала,
Где ж ты тёмную ночь ночевала?
Ой, люли, люли, ночевала...
Первую ночку, ночку в лесочке,
Под ракитовым кусточком.
Там шли ...двое молодые,
У них было, было по ножечку,
Они срезали себе пруточки,
Они сделали себе гудочки.
Ой, гудочки, вы не гудите,
Тятку с мамкой моего не будите.
Тятка с мамкой спят с похмелья,
С большого перепою...

Это не вся, она длинная...

3.

Уж я сеяла, сеяла ленок.
Уж я сеяла, сеяла ленок.
Приговаривала,
Чеботами приколачивала.
Ты удайся, удайся ленок,
Ты удайся ленок беленький.

4.

Во поле берёзка стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Некому берёзу заломати,
Некому кудряву заклепати.
Пойду схожу я во полюшко,
Берёзоньку поломаю,
Кудрявую пощипаю...

5.

Посею лебеду на берегу,
Посею лебеду на берегу.
Свою крупную рассадушку,
Свою крупную рассадушку зеленую.
Погорела лебеда без дождя,
Погорела лебеда без дождя.
Моя крупная рассадушка,
Моя крупная, зеленая.
Пошлю я казака по воду,
Пошлю я казака по воду.
Ни воды нет, ни казаченьки,
Ни воды нет, ни казаченьки.
Как бы мне бы млада ворона коня,
Как бы мне бы млада ворона коня.
Я бы вольная казачка была,
Я бы вольная, молоденькая.
Скакала бы, плясала по лугам,

Скакала бы, плясала по лугам.
По зелененьким дубравушкам,
По зелененьким дубравушкам.
Вы куда, куда ребятушки,
Взяли Ваню во солдатушки.

6.

Ой, вы, сени, мои сени, сени новые мои,
Сени новые, кленовые, решётчатые.
Решётчатые, новоклетчатые.
Мне по этим-то, по сеням не хаживать,
Мне мила дружка за ручку не важивать...

7.

Когда была молода,
Отдали замуж смолоду,
Отдали замуж смолоду
За седую бороду.
Ой, калинка, ой малинка,
За седую бороду.

А седая борода
Не пускала никуда.
Ой, калинка, ой малинка
Не пускала никуда.

Возьму вёдра, коромысло
Пойду по воду с собой.
Ой, калинка, ой малинка
Пойду по воду с собой.

Пойду по воду,
Возьму бороду с собой.
Ой, калинка, ой малинка
Возьму бороду с собой.

Возьму бороду с собой,
Суну в прорубь головой.
Ой, калинка, ой малинка,
Суну в прорубь головой.

Суну в прорубь головой.
Оставайся, чёрт с тобой!
Ой, калинка, ой малинка,
Оставайся, чёрт с тобой.

Это веселая. Вот надо, а то мы все это.

8.

Меня маменька плясавши родила,
А баушка со похмелья повила.
Повивала — приговаривала:
«Ты родись, дочка, догадливая,
Чернобровая, талантливая!»

БАЛЛАДЫ

9.

Зимушка-зима холодна была,
Эх, холодна-студёна, морозливая,
Холодна-студёна, морозливая.
Эх, зимушка-зима, да не морозь меня,
Зимушка-зима, да не морозь меня.
Эх, не морозь меня, да горьку пьяницу,
Меня молодца, горьку пьяницу.
Как жена с мужем да не в ладу она жила,
Эх, не в ладу жила да свою жизнь она кляла.
Распроклята жизнь да с чужим мужем жить,
Эх, с чужим мужем жить да своего бросить не любить.
В зелёном садочке я его подвесила,
Подвесивши мужа пришла ко двору,
Пришла ко двору — села на скамью,
На скамейку села — горько плакала,
Горько плакала, свою жизнь она кляла.
Распроклята жизнь с чужим мужем жить, своа не любить.

10.

Зимушка-зима холодна была.
Холодна, студёна, морозливая.
Не морозь меня, меня, молодца.
Меня, молодца — горьку пьяницу...
Как жена с мужем не в ладу жила.
Не в ладу жила, не в согласии.
В зелёном садочке я мужа повесила.
Повесимши мужа, пришла ко двору.
Села на скамью, слёзно плакала.
Слезно плакала, свою жизнь кляла.
Несчастно быть: с чужим мужем жить.
С чужим мужем жить, своего не любить.
Пойду в зелен сад своего мужа звать.
Ты пойдем со мной на широкий двор.
Вкусных яблочков, чай, накушался.
Вольных пташечков, чай, наслушался...

11.

Зимушка-зима, холодна зима была.
Эх, холодная была зима, морозливая.
Эх, как с мужем жила жена,
Ой, не в ладу жила.
Как с мужем жена эх, не в ладу жила.
Как с мужем жена эх, не в ладу жила.
Эх, не в ладу жила: отдала мужа жена.
В зимнем саду мужа повесила,
Эх, повесила же мужа, пришла ко двору,
Пришла ко двору, села на скамью,
Села на скамье, эх, горько плакала она.
А горько плакала она:

«С чужим мужем жить, с чужим мужем жить,
Добра не нажить, добра не нажить.
Эх, подлянкой быть, век подлянкой быть».
Пойду в зимний сад, пойду в зимний сад.
Пойду мужа звать: «Пойдём, муж, домой
Пойдём, голубчик мой.
Сейчас накушался сочных яблочек,
Сейчас накушался сочных яблочек,
Вольных пташечек».

ПРОТЯЖНЫЕ И ЧАСТЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

12.

Кукушка с соловьем разговаривали.
Полетим, кукушка, в Казань-город жить.
Полетим, кукушка, в Казань-город жить,
В Казань-город славный на горе.
Казань стоит на горе,
На горе Казань стоит.
Эх, вдоль Казани реченька, ой, она протекла.
Вдоль Казани речка, ох, протекла.
Ох, с соловьем кукушка нахватаем гнездышко
И выведем кукушка тебе кукузеночка, а мне соловья.

13.

Ой, да ты, калинушка, размалинушка.
Ой, да ты не стой, не стой на горе крутой.
Ой, да не спускаюсь я во сине море.
Ой, да по синю морю корабль плывёт.
Ой, да корабль плывёт, лишь волна ревёт.
Ой, да генерал-майор Богу молится.
Ой, да рядовой солдат домой просится.
Ой, да, генерал-майор, отпусти домой.
Отпусти меня домой к отцу с матерью,
К молодой жене, к младым детушкам.

14.

Вот старая песня, мать у меня пела её.

Ох, поля, вы поля, вы российские поля,
А на тех-то полях дуб высокий стоит.
А под дубом-то тем воин битый лежит,
Он не бит и не убит, только раненый.
Голова у него вся простреленная,
А <грудь> у него вся просечена:
«Ах ты, конь, ты мой конь, конь, товарищ родной,
А скажи ты мой конь всею рысью домой.
И скажи ты, мой конь, что женатый хожу,
Оженила меня пуля быстрая,
А мне свахой была сабля острая».

15.

Ой, калина, да калинушка, рано расцвела,
Эх, рано меня маманька замуж отдала.
Рассержусь я на маменьку годика да на два,
Эх, через годик к маменьке скоро прилечу.
В эту тёмную ноченьку мама не спала:
Она ходила да по комнате деток будила:
«Встаньте, встаньте, детоньки, слушать соловья,
Эх, не моя ли доченька в гости к нам да пришла?
Не моя ли доченька в гости к нам да пришла?
Эх, не своё ли горенко к маме принесла?».

16.

Ох, сизмалёшенька девка хороша,
Ох, и уродилась она хороша.
Ой, да брови черные,
Ой, да лицо, лицо белое.
Эх, да развесёлые её глаза.
Эх, да веселёхонько девка взглянула.
Эх, да пригласила к себе молодца.
Эх, да пригласила она, приласкала.
Эх, да оставляла дружка ночевать.
Эх, да оставляла дружка ночевать.
«Эх, да ты ночуй, ночуй, мой ненаглядный,
Эх, ночуй одну ночку у меня». —
«А я рад бы, рад бы ночевать да
Эх, боюсь света не проспать». —
«Эх, не бойся, милый,
Эх, я сама раньше тебя встаю.
Эх, я раньше, милый, встану,
Эх, да подольше тебя провожу.
Эх, да подольше тебя провожу,
А в тех местах кусточек,
Где, где кончалась наша любовь».

17.

Ой, да ранёшенько девка родилась,
Уродилась она хороша.
Да лицом бела, брови её черны,
Развесёлые её глаза.
Да развесёлые её глаза,
Да веселёшенька девка глянула,
Прилестила к себе молодца.
Ой, прилестила она, приласкала,
Да уж <...> с собой ночёвать.
Да ты ночуй, ночуй, мой расхороший,
Ночуй ночку одну у меня.
Да ночуй ночку одну у меня.
Да раз бы, я раз бы уж ночёвал,
Боюсь, до свету бы не проспать.
Да ты не бойся, милай, не опасайся,
Я сама раньше тебя встаю,
Да я пораньше тебя, милай, встану,

Я подальше тебя провожу,
Да я до тех, миленькой мой, далеко
До зелёного, милой, лужка.
Да на зелёным, милой, лужочке
Пастушок, ох, стаду пасёт.

Вот тебе песня ещё одна. Да нету голоса-то. Я больно хрипла неделю-то. Не выговаривала ничё. А щас-то голос — я ведь чувствую — что он дрябучий. То он звонкой, а то он дрябит. Дрожит всё. Дрожит всё.

18.

Размальчишечка, раскрасавица,
Он склонил буйну головушку.
Ой, на правую на сторонушку.
Ой, на правую и на левую.
На мою на грудь, на грудь белую.
На груди парень лежал — тяжело вздыхал.
Он последний раз сказал: «Прощай.
Ты прощай, прощай, раскрасавица,
Красота мне твоя очень нравится.
Но любовь наша разлучается.
И нигде она не встречается».

19.

<Никогда такого> не бывало,
Ой, я в темную ночь мало спала.
Ух, я в темную ночь мало спала,
Ой, у тесовой кровати простояла.
У тесовой кровати простояла,
Плисом-бархатом накрывала.
Ох, я ждала-ждала, милого поджидала.
Я ждала-ждала, милого поджидала.
Ой, насилу его дождалася.
Я насилу его дождалася.
.....
Ой, как коса ему на шею бросилася.
Ой, как коса ему на шею бросилася,
Бросилася, бросилася я иному.
Бросилася, бросилася я иному —
Ой, своему дружку размилому.
Своему дружку размилому,
Ох, размилому, размилому, я иному.
Размилому, размилому, я иному,
Ой, со которым во девушках водила.
Со которым во девушках водила,
Всех я водилась, я водилась, не бранила.
Золотым его колечком дарила,
Ох, не за то меня маменька бранила.
Не за то ли меня маменька бранила.
— Ой, полно, маменька, я не буду.
Полно, маменька, я не буду,
Эх, я не буду, я не буду, я не стану.
Я не буду, я не буду, я не стану,
От мила дружка не отстану.

От мила дружка не отстану,
Ох, не забуду, не забуду, любить буду.
Не забуду, не забуду, любить буду.
Ох, я из горенки во горенку водила.
Я из горенки во горенку водила,
Ох, я ко шкафчику подходила.
Ой, я из шкафчика графинчик вынимала,
Ой, из графина в стакан водки наливала.
Из графина в стакан водки наливала,
Ой, я кого верно любила, подносила.
Я кого верно любила, подносила:
— На-ка, выпей-ка, друг размилый,
На-ка, выпей-ка, друг размилый.
Ох, на меня, на красну девку, не надейся.
На меня, на красну девку, не надейся:
Уж я девушка сговорена.
Уж я девушка сговорена,
Ой, сговорена, сговорена, снаряжена.
Сговорена, сговорена, снаряжена,
Ой, сговорил меня батюшка замуж.
Сговорил меня батюшка замуж,
Эх, и просватала маменька родима.
Запросватала меня маменька родима,
Ой, за такого, за сякого — за невежу.
За такого, за сякого — за невежу,
Эх, за невежу, за каналью.
За невежу, за невежу, за каналью,
Ох, не тобою ль мне, каналька, владати,
Не тобою ль мне каналька владати,
Эх, расцыпайте, расцыпайте мне иному,
Расцыпайте, расцыпайте мне иному,
Эх, своему дружку размилому,
Своему дружку размилому.

20.

По лету, по лету, летнею порою,
Когда мы гуляли, миленький, с тобою.
В саду канарейка громко распевала,
Голосочек нежный так и раздается.
Это, наверно, Маша с милым расстаётся.
Расставалась Маша до самой полночи
Говорила Маша потайные речи.
Куда, милый, едешь, куда уезжаешь,
На кого ты, милый, меня оставляешь.
Оставляю на людей, на Бога,
Нас на свете много.
Не стой передо мною,
А то скажут, что мы муж с женою.
Пускай люди бают, а я не боюсь,
Кого я любила, с тем и расстаюсь.

*Это у нас она вот когда хочешь, да. Это песня-то нашей бабушки. Щас не поют.
И мама-то вот наша пела.*

21.

Как по лету, лету, летнею порою
Вспомни, как гуляли с тобою.
В саду канарейка громко распевала,
Голосок унылой так и раздаётся.

Голос рябит.

Голосок унылый так и раздаётся,
Это, верно, милой с Кланей расстается.
Это, верно, милой с Кланей расстается,
Расставался с милой до самой полночи.
Расставался с милой до самой полночи.
Говорила Кланы потайные речи.
Говорил мне милый потайные речи,
Куда, милой, едешь, куда уязжаешь,
Куда, милой, едешь, куда уязжаешь,
На кого ты, милой, меня спокидаешь?
На кого ж ты, милый, меня спокидаешь?
Спокидаю я те, я на людей, на Бога.
Спокидаю я те, я на людей, на Бога,
На людей, на Бога. Мне пути, дорога.
А мне путь-дорога, не стой передо мною,
Не стой передо мною, не обливай слезою.
Не стой передо мною, не обливай слезою,
А то люди скажут, что я жил с тобою.

Рябит.

А то люди скажут, что я жил с тобою.
Пускай люди скажут, а я не боюсь.
Пускай люди скажут, но я не боюсь,
Назад ворочуся и на тебе женюсь.

Всё.

22.

Уж ты сад, ты мой сад, сад зелененький,
Ты зачем рано цветешь, осыпашься?
Ты зачем рано цветешь, осыпашься?
Ты далеко ль, милый мой, собираешься?
Ты далеко ль, милый мой, собираешься?
Ты со всеми, милый мой, распрощаешься.
Ты со всеми, милый мой, распрощаешься.
А со мною молодой, все ругаешься.
А со мною молодой, все ругаешься.
Не ругайся, не брани, скажи: «Милая, прощай».
Не ругайся, не брани, скажи: «Милая, прощай».
Ты прощай-ка, распрощай, раскрасавица.
Ты прощай-ка, распрощай, раскрасавица.
Красота-то мне твоя всё не нравится.
Красота-то мне твоя всё не нравится.
Тут летела пава через синие моря.
Тут летела пава через синие моря.
Уронила пава с крыла перышко.
Уронила пава с крыла перышко.
Мне не жалко пера, жалко крылышка.
Мне не жалко пера, жалко крылышка.

Мне не жалко мать, отца, а жалко молодца.
Мне не жалко мать, отца, а жалко молодца.
Без отца я проживу и без матери.
Без отца я проживу и без матери.
А без милого дружка берет грусть меня, тоска.

23.

Эх, в Таганроге, да эх, в Таганроге,
Да в Таганроге случилась беда,
Да в Таганроге случилась беда,
Там убили молодого казака.
Эх, да хоронили, эх, да хоронили,
Хоронили при широкой долине.
Эх, там летели, эх, там летели,
Там летели два ясных сокола,
Там летели два ясных сокола,
Эх, сели, пали, эх, сели, пали,
Эх, сели, пали у вдовушки на дворе.
Крылышками развели...
Голосами вдовушек...
— Встань, проснись, молода...
Послушай, чего люди говорят.
Люди вдовушек ругают...
Эх, детей малых, эх, детей малых,
Детей малых по соседям развела.
Эх, вы соседи, эх, вы соседи,
Вы соседи, люди верные мои,
Вы соседи, люди верные мои,
Эх, приютите, эх, приютите
Приютите детей малых моих,
Приютите детей малых моих.

24.

В Таганроге-селе там случилась беда.
Там летели, там летели три ясные сокола.
Там летели, сели-пали ... во дворе,
Голосами... вдова-шельма...
Сели-пали, крылышками размели ...
Детей малых, детей малых по соседям разнесла.
— Вы соседы, вы соседы, шабри... добрые мои,
Сберегите детей малых,
Не пускайте их на улицу гулять.
Там на улице стоит кузница,
В кузнице молодые кузнецы,
Они куют и наваривают,
Сидят, Дуне приговаривают:
«Пойдём, Дуня, пойдём Дуня,
С нами в сад погулять,
Сольем Дуня, сольём Дуня,
Трое золота ключей».
«Мне не надо трое золота ключей,
Только надо...
Стара мужа застрелю, а молодого...»

25.

Ах, вспомни, милка дорогая,
Как начал я с тобой гулять.
Вошёл в деревню, кругом тихо,
Кругом ночная тишина.
Наверно, шёл сюда напрасно,
Наверно, спать она легла.
Наверно, шёл сюда напрасно,
Наверно, спать она легла.
С её я домиком сравнился,
Стоит милая у окна.
Стоит она и умоляет:
«Пусти, папаша, погулять».
Стоит она и умоляет:
«Пусти, папаша, погулять».
«Ступай, гуляй, дочка недолго,
Я дверь не стану запирасть».
Я видел, как она прижалась,
А слезы капали на грудь.
И вдруг тут скрипнула калитка,
Выходит милая моя.
Выходит милка, невесёла,
И даже руку не даёт.
Выходит милка, невесёла,
И даже руку не даёт.
— А что ж ты, милка, невесела
И даже руку не даешь?
— Ах, как мне, милый, веселиться,
Когда я кончила гулять?
Ах, как мне, милый, веселиться,
Когда я кончила гулять?
— Тогда позволь мне, дорогая,
К груди мне нежную прижать.
Ещё позволь мне, дорогая,
В последний раз поцеловать.

26.

Из прогона ветер дует, кошелёк пустой гремит,
А мой милый не робеет, за решёткой сидит.
Он сидит и горько плачет, сам с собою говорит:
«Тело грязно, ноги босы, рубашонка как смола.
Тело грязно, ноги босы, рубашонка как смола.
Разнесчастная девчонка, до чего ж ты довела!
Довела меня, девчонка, до позора, до стыда,
До какого до позора, до тюремного замка.
Возьму карты, погадаю, развеселю я сам себя,
Возьму карты, погадаю, развеселю я сам себя,
Карты правду мне сказали: не любит милая меня.
Карты правду мне сказали: не любит милая меня.
И не любит и не надо, за что же я её люблю?
И не любит и не надо, за что же я её люблю?
Ты слетай-ка, чёрный ворон, на родную сторону.

Ты слетай-ка, чёрный ворон, на родную сторону.
Передай милке записку и горячий поцелуй.
Передай милке записку и горячий поцелуй.
И скажи, что я страдаю в тюремной камере сырой.
И скажи, что я страдаю в тюремной камере сырой.

27.

Из прогона ветер дует, кошелёк пустой гремит,
А мой милой не робеет, эх, за бутылочкой сидит.
А мой милой не робеет, эх, за бутылочкой² сидит.
Он сидит и горько плачет, сам с собою говорит.
Он сидит и горько плачет, сам с собою говорит:
«Тело грязно, ноги босы, рубашонка как смола.
Тело грязно, ноги босы, рубашонка как смола.
Разнесчастливая девчонка, до чего ж ты довела!
Разнесчастливая девчонка, до чего ж ты довела!
Довела меня девчонка до позору, до стыда.
Довела меня девчонка до позору, до стыда.
До такого до позору — до тюремного замка.
До такого до позору — до тюремного замка.
Возьму карты, погадаю, развесёлю я сам себя!
Возьму карты, погадаю, развесёлю я сам себя!
Карты правду мне сказали: не любит милая меня.
Карты правду мне сказали: не любит милая меня.
Она не любит и не надо. За что же я её люблю?
Пусть не любит и не надо. За что же я её люблю?
А ты слетай-ка, чёрной ворон, на чужую сторону,
А ты слетай-ка, чёрной ворон, на чужую сторону,
Передай милке почтение и заочный поцелуй
Передай милке почтение и заочный поцелуй.
И скажи, что я страдаю в холодной камере сырой,
И скажи, что я страдаю в холодной камере сырой,
Час на час я ожидаю, не придёт ли кто родной.
Час на час я ожидаю, не придёт ли кто родной.
Родные все меня забыли, забыли, бросили меня.
Родные все меня забыли, забыли, бросили меня.
Как будто не жил я на свете, не любит милая меня.
Как будто не жил я на свете, не любит милая меня».

28.

Уж ты день ты мой денёчек,
День — весёленький часочек,
Проходи, денёк, скорее,
Наступай, ночь, потемнее!
Мне сегодняшний день — скука,
Со милым дружкой разлука.
Разлучает нас неволя,
Нас неволя, неохота,
Чужедальняя сторонка,
Петербургская дорожка.
Сколько раз по ней ходила,
Сколько слёз я проливала,

² Анна Васильевна Сельцова одновременно поет: «за девчоночкой...».

Во слезах письма писала.
Мои письма не доходят,
Слуги верны не доносят.
Слуги верные — злодеи,
Разлучить с милым хотели.
Нас тогда с милым разлучут,
Когда в гроб меня положут,
Гробовой доской закроют,
Песком желтым засыпят.
Зарастай, моя дорожка,
Травую-моравую.

29.

Уж ты день ты мой, денёчек,
День весёленький часочек,
Проходи, денёк, скорей,
Проходи, денёк, скорей,
Наступай, ночь, темней,
Наступай, ночь, темней.
Мне сегодняшней день — скука,
Мне сегодняшней день — скука,
Со милым дружкой разлука,
Со милым дружкой разлука.
Разлучает нас неволя,
Разлучает нас неволя,
Чужедальная сторонка,
Чужедальная сторонка.
Петербургская дорожка,
Петербургская дорожка,
Сколько раз по ней ходила.
Сколько раз по ней ходила.
Сколько слёз я проливала,
Сколько слёз я проливала,
Во слезах письма писала,
Во слезах письма писала.
Мои письма не доходят,
Мои письма не доходят,
Слуги верны не доносят,
Слуги верны не доносят.
Слуги верные злодеи,
Слуги верные злодеи,
Разлучить с милым хотели,
Разлучить с милым хотели.
Нас тогда с милым разлучут,
Нас тогда с милым разлучут,
Когда в гроб меня положут,
Когда в гроб меня положут.
Гробовой доской закроют,
Гробовой доской закроют,
На могилку мне положут,
На могилку мне положут
Белый камушек тяжелый,
Белый камушек тяжелый.

30.

Молодой чумачок, чего загрустился?
Тятка с мамкой помер, а я не жанился!
Тятка с мамкой помер, а я не жанился!
А я не жанился, без доли родился,
А я не жанился, без доли родился.
— Пойдем, чумак, с горя во чистая поля!
Пойдем, чумак, с горя во чистая поля!
Во чистая поля искать себе долю,
Во чистая поля искать себе долю.
Не нашёл я долю — нашёл рыбу ловлю,
Не нашёл я долю — нашёл рыбу ловлю.
Вы, рыбаки-ловцы, добрые молодцы,
Вы, рыбаки-ловцы, добрые молодцы,
Вы раскиньте сети во быстрыя реки!
Вы раскиньте сети во быстрыя реки
И поймайте долю парню молодому!
И вспоймайте долю парню молодому!
Не поймали долю, а вспоймали щуку,
Не вспоймали долю, а поймали щуку.
Поймали другую — выбирай любую!
Чем же я, ох, братцы, чем я провинился?
Ай, в престольный праздник Богу не молился?
Ай, в престольный праздник Богу не молился?
Дали мне избёнку — дождик проливает,
Дали мне избёнку — дождик проливает,
Дали мне женёнку — чуть не помирает,
Дали мне женёнку — чуть не помирает.
А где я не сяду — везде меня мочит,
А где я не сяду — везде меня мочит,
А где я не лягу — везде проливает.

31.

Уж ты воля, моя воля, воля молодая,
Развесёла моя воля, я же холостая,
Развесёла моя воля, я же холостая.
Хорошо на свете жить, любовью шутити,
Хорошо на свете жить, любовью шутити.
Не сама я заразила, заразили очи,
Не сама я заразила, заразили очи.
Развеселю мои очи, гуляй до полночи,
Развеселю мои очи, гуляй до полночи.
До полуночи гуляла, до второго часу,
До полуночи гуляла, до второго часу.
Два часа ночи пробило, а я приуныла,
Два часа ночи пробило, а я приуныла.
Приуныла, призаснула, друга вспомянула,
Приуныла, призаснула, друга вспомянула.
Ты не смейся, дрянь-мальчишка, сам ты неженатый,
Ты не смейся, дрянь-мальчишка, сам ты неженатый.
Сам ты, мальчик, неженатый, простой кудреватый.

32.

Я по сенюшкам ходила,
Я по сенюшкам ходила,
Своего дружка манила,
Своего дружка манила,
Ты вставай-ка, друг-хозяин,
Ты вставай-ка, друг-хозяин,
У ворот-то стоят гости.
У ворот-то стоят гости.
Эти гости не простые,
Все братья мои родные
Все братья мои родные.
Мои братья, твои шурья.
Мои братья, твои шурья.
Уж жена-то заводила,
До дому проводила.
Вы ступайте, мои братья,
Вы ступайте, мои братья,
Передайте по поклону,
А батюшке по другому,
Зачем дал замуж за такого,
За пьяницу коренного.

33.

Ой, ты кум ты мой, куманёчек,
Пойдём сходим в городочек,
В городочек, в городок, в городочек.
Купим там топорочек,
Срубим белую берёзу,
Мы берёзу, мы берёзу, мы кудряву.

Это вот молодым пели.

Чтобы Дуня не угорела,
Головушка бы не болела,
Не болела, не болела, не болела.
Как у Дуни муж гуляка,
Муж гуляка, муж гуляка, запивака.
Приходил поздно — не рано,
Приносил добра немало.
Он немало, он немало — три кармана.
Первый карман со изюмом,
Со изюмом, со изюмом, со изюмом.
Второй карман — с орехами,
С орехами, с орехами, с орехами.
Третий карман — со деньгами,
Со деньгами, со деньгами, со деньгами.
Со изюмом — очень тошно,
Очень тошно, очень тошно, очень тошно.
С орехами — зубы больно,
Зубы больно, зубы больно, зубы больно.
На денежки — гулять можно,
Гулять можно, гулять можно, гулять можно.

Их много: «Уточка луговая...», «Пошли девки на работу...» — но это уж маленько она... с хулиганством.

34.

— Марусенька, дороженька,
Расскажи-ка ты мне всё хорошенько,
Расскажи-ка ты мне всё хорошенько:

А кто были у тебя мои гости без меня?
А кто были у тебя мои гости без меня?

— Офицер был с Сахалина, а майор был из Берлина,
А солдатик рядовой с Белоруссии родной!
А солдатик рядовой с Белоруссии родной!

— Марусенька, дороженька,
Расскажи-ка ты мне всё хорошенько,
Расскажи-ка ты мне всё хорошенько:

А что пили у тебя мои гости без меня?
А что пили у тебя мои гости без меня?

— Офицер пил самогонку, а майор пил русску водку,
А солдатик рядовой пил «Столичную» со мной!
А солдатик рядовой пил «Столичную» со мной!

— Марусенька, дороженька,
Расскажи-ка ты мне всё хорошенько,
Расскажи-ка ты мне всё хорошенько:

А где спали у тебя мои гости без меня?
А где спали у тебя мои гости без меня?

— Офицер спал на сеновале, а майор спал на диване,
А солдатик рядовой спал на коечке со мной!

35.

Я у барина служила,
Три с полтиной получила,
Праздник дождалася,
Гулять собралася.

Ой, да на мне сарафан новый,
Подвязала шаль тернову.
Вышла за ворота,
Погулять охота.

Тут прошла я по базару,
Тут же встретила Назара,
Я давно с ним зналась,
Но не целовалась.

Пригласил чайку напиться,
«У тебя, слышь, не годится», —
«А на кухне можно
Чай пить осторожно».

Чай мы пили, пирог ели,
А потом мы захотели
С ним поцеловаться,
Чтобы не ругаться.

На столе пусты бутылки.
И платок мой на зытылке,
Сарафан помятый.
Ах, ты шут гудлатый.

36.

Пошли девки на работу,
Пошли девки на работу.
На работу, кума, на работу.
На работу, кума, на работу.

На работе припотели,
На работе припотели,
Припотели, кума, припотели.
Припотели, кума, припотели.

Покупаться захотели,
Покупаться захотели.
Захотели, кума, захотели.
Захотели, кума, захотели.

Поснимали рубашонки,
Поспускались во речонку,
Во речонку, кума, во речонку.
Во речонку, кума, во речонку.

К ним подкрался вор Игнашка,
К ним подкрался вор Игнашка,
Вор Игнашка, кума, вор Игнашка.
Вор Игнашка, кума, вор Игнашка.

Забрал девичьи рубашки,
Забрал девичьи рубашки,
Рубашонки, кума, рубашонки.
Рубашонки, кума, рубашонки.

Одна девка всех смелее
За Игнашкой погналася.
Погналася, кума, погналася,
Погналася, кума, погналася.

У Игнашки поднялася,
У Игнашки поднялася.
Поднялася, кума, поднялася.
Поднялася, кума, поднялася.

— Ой, ты девка, Василиса,
Ты немного постыдися,

Постыдися, кума, постыдися,
Постыдися, кума, постыдися!

Ты закрой свою хавронью
Своей белою ладонью,
Ладонь, кума, ладонью,
Ладонь, кума, ладонью!

А ладони не хватало,
Закрывала чем попало,
Чем попало, кума, чем попало,
Чем попало, кума, чем попало.

Ой, ты девка, Василиса,
Ты немного постыдися
Постыдися, кума, постыдися,
Постыдися, кума, постыдися!

Ты обрей свою хавронью
И снеси на шерстобойню,
Шерстобойню, кума, шерстобойню,
Шерстобойню, кума, шерстобойню!

Ты избеи её мякенько,
Упряди её тоненько,
Тоненько, кума, тоненько,
Тоненько, кума, тоненько,

Ты свяжи мужу перчатки,
Ты свяжи мужу перчатки,
Перчатки, кума, перчатки
Перчатки, кума, перчатки.

По базару муж гуляет,
На перчаточки взирает,
Взирает, кума, взирает,
Взирает, кума, взирает.

Хороши мои перчатки
Да из жениной лохматки,
Лохматки, кума, лохматки,
Лохматки, кума, лохматки!

37.

По полю гуляла,
Калину ломала,
Во пучки вязала,
В реку я бросала,
В реку я упала.
Рыбу я поймала,
Уху я варила.
Сваху я кормила.
Сама тоже уху ела.
Гости тоже уху ели.

38.

Я вот еще какую песню, частушку.

Я по жердочке шла, тяжело несла,
Уморилась, уморилась, уморила,
Уморилась, уморилась, уморила.

Да не мой ли муж работяга был,
Работяга, тяга, тяга, забытяга был,
Работяга, тяга, тяга, забытяга был.

Он поехал пахать, позабыл пахала,
Позабыл, позабыл, позабыл.

Я взяла ль, молода, не ленива была,
Не ленива, не ленива, а догадливая.

А взяла пахала, да за нём махала,
Я за нём, я за нём...

Это у нас частушки.

Я за нём махала...

Да не мой ли муж работяга был?
Работяга, тяга, тяга, забытяга был,
Работяга, тяга, тяга, забытяга был.

Он поехал пахать, он поехал в поле
Позабыл, позабыл, позабыл всё дело.

Я взяла соху...

Погодите, девки!

Я взяла...

Позабыл севала...
Позабыл, позабыл, позабыл севала.

Я взяла севала да, за нём девала
Я за нём, я за нём, я за нём девала.

А вот это тут куплет-то...

Да не я ль, молода, не ленива была,
Не ленива, не ленива, а догадливая.

Я взяла севала и за нём зевала
Я за нём, я за нём...

Поехал боронить, позабыл борону...

Да не мой ли муж работяга был,
Работяга, тяга, тяга, забытяга был.

Он поехал...
Он поехал волочить, позабыл борону,
Позабыл, позабыл, позабыл борону.

Я взяла борону...

Да не я ль, молода, неленивая была,
Неленива, неленива, а догадливая.

Я взяла борону, да за нём в сторону
Я за нём, я за нём, я за нём в сторону.

Да не мой ли муж работяга был,
Работяга, тяга, тяга, забытяга был.

Уж я и забыла...

РОМАНСЫ И НОВЫЕ БАЛЛАДЫ

39.

Потеряла я колечко, потеряла я любовь,
Я любовь, наверно, потеряла я любовь.

А по этому колечку буду плакать день и ночь,
День и ночь, наверно, буду плакать день и ночь.

Куда девался тот кусточек, кой долину украшал,
Украшал, наверно, коль долину украшал.

Куда девался тот дружок, кой словами улещал,
Улещал, наверно, коль словами улещал.

Улестил меня словами, сам уехал в дальний край,
В дальний край, наверно, сам уехал в дальний край.

Сам уехал и оставил мне малютку на руках,
На руках, наверно, мне малютку на руках.

Ты, сестрица дорогая, воспитай дитё моё,
Моё, наверно, воспитай дитё моё.

А я пойду и утоплюся, пусть несёт волной меня,
Меня, наверно, пусть несёт волной меня.

Своею лентой голубою украшала берега,
Берега, наверно, украшала берега.

Своею русою косою трепыхала по волнам,
По волнам, наверно, трепыхала по волнам.

Своими белыми грудями по Дунаю проплыла,
Проплыла, наверно, по Дунаю проплыла.

Сколько раз я опускалась, не достала в речке дна,
В речке дна, наверно, не достала в речке дна.

Опускалась, не утонула, много славы приняла,
Приняла, наверно, много славы приняла.

40.

Потеряла я колечко, потеряла я любовь.
Ой, да потеряла я любовь.

А по этому колечку буду плакать день и ночь.
Ой, да буду плакать день и ночь.

Куда делся тот цветочек, ой, кой дарил и украшал.
Ой, кой дарил и украшал.

Куда делся мил дружок, кой словами улещал.
Ой, да кой словами улещал.

Улестил меня словами, сам уехал навсегда.
Ой, да сам уехал навсегда.

Он уехал и оставил мне малютку на руках
Ой, да мне малютку на руках.

Я отдам сестре свою малютку, сама в море утоплюсь.
Ой, да сама в море утоплюсь.

Сколько раз я опускалась, не достала моря дна.
Ой, да не достала моря дна.

Своей лентой голубою украшала берега.
Ой, да украшала берега.

Своей русою косою припускала по волнам.
Ой, да припускала по волнам.

Бабам рученькой махала: «До свиданья навсегда
Ой, да до свиданья навсегда».

41.

Потеряла я колечко, потеряла я любовь.
Наверно, потеряла я любовь.

Как по этому колечку буду плакать день и ночь.
Наверно, буду плакать день и ночь.

Где ж тот аленький цветочек, что долину украшал?
Где ж мой миленький дружок, что словами улещал?

Улестил меня словами, сам уехал навсегда.
Наверно, сам уехал навсегда.

Он уехал и оставил мне малютку на руках.
Наверно, мне малютку на руках.

Как взгляну я на малютку — точно милый был такой.
Наверно, точно милый был такой.

Без тебя, моя малютка, я пойду и утоплюсь.
Наверно, пойду и утоплюсь.

Сколько раз я упускала и осталась одна.
Наверно, я осталась одна.

Ни на что так не взидала, как на этот тёмный бор.
Наверно, как на этот тёмный бор.

Ни о ком так не страдала...

42.

Жила-была в селе Анята,
Она сиротску жизнь вела,
А красотой своей Анята,
Она богаче всех была,
Гуляла Аннушка в садочке,
А может, спрашивал её:
— Скажи, скажи душа Анята,
В ково красавица растёт?
— Расту я в маменьку покойну,
Семнадцать лет уж померла,
Семнадцать лет уж померла.
— Скажи, скажи душа Анята,
А где схоронена она,
А где схоронена она?
— А ты пойдё по той дорожке,
И прямо к маменьке моей,
Её могила всех приметней,
На ней два деревца,
А как на этих на кудрявых,
Всегда две пташечки поют.
Они поют, горя не знают,
Что я Анята сирота,
Что я Анята сирота.
У меня нет ни матери, ни отца
У меня нет ни матери, ни отца.

43.

Посмотри, милый, на небе,
На небе светится луна.
Если люди нас увидят,
То нам с тобой, милый, беда.
Что нам люди, что нам люди,
Если я тебя люблю.
Меня маменька ругает,
Домой я поздно прихожу.

Прихожу домой я поздно,
Начинает мать ругать:
«Долго, долго, дочь гуляешь,
Пора замуж отдавать».
Не прошло и две недели,
Как мать приданое собрала.
За помещика за седого
Дочку замуж отдала.
Уж я этого седого,
Ой, до страсти не люблю,
А мальчишку молодого
Позабить я не могу.
Вы подайте кисти, краски,
Живопиской буду я,
Нарисую кари глазки
И оставлю для себя.
Не успела, не сумела
Кари глазки срисовать,
<...>
И заставил меня страдать.

Четыре дня я не пил, не ел,
Не потому что нечего,
Потому что не хотел...

Песня такая еще, и она ее мурлычет.

44.

Помирал, помирал офицер молодой.
Помиравши, сказал он подруге своей.
— Вы подруги мои, вы голубушки, мне
Вы сплетите венок из душистых цветов!
И обейте мой гроб чёрной лентой кругом,
И несите меня мимо саду её.
Да неужели она не откроет окно?
— Рад бы, рад бы открыть, да мне мать не велит!
Уж ты мать, моя мать, отпусти погулять!
— Ты просись не просись, не пушу я тебя:
На могилу взойдешь и ко мне не придешь!

45.

Ах, Боже мой, какая скука,
Куда деваться мне с тоской?
Куда деваться мне с тоской?
Среди над озером в тумане,
Скиталась дева по скалам.
Скиталась дева по скалам.
Она кляла своо тирана,
Хотела жисть отдать волнам.
Хотела жисть отдать волнам.
Тиран, тиран, злодей-мучитель,
Тиран, мальчишка молодой.
Тиран, мальчишка молодой.

Я через тебя, тиран-мучитель,
Лишаюсь матери-отца.
Лишаюсь матери-отца,
Отца я с матерью лишилась.
Родным я больше не нужна.
Родным я больше не нужна,
Родные все меня ругают.
Знакомые меня бранят.
Знакомые меня бранят.
Пушай бранят, пушай ругают,
Мне все равно, мне все равно.
Мне все равно, мне все равно,
Мне все равно, страдать я буду.
Страдать привышна я всегда.
Страдать привышна я всегда,
Девчонка к морю подходила,
Там ветер сильно бушевал.
Там ветер сильно бушевал,
С крутого берега спускалась,
Кричала: «Вольный свет, прощай!»
Кричала: «Вольный свет, прощай!»
Прощайте вы, кустики-березки.
Прощай, родительский весь дом,
Прощай, родительский весь дом,
Прощайте вы, тайные подружки,
И ты, изменщик дорогой.

46.

О, Боже мой, какая скука,
Куда деваться мне с тоской?
На небе тучи обложили,
А дождик крапает так чуть.
Среди над озером тумана
Скиталась дева по стволам,
Она плела своего тирана,
Хотела жизнь отдать волнам.
Тиран, тиран, ты злой мучитель;
Тиран, мальчишка молодой.
Я через тебя тиран-мальчишка
Лишилась матери-отца.
Отца я с матерью лишилась,
Родным я стала не нужна.
Родные все меня ругают,
А посторонние бранят.
Пушай бранят, пушай ругают,
Мне все равно, мне все равно.
Мне все равно, страдать я буду.
Страдать давно привыкла я.
Девчонка к морю подходила,
А волны плещут к берегам.
Девчонка волнам говорила,
Прощалась с матерью, отцом.
Еще вторично говорила:

«Прощай, прощай, изменщик мой!
Тебя я больше не увижу,
Навек лишу себе спокой».

47.

Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал,
«Поедем, красотка, кататься
Давно я тебя ожидал».
«Поедем, красотка, кататься
Давно я тебя поджидал».
«Поедем, я еду охотно,
Я волны морские люблю,
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю».
«Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам,
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам».
«Ну, как же нельзя, дорогой мой,
При будущей нашей судьбе,
Ты вспомни, изменщик коварный,
Как я доверялась тебе.
Однажды меня сподманул ты,
Теперь я тебя подвела,
Смотри же, вот ножик булатный,
Который с собой я взяла...».

48.

Окрасился месяц багрянцем,
И волны бушуют у скал.
— Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал.
— Я еду с тобою охотно,
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю.
— Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам.
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.
— Нельзя почему ж, дорогой мой?
Поверь же народной судьбе.
Ты вспомни, изменщик коварный,
Как я доверялась тебе.
Меня проманул ты однажды,
Теперь я тебя подвела.
Смотри же, вот ножик булатный,
Который с собой я взяла.
Бросай перед гибелью весла,
Спасти чтоб никто нас не мог.
Наутро приплыли два трупа
И с ними разбитый челнок.

49.

Как в саду при долине громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине позабыт от людей.
А я мальчик на чужбине позабыт от людей.
Позабыт-позаброшен с молодых юных лет,
Я остался сиротою, счастья в жизни мне нет.
Я остался сиротою, счастья в жизни мне нет.
Я умру, я умру похоронят меня
И никто не узнает, где могилка моя.
И никто не узнает, где могилка моя.
И никто не узнает, и никто не придет,
Только раннею весною соловей пропоёт.
Пропоёт, и просвищет, и опять улетит,
А моя-то могилка одиноко стоит.
У людей на могилке лишь цветы да цветы,
На моей на могилке лишь трава да кусты.

Даже что-то я не на этот мотив спела.

50.

В саду при долине громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине позабыт от людей.
Позабыт — позаброшен с молодых, юных лет.
Я остался сиротою, счастья в жизни мне нет.
Счастья нет и не надо: без него проживу,
Но родного уголочка я нигде не найду.
Вот нашел уголочек, да и он был сырой.
И оттуда выгоняют, говорят, что чужой.
И помру я, помру. Похоронят меня.
И родные не узнают, где могилка моя.
На могилку мою, знать, никто не придет.
Только раннею весною соловей пропоёт.
Пропоёт, и просвищет, и опять улетит,
А моя-то все могилка одиноко лежит.

51.

Тюрьма, тюрьма — какое слово,
Для всех позорна и срамна.
А для меня — нечто иное,
С тюрьмой я свыкся навсегда.
Привык я к камерам тюремным,
Привык к тюремному замку.
Привык я к жизни за решёткой,
Привык к тюремному пайку.
И что находится со мною,
Что полагается в тюрьме.
Прибит углушек с водою,
Прибита коечка к стене.
Сажу у окна и вижу тропку,
Откуда милая пойдёт.
И сердце кровью обольётся,
И на свиданье не придёт.

52.

Глаза бы карие, большие,
Зачем я полюбила вас?
Вы изменчивые, злые,
Зачем страдала я по вас?
Хожу, ищу я вас глазами,
По улицам, садам, лесам.
Молюсь я Богу со слезами,
Всё по тебе, мой дорогой.
Молюсь я Богу со слезами,
Всё по тебе, мой дорогой.
А может быть, и всё на свете,
Случится мне с тобой.
А может быть и всё случится,
Стоять мы будем под венцом.
Не обручаться нам кольцами,
Не назовёшь меня женой.
Не обручаться нам кольцами,
Не назовёшь меня женой.
А может быть, и всё случится,
Стоять мы будем под венцом,
И обручуся я кольцом,
Но не с тобой, мой дорогой.

53.

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка тёмная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

А по утру рано вставала,
Кругом помятая трава,
Но не одна трава помята —
Помята девичья краса...

Приду домой, а дома спросят,
Куда ходила, где была...
А я скажу, в саду гуляла,
Домой тропинку не нашла.

54.

Вы знаете, вы представляйте. Вот я пою, а вы представляйте, то, что я пою.

Зачем ты, безумная, губишь
Того, кто увлекся тобой?
Наверно меня ты не любишь,
Не любишь, так Бог же с тобой!
Наверно меня ты не любишь,
Не любишь, так Бог же с тобой.
У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости роскошно одеты,

Невеста всех краше была.
Все гости роскошно одеты,
Невеста всех краше была.
На ней было белое платье,
Букет был приколот из роз,
Она на святое распятие
Тоскливо взидала сквозь слёз;
Она на святое распятие
Тоскливо взидала сквозь слёз.
Горели венчальные свечи,
Невеста стояла бледна,
Священнику тайные речи
Сказать не хотела она;
Священнику тайные речи
Сказать не хотела она.
Я видел, как бледный румянец
Покрывл молодое лицо,
Когда ей священник на палец
Одел золотое кольцо;
Когда ей священник на палец
Одел золотое кольцо.
Из глаз её горькие слезы
Ручьём по щекам потекли
Завяли прекрасные розы,
Зачем же их так берегли;
Завяли прекрасные розы,
Зачем же их так берегли.
Я слышал, в толпе говорили:
Жених неприятный такой;
Мне сделалось горько и больно,
И вышел я вслед за толпой;
Мне сделалось горько и больно,
И вышел я вслед за толпой.
Зачем ты меня завлекала,
Зачем заставляла любить,
Неужели того ты не знала,
Как тяжко любовь позабыть;
Неужели того ты не знала,
Как тяжко любовь позабыть.

Поет её бывший друг, а замуж она выходит по нужде, поневоле за другого.

55.

*У песни два мотива. Вот мы в старину не так её пели и куплеты даже другие.
Первый куплет:*

Зачем ты, безумная, губишь
Того, кто влюбился в тебя,
Неужели меня ты не любишь,
Не любишь так Бог бы с тобой.
Зачем ты меня завлекала,
Зачем заставляла любить?

Должно быть, того ты не знала,
Как тяжело любовь позабыть.

А потом:

У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.
На ней было белое платье,
Венок был приколан из роз,
Она на святое распятие,
Тоскливо взирала сквозь слёз.
Она на святое распятие,
Тоскливо взирала сквозь слёз.
Горели венчальные свечи,
Невеста стояла бледна,
Священнику клятвенной речи
Сказать ни хотела она.
Священнику клятвенной речи
Сказать ни хотела она.
Я видел, как бледный румянец
Покрывл молодое лицо,
Когда же надел ей священник
На палец золотое кольцо.
Когда же надел ей священник
На палец золотое кольцо.
Я видел, как горькие слёзы,
Текли по молодому лицу.
Горели венчальные свечи,
Она прислонилась к кресту.
Горели венчальные свечи,
Она прислонилась к кресту.
Я слышал, в толпе говорили:
«Жених неприглядный такой»,
Напрасно девицу сгубили,
И вышел я вслед за толпой.
Напрасно девицу сгубили,
И вышел я вслед за толпой.

Эту песню 50 лет назад мы пели, нет, большие, 60. Где там, 50—100 лет!

56.

У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.
На ней было белое платье,
Венок был приколон из роз,
Она на святое Распятие

Смотрела сквозь радугу слез.
Она на святое Распятие
Смотрела сквозь радугу слез.
Горели венчальные свечи,
Невеста стояла бледна.
Священнику клятвенной речи
Сказать не хотела она.
Священнику клятвенной речи
Сказать не хотела она.
Когда ей священник на палец
Надел обручально кольцо,
Из глаз её горькие слезы
Ручьём потекли на лицо.
Из глаз её горькие слезы
Ручьём потекли на лицо.
Я слышал, в толпе говорили:
«Жених неприглядный такой!»
Напрасно девицу сгубили.
И вышел я вслед за толпой.
Напрасно девицу сгубили.
И вышел я вслед за толпой.
У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была,
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.
Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была.

57.

Рябины лист колышет ветер,
Тропинка вдаль уводит нас,
А кто-то третий, а кто-то третий
С тропинки той не сводит глаз.
А кто-то третий, а кто-то третий
С тропинки той не сводит глаз.
Луна за речкой ярко светит,
Волна сливается с волной,
А кто-то третий, а кто-то третий
Один остался за рекой.
А кто-то третий, а кто-то третий
Один остался за рекой.
Мы завтра вновь с тобою встретим
За речкой зореньки восход,
А кто-то третий, а кто-то третий
Вновь до рассвета не уснет.
А кто-то третий, а кто-то третий
Вновь до рассвета не уснет.
Нет нелегко на белом свете
Свою судьбу, любовь найти.
Еще трудней остаться третьей
На долгом жизненном пути.
Еще трудней остаться третьей
На долгом жизненном пути.

58.

Ветка сирени упала на грудь,
Миленький мой, ты меня не забудь.
Миленький мой, ты меня не забудь.
Ветка сирени упала на грудь.
Ветка черёмухи нежно цветёт,
Что же мой милый давно не идёт?
Что же мой милый давно не идёт?
Ветка черёмухи нежно цветёт.
Ветка акации тонет, плывёт.
Милый не любит меня и не ждёт.
Милый не любит меня и не ждёт.
Ветка акации тонет, плывёт.
Яблонька скажет, ушла или нет
Наша любовь, как весенний рассвет.
Наша любовь, как весенний рассвет,
Яблонька скажет, ушла или нет.
Низко берёзонька ветки свои
Мне опустила и шепчет: «Иди».
Мне опустила и шепчет: «Иди
К милому другу, признайся в любви!».

59.

Позарастили стёжки-дорожки,
Где проходили милого ножки.
Позарастили мохом-травой,
Где мы гуляли, милый, с тобою.

Птички-певуньи, правду скажите,
Весть про милого мне принесите.
Где милый скрылся, где пропадает,
Бедное сердце плачет, рыдает.

Я отомстить ему поклянуся,
В речке глубокой я утоплюся.

60.

В низенькой светёлке огонёк горит,
Молодая пряха под окном сидит.
Молода, красива, карие глаза,
По плечам развита русая коса.
Русая головка, думы без конца.
Вот она ласкает старого вдовца.
Старый... Что ж такого, пусть осудит мир.
Он гусар при том же, ротный командир.
Он красотку пряху в Питер отвезёт,
Для красотки пряхи бельэтаж наймёт.
Он наймёт карету и наймёт ей слуг.
А из пряхи выйдет благородный люд.
Пряха, моя праха, ты пряди, пряди.
На мужчин красивых, пряха, не гляди.

61.

С низенькой светёлки огонёк горит.
Молодая пряха у окна сидит.
Молода, красива, карие глаза,
По плечам развита русая коса.
Русая головка, думы без конца,
Вот она ласкает старого вдовца.
Старый — что ж такого, пусть осудит мир!
Он гусар, притом же ротный командир.
Он красотку-пряху в Питер отвезёт,
Для красотки-пряхи бел этаж наймёт.
Он наймёт карету и наймёт ей слуг,
С пряхой познакомит благородный люд.
Пряха моя, пряха, ты сиди, пряди,
На мужчин красивых зорко не гляди!

Забыла, батюшки...

Прясть-то надо туго-туго и не обрывать.
Любить-то надо друга, друга, любить, не забывать.

А меня в молодости все Зыкиной звали за голос. Как-то в клубе выступала — по-далили мне кастрюлю и половник из нержавеющей стали. Раньше как выхожу плясать, так пою, а так забываю.

62.

Он пришел из армии, заходил в наш дом,
Затоптал всю травушку под моим окном.
Голова ль, головушка, буйная моя,
Травушка-муравушка зелёная.
Мать моя ругается, всё бранит его:
«Ни стыда ни совести нету у него!»
Только зря ругаешься, ты же не права.
Травушка-муравушка зелёная.
Я скажу любимому: «Приходи скорей,
Никого не бойся, травы не жалея».
Голова ль, головушка, буйная моя,
Травушка-муравушка зелёная.

63.

Кольцо души девицы я в море уронил,
С моим кольцом я счастье земное утопил.
Мне, дав его, сказала: «Носи, не забывай,
Но, как твоё колечко, меня своей считай».
Не в добрый час я невод стал в море полоскать,
Кольцо юркнуло в море, искал, но где искать?
С тех пор мы как чужие, <приду>, и не глядит,
С тех пор моё веселье на дне морском лежит.
О ветер полулунный, <проснись> — ты мне друг.
Схвати со дна колечко и выкати на луг.
Вчера ей жалко стало, пошла она ко мне,
И что-то, как бывало, зажглось в руках её.
Ко мне под села с лаской, мне руку дала,

И что-то ей хотелось сказать, но не могла.
«На что твоя мне ласка, на что мне твой привет?
Любви, любви хочу я...
Ищи кого ты в море, богатых янтарей,
А мне моё колечко с надеждою моей».

64.

Зелень веток склонив пугливо
Над прозрачной водой ручья,
Молодая стояла ива, одинокая и ничья.
Как-то раннею порой пришел парень молодой,
Как-то раннею порой заметил ивы...
Пришел парень с дальних стран,
Заметил ивы гибкий стан.
Говорит он ей тихо, нежно и слова любви шептал.
То застенчиво, то небрежно косу девичью расплетал.
День сменял ночной прохладой,
Загорелся в груди огонь,
И шептала она: «Не надо», говорила она: «Не тронь».
Зелень веток склонив пугливо
Над прозрачной водой ручья,
Отчего-то плакала ива, одинокая и ничья.

65.

Стоит у могилки девчонка, лет восемь,
И тихо, по-детски, слова говорит:
«Тумана, туманы, верните мне маму,
Верните мне маму, родные мои.
Мне было три года, когда умерла ты.
С тех пор на могилу ношу я цветы.
Теперь меня, мама, никто не целует,
Никто не ласкает так нежно, как ты.
А папа мой родной меня не жалеет,
А мачеха гонит меня со двора.
Туманы, туманы, верните мне маму.
Зачем моя мама в могилу ушла?
Возьми меня, мама, в могилку с собою.
Я больше на свете так жить не хочу.
Тебя вспоминаю, отца ненавижу,
За смерть твою, мама, ему не прощу».
Седые туманы плывут над полями
И вовсе не слышит сиротка слова:
«Туманы, туманы, верните мне маму.
Зачем моя мама так рано ушла?
Я раньше не знала, как трудно без мамы,
Меня утешали: придёшь ты домой.
Теперь-то я знаю, что ты не вернёшься.
Любимая мама, что будет со мной?»
Стоит у могилки девчонка, лет двадцать.
Слезинки сбегаят, проведать пришла.
«Любимая мама, моя дорогая,
Зачем от меня ты так рано ушла?»
В счастливый день свадьбы взгрустнулось о маме,

Как белая чайка о море грустит.
«Любимая мама, моя дорогая,
Пришла я на свадьбу тебя пригласить.
Я вижу, как ветер развеял туманы,
И я на могилке осталась одна.
Цветы поливаю своими слезами.
Такая, наверно, сиротки судьба».

66.

Ты вспомни, Вовка, как мы встречались,
Как говорили о любви...
Ты говорил, что будешь вместе,
А сам другую, другую полюбил.
Пусть та другая тебя полюбит,
Пусть завладеет она тобой.
Она любить так не сумеет,
Как я люблю тебя, мой дорогой.
Вот скоро, скоро я замуж выйду,
На свадьбу всех я приглашу.
Свою соперницу Татьяну
С собою рядом, рядом посажу.
Родится сын, любить я буду.
И в честь тебя Володей назову.
Родится дочь — любить не буду.
Назло судьбе я Таней назову.
Расти Татьяна, расти большая.
Ходи в зелёный сад гулять.
Пусть завлекут тебя мальчишки хитрые,
Как завлекли твою родную мать.
Но только замуж она не вышла.
Гроб черным бархатом обит.
А в том гробу лежит девчонка,
А в том гробу девчонка крепко спит.
А перед гробом да на коленях
Стоит изменщик молодой
И шепчет наглыми губами:
«Ах, что наделал, наделал я с тобой!».
Ах вы, мальчишки, вы все такие,
Вы не умеете любить.
Ах, вам бы только насмеяться
Да молодую жизнь девчонки погубить.

67.

То ль не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит.
Знать, мое, мое сердечко ноет,
Как осенний лист дрожит.

Извела, извела меня кручина,
Как холодная змея.
Ты гори, гори, моя лучина,
Догорю с тобой и я.

Не житьё мне здесь без милого.
С кем пойду я под венец?
Знать, суди, суди мне гроб с могилою.
<Об>венчался молодец.

68.

Проводила я мальчика в армию,
Обещала любовь сохранить.
Целовал он меня в губы алые
И с другими велел не ходить.
Проводила я мальчика в армию,
Говорил он: «Меня не забудь!».
Как блестели глаза его карие,
А мои — голубые чуть-чуть.

Ох, не верь, не верь, ты, мальчик, обещаниям,
Ох, не верь, не верь, хмельная голова!
Ведь печальней будет встреча, чем прощание,
И колечко скажет больше, чем слова.

Проводила я мальчика в армию
И ждала, чтоб вернулся домой.
Но когда все вокруг ходят парами,
Очень трудно остаться одной.
Проводила я мальчика в армию,
Как поэмы он письма писал.
А вернулся с цветами шикарными
И на свадьбу чужую попал.

Ох, не верь, не верь, ты, мальчик, обещаниям,
Ох, не верь, не верь, хмельная голова!
Ведь печальней будет встреча, чем прощание,
И колечко скажет больше, чем слова.

69.

В эту тёмную ночь разбудил меня стук,
На пороге цыганка стояла.
И просила она её горю помочь —
У костра ее дочь умирала.
Я пошёл вслед за ней на неё посмотреть,
Вся в лохмотьях цыганка лежала.
Я такой красоты не видал никогда,
На груди её рана зияла.
«Ты не плачь, моя мать, — говорила она, —
Не залечишь глубокую рану.
Я любила вора и люблю горячо,
Но обманутой жить я не стану.
Ты беги, моя мать, ты беги, моя мать,
Ты, наверно, свой табор догонишь.
На обратном пути пусть цыгане поют.
Ты под песню меня похоронишь».

70.

Что стоишь, качаясь, горькая рябина,
Головой склоняясь до самыва тына?
Там, через дорогу, за рекой широкий,
Там же одинокий дуб стоит высокий.
Как бы мне, рябине, к дубу перебраться?
Я б тогда не стала гнуться и качаться.
Тонками ветвями я б к нему прижалась
И с его листвою день и ночь шепталась.
Но нельзя рябине к дубу перебраться.
Знать, ей, сиротинке, век одной качаться.
Знать, ей, сиротинке, век одной качаться.

71.

Липа вековая над рекой стоит,
Песня удалая вдалеке звучит.
Луг покрыт туманом, словно пеленой,
Слышан за курганом звон сторожевой.
Этот звон унылый давно прошлых дней
Пробудил, что было в памяти моей.
Но все миновало, и я под венцом.
Молодца сковали золотым кольцом.
Липа вековая над рекой стоит,
Песня удалая вдалеке звучит.

72.

Я пишу тебе, голубоглазая,
Может быть, последнее письмо.
Никому его ты не показывай,
Для тебя написано оно.
Вот сижу всё время в грязной камере,
Часто вспоминаю наши дни.
Дни, когда с тобою мы встречались,
Но поверил я твоей любви.
А когда сейчас мой срок кончается,
И судья выносит приговор,
И чему-то грустно улыбается
Старый смугловатый прокурор.
И защита тоже улыбается,
Даже подмигнул мне сам конвой.
Видно, мне статья переменяется,
И расстрел заменят мне тюрьмой.
Пишут мне, что ты, голубоглазая,
Перестала плакать и рыдать.
Пишут мне, что ты, голубоглазая,
Рестораны стала посещать.
Что ж, гуляй, гуляй, голубоглазая,
Сердцу не прикажешь забывать.
Пой, гитара, пой, подруга нежная,
Мне ж свободы больше не видать.

73.

Как у нас под окном расцветает сирень,
Расцветают душистые розы.
Расцветают душистые розы.
В моем сердце младом пробудилась любовь,
Пробудились юные грёзы.
Пробудились юные грёзы.
Много счастья ждала в эту тёмную ночь,
В эту тёмную ночь руковую.
В эту тёмную ночь руковую.
Отойдя от него, я рыдать начала,
Потому что он любит другую.
Потому что он любит другую.
Так люби же её, ты люби горячей,
Наслаждайся ты ею навеки.
Наслаждайся ты ею навеки.
А меня позабудь, позабудь поскорей!
Я забуду тебя, да не скоро.
Я забуду тебя, да не скоро.
Вот и снова весна, расцветают цветы,
Расцвела и сирень голубая.
Расцвела и сирень голубая.
В моем сердце больном не проснётся любовь:
Улетела пора золотая!
Улетела пора золотая!

74.

Как у нас под окном расцветала сирень,
Расцветали душистые розы,
Расцветали душистые розы,
В моем сердце больном пробудилась любовь,
Пробудились печальные грёзы.
Пробудились печальные грёзы.
Ты меня не целуй и в объятья не жми,
В поцелуе твоём жару нету.
В поцелуе твоём жару нету.
Ты головку свою положи мне на грудь
И скажи, изменил или нету.
И скажи, изменил или нету.
Так целуй же, целуй ты её, милый мой,
Наслаждайся её красотой.
Наслаждайся её красотой.
А меня позабудь, позабудь поскорей,
Я тебя позабуду не скоро.
Я тебя позабуду не скоро.

75.

Где эти лунные ночи, где-то пел соловей,
Где эти карие очи, кто их ласкает теперь.
Бывало, летнею порою выйду я в сад погулять,
Ночка ещё не настала, буду я милого ждать.
Жду я его, не дожуся, видно, не любит меня,

Видно, он любит другую, ах, как несчастлива я.
Видно, он любит другую, ах, как несчастлива я.
Слышу, шаги раздаются, верно мой милый идет,
Брошусь ему я на шею и расцелую его.
Брошусь ему я на шею и расцелую его.
Тут уж пойдут разговоры, тут уж пойдет болтовня,
Вспомнятся прежние ссоры, ссоры те были любя.
Вспомнятся прежние ссоры, ссоры те были любя.
Годы пройдут за годами, старость покроет лицо,
С горя зальюсь я слезами, но не забуду его.
С горя зальюсь я слезами, но не забуду его.

76.

Где ж эти лунные ночи, где же там пел соловей?
Где же те карие очи, кто их ласкает теперь?
Где же те карие очи, кто их ласкает теперь?
Бывало, вечерней порою выйду я в сад погулять.
Ночка ещё не настала, буду я милого ждать.
Ночка ещё не настала, буду я милого ждать.
Жду я его, не дожуся, верно, не любит меня.
Верно, он любит другую, ой, как несчастлива я!
Верно, он любит другую, ой, как несчастлива я!
Слышу, шаги раздаются: верно мой милый идет.
Брошусь к нему я навстречу и расцелую его!
Брошусь к нему я навстречу и расцелую его!
Тут уж пойдут разговоры, тут уж пойдет болтовня.
Вспомню те прежние ссоры — ссоры те были любя.
Вспомню те прежние ссоры — ссоры те были любя.
Годы пройдут за годами, старость покроет лицо.
С горя умоюсь слезами, но не забуду его!
С горя умоюсь слезами, но не забуду его!

Это тоже старинная, мама моя пела.

77.

Хороша я, хороша, плохо я одета.
Никто замуж не берёт девицу за это.
Никто замуж не берёт девицу за это.
Лет с двенадцати я по людям ходила.
Лет с двенадцати я по людям ходила.
Ночь качала я детей, день коров доила.
Ночь качала я детей, день коров доила.
Уродилась я, а девица красива.
Уродилась я, а девица красива.
Я красива да бедна, плохо я одета.
Я красива да бедна, плохо я одета.
Никто замуж не берёт девицу за это.
Никто замуж не берёт девицу за это.
Пойду схожу в монастырь, Богу помолюсь.
Не подаст ли мне Господь той доли счастливой.
Не полюбит ли какой молодец красивый.
Не полюбит ли какой молодец красивый.

78.

Чёрный ворон, чёрный ворон,
Что ж ты вьёшься надо мной,
Ты добычи не дождёшься,
Я ж солдат ещё живой.
Ты добычи не дождёшься,
Я ж солдат ещё живой.

Чёрный ворон, чёрный ворон,
Что ж ты вьёшься надо мной,
Или смерть мою почуял.
Чёрный ворон — я живой.
Или смерть мою почуял
Чёрный ворон — я живой.

Что ж ты когти распускаешь,
Чёрный ворон, надо мной,
Иль добычу себе чаешь,
Чёрный ворон, я не твой.
Иль добычу себе чаешь,
Чёрный ворон, я не твой.

Завяжу смертельную рану
Мне подаренным платком,
А потом с тобою стану
Говорить всё обо одном.
А потом с тобою стану
Говорить всё обо одном.

Ты лети в мою сторонку
Мою маменьке моей,
Ты скажи моей любезней,
Что погиб я на войне.
Ты скажи моей любезней,
Что погиб я на войне.

Отнеси платок кровавый
Милой Любушке моей,
Ты скажи — она свободна,
Я женился на другой.
Ты скажи — она свободна,
Я женился на другой.

Взял невесту тихую, скромную
В чистом поле под кустом,
Обвенчала меня сваха —
Сабля острая моя.
Обвенчала меня сваха —
Сабля острая моя.

<Калена> стрела венчала
Среди битвы роковой,

Вижу, смерть ко мне подходит,
Чёрный ворон, теперь твой,
Вижу смерть ко мне подходит,
Чёрный ворон, весь я твой.

79.

<.....>³

Прихожу я одна в тишине.
Раньше сам говорил: «Где нам встретиться?»
А теперь позабыл убо мне.
Если б знала я это заранее,
На росу б не упала слеза.
Не идешь ты ко мне на свидание,
А при встрече отводишь глаза.
Или я не пришлась тебе по сердцу?
Что мне делать, скажи, дорогой!
Моё сердце к тебе так и просится,
И не нужен мне в жизни другой.
В жизни так иногда получается:
Видно, друга непросто найти.
Сердце с сердцем так часто встречаются,
Только им не всегда по пути.

80.

За околицей солнце клонится,
От берёзоньки тихо веет грусть.
Сердце девичье затуманилось,
Жду желанного, не дождусь.
Что ж ты, милый мой, в час назначенный
На свидание не пришел?
Позабыл меня? Не заплачу я:
Мне в полях и одной хорошо.
Никого еще не любила я
И поверила всем твоим словам.
А теперь любовь всю узнала я
Ты обманчива какова.
За околицей солнце клонится,
От берёзоньки тихо веет грусть.
Сердце девичье затуманилось,
Жду желанного, не дождусь.

81.

Когда б имел золотые горы
И реки, полные вина,
Все отдал бы за ласки, взоры,
Чтоб ты владела мной одна.
— Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу.
Тогда свободно и счастливо
С молитвой мы пойдем к венцу.

³ Первая строчка песни потеряна по вине собирателя.

Тогда свободно и счастливо
С молитвой мы пойдем к венцу.
— А не твою ль, голубка, руку,
Просил я у отца не раз?
Отец не понял моей муки,
Жестокий сердцу дал отказ.
Отец не понял моей муки,
Жестокий сердцу дал отказ.
Просил у сердца я совета,
Страданий тронутых моих.
Я верю: святости ответы —
Бежать с возлюбленным моим.
Я верю: святости ответы —
Бежать с возлюбленным своим.
Бежать, бежать я с нём решилась —
Поверьте клятве руковой.
На Божий храм перекрестилась,
С слезой взглянув на дом родной.
На Божий храм перекрестилась,
С слезой взглянув на дом родной.
Умчались мы в страну чужую,
А через год он изменил.
Забыл он клятву руковую,
А сам другую полюбил.
Забыл он клятву руковую,
А сам другую полюбил.
А мне сказал, стыдясь измены:
— Ступай обратно в дом отца!
Оставь, Мария, мои стены.
И проводил меня с крыльца.
Оставь, Мария, мои стены.
И проводил меня с крыльца.
За эти глазки огневые
Я награжу тебя конем:
Уздечка, хлыстик золотое,
Сердечко шито жемчугом.
Уздечка, хлыстик золотое,
Сердечко шито жемчугом.
— На кой мне чёрт твоя уздечка,
На кой мне хлыстик золотой!
Ты заразил мое сердечко,
А сам женился на другой!
Вот не прошло спустя с полгода —
Стучится нищий под окном.
Мария окны утварила
И видит друга перд собой.
Мария окны утварила
И видит друга перд собой.
Гоните прочь его скорее,
Гоните прочь (е)го со двора!
Он пропил все златые горы

И реки, полные вина.
Он пропил все золотые горы
И реки, полные вина.
Теперь уж гор золотых не стало
И не течёт быстрой ручей.
Теперь Марусеньки не стало
И не слышать её речей.
Вот как над девушкой смеяться,
Вот как над девушкой шутить!
Ты сам за ней будешь гоняться —
Она не будет вас любить.
Ты сам за нею будешь гнаться —
Она не будет вас любить.

82.

Раз полоску млада жала, золоты снопы вязала,
Молодая, эх, молодая.

Истомилась и взопрела: это наша бабья доля,
Доля злая, эх, доля злая.

Шёл солдатик из походу, выбрал тёплую погоду,
Из Китая, эх, из Китая.

Он и шёл, и торопился, возле дома остановился:
«Дай напиться, дай напиться!».

«Я б дала тебе напиться, но мутна моя водица —
Не годится, не годится.

Делать нечего, служивый, посидим давай под ивой —
Солнце жгётся, солнце жгётся.

Солнце жгётся и печётся, для солдата-то найдётся
Угощенье, угощенье».

*Всё, дальше она безобразна... Большие петь не буду, кабы не накликать чего: ведь
пост теперь. В молодости-то мы пели через край, а теперь...*

83.

Девятьсот второго года шёл солдатик из похода
Из Китая, ох, из Китая.

Он в дороге притомился, возле дамы становился:
— Дай напиться, ой, дай напиться.

— Я б дала тебе напиться, но тепла моя водица,
Не годится, ой, не годится.

«Нет ли хлебушка кусочек?» — «Нет, мой миленький дружочек,
Нет ни крошки, ой, нет ни крошки.

Я полоску жать спешила, хлеба мало захватила.
Доля злая, ой, доля злая».

Нет ни хлеба, ни водицы. И пошёл он в путь, девице:
«До свиданья, эх, до свиданья».

Тута девке парня жалко: у него стоит, как палка.
Чрезвычайно, эх, чрезвычайно.

— Подожди, солдат служивый, посидим давай под ивой,
Солнце жжётся, ой, солнце жжётся.

Солнце жжётся — нет терпенья. Для тебя всё угощенье,
Чай найдётся, ой, чай найдётся.

Солдат видит: девка дышит, рубашонку грудь колышет,
Молодая, эх, молодая.

— Уж ты, парень, не щипайся, где не надо, не хватайся.
И упала, эх, и упала.

Их прикрыла рожь тениста. Что там было — неизвестно,
Это тайна, ох, это тайна.

Только слышны были вздохи, точно их кусали блохи
Чрезвычайно, эх, чрезвычайно.

А над этою над парой сыч облизывался старый,
На них глядя, эх, на них глядя.

Только видел один дятел, как работал задвигатель
У солдата, эх, у солдата.

Свекровь с мужем долго ждали, всё про Машу рассуждали:
«Выжнет Маша, ой, выжнет Маша».

И пришла туда бабёнка, словно с поля коровёнка,
Приплелася, эх, приплелася.

Ну и голос, вот так голос, еле слышно было голос:
Еле сжала, эх, еле сжала.

Не прошло тогда годочка, родила она сыночка:
Весь в солдата, ох, весь в солдата.

Муж гордится Катериной: ой, какой растёт детина
Чернобровый, эх, чернобровый.

Пели за столом. Это старинная песня, ещё моя мама покойная пела, а я от неё переняла. Старинных они много знали. Я уж больно старинных не знаю. <...> а это вот плясовая.

84.

Ах, зачем эта ночь так была холодна!
Не болела бы грудь, не страдала душа!
Не болела бы грудь, не страдала душа!
Полюбил бы ее, полюбил горячо.
Полюбил я ее, полюбил горячо,
А она на любовь смотрит так холодно!
Ах, она на любовь смотрит так холодно!
Не понравился ей моей жизни конец.
Не понравился ей моей жизни конец.
И с постылым назло с ним пошла под венец.
И с постылым назло с ним пошла под венец.

А.В.: Еще, вроде, был там куплет...

А.П.: Вот это у нас пели и дядя Коля, и дядя Петя, и мама...

85.

Ой, калина, ой, малина, в речке талая вода!
Ты скажи, скажи, калина, как попала ты сюда!
Ты скажи, скажи, калина, как попала ты сюда!⁴
Как-то раннею весною шёл парнишка молодой.
Долго мною любовался и увёл меня с собой.
Он хотел меня, калину, посадить в своём саду.
Не донес, на землю бросил: думал, что я пропаду.
Я за землю ухватилась, встала на ноги свои
И навеки поселилась, где щебечут соловьи.
Трактористы, комбайнёры всегда бывают тут,
Тонких веток не ломают, цвет мой белый берегут.
И не пой, голубчик ветер, не считай за сироту —
Я навеки поселилась и на радость всем цветам!

Дальше не знаю.

86.

Однажды морем я плыла на пароходе том,
А ночка темная была, и вдруг раздался гром.

А.В.: Ну, шторм...

Ай-ай-ай, в глазах туман, кружится голова,
Едва стою я на ногах, но я же не пьяна!

А капитан красивый был, в каюту пригласил,
Налил шампанского бокал и выпить предложил.

Ай-ай-ай, в глазах туман, кружится голова,
Едва стою я на ногах, но я же не пьяна!

А через девять месяцев родился сын-буян.
А кто же в этом виноват: конечно, капитан!

⁴ Далее каждая четная строка в точности повторяется.

Ай-ай-ай, в глазах туман, кружится голова,
Едва стою я на ногах, но я ведь не пьяна!

С тех пор прошло немало лет, как морем я плыла,
А как увижу пароход, кружится голова.

Ай-ай-ай, в глазах туман, кружится голова,
Едва стою я на ногах, но я ведь не пьяна!

Умейте пить, умейте жить и всё от жизни брать,
Ведь всё равно когда-нибудь придется умирать!

87.

Тот платочек с розовой каемочкой
Подарила парню одному,
Чтобы этот розовый платочек
Обо мне напомнил бы ему.
Десять лет проходит незаметно,
Двадцать пять исполнилось мне лет.
О платочке помню я заветном,
Но не знаю, помнит он иль нет.
Вот однажды еду я в вагоне,
Поезд мчится прямо на восток.
Тишину ночную нарушает
Паровозный маленький свисток.
А на полке спит спокойно летчик —
Молодой красивый паренек.
Незаметно выпал из кармана
С розовой каемочкой платок.
Я его поспешно поднимаю
И смотрю на вышивку свою.
В этом парне, летчике-герое,
Я родного друга узнаю.
Не могу припомнить этой встречи,
Не найду я подходящих слов.
Только помню, после этой встречи
Нас сковала прежняя любовь.

88.

Сама садик я садила, сама буду поливать.
Сама милого любила — сама буду забывать.
Сама милого любила — сама буду забывать.⁵
А что это за садочек — сад зелёненькой какой.
А что это за мальчишка — разбессовестный какой!
Проложил про девуку славу по всей улице большой.
Все соседushки узнали, и подружки говорят.
За глаза девуку ругают и в глаза её стыдят.
Девчоночке стыдно стало, стала плакать и рыдать,
А мальчишке жалко стало — стал девчонку унимать.
Вынул беленькой платочек, стал ей слезы утирать:
«Не плачь, девка, не плачь, красна, сам я холост, не женат.

⁵ И далее каждый стих повторяется.

Если вздумаю жениться, то посватаю тебя!»
«Уж ты сватай, сват богатой, всё равно я не пойду!
Твоя маменька сердита: завсегда будет ругать,
А я девушка грустлива, буду плакать и рыдать».

89.

Помню я прохладный вечер мая
И луны блистающий овал,
К сердцу дорогую прижимая,
Про любовь и ласку ей шептал.
И волос душистых ароматом
Часто наслаждался и пьянел,
Ах, судьба, ты сделала солдата —
Мальчика, который погорел.
Погорел он из-за этих глазок,
Погорел он из-за этих кос,
Ах, судьба, как много в жизни сказок,
Но такой никто не перенёс.
Я сижу в окопе узком, тесном,
Прижимая к сердцу автомат,
Вспоминаю шёлковую блузку —
Бывший урка — Родины солдат.
Где же ты, родная, отзовися,
Слышишь, Алька плачет по тебе,
А в ответ лишь жёлтенькие листья
Опадают тихо в серой мгле.
Может, фраер в галстук атласном
Стоит, милка, у твоих ворот;
Ах, судьба, смеёшься ты напрасно,
Алька всё равно домой придет.
Он придет с огромной светлой славой
С орденами на блатной груди,
И тогда на улице нарядной
Ты меня с букетом роз не жди.
И тогда на улице нарядной
Ты меня с букетом роз не жди.

90.

Мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой,
Ямщик уныло напевает,
Качает буйной головой;
Ямщик уныло напевает,
Качает буйной головой.
О чем задумался детина,
Седок (*с ним едет*) приветливо спросил:
— Какая на сердце кручина,
Скажи, тебя кто огорчил?
Какая на сердце кручина,
Скажи, тебя кто огорчил?
— Ох, барин, добрый, милый барин
Вот скоро год, как я люблю.

Да нехристь староста — татарин
Меня журит. А я терплю.
Да нехристь староста — татарин
Меня журит, а я терплю.
Ямщик лихой, он встал с полночи,
Ему взгрустнулось в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души.
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души.
Вы очи, очи огневые,
Вы сокрушили молодца,
Зачем, зачем вы люди злые
Вы их разрознили сердца;
Зачем, зачем вы люди злые,
Вы их разрознили сердца.
Теперь я горький сиротина,
И он взмахнул по всем по трём.
Над тройкой тешился детина,
Сам заливался соловьём;
Над тройкой тешился детина,
Сам заливался соловьём.
Ямщик умолк и кнут ременный
С голицей за пояс заткнул,
Родные, стой (*это он коней*), неугомонные,
Сказал, сам горестно вздохнул;
Родные, стой, неугомонные,
Сказал, сам горестно вздохнул.
Лихой он встал с полночи,
Ему взгрустнулось в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девице души.
Вы очи, очи огневые,
Вы сокрушили молодца,
Зачем, зачем вы люди злые,
Вы их разрознили сердца.

91.

Ты скажи, ты скажи, каторжанин,
За что ты в остроге сидишь,
Зачем твои карие очи,
Печально на волю глядишь.
А еще ты скажи, каторжанин,
Много ли душ погубил?
Много ль народу ограбил
И сколько зарезал — убил?
Много ль народу ограбил
И сколько зарезал — убил?
«Для погубы собственной жизни
Народ я не резал, не грабил, не бил,
Для погубы собственной жизни
Младую девчонку любил.

Бывало, кончаю работу,
И к ней на свиданье пойдешь.
Пойдешь, заиграешь в гармошку,
Унывную песню споешь.
Пойдешь, заиграешь в гармошку,
Унывную песню споешь.
Однажды иду я вечером,
А с нею сидит другой.
От ревности сердце забилося,
В тот миг я к ней подскочил.
От ревности сердце забилося,
В тот миг я к ней подскочил.
В младую девчонку кинжал
По ручку я в грудь ей вонзил.
В младую девчонку кинжала
По ручку я в грудь ей вонзил».

Вот и за это сидел он.

92.

Вы не вейтесь, русые кудри,
Над моей больной головой.
Вы не вейтесь русые кудри, Дуня,
Над моей буйной головою.

Я сегодня больна и бессильна,
Нету в сердце бывшего огня.
Я сегодня больна и бессильна, Дуня,
Нету в сердце бывшего огня.

Вот зачем возмущаться напрасно,
Скоро, скоро не будет меня.
Вот зачем возмущаться напрасно, Дуня,
Скоро, скоро не будет меня.

Вы сложитесь, белые руки,
На мою исхудалую грудь.
Вы сложитесь, белые руки,
На мою исхудалую грудь.

Скоро мрачное утро настанет.
Дождик будит слегка моросить.
Ты услышишь протяжное пенье
Как меня понесут хоронить.

И из друзей моих верных, наверно,
Ни один не придёт провожать.
Только ты лишь, моя дорогая, Дуня,
Слёзно будешь над гробом рыдать.

И в последний ты раз поцелуешь,
Когда крышкой накроют меня.

И уста мои больше не скажут,
Что прощай, дорогая моя.

Я отдал бы за это полмира,
Но из мёртвых нельзя воскресить.
Я отдал бы за это полмира,
Но из мёртвых нельзя воскресить.

93.

Уж вы звёзды, звёздочки, полно те сиять.
Были дни весёлые, что и вспоминать.
Были дни весёлые, что и вспоминать.
Я забыть-то не забыл, другу полюбил.
Я забыть-то не забыл, другу полюбил.
Другая разлучница, чем лучше меня?
Или лицом белая, карие глаза,
Разлучила с миленьким меня навсегда.
Разлучила с миленьким меня навсегда.
Или змея лютая промеж нас легла.
Или змея лютая промеж нас легла.
Разлучила с миленьким, меня навсегда.

Здесь делать нечего, она прядет, а мы сидим. Была певунья старая-старая. Бывало, идут косить с песнями.

94.

Полночь, уж полночь пробило давно,
Лягу я спать, мне не спится.
Ветер осенний стучится в окно,
Ветер осенний стучится.
Ветер осенний стучится в окно,
Ветер осенний стучится.
Ветра осеннего жалобный стон,
Слышать без слёз не могу я.
Скоро ли, скоро найду я покой,
Скоро ли, скоро усну я.
Скоро ли, скоро найду я покой,
Скоро ли, скоро усну я.
Мой дорогой, как люблю я тебя,
Любишь ли ты, я не знаю.
Так терпеливо любовь я сношу
И горделиво страдаю.
Так терпеливо любовь я сношу
И горделиво страдаю.
Я не хочу, чтоб весь мир узнавал,
Гордого сердца страданья.
Я не хочу, чтоб весь мир узнавал,
Гордого сердца страданья.
Полночь, уж полночь пробило давно,
Лягу я спать, мне не спится.
Ветер осенний стучится в окно,
Ветер осенний стучится.

95.

Лежу я и болею, а мне всего семнадцать лет,
И завтра лягу я в могилу,
И пусть все скажут: меня нет.
И завтра лягу я в могилу,
И пусть все скажут: меня нет.
А он ходил ко мне с улыбкой,
И руку жал, меня ласкал.
Он называл меня своею
И алы губы целовал.
Он называл меня своею
И алы губы целовал.
А поцелуй тот был прощальный,
И вот настал тот горький час,
... и разве понимала...
Зажигай-ка, мать, лампаду
Ведь скоро-скоро я умру,
И милый свет я покидаю,
В могилу хладну жить пойду.
И милый свет я покидаю,
В могилу хладну жить пойду.
И вот пришел он на могилу,
И спросил у старика:
— А чья, а чья это могила,
И чья так рано умерла?
А чья, а чья это могила,
И чья так рано умерла?
— А тут лежит одна девчина,
И от любви умерла.
Ни от любви, от чахотки
В холодну землю жить ушла.
Ни от любви, от чахотки
В холодну землю жить ушла.

96.

Струны гитары играйте,
Да сердце больное успокой,
Бросали силы на ветер
И никто не поможет душой.
Пусть всегда я на свете страдаю
Пусть напрасно волнуется друг
Не забуду о нём я страданья
Кроме него ни в кого не влюблюсь.
Горячо я тебя полюбила,
Молода и глупа я была.
Даже дев чисть свою потеряла,
Что дороже всего берегла.
Горячо я тебя полюбила,
Так другая не сможет любить.
Но любовь глубоко я зарою,
Хоть с трудом, но смогу позабыть.

Ах, зачем ты сказал:
«Ты мне нравишься»,
Для шулки ты выбрал меня.
Я была у тебя лишь забавой,
Целовал ты меня не любя.
Так прости ж, я больше не буду,
У тебя на дороге стоять.
Хоть и трудно, но всё же забуду,
И ту жизнь мне придётся встречать.
И струны гитары играйте,
И сердце моё успокой.
Мы расстались с милым навеки,
И никто не поможет другой.

97.

Дивность пропадает, молодость маня.
От лихого мужа в доме нет житья.
Пьяный бранится, трезвый всё молчит.
И что не попало, из дома тащит.
Есть солдатик Федя, дальняя родня.
Он меня жалеет, любит он меня.
Подмигну я Феде, и пойдём вдвоём.
Далеко хлебами, за село уйдём.
А приду домой я, спросит муженёк,
Где была, там нету, так вот мил дружок.
Ну и поколотит, не велик напасть.
Милого погонит, не долг говорят.
Зря ведь пропадает молодость моя,
От лихого мужа в доме нет житья.

98.

Пошла я в лес за малиной,
Малины я там не нашла,
Нашла я там гроб да могилу,
Котора травой заросла.
Упала я там на колени
И стала там громко рыдать:
«Ой, мамочка, спишь и не слышишь,
Как плачет дочурка твоя!».
Мамаша тебе отвечает:
«Не плачь ты, дочурка моя,
Возьмут тебя люди чужие,
И будешь у них, как своя».
На что же мне люди чужие,
На что же мне свет голубой?
Мне нужно маминой ласки
И папин весёл разговор.
Возьму я коробочку спичек
И в теплой воде развожу,
Накину на дверь я крючочек
И там я отраву приму.

99.

Ой, судьба моя нелёгка, трудно в Москве жить,
Семью свою родную приходится забыть,
Семью свою родную приходится забыть,
А из дома мне пишу: роскошно сын живёт,
Получку получает, домой денег не шлёт.
Получку получает, домой денег не шлёт.
Какая ж моя получка, в месяц рублей пять,
Сижу и рассуждаю, куда деньги девать.
Сижу и рассуждаю, куда деньги девать.
Рубашка вся худая, пальто надо купить,
А денег этих мало, не лучше ль их пропить.
А денег этих мало, не лучше ль их пропить.
Пропьешь, ведь толку мало, пьянюшкой будут звать,
Не лучше ль в эти деньги в три листика сыграть.
Не лучше ль в эти деньги в три листика сыграть.
В три листика сыграл я, проиграл весь золотой,
Теперь сижу и думаю, поеду с чем домой.
Теперь сижу и думаю, поеду с чем домой.

100.

Зажигай-ка, мать, лампаду,
Не ныне, завтра я умру.
Весь белый свет я покидаю,
В могилу хладну жить пойду.
Там жёстко спать и нет измены,
И нет коварных злых мужчин.
Там залечит сердце раны,
Которы есть в груди моей.
А ты, мой милый, расхороший,
Приди могилку навещать.
Приди на общее кладбище,
Спроси там деда-старика,
Могила чья эта такая
И чья такая умерла.
И тут лежит одна девчонка,
От любви умерла,
От любви, от чахотки
В могилу хладну жить пошла.

101.

Ой, любовь, как ты зла,
Я тебя не знала.
Эх, сколько раз меня любовь
Плакать заставляла.
Говорила я дружку,
Часто повторяла:
«Эх, не влюбляйся в карий глаз —
Карий глаз-то опасный.
А влюбляйся в голубой —
Голубой прекрасный.

И вспомни, миленький дружок,
Как мы с тобой гуляли.

Ну, она повторяется, я не буду повторять.

В саду розовы цветы
Мы с тобой срывали.
Эх, на головушку венки
Мы с тобой сплетали.
Вот теперь я, милый мой,
Не такая стала.
Эх, нету прежней красоты,
Вся она завяла».

Ну, теперь и голосу нету. Кабы раньше, я пела хорошо...

102.

Сухой бы я корочкой питалась,
Холодну бы воду я пила.
Тобой бы, мой милый, наслаждалась
И тем бы довольна я была.
Сними ты мне комнату широкую,
И где одна я буду жить.
Ходи хоть ты раз ко мне в неделю,
И все равно буду любить.
Сколько я плакала, рыдала,
И ты, мой милый, не слышал.
И сколько я писем не писала,
И ты ко мне ответа не давал.
И сколько я лесу не рубила,
И крепче я дуба не нашла.
И сколько я милых не любила,
И лучше тебя я не нашла.

Ой, их сколько, песен-то!..

103.

Ох, и папироска,
Ох, и, друг ты мой, тайный.
Как мне тебя не курить.
Я курю, а сердечко мое ноет.
Дым взвивается кольцом,
А не мое ли сердце ноет.
Обливается слезой,
Обливается слезой.
Маша шьёт, набросает мне.
Хорошо сидит.
Брошу в уголок за зиму за карты,
Да возьму дружка.
Ох, новый хлопчик голый,
Где ты, милый мой.

Я нигде дружка своего не вижу,
Ни в Париже, ни и не в Москве.
Не видала я своего милого
Тёмной ночью, ни во крепком сне.
Его карточка висит на стенке,
И малютка дремал на руке.
Я отдам сестре свою малютку,
Сама выйду на крыльцо.
На крылечко я выходила,
Повстречался милый со мной.
Здравствуй, милая моя, хороша,
Я теперь стал не твой,
Я теперь стал не твой,
Я женился да на другой.
Ой, да я женился,
Да, скажем, разорился;
Тысяча двести, что я потерял,
Тысяча двести потерял
И себе жену взял себе не по нраву.
Всему дому она не мила,
Всему дому, всему роду,
Всем товарищам, друзьям.

Ой, какая песня хорошая! Только ее артелью надо петь.

104.

Вдоль по линии Кавказа,
Там сизой орёл летал,
Вдоль по линии Кавказа,
Там сизой орёл летал,
Под ракитою зелёной
Русский раненый лежал.
Под ракитою зелёной
Русский раненый лежал.
Он штыком к груди пронжённой
Крест свой медный прижимал.
Он штыком к груди пронжённой
Крест свой медный прижимал.
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок.
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок.
Над нём вился чёрный ворон,
Чуял лакомый кусок.
Над нём вился чёрный ворон,
Чуял лакомый кусок.
Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой,
Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой,
Ты добычи не добьешься,
Я солдат ещё живой!

Ты добычи не добьешься,
Я солдат ещё живой!
Ты слетай-ка, чёрный ворон,
К отцу с матерью родной!
Ты слетай-ка, чёрный ворон,
К отцу с матерью родной!
Передай платок кровавый
Моей жёнке молодой!
Передай платок кровавый
Моей жёнке молодой!
И скажи, что я женился,
Я женился на другой.
И скажи, что я женился,
Я женился на другой.
Взял приданого я много,
Все австрийские поля.
Взял приданого я много,
Все австрийские поля.
Мне винтовка — мать родная,
Шашка свадьбою была.
Мне винтовка — мать родная,
Шашка свадьбою была.
Свинцевая метка пуля
Обвенчала она меня.
Свинцевая метка пуля
Обвенчала она меня.

Ещё споём какую песню, раз распелись-то! Да плохо, некому помогать-то, мы за народом...

105.

Были дни весёлые, что и вспоминать.
Были дни весёлые, что и вспоминать.
Были дни весёлые, что и вспоминать,
Я забыть-то не забыл, другу полюбил,
Я забыть-то не забыл, другу полюбил.
Другая разлучница чем лучше меня?
Или лицо белое, карие глаза?
Разлучила с миленьким меня навсегда.
Разлучила с миленьким меня навсегда,
Измена лютая промеж нас легла.
И измена лютая промеж нас легла,
Разлучила с миленьким меня навсегда.

106.

Полночь, уж полночь пробило давно,
Лягу я спать, мне не спится.
Ветер осенний стучится в окно,
Ветер осенний стучится.
Ветер осенний стучится в окно,
Ветер осенний стучится.
Ветра осеннего жалобный стон

Слышать без слез не могу я.
Скоро ли, скоро ль найду я покой,
Скоро ли, скоро ль усну я?
Скоро ли, скоро ль найду я покой,
Скоро ли, скоро ль усну я?
Мой дорогой, как люблю я тебя,
Любишь ли ты, я не знаю.
Но терпеливо любовь я сношу
И горделиво страдаю.
Так терпеливо любовь я сношу
И горделиво страдаю.
Что же мне делать, иль в ноги упасть?
Слишком горда для признанья.
Я не хочу, чтоб весь мир узнавал
Гордого сердца страданья.
Я не хочу, чтоб весь мир узнавал
Гордого сердца страданья.
Полночь, уж полночь пробило давно,
Лягу я спать, мне не спится.
Ветер осенний стучится в окно,
Ветер осенний стучится.
Ветер осенний стучится в окно,
Ветер осенний стучится.

107.

.....мальчишка, не роби,
За порожнею седи,
Руки грязны, ноги босы,
Рубашонка как смола,
Руки грязны, ноги босы,
Рубашонка как смола.
Девчоночка-изменщица,
До чего ж ты довела.
Девчоночка изменщица,
До чего ж ты довела.
Дала беленький платочек,
И его назад взяла.
Дала беленький платочек,
И его назад взяла,
Чёрный ворон, друг залётный,
Ты летаешь далеко.
Чёрный ворон, друг залётный,
Ты летаешь далеко,
Ты слетай на ту сторонку,
Где мой маленький живет.
Ты слетай на ту сторонку,
Где мой маленький живет,
Передай дружку почтенье
И заочный поцелуй.
Передай дружку почтенье
И заочный поцелуй,
Если любишь, то признайся,

Любовь тайную открой.
Если любишь, то признайся,
Любовь тайную открой,
А не любишь — откажися,
Дай душе моей покой.

108.

Морям еду, веслом правлю,
Эх, поправляю, направляю.

Платком слезы вытираю,
Эх, ты не плачь, душа Анюта.
Ты не плачь, душа Анюта,
Нам осталась жить минута.

Нам осталась жить минута,
Эх, минутычка часовая.
Минутычка часовая,
Эх, нам разлука вековая.

Нам разлука вековая,
Эх, разлучают злые люди.
Разлучают злые люди,
Эх, как малюточку от груди.

Как малюточку от груди,
Эх, от грудиноки, от белою,
От грудиноки, от белою,
Эх, расстаётся лёд с водою.

Расстаётся лёд с водою,
Эх, а мы, миленький, с тобою.
А мы, миленький, с тобою,
Эх, лёд с водою опять сольётся.

Лёд с водою опять сольётся
Ой, а нам, милый, не придётся.

109.

В саду ягодка-малинка под закрытием росла.
Свет-княгиня молодая с князем в тереме жила.
А у князя был слугою Ванька-ключник молодой.
Ванька-ключник, молодой разлучник, разлучил князя с женой.
Князь дознался, догадался, посадил Ваньку в тюрьму.
Посадил он на неделю, посидел Ванюша год.
Ой, вы слуги мои, слуги, слуги верные мои.
Вы сходите, приведите Ваньку-ключника ко мне.
Вот ведут, ведут Ванюшу на шёлковом поясу.
На нём белая рубашенька, ветерочек кудри вьёт.
Ты скажи, скажи, Ванюша, сколько лет княгине жить.
Только знает грудь, моя рубашка, да подушка пухова.

110.

Ехали солдаты со службы домой,
На плечах погоны, на грудях кресты.
Едут по дороге. Родитель стоит.
— Здравствуй-ка, папаша.
— Здравствуй, сын родной.
— Расскажи, сыночек, про службу свою!
— Служба, слава Богу, окончилась,
Служба, слава Богу, окончилась.
Расскажи, папаша, про семью мою!
— Семья, слава Богу, прибавилась:
Жена молодая сына родила.
Сын отцу ни слова, сам сел на коня.
Подъезжает к дому, мать с женой стоит.
Подъезжает к дому, мать с женой стоит.
Мать держит малютку, жена во слезах,
Мать держит малютку, жена во слезах.
Мать сына просила: «Прости, сын, жену!».
Мать сына просила: «Прости, сын, жену!».
— Тебя, мать, прощаю, жену я не прощу,
Тебя, мать, прощаю, жену я не прощу!
Закипело сердце во правой груди,
Засверкала шашка во правой руке,
Засверкала шашка во правой руке,
Слетела головка с неверной жены,
Слетела головка с неверной жены.
— Что же я наделал, что ж я натворил?
Что же я наделал, что ж я натворил?
Малую малютку навек осиротил.
Малую малютку навек осиротил.
Жену похоронят, меня заберут,
Малую малютку в приют отдадут.
Малую малютку в приют отдадут

111.

В лес девчонки за грибами гурьбой собрались,
Как дошли до чащи леса, там поразбредлись.

Они ходят, собирают, путают траву,
А по лесу раздаётся весело: «Ау!».

Вот одна из них девчонка и грибы не рвёт,
Об одном она мечтает — долго мил нейдёт.

Тут раздался в лесе шорох, бедная дрожит,
Перед ней красивый парень, наклонясь, стоит.

«Ждёшь ты, ждёшь, моя милая», — весело сказал,
И привлек её в объятья, крепко целовал.

Не целуй меня, мой милый, душу не губи,
А другую, городскую, лучше люби.

И найдёшь ты с нею счастья, будешь счастлив жить.
Меня, бедную крестьянку, позабуди скорей».

«Нет, тебя я не забуду, будешь ты моя.
Буду осенью жениться, возьму за себя».

...(не помнит), с руки перстень снял,
Пояс шелковый лиловый за любовь отдал.

Вот приходит уже осень, а его все нет.
То на перстень, то на пояс бедная взглянёт.

На опушке в чаще леса берёза стоит,
А на этой на березе труп её висит.

112.

Как во нашей во деревне, во московской слободе
Был парнишка неженатый, лет семнадцать холостой.
Был парнишка неженатый, лет семнадцать холостой.

Вздумал Ванечка жениться, дозволения стал просить:
«Позволь, тятенька (папенька), жениться, позволь взять,
кого люблю!».

Отец сыну не поверил, что на свете любовь есть:
«У нас девушки все равны, можно каждую любить».
«У нас девушки все равны, можно каждую любить».

Заплакал, отвернулся, отцу слова не сказал.
Взял он ножик, взял он острый и пошел во сад гулять.

В этом садике зелёным есть дорожка станковая
Сел под яблоньку кудряву, стал он думать про себя.
Сел под яблоньку кудряву, стал он думать про себя.

Вынул ножик из кармана и зарезал сам себя.
Его буйная головка покатила по траве.
Его буйная головка покатила по траве.

Его очи в небо ясное, прямо в солнышко глядят,
Его письма дорогие прямо к Любушке летят.

Их Любаша принимала, их читала во слезах.
Не читала, тут упала, с милым кончилась любовь.

113.

Хас-Булат удалой, бедна сакля твоя
Золотою казной я осыплю тебя.

Дам коня, дам кинжал, дам винтовку свою,
А за это за всё, ты отдай мне жену.

Ты уж старый, седой, ей с тобой не житьё,
На заре юных лет ты загубишь её.

Под чинарой густой мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой, всё молчало кругом.

Она мне отдалась до последнего дня
И Аллахом клялась, что не любит тебя.

Ты невестой своей полюбуйся, поди,
Спит с кинжалом она в сакле моей,
Спит с кинжалом в груди.

Тут рассерженный князь саблю выхватил вдруг
Голова старика покатила на луг.

Нас женщина вот со стороны приходили невесту провожать. Собирались и вот пели, вот все песни и я пела эти песни.

114.

На берегу сидит морячка,
Она шелками платья шьёт,
Работа чудная такая,
Но шёлк она не достаёт⁶.

На счастье видит, парус вьётся,
Корабль ко бережку плывёт,
И вот подплыл, и всё готово,
Моряк ко девице идет.

«Моряк любезный, нет ли шёлку
У вас немного для меня?»
«А как не быть такой красоте
У нас есть разные шелка».

«Мне нужен белый, синий нежный,
Я для принцессы платье шью».
«Так потрудися, дорогая,
Войди на палубу мою».

Она вошла, парус поднялся,
Моряк ей шёлку не дает,
А про любовь в стране далёкой
Ей песню чудную поет.

Под шум волны, под ноты песни
Она заснула крепким сном,
А пробудившись, видит небо
И море синее кругом.

«Моряк, пусти меня на берег
Мне тошно от волны морской».

⁶ Последние две строки повторяются два раза.

«Проси что хочешь, но не это —
Я не расстануся с тобой».

«Нас три сестры: одна за графом.
Другая герцога жена,
А я всех краше, всех моложе
Простой морячкой быть должна».

«Не беспокойся, дорогая,
Оставь печальные мечты,
Ты не простой морячкой будешь,
А королевой будешь ты.

У нас Британия большая,
Зовусь я сыном короля,
Я много лет искал по свету
Тебя, красавица моя».

Это старинная песня тоже.

115.

В одном красивом месте,
На берегу реки
Стоял красивый домик,
В нём жили рыбаки.
Рыбак с своей рыбачкой
Рыбачили с бугра,
У них было три сына,
Красавцы хоть куда.
Один любил портниху,
Другой любил княжну,
А третий любил тайно
Охотника жену.
Любил он её тайно,
Охотник сам не знал,
Вся жизнь его разбита,
И он по ней страдал.
Задумал раз охотник
По лесу побродить,
Он встретил там цыганку
И начал ворожить.
Цыганка молодая
Умела ворожить,
Все карты разложила,
Боялась говорить.
«Жена твоя неверна:
Девятка так легла,
А туз виной — могила», —
Она произнесла.
Охотник усмехнулся,
Цыганке заплатил,
А сам тропой знакомой

Домой поворотил.
Подходит ближе к дому
И видит у крыльца:
Жена его неверна
В объятьях рыбака.
И выстрел тут раздался,
Рыбак молодой упал,
За ним жена неверна,
Потом охотник сам.
На утро все три труп
Лежали впереди,
Глаза полуоткрытые —
В могилу жить ушли.

Все эти песни повторяются по два раза, ну а я вам спела по одному, а так они повторяются по два раза. Последние строчки повторяются два раза потому, что она, иная песня, как-то и не складываются, если её петь один раз.

116.

В одном прекрасном месте
На берегу реки
Стоял красивый домик,
Там жили рыбаки.

Там жил рыбак с рыбачкой
С рыбачьего села.
У них было три сына,
Красавца хоть куда.

Один любил крестьянку,
Второй любил княжну,
А третий — молодую
Охотника жену.
А третий — молодую
Охотника жену.

Любил её он тайно,
Охотник тот не знал,
Что жизнь его разбита,
А он по ней страдал.
Что жизнь его разбита,
А он по ней страдал.

Однажды утром рано
Пошел в лес погулять,
Увидел там цыганку,
Задумал погадать.
Увидел там цыганку,
Задумал погадать.

Цыганка молодая
Умела ворожить

Все карты разложила,
Боялась говорить.
Все карты разложила,
Боялась говорить.

«Жена твоя неверна,
Шестерка пик легла.
А туз виной — могила», —
Она произнесла.
«А туз виной — могила», —
Она произнесла.

Охотник улыбнулся,
Цыганке уплатил.
А сам тропой знакомой
Домой поворотил.

И что же он увидел
У своего крыльца?
Жена его, злодейка,
В объятьях рыбака.
Жена его, злодейка,
В объятьях рыбака.

И тут раздался выстрел,
Рыбак на землю пал.
За ним жена молодая,
Потом охотник сам.
За ним жена молодая,
Потом охотник сам.

Жена его упала
На тело рыбака
И тихо прошептала:
«Ох, рана глубока».
И тихо прошептала:
«Ох, рана глубока».

117.

Полюбил волжанку молодой моряк,
У волжанки губки алые горят,
А во взгляде моря голубой прибой,
В целом мире, в целом мире, в целом мире
Нету девушки такой.
А во взгляде моря голубой прибой,
В целом мире, в целом мире, в целом мире
Нету девушки такой.

А моряк был парень тоже всем хорош.
Но любовь волжанки просто не возьмешь.
По душе ей парень, только для него
Не открыла, не открыла, не открыла

Тайну сердца своего.
По душе ей парень, только для него
Не открыла, не открыла, не открыла
Тайну сердца своего.

А теперь уехал далеко на юг
Бравый и сердечный черноокий друг.
Только знает Волга, быстрая река,
Как волжанка, как волжанка, как волжанка
Любит парня-моряка.
Только знает Волга, быстрая река,
Как волжанка, как волжанка, как волжанка
Любит парня-моряка.

118.

Где-то за Курильскою грядой,
Там, где ветры спорят со штормами,
Повстречал рыбак на берегу, да ой-ой-ой,
Девушку с оленьими глазами.

Ничего рыбак о ней не знал,
Он шаланду в море вел, тоскуя,
Никогда еще морской причал да ой-ой-ой
Не видал красавицу такую.

Подняла красавица глаза,
По его лицу вода рукою.
И впервые тут рыбак узнал да ой-ой-ой
Девушка была совсем слепую.

Где-то за Курильскою грядой
Можно встретить парочку такую,
Шел старик, счастливый, но седой да ой-ой-ой,
За собой подругу вел слепую.

Мы в девчонках <...> пели...

119.

Распустились весною берёзы,
От земли две большие косы,
С листьев капали крупные слёзы
Золотой от восхода росы.

Каждый кустик весной зеленеет,
Каждый к солнышку тянется куст,
Расскажи молодая берёза
Про свою затаенную грусть.

— Не о том я грущу и страдаю,
Никогда не изменит весна,
Жалко девушку мне молодую,
Под корнями зарыта она.

Немец крался деревней проклятой,
Всё разграбил, увёз из села,
Всё что нажито было когда-то
Немец сжѐг не жалея добра.

А девчонку, с которой гулял я
По широким просторам аллей,
Немец бил до потери сознания,
И повесил на ветке моей.

Вот о том я грущу и страдаю,
Никогда не изменит весна,
Жалко девушку мне молодую
Под корнями зарыта она.

120.

На Муромской дорожке стояли три сосны.
Со мной прощался милый до будущей весны.
Со мной прощался милый до будущей весны.

Он клялся и божился с одною со мной жить,
На дальней на сторонке одну меня любить.
На дальней на сторонке одну меня любить.

Однажды мне приснился ужасный страшный сон.
Мой миленький женился, нарушил клятву он.
Мой миленький женился, нарушил клятву он.

А я над сном смеялась при ярком свете дня.
Не может это сбыться, чтоб мил забыл меня.
Не может это сбыться, чтоб мил забыл меня.

Но вот тот сон мой сбылся, тот раннею весной.
Мой милый возвратился с красавицей женой.
Мой милый возвратился с красавицей женой.

Я у ворот стояла, когда он проезжал.
В большой толпе народа он взглядом отыскал.
В большой толпе народа он взглядом отыскал.

Он видит мои слёзы, глаза вниз опустил.
И тут злодей мой понял, что жизнь мою сгубил...
И тут злодей мой понял, что жизнь мою сгубил...

121.

На Мурманской дорожке стояли две сосны.
Со мной прощался милый до будущей весны.

Он клялся и божился со мной одною жить,
На дальней на сторонке одну меня любить.

Сел на коня, помчался в невиданную даль,
Оставил в моем сердце тоску да лишь печаль.

А я об нём скучала, все ночи не спала.
Всё выйду на крылечко, всё милого ждала.

Однажды мне приснился тревожный страшный сон:
Мой миленький женился, нарушил клятву он.

А я над ним смеялась при ярком свете дня:
Не может это сбыться, что мил забыл меня.

Но скоро сон мой сбылся, той раннею весной
Мой миленький приехал с красавицей женой.

Я у ворот стояла, когда он проезжал,
Меня в толпе народа глазами отыскал.

Увидел мои слёзы, глаза вниз опустил.
Знать, чует его сердце, чьё счастье он разбил.

Разбил всю жизнь младую, причем останусь жить.
Не так ли мне и делать, как он меня забыть?

Пуškai клятва карает, измены ждёт она,
Но я своею клятве по гроб буду верна.

Пойду под дуб зелёный, а там вода течёт.
Она меня в объятья холодные возьмёт.

Когда меня достанут с того речного дна,
Тогда злодей узнает, что клятве я верна.

122.

По деревне ходила со стадом овец
Деревенская Катя-пастушка.
И понравился ей укротитель зверей
Чернобровый красивый Андрюшка.
И понравился ей укротитель зверей
Чернобровый красивый Андрюшка.

Брось ты, Катенька, брось свое стадо овец
И поедем мы в жизнь городскую.
Наряжу я тебя в темно-синий костюм
И куплю тебе шляпу большую.
Наряжу я тебя в темно-синий костюм
И куплю тебе шляпу большую.

123.

И ходила с диким стадом овец
Белорусская Катя-пастушка.
И понравился ей укротитель зверей
Чернобровый, кудрявый Андрюшка.

«Давай бросим с тобой деревенскую жизнь
И сменяем на жизнь городскую.
И куплю я тебе темно-синий костюм
И соломенную шляпу большую».

Вот проходит уж год, а Андрея всё нет.
Народился у Кати ребенок.
Взяла ребенка с собой, проклиная судьбу,
Катя едет разыскивать мужа.

Научилась она водку горькую пить,
И ребенок у Кати скончался.
Научилась она по бульварам ходить,
Ей случайно Андрей повстречался.

«Эх, ты миленький мой, дорогой мой Андрей,
Но как давно я тебя не видала».
Чернобровый подлец покачал головой:
«Я тебя не видал и не знаю».

Закипела тут кровь во груди молодой,
И кинжал она в сердце вонзила.
«За измену твою, за неверность-любовь —
Вот за все я тебе отомстила».

124.

Весной гнала стадо овец деревенская Катя-пастушка,
И понравился ей покоритель сердец чернобровый красавец Андрюшка.
И понравился ей покоритель сердец чернобровый красавец Андрюшка.

«Давай, Катя, дружить: переменим всю жизнь, деревенскую на городскую,
И куплю я тебе темно-синий костюм и английскую шляпу большую».
И куплю я тебе темно-синий костюм и английскую шляпу большую».

Вот уж год пролетел, а Андрюши всё нет: он не едет, не пишет Катюше,
Проклиная судьбу, взяв ребёнка с собой, она едет к родному Андрюше.
Проклиная судьбу, взяв ребёнка с собой, она едет к родному Андрюше.

Научилась она водку горькую пить, и в дороге ребёнок скончался,
Научилась она по шалманам ходить, и однажды ей муж повстречался.
Научилась она по шалманам ходить, и однажды ей муж повстречался.

«Здравствуй, милый мой муж, ты ведь сыну отец, что не едешь,
не пишешь Катюше?»
Покачал головой чернобровый подлец: «Мы характерами не сошлись».

Закипела тут кровь во груди молодой, и она ему ножик вонзила:
«За измену твою, за коварную жизнь, вот за всё я тебе отомстила».

Всё, зарезала Андрюшу.

125.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
Выходила на берег домой.
Выходила на берег Катюша,
Выходила на берег домой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой, ты, песня, песенка девичья,
Ты лети на ясный солнца свет,
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую
И услышит, как она поёт,
Пусть он землю бережёт родную,
А любовь Катюша сбережёт.
Пусть он землю бережёт родную,
А любовь Катюша сбережёт.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Не выходит на берег Катюша,
А за нею немец молодой.
Не выходит на берег Катюша,
А за нею немец молодой.

На тебе, Катюша, я женюсь,
Увезу в Германию с собой.
А Катюша гордо отвечала:
«Не пойду я замуж за тебя,
У меня есть гордый парень Ваня,
Про него знает вся страна.
У меня есть гордый парень Ваня,
Про него знает вся страна».

Тут фашисту стало всё понятно,
Что Катюша любит партизан,
Закурил он гордо папиросу
И на Катю наставил наган.
Закурил он гордо папиросу
И на Катю наставил наган.

Бей, стреляй, немецкая зараза,
Всё равно мне скоро умирать,
Ты убил моего родного брата,
Ты сожжёт мою родную мать.
Ты убил моего родного брата,
Ты сожжёт мою родную мать.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Не выходит на берег Катюша,
Потому что нет её живой.
Не выходит на берег Катюша,
Потому что нет её живой.

126.

Как Коля Николаев задумал погулять,
<...> Марусю повидать.

На что я нагрубила несчастному ему,
Назначила свидание в зелёном саду.

Все звёздочки погасли, взошла уже луна,
А Ютина Маруся другого завела.

Часов в двенадцать ночи пошел Коля домой.
А Ютины ребята кричат: «Коля, стой!».

Остановился Коля, толпа его кругом.
«Сейчас тебя зарежем, сейчас тебя убьем...».

Зачем же вы ребята, товарища своего?
Из публики кричали: «Зарежем все равно!».

Тут двое подскочили и сшибли Колю с ног.
Два острые кинжала вонзили Коле в бок.

«Товарищ ты мой, Миша, представь ты за меня...».
«Нет, Коля, невозможно, зарежут и меня».

«Товарищ ты мой, Миша, в деревню побегай,
Извозчика скорее, извозчика давай...».

Извозчик ты, извозчик, вези меня скорей,
Я кровью истекаю от финских от ножей...

Привезли в больницу, и клали на кровать.
Два доктора стараются жизнь спасти...

«Спасайте, не спасайте, мне жизнь не дорога.
Сошлись два хулигана, без ножа...».

Часов в двенадцать ночи все с кладбища идут,
А Колю Николаева на кладбище везут...

На серой лошадке, вперёд идут попы.
А Ютины ребята кричат: «Коля, прости!».

На Колину могилку никто не придёт,
Только ранней весной соловей пропоёт...

Пропоёт, и просвищет, и опять улетит,
А могилка остается одна...

127.

Я вспомню те юные годы,
Когда малолеткой была,
Красотой была одарена
И в мире как роза цвела.

Родные меня все любили,
Мальчишки гонялись за мной.
Семнадцать мне лет миновало,
И что же случилось со мной.

Гуляли мы с милым по роще,
Мечтали о верной любви.
Потом я на землю упала,
Шептала, мой милый, люби.

Вдруг как молния ярко блеснула
С руки мне милого кольцо.
Домой я пошла торопливо,
А дождик мне резал в лицо.

Смочила я белое платье,
Пока до крылечка я шла.
Снимала я белое платье,
В постель я уложилась бледна.

С утра я всех раньше вставала,
К себе я милого ждала.
Нечаянно окно отворила,
А друга везут от венца.

Невеста нисколько не лучше,
Такая же бледная, как я,
Но только шикарно одета,
Должно быть, богаче меня.

Нечаянно дверь отворилась,
Заходит подруга моя.
— Здравствуй, почтенная Нюра,
Сейчас я на свадьбе была.

Там весело все танцевали
И громко кричали: «Ура!».

И тут же у Нюры на сердце
Тяжелая пуля легла.

Её хоронили в той роше,
Где милый ей клятву давал,
Сажал он её на колени,
Своею женой называл.

— Прости, прости, дорогая,
Прости, дорогая моя.
— Тебя я, мой милый, прощаю,
А Бог не простит никогда.

128.

В доме отдыхи в Карачарове
Первый раз я её повстречал
И душа моя вострепелулася,
В красоте ее был идеал.

Поздно вечером мы встречались
На опушке лесной близ реки,
Обнимались, целовались,
Это были счастливые дни.

Но недолго шло увлечение
Этой пышной ихней любви,
Придвигались две неделюшки,
Разъезжаться им надо домой.

И не раз она говорит ему:
«Вася, брось, у тебя есть жена».
А он весело улыбается:
«Ты серьезно меня завлекла».

Через год они не видались,
Вызывают тут Васю в местком,
Удивительно, поразительно,
Видит (как её) Лизу с прелестным сынком.

Сынок весело улыбаитца
И проворно глядит на отца,
А отец его узирается
И не хочет смотреть на сына.

«Милый Васенька, что мы сделали?
Я прощаю тебе за обман
А сыночка-то, сына родного
Воспитаем с тобой пополам».

Вот я последний куплет не знаю, в общем, он убежал.

129.

Тихо сияла луна серебристая,
Ветер слегка колыхал,
Речка бежала тихонько, волнистая
Лес словно что-то шептал.

Мы в эту ночь с ним сидели в объятии,
Слышали трель соловья,
Мне не забыть этих милых свиданий,
Я их буду помнить всегда.

Мы в эту ночь с ним сидели в объятии,
Вдруг предо мною он пал,
Щёки его, словно розы, алели,
«Я вас люблю», — прошептал.

«Милый, зачем предо мной унижаться?
Я вас ведь тоже люблю.
Порой о тебе я так часто страдаю,
Но быть я твоей не могу.

Отец твой, ты знаешь, священник прекрасный,
А ты, милый мой, коммунист.
Советскую власть он не любит ужасно,
Он явный у нас анархист».

«Последнее слово тебе, дорогая,
Ты будешь моей, или нет?».
«Твоею не буду, ещё повторяю.
Мой явный последний ответ».

И пали мне в голову мысли такие:
Убью я её и себя.
Пусть примет обоих земля нас сырая,
Тогда позабудит отца.

Наганчик она у меня увидала
И бросилась, было, бежать.
Свинцовая пуля в висок ей попала,
Она попыталась кричать.

Очнулся, и я лишь лежу на постели,
И врач предо мною стоит.
Чего-то он делает тут надо мною
И молча в глаза он глядит.

Пред вами я судьи (*чѐ-то, скажу вам всю правду*),
Судите за это меня.
Свяжите священнику руки и ноги
За то, что тиранил меня.

А мне, как убийце, расстрел присудите
За то, что (*в общем*) совершил,

И вместе с красоткой меня положите,
Которую ночью убил.

130.

Он был моряк, носил одну нашивочку,
А я в то время студенткою была.
И как-то раз случайно повстречались,
И полюбили мы друг друга не шутя.
Всё чаще, чаще мы с миленьким встречались,
Он говорил мне неизменные слова.
Он утешал меня под звуки соловьиные,
А я заснула на коленях, как дитя.
Он утешал меня под звуки соловьиные,
А я заснула на коленях, как дитя.
Потом не знаю, что с миленьким случилось:
Он не подходит ко мне день уже, другой.
Тогда идти к нему по набережной решила я,
А он танцует и смеется уж с другой.
И отомстить ему я в этот миг решила я
За измену и насмешку моряка.
Я подошла к нему и тихо попросилась,
Чтоб прокатиться с ним вдвоём до маяка.
Мы сели в лодочку, и сел он с неохотою
И всё времечко глядел по сторонам.
Потом мечты у нас серьезные рассеялись
И мы сидели, любовались волнам.

131.

Как на кладбище в Митрофанове
Отец дочку зарезал свою.
Как на кладбище в Митрофанове
Отец дочку зарезал свою.
Отец, дочь и мать жили весело,
Но изменчива твоя судьба.
Она смеялась над сироткою,
Мать в сырую могилу слегла.
Отец дочь любил после матери,
Но недолго была благодать.
Он нашел себе жену новую.
Надя, Надя вот будет нам мать.
Он нашел себе жену новую.
Надя, Надя вот будет нам мать.
Неродная мать ненавидела
И семилетнюю дочку сейчас.
Ах, ничем она не обидела,
Но задачку отцу задала.
Ах, ничем она не обидела,
Но задачку отцу задала.
Всей душой люблю тебя, миленький,
Только жить мне с тобою невмочь.
Говорить тебе даже совестно,
Жить на свете мешает нам дочь.
Говорить тебе даже совестно:

Жить на свете мешает нам дочь.
Ты убей её или в приют отдай,
Только делай всё это скорей.
А не сделаешь, я уйду тогда,
Мне одной будет жить веселей.
А не сделаешь, я уйду тогда,
Мне одной будет жить веселей.
Мысли зверские пали в голову:
Перестал отец дочку любить.
В детский дом отдать было совестно.
И решил отец дочку убить.
В детский дом отдать было совестно.
И решил отец дочку убить.
Жаркий день стоял, пахло зеленью.
На кладбище отец малютку стал звать.
Да пойдём со мной, моя милая,
Пойдём проведаем мать.
Да пойдём со мной, моя милая,
Пойдём проведаем мать.
Жаркий день стоял, пахло зеленью,
И к себе он малютку стал звать.
Подойди ко мне, моя милая,
Я хочу тебе слово сказать.
Она цветы рвала, сама думала,
Чтоб цветами могилу убрать.
Она цветы рвала, сама думала,
Чтоб цветами могилу убрать.
Жаркий день стоял, пахло зеленью
И малютку к себе он стал звать.
И к себе стал он крепко её жать.
Чтобы крик её не мешал ему,
И на помощь людей не созвал.
Чтобы крик её не мешал ему,
И на помощь людей не созвал.

132.

Комсомолочка играла милая,
Выходи плясать, Оля, милая,
Выходи плясать, ветер кудри вьёт.
Залётка Ванечка на свидание идёт.
Подошёл ко мне, он крепко руку жал,
А потом к своей меня груди прижал.
Он прижал меня рукой нежною:
Вспомни, девочка, любовь прежнюю.
Я испугалась и за кинжал его крепко держалась.
Я держалась, а в глазах был дым.
Не бойся, девочка, погибну я один.
Мы с подруженькой давай быстрее бежать.
А то за Ванечку придется нам страдать...

Вот он себя зарезал. Пришли на суд... Он её любил, а она другого любила, он себя зарезал. Это вот под гармонь, «Комсомолочку», плясать... Все забывается, уж не помню сколько годов!..

133.

В таверну заходили корабли,
Хороша и уютна наша гавань.
В таверне засиделись моряки,
И пили за здоровье атамана.

В таверне шум, и гам, и духота,
Пираты наслаждались танцем Мэри,
И в танце их пленила красота
В таверне открывались шумно двери:

В дверях стоял наездник молодой,
Глаза его, как молнии, блистали,
Наездник был красивый сам собой,
Пираты все его на битву звали.

Так, Мэри, вот — приехал Гари твой,
— Ребята он не наш, не с океана,
Так, Гари, посчитаемся с тобой, —
Раздался пьяный голос атамана;

«Капитана», — исправляет Ексин Р.А.

«Атамана мы пели», — заверяет Ексина А.С.

И в воздухе блеснули два ножа,
Пираты затаили все дыхание,
Все знали атамана как вождя,
И мастера по делу фехтования,

И на пол повалился атаман,
И губки Мэри что-то прошептали;
Погиб пират: пусть плачет океан,
Но кровь уже лилась с ножа у Гари.

Это мы пели все в 50-е годы.

133а.

В тавернах веселились моряки
И пили за здоровье атамана.
В тавернах раздавался шум и гам,
Матросы пили, танцевала Мэри.
А Мэри танцевала не спеша
И вдруг остановилась у двери.
В дверях стоял наездник молодой,
Глаза его как молнии блистали.
Наездник был красивый сам собой,
Матросы его Гарри величали.
«О, Гарри, Гарри, Гарри, ты не наш,
О, Гарри, ты чужой, из океана.
О, Гарри, вот расправлюсь я с тобой», —
Раздался пьяный голос атамана.

И в воздухе сверкнули два ножа,
Матросы затаили все дыханье.
Все знали, что дерутся два вождя,
Два мастера по делу фехтованья.
Пират сначала бойко наступал,
А Гарри потихоньку отбивался.
Матрос залился кровью и упал,
А Гарри сел на лошадь и умчался.

134.

В стране далекой юга,
Там, где не снится вьюга,
Жил был красавец Джонни молодой,
Был он большой повеса,
Ростом был с Геркулеса,
Храбрый, как Дон Кихот.

Рита и крошка Нелли
Джонни пленить умели,
Часто он клялся любить обоих,
Часто порой вечерней
Джонни плясал в таверне
Танго или фокстрот.

Вот уже две недели
Джонни не видит Нелли,
Рита с усмешкой шепчет тихонько:
«Нелли вам изменила,
Время проводит мило
С другим вот Элиродс».

Джонни спешит в отель
И в номер коварной Нелли
Стук-стук тихонько,
Слышит: «Войдите»,
Там он застал их в паре
С другим коварным Гари,
Тихо он ей сказал:

«Ваша подруга Рита
Очень на вас сердита,
Вот вам подарок — прошу примите:
Я же устал с дороги,
Будьте со мной не строги,
Дайте бокал вина».

«Пью я за счастье, за вас обоих,
За крошку Нелли, за вас обоих,
У Джонни денег хватит,
Джонни за всё заплатит,
Джонни на всё готов».

135.

Родился я на Волге в семье рыбака.
Не косить, не пахать, не портняжить,
А с весёлой братвой под названием «шпана»
Полюбил я по Волге бродяжить.

Полюбили мы крепко друг друга тогда,
Хотя часто встречались несмело,
Но в одну из ночей пригласили меня
На богатое крупное дело.

Ну и ночь была чрезвычайно тёмна,
Ну и риск для воров не обычен.
Поработали мы там не больше, как час,
И вернулись с богатой добычей.

Пела скрипка знакомый приволжский напев,
И баян переливами лился,
И не помню тогда, как во мраке хмельном
В молодую девчонку влюбился.

Ну и девка была чрезвычайно мила,
Как ночная фиалка.
За один поцелуй рад полжизни отдать,
А за ласки и жизни не жалко.

«Чтоб красивых любить, надо деньги иметь» —
Я над этим задумался крепко.
И решил я тогда: день и ночь воровать,
Чтобы быть поприличней одетым.

Воровал день и ночь: как цыганку одел,
Бросал деньги налево, направо,
И в одну из ночей крепко я погорел,
Вот уж тут началась моя драма.

Крикнул я: «Открывай ворота и прощай,
До свиданья, моя дорогая,
Здравствуй, каменный дом, мать-старушка тюрьма,
Здравствуй, цепь и решетка стальная».

Но недолго пришлось мне в тюрьме просидеть:
Моё сердце рвалось на волю,
И в одну из ночей, обманув часовых,
Я сумел убежать на свободу.

Я по степи бежал, рвался к дому скорей,
Но мне сердце моё представало,
Что напрасно бегу: нету места мне там,
Что всю совесть она потеряла.

«Вам кого, вам чего?» — не узнала меня.
На руках уж ребёнка держала.

«Мне сказали, что ты при побеге убит,
Я с другим свою жизнь продолжала».

Я ушел от неё, не простившись с ней,
Я ушел в Оренбургские степи,
Но жиганская кровь — молода и горда —
Не наденет позорные цепи.

Так давай посидим за веселым столом,
Пусть за окнами ветер бушует.
Пройдёт день, ещё день нашей жизни такой,
Но другой больше жизни не будет.

Сбежал он от неё, ушёл.

136.

Звенит звонок на счёт проверки,
Ланцов из замка убежал,
Звенит звонок на счёт проверки,
Ланцов из замка убежал,
Бежал беглец большой дорогой,
И повернул направо, в лес.
Бежал беглец большой дорогой,
И повернул направо, в лес.
Он долго по лесу шатался,
Молился Богу на восток.
Он долго по лесу шатался,
Молился Богу на восток.
Ходил он по лесу и долгу,
Свернул в дорогу на острог.
Ходил он по лесу и долгу,
Свернул в дорогу на острог...

137.

Живу я день, живу неделю,
А денег нету ни гроша.
Четверюков — барин богатый:
К нему наймусь я в сторожа.
Четверюков — барин богатый:
К нему наймусь я в сторожа.
<.....> идет один.
А пердо мною на коленях
Просил прощенья господин.
Возьми все златы и богатства
И не губи мою семью,
Оставь детишек моих малых,
Оставь красавицу жену!
А мой топор змеей (и)звивался,
Ножик дело совершил.
Всю я семью перерезал,
Много денег захватил.

Захвативши я деньжонки,
По дорожке поплелся.
Не дошел я до квартиры —
Меня поймали сторожа.
Меня поймали и сковали
И повели меня в тюрьму,
А я, мальчишка, не унываю,
Сижу да песенки пою.

138.

Всё васильки, васильки —
Много мелькает их в поле.
Я помню, у самой реки
Мы собирали для Оли.

Олечка цветик сорвёт,
Низко головку наклонит.
«Милый, смотри, василёк —
Твой поплывёт, мой потонет».
«Милый, смотри, василек —
Твой поплывёт, мой потонет».

Я её на руки брал,
В глазки смотрел голубые
И без конца целовал
Бледные щёчки, худые.

Оля любила реку,
Поздно гулять не боялась,
Часто по целым ночам
С милым на лодке каталась.

Раз пригласил он её,
Чтоб с нею вдвоем покататься,
А сам он задумал о том,
Чтоб с Олей навеки расстаться.

Лодка спокойно плыла,
Миленький к ней приклонился.
В грудь он кинжал ей вонзил,
Веночек из рук повалился.

В грудь он кинжал ей вонзил,
Веночек из рук повалился.
Наутро пришли рыбаки,
Олю нашли у пролива.

Надпись была на груди,
Что Олю любовь загубила.
Надпись была на груди,
Что Олю любовь загубила.

138а.

Ой, васильки, васильки,
Сколько мелькает вас в поле!
Помню, на самой заре
Вас собирали для Оли.

Оля возьмет василёк,
Низко головку наклонит.
«Милый, смотри, василёк
Мой поплывет, а твой тонет».

Оля любила реку,
Даже воды не боялась.
Часто по целым ночам
С милым на лодке каталась.

В жизни был случай такой —
Милый позвал покататься,
Было все тихо кругом,
В лодку помог ей забраться.

Оля себе там плела
Синий венок из цветов,
Милый глядел на неё,
Взгляд его был невеселый.

Быстро он вынул кинжал,
Низко над Олей склонился.
Олечка крикнула «Ой!»,
Венок голубой покатился.

Оля лежит на столе,
Олечки больше не будет.
Спи, дорогая, усни,
Милый тебя не забудет.

139.

«Ох, ну-ка граждане, немного в сторону.
Кому Елецкого, а мне Семёновну».

А ну-ка граждане, посторонитесь,
Как я сейчас спою, вы удивитесь.

Жила девушка с родной матерью,
Покрывала стол белой скатертью.

Чисто в комнате, а убиралась.
Скоро с матерью она рассталась.

Ох, и болела мать одну неделюшку,
Ах, покинула бедну девушку.

У гроба матери долго рыдала дочь,
А родной отец ей хотел помочь.

Ох, уговаривал он чернобровую,
Привяду тебе мамку новую.

Ох, товарищи, я вам хочу сказать,
Через неделюшку привёл он нову мать.

Маму новую, благородную,
Ох, обижать стала дочь неродную.

Быстро девушка а догадалася
И покинуть дом она решалася.

Эх, темной ноченькой ей не спалося,
Она с родным отцом поцеловалася.
А слезы брызнули, навек рассталася.

А соловей поёт та с канарейкою,
Она туда идёт тёмной аллеюкою,

А соловей песню продолжал звучать,
Она туда идет, где зарыта мать.

Она кричала там маму милую,
А ты прими, прими дочь любимую.

Ох, истомилася, а исстрадалася
Ответа матери ни дождалася.

Она стояла там, а среди могил,
А в руках у ней финский ножик был.

Ох, отцу в голову плохая мысль пришла,
А он не знал о том, а куда дочь ушла.

Ах, отцу в голову мысли ударили,
А на могилушку дойти заставили.

А видит он лежит платком закрытая,
А это дочь его кровью залитая.

А чтобы там лежать, а всей родной семье
То же самое сделал он себе.

А вот, товарищи, вам и песня вся,
Теперь и там лежит родная вся семья.

Вот я вам песню сказала. Чтобы запомнили вот. Да, я её в другой раз сижу одна запою. Я раньше плясала её, пела. <...> На гулянках, вот на свадьбе. Грустная. Да, кто вот скажет: «Марусь, спой эту песню, спляши!». А кто: «Да ну, не надо, под её только плакать».

140.

Жила девушка с родной матерью,
Накрывала стол белой скатертью,

Чисто в комнате убиралась.
С родной матерью она рассталась.

Похворала мать одну неделюшку
И оставила сиротку-девушку.

Над гробом матери надрывалась дочь,
И родной отец ей хотел помочь.

И уговаривал он дочь любимую:
«Приведу тебе я маму милую!».

Тише, граждане, что хочу сказать:
Через неделю ей привёл неродну мать.

Мать неродную, благородную.
Обижать стала дочь неродную.

Она над девушкой издевалась
И прогнать её она решалась.

Скоро девушка тут догадалась
И оставить дом она решалась.

Подошла она к отцовской коечке,
Сердце билось у девчоночки.

Подошла к отцу, поцеловалась.
В этот трудный час с ним рассталась.

Соловей песню пел канарейскую.
Пробиралась дочь ночь аллеюскою.

Соловей песню продолжал звучать,
Она дошла туда, где зарыта мать.

Она будила мать, маму милую:
«Ты возьми с собой дочь любимую!».

Мама милая, ты рано сгинула.
На кого ж ты, мать, меня покинула?».

Долго плакала она среди могил,
А в руках у ней острый ножик был.

В небе не было ни одной звёздочки.
Острый нож блеснул у девчоночки.

Отцу в голову такая мысль пришла:
Он не знал, куда любима дочь ушла.

Отцу в голову мысль представила,
На могилушку сходить заставила.

Полегонечку стал собираться тут,
Чтобы жена его не услыхала стук.

Подровнялся он с ее могилкою,
Видит: дочь лежит в груди с финкою.

«Что я мучаюсь не в родной семье!»
Вынул нож у ей и вонзил себе.

Ой, отцы, отцы, что хотим сказать:
Не водите вы к детям неродну мать!

141.

Жила девушка с родной матерью,
Накрывала стол белой скатертью.

Чисто в комнате убиралася,
Но скоро с матерью она рассталася.

Похворала мать всего неделюшку
И оставила сиротку-девушку.

Над гробом матери надрывалась дочь,
И родной отец ей хотел помочь.

Он уговаривал дочь любимую:
«Приведу тебе я маму милую».

Тише, граждане, я вам хочу сказать,
Через неделю он привёл неродну мать.

Мать неродную, благородную,
Обижать стала дочь неродную.

Она над девушкой издевалася
И прогнать её она решалася.

Но вскоре девушка догадалася
И покинуть дом она решалася.

Подошла она к отцовой коечке,
Сердце билось у девчоночки.

Подошла к отцу, поцеловалася,
В этот трудный час с ним рассталася.

Соловей песню пел канарейскую,
Пробиралась дочь темной аллеюю.

Соловей песне придал молчание,
И слышалось громко рыдание.

Она будила там маму милую:
«Ты возьми с собой дочь любимую!

Мама милая, ты рано сгинула,
На кого ж ты, мать, меня покинула?».

Долго плакала она среди могил,
А в руках у ней острый ножик был.

На небе не было ни одной звёздочки,
Острый нож блеснул у девчоночки.

Отцу в голову мысль така пришла:
Он не знал, куда любима дочь ушла.

Отцу в голову мысль представила —
На могилушку сходить заставила.

Поравнялся он с ее могилкою,
Видит дочь свою в груди с финкою.

«Что я мучаюсь не в родной семье», —
Вынул нож у ней и вонзил в себе.

Ах, отцы, отцы, я вам хочу сказать:
Не водите вы дитям неродну мать.

142.

Я «Семеновну» вам сейчас спою,
Как Нина-девушка сгубила жисть свою.

Нина-девушка была весёлая —
Могила ранняя ей припасённая.

На Нину-девушку не знали, что сказать.
Ее, весёлую, ругала часто мать.

Часто ругала мать Нину хорошую,
Не велела ей гулять с Лёшею.

А она Лёшу не могла забыть:
Решила Ниночка свою жисть сгубить.

Дождалась она — ушла с работы мать.
Взяла бумаги лист и начала писать.

Ох, сирень, сирень, веселей расти!
Писала Ниночка: «Дорогой, прости!».

Лист исписанный свернула Ниночка
И заплакала: «Прощай, малиночка!».

Взяла веревочку, в коридор пошла,
А там Ниночка себе смерть нашла.

Пришла с работы мать очумелая —
Висела Ниночка почернелая.

А узнал Лёнечка, к ним домой пришел
И записочку у ней в ногах нашел.

Читал записочку, слезы лилися:
На несчастье оба влюбились!

«Я любил тебя и хотел любить,
А ты задумала свою жисть сгубить!

Все трепалися, а ты слушала!
Что ж ты сделала — закон нарушила!

В могилу раннюю любовь отправила,
Меня, мальчика, страдать заставила».

Поклали Ниночку, платье кремово.
Лежала мать в ногах: «Что Нина сделала!»

Любимый брат её в ноги ей упал,
За любовь Лёша в гроб цветочки клал.

Цветы розовы, фиалка синяя.
Что ж ты сделала, Нина милая!

Несли Ниночку, все волновались.
Плакал Лёнечка: навек расстались.

Стали гроб спускать — соловей звучал.
В это времечко Лёша в крик кричал:

«А Нина милая, до свидания!».
Целовал ее на прощание.

«Дайте в последний раз взгляну на Ниночку,
Цветочек беленький кину в могилушку!».

Не надо так любить, не надо так страдать!
Молодой совет: любви совсем не знать.

143.

По Дону гуляет, по Дону гуляет,
По Дону гуляет казак молодой.

Там дева рыдает, там дева рыдает,
Там дева рыдает над быстрой рекой.

Её унимает, её унимает,
Её унимает казак молодой.

— О чём, дева, плачешь, о чём, дева, плачешь,
О чём, дева, плачешь, о чём слезы льешь?

— А как мне не плакать, а как мне не плакать,
А как мне не плакать, слез горьких не лить?

В садочке гуляла, в садочке гуляла,
В садочке гуляла, веночек плела.

Напемши веночек, напемши веночек,
Напемши веночек, к цыганке пошла.

«Погибнешь ты, дева, погибнешь ты, дева,
Погибнешь ты, дева, в день свадьбы своей!

Поедешь венчаться, поедешь венчаться,
Поедешь венчаться — потонешь в реке».

— Жених мой богатый, жених мой богатый,
Жених мой богатый, он выстроит мост,

Мост длинный-предлинный, мост длинный-предлинный,
Мост длинный-предлинный, на тысячу вёрст.

Вот тронулся поезд, вот тронулся поезд,
Вот тронулся поезд, и рухнулся мост.

Невеста с кареты, невеста с кареты,
Невеста с кареты упала в Дунай.

Подайте гитару, подайте гитару,
Подайте гитару, я песню спою,

Прославлю цыганку, прославлю цыганку,
Прославлю цыганку за правду её!

144.

Что вы, граждане, призадумались? Начинаю я вам напевать,
Как в одной семье что случилось: брат сестру приглашает гулять.

Поздно вечером со спектакля шли, возвращалась Маня домой.
Проводил её брат от публики, а потом кричит: «Маня, стой!».

Подошел он к ней аккуратненько и хотел он ей ручку пожать,
А потом он стал уговаривать: «Давай, Маня, со мною гулять!».

«Что ты, братец мой, аль с ума сошел? Как не стыдно тебе говорить?
И народу нам будет совестно, и все женщины будут судить».

Отца с матерью дома не было: они уехали рожь продавать.
Как уехали, он схватил её: «Ну, теперя ты, Маня, моя!»

.....
..... разрыв сердца — она умерла.

Учумелый брат пишет грамоту и оставил её на столе.
Взял веревочку, сам повесился на своём чердаке.

Отец с матерью приехали, Мане платье они привезли.
А как в дом вошли — Маня мёртвая, и записка лежит на столе.

А в записочке той написано: «Прощай, мать, и прощай, мой отец!
А ты, Манечка, невиновная — виноват сам во всем я, подлец!».

У отца из глаз слезы брызнули, и в бесчувстве валяется мать.
Собирайтесь все вы, товарищи, с хулигана веревку снимать!

144а.

Как в одной семье что случилось —
Брат с сестрою закон перешли.
Отец с матерью знать не знали то,
Вот что, дети, наделали вы.

Замечания за ними не было,
И за ними никто не следил.
Брал с сестрою жил, как и все живут,
Всею душой он её полюбил.

Я гулял в саду с ней в беседушке,
Любовался ее красотой.
Любовались мы природою,
И любовь была тайно со мной.

Но недолго нам пришлось вместе быть,
Прошло годик всего или два.
Стала Лизочка в положении,
И скрывать было больше нельзя.

Вот однажды я сижу в комнате,
Ко мне Лиза тихонько вошла.
«Милый братец мой, я беременна», —
Со слезами на столик легла.

Стали думать мы, как в дальнейшем жить
И как горе своё пережить.

И решили мы вместе с Лизочкой
Край родимый совсем позабыть.

Вот однажды мы в ночьку тёмную
Собралися совсем уходить,
Но от ужаса и от тяжести
Лиза плачет, рыдает, дрожит.

«Милый братец мой, что мы вздумали,
Разве можно из дома бежать?
А куда же мы с тобой денемся,
Когда время настанет рожать?»

«Перестань-ка ты плакать, Лизочка,
Раз не хочешь из дома бежать,
Чтобы нас не заметили,
Я пойду в свою комнату спать».

Простился я с сестрой, точно как с женой,
И пошел в свою комнату спать.
Она что-то тут мне ответила,
Но не мог ничего я понять.

Утром рано встал, вхожу в комнату,
Посмотрел на родных — они спят.
Слышу — Лизочка плачет голосом,
Я вернулся в тот час же узнать.

Но недолго мне пришлось...
Мой отец всё подробно узнал.
И сказал он мне: «Со двора ступай,
Чтоб в глаза я тебя не видал».

И решил я ехать с родины,
Чтобы Лизу в глаза не видать.
Скучно было мне, тосковал по ней
И решил ей письмо написать.

А в письме писал, чтоб ответ дала,
Поскорей написала б она.
Если плохо жить, приезжай ко мне,
Здесь не знают, что брат и сестра.

Но ответа мне не пришлось ждать,
Я решил поехать домой.
С нетерпением, с большой ревностью
Я решил поехать узнать.

Приехал я домой, вхожу в дом родной,
Никому ничего не сказал.
Вижу — Лизочка сидит с дочкою.
Я тотчас же ей ручку пожал.

И скажу, друзья, не влюбляйтесь,
Я любил её всю душой
И убил её я своей рукой
И покончил я жизнь над собой.

145.

Между гор между карпатских, между двух огромных скал
Пробирался ночью тёмной санитарный наш отряд.

Впереди идёт повозка, за повозкой — красный крест.
Из повозки слышны стоны: «Боже, скоро ль нам конец?»

«Скоро, скоро мы приедем», — отвечала им сестра,
А сама едва шагала, утомлённа и больна.

«Скоро в госпиталь приедем, я вас чаем напою,
Перевязки вам поправлю, домой письма напишу».

Вот один боец диктует: «Здравствуй, милая жена!
Жив я, ранен неопасно, скоро дома буду я!».

А второй боец диктует: «Здравствуй, милая жена!
Жив я, ранен тяжелько, и не жди домой меня!».

Стоны, звуки раздаются у соседнего шатра,
И к больному поспешила милосердная сестра.

И он ей говорит: «Сестрица, помолися обо мне!..»

И моя мать расплакалась на эту песню. Ну, она такая тревожная.

146.

Тёплый ветер прохладою веял,
Собрались девчонки гулять.
«Пойдём, Надя, пойдём, дорогая,
В лес в лесочек цветы собирать».

Шли дорогой, шутили, смеялись,
Незаметно к ручью подошли.
Пел соловушек песенки-трели,
Распевая, до леса дошли.

Колокольчики низко склонились,
Точно чуя беду пред собой.
Две девчонки их рвать наклонились
Для того чтоб снести их домой.

Солнце низко склонилось над лесом,
И журчал ручейчек в лесу.
«Подойди ко мне, милая Лида,
Я тебе как новость скажу.

Расскажу тебе, Лидочка, новость,
Не заставлю тебя долго ждать.
Выхожу я за милого замуж,
Приглашаю тебя погулять».

Вот прошел уже год незаметно,
Как не ходят девчонки в лесу.
Не поет соловей больше трели,
И не слышно подруг голосов.

А у Нади случилось несчастье —
Мужа в армию взяли служить.
И осталась, как в поле цветочек,
Стала Надя частенько тужить.

Вот прошел ещё год незаметно,
Как у Нади родилась дочь.
Надя часто жалела малютку,
Приходилось не спать день и ночь.

Ещё чаще жалела Ванюшу,
Никакого ей счастья нет,
А солдатик красивый и стройный,
Приглянулся удалый сосед.

И влюбилась в соседа не в шутку,
До тех пор, пока начал ходить.
Постучался, и дверь отворилась,
На пороге Надюша стоит.

«Здравствуй, Надя», — он ей поклонился.
«Здравствуй, Вася», — и стул подала.
Засмеялась, как будто девчонка,
А на сердце тревога была.

«Я пришел к тебе, Надя, признаться,
Что всем сердцем люблю я тебя.
И, поверь, не хочу притворяться
И что хочешь куплю для тебя».

И обнял ее Вася рукою.
«Что, Надюша, нам надо купить?
Платье модное, модную шляпку,
А ребенка нам надо убить».

«Что ты, Вася, не трогай малютку,
Сердце сжалось в груди у меня».
«Ну, довольно тебе притворяться,
Бери ножик, а то буду я».

Взяла ножик, подходит к кровати,
А ребенок встает и глядит.

«Мама, мамочка, милая мама,
Это папа на стуле сидит».

«Это, Олечка, папочка, папа,
Только, Олечка, папа не твой».
И вонзила малюточке ножик,
Только Олечка крикнула «Ой!».

Облилася подушечка кровью,
Когда вырвала нож из груди.
«Будь ты, Вася, счастлив и спокоен
И почаще ко мне заходи».

Облилася подушечка кровью,
И слегка изменилось лицо.
«Вася, кто-то стучится в окошко,
Вася, кто-то стучится в крыльцо».

Полюбовник тут к двери подходит,
Кто-то стукнул и прочь отошел.
«Отпирай, моя милая Надя,
Муж из армии в отпуск пришел».

Муж заходит с какой-то тревогой,
Достает положенье, увы.
И сейчас же глазами находит
Свою дочь, залитую в крови.

«Это что?» — и наган вынимает
И слегка нажимает курок.
И жене с любовником вместе
Остается коротенький срок.

Застрелил и на улицу вышел
И кричит: «Я двоих загубил!
Забирайте меня, я убийца,
Я обоим за дочь отомстил».

147.

На старинном иркутском вокзале
Паровозный гудок прогудел.
На скамейке под веткой сирени
Мальчуган очень грустный сидел.

На колени склонилась девчонка,
Она красива, как роза, была.
Она нежно его целовала,
На плечо опустила коса.

«Милый Ваня, зачем уезжаешь?
Ты, наверно, не любишь меня.
Ты, наверно, другую ласкаешь
И навеки забудешь меня».

«Верно, верно, моя дорогая.
Я и должен тебя не любить.
Я начальников слушаться должен
И навеки тебя позабыть».

Тут раздался гудок паровозный,
Пассажиры спешат на перрон.
Мальчуган, не простившись с любимой,
Поспешил в свой служебный вагон.

А в вагоне ему не сиделось,
Он приблизился ближе к окну.
На глаза навернулись слёзы,
Было жалко девчонку ему.

Отошел паровоз от вокзала,
Отошел на версты полторы.
У дороги толпа собралась,
Труп холодный девчонки нашли.

А наутро начальник вокзала
По перрону ходил сам не свой.
Его дочь от любви и разлуки
Под машину легла головой.

В то же утро в служебном вагоне
Мальчугана уж мёртвым нашли.
Так и кончилась жизнь молодая
От хорошей и верной любви.

148.

Ехал на ярмарку ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Эх, красное яблочко, розовый цвет,
Он меня любит, а я его нет.

Заехал в деревню, коней напоил,
Своею гульбою народ он дивил.
Эх, красное яблочко, розовый цвет,
Он меня любит, а я его нет.

Старых и малых потчует вином,
Эй, проливай, прольём — наживём.
Эх, красное яблочко, розовый цвет,
Он меня любит, а я его нет.

К стыдливой девчонке купец пристаёт,
Целует, милует, за ручку берёт.
Эх, красное яблочко, розовый цвет,
Он меня любит, а я его нет.

— Эх, купчик, голубчик, стой, не балуй,
Дочку мою не позорь, не целуй.

Эх, красное яблочко, розовый цвет,
Он меня любит, а я его нет.

А дочкина мать расторопна была,
С такойми словами к купцу подошла.
Эх, красное яблочко, розовый цвет,
Он меня любит, а я его нет.

— Прочь, отсюда, старая карга,
Пусть погуляет дочка твоя!
Эх, красное яблочко, розовый цвет,
Он меня любит, а я его нет.

По всей деревне славушка прошла:
Купческа дочка на зорьке пришла.
Эх, красное яблочко, розовый цвет,
Он меня любит, а я его нет.

Купческа дочка на зорьке пришла,
Целые колени серебра принесла.
Эх, красное яблочко, розовый цвет,
Он меня любит, а я его нет.

149.

Ехал на ярмарку ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Вздумал купец лошадей напоить,
Вздумал деревню гульбой удивить.

Вышел на улицу, весел и пьян,
В красной рубашке красив и румян.
Старых и малых он поит вином,
Пей, пропивай, поживём — наживём.

Красные девицы морщатся, пьют,
Пляшут, играют и песни поют.
К стыдливой девчонке купец пристаёт,
Он манит, целует, за ручку ведёт.

Красоткина мать расторопна была,
С гордою речью к купцу подошла.
«Ой, ты, купец, ой, не балуй,
Дочку мою не позорь, не целуй».

Ухарь-купец позвенел серебром:
«Нет, так не надо — другую найдём».
По всей по деревне погасли огни,
Старые, малые спать легли.

В одной лишь избушке не гаснет ночник,
Спит на печи подгулявший старик.

В старой рубаше, в дырявых лаптях,
Скомкана шапка лежит в головах.

Молится Богу старуха жена,
Плакать бы надо, не плачет она.
По всей по деревне славушка пошла:
Дочка-красавица на зорьке пришла.

Дочка-красавица на зорьке пришла,
Полный подол серебра принесла.
Полный подол серебра принесла,
А девичью совесть вином залила.

С ярмарки ехал ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
С ярмарки ехал, весел и пьян,
В красной рубашке красив и румян.

150.

Ехал с ярмарки ухар-купец,
Ухар-купец, удалой молодец.
Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
Ухар-купец, удалой молодец.

Заехал в деревню коней напоить,
Своею гульбою народ удивить.
Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
Своею гульбою народ удивить.

Старых и малых он потчевал вином,
Пей, пропивай, пропьём — наживём.
Ай-ля-ля-ляй, еще раз труляляй,
Пропьём — еще наживём.

Старый и малый до донушка пьют,
Пляшут, гуляют и песни поют.
Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
Пляшут, гуляют и песни поют.

К стыдливой девчонке купец пристаёт,
Целует, милует, за ручку берёт.
Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
Целует, милует, за ручку берет.

А дочкина мать смекалиста была,
С такими словами к купцу подошла.
Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
С такими словами к купцу подошла:

«Купчик, голубчик, стой, не балуй,
Дочку мою не позорь, не целуй!»

Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
Дочку мою не позорь, не целуй.

Старый купец тут и дело смекнул,
Старую чертовку ногою толкнул.
Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
Старую чертовку ногою толкнул.

«Что тебе надо, старая карга,
Пушай погуляет и дочка твоя».
Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
Пушай погуляет и дочка твоя.

Во всей уж деревни погасли огни,
Старые и малые спать полегли.
Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
Старые и малые спать полегли.

В одной лишь избушке горит огонек,
Спит прогулявший на лавке старик.
Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
Спит прогулявший на лавке старик.

В красной рубашке, в синих штанах,
Скомкана шапка лежит в головах.
Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
Скомкана шапка лежит в головах.

Крестьянская дочка на зорьке пришла,
Целые колени серебра принесла.
Ай-ля-ля-ляй, ещё раз труляляй,
Целые колени серебра принесла.

Целые колени серебра принесла,
А девичью совесть вином залила.

151.

За грибами в лес девчонки собрались.
Как дошли до края леса, все поразбредились.

А одна не запеваёт и грибов не рвет.
Об одном она мечтает, все кого-то ждёт.
Об одном она мечтает, все кого-то ждёт.

Вдруг в кустах зашевелилось, бедная дрожит.
Перед ней красивый парень, молодой стоит.
Перед ней красивый парень, молодой стоит.

«Что ж ты ждешь, моя милая?» — ласково сказал.
И привлёк ее в объятия, и поцеловал.

— Не целуй меня, мой милый, душу не губи,
А другую, городскую, лучше полюби.
А другую, городскую, лучше полюби.

Городская <жизнь хороша, счастлив будешь ты>
Меня, бедную крестьянку, позабудешь ты.
Меня, бедную крестьянку, позабудешь ты.

— Нет, тебя я не забуду, будешь ты моя.
Как приеду, повенчаю, возьму за себя.
Как приеду, повенчаю, возьму за себя.

Пояс шелковый достану, шею обниму.
Подаренный другу перстень на руке блеснул.
Подаренный другу перстень на руке блеснул.

Вот вам, девочки, наука, как в лесок ходить.
А другая вам наука, как ребят любить.

152.

За грибами в лес девчонки всей гурьбой сбрались.
Как дошли до чащи леса, все поразбрелись.

Ходят, бродят, собирают, мнут они траву,
А по лесу раздаётся весело «Ау!».

А одна из них девчонка ту траву не мнёт,
Об одном она мечтает, об одном поёт.

Впереди раздался шорох. Бедная дрожит.
Перед ней красивый парень наклонясь стоит.

«Ждешь, ты ждешь меня, родная», — парень ей сказал,
Принимал в свои объятия, крепко целовал.

«Нет, не жми ты меня, парень, душу не бреди,
А другую городскую лучше полюби».

«Нет, тебя я не забуду, радость ты моя!
Вот я осенью вернусь, возьму за себя».

Вот уж осень наступила, парень все не идёт,
А у ней под бедным сердцем дочушка растёт.

В той лесной опушке берёзонька стоит,
А на той березе труп её висит.

Пояс шелковый с кистями шею затянул.
Перстень, другом подарённый, на руке блеснул.

Вот вам, девушки, наука, как в лесу ходить.
Так вторая вам наука, как ребят любить.

153.

Скакал казак через долину,
Через манжуйские края.
Скакал казак, был одинокий,
Кольцо блестело на руке⁷...

Кольцо подруга подарила,
Когда казак ушёл в поход.
Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.

Вот год прошел — казак стрелою
В село родное поскакал.
Завидев хату под горою,
Забилось сердце казака.

Навстречу старая старушка
Идет, смеётся, говорит:
— Напрасно ты, казак, стремишься,
Напрасно мучаешь коня.

Тебе красотка изменила,
Другому счастье отдала.
А поезжай, казак, быстрее —
Её застанешь за столом.

Она сидит со своим милёнком
И пьёт настоечку с вином.
Казак повернул налево
И в чисто поле поскакал.

И вынул он свою винтовку,
И с жизнью покончил навсегда.
Пуškai казачка вспоминает,
Меня — донского казака!

154.

Закатилось солнце за поля,
Где пели песни пташки на разны голоса.
Под деревцем кудрявым стояла там изба.

Под деревцем кудрявым стояла там изба,
В той маленькой избушке там вдовушка жила.

В той маленькой избушке там вдовушка жила.
Однажды поздно вечером героя два пришли:

Однажды поздно вечером героя два пришли:
— Любезная хозяйюшка, пусти переночевать.

Любезная хозяйюшка, пусти переночевать.
— Я печку не топила, гостей я не ждала.

⁷ Здесь и далее последние две строки куплета повторяются дважды.

Я печку не топила, гостей я не ждала.
Я в поле работала, домой поздно пришла.

Я в поле работала, домой поздно пришла.
— Любезная хозяйюшка, не надо ничего.

Любезная хозяйюшка, не надо ничего.
Мы завтра на рассвете в поход опять пойдем.

Мы завтра на рассвете в поход опять пойдем.
Хозяйка растопила, пустила ночевать.

Хозяйка растопила, пустила ночевать.
Один герой заходит, садится прям за стол.

Один герой заходит, садится прям за стол.
Второй герой заходит, заводит разговор.

Второй герой заходит, заводит разговор:
— Скажи, скажи, хозяйюшка, давно ли ты вдова?

Скажи, скажи, хозяйюшка, давно ли ты вдова?
— В семнадцатом годочке случилась война.

В семнадцатом годочке случилась война.
Я мужа проводила, сыночка отдала.

Я мужа проводила, сыночка отдала.
— Признай, признай хозяйюшка, ты сына своего.

Признай, признай хозяйюшка, ты сына своего.
Еще признай, хозяйюшка, ты мужа своего.

Еще признай, хозяйюшка, ты мужа своего.
Хозяйка испугалась и тут же обняла.

155.

Почему ж ты, ямщик, перестал песню петь
И сидишь ты какой-то унылый?
Колокольчик вдали продолжает звенеть,
А тебя не видать, друг мой милый.
Расскажу вам, друзья, почему ж не пою
И хожу я какой-то унылый.
Это было давно, с год примерно назад,
Вез я девушку трактом почтовым.
Круглолица, бела, словно тополь стройна
И накрыта платочком шелковым.
Кони мчались стрелой, точно ветер их нёс
И несла их нечистая сила.
Кони мчались стрелой, точно ветер их нёс
И несла их нечистая сила.
Вдруг казачий разъезд перерезал нам путь,

Тройка наша как вкопана стала.
Кто-то выстрелил вдруг прямо в девичью грудь,
И она как цветочек завяла.
Перед смертью она говорила ему:
«Я из тюрьмы на свободу бежала».
Перед смертью она лишь успела сказать:
«Я из тюрьмы на свободу сбежала».
Посмотрите, вдали холм высокий стоит,
Холм высокий с заросшей травой.
А под этим холмом крепко девушка спит,
Унесла эту песню с собою.

156.

Это было давно, лет семнадцать назад,
Вез я девушку трактом почтовым.
Круглолица, бела, словно тополь стройна
И накрыта платочком шелковым.
И просила она, чтоб я песню ей спел.
Я запел, а она подпевала.
Кони мчались стрелой, словно вихрь их нес,
И лукаво луна освещала.
Вдруг казачий разъезд перерезал нам путь,
Тройка словно как вкопана стала.
Кто-то выстрелил вдруг прямо в девичью грудь,
И она как цветочек завяла.
Умирала она на руках ямщика,
Кое-что о себе рассказала.
«Ты ямщик, мой ямщик, дорогой мой ямщик,
Я из тюрьмы на свободу бежала.
Кабы воля моя, я была бы твоя...»
И она как цветочек завяла.
Посмотрите: вдали холм высокий стоит,
Холм высокий, заросший травой.
А под этим холмом крепко девушка спит,
Унесла эту песню с собою.

157.

Там, вдали, в стране Иркутской <.....>
Он построен для народа, арестанты сидят в нём.
Там сидел красивый парень, он к расстрелу приговорён.
Он сидел в железной клетке и всё думал об одном.
Утром рано на рассвете ключник в камеру зашёл:
«Ты вставай-ка, брат, с постели, тебе смертный час пришёл».
Тут я мигом повернулся, мигом вышел со двора.
У ворот народ толпился, вся толпа была в слезах.
Девятнадцать выстрелили вдали, пули неслись под облака,
А двадцатая, злодейка, близко к сердцу прилегла.
В воскресенье мать-старушка к воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну передачу принесла.
Передайте, передайте, а то люди говорят,
Что в тюрьме той заключенной сына с голоду морят.

Тут привратник усмехнулся и сказал ей в ответ:
«Твоего родного сына и давно уже и нет.
Твоего родного сына и на свете больше нет».
Мать-старушка зарыдала, обратно к дому поплелась.
Не дошедши до квартиры, она тут же умерла.

158.

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Бежал он тайгою глухою,
Где пташки одни лишь поют.
Котёл его <сбоку> тревожит,
<Сухие коты ноги> бьют.

<Бежал из тюрьмы тёмной ночью,>
В тюрьме он за правду страдал.
Бежать ему нет больше мочи,
Пред ним расстился Байкал.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берёт.
Унылую песню заводит —
Про родину что-то поёт.

Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
«А здравствуй, а здравствуй, мамаша,
Здоров ли отец и мой брат?».

«Отец твой давно уж в могиле,
Землёю сырою зарыт.
А брат твой давно во Сибири,
Давно кандалами гремит.
А брат твой давно во Сибири,
Давно кандалами гремит.

Пойдем же, пойдем же, сыночек,
Пойдем домой.
Жена там по мужу скучает,
Детишки все плачут гурьбой.
Жена там по мужу скучает,
Детишки все плачут гурьбой».

159.

На рыбалке росла и завяла
Наша первая с Сашкой мечта,
Ах, зачем я его целовала
В первый раз в молодые уста.

Ах, зачем я его полюбила,
Ах, зачем я его завлекла.
Иль за черные кудри густые,
Голубые большие глаза?

В этот день было море спокойно,
И прибой у воды не шумел.
А наутро вдруг шторм разыгрался,
В море ехать никто не хотел.

Управляющий вдруг рассердился,
Расправляя большие усы:
«Понапрасну тогда я стремился,
У нас нет моряков, все трусы».

Тут забилося сердце у Сашки
И ещё у семи моряков.
«Не боимся мы шторма лихого,
Соли вам привезем сто пудов».

И взмахнул он большими кудрями,
Сашка первый на катер взошёл.
Он простился со мной, с моряками
И унылую песню завёл.

Катер дальше и дальше отходит,
Оставляя волнующий взгляд.
Мое сердце тогда предсказало —
Не вернется мой Сашка назад.

«Не пройдёт это шторм зря на море», —
Говорили тогда старики.
С этим штормом пришло моё горе,
Не вернулись назад моряки.

Ох, ты море, Охотское море,
Близ тебя я три года жила.
Близ тебя я увидела горе,
Близ тебя я несчастной была.

Всё я бурному морю прощала,
Гибель Сашки простить не могу,
Я стою и у моря рыдаю,
Потому что я Сашку люблю.

160.

Когда мне было лет пятнадцать,
То я не знала ничего.
А как исполнилось семнадцать,
Я полюбила одного.

И тайно я его любила,
И тайно он меня любил.

И мы искали в жизни счастья,
Но враг навеки нас разбил.

Его мать не пожелала
Наше счастье совершить
И сыну строго приказала
Меня, несчастную, забыть.

Но сын не вытерпел разлуки,
Он лег в постель и болен стал
И перед самою кончиной
Он слово матери сказал:

«Ах, мама, дай благословенье
Взять ту, котору я люблю,
И совершите наше счастье,
Тогда я, может, проживу».

Мать разрешила, но уж поздно,
Уж ему смерть была близка.
Вы вспоминайте его имя,
А он навек закрыл глаза.

Стояла летняя погода,
Светила ясная луна.
Между деревьями густыми
Лишь пробиралась она.

Она нашла его могилку
И близко к нею подошла,
Вонзила в грудь себе кинжалом
И на могиле умерла.

Наутро матери собрались
И на могилу к ним пришли:
«Простите, дети дорогие,
Любви не знали вашей мы».

161.

На Сормовском болоте случилась беда.
Семнадцать лет Маруся в Лёшу влюблена.

Ведь это не гулянье от калитки до ворот,
Гуляла Маня с Лёшей все ночи напролёт.

На Лёшино гулянье Маруся не пришла.
И тайная товарочка за нею не зашла.

От гулянья Лёша подругу отозвал:
«Пойди сходи за Маней», — ей Лёша наказал.

Идет она по улице, на улице темно,
А Маня в это время сидит, смотрит в окно.

В избе народу много, в избе огонь горит,
«Выдь, Маня, на крылечко, тебе Лёша велит».

Сердце её чуяло какую-то беду.
«Поди, поди, товарочка, я уж не пойду.

Милые товарочки, следите вы за мной,
Чего-то хочет сделать Лёша надо мной».

Идет Лёша по улице, а пыль ему в лицо.
А Маня в это время выходит на крыльцо.

И прямо без стеснения к Лёше подошла
И правою рукою Лёшу обняла.

«Здравствуй, милый Лёша, почто ты мне велел?»
«За измену, Манечка, зарезать вас хотел».

«Не я вас изменила, а изменил ты мне,
А если ты зарежешь, страдать будешь в тюрьме».

«Я всё равно зарежу, за что — я буду знать.
А ты, Маруся, будешь в сырой земле лежать».

И левою рукою он Манечку обнял,
А правой незаметно он ножик вынимал.

И правой незаметно вонзил он в грудь ножом.
Тут Манечка упала, а Лёша отошёл.

Улица волнуется, народ шумит, бежит.
А Маня в это время без памяти лежит.

Подруга прибежала, милицию звала,
Милиция приехала и Лёшу забрала.

Подруга прибежала, кричала лошадей,
«Везите нашу Манечку в больницу поскорей!».

В больницу привозили и клали их на стол.
Рану перевязали и дали ей покой.

Со стола сложили и клали на кровать.
Сложила Маня ручки и стала умирать.

В ту горькую минуту мать её пришла,
Стала на колени и плакать начала.

«Не плачь, не плачь, мамаша, не плачь, родная мать.
За измену Лёше должна я пострадать».

Улица волнуется, все с фабрики идут.
А бедную Марусю на кладбище несут.

Несли её на кладбище, дрожала вся земля.
А мать с отцом кричали: «Погибла от ножа!».

В могилу опускали, смутился вольный свет,
А мать с отцом кричали: «Маруси больше нет!».

Над Маниной могилкой подруженька рыдала:
«Вставай, вставай, Марусенька, гармошка заиграла».

На Маниной могилке кукушечка кукует:
«Зарезал Лёша Маню, а теперь тоскует».

На Маниной могилке цветочки расцветают,
А Лёша вместо Мани другую увлекает.

Кончаю петь страдания, должны вы все понять:
Не надо так влюбляться, не надо так гулять.

162.

.....
В военной тревоге родилась красавица-дочь, а у них ещё был мальчик впереди.

Она скоро здоровьем окрепла,
Дочь и сына любила она.
В детский дом она их приютила,
А сама в партизаны ушла.

«Милы дети, я так вас любила,
Но люблю и Отчизну свою.
Помни, сын, материнское слово,
Не бросай ты сестренку свою.

Остаешься вдвоем ты с сестрёнкой,
Сам ты знаешь, что взяли отца.
Вот и я уйду в партизаны».
Покатилась прощальна слеза.

Как попалась она к немцам в руки,
И жестоко пытали её.
И красивы глаза удалили
И покончили жизнь у неё.

Брат с сестрёнкою жили все вместе,
И нигде не бросал он её.
Когда немцы к селу подходили,
Их отправили в тыл далеко.

И отец был храбрый воин,
Беспощадно врагов истреблял,
А что дома творилось, не знал он,
И никто письма не писал.

И пошел он с отрядом в разведку,
Там ранили сильно его.
Подобрали его на носилках
И отправили в тыл далеко.

Там одна дама жила одиноко,
Мастерица, портниха была.
Её мужа убили на фронте,
Она мужа другого нашла.

И в какой-то беседе она его спросила:

«Разреши мне приимыша взять.
Я хочу, чтоб у нас были дети,
Ведь они будут нам помогать».

Он говорит:

«Я не против твоего предложенья,
Кого хочешь, того и бери.
Ты иди к заву детского дома
И получишь себе подбери».

Она ближе к детишкам подходит,
Ей понравилась дочка одна.
А в неё уцепился братишка:
«Не отдам, это сестрёнка моя».

Она домой возвратилась со слезами, а отец ей опять говорит:

«Не плачь, дорогая супруга,
Приведи их обоих домой,
Тебе будет родная дочурка,
А мне будет сыночек родной».

Мальчишечка-то узнал отца. Он говорит:

«Неужели же ты не узнаёшь
Своего сына ты, Вовку, меня,
Я сестрёнку свою не бросаю,
Родилась она без тебя».

Крупны слезы отца покатались,
Обнимает он родных детей.
«Теперь моё сердце спокойно,
Дети с нами, и жить веселей».

163.

Шумел бушующий камин,
Судили парня молодого.
Он был красивый сам собой,
Но в жизни сделал много злого.

Он попросился говорить,
И судьи слово ему дали.

Его речь была полна
И слез, и грусти, и печали.

«Когда мне было десять лет,
Я из родной земли сорвался
И начал грабить, воровать
И со шпаную я связался.

Когда мне было двадцать лет,
Я был в кругу друзей любимых,
Я много денег добывал,
Деля добычу вместе с ними.

Одно село решили брать,
Где люди тихо, мирно спали,
И стали грабить один дом,
Но света в нём не зажигали.

Когда закончили грабеж
Без всяких шороха и шума,
Из дома вышли уже все,
Но кто-то вспомнил моё имя.

Тогда я в доме свет зажёл,
О, братцы, что я здесь увидел!
Я в это время проклинал всё
И белый свет возненавидел.

Передо мной лежала мать,
В груди с кинжалом, умирая,
Она давно меня ждала
И приласкать меня мечтая.

А на полу лежал отец,
Он был убит моей рукою,
И труп его давно остыл,
Залитый весь холодной кровью.

А шестилетняя сестра
В кровати тихо умирала.
Она, как рыбка без воды,
Свой ротик нежно открывала».

Когда он кончил говорить,
Зал переполнен был слезами,
Народу стало его жаль,
А судьи приговор читали.

Хотя ты правду нам сказал,
Но мы простить тебя не можем.
За злодеяния твои
К расстрелу приговор выносим.

Шумел бушующий камин,
Вели к расстрелу молодого.
Он красивый сам собой,
Но в жизни сделал много злого.

164.

Повстречался с одною девчонкой,
Некрасивой, но милой такой:
Роста среднего, шаль голубая
Разукрашена черной каймой.

Проводил я с ней целые ночи,
Приходилось ночами не спать.
Целовал я её в алые губы
И не думал я с нею кончать.

Но однажды она мне сказала:
«Расстаемся с тобой, дорогой!
Я навеки тебя покидаю:
Мне понравился парень другой.

И забилося тут сердце с тревоги:
Что мне делать и как мне быть?
Вынимаю наган из кармана
И решил я её застрелить.

Тут мне стало жалко девчонку,
Но другого тут выхода нет.
Снял с неё голубую шалёнку...
Застрелил — её больше уж нет.

165.

Жили две сёстры, Лида с Зоею,
Любили мальчика, звали Колею.

Расхороший был мальчик Колечка.
Любил он девушку, звали Зочка.

Сестра Лидочка на Зою злилася
И убить она решилася.

Трава зеленая, там ручьи текут.
Лида с Зоею туда гулять идут.

Там ручьи текут, трава зелёная,
Там гуляние было весёлое.

На той гуляночке был мальчик Колечка,
Позвала его к себе Зочка.

Сестра Лидочка дело сметила,
Следы Зоины она приметила.

Она пришла домой, заперла замок,
А себе она в руки взяла топор.

Зоя шла домой, была угрюмая,
Об опасности она не думала.

Открывает дверь, сердце так болит,
Видит Лидочка с топором стоит.

Засверкал топор — упала Зочка,
Только крикнула: «Прощай, друг Колечка!».

Он вбежал в крыльцо: «Что ты, Зочка?» —
Неподалёку шел мальчик Колечка.

Ах ты, Лидочка, ах ты, зверь лесной,
Не пожалела ты своей сестры родной.

Пароход идет, волны так и бьют.
Зверскую девочку во тюрьму ведут.

Ах, тюрьма, тюрьма, тюрьма тюремная,
За решёткою сидит девочка зверская.

Пароход идет, волны мутились,
А в тюрьме Лидочка одушилась.

По деревне слух печальный носится:
Мальчик Колечка в речку бросился.

Не стало Лидочки, не стало Зочки,
Ещё Семенова не стало Колечки.

Не надо так любить, не надо так страдать,
От всего сердца любовь не сказать.

Вот спасибо вам за играньице,
А вам, публика, за вниманьице.

166.

Любовь все знают хорошо,
Когда взаимною бывает.
Во многих случаях она
У многих счастье отнимает.

Один вам случай я скажу,
Своими видела глазами.
Судили девушку одну.
Она дитя была годами.

Когда назначен был ей суд,
Зал переполнен был народом.
Когда на суд её вели,
Конвой мучитель ей дорогу.

Она красиво говорит.
И судьи ей не отказали.
Когда закончила она,
Зал переполнен был слезами.

Как я работать не могла,
Все по карманам воровала.
И деньги милому дружку
Все до копейки отдавала.

Среди родных, среди друзей
Он гордо хвастался другою.
И тихо красил душу мне
Любовь коварную змеёю.

Однажды выгнал он меня,
Я отомстить ему решила.
Вонзила в грудь ему кинжал,
Ох, судьи, я его убила.

Я снисхожденья не прошу
И признаю себя виновной.
Читайте приговор скорей
А то и так уж сердце больно.

Вдруг закачалась она,
Последний вздох в груди раздался.
И приговор в руках судьи
Так незачитанным остался.

ЧАСТУШКИ

«Подробить, так подробить...»

167.

Подробить, так подробить,
Чтобы подробилось!
Полюбить такого парня,
Чтобы сердце билось!

168.

Подруженька, дроби, дроби,
А я так буду ходить!
Тебя дроби увлекают —
Меня так будут любить!

169.

А, разрешите, я спляшу
На этой территории.
Если я его не стою,
Он меня — тем более.

170.

Не жениться вы приехали,
Не девок выбирать.
Вы, молоденьки, приехали
Попить да погулять.

171.

Я цыганочку плясала,
Увидала меня мать:
На работу тебя нету,
А плясать-то ты на ять!!!

172.

Я плясала в три ноги,
Потеряла сапоги,
Оглянулася назад —
Сапоги мои стоят.

173.

Говорят, что я старуха,
А мне все не верится.
А какая ж я старуха —
Во мне все шевелится.

174.

Выходи ко мне на пару,
Напарничек дорогой.
Я люблю твою походку —
Ты качаешь головой.

«Гармонист, гармонист, хорошо играете...»

175.

Гармонист, гармонист,
Хорошо играете.
Почему вы, гармонист,
С нами не гуляете?

176.

Дорогой, ты милый Саша,
Сыграй Еропланию.
Ты завел себе матаню
Каку звали Анею.

177.

Я на Федину баяночку
Накапаю вина,
Чтобы Фебина баяночка
Веселая была!

178.

Цыганёнок молодой,
Брось свое гадание,

Бери гитару и пойдём
С нами на гуляние...

179.

А у нас Саша — гармонист,
Девушек уважит,
Хоть ты любит, хоть ты — нет,
Он виду не покажет.

«Пойте, пойте, пойте все...»

180.

Пойте, пойте, пойте все,
Пойте все девчоночки!
Только ты одна не пой,
В розовой кофточке!

181.

Девушки, гуляйте
Вечерами дольше.
Молодость — не лето,
Не вернётся больше!

182.

У подружки я гуляла
На девичнике,
Оборвали с кавалерам
Все наливники.

183.

Я частушек много знаю
И хороших и плохих.
Интересно будет слушать,
Кто не знает никаких.

184.

Я частушек много знаю,
Припеваю первую.
Критикую тебя милый
За любовь неверную.

«Бешеного»

185.

А что ж не сплясать,
Что же мне не топнуть?
Неужели в этом доме
Переклады лопнут?

186.

А я выйду, выйду, выйду,
Головой качну,

Потом серыми глазами
Завлекать начну!

187.

Я пою, пою, пою,
А плясать боюсь.
Подождите, я еще
Может, разойдусь.

188.

Играй, гармонист,
Чтобы кудри вились,
А я тебе моргну
Незаметно никому.

189.

Играй, гармонист,
Я тебя потешу.
Сниму с лошади хомут,
На тебя повешу.

190.

И пляска здесь,
И веселье здесь,
Только нет одного —
Страдателя моего.

191.

Ай, кудри мое
По всей голове!
Завела себе мотаню
На чужой стороне!

192.

А я эту ведьму,
А я эту шельму
Догоню и повалю,
Прикрою шинелью!

193.

Ох, мил, ты мой мил,
Провалился в овин.
Я поохала, поохала,
Полезла за ним!

194.

Эх, милка моя,
Что-нибудь поделай:
Или пол подмой,
Или ляг со мной.

195.

У подруги на пиру
Провалилась в дыру,

Не пойду больше на пир:
У подруги много дыр.

196.

Ох, песня вся
Закончилась.
Мужик бабу кулаком —
Она скорчилась.

197.

Ох, ёшт, ты мой ёшт,
Намочил меня дождь!
Постою на берегу,
Что я, дура, не бегу?

198.

Ай, шибче, круг,
Дайте мне дорогу!
Я капитанова жена,
Иду с пароходу!

«Цыганочка»

199.

Мне цыганочку плясать
Дома разрешили,
Если граждане не прочь,
Дайте круг пошире.

200.

Чтоб цыганочку плясать,
Надо много песен знать.
А я знаю только пять,
Разрешите мне сплясать.

201.

А цыганочку плясать
Ноги так и топают.
Почему цыгане черны? —
По ночам работают.

202.

А цыганочку плясать,
Никому не указать,
Буду милого любить,
Никому не перебить.

203.

Ай, цыганочку плясать
И не знаю, как начать.
Брошу кепочку на веточку.
Даешь её качать.
Оха-оха! Какая я растрепана.

204.

Я цыганочку плясала,
Увидала меня мать.
«Хлеба нет, а ты все пляшешь!».
И давай меня ругать.

205.

Ты цыган и я цыган,
Оба мы цыгане,
Ты воруеть лошадей,
А я ворую сани.

206.

Цыганка жала на горе,
Цыган подъехал на коне.
«Садись, красавица моя.
Поедем в дальние края».

207.

Цыган цыганке говорит:
«Дальняя дорога.
Сердце ноёт и болит,
Припаяли много».

208.

Цыган цыганке говорит:
«У меня давно стоит».
Что стоит? Чего стоит?
Ничего не говорит.

209.

У моей цыганочки
Глазки как у рыбочки,
Как у рыбки, у ярша,
Зато милка хороша.

210.

Ах, цыган цыганочку
Да вывел на поляночку:
— Вот тебе, цыганочка,
Зеленая поляночка!

211.

У цыгана в огороде
Есть железная кровать.
Вот повадилась цыганочка
К цыгану ночевать.

212.

У цыгана в огороде
Есть колодец ключевой
Вот повадилась цыганочка
К цыгану за водой.

213.

Все цыгане собрались,
На лавочку сели,
Моего цыгана нет,
Его черти съели.

214.

Все цыгане за столом
Чай пили, обедали.
Подмигнула одному,
А семеро забежали.

215.

А за цыгана выйду замуж,
Хоть родная мать убей!
А буду ездить по деревне
И обманывать людей.

216.

За цыгана выду замуж
Буду я цыганочка.
Приходи ко мне гадать
Тайная товарочка.

217.

А на большой дороженьке
Цыгане повстречались.
Цыган цыганку полюбил
Тут и обвенчались.

«Елецкого»**218.**

Не елецкого играешь,
А сыграй елецкого.
А я выйду припою —
Девушка советская.

219.

А елецкого, елецкого,
Елецкого, елец,
Мил на улице, я с улицы,
Зовёт меня в крылец.

220.

А елецкого, елецкого,
Елецкого, ельца,
Никогда я не забуду,
Как упала я с крыльца.

221.

А елецкого, елецкого
Елецкого даёшь,

Отойди, такая сволочь,
Мое сердце не тревожь!

222.

Я елецкого пляшу,
На все стороны гляжу.
То на север, то на юг.
Любить залёточку каюк.

223.

Ах, Елец, Елец, Елец,
Поехал милый под венец,
А я встала на пути —
Тебе, зараза, не пройти!

«Сормача»

224.

Эх, вот она и заиграла,
А во зеленых лугах,
А не у меня она играет,
У товарища в руках.

225.

Эх, не у меня она играет,
А у товарища в руках,
А вот она и заиграла
И затопал вороной.

226.

Эх, вот она и заиграла,
А и затопал вороной.
Ох, вся муромска милиция
Приехала за мной.

227.

Вот она и заиграла,
Вот и запиликала.
Люди с радости поют,
Я с горя великого!

228.

Ты заигрывай, товарищ,
А я буду припевать.
За мою за левую ногу
Что-то стало задевать.

229.

А сыграй-ка, милый Ваня,
Веселого Сормача.
В это время забываю
Я залетку трепача.

230.

Ваня весело играет,
Когда улицей идёт.
Моему сердцу ретивому
Спокою не даёт.

231.

«Сормовско́го» с перебором
Начинаю припевать.
За моё-то ретивое
Что-то стало задевать.

232.

В поле камешки горели,
А я бегал на пожар.
А кому какое дело,
Я Мотаню провожал.

233.

Мы с товарищем работали
На северной Двине.
Ничего не приходило
Ни товарищу, ни мне!

234.

Товарищи, что вы мне,
Что вы плачете по мне?
Всё равно мне, хулигану,
Сидеть в каменной тюрьме.

235.

А в тюрьме каменной не дома,
Не у матери родной.
Не пустят на свидание
К девчонке молодой.

236.

Что, товарищ, не стреляешь?
Серы уточки летят.
Что, товарищ, не гуляешь,
Или дома не велят?

237.

А ты играй, товарищ, тише,
Спит залёточка моя,
Спит на розовой подушечке,
Забыла про меня.

«Страдания»

238.

Вот она и заиграла на широком на ремне,
Подойди по старой памяти, залёточка, ко мне.

239.

Ох, я страдала, страданула,
Ох, мать поленом жиганула.

А я плакала, рыдала,
Ой, как здорово попало.

240.

Ох, расстрадай, король бубновый,
У меня страдатель новый.

У меня страдатель Мишка,
Лет семнадцати мальчишка.

241.

Ох, не страдала, была я
Как цветочек полевой.

Страдать стала и завяла,
Залёточка дорогой.

242.

А не страдала, была пышка,
А сволочь высушил мальчишка.

А не страдайте, девки, даром,
Все страдайте лишь с обманом.

243.

Ох, не страдайте, девки, даром,
Все страдатели с обманом.

Они божутся, клянутся,
Отворотятся — смеются.

«Во саду ли...»**244.**

А сыграй-ка, милый Коля,
«Во саду ли» дольше,
А мы спляшем «Во саду ли»
И не будем больше.

245.

Во саду, в самом заду
Все яблочки на виду:
Тамарочка, Маша, Мила,
Вот и я к тебе иду.

246.

Во саду ли, в огороде,
Черёмухою пахнет.
Парень девку заразил,
И сейчас зачахнет.

247.

Во саду ли, в огороде
Девушка гуляла.
Она правою рукой
Мужа обнимала.

248.

Во саду, самом заду
Листья разгорались.
Тяжела была минута —
С милым расставались.

«Сашоночка»

249.

Сашоночку заиграли,
Сердце растревожили,
Мы с залёточкой в разлуке
Три недели прожили.

250.

Сашонка, Сашоночка,
Ты моя Сашоночка,
Меня тоже завлекала,
Бела рубашоночка.

251.

Сыграй-ка Вася нам
Сашоночку лестную.
Сам ты мальчик ничего
Интересный.

252.

Ой, сыграй-ка, Вася, милый,
Ты сыграй-ка дорогой,
Не твоё ли лицо бело
И пылает как огонь.

253.

Ты сыграй-ка, милый Ваня,
Сыграй, Ваня, для меня.
Вероятно, я не делала
Плохого для тебя.

254.

Ваня весело играет,
Только ручкам тяжело.
Кабы я играть умела —
Заменяла бы его.

255.

Ах, Сашоночка, Сашоночка,
Сашоночка на ять!

Укорóтила мне юбочку —
Коленочки видать!

256.

А Сашоночка, Сашоночка,
Сашоночка, Саша.
Укорóтила мне юбочку,
На мне нехороша.

257.

Сашоночка губы мажет,
Гулять собирается.
Милая Сашоночка,
Тебе не полагается.

258.

А Сашоночка играт
Такая благородная.
Вот заставила страдать
Меня война народная.

259.

Вот она и заиграла,
Вот она поёт, поёт,
Меня миленький по голосу
Далёко узнаёт.

260.

Я Сашоночку пляшу,
На все стороны гляжу:
И на север, и на юг,
И Сашоночке — каюк!

261.

Сашоночка заиграла,
А я вышла и пошла,
А сказали, из-за розочки
Сюда гулять пришла!

«Семеновна»

262.

Ах, Семёновна, да начинается,
Гармонист сидит да улыбается.

263.

Эх, Семёновна, ты баба русская —
Коса длинная, а юбка узкая.

264.

А Семёновна сидит на стульчике,
Делать нечего, ест огурчики...

265.

Эх, Семёновна сидит на лесенке,
Делать нечего — поет песенки.

266.

Ой, Семёновна, дорогой совет —
Делать нечего, передай привет.

267.

Передала привет, а он махнул рукой.
Сегодня вечером иду гулять с другой.

268.

Ах, Семёновна, ты запой, запой,
Мне понравился, а голосочек твой.

269.

Ах, ты, Семёновна, чего наделала:
А из худых лаптей ботинки сделала.

270.

Ах, Семён, Семён, ты как лук зелён,
А я Семёновна — трава зелёная.

271.

Ах, Семён, Семён, меня мать бранит,
Ты не пой, не пой, голова болит.

272.

Ах, Семён, Семён, да ты Семёнушка,
Из-за тебя, Семён, болит головушка.

273.

Ах, Семён, Семён, тебя поют везде,
А молодой Семён утонул в воде.

274.

Утонул в воде, да и не кается.
Хоть полегонечку он выбирается.

275.

Ах, ты, Семён, на руке фенечка,
Да поцелуй меня да хорошенечко!

276.

Эх, Семён, Семён, какой ты старый стал,
Что на Семёновну ты залезать не стал.

277.

Мы с залёточкой косили травушку,
А про нас народ валяет славушку.

278.

А славушки да не боялися,
Были весёлые, всегда смеялися.

279.

А самолёт летит кверху бантиком,
А хорошо гулять с лейтенантиком.

280.

Самолёт летит кверху дырами
А хорошо гулять с командирами.

281.

Ах, гора, гора, гора ты снежная,
Поцелуй меня — лицо нежное!

282.

Ой, гора, гора, а под горой камыш.
Проводи меня, чего один стоишь!

283.

А ты не стой, не стой у ворот моих,
Я не пойду с тобой, ты проводил двоих.

284.

А проводил двоих, а меня третью,
Я не пойду с тобой, я уйду с Петею.

285.

А на горе сидит одна парочка
Это дедушка и моя бабушка.

Меня зло берет на эту парочку
Не так на дедушку, а как на бабушку.

286.

Калина красная, калина вызрела,
Я у миловы характер вызнала.

А у залеточки характер, ох, какой,
Не уважила, пошёл гулять с другой.

Пошёл гулять с другой, ах, не на шуточку,
А со мной стоял одну минуточку.

Одну минуточку и ту не целую,
Сегодня вечером измену сделаю.

Пошёл гулять с другой, а мне наплевать,
Сегодня вечером пойду и я гулять.

И я пойду туда, где колосиста рожь,
Я люблю того, кто на меня похож.

И я пойду туда, где рожь волнуется,
Я полюблю того, кто целуется.

А ты не стой, не стой у окон моих,
Я не пойду с тобой, ты провожал других.

«Почему любовь не лечат...»

287.

Я иду, а мне навстречу
Трактора да трактора...
Почему любовь не лечат
Никакие доктора?

288.

Новый дом, новый дом,
Синее крылечко,
Как увижу этот дом,
Заболит сердечко.

289.

Подарил милый колечко,
На руке как свет горит.
И сказал одно словечко,
С той поры в душе болит.

290.

Милый в армию уехал,
Охранял леса-моря.
А теперь еще боле
Охранять будет меня.

291.

Эх, балалайка, балалайка,
Твои струны — соловьи.
Эх, балалайка, балалайка,
Помоги в любви.

292.

Раскудрявая рябина,
Кудрявые веники.
Если я не хороша,
Вышли из Америки.

293.

Мои глазки — как колечки,
Только не катаются.
Я не знаю, почему
Мальчики влюбляются.

294.

Ты сорока-белобока,
Научить меня лятать:

Не высоко, не далеко —
Прямо милого видать!

295.

Ой, товарка дорогая,
Что это за любовь!
Мы с милёночком сидели,
Говорили про коров.

296.

Милый мой милёночек,
Проводи до ёлочек!
А я тебя до ручья,
Расскажу, откуда чья!

297.

А я пьяная напьюсь,
Никого не забоюсь!
У меня теперь есть,
Кому до домику довести!

298.

Ох, раньше я была весёла,
Запою, как соловей,
А теперь меня поймали,
Нету волюшки моей!

299.

Я ходила по лесу,
Я не ягоды рвала.
Я на узенькой тропиночке
Залёточку ждала!

300.

Ай, туту-туту-туту,
Приходи в субботу ту!
Буду семечки толочь:
Приходи на целу ночь!

301.

С гороньки бутылочки
Катились и не бились,
Мы с тобой, залёточка,
Нечаянно влюбились.

302.

Мне, бывало, милый скажет,
Так бывало сказанёт:
А кто тебя, Нюрочка,
До дому доведёт?!

303.

Мой залёточка уехал
На три года воевать,

Пускай едет на четыре —
Всё равно я буду ждать.

304.

Ветры буйные, снесите
Вы милёночку поклон.
Да его вы там спросите,
С кем гуляет милый мой.

305.

Закатилось красно солнце
За тёмненький за лесок.
Нет досаднее девчонке,
Когда сердится дружок.

306.

На тебя, малиночка,
Нечего надеяться:
Ты приятну речь ведёшь,
Только замуж не берёшь.

307.

Не люби, подруга, с Волги:
Я люблю да каюся —
От весны до осени
С милым не выдаюся.

308.

Велят милого забыть,
Но он не забывается.
Его горячий поцелуй
Часто вспоминается.

309.

Берёзонька белая,
Не гнется, не ломается.
Без тебя, мой дорогой,
Не спится, не гуляется.

310.

Берёзонька белая,
Ты не по ветру клонишься.
Залёточка, мой дорогой,
Ты не за парой гонишься.

«Полюбить, так полюбить...»

311.

Полюбить, так полюбить
Паренька хорошего.
А такого нечего,
Который дремлет с вечера.

312.

Полюбила я его,
Такого интересного.
Убери его, Господь,
Царица, Мать Небесная.

313.

Меня милый сушил, сушил,
Как в саду зелёну грушу.
А я высушу его
Суше сена своего.

314.

Не одна я у залётки,
Нас четыре у него.
Все четыре любить будем,
Вот и высушим его.

315.

У Егора молонья
Керосину полная!
Тебя сушит угонёк —
Меня фартовый паренёк!

316.

А я Колю-гармониста
Се равно приворожу,
Ста рублей не пожалею,
К старой бабушке схожу.

317.

Я ходила по полю —
Искала травы-тополю,
Я искала тех корней —
Привораживать парней.

318.

Полюбила я его,
Жулика, мошенника.
Он похож на кобеля,
Тока без ошейника.

319.

Дорогая мила Таня,
Я гармошечку люблю
Все я силы (у)потреблю,
А гармониста полюблю.

320.

На качелях я каталась,
Потеряла брошку.

Никому я не скажу,
Что люблю Серёжку.

321.

Где бы, где бы поработать,
Сено поразваливать.
Где бы милого увидеть,
С ним поразговаривать.

322.

У меня залёток много,
Было много, не один.
Был ефремский, ёшанский
И борхосский есть один.

323.

А я иду, они стоят —
Четыре ёлочки подряд.
Ёлочка за ёлочкой,
Люблю мальчишку с чёлочкой.

324.

Всё бы пела, всё бы пела,
Всё бы голос позволял,
Всё бы милку я любила,
Только б он не изменял.

325.

Выхожу и запеваю,
А ты слушай, дорогой,
Любить буду, а ухаживать
Не буду за тобой.

326.

Полюбила я его,
Ну и дура, за него,
За него молилася,
Без ужина ложилася.

327.

Припою — залётка, слушай,
Говорю, так понимай.
При мне девушку другую
Никогда не обнимай.

328.

Буду воду пить холодну
Из ковша я медного.
Буду каждого любить,
Богатого и бедного.

329.

А мне милый говорил,
Говорил — божился:

«Рая, я тебя любить
Навеки решился».

330.

А мне милый говорил,
Говорил и уверял:
«За тобой, моя хорошая,
Я два года ударял».

«Я любила гармониста...»

331.

Я любила гармониста,
Не попала за него —
Не хватило капиталу
У папаши моего.

332.

Гармониста я любила,
Гармониста тешила,
Гармонисту на плечо
Сама гармошку вешала.

333.

Гармониста любила,
В поле слушать ходила.
Припадала к земле я:
Не идёт ли душечка моя?

334.

Я любила шофера,
В кабиночке каталася,
А законная жена
По кузову валялася!

335.

Полюбила лейтенанта,
А мне встретился майор.
Загляделась на майора —
Лейтенанта кто-то спёр.

336.

Я любила писаря,
Макушка его лысая.
Ему некогда писать,
Только маковку чесать.

337.

Полюбила я шофёра,
Подумала — будет мой,
Он довёз меня до станции,
Скомандовал: «Домой!»

338.

Полюбила я его,
Оказался он пастух,
Я ему купила дудку:
— На, дуди, нечистый дух!

339.

Я любила бедного,
Любила и богатого.
Сознаюсь, люди, вам —
Любила и женатого.

340.

Я ромашку положу
На его гармошку.
Никому я не отдам
Своего Серёжку.

341.

Товарочка милая,
Вот тебе цыганочка.
Меня тоже увлекает
Серый капятаночка.

342.

Я иду, они стоят —
Два майора на лугу.
Тут уж я уж растерялась,
Тут уж я уж не могу...

343.

По канаве я ходила
И в канаву сорвалась.
Чернобровых я любила
И до рыжих добралась!

344.

Я, бывало, Шура, Шура
Я, бывало, шурила:
До двенадцати часов
С Шурою дежурила.

345.

Шура, Шура, Шурочка
Идет из переулочка,
Идет и улыбается,
Кого-то дожидается.

346.

Пароходик выплывает
Из-за первого мыса.

Милый в беленькой рубашке
Стоит у колеса.

«У меня залётки нет...»

347.

Это что за председатель,
Это что за сельсовет?
Сколько раз я заявляла:
У меня залётки нет!

348.

Ох, я гляну на ребят —
Все ребята не мои.
Почему же вы, ребята,
Моего не привели?

349.

Меня сватали сваты,
Испытывали место,
А папаша отвечал:
«Молода невеста».

350.

У телефонного столба
Нету счастья никогда:
Или буря, или дождь,
Иль мотаню долго ждешь.

351.

Вот куда я залетела
Куда залетучила,
Я туда — сюда глазами
Нет моего вертучего.

352.

Вот куда я залетела
И куда я забрела
Дома милого оставила
И здесь не завела.

353.

Было два, было четыре,
Довела до одного.
Загордилась до того —
Не осталось ни (о)дного!

354.

Киевску деревню
Стало ухаживать.
Стало некого любить,
Не за кем ухаживать.

355.

На дороге снега нету —
Видно, коней вывели.
На гулянье милки нету —
Видно, замуж выдали.

«Мой залёточка...»

356.

Мой залёточка — шофёр,
Я его шофёрочка.
Я его за то люблю —
Каждый день пятерочка.

357.

Мой залёточка — дурак:
Он забрался на чердак.
А такого дурака
Черти гонят с чердака.

358.

Мой залёточка — дурак:
Любит девок, любит баб.
А я ему говорю:
«Люби-ка бабушку мою!».

359.

Мой залётка в армии,
И второй скоро пойдёт.
Моя буйная головушка
И третьего найдет.

360.

У залёточки мово
Новопоявлённая —
Не то девка, не то баба,
Не то разведённая.

361.

У залёточки мово
Поговорка тупая,
А я в эту поговорочку
Влюбилась, глупая.

362.

Залёточка дорогой,
Завлекал меня на кой?
На четыре вечера
Завлекать-то нечего!

363.

Залёчка, залётина,
Поговорка тётина,

Походочка дядина,
Зачем смеешься, гадина?

364.

У мово-то у матани
Треугольна голова.
Сколько шапок покупаю —
То велика, то мала.

365.

У мово милёночка
Волосы волнистые.
Не променяю я его
На горы золотистые.

366.

У милёнка у мово
Нет фуражки никакой.
Одна шапочка пухова
После дедушки глухого.

367.

Мой милёнок, как телёнок, —
Только веники жевать.
Проводил меня до дома,
И не смог поцеловать...

368.

Дорогой ты мой милёнок,
Твои уши — лопухи,
Никуда ты не годишься,
Нанимайся в пастухи.

369.

Мой милёнок, как телёнок,
Только разница одна:
Мой милёнок вечно пьяный,
А телёнок — никогда!

370.

Мой милёнок любит трёх,
А я не ревнивая.
Пуškai любит четырёх —
Я его любимая.

371.

Меня милый не узнал,
Пень березовый обнял.
Думал — в кофте розовой,
А это пень березовый.

372.

У кого милый какой,
У меня мастеровой.

Я иду, а он торгует
Газированной водой.

373.

Закатилось красно солнце
До самой до земли.
Мой малиночка на Волге
До самой до зимы.

374.

Дуй, подуи ты, непогода,
Из поля из чистого.
Унеси ты с глаз погода
Милого форсистого.

«Все мальчишки как мальчишки...»

375.

Борисглебские ребята
Как лягушки, квакают.
Целоваться не умеют,
Только намуслякают.

376.

Меня милый провожал,
Всю дорогу воображал.
Воображала говорил,
Что я у маменьки один.

377.

Ай, рай, что ли,
Цветик огурешный!
Ты у маменьки один,
И то паларешный!⁸

378.

Все мальчишки как мальчишки,
У девчонок на виду.
А мой милый затерялся,
Как цыпленок у саду!

379.

Залётка, залётина —
Поговорка тётина,
Походочка дядина:
Какой красивый, гадина!

380.

Сидит милый на крыльце
С удивленьем на лице.
А у милого лицо
Занимает всё крыльцо.

⁸ Паларешный = паралитик. — *Соб.*

381.

Мне сказали: «Милый умер».
А я не поверила.
Неужели в гроб положат
Этакого мерина?

382.

Ой, ребята, ой, ребята,
Вы не стоите гроша.
У вас сердце из бумаги,
Петушиная душа.

383.

Ой, какой ты непонятный,
Бестолковый ухажёр,
Ведь в саду у нас калитка,
А ты лезешь на забор.

384.

Полюбила я его,
Он годами молодой:
Меня до дома проводить
Боится матери родной.

385.

Чем ты, милый, зазнаешься,
Красотой или умом?
Хорошо я тебя знаю —
Неподалёку мы живём.

386.

Вот подула, повила
Белая, пушистая.
Вся любовь моя завяла,
Как сирень душистая.

«По деревне мы идём...»**387.**

Ба! Милого избили
Возле потребиловки.
Четыре года с половиной
Дали принудиловки.

388.

По деревне мы идём,
Голосочки подаём,
Убирайте старых девок,
Мы молоденьких найдём.

389.

Вы не смейтесь над нами
Красивы, хорошие.

Все равно мы красотой вашей
Подобьём галоши.

390.

Моя мамка мировая,
И папаша мировой.
И я тоже мировой:
В три часа хожу домой.

391.

Малахитские ребята —
Воры и грабители:
Ехал дедушка с навозом,
И того обидели.

392.

Из прогона ветер дует,
Кошелек пустой гремит,
А мой милый не робеет —
За решёткой сидит.

393.

Где бы, где бы ни гуляли,
Где ни куролесили,
Поймали муху за ...
К потолку повесили.

394.

Я в приёмну вошел тёмну:
Бьют товарища мово!
Вы подайте финский ножик:
Я пристану за него!

395.

В нашей маленькой компании
Гуляй, гуляй, гуляй!
Нашу маленьку компанию
Никто не задевай!

396.

Мимо тёщиного дома
Втихомолку не пройду.
Или свистну, или крикну,
Или песенку спою!

397.

Открывай-ка, мать, ворота,
Сын отчаянный идёт.
На нём белая рубашка,
По рубашке кровь течёт.

«Моя чернобровая...»

398.

Два колодца, оба рядом,
Оба бирюзовые.
Из обоих воду носит
Моя чернобровая.

399.

Занавески редки-редки,
Чернобровую видать.
Как бы с этой чернобровой
Вечерочек погулять!

400.

Моя милая идёт,
С гороньки спускается,
Её лента голубая
Так и развивается!

401.

Ой, веселый, ты веселый
И угрюмою не будь,
Развесёлю головушку
Полюбит кто-нибудь.

402.

У ворот стою и плачу —
Полюбил какую клячу,
У ворот стою и думаю —
Полюбил какую дуру.

403.

Проводил свою косую
До леса дремучего.
Ты иди, иди косая:
До смерти замучила!

404.

Я, бывало, только свистну:
«Милочка, гулять иди!».
А теперь что такое —
В Голопёровку беги.

405.

Из большой деревни в маленьку
Я ходил, буду ходить.
Чернобровую с кудрями
Я любил, буду любить.

406.

А с багровыми кудрями —
Это милая моя,

Её все ребята любят,
А гуляю один я.

«Я девчонка боевая...»

407.

Я девчонка боевая,
На подножках ехала!
Береги, подруга друга:
Убивать приехала!

408.

Я девчонка боевая,
Боевая, утаман!
Боевая у начальника
Обрезала наган!

409.

Я девчонка боевая,
Ну, и правда, атаман.
За горячий камень встану,
Но залёточку не дам.

410.

Я девчонка боевая,
Не умею горевать.
Кака девушка навяжется,
Скажу, что наплевать!

411.

Я девчонка боевая,
В девках не остануся.
Ну и горе же тому,
Которому достануся.

412.

Я девчонка боевая,
Боевая я и есть,
Боевая я и дома,
Боевая я и здесь!

413.

Я девчонка боевая,
Ну и, правда, быстрая,
Буду с милым расставаться —
Дам четыре выстрела.

414.

Я девчонка боевая,
И залётка боевой,
Зачем, отчаянна головушка,
Связалася со мной?

415.

Я девчонка боевая —
В речку свечку ставила.
Ой, какого боевого
Тосковать заставила!

416.

Говорят, я боевая,
Боевая, ой-ой-ой!
Куды денутся родители
Со мною с боевой?

417.

Мы борисовски девчата,
Мы по-своему поем,
Кто ребят наших полюбит,
Все равно мы отобьём.

418.

А мне мама говорит:
«Дочка больно боева».
Боевые теперь в моде,
Мама милая моя.

419.

Из колодца вода льётся,
Не вода, а кипяток.
Пуškai милый зазнаётся —
Я найду еще пяток!

420.

Говорят, что некрасива.
Знаю, не красавица.
Ведь не все красивых любят,
А кому что нравится.

421.

Я девчонка чёртова,
Завлекла четвёртого.
Интересно было мне —
Ходили четверо ко мне.

422.

А я тятеньку и маменьку
Ругаю каждый день:
Уродили недоделану,
Доделать было лень.

423.

Я надену кофту рябу,
Рябу-перерябую,
Кто залетку отобьёт —
Рожу искорябую.

424.

Шура, милая моя,
Будь весёла, как и я,
Меня хают и ругают,
Не беру внимания.

425.

Говорили, говорили,
Вот и договорились,
Про меня могилу рыли —
Сами завалились.

426.

Вот сказали про меня,
Что говорить не умею я.
С кем умею, с кем не смею,
С кем и не желаю я.

427.

Залёточка, я не дура,
Не пойду я на крыльцо.
Целовать тебя не буду,
Пропадай, мое кольцо.

428.

Милый душой называет,
Дура не обидится.
Но ему такая дура
Больше не предвидится.

429.

Вот сказали про меня —
Неразговорчивая я.
Какие девушки, такой и парень
Найдется для меня.

430.

Говорят, сирот не любят,
А мне все не верится.
Неужель я, сирота,
Не такая девица?

431.

Ой, голос, ты мой голос,
Ну и голосиночка.
Ну и сволочь, ну и гад
У меня малиночка!

432.

Ой, какая я была,
И кака осталась.
Видно, Богу не молилась —
Трепачу досталась.

433.

Мы, татаровски девчонки,
Никогда не пропадём:
С самолета упадём —
Отряхнемся и пойдём.

434.

Я у маменьки одна
Ничего не делаю,
Только знаю, увлекаю
Да измены делаю.

435.

Девушки, весна пришла,
Поляночка зелёная.
У меня мамаша бойка.
В кого я смирёная?

436.

Забреду в ручей далёко,
Пусть юбочка мочится.
Утобью у девки парня —
Пусть девчонка мучится.

437.

Не подумай, что люблю,
Не думай, что влюбилася:
У меня таких-то много,
Я со счёту сбилася.

«Не судите, бабы, нас...»

438.

Не судите, бабы, нас —
Нас и так горе берёт:
Без пятнадцать мер картошки
Никто замуж не берёт.

439.

Залёточка, твоя мать
Меня обесстыжила.
Неужели я не стою
Сына твою рыжего.

440.

Не ругай меня, мамаша,
Не ругай так грозно.
Ты сама была такая,
Приходила поздно.

441.

Моя маменька — вдова,
Всё и волю мне дала:

«Гуляй, дочка, добела.
Я сама така была».

442.

Я мамашеньку родную
Буду часто вспоминать,
Как она мне говорила,
Не велела с ним гулять.

443.

Ой, залёточкина мать,
Перестань меня ругать,
Я с твоим сопливым сыном
Не пойду больше гулять.

444.

Глупые родители
Попусту ругаете:
Влюбилась девушка-душа,
Вы не понимаете.

445.

Не грозитесь, тятка с мамкой,
Не настанет мой конец.
Не отдать вам силой замуж —
С головы сшибу венец.

«Меня милый изменил...»

446.

Меня милый изменил,
А я и не охну!
Не зелёная трава:
В поле не посохну!

447.

Меня милый изменил,
А я им не дорожу:
Я такими ухажёрами
Заборы горожу!

448.

Меня милый изменил,
Думал, погонюся я.
Лучше хуже любить буду,
Только, сволочь, не тебя!

449.

Меня милый изменил,
Я сказала: «Ох, ты!»
У тебя одна рубаха
Из маминой кофты!».

450.

Меня милый изменил,
А мне больно наплевать.
Я такого лягушонка
Решетом могу поймать.

451.

Меня милый изменил,
Тосковать приходится.
Я и так по нём тоскую,
Вороток не сходится.

452.

Меня милый изменил,
Я упала перед ним.
Что я, дура, падаю
Перед такою падалью?

453.

Меня милый изменил,
А я не заплакаю:
Я такого, прости господи,
Из глины сляпаю!

454.

Меня милый изменил,
А я засмеялась,
Залеточка дорогой,
Я и не влюблялась.

455.

А мне милый изменил,
Думал, я гонюсь за ним.
За ним гонится петух
Да коза, нечистый дух.

456.

А мне милый изменил,
На козе уехал в Крым.
А я маху не дала,
На корове догнала.

457.

Дорогая моя Вера,
Меня милый изменил.
Трали-вали, и так дале,
И чихали мы на них.

458.

Мене милый изменил,
А я топнула ногой,
Через два часа залёточка
Находится другой.

459.

Меня милый бросил,
Я его подавно.
У меня их восемь,
Завела недавно.

460.

Изменяет миленький,
Сам ходит уныленький,
А я виду не кажу,
Всегда сердитая хожу.

461.

Ко мне милый подошёл:
«Здравствуй, изменённая!
Что ты, милая, завяла,
Как трава зелёная».

462.

У залетки дом трухлявый,
Откровенно говорю.
Если он меня изменит,
Разбегусь и повалю!

463.

Я свою соперницу
Отведу на мельницу.
Измелью её в муку
И лепёшек напеку.

464.

У соперницы моей
Кудри вьются до бровей.
Ухажёров у ней много,
А вот мало трудодней.

465.

На моем колечке проба,
Где живёт твоя зазноба.
Далеко, цветочек мой,
Навеселе да песни пой.

466.

Месяц светит высоко,
Мне идти домой одной.
Расскажите, девушки,
С кем гуляет милый мой.

467.

Залётка дорогой,
Слушайте внимательно:
Я теперь для тебя
Не стала увлекательна.

468.

Вот сказали: я зелёна.
Правда, я зелёная.
Мне всего семнадцать лет,
А я изменённая.

469.

Только вышла я плясать,
Заметили девушку:
Раньше пела про любовь,
Теперь про изменушку.

«Я любила тебя, милый...»

470.

Я любила тебя, милый,
И хотела любить век,
Но любовь наша растаяла,
Как в поле белый снег.

471.

Я любила тебя, залечка,
Таила глубоко,
На свиданья в ночи лунные
Ходила далеко!

472.

Я любила милого,
Четыре года минуло.
А на пятом году
Я его покинула.

473.

Раньше я его любила.
Раньше был ему почёт,
А теперь я называю,
Ухожу, паршивый чёрт.

474.

Полюбила я его,
Думала, на шуточку.
Он выходит, вызывает
Зою на минуточку.

475.

Вот сказали, я воровка —
Сердце скрала у него.
Завлечи сумела ловко
И оставила его.

476.

Как на Волнино идти —
Надо мостик перейти.

А под мостиком вода:
Меня потягиват туда!

477.

Я, бывало, называла:
Ваня, Ваня, Ванечка.
А теперь я называю
Забытый матанечка.

478.

У залётки моего,
У залётки-трепача
У залётки есть другая,
А я таю, как свеча.

479.

Мы с милёночком сидели
У поленницы, у дров.
Развалилася поленница,
Пропала вся любовь.

480.

Ах, Елецкого, Елецкого,
Елецкого, Елец.
Мил на улицу, я с улицы.
Любви нашей конец.

481.

А я выйду, припою.
Было весело ему.
Раньше я гуляла с ним,
А теперь и не пойду.

482.

А я в нынешнем году
Себе сделаю беду:
В воскресенье выйду замуж,
В понедельник убегу.

483.

Что ты, Паша, не поешь
Или нету голосу?
Вспомни, Паша, дорогая,
Как гуляли по лесу.

484.

Ох, я, бывало, запою —
Все листочки задрожат.
А теперь я пою —
На сердце камушки лежат.

485.

У меня залётка был,
Звали его Валентин,
А теперь на Валентина
Наложили карантин.

486.

Ой, страданыице моё,
Страдание, страданец!
Мил на улицу, я с улицы —
Любви нашей конец.

487.

Цыганочка чёрная,
Разве ты учёная?
Почему же ты узнала,
Что я разлучённая?

488.

Я бывало — только тронь,
За меня милой горой,
А теперь ведь он хороший,
Он гуляет со снохой.

489.

Всё цыганочку играю,
Всё цыганочку пою.
Потеряла я залёточку,
Нашли — не отдают.

490.

А самолёт летит,
И на крыле печать,
Уехал миленький
И не велел скучать.

491.

Дорожила я тобой,
А теперче дорогой,
Дорожу,
Да не тобой.

492.

Ветер дует, ветер дует,
Так и надо, чтобы дул.
Я рубля не пожалею,
Кто бы милого отдул!

493.

Мы с залеткой расставались
В Борис-Глебе на краю.
Он пошёл, фуражкой машет,
Разрывает грудь мою.

494.

Ой, подружка, пой не пой —
Он красивый, да не твой:
Его русые глазёночки
Достались другой!

495.

А мне милый говорил:
— Я тебя и не любил!
— А зачем же, дорогой,
На нашу улицу ходил?

496.

Кабы были сизы крылышки,
Слетала за моря.
Рассказала бы я милому,
Какая жизнь моя.

497.

Вспомни, милый, как, бывало,
Ноги зябли, я стояла.
А теперя, дорогой,
Ты не против — я домой.

498.

Не он меня изменил —
Я его оставила.
Во вторую категорию
Его поставила.

«Не ходите, девки, замуж...»

499.

Не ходите, девки, замуж,
Замужем не до того.
Не дадут другого милого,
Гляди на одного.

500.

Не ходите, девки, замуж,
Замужем не шутка.
Через девять месяцев
Появится малютка.

501.

Девки, пой, пока поётся.
Замуж выйдешь, не придётся.
Замуж выйдешь, бабой будешь,
Все припевушки забудешь.

502.

Мама часто говорила,
Чтоб я замуж не ходила.

Я век замужем жила,
Много горя приняла.

503.

Что вы, девушки, стоите —
Хиханьки да хаханьки?
У вас тоже скоро будут
Ребятишки махоньки.

504.

Я ловила петуха,
А поймала курицу.
Уложу я мужа спать,
А сама на улицу.

505.

Я тогда плясал «Цыганку»,
Когда не было жены,
А теперь качаю люльку,
Ставлю в печку чугуны.

506.

Говорит старуха деду:
«Ты купи мне, дед, “Победу”.
А не купишь мне “Победу”,
Я уйду к другому деду».

507.

Мой папашенька смешной —
Прижал мамку за квашнёй.
Если будешь к мамке лезть,
Я не буду блины есть.

508.

Мой муж-пьяница
Не велит румяниться,
А я его не боюсь,
Нарумянюсь, набелюсь.

509.

Я в девчонках красовалась,
Точно розочка цвела.
Замуж вышла — позавяла,
Как кошёная трава.

510.

В руки свечку подавали
Со цветочком голубым.
Мое сердце замирало —
Меня венчают не с любим.

511.

Молода не вышла замуж,
А теперь не каюся:

Лето — в людях, зимой — дома,
Как-нибудь промаюся.

«А у наших у ворот всё идет наоборот...»

512.

Здорово, здорово
У ворот Егорова.
А у наших у ворот
Всё идет наоборот.

513.

У меня милашка Машка
Рукодельница была.
В решете коров доила,
Топором избу мела.

514.

Полюбила лейтенанта —
Оказался старшина.
К нему приехала жена
И четыре пацана.

515.

Полюбила лейтенанта —
Рядовой гоняется.
У него вместо нагана
Котелок болтается.

516.

Полюбила я его,
А он, девушки, моряк.
У него насчёт любви
Не работает чердак.

517.

У моей подружки
Хорошо в избушке:
По стенам — тараканы,
По полу — лягушки.

518.

У меня залётка был,
Звали его Николай.
Привяжу его к забору:
«Николай, полай, полай!»

519.

Не любите лейтенанта,
Не считайте звёздочки.
А любите старшину —
Принесет селёдки.

520.

Тётка в очередь стояла,
Колбасы кило взяла.
Полкило в дороге съела
И лягаться начала.

521.

Я не знаю, как у вас,
А у нас такой манер:
Девяносто лет старуха,
Провожает кавалер.

522.

А у нас под окном
Квакали лягушки.
А я с печки босиком:
Думала — подружки.

523.

Ой, послушайте, девчата,
Нескладуху вам спою.
Телеграфный столб женился,
Взял корову на краю.

524.

Снятся девкам, снятся бабам
Удивительные сны:
Председателя корова
Ухватила за штаны.

Ухватила, изжевала,
Потому что сена мало.
И пошел он заседать
В чем его родила мать.

525.

На столе стоит бутылка,
А в бутылке керосин.
Рассердился дед на бабу
И в кино не пригласил.

526.

На уроке Саша с Борей
Толковали о футболе,
Забивали они гол,
Получили оба кол.

527.

Полюбила лётчика,
Думала, летает.
Прихожу на аэродром,
А он там подметает.

528.

Во саду ли, в огороде
Все столбы качаются.
Это наша тетя Настя
С ниндзя разбирается.

529.

На горе стоит телега,
Слёзы капают с дуги.
Под горой стоит корова,
Надевает сапоги.

530.

Я у тёщи был в гостях,
Ел с кониной холодец.
Три недели с половиной
Гоготал как жеребец.

531.

На столе стоит стакан,
А в стакане таракан.
Девки думали — малина,
Откусили половину.

532.

Полюбила я его
Чёрта непромытого,
А теперь не напасусь
Мыла духовитого.

533.

Ох, рад, что ли,
Корява его рожа.
Его мыло не берёт
И рогожа тоже.

534.

Только вышел на крылечко
И в свидетели попал:
Наш петух чужую курицу
До смерти затоптал.

535.

Не ругай меня, мамаша,
Что я шобферу дала.
Ты сама мене велела
Подкалымить на дрова.

536.

Ой, дед, ты мой дед,
Ты не знаешь моих бед.
Захотелось мне моркови —
В огороде таких нет.

537.

Говорит старуха деду:
— Я в Америку поеду.
— Я тебе и денег дам,
Костыли свои продам.

538.

Казачонок молодой
Поймал поросёнка.
Всю дорогу целовал,
Думал, что девчонка.

539.

Забегала я в салон
К мужику Авдею.
Учить пить одеколон,
Я сижу, балдею.

540.

Обвенчалась, девки, я
С пареньком из МИДа.
Посылают за рубеж,
Не поймать бы СПИДа.

541.

Захворали мы втроём,
Записались на приём
К доктору Федулу.
Очень грубый врач Федул,
Не предложит сесть на стул.

542.

Мой милёнок опустился
С «петухов» на тройки.
Очень ректор озверел
После перестройки.

543.

Я теперь живу один,
Хоть бросайся с берега:
Моя милка получила
Звание «Мисс Америка».

544.

В пять часов поёт петух,
В восемь — Пугачева.
Винный магазин закрыт,
Ключи у Горбачева.

545.

Прожила сто лет старуха,
Собралась умирать.
А потом вдруг отложила,
Чтоб на Марсе побывать.

546.

С залёточкой сидели
У прудочка — у пруда
Нас лягушки напугали.
Не пойдём больше туда!

547.

Мужики ловили рыбу,
А поймали рака.
Погляди, честной народ,
Кака у рака срака!

548.

Книги Олечка читала
Каждый вечер выходной,
Но еще не прочитала
За два года ни одной.

549.

Сидит Яшка на заборе,
Белая рубашка,
На голове сапожок,
На ноге фуражка.

550.

Меня мама родила
Рыжую-прерыжую.
Посмотрела, плюнула
И опять засунула.

551.

У меня на сарафане
Петухи да петухи.
Когда вырасту большая,
Будут одни женихи.

Примечания

В примечаниях приведены шифры фольклорного архива Государственного республиканского центра русского фольклора в следующем виде: ЦРФ-Э-0000 (основная единица хранения аудионосителя в фонде), далее через запятую следует номер звукового файла на основном аудионосителе — № 000, дополнительная нумерация в звуковом файле отображается в круглых скобках без знака «№» — (000). Таким образом, шифр ЦРФ-Э-1334, № 32 (7) означает, что информация хранится на диске 1334 в файле 32 под номером 7. Шифр ЦРФ-Э-1074 (35) указывает, что на аудионосителе содержится только один звуковой файл, и, следовательно, номер звукового файла совпадает с номером аудионосителя.

Примечания к текстам частушек даны по исполнителям. После шифра аудионосителя ставится двоеточие и следуют все номера текстов частушек, которые были записаны от того или иного человека. Например, ЦРФ-Э-1123, № 30: 283 (98), 284 (99), 325 (96), где число 283 соответствует нумерации, приведенной в данном разделе, а цифры в скобках указывают на дополнительную нумерацию в звуковом файле № 30, находящегося на аудионосителе ЦРФ-Э-1123.

В тексте примечаний предпринята попытка сопоставить приводимые в разделе «Необрядовая лирика» тексты песен с современными публикациями песенного фольклора

Владимирской области и пограничных с ней районов Нижегородской области. Песни литературного происхождения соотнесены с авторскими текстами и народными обработками по изданию: Гусев В.Е. «Песни русских поэтов». М., 1988. В связи с этим в примечаниях приняты следующие сокращения:

Гороховец-2 — Традиционная культура Гороховецкого края: в 2 т. Т. 2. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2004.

Гусев I, II — Песни русских поэтов: в 2 т. / Сост., подготовка текста, биограф. справки и прил. В.Е. Гусева. Л.: Сов. писатель, 1988. (Биб-ка поэта. Большая серия).

ПСПМ — Песни и сказки Пушкинских мест. Фольклор Горьковской области / Изд. подгот. В.И. Еремина, М.А. Лобанов, В.Н. Морохин. Л.: Наука, 1979. Вып. 1.

Судогда — Фольклор Судогодского края / Сост. В.Е. Добровольская, И.А. Морозов, В.Г. Смолицкий. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2001.

1. **Хайкова Александра Вячеславовна**, 1927 г.р., местн., обр. 4 кл. Зап. в 2004 г. в д. Пестенькино. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-1219, № 32 (10).

Игровая хороводная песня исполнялась, по словам А.В. Хайковой, на Троицу: *«Раньше гуляли Троицу, какие хороводы водили. Народу-то, все молодожены тут и пожилые женщины тут, все хоровод водили. Все хороводы с играми. Запевают песню, к каждому хороводу была песня, а вот я их забыла»*. Ср.: ПСПМ, № 108.

2. **Ваганова Прасковья Григорьевна**, 1919 г.р., местн., нач. образ., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в с. Благовещенское. Соб. Н.А. Шкуратова, Е.В. Грудзенко. ЦРФ-Э-1216, № 2 (27).

Плясовая песня. Ср.: Гороховец-2, № 130; Судогда, с. 62 (№ 18).

3. **Белякова Зинаида Ивановна**, 1925 г.р., урож. д. Бердищево, обр. 4 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1121, № 2 (36).

Фрагмент хороводной песни. По словам Зинаиды Ивановны, *«когда пели эту песню, танцевали, ходили с цветами»*. Ср.: Судогда, с. 62 (№ 20).

4. **Антонова Анна Ивановна**, 1938 г.р., обр. 7 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-Э-1124, № 33 (175).

Фрагмент хороводной песни продиктован исполнителем.

5. **Алексеева Зинаида Андреевна**, 1923 г.р., урож. Селивановского р-на, обр. 7 кл., правосл. Зап. в 2005 г. в д. Межищи. Соб. А.А. Костикина, Ф.А. Ордынец. ЦРФ-Э-1334, № 32 (7).

Плясовая песня. Исполнительница считает ее свадебной. Ср.: Судогда, с. 63 (№ 22).

6. **Богданова Зинаида Фёдоровна**, 1939 г.р., урож. д. Михайлово, обр. 7 кл. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. А.А. Костикина, Ф.А. Ордынец. ЦРФ-Э-1334, № 32 (40).

Фрагмент плясовой песни. Ср.: Гороховец-2, № 139.

7. **Фомина Тамара Петровна**, 1941 г.р., **Богданова Елизавета Петровна**, 1928 г.р., **Пухова Тамара Александровна**, 1939 г.р. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. Е.П. Невзорова, Т.В. Устинова. ЦРФ-Э-1335, № 23 (22).

Плясовая песня.

8. **Кисиль Мария Петровна**, 1925 г.р., урож. д. Вареж, зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-Э-1123, № 21 (99).

Фрагмент плясовой песни.

9. **Ивлева Тамара Петровна**, 1935 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1074 (32).

Баллада «Жена мужа повесила». Текст неполный, в нём отсутствуют финальные строки, которые исполнительница, видимо, не знает. Ср.: Гороховец-2, № 145, ПСПМ, № 29. Варианты: № 10, 11.

10. **Петрова Акулина Ивановна**, 1927 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1124, № 32 (64).

Вариант баллады «Жена мужа повесила»: см. № 9, 11.

11. См. № 5. ЦРФ-Э-1334, № 32 (11).

Вариант баллады «Жена мужа повесила»: см. № 9, 10.

12. См. № 5. ЦРФ-Э-1334, № 32 (10).

Протяжная лирическая песня. Ср.: ПСПМ, № 2 (историческая песня).

13. См. № 5. ЦРФ-Э-1334, № 32 (5).

Протяжная лирическая песня военно-бытовой тематики.

14. **Силина Тамара Федоровна**, 1938 г.р., урож. д. Афанасово. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. О.С. Славинская, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1332, № 11 (7).

Протяжная лирическая песня военно-бытовой тематики. Ср.: ПСПМ, № 20 («Что во полюшке, что во чистоем»).

15. См. № 14. ЦРФ-Э-1332, № 11 (17).

Протяжная лирическая песня семейно-бытовой тематики. Ср.: Гороховец-2, № 149, 150.

16. См. № 5. ЦРФ-Э-1334, № 32 (14).

Протяжная лирическая песня любовной тематики. Ср.: Гороховец-2, № 165, 166; Судогда, с. 65 (№ 4).

17. **Святова Пелагея Архиповна**, 1919 г.р., местн., в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. Посоха. ЦРФ-Э-1064 (2).

См. вариант: № 16.

18. См. № 5. ЦРФ-Э-1334, № 32 (15).

Протяжная лирическая песня любовной тематики.

19. См. № 3. ЦРФ-Э-1122, № 16 (5).

Частая лирическая песня любовной тематики.

20. **Балашова Зинаида** (отчество неизвестно), 1913 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Лесниково. Соб. И.Е. Посоха. ЦРФ-Э-1065 (4).

Протяжная лирическая песня любовной тематики. Ср.: Гороховец-2, № 187—189. См. вариант: № 21.

21. См. № 17. ЦРФ-Э-1064 (1).

См. вариант: № 20.

22. См. № 3. ЦРФ-Э-1121, № 2 (42).

Протяжная лирическая песня любовной тематики. Ср.: Гороховец-2, № 185, 186; Судогда, с. 64 (№ 2), с. 65 (№ 6). Ниже приведен вариант песни:

*Уж ты сад, ты мой сад, сад зелёныйкий,
Ты зачем рано цветёшь, осыпашься?
Ты зачем рано цветёшь, осыпашься?
Ты далеко ль, милый мой, собираешься?
Ты со всеми со людьми, всё прощаешься.
А со мною, с молодой ты всё ругаешься
Не ругайся, не бранись, скажи: «Милая, прощай».
Ты прощай, прощай, прощай, на прощанье руку дай;
Ты прощай, прощай, прощай, на прощанье руку дай,
Там летела сова через синие моря,
Уронила сова с крыла пёрышко,
Мне не жалко пера, а жалко крылышко,
Мне не жалко мать, отца, жалко молодца,
Без отца я проживу и без матери,
Без отца я проживу и без матери,
А без милого дружка, эх, берёт грусть меня тоска.
Грусть тоска меня берёт, далеко милый живёт.
Грусть тоска меня берёт, далеко милый живёт.*

(**Шошкина Александра Сергеевна**, 1926 г.р., обр. 7 кл., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в с. Боровицы. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1218, № 19 (186)).

23. **Садкова Антонина Алексеевна**, 1930 г.р., обр. 9 кл. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных. ЦРФ-Э-1219, № 31 (8).

Протяжная лирическая песня семейно-бытовой тематики.

24. См. № 2. ЦРФ-Э-1216, № 2 (19).

Текст песни представляет собой контаминацию двух сюжетов: «В Таганроге случилась беда» и «Во кузнице». Вариант песни см.: № 23.

25. **Меньшова Александра Владимировна**, 1941 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1122, № 17 (35).

Протяжная лирическая песня любовной тематики. По своей стилистике текст песни тяготеет к жанру романса. Ср.: Судогда, с. 77 (№ 57).

26. См. № 4. ЦРФ-Э-1124, № 33 (176).

Протяжная лирическая песня тюремной тематики. Ср.: Гороховец-2, № 174—176. См. вариант песни: № 27.

27. **Капралова Анна Петровна**, 1930 г.р., местн., ср. обр., правосл., русск., **Сельцова Анна Васильевна**, 1926 г.р., местн., нач. обр., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1125, № 41 (406).

Вариант песни см.: № 26.

28. **Парфёнова Прасковья Борисовна**, 1916 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1122, № 14 (142).

Протяжная лирическая песня любовной тематики. По своей стилистике текст песни тяготеет к жанру ромansa. Ср.: Гороховец-2, № 151. См. вариант песни: № 29.

29. См. № 4. ЦРФ-Э-1124, № 33 (178).

Вариант песни см.: № 28.

30. **Сельцова Зинаида Васильевна**, 1933 г.р., местн., н/ср. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1123, № 30 (365).

Протяжная лирическая песня семейно-бытовой тематики.

31. **Маркеева Валентина Степановна**, 1930 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Мартыново. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина. ЦРФ-Э-1218, № 23 (19).

Протяжная лирическая песня любовной тематики.

32. См. № 31. ЦРФ-Э-1218, № 23 (20).

Частая лирическая песня.

33. См. № 5. ЦРФ-Э-1333, № 31 (13).

Частая лирическая песня.

34. **Сигаёва Татьяна Владимировна**, 1955 г.р., местн., ср.-спец. обр., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-№ 37 (3).

Частая лирическая песня литературного типа.

35. **Лебедева Тамара Алексеевна**, 1946 г.р., местн., обр. 4 кл. Зап. в 2004 г. в д. Черемисино. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-Э-1220, № 43 (51).

Частая лирическая песня литературного типа.

36. **Сатинова Зоя Петровна**, 1940 г.р., урож. д. Грибково, обр. 7 кл., **Кузьмина Любовь Петровна**, 1941 г.р., урож. д. Грибково, ср.-тех. обр. Зап. в 2004 г. в с. Стригино. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-1220, № 36 (7).

Частая лирическая песня литературного типа.

37. См. № 23. ЦРФ-Э-1219, № 31 (30).

Частая лирическая песня. Исполнительница определяет её как свадебную, которую поют на второй день.

38. **Васицова Анна Васильевна**, 1914 г.р., местн., обр. 2 кл. Зап. в 2004 г. в д. Иваньково. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-№ 39 (43).

Частая лирическая песня литературного типа. Исполнительница уверена, что это старинная песня: *«Да, старинная, от мамы. <...> А я прям уж и забыла. Уж с тех пор, миленькая, а мне уж 90 лет, вот в августе мне, сколько их пробыло»*. Ср.: ПСПМ, № 91.

39. **Мирина Мария Сергеевна**, 1934 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1124, № 32 (71).

Романс на стихи неизвестного автора конца XIX — начала XX веков. Ср.: Гороховец-2, № 207, 208, 209; Гусев II, № 702 «Колечко»; Судогда, с. 73 (№ 40, 41). См. вариант песни: № 40, 41.

40. **Алексеева Зинаида Андреевна**, 1923 г.р., урож. Селивановского р-на, обр. 7 кл., правосл. Зап. в 2005 г. в д. Межищи. Соб. А.А. Костикина, Ф.А. Ордынец. ЦРФ-Э-1334, № 32 (13).

См. вариант песни: № 39, 41.

41. **Бочкарёва Татьяна Михайловна**, 1921 г.р., местн., нач. обр., русск., правосл. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. С.В. Лебедева, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1218, № 21 (247).

См. вариант песни: № 39, 40.

42. **Васицова Анна Васильевна**, 1914 г.р., местн., обр. 2 кл. Зап. в 2004 г. в д. Иваньково. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-№ 39 (51).

Романс с традиционным в народной лирике сюжетом о сироте.

43. **Неизвестный исполнитель**. Зап. в 2003 г. в пос. Зименки. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1093 (11).

Романс на сюжет о несчастной любви и неравном браке.

44. **Поликарпова Евдокия Ивановна**, 1924 г.р., местн., малограмотн., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова, Е.В. Грудзенко. ЦРФ-Э-1122, № 11 (121).

Романс.

45. **Святова Пелагея Архиповна**, 1919 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. По-соха. ЦРФ-Э-1064 (3).

Романс. См. вариант песни: № 46.

46. **Ваганова Прасковья Григорьевна**, 1919 г.р., местн., нач. образ., правосл., русск. Зап. в 2004 в с. Благовещенское. Соб. Н.А. Шкуратова, Е.В. Грудзенко. ЦРФ-Э-1216, № 2 (27).

См. вариант песни: № 45.

47. См. № 9. ЦРФ-Э-1074 (7).

Романс на стихи неизвестного автора. Ср.: Гусев П, № 810; Судогда, с. 75 (№ 51). См. вариант песни: № 48.

48. **Ярцева Анна Ивановна**, 1925 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-Э-1124, № 34 (215).

См. вариант песни: № 47.

49. См. № 9. ЦРФ-Э-1074 (35).

Романс с традиционным в народной лирике сюжетом о сироте. Ср.: Судогда, с. 78 (№ 61). См. вариант песни: № 50.

50. **Прибыткова Александра Михайловна**, 1931 г.р., местн., обр. 4 кл., **Затухина Елизавета Григорьевна**, 1935 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Загряжское. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-Э-1220, № 41 (65).

См. вариант песни: № 49.

51. **Киселёва Александра Михайловна**, 1929 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1122, № 16 (20).

Романс тюремной тематики.

52. См. № 51. ЦРФ-Э-1122, № 16 (32).

Романс любовной тематики.

53. **Меньшова Александра Владимировна**, 1941 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1122, № 17 (55).

54. **Шошкина Александра Сергеевна**, 1926 г.р., обр. 7 кл., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в с. Боровицы. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1218, № 19 (184).

55. **Ексина Алевтина Сергеевна**, 1933 г.р., урож. Горьковской обл., нач. обр., русск., правосл. Зап. в 2004 г. в д. Алешунино. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1218, № 12 (142).

56. **Копысова Татьяна Александровна**, 1959 г.р., местн., обр. 10 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.С. Белова, А.А. Барсуков. ЦРФ-Э-1121, № 1 (16).

57. См. № 56. ЦРФ-Э-1121, № 1 (17).

58. См. № 56. ЦРФ-Э-1121, № 1 (18).

59. См. № 8. ЦРФ-Э-1123, № 21 (100).

60. **Кочнев Яков Григорьевич**, 1925 г.р., **Ярцева Анна Ивановна**, 1933 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-Э-1124, № 33 (158).

61. **Васильева Клавдия Николаевна**, 1930 г.р., местн., нач. образ., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1123, № 30 (336).

62. **Ярцева Вера Викторовна**, 1964 г.р. Зап. 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-1124, № 34 (227).

63. См. № 62. ЦРФ-Э-1124, № 34 (229).

64. См. № 62. ЦРФ-Э-1124, № 34 (231).

65. См. № 62. ЦРФ-Э-1124, № 35 (240).

66. См. № 62. ЦРФ-Э-1124, № 35 (242).

67. См. № 62. ЦРФ-Э-1124, № 35 (246).

68. См. № 62. ЦРФ-Э-1124, № 35 (249).

69. См. № 62. ЦРФ-Э-1124, № 35 (250).

70. См. № 62. ЦРФ-Э-1124, № 35 (252).

71. См. № 62. ЦРФ-Э-1124, № 35 (256).

72. См. № 62. ЦРФ-Э-1124, № 35 (264).

73. **Брейкина Нина Алексеевна**, 1936 г.р., местн., ср. образ., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1123, № 28 (244). Прим. соб.: «Н.А. в Чаадаеве славится как песельница. Мастерство она переняла от матери». Сама Нина Алексеевна вспоминает: *«На застолье. Бывало, в клуб идём — поём, из клуба — поём. Как запело село, значит, клуб закрыли. Погуляем, пойдём друг дружку провожать. Это в 60-е годы было. В довоенное время больше было желание набить желудок. Мы до замужества вина в рот не брали. Поели и запели! На посиделках, бывало, в карты играем да песни поём! А лет 10 назад село перестало петь...»*.

74. См. № 31. ЦРФ-Э-1218, № 23 (23).

75. См. № 31. ЦРФ-Э-1218, № 23 (27).

76. См. № 73. ЦРФ-Э-1123, № 28 (245).

77. См. № 39. ЦРФ-Э-1124, № 32 (76).

78. См. № 14. ЦРФ-Э-1332, № 11 (9).

79. **Евстифеева Евдокия Васильевна**, 1927 г.р., местн., ср. образ., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1123, № 29 (292).

80. См. № 79. ЦРФ-Э-1123, № 29 (293).

81. См. № 30. ЦРФ-Э-1123, № 30 (357).

82. **Игнатова Евдокия Фёдоровна**, 1928 г.р., местн., нач. обр., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1125, № 41 (440).

83. **Чельшева Евгения Васильевна**, местн., правосл., русск. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. О.В. Жукова, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1333, № 35 (207).

84. См. № 27. ЦРФ-Э-1125, № 41 (404).

85. **Пичугина Анна Васильевна**, 1935 г.р., местн., нач. обр., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1125, № 41 (419).

86. См. № 85. ЦРФ-Э-1125, № 41 (420).

87. См. № 85. ЦРФ-Э-1125, № 41 (422).

88. См. № 28. ЦРФ-Э-1125, № 42 (484).

89. См. № 55. ЦРФ-Э-1218, № 12 (158).

90. См. № 54. ЦРФ-Э-1218, № 19 (185).

91. См. № 2. ЦРФ-Э-1216, № 2 (30).

92. См. № 5. ЦРФ-Э-1334, № 32 (3).

93. См. № 31. ЦРФ-Э-1218, № 23 (21).

94. См. № 31. ЦРФ-Э-1218, № 23 (22).

95. См. № 31. ЦРФ-Э-1218, № 23 (26).

96. **Сухова Анна Ивановна**, 1930 г.р., урож. Нижегородской обл. Зап. в 2004 г. в д. Пестенькино. Соб. В.Е. Добровольская, С.В. Просина. ЦРФ-Э-1141 (2).

97. См. № 96. ЦРФ-Э-1141 (3).

98. **Ермакова Нина Михайловна**, 1943 г.р., урож. д. Иваново, ср. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлёв. ЦРФ-Э-1121, № 8 (57).

99. **Шагина Зоя Васильевна**, 1949 г.р., местн., высш. обр., русск., правосл. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина. ЦРФ-Э-1219, № 27 (124).

100. **Клюквина Антонина Ивановна**, 1932 г.р., местн., малограмотн., русск., правосл. Зап. в 2005 г. в пос. Климово. Соб. О.С. Славинская, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1332, № 29 (21).

101. См. № 5. Соб. Е.А. Барсукова, Ф.А. Ордынец. ЦРФ-Э-1333, № 31 (16).

102. См. № 5. Соб. Е.А. Барсукова, Ф.А. Ордынец. ЦРФ-Э-1333, № 31 (18).

103. См. № 5. ЦРФ-Э-1334, № 32 (12).

104. **Пономарёва Нина Александровна**, 1932 г.р., урож. г. Муром, нач. обр., **Горожанова Анна Алексеевна**, 1919 г.р., местн., нач. обр. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных. ЦРФ-Э-1216, № 5 (6).

105. **Неизвестный исполнитель**. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-Э-1218, № 18 (2).

106. См. № 105. ЦРФ-Э-1218, № 18 (4).

107. **Игонин Алексей Павлович**, 1927 г.р., местн., обр. 7 кл., **Иголина Лидия Дмитриевна**, 1925 г.р., местн., обр. 5 кл. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королева. ЦРФ-Э-1219, № 26 (29).

108. См. № 107. ЦРФ-Э-1219, № 26 (45).

109. См. № 101. ЦРФ-Э-1334, № 32 (4).

Новая баллада, источником которой стало стихотворение В.В. Крестовского «Ванька-ключник» (1861). Ср.: Гусев II, № 537, 781; Гороховец-2, № 226, 227, 228, 229; Судогда, с. 68 (№ 19).

110. **Чернова Антонина Ивановна**, 1942 г.р., урож. Меленковского р-на, обр. 9 кл. Зап. в 2004 г. в д. Старое Ратово. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-1220, № 35 (29).

Новая баллада, литературный источник которой — стихотворение С.Т. Аксакова «Уральский казак (истинное происшествие)» (1821). Ср.: Гусев I, № 211; Гусев II, № 751; Гороховец-2, № 235; Судогда, с. 67 (№ 13).

111. **Моржова Евдокия Васильевна**, 1926 г.р., обр. 6 кл., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. ЦРФ-Э-1121, № 7 (5).

Новая баллада. Ср.: Гороховец-2, № 239, 240; Судогда, с. 66 (№ 11, 12).

112. См. № 2. ЦРФ-Э-1216, № 2 (27).

113. См. № 54. ЦРФ-Э-1218, № 19 (187).

Новая баллада, источником которой послужило стихотворение А.Н. Аммосова «Элегия» (1858). Ср.: Гусев II, № 539, 779; Судогда, с. 68 (№ 17); Гороховец-2, № 236, 237.

См. вариант:

*Хас-Булат удалой,
Бедна сакля твоя.
Золотою казной
Я осыплю тебя.*

*Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою.
А за это за всё
Князь, отдай мне жену.*

*Ты уж старый, уж сед,
Ей с тобой не житье.
С молодых юных лет
Ты погубишь её.*

*Под чинарой густой
Мы сидели вдвоём,
Месяц плыл золотой,
Всё сияло кругом.*

*Месяц плыл золотой,
Все сияло кругом.
И скользила рука
По груди молодой.*

*И скользила рука
По груди молодой.
Она мне отдалась
До последнего дня.*

*Она мне отдалась
До последнего дня.
И божилась, клялась,
Что не любит тебя...*

(**Меньшова Александра Владимировна**, 1941 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1122, № 17 (39)).

114. **Лодыгина Елена Максимовна**, 1924 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Лазарево. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1140 (35).

Новая баллада. Ср.: Гусев II, № 811.

115. **Неизвестный исполнитель**. Зап. в 2004 г. в д. Мишино. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-1219, № 33 (14).

Новая баллада на стихи неизвестного автора. Ср.: Гусев II, № 809. См. вариант № 116.

116. См. № 62. ЦРФ-Э-1124, № 35 (251).

См. вариант № 115.

117. См. № 110. ЦРФ-Э-1220, № 35 (31).

Романс, время возникновения которого середина XX века.

118. См. № 48. ЦРФ-Э-1124, № 34 (220).

Романс середины XX века.

119. **Гришина Глафира Васильевна**, 1931 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1074 (36).

Новая баллада времен Великой отечественной войны и послевоенного времени.

120. См. № 25. ЦРФ-Э-1122, № 17 (54).

Романс. Ср.: Гороховец-2, № 210, 211; Судогда, с. 70 (29). См. вариант песни № 121.

121. **Макарова Татьяна Ивановна**, 1914 г.р., местн., малограмотн., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. ЦРФ-Э-1123, № 22 (35).

См. вариант песни № 120.

122. См. № 8. **Кисиль Мария Петровна**, 1925 г.р., урож. д. Варезж. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королева. ЦРФ-Э-1123, № 21 (67).

Новая баллада. Ср.: Судогда, с. 76, № 54. См. вариант песни № 123, 124

123. **Карева Мария Павловна**, 1938 г.р., местн., обр. 7 кл. Зап. 2003 г., д. Степаньково. Соб. Л.В. Фадеева. Рукописный песенник 1953 г.

См. вариант песни № 122, 124.

124. См. № 55. ЦРФ-Э-1218, № 12 (159).

См. варианты песни № 122, 123.

125. См. № 111. ЦРФ-Э-1121, № 7 (4).

Народная переделка популярной песни «Катюша». Ср.: Судогда, с. 78, № 63.

126. **Акимов Александр Иванович**, 1923 г.р., **Акимова Александра Ивановна**, 1926 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1122, № 18 (27).

Новая баллада из цикла песен на мелодию «Московочка». Последние четыре строки песни повторяют мотив известного романса «Вот умру я, умру, похоронят меня...». Ср.: Гороховец-2, № 243, 244, 245, 246.

127. См. № 23. ЦРФ-Э-1219, № 31 (31).

Новая баллада. Ср.: Судогда, с. 72, № 38.

128. См. № 114. ЦРФ-Э-1140 (27).

Новая баллада.

129. См. № 114. ЦРФ-Э-1140 (28).

Новая баллада.

130. См. № 85. ЦРФ-Э-1125, № 41 (421).

Новая баллада.

131. См. № 2. ЦРФ-Э-1216, № 2 (28).

Новая баллада.

132. См. № 2. ЦРФ-Э-1216, № 2 (18).

Новая баллада из цикла песен на мелодию «Комсомолочка».

133. См. № 55. При записи присутствовал супруг исполнительницы Роальд Алексеевич Ексин, 1932 г.р. ЦРФ-Э-1218, № 12 (161).

Новая баллада.

133а. См. № 62. ЦРФ-1124, № 34 (224).

134. См. № 55. ЦРФ-Э-1218, № 12 (162).

Новая баллада.

135. См. № 55. При записи присутствовал супруг исполнительницы Роальд Алексеевич Ексин, 1932 г.р. ЦРФ-Э-1218, № 12 (160).

Новая баллада.

136. См. № 55. ЦРФ-Э-1218, № 12 (157).

Новая баллада.

137. См. № 85. ЦРФ-Э-1125, № 41 (436).

Новая баллада.

138. См. № 85. ЦРФ-Э-1125, № 41 (423).

Новая баллада.

138а. См. № 62. ЦРФ-1124, № 34 (226).

Источник — отрывок из стихотворения А.Н. Апухтина «Сумасшедший» (1890). Однако сюжет народной песни значительно отличается от оригинала.

139. **Сергеева Мария Егоровна**, 1926 г.р., урож. с. Польцо, обр. 8 кл., русск., правосл. Зап. в 2004 г. в д. Шумилиха. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1217, № 12 (128).

Новая баллада из цикла песен на мелодию «Семеновна». Ср.: Гороховец-2, № 247. См. вариант песни № 140, 141.

140. См. № 85. ЦРФ-Э-1125, № 41 (424).

См. вариант песни № 139, 141.

141. См. № 62. ЦРФ-1124, № 34 (232).

См. вариант песни № 139, 140.

142. См. № 85. ЦРФ-Э-1125, № 41 (418).

Новая баллада из цикла песен на мелодию «Семеновна».

143. См. № 61. ЦРФ-1123, № 30 (337).

Новая баллада, литературный источник которой стихотворение Д.П. Ознобишина «Чудная бандура» (1835). Ср.: Гусев I, № 270; Гусев II, № 767.

144. См. № 79. ЦРФ-Э-1123, № 29 (299).

Новая баллада на мелодию «Кирпичики».

144а. См. № 48. ЦРФ-1124, № 34 (222).

145. См. № 79. ЦРФ-Э-1123, № 29 (291).

Новая баллада.

146. См. № 62. ЦРФ-1124, № 35 (257).

Новая баллада.

147. См. № 62. ЦРФ-1124, № 35 (254).

Новая баллада.

148. См. № 3. ЦРФ-Э-1122, № 16 (4).

Источник — стихотворение И.С. Никитина «Ехал из ярмарки ухарь-купец». См. вариант песни № 149, 150.

149. См. № 62. ЦРФ-1124, № 35 (258).

См. варианты песни: № 148, 150.

150. См. № 5. ЦРФ-Э-1334, № 32 (9).

См. варианты песни: № 148, 149.

151. См. № 51 и **Винокурова Мария Николаевна**, 1930 г.р. ЦРФ-1122, № 16 (17).

Источник — лубочное стихотворение А.Е. Разоренова «За грибами в лес девицы...».

См. вариант песни: № 152.

152. См. № 41. ЦРФ-Э-1218, № 21 (246).

См. вариант песни: № 151.

153. См. № 51. ЦРФ-1122, № 16 (17).

154. См. № 51. ЦРФ-1122, № 16 (26).

155. См. № 60. ЦРФ-1124, № 33 (135).

См. вариант песни: № 156.

156. См. № 62. ЦРФ-1124, № 35 (263).

См. вариант песни: № 155.

157. См. № 60. ЦРФ-1124, № 33 (136).

158. См. № 60. ЦРФ-1124, № 33 (160).

159. См. № 62. ЦРФ-1124, № 34 (225).

160. См. № 62. ЦРФ-1124, № 34 (228).

161. См. № 62. ЦРФ-1124, № 35 (236).

162. См. № 62. ЦРФ-1124, № 36 (318).

163. См. № 62. ЦРФ-1124, № 36 (319).

164. См. № 123

165. См. № 123

166. См. № 5. ЦРФ-Э-1334, № 32 (16).

Частушки

Авдеева Надежда Александровна, 1925 г.р., урож. д. Большая Макаровка, обр. 8 кл. Зап. в 2004 г. в д. Грибково. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-Э-1220, № 43: № 205 (26), 206 (27), 207 (28), 208 (29), 209 (30).

Акимова Александра Ивановна, 1926 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1122, № 18: № 169 (8), 179 (16), 260 (5), 291 (11), 342 (19).

Анохина Александра Кузьминична, 1929 г.р., местн., 7 кл. обр., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. ЦРФ-Э-1121, № 8: № 493 (9).

Белякова Зинаида Ивановна, 1925 г.р., урож. д. Бердишево, обр. 4 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1121, № 2: № 245 (48), 247 (46), 248 (47), 496 (44); . ЦРФ-Э-1122, № 16: № 390 (11); ЦРФ-Э-1121, № 1: № 501 (14).

Богданова Валентина Андреевна, 1933 г.р., местн., образ. 7 кл., правосл. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-№ 22: № 261 (20).

Богданова Зинаида Фёдоровна, 1939 г.р., урож. д. Михайлово, обр. 7 кл. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. А.А. Костикина, Ф.А. Ордынец. ЦРФ-Э-1334, № 32: № 309 (36), 310 (37), 329 (41), 330 (42), 405 (43).

Бочкарёва Татьяна Михайловна, 1921 г.р., местн., нач. обр., русск., правосл. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. С.В. Лебедева, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1218, № 21: 323 (252).

Брейкина Нина Алексеевна, 1936 г.р., местн., ср. образ., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.С. Белова, А.А. Барсуков. ЦРФ-Э-1125, № 44: № 392 (164, паспорт 23); Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1123, № 28: № 483 (243).

Васильева Клавдия Николаевна, 1930 г.р., местн., нач. образ., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-1123, № 30: № 198 (339), 315 (344), 360 (340), 361 (338), 362 (342), 363 (345), 449 (341), 471 (343).

Группа детей: Кристина Орешина, 1990 г.р., местн., Иван Семенов, 1996 г.р., местн., Светлана Блинова, 1992 г.р., местн., Иван Иванов, 1990 г.р., местн., Илья Романюк, 1989 г.р., местн., Артем Блажев, 1989 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1122, № 2: № 172 (52), 263 (53), 320 (55), 391 (75), 411 (51), 525 (54), 526 (56), 527 (57), 528 (61), 529 (66), 530 (81), 531 (84), 551 (67).

Группа детей-2: Жевакин Юрий, 1989 г.р., местн., русск.; Захаров Александр, 1993 г.р., местн., русск.; Галактионов Сергей, 1992 г.р., местн., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. ЦРФ-Э-1123, № 22: № 547 (4), 548 (5).

Группа детей-3: Игорь Борисов, 1989 г.р., местн., русск.; Илья Губарев, 1989 г.р., местн., русск.; Александр Богатырев, 1989 г.р., местн., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. ЦРФ-Э-1123, № 22: № 549 (43), 550 (55).

Гудкова Анфиса Ивановна, 1914 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-Э-1121, № 4: № 170 (422), 331 (427), 457 (420), 512 (423), 513 (426).

Гуреева Валентина Максимовна, 1937 г.р., обр. 7 кл., **Киселева Людмила Максимовна**, 1947 г.р., урож. д. Савково, обр. 7 кл. Зап. в 2004 г. в г. Муроме. Соб. Л.Ф. Миронихина. ЦРФ-Э-1130: № 199 (25), 212 (25), 215 (25), 221 (26).

Данилина Наталья Петровна, 1934 г.р., местн., нач. обр. Зап. в 2004 г. в д. Мишино. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-1219, № 34: 283 (98), 284 (99), 325 (96), 414 (97), 432 (95).

Евстифеева Евдокия Васильевна, 1927 г.р., местн., ср. образ., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1123, № 29: № 210 (298), 255 (297), 369 (294), 448 (295).

Епифанова Наталья Дмитриевна, 1921 г.р., местн., нач. обр. Зап. в 2004 г. в д. Новое Ратово. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-Э-1220, № 41: № 341 (6), 481 (7).

Ермакова Зоя Петровна, 1930 г.р., местн., ср. обр., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова, А.А. Барсуков. ЦРФ-Э-1122, № 15: № 191 (199), 297 (195), 474 (196).

Ермакова Нина Михайловна, 1943 г.р., урож. д. Ивановское, ср. обр., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев. ЦРФ-Э-1121, № 8: № 223 (63); ЦРФ-Э-1122, № 9: 303 (37), 326 (44), 344 (35), 345 (36), 358 (41), 434 (39).

Зеленова Клавдия Павловна, 1923 г.р., ур. д. Рожново (Талызинский с/с), зап. в 2004 г. в с. Якиманская Слобода. ЦРФ-Э-1226: № 203 (52), 216 (53), 217 (54), 222 (13), 229 (14), 230 (15), 253 (55), 254 (56).

Зудилина Анна Васильевна, 1921 г.р., местн., обр. 4 кл., русск., правосл. Зап. в 2004 г. в с. Польцо. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1216, № 7: № 266 (115), 267 (116), 546 (113).

Капралова Анна Петровна, 1930 г.р., местн., ср. обр., правосл., русск., **Сельцова Анна Васильевна**, 1926 г.р., местн., нач. обр., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1125, № 41: № 192 (409), 281 (411), 282 (412), 395 (410).

Карева Мария Павловна, 1938 г.р., местн., обр. 7 кл., 2003 г., д. Степаньково. Соб. Л.В. Фадеева. Рукописный песенник 1953 г.: № 174, 183, 184, 304—308, 327, 328, 346, 373, 374, 384—386, 415, 435—437, 444, 445, 461, 465—469, 497, 498, 502, 509—511.

Кисиль Мария Петровна, 1925 г.р., урож. д. Варез, зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-Э-1123, № 21: № 173 (34), 201 (48), 204 (49), 211 (50), 218 (43), 219 (44), 220 (45), 244 (47), 256 (51), 257 (52), 258 (53), 368 (116), 427 (54), 535 (35), 536 (115); Соб. Е.М. Королева, А. Разорёнов. ЦРФ-Э-1121, № 4: № 311 (411), 312 (409), 313

(368), 314 (371), 332 (399), 339 (400), 356 (372), 357 (373), 359 (374), 366 (367), 370 (392), 380 (404), 381 (410), 418 (405), 420 (408), 421 (413), 422 (370), 438 (365), 439 (415), 440 (397), 441 (375), 450 (402), 451 (369), 459 (395), 463 (416), 464 (403), 472 (406), 477 (414), 479 (393), 514 (387), 515 (388), 516 (391), 517 (394), 518 (396), 519 (398), 520 (412).

Книгина Марья Фёдоровна, 1929 г.р., местн., нач. обр., русск., правосл. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб.: С.В. Лебедева, И.М. Борисова. ЦРФ-Э-1216, № 1: 321 (29), 322 (35).

Кузьмина Антонина Михайловна, 1933 г.р., урож. д. Грибково, обр. 4 кл., **Тюнина Фаина Алексеевна**, 1932 г.р., урож. д. Зеленцово, неграмотн., **Кузьмин Сергей Иванович**, 1932 г.р., урож. д. Ивановское, обр. 5 кл. Зап. в 2004 г. в д. Грибково. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-Э-1220, № 43: № 194 (58), 351 (60), 352 (61), 393 (67), 426 (59), 532 (56), 533 (57), 534 (66); ЦРФ-Э-1220, № 42: 350 (42), 197 (43), 409 (45), 412 (44), 413 (46), 425 (47).

Кузьмичев Иван Филиппович, 1923 г.р., местн., обр. 4 кл., русск., правосл. Зап. в 2004 г. в д. Шумилиха. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных. ЦРФ-Э-1217, № 13: № 231 (91), 232 (92), 233 (93), 234 (94), 235 (95), 236 (96), 237 (97).

Курбацкая Анна Андреевна, 1929 г.р., местн., обр. 2 кл., русск., старообр., **Романова Анна Васильевна**, 1932 г.р., местн., обр. 3 кл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1216, № 7: № 177 (62), 180 (79), 181 (81), 193 (70), 227 (80), 228 (82), 264 (84), 265 (87), 274 (86), 302 (66), 324 (61), 354 (64), 396 (83), 400 (59), 430 (65), 431 (72), 442 (63), 488 (76), 489 (78).

Кутакова Нина Николаевна, 1940 г.р., урож. д. Волнино, ср. обр., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова, Е.В. Грудзенко. ЦРФ-Э-1122, № 14: № 167 (115), 168 (116), 334 (117), 375 (106), 376 (111), 377 (112), 378 (113), 379 (114), 419 (118), 446 (109), 447 (110), 462 (108), 476 (107).

Лодыгина Елена Максимовна, 1924 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Лазарево. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1139: № 238 (60), 239 (61), 240 (61), 241 (61), 242 (61), 243 (61), 285 (58), 286 (58).

Лопатина Нина Михайловна, 1937 г.р., местн., обр. 8 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.С. Белова, А.А. Барсуков. ЦРФ-Э-1121, № 1: № 250 (27), 480 (28).

Мария Васильевна, 1927 г.р., урож. д. Новоселки, зап. в 2003 г. в пос. Зименки. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1093: № 404.

Маркеева Валентина Степановна, 1930 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в д. Мартыново. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина. ЦРФ-Э-1218, № 23: № 202 (10), 213 (11), 454 (12), 458 (15), 460 (13), 491 (14).

Меньшова Александра Владимировна, 1941 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова. ЦРФ-Э-1122, № 17: № 367 (40).

Неизвестный исполнитель (паспорт № 1), зап. в 2004 г. в д. Мишино. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-1219, № 33: № 490 (4).

Обидин Иван Петрович, 1926 г.р., местн., неполн. ср. обр., правосл. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова. ЦРФ-Э-1332, № 33: № 406 (16).

Парфенова Прасковья Борисовна, 1916 г.р., местн., малограмотн., правосл., русск. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1122, № 15: № 294 (167), 296 (170), 319 (172), 333 (171).

Пашина Валентина Андреевна, 1933 г.р., урож. Леванского р-на, обр. 7 кл., русск., правосл. Зап. в 2004 г. в д. Красный Бор. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-1218, № 19: № 185 (176), 429 (176б).

Петунина Анна Прокофьевна, 1921 г.р., урож. д. Столбище. Зап. в 2003 г. в д. Михалево. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. ЦРФ-Э-1094: № 171, 176, 387, 388, 389, 473.

Пичугина Анна Васильевна, 1935 г.р., местн., нач. обр., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. ЦРФ-Э-1125, № 41: № 299 (427), 300 (433), 317 (425), 343 (430), 453 (428), 475 (429), 485 (426), 495 (432).

Поликарпова Евдокия Ивановна, 1924 г.р., местн., малограмотн., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова, Е.В. Грудзенко. ЦРФ-Э-1122, № 13: № 347 (50), 407 (53), 408 (54), 410 (57), 478 (55); ЦРФ-Э-1122, № 14: № 394 (124).

Прибыткова Александра Михайловна, 1931 г.р., местн., обр. 4 кл., **Затухина Елизавета Григорьевна**, 1935 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Загрязское. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-1220, № 41: № 318 (64), 424 (63).

Репин Иван Иванович, 1932 г.р., местн., ср. образ. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Д.А. Кремнев, М.Ю. Степанова. ЦРФ-Э-1122, № 10: № 402 (76), 403 (77).

Рожков Андрей Николаевич, 1976 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королева. ЦРФ-Э-1121, № 4: № 456 (431).

Романова Анна Васильевна, 1932 г.р., местн., ср. обр., русск., правосл. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1216, № 6: № 214 (9), 355 (11), 416 (3), 486 (1), 505 (6).

Рыбакова Анисья Яковлевна, 1918 г.р., урож. Меленковского р-на, зап. в 2004 г. в с. Ковардицы. Соб. В.Е. Добровольская. ЦРФ-Э-1225: № 251 (10), 252 (12), 289 (13), 290 (14).

Рябова Александра Михайловна, 1930 г.р., урож. д. Князево, нач. обр. Зап. в 2004 г. в с. Новое Ратово. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-Э-1220, № 41: № 399 (32).

Садкова Антонина Алексеевна, 1930 г.р., образ. 9 кл. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных. ЦРФ-Э-1219, № 31: № 186 (18), 187 (19), 188 (22), 189 (20), 190 (23), 195 (21), 262 (1), 272 (2), 273 (7), 277 (3), 278 (4), 279 (5), 280 (6), 288 (17), 338 (16), 372 (14), 433 (15), 492 (28), 508 (11).

Садкова В.Ф., 1938 г.р., ср.-спец. образ., **Савинова В.Н.**, 1938 г.р., **Присадкова В.И.**, 1937 г.р. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных. ЦРФ-Э-1217, № 16: № 269 (204), 275 (205).

Салтыкова Нина Ивановна, 1937 г.р., урож. д. Саванчаково, зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.С. Белова, А.А. Барсуков. ЦРФ-Э-1121, № 1: № 470 (5).

Сатинова Зоя Петровна, 1940 г.р., урож. д. Грибково, обр. 7 кл., **Кузьмина Любовь Петровна**, 1941 г.р., урож. д. Грибково, ср.-тех. обр. Зап. в 2004 г. в с. Стригино. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-1220, № 36: № 196 (11).

Сатинова Зоя Петровна, 1940 г.р., урож. д. Грибково, обр. 7 кл., **Кузьмина Любовь Петровна**, 1941 г.р., урож. д. Грибково, ср.-технич. обр. Зап. в 2004 г. в с. Стригино. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-1220, № 36: № 182 (14), 246 (4), 401 (5).

Свирёжева Евгения Сергеевна, 1932 г.р., местн., обр. 7 кл., русск., правосл. Зап. в 2005 г. в д. Межищи. Соб. О.С. Славинская, И.М. Борисова. ЦРФ-Э- 1332, № 29: № 397 (43).

Сельцова Зинаида Ивановна, 1933 г.р., местн., неполн. ср. обр., русск., правосл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова. ЦРФ-Э-1123, № 30: № 298 (362), 353 (368), 484 (361), 494 (360).

Сергеева Мария Егоровна, 1926 г.р., урож. с. Польцо, обр. 8 кл., русск., правосл. Зап. в 2004 г. в д. Шумилиха. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1217, № 12: № 224 (129), 225 (129), 226 (129).

Харитоновна Анна Семеновна, 1930 г.р., местн., обр. 4 кл. Зап. в 2004 г. в д. Грибково. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей. ЦРФ-1220, № 42: № 178 (54).

Шошкина Александра Сергеевна, 1926 г.р., обр. 7 кл., правосл., русск. Зап. в 2004 г. в с. Боровицы. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова. ЦРФ-Э-1218, № 19: № 259 (190), 301 (190г), 398 (190в), 487 (190б).

Шуркина Лидия Петровна, 1936 г.р., местн., образ. 9 кл., её мать **Васицова Анна Васильевна**, 1914 г.р., местн., образ. 2 кл. Зап. в 2004 г. в д. Ивановско. Соб. А.С. Белова, О.А. Теплухина. ЦРФ-Э-№ 39: № 268 (47), 270 (49), 271 (50).

Ярцева Вера Викторовна, 1964 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королёва. ЦРФ-Э-1124, № 36: № 175 (348), 200 (343), 295 (360), 337 (353), 340 (331), 348 (350), 349 (351), 364 (327), 365 (332), 371 (336), 382 (352), 383 (357), 417 (333), 423 (335), 443 (346), 452 (334), 455 (356), 499 (328), 500 (345)503 (321) 504 (325), 506 (342), 521 (354), 522 (355), 523 (359), 524 (361); ЦРФ-Э-1124, № 33: № 276 (138), 287 (148), 292 (154), 293 (155), 316 (358), 335 (140), 336 (157), 428 (139), 482 (156), 507 (143), 537 (141), 538 (142), 539 (144), 540 (145), 541 (146), 542 (147), 543 (149), 544 (151), 545 (152).

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЭЗИЯ

Современная народная религиозная поэзия — явление сложное, сочетающее в себе художественный опыт разных эпох и стилей. Не случайно исследователи выделяют несколько жанровых разновидностей религиозных стихов — эпических, лироэпических и лирических. Многообразие форм свидетельствует о том, что даже неизменность церковного канона, безусловно, воздействующего на этот пласт фольклорного репертуара, не может остановить процесс непрерывного обновления народного поэтического языка, усиления лирических и даже мелодраматических интонаций.

Поскольку религиозная поэзия есть «результат освоения народом идей христианского вероучения»¹, важнейшей ее особенностью была и остается нацеленность на книжное знание. То, о чем повествуют религиозные стихи, имеет своим источником книгу — Библию, жития святых, поучения отцов Церкви. Отсюда специфический сюжетный и образный строй этих произведений, их церковно-славянская лексика и синтаксис. Не стоит забывать и о том, что знания, аккумулированные церковной книжностью, попадают в фольклорную среду и опосредованно, благодаря воздействию богослужения (литургического чтения и пения) и икон.

Однако религиозная поэзия питается не только книжной традицией. У нее есть и фольклорные источники, причем нередко самые неожиданные. Особенно заметное влияние на судьбу жанра они оказали во второй половине XIX — начале XX века, когда произошла явная смена эстетики духовного стиха. Именно в этот период все увереннее заявляет о себе лирическая религиозная поэзия, немало почерпнувшая из народной песенной и романсовой лирики. Цитата из песни и романса нередко становится отправной точкой в развитии лирического сюжета религиозного стиха. Ведь как еще можно объяснить появление в нем таких строчек, как:

*Ох, зачем напевать, что стараюсь забыть,
И в душе воскресить, что нельзя вернуть —*

или:

*Ты пропой нежно ей, как больною душой
Вспоминаю о ней, заливаюсь слезой.
(«Ох ты, келья, моя келья, келья темная...»).*

«Вживленные» в покаянный и одновременно назидательный стих, они тем не менее читаются как строки любовного романса. Однако в этом контексте они словно спорят с романсом, подчеркивая отказ лирического героя от мира чувств и страстей.

Нередко цитируемые строки настолько «отрываются» от своего первоисточника, что их связь с романсовой стихией почти не осознается. Ср. в поминальном стихе:

¹ Селиванов Ф.М. Народно-христианская поэзия // Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. М., 1991. С. 4.

*Минута горькая настала,
Мама милая, прости.
Тебя мы больше не увидим
На этом жизненном пути...
(«Мама»)*

и в романсе:

*Минута горестей настала,
Ах, милый друг, прости, прости,
Судьба разлуку нам послала,
Я не в силах ее снести...
(«Минута горестей настала...»)².*

Востребованы духовным стихом и традиционные романсовые мотивы смерти на чужбине, вдали от родных, и одинокой могилы, над которой поет соловей («Ох ты, келья, моя келья, келья темная...», «Чу! Уныло завывает...», «Сейчас хожу я мимо дома...» и др.).

Большое влияние на народную религиозную поэзию оказало и авторское творчество. Стихи, которые заучивали по хрестоматиям церковно-приходских школ, постепенно входили в фольклорный репертуар. Они хорошо запоминались благодаря ясным и простым рифмам. Их лирические интонации были в немалой степени созвучны новейшим стихам, близким песням и романсам. Естественно, исполнители вскоре забывали, чьему перу принадлежали некогда понравившиеся строки. Не случайно со временем религиозные стихи литературного происхождения, изначально не имевшие или утратившие в процессе бытования своего автора, составили основу народно-религиозного поэтического репертуара.

Объединяла эти весьма неоднородные по происхождению и структуре тексты общая тема. Все они так или иначе излагали и толковали события христианской истории, наставляли человека в религиозных истинах. Стихи на ветхозаветные, евангельские и житийные сюжеты как правило выполняли *повествовательную функцию*, напоминая важнейшие эпизоды Священного Писания и Священного Предания. *Назидательные стихи* были своего рода проповедями, звали человека к духовному самоотречению и покаянию. Особой любовью всегда пользовались *молитвенные стихи*, которые воспринимались как прямое обращение к Пресвятой Богородице, Николаю Чудотворцу, ангелу-хранителю.

Среди явных предпочтений современных исполнителей религиозных стихов нельзя не отметить стихи на тему смерти и малого апокалипсиса, т.е. суда, который каждая душа проходит после смерти. Внимание к этим произведениям вполне понятно. Религиозные стихи являются неотъемлемой частью похоронно-поминального комплекса обрядов. Не случайно почти каждый стих оценивается исполнителями с точки зрения возможности его включения в контекст панихиды и поминального застолья. Именно здесь необходимо петь о смерти, о прощании с близкими, о расставании души с телом и хождении души в рай и ад в сопровождении ангела, о грехах, за которые ждет суровое наказание. Показательна реплика Лидии Кузьминичны Новожиловой из д. Петраково, которая в ответ на мой вопрос о том, принято ли было петь стих об Алексие Божьем человеке во время прощания с умершим, сказала: «*Это для покойника он и сделанный... А как же! Он же умер, он же... какую честь над собой вёл! Ушел от родного отца, скитался сколько время и такой смертью умер: в конюшне его жил, не мог признаться. Он святой!*» (Новожилова Л.К., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1067).

² Названия местностей, легенды, песни и частушки, собранные Поздняковским волостным коллективом учителей (с. Поздняково, Бутурлино, Чаадаево). Из фонда Муромского историко-художественного и мемориального музея. Ф. № 34. Т. № 5. Л. 120 (об). № 38.

И все-таки не каждый религиозный стих о смерти и воздаянии за грехи действительно предназначен для исполнения в момент прощания с умершим. В современном репертуаре существует достаточно стабильная группа стихов, которые используются как *поминальные*. Совершенно очевидно, что в обряде они выполняют вспомогательную функцию. По словам самих исполнительниц, их поют, когда отдыхают, в перерыве между чтением молитв и канонов: *«Вот читают, потом отдых сделают и начинают петь таки тревожные, кто не хочет плакать, а слезы сами...»* (Тимохина О.Г., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1256). Вот почему несмотря на то, что таких стихов немало, чаще всего звучат только самые известные (*«Вот скоро настанет мой праздник...»*, *«На всех солнце светит, на меня уж нет...»*, *«Сейчас хожу я мимо дома...»*, *«Днесь духовная беседа...»*). Интересно, что среди поминальных стихов могут оказаться и такие, в которых религиозная составляющая сведена к минимуму. Наиболее красноречивым примером в этом плане является любимый многими стих «Мама», в котором все внимание сосредоточено на земном прощании и невозполнимости утраты. Будучи по сути стихом поминальным, он не может квалифицироваться как религиозный стих.

Говоря об обычае петь религиозные стихи во время панихиды и поминального застолья, нельзя не сказать о людях, которые исполняют этот репертуар. Все они своего рода профессионалы, хорошо известные среди местных жителей. Одной из ярких самобытных черт фольклорной традиции Муромского края как раз и является почти повсеместное распространение маленьких хоров, поющих на похоронах. Наиболее заметной фигурой в этих группах певчих обычно является читалка, без которой невозможно совершение обряда. Она отвечает за исполнение предписанных церковной традицией текстов. Остальные, как правило, сопровождают ее, помогая в пении молитв и духовных стихов. Долгое время отпевание проводилось именно такими хорами. Сегодня, когда у многих появилась возможность пригласить священника, значение деревенских певчих не уменьшилось. Однако теперь участницы хоров все чаще сравнивают свои знания с тем, что видят и слышат во время церковной службы.

Участие в хорах регламентировано традицией. Присоединиться к группе может не всякий. Здесь важно не только желание, но и возраст, социальный статус. Обычно в хоре участвуют женщины шестидесяти-семидесяти лет, как правило, вдовы. Вот как рассказывала о своих «первых шагах» Лидия Кузьминична Новожилова: *«...С душой начала так... с хотеньем таким... У меня умер мужик, и я как раз ушла на пенсию. А я баба была веселая. Ни гуляньев, ни престолов, ничего уже не... Приставать не стали. И пошла я в это дело с сестрой своей... Не хвалюсь и ништо. Мотив у меня был. Пошла с душой и делаю с душой»* (Новожилова Л.К., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1067). Вспоминая свою молодость, многие женщины с гордостью говорят о том, что были хорошими певицами, участвовали в праздниках, пели песни и частушки. Однако теперь все это в прошлом. Участие в хоре накладывает свой отпечаток на образ жизни, на репертуар. Даже дома они обычно поют стихи и перечитывают тетрадки с молитвами.

Характеризуя современную традицию исполнения религиозных стихов, нельзя не отметить, что она предполагает неразрывную связь устной и письменной форм бытования этого жанра. Все, с кем нам приходилось беседовать о стихах, обязательно показывали свои тетради, в которых порой собраны весьма значительные коллекции текстов. Обычно певицы переписывают понравившиеся стихи друг у друга. Если им доводится услышать несколько иначе распетый или значительно дополненный вариант стиха, они тут же просят дать им и этот текст. Не случайно в тетрадочках есть немало такого, что их владелицы не могут спеть, однако с удовольствием читают. При этом некоторые стихи певицы распевают сами, подбирая мелодию из своего «профессионального» багажа.

Пение по тетради — основная форма исполнения религиозных стихов. Основная, но не единственная. Самые любимые стихи женщины поют по памяти. А значит, есть тексты, которые находятся в «активе» традиции, которые востребованы окружающими и регулярно исполняются певицами.

Письменное бытование стиха также говорит о многом. Облик тетрадей, в которые переписываются тексты, нередко весьма красноречив. Прежде всего, это касается жанрового состава. Иногда стихи соседствуют с чинопоследованиями молитв, иногда с заговорами и приметами. Тетрадь как нельзя лучше показывает отношение владельца к фольклорному репертуару, свидетельствует о его интересах и предпочтениях. Именно тетрадь позволяет судить о том, как в сознании носителя соединяются разные пласты фольклорной традиции. Очевидно, что по преимуществу моножанровое и уж без всяких сомнений монотематическое собрание «профессионального» исполнителя религиозных стихов будет отличаться от тетради женщины, переписывающей «для себя» заговоры, молитвы, стихи и даже кулинарные рецепты. Однако вне зависимости от целей, которые преследует составитель тетради, стих всегда погружен в определенный смысловой контекст. По сути тетрадь превращается в «территорию» постоянных межжанровых взаимодействий, влияющих на судьбу религиозных стихов самым неожиданным образом (о контаминации заговоров и религиозных стихов см. в статье «Заговоры, обереги и молитвы» — с. 383).

В заключение отмечу, что настоящая публикация представляет собой лишь малую часть весьма обширной коллекции религиозных стихов, собранных на территории Муромского района в 2003—2005 гг. Очевидно, что зафиксированный нами репертуар тесно связан с репертуаром соседнего Гороховецкого района Владимирской области³ и в еще большей степени — Нижегородской области⁴ (см. комментарии). Представленные материалы как нельзя лучше свидетельствуют об извечной двойственности народных религиозных стихов, обязанных своим происхождением книжной и устной традиции, развивающихся под влиянием фольклора и литературы, бытующих в устной и письменной формах, в непрерывном взаимодействии с обрядовыми и необрядовыми жанрами.

НОВОЗАВЕТНЫЕ СОБЫТИЯ И ЛИЦА

1.

На выступлениях гладких, под тенью навеса
Сидел у колодца Христос.
Пришла самарянка в обычном порядке
Наполнила свой водонос.
Христос ей сказал: «Поделися водою» —
Она же сказала в ответ:
«Ведь я самарянка, и с вашей средой
Общенья, кажется, нет».
Христос ей сказал: «Если ты бы знала,
Кто воду живую творит,
Сама бы просила, сама бы искала
Того, кто с тобой говорит».

³ Религиозные стихи / Вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Л.В. Фадеевой, нотация А.Н. Иванова // Традиционная культура Гороховецкого края: Экспедиционные, архивные, аналитические материалы. М., 2004. Т. 2. С. 369—440.

⁴ Духовные стихи. Канты (Сборник духовных стихов Нижегородской области) / Сост., вступ. ст., подгот. текстов, исслед. и коммент. Е.А. Бучилиной. М., 1999.

«Колодец глубокий, чем воду живую
Ты можешь достать из него?
Отец наш Исаков⁵ дал воду простую.
Неужто ты выше его?».
Христос ей сказал: «Позови сюда мужа».
Ответила: «Нет у меня».
«Ты правду сказала, ты пять их имела
И это не муж у тебя».
«Я вижу пророк ты. Скажи, как молиться
На нашей горе...
Зевсану иль Богу живому должны поклоняться,
Пришедши во храм?»⁶.
«Не здесь иль не тама, везде и повсюду,
Где сердце любовью горит.
И это не сей ли, пойдя скажи людям,
Не сей ли с тобой говорит».
Она, самарянка, бегом побежала,
Забыла про свой водонос.
Всем встречным кричала, всех призывала:
«Идите, явился Христос.
Он там, у колодца, сидит отдыхает», —
Так скоро твердила она. —
«Послушайте люди, как он призывает,
И очи любовью горят.
Он всё мне сказал, что я сделала тайно,
Подите, он скажет и вам».
И все убедились встрече случайной,
Поверили этим словам.

2.

Выходил Христос из храма
Пред крестную смертью своей
И полону скорби печальным взглядом
Учил он любимых друзей.
«Скажи нам, учитель, последнее слово,
Пока ищё с нами живешь.
Скажи нам, учитель, когда это будит,
Когда ты судить нас придешь?» —
«Услышите войны, военные слухи,
Восстанет народ на народ.
И будут болезни, и голод, и моры,
И братская кровь потечет.
Уменьшится вера, угаснет надежда,
В сердцах охладет любовь,

⁵ Иаков.

⁶ Темное место в данном варианте. Для сопоставления приведем фрагмент из стиха, опубликованного Е.А. Бучилиной в сборнике «Духовные стихи. Канты (Сборник духовных стихов Нижегородской области)», хотя в него также закрались неточности:

...«Пророк ты, я вижу, скажи, где молиться

На нашей горе горизне».

«И Богу и мне должны все поклониться

Пришедшие в Иерусалим»

[Бучилина 1999, 88].

И многие люди тогда соблазнятся,
Прольют неповинную кровь.
Увидите мерзость во святости храма —
То знайте, что суд при дверях.
Готовьтесь, пока *ищё* дверь не закрыта,
Держите светильники в ваших сердцах.
Великие скорби на землю сольются,
И страшные муки придут.
В надежде вы скажете: “Покройте нас, горы”, —
Но горы на вас не падут.
И в скорби просить вы будете смерти,
Но смерть от людей убежит.
Кто будет находиться в поле, не дома,
То пусть тот домой не спешит.
Солнце померкнет, и месяц, и звезды
С небесного свода спадут.
Из мертвых восстанут *земныи* народы,
Пойдут на Божественной суд.
И явится крест в небесах лучезарнай,
Он будет как солнце сиять.
Избранныи чада восстанут сначала
И радостно будут взирать.
За ними последуют толпы народа
От края до края земли.
И вся содрогнётся земная природа
Пред страшным престолом судьи.
Все люди увидят дела худы́, добры:
Что делал, как жил на земле.
И грешныи горько и страшно восплачут,
Но помощи негде искать.
Отвергнет Спаситель свой взор милосерднай
И скажет, что грешныи вы.
Позвал вас ... на пир мой священный
И что ж вы ко мне не пришли?
Вы были суетны, глухи и немые,
Свой взор от меня отвлекли,
Теперь я отвлекаю мой взгляд милосердный
Пред Богом отцом я своим.
Идите вы к демону в бездну огненную,
Всю жизнь прослужили яму
И сами себя вы навек погубили,
Пропали вы, чада земли».

3.

...Разойдутся стены каменные,
Разойдутся престолы Господние,
Сойдет с небес Михаил-архангел,
Затрубит в трубу духовную, громогласную:
«Вставайте, живые и мертвые,
Надевайте ризы нетленные,
Нетленные, неносимые,

Зажигайте свечи воску яровне,
 воску яровне
Да ступайте к Господу Богу на Суд праведный».

4.

Напой, самарянка, холодной водой
Святого страдальца, стойт пред тобой.
Он шел, упираясь, на гору Голгоф
Невинную кровь проливал за врагов.
*Дохтяжской корону меня поразил*⁷
За то, что я Сына его огорчил.
Под тяжкою ношей большого креста
Он сел отдохнуть у малого⁸ крыльца.
*К святому страдальца ногой я толкну*⁹
И словом свирепым его (п)опрекну(л).
С тех пор я скитаюсь по свету всему,
Куда я, откуда — не знаю, иду.
И только я сяду, а ветер шумит,
А мне (в) путь далекий идти предстоит.
И теми местами не раз я ходил,
И сколько я видел забытых могил,
И много я видел и царства царей,
И видел, как злато губило людей.
Ой, люди, страшитесь обидеть Творца,
Его наказанью не будет конца.

5.

Крест тяжёлый, крест тяжёлый,
Нет сил его нести¹⁰,
А нести-то яво надо —
В нём Господня благодать.

Крест тяжёлый, путь далёкий,
Кто поможет донести?
Подкрепи меня, Спаситель,
На всём жизненном пути.

Крест тяжёлый, крест тяжёлый,
 Сам Господь его поднял,
 Нёс он с трудностью великой,
 Посреди пути упал.

И упал под крест Спаситель,
Никто руку не подал.
Сам Отец яво небесный
Человека в помощь дал.

Тот был сильный земледелец,
Он Господний крест поднял,

⁷ Искаженное «Бог тяжкою карой меня поразил».

⁸ Обычно «моего».

⁹ Искаженное «Святого страдальца ногой я толкнул».

¹⁰ По вариантам: «*Нету сил его поднять...*».

А (за) следом (шел) Спаситель,
Путь свой кровью орошал.

Если ты его раб верный,
То ты должен крест нести.
И сказал он со слезами:
«Вслед за Господом идти
И нести его смиренно,
Ни на что не ропочи.

А Царицу Мать Господню
Себе на помощь пригласи.
Помогать она тебе будет,
Только ты не изнывай,

Тогда ангел твой хранитель,
С тобой рядышком пойдёт.
Крест нести тебе поможет,
И всему придёт конец».

Крест тяжёлый, крест блестящий,
Крест небесной красоты
Впереди моей дорожки
Со мной рядышком иди.
Аминь.

6.

В городе в Иерусалиме,
(Иерусалим где-то есть и сейчас.)
В Божьей церкви во соборе,
У Христа у Бога на престоле
Спала матушка Пресвятая Богородица.
И видится ей сон чуден, и страшен, и выше праведен:
«Будто бы я святого сына родила,
(это Христа)
Шелковыми пеленами пеленала,
Шелковым поясом связала.
Скрали дети шапилаты,
На два древа распинали,
На дерево на киевом (?),
На дерево на кипарисово.
Рученьки, ноженьки гвоздями приковали,
Копьем головушку прошибали.
Восставала гора криваяная,
Протекала река слезяная¹¹.
Приходил Иван Поститель, батюшка,
Иван Креститель, Иван ... — угодник Христов.
Михаил Архангел — животворящий крест».
Кто эту молитву будет знать
Трижды на дню читать,
Того Господи не будет огнем пожигать,

¹¹ Кровяная и слёзная.

Того Господи не будет водой потоплять,
Того Господи не будет дверями прибивать.
На Суд пойдет — сужден будет.
Суди, Господи, по милости своей,
Суди, Господи, по делам своим.
Правдай, Господи, правданием своим.

7.

Ангел мой, хранитель мой,
Сохрани мою душу, скрепи моё сердце.
Враг-сатана, отшатись от меня.
Нет у меня ни яденья, ни кушанья,
Есть у меня один ангел, архангел
Со святыми Гаврилами.
Пресвятая Богородица Христа родила
Между райскими дверями.
Тут пелены пеленала, поясы завивала,
Пелены парчовы, поясы шелковы.
Крепко к сердцу прижимала,
Сахарны уста целовала.
Шла с горы на гору, с волости на волость.
Шла приустала, легла приуснула.
Немного спалось, много сну виделось.
Видела сон, страшен, ужасен.
Идут жидаы, идёт Иуда навстречу.
Спрашивают жидаы у Иуды:
«Видел ли истинного Христа?» —
«Видел у Филата в палате,
В заднем кутнем окошке.
Хлеб кушает, соломку мочит.
Идите жидаы, поймайте».
Пошли жидаы, поймали, сковали,
В чисто поле выносили,
На кипарис-дерево валили.
В руки, ноги гвоздей наковали.
Как из...
Как с сухого дерева кора валится,
Как израе(ле)ва река течёт,
Так из истинного Христа кровь течет.
Увидала Пресвятая Богородица,
Заплакала горькими слёзами.
Ей говорит истинный Христос:
«Не плачь, Пресвятая Богородица,
Не трави своих ясных очей,
Не мочи платяной рубахи.
Ты поди сей сон сказывай
И старому и малому, благому».
Кто этот сон трижды проговорит,
С тем человеком будет ангел ходить,
Избавит Господи вечные муки,
Огня горячего, смолы кипящей,
Даст таланту каждому, добру и милости.

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

8.

Я родился в городе Риме, быстро, нежно возрастал,
А отец мой Ефименко¹² меня строго воспитал.
Мать моя меня любила, без меня жить не могла.
Когда кончил я учиться, меня вздумали женить
И усватали невесту, я этого не хотел.
Обвенчали меня браком, я сердечно воскорбел.
Когда мы пришли из церкви, пошли в спальню почивать.
И я нежную супругу стал душевно утешать.
Помолился вместе Богу, я собрался уходить.
Она плакала, просила, как и где мне нужно жить.
Я отдал кольцо венчально, попросил, чтоб не терять,
Обещал вернуться скоро, велел скоро ожидать.
И я пал ей на колени, <просил сильно не скорбеть>,
И разлуку, и страданье ради Бога всё терпеть.
Она пала на колени и смотрела мне в глаза,
У самой дрожали руки, из глаз капала слеза.
Последний раз ей поклонился, и я вышел и пошел
По тайным путям-дорогам в чужую страну зашел.
Костюм новый променял я нищим братьям на *взал*¹³.
Ходил странником скитался, много лет прошло в слезах.
Меня дома потеряли, не могли <нигде найти,
И как блудный сын> решился к отцу странником прийти.
Когда в город Рим вернулся, я предстал отцом своим.
Его просил как странник ночевать пустить в свой дом.
На меня взглянул больного и в дом войти мне не велел.
И с тех пор стал жить в конюшне я в родительском дому,
Я его сын нищий, бедный неизвестный был ему.
Мать, супругу после видел, как из дома выходя.
Глядел долго, убивался, горько плакал в тишине.
Рабы меня обижали, издевались без конца,
Побивали, обливали в доме моего отца.
Терпел голод, терпел холод, очень сильно ослабел,
Во своей родной конюшне я смертельно заболел.
Взял писать белой бумаги, отцу я письмо писал.
Я и матери, и супруге о себе я известил.
Помолившись слезно Богу, слег я, грешный Алексей.
*Я и предал душу, кончил жизненный свет*¹⁴.
Слышен был в соборной церкви, голос слышал архи(е)рей:
«Умер в доме Ефименко странник Божий Алексей.
И ты, папа Иннокентий, возьми его схорони,
Как достойного Алексея за упокой вспомяни».
Пошел папа Иннокентий раба Божьего искать,
Помолился слёзно Богу, прах его земле придать.
Ефименко удивился, сам не зная ничего,
Нашли во дворе, в конюшне, покойника у него.

¹² По вариантам: Ефимион, Ефимьянин. Правильно: Евфемиян — римский сенатор.

¹³ По вариантам: «на брахло», «на тряпье».

¹⁴ По вариантам: «Предал душу в руки Богу, кончил путь жизни своей».

Мать, супруга и отец рассуждали, не дыша:
Кто же этот странник нищий, знать, безгрешная душа.
Смотрят, лежит на соломе, в руках грамоту держал.
Помолившись, письмо взяли, и священник вслух прочел:
«Жена, отец в твоём я доме терпел много я скорбей,
И теперь я умираю, Богу душу отдаю.
Не ропчи, отец, на Бога, пожалей душу свою,
А ты, мать моя родная, в день сконченья моего
И за все мои страдания прости сына своего.
И ты, верная супруга, прости меня от души,
Тебя теперь Господь сподобит крест твой слезный донести».
Ефименко стоял слушал, как священник читал письмо.
Как узнал он про Алексея, в глазах стало темно.
Пошатнулся, прослезился, обнял сына своего:
«Ты прости, сыночек милый, отца родного своего.
Не узнал тебя я, милый, по смиренной жизни я твоей.
Ты прости, прошу, сыночек, дорогой сын Алексей».
Мать стояла, побледнела, сказать слова не могла,
Зарыдала, завопила, наклонилась и легла.
А супруга молодая держала в руке кольцо:
«Ах, супруг мой неизменный, что ты сделал надо мной?
Обещал вернуться скоро, и я тебя ждала с душой.
И вернувшись, не открывшись, не утешил ты меня.
И кольцо твоё венчально потемнело у меня.
Я — девица и вдовица и девицей остаюсь,
И смиренною душою воле Божьей предаюсь».
И с горючими слезами поклонилась до земли,
И подруги её взяли в свою келью увели.
И все люди сожалели её чистою душой,
Но и папа Иннокентий вспомнил за упокой.
В граде Риме в святой церкви похоронен Алексей.
Аминь.

9.

О, прекрасная Варвара, ты страдала от отца,
Со творенья Боже мира ты познала всех Творца.
Ум на небо ты взирала, удивлялась красотой,
Мир ты здешний созерцала, возносила к небесам.
Выше вещного стремленья больше стала познавать,
... Боже творенье, стала Бога прославлять.
Крест на камне начертала, как на воске, ты перстом,
Где на мраморе стояла, след оставила стопой.
Из стопы твоей святой иссекла ключом вода,
Проходящие больные исцелялись всегда.
И восстал отец гонитель, он тебя нещадно гнал,
Несмотря что был родитель, бил ногами, попирал.
И родитель стал гонитель, сам он демону отдал.
Тот повешивал над древом, плоть трезубцами терзал,
От словес твоих) мелилось и носящих лютых ран
И в болезни веселилась, как свирепствует тиран.
...
Тело резали ремнями, а отец стоял смотрел,
А Святая вопияла: «О небесный мой жених,
Дай терпения — взывала — до последних дней моих».

И услышал Спаситель голос, он явился ей в полночь:
«Ты не бойся ныне, дева, я на подвиг твой взирал,
Не страшися муки, гнева, слезу *в раже* потирай,
Дар за подвиги святые я от смерти избежал».

...

Кто твои страдания честны, кто их будет прославлять.
О, невеста ты святая, наших дней жизни храни,
Пред престолом ты на небо нас пред Богом помяни.

10.

Прошу тебя, угодник божий,
Святой великий Николай,
В житейском море утопаю,
Ты руку помощи подай.

К твоей иконе припадаю,
Спаси меня, не забывай.
Тебя на помощь призываю
Моления к Богу донести.

Враги повсюду окружают,
Мне преграждают все пути,
Моей гибели желают,
Чтоб мне в блаженство не войти.

Ты всем помощник нам великий,
Для всех явился нам, родной,
Прошу тебя, угодник божий,
Умилосердись надо мной.

И ты щедротами своими
Спасал на море корабли,
К тебе с мольбою припадаем,
Прошу, мне в скорби помощи.

И ты таился у оконца,
*Узла в три злато положил*¹⁵.
И старец Богу поклонился,
Лихие мысли отклонил.

Неисчерпаемое море
Чудес угодник сотворил,
Лишь только где явилось горе,
Ты всем на помощь приходил.

И ты пред Господом Великим,
Тебе, угодниче, молю,
Проси у Господа прощенье
За душу грешную мою.
Аминь.

¹⁵ Вариант: «Узла три злата положил...».

11.

К тебе усердно прибегаю,
Христос, святитель Николай,
И во слезах я умоляю,
Храни меня, не забывай.

Родная мать благословила
Меня здесь образом твоим
И во слезах она просила,
Чтоб был заступником моим.

Я знаю, что твоё моление
Меня в напастях защитит,
Пошлет такое утешенье
И скорбь мою всю улегчит.

О, Чудотворец Николай,
Моли Богу ты о нас.

ПРАВЕДНАЯ ЖИЗНЬ В МИРУ

12.

Проходят по городу вести:
Господь нас идет посетить.
Но кто удостоится чести,
В чьем доме он будет гостить?

Подумала я в своем сердце,
А может ко мне он придет?
Как принять мне небесного гостя?
В квартире порядка-то нет.

Нельзя оставаться в покое,
Когда у нас нет чистоты.
И много я мою и чишу,
В конец расставляю цветы.

В день этой разгарной работы
Старушка мне в двери стучит:
«Болею, нуждаюсь в заботе».
Печальный и старческий вид.

Я ей сказала: «Смотрите,
Я занята, всюду дела.
Жду я великого гостя».
И бедная молча ушла.

Тут вскоре другой появился,
Ободранный, бедный, без сил.
Казалось, от ветра валился
И как он смиренно просил:

«Я с ранней зари совершаю
Далекий и тягостный путь.
Устал, изнемог, умираю,
Позвольте зайти отдохнуть».

А я отвечала: «Как жалко,
Что я не могу вас принять,
Что важно великого гостя»¹⁶.
И решил он приюта искать.

Под вечер кончалась работа,
Всё убрано в праздничный вид.
Одна умоляла забота,
Что скоро Господь посетит.

Я думала, выйду навстречу,
Ему поклонюсь в тишине.
Вдруг вижу: дитя горько плачет
И прямо подходит ко мне.

Изорвана вся одежонка,
Глазенки от плача блестят,
Облитые кровью ручонки
И мокрые ножки дрожат.

Я только сказала: «О Боже!
Дитя и то терпит нужду.
Но малому всякий поможет,
А я гостя великого жду».

День этот проходит напрасно —
Работа повсюду видна,
В квартире уютно и чисто,
До ночи сижу я одна.

Минута идет за минутой,
А гость дорогой не стучит,
Зашел он к другому кому-то,
Там радость и счастье дарит.

Заплакала я в скорби глубокой,
И горько так сделалось мне,
И слезы катились потоком
В безмолвной ночной тишине.

И счастье свое сожалела,
Поникла на грудь головой.
Уснула и вижу во сне я:
Явился Господь предо мной.

Любовью светилися очи,
Когда он мне говорил:

¹⁶ Вариант: «Жду я великого гостя».

«Я днем, в сумерки и ночью
Три раза к тебе приходил.

Три раза ты меня отсылала
Приюта у ближних искать».
«О Боже! — в слезах я вскричала. —
Тебя не могла я узнать».

«Прощаю, — сказал он. —
И всё же, прошедшего не возвратить.
Кто бедным в беде не поможет,
Тот мне опустил послужить».

13.

Не унывай, не унывай ты, душа моя,
Уповай, уповай на Госпыда.
Видишь, Господи, ты печаль мою,
Я твоя овца, я лучшья,
От твоего стада заблудная.
Ты поди, раба, приведи овцу,
Приведи овцу ты к своему стаду.
А меня сапостаты улавливают,
Кругом сети расстанавливают.
Пошли, Господь, на помощь мне,
На помощь мне, к рабе Твоей.
Кого пошлешь? Ай ангела?
Ай ангела, ай архангела?
А-и сам сойдешь, Владыка мой,
Владыка мой, к рабе Твоей?

14.

Не ропчи на суровую долю,
Крест суровый покорно неси.
Полагайся на Божию волю,
*Только силой терпенья проси*¹⁷.

Бог пошлёт тебе все испытанья,
Чтоб окрепнуть в тяжелой борьбе.
Эти муки и в сердце страданья
В этой жизни на пользу тебе.

Ты не думай, что грустное время
Доверять *столи*¹⁸ горе кому.
Один Бог твоему горю поможет,
Доверяйся ему одному.

Ты склонись пред иконой святою,
Помолися в ночной тишине.
Бог невидимо будет с тобою,
Чудный врач души...

¹⁷ Вероятно: «Только сил и терпенья проси».

¹⁸ Свое.

Ты в людях не ищи утешенья
И награду от них ты не жди.
Если хочешь найти утешенье,
В храм святой помолиться иди.

И молись свято и смиренно,
Перед Господом слёзы пролей,
Выходи неизменно к дороге,
Он пошлёт твоей скорби скорей.

Он и сам на земле между нами
Жил когда-то, и тяжко страдал,
И безвинно распят был врагами,
На страданье своё не роптал.

И Он нам заповедовал также
Ни на что не роптать никогда,
Если дадено Богом страданье,
То должны же мы их исполнять.

Так иди же путём ты *терновым*¹⁹,
А широкий ты путь забывай,
И Господь помогать тебе будет,
Ты на помощь его призывай.

Не надейся на рóдного брата:
Он, быть может, тебе первый враг,
А надейся на Господа Бога,
Он беде помогать твоей рад.

А твой брат — он богат, а ты бедный,
Знать, Господь ему счастья так дал,
Но ты знай, умирать все мы будем,
А богатство погубит там нас.

А мы стали, как лютые звери,
Каждый час и минуту грешим,
А загробную жизнь позабыли,
На Суд Божий совсем не спешим.

Нету веры, любви и надежды
В настоящее время у нас,
Значит, дни и часы сократили,
Скоро будет Господь судить нас.

Вот тогда будет горе велико,
Даже страшно о том помышлять.
Если доброго дела не будет,
Без конца в огне будем страдать.

¹⁹ *Тернистым.*

ПОКАЯНИЕ. УХОД ОТ МИРА

15.

Сходила Владычица
С небесных кругов,
Становилась Владычица
У сиротских ворот,
И пророчила Владычица
Всем вдовицам, сиротам,
Благочестным девушкам:
«Вы послушайте же меня,
Не ходите никуда —
Ни в пиры, ни в беседушки,
Ни в мирские суеты.
Я за это вам ризы сошью,
С ангелочком пошлю.
Ежели этого мало вам,
Я на ваши-то головушки
Я златы венцы сошью,
С херувимами вам пошлю.
Ежели этого мало,
Я своего Сына распятого пошлю.
Ежели этого мало,
Я сама к вам на землю сойду,
Буду с вами век вековать
И во веки царствовать.
И во веки веков аминь».

16.

Умоляла мать родная
Свою милаю дитю,
Пред кончинаю рыдала,
О судьбе ее грустя:
«Ты простись со мной навеки,
Ненаглядный мой цветок,
Скоро будешь сиротою
Цвести в поле одинок.
Мне минута наступила
Тебя навек покидать,
Скоро хладная могила
У тебя отымет мать.
Ты, звезда моя, девица,
Не теряй своей красы,
Не забудь, что ты девица,
Не плети ты две косы.
Не меняй волю златую
На прелестныи цветы,
На богатство на земное,
На мирские суеты.
Хоть теперь ты не снарядна
И в народе не славна,
Но как пташечка крылата,
Самовластна и вольна.

Говорил тебе Владыка,
Твой Жених, творец Небес,
Если будешь ты храниться,
С ним пойдешь ты под венец.
Лучше царских там палаты,
Виноградныи сады,
Поле устлано цветами,
Везде ангелы одни.
Древа с чудными плодами,
На них ангелы поют,
Незамеченным пороком
Честь всем девам воздают.
И хорошего совета
Ты послушай свою мать.
Рай блаженный того света,
Я тебя там буду ждать».
Мать последний раз взглянула,
Осенила дочь крестом
И последний раз на дочь взглянула,
И заснула вечным сном.

17.

К тебе я, Дева Пресвятая,
Пришла я, грешница, с мольбой,
И пред тобою, всеблагая,
Открою створ души больной.
Как я томлюсь, как я страдаю
Под тяжким бременем грехов.
Прошу тебя я, откровица,
Возьми меня под свой покров.
Будь сестрицею моею
На трудном жизненном пути,
Все скорби помощью <своею>
Все скорби в радость обрати.
К твоей иконе припадаю,
Тебе я каюсь во грехах,
Тебе я жизнь свою вручаю,
Благословенная в женах.
Исправь меня *ты*, откровица,
От пули вражьей запрети²⁰,
Ты небу и земли *дарица*²¹,
Ты можешь грешницу спасти.
Аминь, аминь, аминь.

18.

Гора Афон, гора святая,
Не знаешь ты своих высот,
И своего земного рая,
И пред тобой шумящих вод.

²⁰ Вероятно, *защити*.

²¹ Вероятно, *Царица*.

Гори ясней, моя лампада —
Молись, терпи, душа моя,
Я — раб за все стяженья ада,
И вечных мук достоин я.

Хочу я пламенно молиться,
Хочу я плакать о грехах,
А сердце к миру всё стремится
И нету слез в моих очах.

Душа моя охолодела —
В ней нету истины святой.
Живая вера воскудела,
И в ней и скрылся мой покой.

Чертог твой вижу украшенный,
Обитель чудную твою,
И нет одежды драгоценной
И я в преддверии стою.

Ты дай мне светлую одежду,
Омой грехи души моей,
Возьми меня в обитель чистой —
Там буду славить твой покой.

19.

Ох ты, келья, моя келья, келья темная,
Ты лампадой одной освещенная,
Ты лампадой одной освещенная.

А я грешный раб на коленях стою
И о тяжких грехах Божью Матерь молю,
И о тяжких грехах Богоматерь молю.

Слёзы горькие лью и прощения жду,
И от вечных мук избавленья прошу,
И от вечных мук избавленья прошу.

Вдруг я слышу, в тиши раздается свист:
Прилетел соловей к моей келье вблизи,
Прилетел соловей к моей келье вблизи.

Он и пел, и гласил всё на разны голоса,
И на ум приводил молодые лета,
И на ум приводил молодые лета.

Ты не пой, соловей, возле кельи моей,
Не мешай, соловей, ты молитве моей,
Не мешай, соловей, ты молитве моей.

Ох, зачем напевать, что стараюсь забыть,
И в душе воскресить, что нельзя возвратить,
И в душе воскресить, что нельзя возвратить.

Я и так много лет в мире зломном страдал,
Много бед и скорбей с юных лет испытал,
Много бед и скорбей с юных лет испытал.

И теперь я боюсь той судьбы и людей.
Лишь скорбями делюсь с бедной кельей моей,
Лишь скорбями делюсь с бедной кельей моей.

Улетай, соловей, в те родные края,
Улетай, соловей, где отчизна моя,
Улетай, соловей, где отчизна моя.

Ты пропой нежно ей, как больною душой
Вспоминаю о ней, заливаюсь слезой,
Вспоминаю о ней, заливаюсь слезой.

Ты пропой еще так, как живу я в тиши
И люблю только храм — рай земной для души,
И люблю только храм — рай земной для души.

Хоть забыть — не забыть те минувшие дни,
Но я должен любить теперь четки одни,
Но я должен любить теперь четки одни.

И скажи, что я слез уж теперь не боюсь,
Лишь одних прежних грех да падения боюсь,
Лишь одних прежних грех да падения боюсь.

Я хочу позабыть ваш обманчивый свет
И решил здесь дожить до конца своих лет,
И решил здесь дожить до конца своих лет.

Прилетай, соловей, когда кончу я путь,
На могилке моей тогда сядь отдохнуть,
На могилке моей тогда сядь отдохнуть.

Ты пропой, как я жил, как я скорби терпел
И скорбящих любил, их и сердцем жалел,
И скорбящих любил, их и сердцем жалел.

Ты пропой, какой крест, данный мне от небес,
Как бы дар дорогой я с терпением нёс,
Как бы дар дорогой я с терпением нёс.

И обиды за грех от врагов я имел.
Тогда вместо утех я молился и пел,
Тогда вместо утех я молился и пел.

Ты пропой, как прощал всем врагам я своим
И Творца умолял о прощенья их,
И Творца умолял о прощенья их.

Прилети ты к тому, кто любил здесь меня,
И скажи сам ему, где могилка моя,
И скажи сам ему, где могилка моя.

Пусть с слезой он вздохнет, вспомнит, кто здесь лежит,
И с душою пропой: «Со святыми упокой»,
И с душою пропой: «Со святыми упокой».

СМЕРТЬ. ПРОЩАНИЕ И ПОМИНАНИЕ

20.

Чу, уныло завывают
Томный звоны кол(о)колов,
Томный звоны колоколов.

Знать, родного провожают
Спать в долину средь гробов,
Спать в долину средь гробов.

Скоро ль, долго ль со землею
Мы сравнимся *на миней*,
Мы сравнимся *на миней*.

Может, завтрашней зарею
Все умрем таким же сном,
Все умрем таким же сном.

Может, завтра погребальный
Звон раздастся надо мной,
Звон раздастся надо мной.

Пропоют мне стих прощальный
«Со святыми упокой»,
«Со святыми упокой».

И ни мать, отец родные
Не поплачут надо мной,
Не поплачут надо мной.

И на гроб рука чужая
Кинет горсть земли сырой,
Кинет горсть земли сырой.

И никто мою могилку
Не придёт, не посетит,
Не придёт, не посетит.

Только странничек унылый
Близ могилки моей пройдёт,
Близ могилки моей пройдёт.

Знать, судьба моя такая —
На чужбине умирать,
На чужбине умирать.

Ухожу от вас далеко, в чуждадьные края
в чуждадьные края.

И никто мне не поможет, и ни сестры, ни братья,
И никто мне не поможет, и ни сестры, ни братья.

Лишь одни только помогут мои добрые дела.
Уж вы выroyте могилку у дороженьки большой,
Уж вы выroyте могилку у дороженьки большой.

Кто не пройдут ли родные там к обеденке святой,
там к обеденке святой.
Не зайдут ли кто родные на могилку на мою,
Не зайдут ли кто родные на могилку на мою.

Не прольют ли горьки слезы вплоть до гроба моего,
Не прольют ли горьки слезы вплоть до гроба моего,
Не споют ли стих прощальный “Со святыми упокой”».

22.

Восстань, что ты спишь? Ото сна пробудись,
И горько восплачь, и Богу помолись.

Конец приближается, смерть при дверях,
И ты почиваешь во тьме и в грехах.

Восстань, восстань, в себя приди.
Смотри — Смерть с косою стоит позади.

«О страшная Смерть! Зачем здесь стоишь?
Кого же ты ждешь, как зорко глядишь?

Иль ты ошиблась, пришла ты ко мне?
Иль я ошибаюсь, иль вижу во сне?

Иди же, иди, удались от меня.
Своею косою страшишь ты меня».

«Я послан от Бога тебя умертвить.
И там Его воля, он будет судить.

Что заслужила, с тобой всё пойдет.
Добро или худо никто не возьмет».

«О страшная Смерть! умоляю тебя,
На один час отпусти ты меня.
Я молод годами, не ждал я тебя,

О страшная Смерть! Умоляю тебя.
Хотя на один час отпусти ты меня,

Я еще молод, еще не готов.
На мне переполнено много грехов».

«Ни златом, ни серебром не откупишь меня.
Своею косою поражу я тебя.

Было тебе время и был вольный свет.
Теперь пришло время, иди на ответ».

«О, страшная Смерть, умоляю тебя,
На полчаса отпусти ты меня,

Я горько восплачу, умоюсь в слезах.
И Богу покаюсь я в тяжких грехах.

И в Божию церковь схожу помолюсь,
И тела и крови Христа приобщусь.

И малых малюток крестом осеню,
Тогда я с надеждой, с любовью приму».

«Мне кончилось время с тобой говорить,
Должна я сейчас же тебя разлучить».

И тут свое дело свершила она,
И тело с душою она развела.

23.

Незаметно век проходит,
Как во сне был молодой.
Вот и старость уж приходит,
Я как лунь весь стал седой.

Потемнели ясны очи,
Сквозь очков на свет гляжу.
И ходить уж нету мочи,
Пригорюнившись сажу.

Истощали мои силы,
И веселья во мне нет.
По своему счастью жду могилы.
Прощай, вольный белый свет.

Вы простите, милы дети,
Мои силы и труды,
Всё прекрасное на свете
И зеленые сады.

Всё именье нажитое
Я тому бы подарил,
Кто бы время молодое
Мне назад бы возвратил.

Но увы, как невозможно
Возвратить время назад,

Дождаться смерти скучно,
И не знаю, как сказать.

Только вижу утешенье,
Когда Господу молюсь,
Чтоб простил мне прогreshенье,
Упаду, в слезах зальюсь.

Поднимаю кверху руки,
С умилением молюсь,
Чтоб избавил вечной муки
И посетил меня в раю.

24.

Скоро, скоро час прощальный,
Час смертельный подойдет.
Скоро ангел мой хранитель
Горьку чашу поднесет.
Он разлучит душу с телом
И он даст душе наказ:
«Ты иди, душа Христова,
Тебя требуют сейчас».
Ох, как стыдно и как страшно
Ко Христу-Богу пойти.
А еще всего страшнее
К *ним* свои грехи нести.
Я направо посмотрела:
Ангел Божий там стоял,
Он в своих руках, великой,
Все грехи мои держал.
Я взглянула, посмотрела,
Что написано у него,
Что от юности твоей
Там не скрыто ничего:
Сладко ела, пиновала,
Не считала всё за грех,
И постов не соблюдала,
Говорила: «Есть не грех».
Ты прости меня, Владыка,
Нарушала твой закон!
«Кто закон мой нарушает,
На того я очень зол!
Царство вечно не получит
И пойдет в вечный огонь».

25.

С другом вечер я сидел,
Нынче к смерти мой предел.
О горе мне великое²².

²² По словам исполнительницы, припев распевает так: «Ой, горе, горе мне, горе мне великое».

Плоть мою во гроб кладут,
Душу же на Суд ведут.
О горе мне великое.

Милости не будет там,
И не миловал я сам.
<О горе мне великое>.

Друга верного со мной нет,
Скрылся, скрылся мой хранитель свет.
<О горе мне великое>.

Мимо Царства прохожу,
Горько плачу и гляжу.
<О горе мне великое>.

Царство — всем святым там дом,
Грешиков не будет в нем.
<О горе мне великое>.

Боже, скоро ты спешишь,
С грехами в Царство не влетишь.
<О горе мне великое>.

Ты прости, прекрасный рай,
Во другой иду я край.
<О горе мне великое>.

Я во веки не сгорю,
Бога свята не узрю.
<О горе мне великое>.

Предан сатане, бесам,
Делателям злым и псам.
<О горе мне великое>.

С ними мучаюсь я —
Не пускают никуда.
<О горе мне великое>.

Весь в пламени стою
За прегорду жизнь свою.
<О горе мне великое>.

Я на вольном свете жил,
Горько Бога разразил.
<О горе мне великое>.

Бога моего забыл,
Сатану же возлюбил.
<О горе мне великое>.

К Богу жизнь я не повёл,
Во грехах я жизнь провёл.
<О горе мне великое>.

Ничему не верил я,
Жил как пёс или свинья.
<О горе мне великое>.

Не почёл отца ни мать,
Всё старался раздражать.
<О горе мне великое>.

И прелюбодейцем был,
Кратку сладость возлюбил.
<О горе мне великое>.

В душегубстве виноват —
От меня погиб мой брат.
<О горе мне великое>.

Я иконы преступил,
Крайний богохульник был.
<О горе мне великое>.

Милости я не хотел,
Бога в сердце не имел.
<О горе мне великое>.

Не поруган будет Бог,
Всем он гордым сломит рог.
<О горе мне великое>.

26.

Вот скоро настанет мой праздник,
Последний и первый мой пир.
Душа моя горестно взглянет
На здешний покинутый мир.

И страшно в то время мне будет,
Расстанется с телом душа,
И много я в мире грешила,
Увижу тогда все дела.

Дела мои, добрые и злые,
Представятся мне в этот час.
Сказать ничего не сумею,
Хотя и увижу всех вас.

И демонов в тот час я увижу,
И будет душа трепетать.
И скажут: «Она теперь наша,
Создателя поздно призвать!»

Умоют меня и причешут
Заботливой нежной рукой,

И новое платье оденут,
Как будто на праздник большой.

Положат меня под иконы,
Ко мне будут люди ходить,
И вечную память со вдохом
Они будут мне говорить.

Зажгут тогда в доме лампы
И будут канон мне читать,
Все будут усердно молиться
И в вечную жизнь провожать.

Добра кому делала много,
Ко мне со слезами придет.
Хотя ты лежишь без дыхания,
Но доброе дело живет.

Как красное солнце светило,
В беде помогала всегда,
Глаза твои навек закрыты,
Добро не умрет никогда.

И зла кому делала много,
Ко мне недоволен придет.
Хотя ты лежишь без дыхания,
Но дело худое живет.

И страшно в то время мне будет,
Увижу, услышу всё я.
Сказать ничего не сумею.
Простите, родные, меня.

И много я в мире грешила,
Молиться ленива была.
Мирские заботы, от храма
Они отводили меня.

В грехах уже каяться поздно,
Увы, нет спасенья — беда.
Не видеть мне светлого рая,
В огне буду мучиться я.

Когда среди улицы шумной
Все будут идти и рыдать,
Покрыта парчой небогатой,
Я буду во гробе лежать.

Напрасно рыдаете, люди!
Конечно, вам жалко меня.
Создателю вы помолитесь,
Великая грешница я.

И может, по вашим молитвам
Всевышний грехи мне простит.
Миную я страшного ада
И вечно в раю буду жить.

Пускай с торжеством опускают
В могилу безжизненный труп,
Пусть первый раз и последний
Мне вечную память споют.

27.

Скоро настанет мой праздник,
Последний и первый мой пир.
Душа моя радостно взглянет
На здешний покинутый мир.

Умоют меня и причешут
Заботливой, нежной рукой
И в новое платье оденут,
Как гостью на праздник большой.

И посреди улицы шумной
В молчанье пойдут провожать.
Покроют парчой небогатой,
Я буду во гробе лежать.

При громком похоронном пенье,
При блеске свечей восковых,
В суровом и строгом молчанье
Я встречу друзей и родных.

Враги мне поклонятся низко,
Без страха ко мне подойдут.
В чело беспритворно лобзая,
Последним и первым сочтут.

Пускай же скорей упускают²³
В могилу безжизненный труп.
Что мир мне? Его я не знаю,
В нем полного счастья не ждут.

28.

На всех солнце светит — на меня уж нет.
Я лежу во гробе и не вижу свет.
Святой Боже, святой крепки,
Святой бессмертный, помилуй нас.

Господи, помилуй, Господи, прости.
Помоги мне, Боже, эту путь пройти.
Святой Боже, святой крепки,
Святой бессмертный, помилуй нас.

²³ Опускают.

Крышка уж не давит, не теснит доска.
Скорби все утихли, отошла тоска.
Святой Боже, святой крепки,
Святой бессмертный, помилуй нас.

Сердца уж не бьѣца и не... *Нет.*

Уснул я навеки непробудным сном.
Сердца уж не бьѣтся, и не слышу звон.
Святой Боже, святой крепки,
Святой бессмертный, помилуй нас.

И глаза закрылись. Прощай, вольный свет.
Дана мне дорога идти на тот свет.
Святой Боже, святой крепки,
Святой бессмертный, помилуй нас.

Не плачьтя, родные, все мои друзья,
Будет мне готова Мать-сыра земля.
Святой Боже, святой крепки,
Святой бессмертны, помилуй нас.

Вырыта могила в лютой тишине.
Не плачьтя, родныя. Очень тяжело мне.
Святой Боже, святой крепки,
Святой бессмертный, помилуй нас.

Скорой и глубокай вырыт мне приют.
Пред последним часам память мне споют.
Святой Божий, святой крепки,
Святой бессмертны, помилуй нас.

Не ходи, прохожий, не топчи мой прах —
Я теперь уж дома, а мы еще в гостях.
Святой Божи, святой крепки,
Святой бессмертны, помилуй нас.

Спи ты, наш любимый, спи ты крепким сном.
Ты к нам не вернешься, а мы к тебе придем.
Святой Божи, святой крепки,
Святой бессмертный, помилуй нас.

29.

Вы теперь меня простите —
Час разлуки мне настал.
...

Ухожу от вас навечно
К всемогущему Творцу.
Помолитесь вы сердечно,
Моя жизнь пришла к концу.

Знать, Господь прислал за мною,
В жизни сей настал конец.
Пер(е)селяюсь в мир небесный,
Где премудрый наш Творец.

Вы поставьте на гроб свечи,
Полотном закройте прах.
Не могу сказать вам речи,
Предо мной великий страх.

Перед вами лежит тело,
Умолкли мои уста,
А душа моя взлетела.
Вас прошу ради Христа:

Вы простите, дети милы,
Не забудьте вы меня.
Проводите до могилы,
Разлучилась с вами я.

Мою плоть в землю зароят,
Превращаюсь я в прах.
И душа моя взлетела,
Для души великий страх.

Помолитесь вы сердечно,
Попросите вы Творца
...

Чтоб пройти мне все мытарства,
Уповаю на него.
И войти в небесно Царство,
Где избранные его.

30.

Сейчас хожу я мимо дома,
Родные видят ли меня?

Взойду, взойду я в дом родимый,
Взойду я, Богу помолюсь.

Я знаю, здесь обед готовят,
Хотят меня здесь помянуть.

Зажгутся свечи восковые,
И будут мне канон читать.

Всё я слышу, всё я вижу,
Обо мне помин идёт.

А душа моя не скажет,
Господь воли не даёт.

Вы придите да поглядите —
Жизнь окончена моя.

Прошу, мои родные,
Прошу, не плачьте обо мне.

А прошу я вас, мои родные,
Молитесь Богу обо мне.

Мою мрачную могилу
Не забывают никогда.

Помолитесь о мне Богу,
Буду рада я всегда.

У мово креста, могилки
Соловей не пропоет

И спокойно и тихонько
«Со святыми упокой».

Где слеза ваша канет,
Травка вырастет на ней.

И земной вы поклон положите
Над могилою моею.

31.

Сейчас хожу я мимо дома.
Родные, видите ль меня?

Войду ль я в этот дом родимый,
Войду и Богу помолюсь.

Я знаю, здесь обед готовят,
Помянуть меня хотят.

Зажгутся в доме здесь лампы,
Зажгутся свечи восковы.

Прошу я вас, мои родные,
Вы все помяните меня.

Прошу я вас, мои родные,
Прошу, не плачьте обо мне.

Прошу я вас, мои родные,
Молитесь Богу обо мне,

Хотя я с вами не простилась
И смертный час пришел ко мне.

Прощайте, все мои родные!
Прощайте, все мои друзья!

Могила мне давно готова,
Положат, бедную, меня.

И буду ждать, мои родные,
Придете ль навестить меня.

И вы придете поклониться,
И я услышу вопль ваш.

Хотя я не велю вам плакать,
Но вы не стерпите сейчас.

Прошу я вас, мои родные,
Прошу, не плачьте никогда.

А то мне здесь будет плохо,
Залита будет вся моя душа.

Слеза ваша на грудь падает,
Тоска бывает навсегда.

32.

Здесь духовная беседа —
Пришли душу посетить,

На сороковой ее денечек
Ее навечно проводить.

«Ты скажи, душа живая,
Где денечки ты была?»

Али долго ты ходила,
Или крепко ты спала?»

«Нету, сроднички родные,
Ни часочка не спала,

На поклон к Богу ходила,
Все я лесенки прошла.

Как одна ступенька крепка,
Как страшилась, бедна, я.

Окружила вражья сила,
Я осталась одна.

Тут и скрылся ангел света,
Беззащитной стала я,

Я упала на колени,
Стала Господа просить:

“Ты, Иисусе мой сладчайший!
Меня, грешную, прости”.

По сторонам я озиравась,
Чтобы помощи мне дал.

Повернулась я направо —
Стоит святитель Николай.

“Ты, святитель Николай,
Меня грешную прости.

Во слезах молю тебя я,
С той ступени меня сведи”.

“А, душа же ты родная,
Теперь напрасен вопль твой.

Проси родных, чтоб помолились.
Знаешь ты грехи свои”.

Тут и ангел не замедлил,
Сверху вниз ко мне слетел

И сказал нечистым духам:
“Отыскал я добрых дел!”.

Взял меня за правую руку,
Вниз по лесенке повел.

На сороковой меня денечек
На свиданье к вам привел.

Расскажу я вам, родные,
О хождении своем.

Помолитесь обо мне Богу,
Завтра я от вас уйду,

Завтра будет мне решение,
Куда Господь меня вселит.

Если Богу я служила,
В Царство Божие вселит,

Если Богу не служила,
В муку вечную пошлет.

Муки вечны, бесконечны.
Много татар²⁴ меня ждет».

33.

«Уж вы голуби, уж вы сизые,
А где вы были, куда летали?
А где вы были, куда летали?» —
(Тяжело одной-то!)

²⁴ Обычно: *Тартар*.

«Мы не голуби, мы не сизыи,
А мы ангелы, мы архангелы,
Уж мы там были, туда летали,
А мы видели, уж мы слышали
Как душа с телом расставалася.
Расставалася, распрощалася.
“Как тебе, тело, во сырой земле лежать,
А мне, душеньки, на поклон к Богу идти,
На поклон идти, все грехи Богу нести”.
Повели душу, душу грешную
Через три горы, через архангельские.
А во той горе стоит келейка,
Келья новая, трёхокошешна.
Как во...
Келья новая, трёхокошешна.
Как во первом-то окне...
Как во первом-то окне Богу молятся,
Во втором окне свечи плавятся,
А во третьем-то *просвезаются*.
Повели душу, душу грешную
В муку вечную, бесконечную».

34.

Красно солнышко закатилось,
Душа с телом распростилася.
Её встретили два ангела,
Два ангела, два архангела.
Стали душеньку они спрашивать:
«Чем ты, душенька, спасалася?
По ночам Богу молилась ли,
Среду, пятницу постилась ли?
Сирот, нищих посещала ли,
Одевала ли, обувала ли,
От тёмной ноченьки прикрывала ли,
Милостыню подавала ли?».
И тут душенька уstraшилася
И ко ангелам обратилася:
«Уж вы ангелы, вы архангелы!
Не пускайте вы душу грешную,
Душу грешную в муку вечную,
В муку вечную, в бесконечную...».

35.

Минута горькая настала,
Мама милая, прости.
Тебя мы больше не увидим
На этом жизненном пути.

Твои ты руки трудовые
Ты сложила навсегда.
Ты к нам больше не вернешься,
Дорогая, никогда.

Много горя и заботы
В жизни видела своей,
Не жалела сил, здоровья
Для своих родных детей.

Ты по дням не доедала,
Не досыпала по ночам,
Ты последний кусок хлеба
Нам делила пополам.

Ты нас с радостью встречала,
Провожала со слезой,
Крепко к сердцу прижимала
Материнскою рукой.

Кто теперь нас так полюбит,
Кто теперь нас так поймет,
В дни печали кто утешит,
В горький час слезу утрет?

О тебе любовь и память
В нашем сердце не умрет,
И тропа к твоей могиле
Никогда не зарастет.

При тебе, родная мама,
Солнце грело нам светлей,
Было радостно на сердце,
Было в комнате теплей.

А теперь, наша родная,
Не нарушим твой покой.
Только будут лишь деревья
Над тобой шуметь листвою.

Поздно или рано, дорогая,
Мы всегда к тебе придем
И холодную могилку
Мы своей слезой польем.

Прошла жизнь твоя земная
Вся в работе и труде.
Теперь жизнь твоя другая,
Память вечная тебе.
Аминь.

36.

Крепко спишь, моя милая мама,
Ты в глубокой могиле сырой.
Ты прости же, моя дорогая,
Я приду повидаться с тобой.

Никогда не забуду твой образ,
Для меня дорогой ты была.
Ты всю жизнь свою мне отдавала,
Чтобы вывести в люди меня.

А теперь я стою у могилы,
Мое сердце так сильно болит.
Как мне хочется с тобой повидаться,
А ты крепко, милая, спишь.

Ты прости меня, милая мама,
Может, в чем огорчила тебя?
Может, в чем я была не послушна?
Ты прости, дорогая моя.

Ты ушла от меня, дорогая,
Я теперь не увижу тебя.
Только буду ходить на могилку,
Где покоится мама моя.

Жалко было с тобой расставаться,
Не могла я тебя удержать.
Ты вспорхнула, как вольная птица,
Нам теперь уж тебя не видеть.

Ты прости же, моя дорогая,
И по-прежнему взглянь на меня.
И никто так меня не приветит,
Как встречала ты, мама, меня.

Умерла ты, мама, сказала:
«Милые детки, простите меня.
Может, в чем я у вас провинилась?
Я прошу, вы простите меня.

Так простите, милые детки,
К вам теперь не вернусь никогда.
Я пришла к берегам той отчизны,
Где Спаситель открыл ворота».

37.

Прощай, дорогая мамаша,
Уж больше ты к нам не придешь,
И не скажешь уж больше словечка,
И к сердцу своему не прижмешь.

Уснула ты душой спокойной,
Нет заботы ни о чем.
Мы тебя с любовью нежной
На кладбище принесем.

Ты нашла себе, мама, жилище,
Где вечно там ангелы поют.
Там Господь (*нрзб.*)
Святым и названный приют.

Мы стоим теперь у гроба,
На тебя глядим последний раз.
На прощанье поцелуем,
Ты прости, родная, нас.

Только ты, родная мама,
Всё заботилась о нас.
Мы не ждали, что так рано
К тебе придет смертный час.

Ты уйдешь от нас навеки,
Ты оставишь нам печаль.
Посочувствуй, дорогая,
Как родной мамы жаль.

Ты проснись, родная мама,
Хоть одним глазком взгляни,
Посоветуй, дорогая,
Мы остались сироты.

Мы в последний путь проводим,
Там поплачем над тобой.
Мы остались все довольны,
Мама родная, тобой.

Принесем мы тебя на кладбище,
Там расстанемся навек
И с прискорбием помянем,
Ты наш любимый человек.

Тебя в могилу мы опустим,
Сырой засыплем мы землей.
И над могилою поплачем,
А расстаться жаль с тобой.

Ты из могилы не восстанешь,
Тогда одни домой придем.
Мы дома все тебя поищем,
Но нигде уж не найдем.

При кончине нашей жизни,
Мама, встретимся с тобой.
Сотворим мы «Вечну память»,
Мама родна, над тобой.

Примечания

1. **Киселева Е.Г.**, 1912 г.р., ЦРФ-Э-1127.

Комментарий исполнителя: *«Этот-то, вот если умирает человек, по нем читают акафист там, Псалтырь читают. Вот почитают, садятся отдыхать и эти стихи поют».*

Поздний религиозный стих о беседе Христа и самарянки напоминает о евангельских событиях (Ин. 4, 1—30, 39—42).

См. версии и варианты в: [Бучилина 1999, 85—90 (№ 11, 12)].

2. Начитано по тетради **Боруновой П.И.**, 1924—2004 гг., ЦРФ-Э-1258.

Поздний религиозный стих отсылает к фрагменту Евангелия, в котором Иисус Христос говорит ученикам о последних временах и Страшном Суде (Мк. 13, 1—27).

Еще один вариант стиха, записанный в Муромском крае («Господь с учениками из храма выходит»), см.: «Музыкальный фольклор». Наст. изд., т. 2, № 222. Далее приводится только номер текста указанной работы.

См. также варианты в: [Бучилина 1999, 98—105 (№ 18—20); Фадеева, Иванов 2004, 378—379 (№ 686)].

3. **Игонина Н.И.**, 1926 г.р., ЦРФ-Э-1219.

Фрагмент духовного стиха о «света преставлении» воссоздает традиционную иконографию Страшного Суда, делая акцент на призыве Михаила Архангела.

См. вариант в: [Бучилина 1999, 336—337 (№ 147)].

4. Начитано по тетради **Антоновой В.И.**, 1928 г.р., ЦРФ-Э-1334.

Поздний религиозный стих, который содержится во многих рукописных тетрадях. Следует обратить внимание на широко распространенную «ошибку», допускаемую исполнителями. В их интерпретации герой стиха — человек, отогнавший Христа от своего дома в тот момент, когда он, измученный, во время крестного пути присел отдохнуть у его крыльца, — как правило, обращается к самарянке (и лишь в некоторых вариантах к христианке). Скорее всего, это обращение возникает вследствие смешения сюжетов, тем более что странник просит напоить его водой из колодца.

См. варианты в: [Бучилина 1999, 140—141 (№ 34); Фадеева, Иванов 2004, 379—380 (№ 687)].

5. **Шумкина Т.А.**, 1929 г.р., ЦРФ-Э-1335.

Этот стих, как и предыдущий, соединяет общую проповедь смирения с повествованием о страстях Христовых. «Сильный земледелец» или, по вариантам, Симон-землепашец из Аримафеи, который помогает Спасителю нести крест, явно противопоставлен Агасферу, прогнавшему Христа от своего порога.

См. варианты в: [Бучилина 1999, 145 (№ 36)].

6. **Ширкина М.В.**, 1928 г.р., ЦРФ-Э-1332.

Комментарий исполнительницы: *«Вот я читаю ее три раз на день каждый день».*

«Сон Богородицы» является одним из самых популярных сюжетов страстных духовных стихов. Правда, сейчас все реже можно услышать, как этот стих поют. Больше распространение получают рукописные повествования, подробно разрабатывающие этот сюжет. Обереги на сюжет «Сон Богородицы» см. в разделе «Народные заклинания и молитвы» настоящего издания (№ 147—155).

Приведенный здесь вариант очень близок заговору и по ритмике, и по композиции (в нем достаточно подробно проработана финальная часть).

См. варианты в: [Бучилина 1999, 183—192 (№ 69—74); Фадеева, Иванов 2004, 382—383 (№ 689)].

7. См. № 1. ЦРФ-Э-1127.

См. комментарий к № 6. Начало этого варианта — оберег-молитва на призвание ангела хранителя и отгнание врага-сатаны (см. в разделе «Народные заклинания и молитвы» — № 102, 119, 120 и проч.).

В Муромском округе бытует еще несколько стихов на сюжет Страстей Христовых, близких по содержанию «Сну Богородицы» (см. т. 2, № 223).

8. Скопировано из тетради **Махалиной К.И.**, 1921 г.р., ЦРФ-Э-1185.

Житийный стих об Алексии Божьем человеке чрезвычайно популярен в Муромском крае в своей поздней рифмованной версии. Здесь приведен лишь один из записанных нами многочисленных вариантов.

По преданию Алексей Божий человек жил в конце IV — начале V в. День его памяти 17 (30) марта.

Ранее публиковавшиеся варианты стиха см., например, в: [Бучилина 1999, 207—216 (№ 78—79); Фадеева, Иванов 2004, 383—391 (№ 690—691)].

9. См. № 4. ЦРФ-Э-1334.

Поздняя рифмованная версия стиха о святой великомученице Варваре зафиксирована в плохом состоянии: в ней много темных мест, есть пропуски. Однако мы решили поместить ее в репертуарную подборку религиозных стихов, исполняемых в Муромском крае, поскольку стих этот ранее не фиксировался нами во Владимирской области.

Варвара — особо чтимая на Руси святая. Пострадала она в IV в. День ее памяти 4 (17) декабря. Житие святой великомученицы Варвары всегда вызывало большой интерес и с удовольствием пересказывалось в легендах и распевалось в духовных стихах. По преданию она имеет благодать от Бога спасать от внезапной и насильственной смерти.

10. См. № 4. ЦРФ-Э-1334.

Молитвенный стих, обращенный к святителю Николаю, Мир Ликийских чудотворцу, широко известен в Муромском крае и за его пределами. Он содержит наиболее известные фрагменты жития святого (помощь путешествующим на море, спасение девиц от позора).

См. близкие варианты в: [Бучилина 1999, 221—222 (№ 82); Фадеева, Иванов 2004, 436—438 (№ 731, 732)].

11. См. № 4. ЦРФ-Э-1334.

Молитвенный стих, обращенный к святителю Николаю, Мир Ликийских чудотворцу. По сути является продолжением первого стиха, своего рода парафразом на него, однако обычно бытует самостоятельно.

См. близкий вариант в: [Фадеева, Иванов 2004, 438 (№ 733)].

Экспедиции ГРЦРФ удалось также зафиксировать стих о Николае Чудотворце, в основу которого положен сюжет легенды о Николе и Касьяне (см. т. 2, № 213).

12. Гришина К.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1089.

Религиозное стихотворение «Небесный гость» входит в репертуар многих рукописных тетрадок.

См. близкий вариант в: [Бучилина 1999, 138—140 (№ 33); Фадеева, Иванов 2004, 403—404 (№ 701)].

13. См. № 1. ЦРФ-Э-1174.

Духовный стих-воззвание ко Христу. В стихе интересно использован типичный для христианской поэзии мотив пастыря и его заблудшей овцы. Ср. с еще одним зафиксированным нами фрагментом религиозного стиха литературного происхождения «Агница»:

*Где ты, агница моя, сокрылась,
Я которую люблю?
Что ты от пастыря отлучилась?
О душе твоей скорблю.*

*Вы, луга, леса и речки,
Рцыте к вышнему Творцу:
«Не видали ль вы овечку,
Где овечку я сыщу?».*

*Агница моя, найдися,
Тебя ищет пастырь твой.
К тому стаду возвратися,
Кто сошел с неба за тобой.*

*Он стези твои направит,
Он с собой велит идти,
Тот вовеки не оставит
Безутешну на пути.*

*Услаждена ты собою,
Хочешь ты меня забыть,*

*Зри, как агницы другие
Все пасутся у меня.
(См. № 12. ЦРФ-Э-1089.)*

Другие варианты, использующие этот сюжет, см. также в: [Бучилина 1999, 305—306 (№ 121, 122)].

Еще один вариант стиха «Не унывай, не унывай, душа моя», зафиксированный в Муромском районе, см. в т. 2, № 216.

14. См. № 5. ЦРФ-Э-1335.

Поздний религиозный стих «Не ропщи на суровую долю» по теме очень близок стиху «Крест тяжелый» (№ 5). Однако страстная тема представлена в нем очень лаконично, зато проповедь нестяжания и смирения становится главной идеей этого стиха.

См. варианты в: [Бучилина 1999, 297—299 (№ 133—134); Фадеева, Иванов 2004, 408—409 (№ 705)].

15. См. № 8. ЦРФ-Э-1184.

Духовный стих, связанный с проповедью девства, ухода от мира. Приведенный вариант близок некогда записанному в Хвалынском уезде Саратовской губернии:

*Сходила же Владычица со небесных кругов,
Становилась же Владычица у сиротских ворот,
И проречела же Владычица сиротам и вдовам,
Благочестивым девицам:
«Вы послушайте же меня, не ходите никуда —
Не в пиры, не в беседы, не в мирские суеты,
Я за то вам золоты венцы солью,
Со ангелами к вам на землю сошлю.
Если вам того мало, золоты ризы сошью
Со архангелами к вам на землю сошлю.
Если вам этого мало, я сама к вам жить сойду,
Буду век с вами вековать, буду царствовать».*

(Песни с Поволжья (Саратовской, Симбирской и Самарской губ.), записанные летом 1901 г. А.Л. Масловым // Труды Музыкально-этнографической комиссии. Т. 1. М., 1906. № 3.)

См. также вариант, зафиксированный А.Н. Соболевым, в сборнике «Православные священники — собиратели русского фольклора: Е.А. Фаворский, А.Н. Соболев, П.А. Флоренский» (М., 2004. С. 200).

16. См. № 2. ЦРФ-Э-1258.

Поздний религиозный стих, тематика и назидательный характер которого близки предыдущему.

См. варианты в: [Бучилина 1999, 369—373 (№ 173—175); Фадеева, Иванов 2004, 405—407 (№ 702—703)].

17. **Власова А.С.**, 1934 г.р., ЦРФ-Э-1332.

Религиозное стихотворение исповедально-молитвенного характера. Существует немало версий подобных стихотворений, обращенных к Богородице и начинающихся словами «К тебе, о Матерь Пресвятая...» (см., например, [Бучилина 1999, 165—166 (№ 48—49)]).

18. **Мочалина З.А.**, 75 лет, ЦРФ-Э-1173.

Поздний религиозный стих, известный по старообрядческим печатным стиховникам начала XX века, в которых обычно публиковался под названием «Святая гора Афон, земной удел Божьей Матери». В данном случае мы имеем дело с текстом, претерпевшим значительные трансформации и обретшим явные романсовые черты (утрата повествовательного элемента, рефлексия лирического героя). Вероятно, обозначенные процессы являются следствием контаминации стиха «Гора Афон» с другим стихом, покаянного характера. Ближе к печатным образцам другой вариант, зафиксированный нами:

*Гора Афон, гора святая,
Не знаю я твоих красот,
И твоего земного рая,
И под тобой шумящих вод.*

*Я не видал твои вершины,
Как пик твой вился в облаках,
Какие на тебе картины,
Каков твой вид издалика.
Я не видал, гора святая,
Твой стебель отвесных скал
И как прекрасна даль морская,
Когда луч солнца догорал.
Я рисовать тебя не смею,
Об этих чудных красотах
Сложить я песню не умею,
На замлет²⁵ в моих устах.
Одно, одно я знаю верно,
Я о тебе, гора чудес,
Что ты таинственно безмерна
И недалеко от небес.
Я знаю, кто тобой владеет,
Кому в удел досталась ты,
Тебя хранит, тебя лелеет
Царица горной высоты.
Царица, дивная царица
Народов всех и всех имен,
Она, царя Христа денница,
Разрушила твой тихий плен.
Сквозь сумрак давности глубокий
Я вижу, грешный, как теперь
Корабль несется одинокий,
На нем пророк царя щедрот²⁶.
Корабль несется из Полесья²⁷,
На остров Кипр (е)во полет,
Вдруг ветер, волнуется пучина,
Корабль к Афону пристаёт.
Но (в)от кумиров Аполлона
Спешат Марию все встречать,
И узнают толпу²⁸ Афона
(А) в ней Бога истинную мать.
«Я и гора, река — царица,
Да будет жерви мои,
Отсель простор, мои десницы
Всегдашний кров над местом сем²⁹.
Здесь благодать польется чудно
И милость сына моего,
Для жизни сей найти не трудно
Остаток чуждого всего³⁰.
О том тебе, афонский житель,
Слуга мой верный и раб Христов,
Готова райская обитель,
Награда места³¹ и трудов.*

²⁵ Она замрет.

²⁶ По вариантам: На нем царя-пророка дочь.

²⁷ Из Палестины.

²⁸ Толпы.

²⁹ Сия гора, — рекла царица, —

Да будет жребием моим.

Отсель прострет моя десница

Всегдашний кров над местом сим.

³⁰ Достаток нужного всего.

³¹ Веры.

*Сего я места не забуду,
Всегда заступница ему,
И ходатайствовать о нем я буду
Вовеки сыну моему».*
*Обед царицы сладок, звучный
Сбился и зрится в чудесах³²,
Она с Афоном неразлучна,
Афон всегда в ее очах.
И лик свой там она являет,
Беседует с рабом своим,
Сама судьбой их управляет
И будет на битвах славы земных³³.*
(См. № 4. ЦРФ-Э-1334.)

Вариант см. в: [Бучилина 1999, 279—282 (№ 102)].

19. Напето по записи в тетради Конышкиной Л.В., 1926 г.р., и Гришиной Е.М., 1939 г.р., ЦРФ-Э-1183.

Позднее религиозное стихотворение, испытывавшее сильное воздействие романсовой поэтики. Исполнительницы обычно не поют этот стих на своих собраниях, однако решили познакомить меня с ним по собственному почину. После исполнения Л.В. Канышкина обратила внимание своей напарницы на то, что стих этот «очень хороший», вероятно, имея в виду, что он очень удачно ложится в репертуар поминальных песнопений, которые они часто поют.

Сокращенный вариант под названием «Соловей» см. в: [Бучилина 1999, 252—253 (№ 91)].

20. См. № 19. ЦРФ-Э-1183.

Позднее религиозное стихотворение, известное под названием «Стих печального страданья».

См. варианты в: [Бучилина 1999, 361—367 (№ 167—170); Фадеева, Иванов 2004, 415 (№ 712)].

21. См. № 2. ЦРФ-Э-1258.

Религиозный стих, представляющий спор грешной души со смертью. Этот сюжет известен в русском фольклоре в многочисленных реализациях. Одним из эталонных образцов является стих об Анике-воине.

22. См. № 12. ЦРФ-Э-1089.

Текст этого стиха, продолжающего тему «прения живота со смертью», всегда был популярен среди старообрядцев. Отсюда многообразие очень близких вариантов, ср.: [Бучилина 1999, 348—351 (№ 156—158); Фадеева, Иванов 2004, 410—411 (№ 708)].

23. См. № 12. ЦРФ-Э-1089.

Позднее религиозное стихотворение, название обычно по первой строчке.

См. варианты в т. 2, № 229, а также в: [Бучилина 1999, 335—336 (№ 146); Фадеева, Иванов 2004, 416 (№ 713)].

24. **Маряхина З.М.**, 1921 г.р., ЦРФ-Э-1261.

Позднее религиозное стихотворение, название обычно по первой строчке. Содержит мотив посмертных испытаний, которые проходит душа.

Вариант стиха:

*Скоро, скоро день прискорбный, час смертельный подойдет,
Скоро ангел мой Господняй горьку чашу поднесет
И разлучит душу с телом, а душе он даст наказ:
«Ты иди скорее к Богу, тебя требуют сейчас».*
*Ой, как страшно и ужасно на ответ к Богу иди,
А еще всего страшнее все грехи свои нести.*

³² *Обет Царицы сладкозвучный*

Сбился и зрится в чудесах...

³³ *И бдит над бытом их земным.*

*Когда явлюсь к лицу Христову, за Престолом он сидит,
За грехи мои велики на меня он не глядит.
И с преклонной головою на коленях я стою,
Горько плачу и рыдаю, но уж поздно мне рыдать.
Вдруг налево я поглядела — искупитель мой стоит,
Все грехи мои велики он в руках своих держал.
Прочитала я, зарыдала, что написано у него,
Что от юности я грешила, и не скрыл он ничего.
Сладко ела, пиновала, не жалела вдов, сирот
Нищих, бедных не признавала, не читала Божьих слов
И посты не соблюдала, говорила: «Есть не грех».
Отца, мать я не почитала, всё старалась раздражать.
А направо я поглядела — во слезах Ангел стоит:
«Ах, душа, ты погибашь, не найду я добрых дел.
В божий храм ты не ходила, и следов я не писал.
Лениво дома ты молилась, я молитвы не слыхал».
А теперь мне страшно стало перед Богом отвечать,
За мои грехи велики рай пресветлай не видеть.
«Ты прости меня, Спаситель, я не знала божьих слов
Ты прости меня, Спаситель, я нарушила закон».
А Спаситель отвечает: «На земле есть мой закон.
Кто закон не исполняет, для того я буду строг...».
(См. № 2. ЦРФ-Э-1258.)*

См. также варианты в: [Бучилина 1999, 351—352 (№ 159); Фадеева, Иванов 2004, 411—412 (№ 709)].

25. Скопировано с тетради **Новожиловой Л.К.**, 1931 г.р., ЦРФ-Э-1069.

Позднее религиозное стихотворение, известное под названием «Стих о смерти грешника». По словам исполнительницы, она никогда не читает этот стих на панихидах. Переписала его из тетради жительницы Муром.

См. варианты в: [Бучилина 1999, 359—361 (№ 166); Фадеева, Иванов 2004, 412—414 (№ 711)]. Под названием «Песнь раскольников» краткий вариант стихотворения опубликован в сборнике «Православные священники — собиратели русского фольклора» в материалах А.Н. Соболева (М., 2004. С. 199—200).

26. Скопировано из тетради **Каравасовой М.Ф.**, 1923 г.р., ЦРФ-Э-1089.

Поминальный стих «Вот скоро настанет мой праздник» один из самых известных в современном репертуаре не только в Муромском районе, но и за его пределами. См. варианты в: [Бучилина 1999, 352—356 (№ 160—162); Фадеева, Иванов 2004, 416—417 (№ 714)].

27. См. № 8. ЦРФ-Э-1184.

Приведенный здесь лаконичный вариант поминального стиха «Вот скоро настанет мой праздник» является наиболее распространенным. Однако в Муромском районе часто приходилось фиксировать и более подробные варианты (см. т. 2, № 220).

28. Напето Новожиловой Л.К., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1068.

Поминальный стих «На всех солнце светит». Рефреном в стихе является Трисвятое, что типично для поминального богослужения.

См. варианты в т. 2, № 230—232, а также: [Бучилина 1999, 374—375 (№ 179—180); Фадеева, Иванов 2004, 417—420 (№ 715—716)].

29. Скопировано из тетради **Сурковой М.В.**, 1935 г.р.

Поминальный стих «Вы теперь меня простите».

См. вариант: [Фадеева, Иванов 2004, 420—421 (№ 717)].

30. Напето **Казанцевой Н.В.**, 1936 г.р., ЦРФ-Э-1268.

Поминальный стих «Сейчас хожу я мимо дома...». По свидетельству исполнителя, «на девятый день-то большинство поют...».

См. варианты в т. 2, № 225, а также: [Фадеева, Иванов 2004, 423 (№ 720)].

31. См. № 26. ЦРФ-Э-1089.

Вариант к № 30.

32. См. № 26. ЦРФ-Э-1089.

Поминальный стих «Днесь духовная беседа...», обычно исполняемый на сороковой день. В основу его сюжета положены представления о мытарствах, которые душа проходит после смерти.

См. варианты в т. 2, № 217, а также: [Бучилина 1999, 376—377 (№ 181); Фадеева, Иванов 2004, 430—433 (№ 726—727)].

33. См. № 28. ЦРФ-Э-1067.

Комментарий исполнителя: «Я тебе сейчас пою ведь не на честный мотив. Слезная, душевная. За душу задирает, очень унывно поют».

Духовный стих «Уж вы голуби, уж вы сизые...» («Как душа с телом расставалася») известен на этой территории в нескольких вариантах и версиях. Данный пример интересен мотивом трех келий.

Ср. близкий вариант с этим же мотивом:

*«Ох, вы голуби, где вы были?
Ох, вы сизые, где вы летали?»
«Мы не голуби, а мы ангелы,
Мы не сизые, мы архангелы.
Уж мы то были, туда летали,
Уж мы видели, уж мы слышали,
Как душа с телом расставалася,
Расставалася, распрощалася.
“Как тебе, тело, во земле лежать,
А мне, душеньке, на ответ к Богу идти.
На ответ идти, все грехи Богу нести”.
Повели душу, душу грешную
Через три горы через Сианские,
А во тех-то горах стоит келейка,
Келья новая — три окошечка.
Как во первом окне — Богу молятся,
Во втором окне — свечи плавятся,
А во третьем окне просезаются.
Повели душу, душу грешную
В муку вечную, бесконечную».
(См. № 12. ЦРФ-Э-1089.)*

И еще один фрагмент:

*...Как душа с телом расставалася:
«Ты прощай, тело, ты прощай, бело,
Тебе, телу, век в земле лежать,
А мне, душеньке, на Суду стоять,
На Суду стоять, весь ответ держать».
Повели душу через три горы,
Через три горы, через три круты...
(См. № 1. ЦРФ-Э-1174.)*

См. варианты в: [Бучилина 1999, 357—359 (№ 164—165); Фадеева, Иванов 2004, 424—430 (№ 721—725)]. Под названием «Стих о грешной душе» еще один вариант опубликован в сборнике «Православные священники — собиратели русского фольклора» в материалах А.Н. Соболева (М., 2004. С. 197—198).

34. См. № 29. Из рукописной тетради.

Еще один вариант сюжета «Как душа с телом расставалася».

35. Скопировано из тетради **Горячевой А.И.**, 1915 г.р.

Поминальное стихотворение «Мама». Чрезвычайно популярное в наши дни практически повсеместно, оно встречается в тетрадях большинства наших информантов. Многие из них напели этот текст (см. т. 2, № 215, 224). Здесь представлена наиболее полная и последовательная из записанных нами версий этого стихотворения.

По свидетельству Л.К. Новожиловой, с такой же концовкой (со слов «*При тебе, родная мама, / Солнце грело нам светлей...*») этот стих исполняют в с. Борисово. Однако в большинстве случаев нами фиксировался более компактный вариант, в котором после строфы «*О тебе любовь и память / В нашем сердце не умрет...*» сразу следовал финал «*Прошла жизнь твоя земная / И в заботе и труде...*» (см. запись от Новожиловой Л.К., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1068, 1069).

36. См. № 35.

Поминальное стихотворение «Крепко спишь, моя милая мама» — парафраз на тему предыдущего стихотворения, возможно, поэтому обычно соседствует с ним в рукописных тетрадах.

37. См. № 2. ЦРФ-Э-1258.

Исполнители

Антонова Валентина Ивановна, 1928 г.р., урож. д. Занино Чкаловского р-на Нижегородской обл. (?). Зап. в 2005 г. в д. Межищи. Соб. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова.

Борунова Прасковья Ивановна, 1924—2004 гг., урож. с. Булатниково. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково (материалы предоставлены ее дочерью). Соб. С.В. Просина.

Власова Александра Степановна, 1934 г.р., урож. с. Булатниково. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.М. Борисова, О.С. Славинская.

Горячева Антонина Ивановна, 1915 г.р., урож. с. Ковардицы. Зап. в 2005 г. в с. Ковардицы. Соб. Л.В. Фадеева.

Гришина Евгения Михайловна, 1939 г.р., урож. д. Грибково. Зап. в 2004 г. в с. Стригино. Соб. Л.В. Фадеева.

Гришина Клавдия Петровна, 1923 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. Н.Е. Котельникова.

Иголина Нина Ивановна, 1926 г.р. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королева.

Казанцева Нина Васильевна, 1936 г.р., урож. Дмитровской Слободы. Зап. в 2005 г. в Якиманской Слободе. Соб. Л.В. Фадеева.

Коньшкина Лидия Васильевна, 1926 г.р., урож. д. Малое Окулово. Зап. в 2004 г. в д. Стригино. Соб. Л.В. Фадеева.

Каравашева Мария Федоровна, 1923 г.р., урож. д. Иваново. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. Н.Е. Котельникова.

Киселева Ефросинья Григорьевна, 1912 г.р., урож. д. Савково. Зап. в 2004 г. в г. Муроме. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Маряхина Зинаида Матвеевна, 1921 г.р., мест. Зап. в 2005 г. в д. Михайлово. Соб. Т.В. Хлыбова.

Махалина Клавдия Ивановна, 1921 г.р., урож. д. Михайлово. Зап. в 2004 г. в д. Пестенькино. Соб. Л.В. Фадеева.

Мочалина Зоя Александровна, 75 лет, урож. д. Грибково. Зап. в 2004 г. в г. Муроме. Соб. Л.Ф. Миронихина.

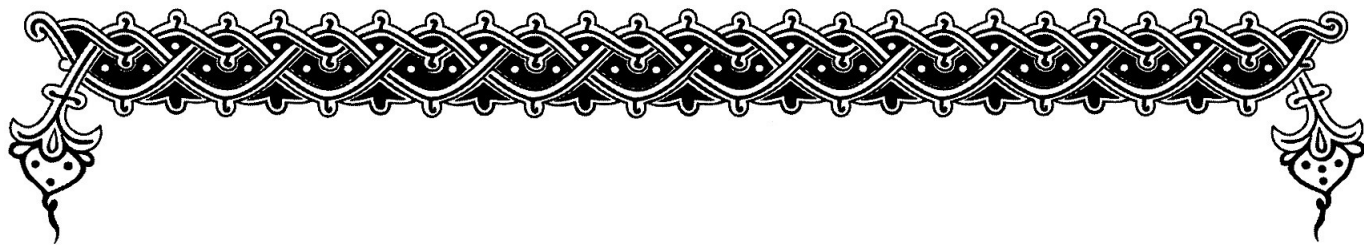
Новожилова Лидия Кузьминична, 1931 г.р., мест. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Л.В. Фадеева.

Суркова Мария Васильевна, 1935 г.р., урож. д. Александрово Меленковского р-на Владимирской обл. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Л.В. Фадеева.

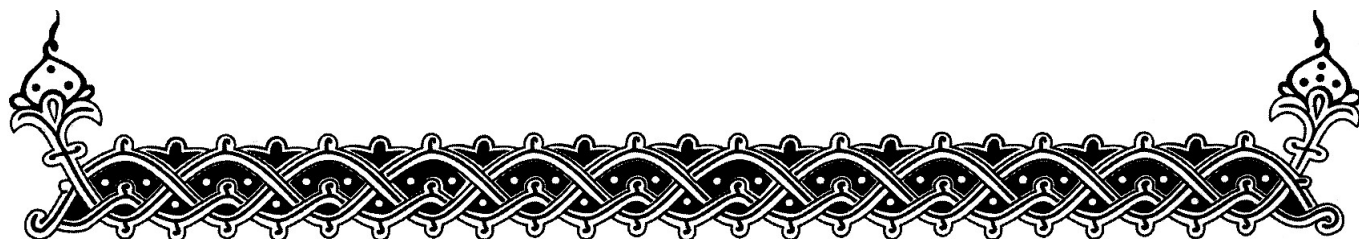
Тимохина Ольга Григорьевна, 1925 г.р., урож. с. Булатниково. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. С.В. Просина.

Ширкина Мария Васильевна, 1928 г.р., урож. д. Зарослово. Зап. в 2005 г. в с. Климово. Соб. И.М. Борисова, О.С. Славинская.

Шумкина Тамара Андреевна, 1929 г.р., мест. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. А.Ю. Румянцева, Е.В. Терёшина.

Народные заклинания и молитвы

Заговоры, обереги и молитвы

Составитель и автор статьи

Л.В. ФАДЕЕВА

383

Заговоры, обереги и молитвы

Среди фольклорных жанров, бытующих на Муромской земле, заговорам, оберегам и молитвам принадлежит особое место. Будучи знанием сокровенным, они не сразу попадают в поле зрения исследователя, однако со временем пристальное знакомство с традиционным укладом жизни муромцев неизбежно приоткрывает эту тайну. И тогда становится очевидным, что вера в силу слова была и остается одной из важнейших составляющих местной фольклорной традиции.

До сих пор и в городе, и в деревне большим авторитетом пользуются знахарки, коих здесь немало. По мнению большинства, они делают угодное Богу дело — помогают людям, тем более что и сами целительницы нередко объясняют свои умения как дар свыше. Ср.: *«И я когда была девочкой четырнадцатилетней, мне Господь... Вот началась сильна гроза, и я не добежала до дома, а к подруге забежала. И вот началась гроза. Ка-ак осветит... Иисус Христос в круглом мне показался. Клянусь Создателем, я никогда не вру! Не каждому может это показаться. И когда я рассказала одной матушке, она говорит: “Ты будешь достойна Господу Богу. От тебя будут люди исцеляться”. Действительно. Вот пришел человек. Я творю молитовки. От меня идет Божий дар. Это не каждому дано. Вы не согласны со мной? Не каждому»* (Ванькова К.И., 1936 г.р., ЦРФ-Э-1070).

Такая оценка способности врачевать людские недуги влечет за собой очень разное отношение к текстам, при помощи которых это исцеление достигается. С одной стороны, заговоры оцениваются как тайное знание, утрачивающее свою силу при передаче кому-либо. С другой стороны, даже практикующие знахарки иногда передают свои тексты (безусловно, при соблюдении определенных правил), полагая, что слово является лишь средством, а реальную помощь дает Господь.

И всё же использование заговоров — удел не только профессионалов. Каждая мать или бабушка должна уметь загрызть грыжу у младенца или умыть его от сглаза. Каждая хозяйка должна знать, как правильно ввести скотину во двор и уберечь ее от недугов. Так заговоры становятся частью повседневного быта, сопровождая человека во всех его делах. Поэтому многие женщины испытывают потребность в освоении заговоров. Иногда им удается получить это знание внутри семьи, иногда на помощь приходят старшие по возрасту односельчанки. В последнее время многие стали переписывать заговоры из книг и газетных публикаций. Ср.: *«Грыжу-то? Сейчас-то грыжу, у меня вон книжка есть, очень просто лечить. Надо ее погладить, принесут тебе ребенка, поглажу его зубами с молитвой, с “Богородицей”, и всё пройдет. Сейчас у меня книжка, там всё пишут: как, чего заговаривать. А то ничего не знала»* (Иванова А.А., 1916 г.р., ЦРФ-Э-1182). Такая ситуация может оцениваться двояко: с одной стороны, это ведет к расширению репертуара, с другой — в поле зрения муромцев попадают тексты, ранее не известные в регионе.

Способность заговоров помогать в казалось бы самых безнадежных ситуациях нередко становится предметом размышлений и целителей, и исцеленных. Особенно часто подобные истории можно услышать именно от тех, у кого есть своя «медицинская практика» и кому в связи с этим приходится сталкиваться с очень тяжелыми недугами. Ср.: *«В прошлое лето приехал парень молодой, солидный,*

и там чего-то... взорвался битум, и он в этом битуме. Его из Москвы привезли сюда. Он наш, булатниковский. О, Господи! Идут: “Тетя Шур, мы к тебе идём”. — “Чего идёте-то?” — “Тётя Шур, помоги Христа ради. Вот такое дело”. Я взошла, я окаменела... Пошла, пошла, болею, но пошла. Я пришла, он лежит на кровати. Его на скорой помощи привезли сюда из Москвы. Он был в битуме, и с него всю шкуру, всю спину... битум, ничем его не возьмешь. И с него всё содрали. А в глубоких местах оно осталось. Я окаменела, он лежит. Я не знаю, с чего мне начинать, у меня встряска пошла. Ну чего, заговаривать надо, вот я стала заговаривать. Вот заговаривала я ему, я говорю: “Дай Бог тебе терпения”. Но, конечно, помогали тоже — облепиховым маслом они его купали. Я заговариваю — это снимает боль, чтобы не было боли. На второй день я пришла, он уже встал с кровати, вот так вот идет ко мне. Ну, уж мне видать, где заговаривать-то, ожог надо заговаривать, чтобы он дальше не пошел, чтобы воспалительный процесс не начался. Я говорю: “Ты молодой, крепись. Пройдет всё у тебя”.

И прошло, наверно, чай, с неделю прошло. Господи! Стучится в окошко, в это время, наверно. Я гляжу в окно: Господи, мужчина в белой рубаше. Я выхожу, говорю: “Господи! Милый, сынок, неужели это ты?” — “Я, тётя Шур, ага. Ты вот мне велела прийти. У меня где глубокие эти, ты мне, пожалуйста, опять заговори”. Я говорю: “Милый, Господи, я удивлена, что ты встал на ноги”. — “Да, тётя Шур, я встал, спасибо тебе”. Потом уж, я чаю, прошло сколько-то времени, пошла я в магазин, идет тетка их. Я говорю: “Тонь, ну как Олег?” — “Уж на работу уехал, уехал работать”. В это надо верить, надо быть с Богом и надо верить. А так пользы не будет. Я верю» (Власова А.С., 1934 г.р., ЦРФ-Э-1332).

Заговоры как магическое средство воздействия на жизнь человека — его физическое и психическое здоровье, экономическое и социальное благополучие — оказываются востребованы наряду с молитвами и даже наравне с ними. Заговоры и молитвы тесно переплетаются: текст молитвы может быть продолжен заговорной формулой и наоборот — заговор начинается или завершается текстом канонической молитвы («Отче наш...», «Богородица Дево, радуйся...», «Пресвятая Троица, помилуй нас...» и др.) или молитвенной формулой («Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков»).

Известно, что некоторые традиционные приемы лечения недугов, в частности умывание, сопровождаются произнесением молитв. Таким образом, в одном обряде оказываются объединены магические и религиозно-христианские элементы. Ср.: «[Соб.]: А если ребенка сглазили, что нужно делать? — [Т.А.]: “Богородицу” прочитать, водой святой умываешь, приговариваешь. Раньше с углем. Молитву читают: “Господи, сохрани, помилуй” — от девки кидают уголёк в стакан с водой, от мужика, от бабы. Если он зашипит, узнаешь от кого» (Лукьянова Т.А., 1951 г.р., ЦРФ-Э-1332); «[Соб.]: А как на угольки делали? Прямо из печки уголёчки брали? — [М.В.]: Да. Три уголёчка. — [А.М.]: Три уголёчка. Надо знать “Богородицу”. — [Соб.]: Молитву “Богородицу”? — [М.В.]: Да. “Богородица Дево, радуйся...” — [А.М.]: Вот взяла ее вон и списала. И выучила. Она не больно долга, а полезна от этого. И не только. Многих и вылечивает. Вон... сразу. <...> — [Соб.]: А из печки брали горяченькие уголёчки? — [А.М.]: Не-ет. — [М.В.]: Да нет, не знаю. Холодные. — [А.М.]: Холодные. — [Соб.]: И что? Их в мисочку клали? — [М.В.]: В стакан воды нальёшь. — [А.М.]: Стакан воды. Вот. Прочитаешь “Богородицу” три раз. Поняла? И, значит это, кладёшь эти угольки туды. — [М.В.]: Один от мужского... — [А.М.]: Да. Один от мужского, один от женщины, один, третий уж там... — [М.В.]: От Бога. — [А.М.]: От младенца ли... — [М.В.]: От Бога! — [А.М.]: От болезни ли. От Бога ль? Да! Вот три уголёчка кладёшь. — [М.В.]: И который сильнее шумит, тот значит и сглазу так. — [Соб.]: И каждый раз вы читаете “Богородицу”? — [А.М.]: Да, вот. Заболела

вон у меня она, я тоже ее ныне хотела вон sprыснуть. Заболела и заболела, заболела. Ну и вот надо ее sprыснуть. Кто знает, можа от этого. Это бывает сглазу. Люди всяки есть. <...> — [М.В.]: Сбрызнёшь, попить это воды. А эту водичку под дверь вон, под пятку: “Откуда пришла, туда иди”. — [Соб.]: Вылить? — [М.В.]: Да. — [А.М.]: Да, через дверь можно: “Отколь пришла, туды и ступай”. — [Соб.]: А вы говорили, еще святой водичкой можно (умывать). Это какой: крещенской или из церкви принесенной? — [А.М.]: Это любой. Крещенской, рожжественской. — [М.В.]: Нет. Это из церкви. Это бытюшка святит воду. Вот у нас бывает здесь служба. Вот с водосвятием. Воду святят. — [Соб.]: И вы запасаете на всякий случай? — [М.В.]: Да-а. — [Соб.]: А ею умывают тоже с “Богородицей”? — [М.В.]: Нет. Это просто. Просто скажешь: “Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа” <...>» (Суркова А.М., 1916 г.р., и Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1068).

Иногда для того, чтобы избавиться от какой-либо беды, достаточно просто читать молитву: «[Соб.]: Если что украдут у вас, что надо делать? — [Е.Г.]: “Верую” читать 40 раз. — [Соб.]: 40 раз в день? — [Е.Г.]: Да, да, да. Если что у тебя пропадет — 40 раз. Если человек, который он это сделал, так будет болеть» (Киселева Е.Г., 1912 г.р., ЦРФ-Э-1128).

Некоторые тексты оберегов, направленных на защиту человека, его дома и скота, созданы по образцу канонических молитв, соединяют в себе прошения к Богу, Богородице и святым и нередко включаются в утреннее или вечернее молитвенное правило. Ср.: «Не оставь меня, Господи, в боли моей, не утомись от меня. Поспеши на помощь ко мне, Господи, спаси и помилуй всех моих детушек и всех моих внучков и правнучков. Спаси и сохрани, Иисус Господи» (читается 40 раз или 100 раз); «Пресвятая Госпожа Богородица, Небесная Царица, спаси и помилуй чада моего от всякой беды и напасти, от неверия и падеши греховных, от внезапной смерти. Помилуй его, Мать Божья, в дневных часах, и в утренних, и в вечерних, и на всякое время. Сохрани его стоящего, и на вечное время пути ходящего, и в ночных часах спящего. Покрой, заступись, защити его, Владычица Богородица, от всяких врагов видимых и невидимых. Избави от бесов и дурных человек, от вечного злого обетования. Утверди его в православной вере и в благочестии. Укрепи в полезных учениях, сделай его человеком добрым и богоугодным на всяком месте и на всяком пути. Мать Божья, чадом моим не обременися, стена и крепкие заступления всегда и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Царица Мать Божья Богородица, прикрой своим покрывалом моего чада» (молитвы Господу и Пресвятой Богородице из тетради Власовой А.С., 1934 г.р., ЦРФ-Э-1332) и др.

Таким образом, слово религиозное и магическое, книжное и устное оказываются теснейшим образом взаимосвязаны. Но и это еще не всё. В сферу заговорной поэзии могут быть вовлечены и совершенно далекие, на первый взгляд, тексты, содержание которых, с точки зрения исполнителя, соответствует определенной практической задаче — ограждение от зла, болезни, разрушительного воздействия стихии. Известны случаи включения в заговор пословиц и поговорок (см., например, № 88). Частью оберега может стать религиозное стихотворение: «Святой Михаил Архангел, ты же славен, ты же шестокрылый, спаси меня, рабу Ефросинью, при синем море, при темном лесе, при каждом месте своею благодатью. Я на Вас, Господи, надеюсь, да не погибну в пути, в дороге, в делах, в рученьках ваших. Господи, спаси мя во все часы, во все минуты. Ты создан Богом для спасенья, Тебе Господь так поручил, пролезть мне в сердце и жить в (с)мирение меня ты научи. Аминь» (из тетради Агаповой Е.Д., 1921 г.р.). Примеры подобных контаминаций могут быть следствием «склеивания» рядом стоящих текстов в процессе их письменного бытования, а могут явиться результатом свободной импровизации на основе известных исполнителю формул в момент их устного проговаривания.

В тетрадах жительниц г. Муром и близлежащих сел и деревень заговоры, обереги и молитвы всегда находятся рядом. И поскольку в основу данной публикации положены по преимуществу тексты, извлеченные из этих рукописных «собраний», мы решили не отступать от сложившейся здесь традиции и представить записанный нами материал именно в таком жанровом единстве.

ЗАГОВОРЫ НА ЛЮБОВЬ И СОГЛАСИЕ В СЕМЬЕ

1.

Помяни, Господи, царя Давыда и кротость его. Смягчи сердце любовью, согласием рабы Лидии с рабом Геннадием. Смягчи сердце любовью, согласием. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! И ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЛЕЧЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ

От порчи, болезни, боли

2.

Господи Боже, благослови. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Как Господь Бог и небо, и землю, и воду, и звёзды из сыроматерной земли твердой утвердил и крепко укрепил и как на той сыроматерной земле нет ни которой болезни, ни кровной раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли, так же сотворил Господь меня, рабу Божью Александру; как сотворил Господь, твердо утвердил и крепко укрепил жилы мои, кости мои и белое тело мое, так же у меня, рабы Божьей Александры, не было бы на белом теле, на ретивом сердце, ни на костях моих ни которой болезни, ни крови, ни раны, ни щипоты, ни ломоты, ни опухоли. Един ангельский ключ во веки веков. Аминь.

3.

Исус (так!) Христос, когда был на распятие (так!), такую скорбь терпел. Так помоги и мне, рабе Божьей Ефросинье.

4.

Иисус Христос воду с(в)ятил, воду очищал, со всех больных болезни отсылал. Выйди, выступи с больной Ефросиньи порча с головы, с г(л)аз, с губ, с зуб, с печенки, с костей, с ногтей, с живота, груди, с легких, со всех 77 суставов, со всего тела; снеси, Господи, с тела порчу на океанские горы, пусти, Господи, порчу в океанское море, на ветер пусти, сквозь огонь пронеси, тут тебе не быть, желтой кости не ломить, черной крови не пить, бела тела не сушить. Аминь.

5.

Все херувимы, все серафимы, вся сила Господняя. Лягу помолясь, встану перекрестясь, умоюсь водою, утруся Господней пеленою, выхожу из двери в дверь, из ворот в ворота, на чистое поле, на океанное море. На океане плывут золотой корабль, на том корабле почивает вся сила Господняя, небесная, Михаил архангел, Гавриил архангел, Симеон преподобный. Дайте помощи рабе Тамаре от кости-ломоты, от рукоты, от килы, от всей думы — ночью, полуночью, встречною, поперечною. Нет тебе, притка приточная, ни в мозгах, ни в волосах, ни в руках, ни в ногах, ни в жилах, ни в суставах, ни в крови, ни в красном мясе. Уходи в дальний лес, в левую сторону, к лютному зверю, там тебе питье и еда. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

6.

Не я хожу, не я прошу, а ходить и просит Пресвятая Богородица от всех болей, от лихих людей, от рака, от зоба, от грыжи, от боли, ревматизма сердца, от рук, от ног, от горла, от зубов, от опухоли печени, от селезенки, от заграничной грыжи. Не быть тебе, сибирка, не ходить по белому телу и по горячей крови, в рабе Тамаре исчезни, измозгни в моем белом теле и крови. Как ног, тебе, сибирка, не видать, так болей твоих во мне не бывать. Во мне, рабе Тамаре, исчезни, измозгни в моем белом теле и горячей крови. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь. Святоче духа, аминь. И ныне и присно и во веки веков, аминь. (Три раза.)

7.

Скорбящая Божья Матерь, засуши скорби, болезни. (Три раза.)

Пресвятая Скорбящая Богородица, помоги заговорить скорби, болезни внутренние, наружные от лихого, злого глаза рабу Божию Ефросинью. Аминь.

8.

На море на буяне, на острове Кеяне стоит Матушка Пресвятая Богородица. Шелковую ниточку в уши надевала, шелково(й) лентой Иисуса Христа овивала, шелково(й) лентой рабу Тамару обвивала, из костей, из жил, из мозга, из всего тела все боли выгоняла, корни подсушала, ломоту уничтожала. Во веки веков, аминь. (Три раза.)

9.

Матушка Соломонида! Не мы тя исцеляли, не мы тя спасали — Святая Соборная Апостольская Церковь. Святая Богородица Матушка! Исцели рабу Божию Любу от нечистого глаза, от лихого часа, от бесу, от нечистого духа. Выйди, боль, из ее головы, из ее из всего (так!) органов. Укрепи ее, Господи, дай ей, Господи, доброго здоровья!

Ну, и читай. А потом молитвы — «Отчу» или «Богородицу» прочитай.

10.

Господи, не сама иду, а серым волком еду, солнцем явлюсь, никого не забоюсь. Мать сырая земля, будь свидетелем мне. Исцели меня, рабу Божию Ефросинью, ото всех скорбей, болезней, от лихого глаза, человека. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

11.

Богу моление, Господу творенье. Выть (так!), боль, от рабы Божьей Евдокии на воду, на росу, на землю. Во имя Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Аминь, аминь.

12.

Бело море, белый клён, выйди у рабе (...) вся боль вон. (Три раза.)

Спиной к двери, большим пальцем ударять по двери.

13.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа отныне и приснай и во веки веков. Аминь. Гниль, худоба с рабы Божьей (...). Откуда пришла, туда и ступай, на все четыре стороны.

Сплюнуть на четыре стороны. Три раза.

14.

Если вот, например, что-то болит, и вот тоже читать три раза:

Господи Иисусе! Господи Иисусе! Господи Иисусе!

«Богородицу» три раза: *«Богородица Дева, радуйся...»*.
С моря вода, с бруса огонь, боль долой — на здоровье Клавдия.
Тоже три раза.

15.

С гуся вода, с тебя, сынок, вся худоба.
[Соб.]: Когда обливали ребенка?
[Е.Г.]: Да, да, когда вымоешь, окачивашь его...

16.

Тебе, пальчик, имя нет, а тебе, болезнь, места нет. От всех скорбей и болезней.
Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. Аминь.

17.

Палец, нет тебе имя, боль, нет тебе места, нет, завянь, засохни. Аминь, аминь,
аминь.
Говорится навстречу солнцу 12 раз.

От боли в спине

18.

У царя Давида было три сына, от них племя не было. Ты, притка, боли, не говори,
у рабы Божьей (...) спинка заживи. (Три раза.)

19.

В Мхов болоте висит колода. Колода качается, тебя, притка, дожидается. Ты,
притка, боли, никому не говори, у рабе Ефросиньи спина заживи. (Три раза.)

От зубной боли

20.

Свят месяц по небу летел, адамовых детей видел. У адамовых детей ни зубы, ни
губы не болели, ни кости не мозжали. Так бы у меня, рабы Божьей, ни зубы, ни губы
не болели, ни кости не мозжали. От ныне до веку веков. Аминь.

Выйти вечером, повернуться лицом к молодому месяцу или рано утром, когда еще месяц видно, и прочесть заговор; при чтении заговора тремя пальцами делать круг по солнцу вокруг зубов. Три дня подряд.

21.

Вот прочитаешь «Богородицу» три раза, «Отчу» три раза прочитаешь. И вот этим вот пальцем, безымянным обводи:

Ходит месяц высоко, видит далёко. Видит живых и мертвых. У мертвых зубы
заболи, у рабе Божьей (и) (имярек) заживи!

Вот три раза тоже ее. <...> И опять:

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Проси Иисуса Христа:

Иисус Христос, помоги мне, исцели меня.

22.

— *Месяц светишь?*

— *Свечу.*

— *Мертвых видишь?*

- Нет.
— У мертвых зубы болят?
— Нет.
— Так же у рабы (...) не болит.
(Три раза.)

23.

- Мальчик, мальчик, где ты был?
— На небесах.
— Кого там видел?
— Живых и мертвых.
— Что они делают?
— Лежат. У них зубы не болят, как железные сырчат (так!).

24.

Месяц молодой, рог золотой. Мертвые лежат, у них зубы не болят, так бы и у меня, рабы Божьей Александры, зубы не ныли, не болели. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

25.

На небе есть месяц, у месяца два брата. В роту есть челюсте (так!), в челюсте есть зубы, в зубах есть черви. Сохните-пересохните, черви, у рабы Антонины.

Читать молитву: женщине — «Богородицу», а мужчине — «Отче».
Аминь. Аминь. Аминь.

26.

В поле корни, в небе месяц. Четыре месяца, два брата, едят во рту зубы, в зубах корни. Сохните сухо-насухо во веки веков, аминь.

27.

С березовой почкой:

Первым разом, добрым часом зубная скорбь уймись, больше на зуб не ложись. Как этим сучьям на кознях не стоять, отроков не передать и ветками не махать, так зубам не гнить, болезнь в себе не водить. Заговор мой крепкий по сей день, по сей час, на веки веков.

После почку в воду окунуть и на зуб положить. Это я делала.

28.

И под рябиной вона. Стоят:

Рябина, рябина, что стоишь недвижима? Я не буду тебя есть, возьми мою болезнь.

[Соб.]: Это надо встать спиной к рябине и говорить?

[А.В.]: Да. Вот подойди к ней.

29.

На рябину. Вот на котором у тебя плече болит зуб, на стороне, вот так берешь, вот платок мой... Вот так берешь этой рукой и говори:

Рябина, рябина, утоляй мою болезнь. От ныне до века не буду тебя есть.

Кругом пройдешь, потом к кусту встанешь, опять берешь. Три раз. На третий раз сламываешь, кидаешь через это плечо.

[Соб.]: А рябину больше уже нельзя есть?

[Е.Д.]: Нет.

От грыжи

30.

На море окияне, на острове Буяне стоят столы дубовые, на них скатерти шелковые. Под этой скатертью сидит грыжа, грызет раба Николая. Ты, грыжа, не грызи раба Николая. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

31.

— Грыжа, грыжа, ты куда идешь?

— Я иду к рабе (...).

— Нет, ты к ней не ходи. Ты иди на гору Кипр, там лежит мертвый лев, ты ешь его мясо и грызи его кости. (Фу!) Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Три раза прочитать.

[Соб.]: А грызть грыжу при этом надо?

[А.В.]: Я и не знаю.

32.

Это надо заговаривать с сучком. У меня у самой две грыжи в пахах, я работала тяжело, сорвала всё. И эти грыжи, они меня очень мучат. Они вот даже в позвоночнике, подходят даже к сердцу, они ходячие. И вот я всё время заговариваю, я в книге списала.

Берём сучок, я сломала. Грыжа, вот этим сучком навстречу солнцу, вот это грыжа. У мальчиков находится в яичках грыжа всегда, в паху. И заговариваю:

Как этот сучок засох, заглох от острого топора, от частой пилы, корни не пускает, корни не дает, вот так бы у рабы Божьей Александры грыжа бы засохла, заглохла, корни б не пускала, корням жизнь не давала в моем белом теле, в моем красном мясе, в моем желтом сале. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Крести, сплевывай и так три раза. Сучком, потому что сук, когда оторвался, уже засох, заглох, корни не пускает и корней не дает. И три раза через левое плечо сплюнуть.

33.

От кремля (от кремня? — Соб.) огня, от топора щепана... — Большинство младенцы, ко мне приходят с маленькими. — Выдь из младенца Господня киста, грыжа.

И молитву читай. И проходит, проходит... Вот у одного сколько? Месяца три было, пупчик никак не заживал, тёкло и тёкло. В больницу ходили. Там, дескать, до трех лет нельзя ничёго делать, операцию. Вот ко мне пришли — всё очистилось.

От кремля огня, от топора — щепана. Выдь из младенца Господня или из рабы Божьей... — бывать у больших — киста, стопа, грыжа... (а то и рак) изнутри...

[Соб.]: А грыжу Вы тоже обводите вот этим пальцем (безымянным)?

[Е.Г.]: Да, тоже обвожу. И когда кончу, вот так три раз — крест накрест: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа».

[Соб.]: А себе можно заговаривать?

[Е.Г.]: Можно-можно. И через лево плечо так: «Тьфу-тьфу. Спаси, Господи!».

[Соб.]: Через левое плечо всегда, при каждом заговоре?

[Е.Г.]: Да-да! Там плюют, а я только вот так — «тьфу-тьфу». И всё. А детям вот хорошо.

34.

Вы молодые, но я вам скажу. Вот если, например, грыжа... Вы молодые, вы будете мамами. Я заговариваю. Вот если грыжка в пупочке, она бывает у девочек, пупчик, вот я беру зубами, не то что кусать. Говорю:

*Не тебя, грыжа, грызу, грызу корни твои.
И сплюнь так. Там же корни...*

От рака

35.

В новом Ерусалиме стоял дуб мамы римской, на этом дубу сидел святой Зосима. К святому Зосиму ползли 12 раков. Святой Зосима спрашивает: «Куда вы, раки, ползете?» — «Ползем к рабе (...) и несем болезнь рак». Святой Зосима на них рассердился и дал им 12 железных тростей. И вы, раки, идите, рабу от болезни рак освободите. И вы, раки, замрите, замрите, замрите отныне и до века не повторяйтесь, не повторяйтесь, не повторяйтесь. Нет раку места в рабе (...). Аминь.

36.

Рак, зачем зашел в чрево рабы Тамары? Выдь, рак, из чрева рабы Тамары. Иди, рак, в темный лес, где люди не ходят, и птицы не летают, и звери не ходят, иди, рак, в трясины непроходимую, там тебе и место. Отче Сартемоне (так!), исцели рабу Тамару от врага рака, чтобы его корни гнили, снова не отрывали, моему слову аминь. Матушка Пресвятая Богородица, исцели рабу Тамару от врага рака.

И еще надо читать «Пресвятую Троицу» и «Верую».

37.

Рак! Ты зачем пришел к рабе Божьей (...)? Рак, выдь из рабы Божьей! Иди в леса дрямучи, в болота-трясины непроходимы и там оставайся и к ней не возвращайся, а корни свои иссуши! Пресвятая Богородица, исцели рабу Божью (там на имя называешь) от рака! Аминь на аминь, сорок раз аминь. Сам Господь, исцели рабу Божью!

И молитовку прочитай.

[Соб.]: А какую молитву?

[Е.Г.]: «Отче», «Отче»! Саму главну — «Отчу», «Богородицу».

[Соб.]: И перед тем как читать заговор, тоже «Отче»?

[Е.Г.]: Ну там «Благослови нас, Господи». Или там «Благослови рабу Божью». Можно «Богородицу» прочитать раз.

38.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй (три раза). Богородица Дева, радуйся, благодатная Мария, Господь с тобой, благословенна ты в женах, благословенен плод чрева твоего, Спаса родила еси душ наших (три раза). Тебе, рак, не ренизовать (так!), корней не пускать, гнезд Тамаре не уставлять. Святая великомученица, создай мне покой и тишину. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа (три раза). Тебе, рак (девять раз). Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь.

39.

Заря-зарница, Господняя Царица, встань рано утром, умывай своею росой поля, луга, и листочки умой. Болезнь ядовитую, рак проклятый, своею росой потопи в глубину морскую. И исчезни, рак жгучий, рак ползучий, на осинке горькой. Взять осинку, прикопать. Покрасуйся, прикопай. А ты, Господи Иисусе Христе, не дай язве болящей рабе, утешь скорбь рабы. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь.

Это вот от рака. Вот эта, что мне заговор дала, — сходила, заговорила — и нормально. Но оно нормально... как тебе сказать? Не жгло, боли прекратились, а там и зажила.

40.

Рузве Боже мир духовный на козлище на крови развивающийся рак нашим раку от самого Христа нашем (так!).

Богородица девица, Господняя Царица, а Иисус Христос на путях со мной, очисти путь передо мной.

Ангел хранитель на пути, а ты Спаситель навстречу иди, отче Николай, мне путь освети, а ты, матушка Пресвятая Богородица, со мной иди.

41.

Палец, палец, тебе покоя нет, а тебе, болезнь, места нет.

Три раза тоже. После каждого оборота перекреститься.

[Соб.]: Это тоже обводят пальцем?

[А.В.]: Да.

От язвы

42.

Крест-хранитель, крест-спаситель, крест всей вселенной, крест церковный. Красота креста — ангелам слава, крест — царя держава, крест от демона, и от язвы, и от рака. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

От ангины

43.

Утром, как встанешь с постели, потяни за мочки ушей по три раза одновременно влево, вправо, так, чтобы в ушах хрустнуло. Пошепчи:

Скорбящая Богородица, всем скорбящим помощница, помоги и пособи рабе Александре от всех болезней: от ангины, от скарлатины, от жоблицы, от заушницы, от глотины. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

44.

Сперва «Богородицу» читаю, а потом вот этим вот пальцем (безымянным. — Соб.) вот начинаю:

Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать. Двенадцать, десять (так!), девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один.

И «Богородицу» прочитаю. Потом опять эдак начинаю — до двенадцати и обратно. Опять «Богородицу». Три раз обвожу. А потом:

Из сырого дуба сок вон, из синего моря сук вон, там... из младенца (имя) ангина вон!

И прочитаю «Отче». Проходит ангина, проходит.

От зоба

45.

Безымянным пальцем водить по часовой стрелке и говори<ть>:

Зоб и узлы, пропади, корни не растите, корни присушите и раку не бывать. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа (три раза). Аминь. Аминь. Аминь.

46.

Прочитать три раза «Богородицу». При этом:

Тебе, зобу, не бывать, корни присушать. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Амин(ь). (Три раза.)

Большим, средним и безымянным пальцем (обводить. — Соб.) по часовой стрелке.

47.

А щитовидку я это... «Матушка Соломонида». Ее прошу, ее прошу и:

Из сырого дуба сук вон, из синего моря сок вон...

[Соб.]: А как вы обводите — по часовой стрелке?

[Е.Г.]: Я встречу солнышка, встречу солнышка всё обвожу, сюда... <...>

«Матушку Соломониду» прочитай и опять:

Из синего моря сук вон...

[Соб.]: Из сырого дуба?

[Е.Г.]: Да. Там... *из рабы Божьей (имя) щитовидка вон!*

От лишая

48.

Надо сучочек найти, сучок, и его обводить пальцем. Раз его и раз лишай.

Сучочек, сучочек, отдай мой кружочек.

Встречь солнца надо. Безымянным пальцем обводить. Чередовать лишай, потом сучок. До трех раз.

49.

На поганое место сел, с поганого места сойди.

По-моему, это заговаривается, иголкой обводится. Иголкой обводить, иголкой.

От нарыва, чирея

50.

Как сук засыхает, а не распухает, так чтобы чирей у рабы Татьяны не распухал, а засыхал.

...Надо три сучка. Вот чирей — одним сучком обвел, заговорил, потом второй сучок обвел, заговорил, навстречу солнцу, потом третьим сучком. На трех сучках.

51.

Заклинаю тебя, нарыв, живым Господом (два раза). Изведу нарыв, иссушу нарыв, святым тебя, Господи, и молитве святых твоих, Господи (три раза).

52.

Он простой-простой. Там вот начинай так:

Не один, не два, не три, не четыре, не пять, не шесть, не семь, не восемь, не девять. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Вот три раз эту молитву. И всё... помогает.

[Соб.]: А обводили? Чирий ведь обводить надо наверно?

[А.В.]: Да. Вот безымянным пальцем, встречь часовой стрелке.

От грудницы

53.

А грудницы тоже также, только она начинается с девяти:

Не девять, не восемь, не семь, [не шесть, не пять, не четыре, не три, не два, не один].

Тоже также безымянным пальцем.

[Соб.]: И тоже «*Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...*» говорить?

[А.В.]: Да, да.

От занозы

54.

Во имя Отца и Святаго Духа. Вылети из леса птичка, вымырни из моря щучка, вылезли у рабы Божей (т а к !) Александры спичка. Аминь.
«Богородицу».

55.

Кровь и вода, небо и земля. Тебе, спица, не колоть, а у Людмилы не болеть.

56.

Из донa в дон, Мария Чук, вон из рабы Тамары, заноза, вон.

От крови, раны

57.

Вот, например, течет кровь:

Шел Христос тропочкой, нес в руках тросточку, тросточка, переломися, кровь у рабы Александры, угомонися.

...Три раза, всё три раза, какой бы заговор не был, повторяется три раза.

58.

Ехала баба на серой кобыле, вела собачку на шерстяной нитке. Нитка порвалась, кровь унялась. Аминь.

59.

На горе, на камешке золотые иголки шьют-пошивают, мою кровь зашивают.

60.

На горе, на камешки (т а к !) золотые иголки шьют-пошивают, родную кровь заживают.

Три раза «Богородицу».

61.

Встань кровь в ране, как встал Иисус Христос на Иордане.

[Соб.]: И тоже обводили рану?

[А.В.]: Обязательно. Безымянным пальцем обязательно.

[Соб.]: А как обводят? По солнышку?

[А.В.]: Всё встречь. Да.

62.

Как Федора по угору. Встань на камень, кровь не каплет, встань на угор, кровь не текнет.

63.

Два брата камень секут, сестры в окошко глядят, две свекрови в воротах стоят. Ты, свекор, воротись, а ты, кровь, утолись. Ты, сестра, отворотись, а ты, кровь, уймись. Ты, брат, смирись, а ты, кровь, запришь. Брат бежит, сестра кричит, свекор ворчит. А будь мое слово крепко на утихание крови раба (...) по сей час, по сию минуту.

64.

Тело не земля, кровь не вода. Тело иссеки, тело заживи у Александры, рабы твоей. Аминь.

«Богородицу» (три раза).

65.

<i>Летит ворона</i>	<i>каркает,</i>
<i>а ты, кровь,</i>	<i>не капай.</i>

Три раза. Крестить тыльную сторону руки. Дохнуть.

От ушиба

66.

С первым разом, с добрым часом, Господу Богу помолюся, святой Матушке Богородице я поклонюся. Ехал Иисус Христос горами, долами, покрывался черными ризами, ударил копьём жилу и в жилу, сустав и в сустав. Ты, Господи, рабе Божьей Александре всё поставь на свое место.

От ожога

67.

Придется приглушить обжег на вечерней или на утренней заре. (Три раза.)

68.

Так ожог заговорить. Надо долго читать «Богородицу»:

Богородица Дева, радуйся. Благодатная Мария, Господь с Тобою. Благословенная Ты в женах, благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших.

И начинаешь. Сначала просто «Богородица». Вот ожог у меня в этом месте. Я читаю «Богородицу» и потом говорю. Вот безымянным пальцем, ему имени нет (водит вокруг ожога безымянным пальцем по часовой стрелке. — Соб.), и говорю:

Горячий огонь, чем тебя лечить: или утренней росой, или холодной водой?

Опять «Богородица» и опять также:

Горячий огонь, чем тебя лечить: или утренней росой, или холодной водой?

И ставить вот так крест обязательно. И так три раза.

69.

На белой березе сидела красная девица, шила-вышивала попу ризу. Нитка оторвись, огонь у рабы Анны угомонись.

Навстречу солнцу читается.

От желтухи

70.

Желтуха-желтуха, нет тебе во мне места, нет в моем теле, ни в моих костях. Там тебе места на сухим суку, там тебе лежать и сохнуть, а мне, рабу Божему (имя назвать), на доброе здоровье. Аминь. Аминь. Аминь.

От испуга

71.

Заря Сионная, а другая не Сионная, простите нас всех Христареди (так!). Солнце и луна, небо и земля, храм Господний, добры люди, горы, доли, реки, истоки, скоты животные, твари земные, птицы небесные, что есть на земле растающие (так!) и летающие, и простите нас всех Христа ради. Возьмите с младенца Ивана испуг, крик ночной, дневной, полуночной, возьмите с собой и простите нас всех Христареди. Поддай, Господи, доброе здоровье младенцу Ивану.

Читать на заходе солнца шесть раз шесть дней подряд, кроме воскресенья.

От тоски

72.

На море, на окяне, на острове Буяне, на полой поляне, под дубом мокрецким сидит девица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится от тоски неведомой, во грусти недознаемой, в кручине недосказанной. Идут семь старцев с старцем, незваных, непрошенных. «Ой, ты еси, девица красная, с утра до вечера кручинная, ты что, почто сидишь на полой поляне, на острове Буяне, на море на окяне?». И речет девица семи старцам с старцем: «Нашла беда среди околицы, залегла во ретиво сердце, щемит-болит головушка, не мил свет ясный, постыла вся родушка». Возопиша семь старцев с старцем грозным-грозно. Тоска от востока до запада, от реки до моря, от дороги до перепутья. И нигде тоску не укрыла. Кинулась тоска на остров Буян, на остров окян, под дуб мокрецкий. Заговариваю я, родная матушка Александра, свою ненаглядную дитятку Николая от наносной тоски по сей день, по сей час, по сию минуту. Слово мое никто не превозможет ни пером, ни духом.

От храпа

73.

Читать на воду или на молоко «Отче наш...». Затем три раза:

Рыба в воде <не> мочится, зубами не кусается, челюстями не скрипит, ногами да днями не храпит. Как рыба молчит, так и раба (имя) молчит. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Аминь. Аминь.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАГОВОРЫ

На покупку скота

74.

Вот, например, поросенка покупаешь, в хлев несешь:
Дедушка домовый, прими мою скотинку на новое поприще.

75.

[А.Ф.]: Когда коровку продают, хозяин прежний поводок отдает. <...>

[Соб.]: А вот приведете на двор скотинку, с ней надо проситься?

[А.Ф.]: С молитвой.

[Соб.]: А какую молитву читали?

[А.Ф.]: «Отче наше...». Каждый день, когда выгоняю, читаю молитву.

[Соб.]: А вот раньше не говорили к домовому проситься?

[А.Ф.]: «Домовой, полюби нашу скотинку». Провожают и во двор пускают.

[Соб.]: А бывало так, что дедушка домовой не любил скотинку?

[А.Ф.]: Кто его знает, говорили: «Дедушка, люби скотинку!». Он и любил. Бывало, погонят на клевер, она там объестся. Бывало и громом убивало. А дедушка домовой здесь не причем!

На выгон скота

76.

Вот я пускаю козу... Пускаю козу в двери и говорю. Как я там говорю?

Огради нас, Господи, силою Честного и Животворящего Твоего Креста и спаси нас грешных. Господи, благослови. Дай Бог пресвятой час.

И повела. Вот каждое утро так.

От болезней скота

77.

Вот раньше, сейчас скота-то нету, всё перевелось, а раньше какие были табуны-то! Скота-то было море. И коров... Бывало, жара, телится корова, всяко бывало, муха сядет, и как бы этот проход... телится она. Она называлась ласица. Сядет муха, и, бывало, сколько червей образуется. И вот это был заговор. Как заговоришь, и все черви выпадали. Это от червей:

Татарин, татарин, злодейской породы, урод из всех уродов. Зачем ты, татарин, сеешь червей у моей коровы (или лошади)? Из такого-то места (указать из какого места, где) если не выведешь, то вырву тебя с корнем, заброшу за синюю даль! Ты засохнешь, как порошка. Вспомнишь ты свою ошибку, да будет поздно.

Это заговаривают на траву. Эту траву надо знать, эту траву я сейчас нигде и не вижу. Татарник, колючий такой.

На переезд в новый дом

78.

...Вот в новый дом вперед не ходи. Надо кошку пускать, петуха и деда домового звать:

Дед домовой, иди со мной на ново поселение.

79.

А вот когда приходишь в квартиру... <...> Может, скажешь, я глупа, тебе рассказываю... Вот живешь в квартире, переходишь в другую, зови его из дома:

Дед домовой, иди, миленький, жить со мной в новую квартиру.

Три раз. А не скажешь, он тебя пугать будет.

80.

Раньше говорили, что вроде домовой. Переходили в новый дом:

Дед домовой, пойдем со мной. Я пойду дорогой, а ты иди там...

Это приглашали домового. Когда в новый дом переходят... Вот хоть мы выстроились и переходили. Просто так говорили и всё.

81.

Вот как приходят в дом новый, входят да:

Дедушка домовой, прими мою семью на свое поприще.

Молитва-оберег дома

82.

Святая хоромина на святом месте построена, святыми молитвами огорожена, святым крестом покрыта. Ангел в окнах, Свят Дух в щелях, сам Иисус Христос при дверях и Матушка Пресвятая Богородица при нас. Аминь, аминь, аминь.

83.

*Ангел над головой,
Святые на стенах,
Господь у дверей.*

84.

Иван-креститель, Иван-богослов, наследник Христов, спаси меня ото всех врагов, и весь дом, и всё, что в доме моем. Аминь, аминь, аминь.

От воров

85.

Это вот когда, чтобы в квартиру не вошли воры или кто:

Иван-спаситель, Иван-хранитель, Иван Богослов — носитель крестов. Обойди весь дом, обойди с крестом. Что есть в дому, аминь всему.

86.

Вот, бывает, куда уходишь, запираешь квартиру. Или изнутри. Можно гдей-то написать:

*Квартира стоит с крестом,
С животворящим крестом.
И что в квартире есть неприкрыто,
Именем Господом Богом всё закрыто.
Аминь. Аминь. Аминь!*

Вот я и дочери сказала. Это я тоже прочитала. Вот запиши...

У меня вот недавно дергались в дверь... дерг-дерг-дерг. Я встала, свет включила, в ту комнату вошла — двадцать минут второго. И нисколько не испугалась, никого, ничего не побоялась. Открыла дверь — никого нету! Вот кто рвался? Потом через день опять эдак, в полвторого тоже. Петля ослабла.

Вернуть украденное**87.**

Благослови, Господи, Царя Давида и всю кротость его. Утиши, Господи, сердца злых людей. Возврати, Господи, и покражу рабе (...), погони на обижающего страх и помяни их, Господи, за упокой (40 раз).

От пожара**88.**

Матушка Богородица, купина неопалимая, глубина необозримая. На болезнь лютую призри, смертью не опали, сирот не обездоль, утишь, уйми злую боль во вековечные веки. Огню не верь, огню Бог волю дал. Не топора бойся, а огня. Огонь не вода — пожитки не всплывают.

ОБЕРЕГИ И МОЛИТВЫ**Общие обереги****89.**

*Господь впереди,
А мы позади,
Матерь Божья
Нам поможет.
Аминь! Аминь! Аминь!
Произносится каждый день с утра.*

90.

Господи, окружи, Господи, меня с головы, с рук, с ног до земли. (Три раза.) Ангел мой, храни меня.

91.

Шел Господь с дести (так!) земель, нес Господь крест и Евангелие. Покрывал Господь лес листвою, землю травой. Укрой, Господи, рабу Таисию ризою святою и в доме, и в поле, и <в> пути, и в дороженьке от злого человека, от врага-супостата, от острой шашки, от быстрой пули, от тяжелого меча, от тяжелых болезней, от припадков, от злых делов, от тюремных замков. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь.

92.

Михаил-архангел, архангел Гавриил, архангел Рафаил с ангелами, херувимами, серафимами, бесплодными (так!) силами, неборимыми воеводами, своею небесною силою, будьте рабе Божьей Александре помощниками. Георгий Победоносец, Василий Великий, Никола, первый помощник, милостивая заря Мария, вечерняя заря Дарья и вся небесная божественная воинская сила, от голода рабу Александру спасите, от холода нетленными ризами прикройте, приведите рабу Александру к тихой безмятежной жизни непобедимого креста Господня, животворящего, уповающего на Тя. Не оставь рабу Божью Александру, огради, Господи, силою, животворящим крестом своим от обидящих и ненавидящих.

93.

Великий Георгий Богослов, святой мученик Иван Преподобный, отче Георге, отец Серафим, Николай Угодник, Георгий Победоносец, Михаил Архангел, Скорбящая Божья Матерь, прошу всех святых мучеников, спасите, сохраните рабу Божью Ефросинью от всех болезней, от всех скорбей, от злых людей, от диких зверей, от темных путей и дорог. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

94.

Николай Угодник, Спаситель-батюшка, и ты, Матушка, и двенадцать сестер, спасите и сохраните рабу Таисию, а вас Бог спасет.

95.

Ангел мой, хранитель мой, спаси меня, сохрани меня. Благослови меня честною силою, благослови меня крестом твоим животворящим и Богородицей Девой Марией и на всю ночь Господню, и на весь день Господний.

Обереги от колдунов и злых людей

96.

Вот от колдунов молитовка есть... Вы верите-то в нечистую силу? По всей земле Дух Святой, под землей нечистая сила. Под знаменьем креста разрушь нечистую силу! Аминь, аминь, аминь.

97.

Крест хранитель, крест спаситель, крест всем церквам слава. Встану с крестом — ангелов встречу, с крестом беса изгоню, а ты, сатана, отшатись (т а к!) от меня.

98.

Крест креститель, крест спаситель, Бог хранитель, ангелам слава и нам, верующим, крест держава. А вам, колдунам, есть ббб число да звериное гнездо. Аминь, аминь, аминь.

99.

*Враг-сатана,
Откатись от меня.
Три креста Господь:
Крест на мне,
Крест надо мной,
Крестом огоржусь.
Шел Господь с небес,
Нес Господь животворящий крест.
Огорожал Господь
Воду, небо, землю
И рабов Божьих
От колдуна, от колдуницы,
От стариков, от старух.
Непобедимая, непостижимая
Божья сила,
Спаси нас грешных.
Пресвятая Богородица,
Престола жилище.*

*Бог покровимый (т а к!) мой,
Иди по пути со мной.
Господь не допустит,
Враг не подойдет.
Господь не допустит,
Враг не возьмет.
Со мной Бог
И будет во веки веков.
Аминь, аминь, аминь.*

100.

Шел Спаситель с небес, нес евангельский крест. Двенадцать апостолов с ним. Бог Сын, Бог Отец, Бог Дух Святой. Кто хочет на меня напасть, наведи, Господи, на того страсть, болота и леса, четыре тумана в глаза. Спаси, Господи, помилуй рабу Божию (...). Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

101.

Шел Иисус Христос с небес, нес животворящий крест. Ограждай, Иисус Христос, животворящим крестом своим от колдунов, от колдуниц и от врагов, от вражениц.

102.

Ангел мой, хранитель мой, храни душу мою, скрепи сердце мое на каждый день, на каждый час. Господи, спаси меня от бед, от напастей, от злого человека, от врагасупостата. Господи, укрой меня своею ризою, ризою (не)тленную. Спаси рабу твою Таисию.

103.

Ангел-хранитель, ангел-спаситель, сойдите с небес, спасите меня, рабу Божью Таисию, поставьте меня на каменный пол, оградите меня железными тынами, запирайте меня на тридцать три замка и на тридцать три ключа, ни один ключ не крадите. Меня, рабу Таисию, никому не портить, днем под солнцем, ночью под луной и под дневной звездой. Господи, спаси меня от лихого зверя, от врага человека, не пятого духа. Аминь, аминь, аминь.

104.

Шел Михаил Архангел с небес, нес на голове животворящий крест. Поставил этот крест на калинный мост, запер этот крест на тридцать три замка под один ключ. Отдал этот ключ Матушке Пресвятой Богородице в правую ручишку, под черную ризушку. Никто этот ключ не достанет, никто рабу Божью Александру не испортит ни в доме, ни в поле, ни в пути, ни в дороженьке, ни в гульбе, ни в беседушке. Аминь, аминь, аминь.

105.

Выходит Дева Мария из дверей, из двери в ворота. Гляжу на восточную сторону, поднимаются тучи грозные, матушка Пресвятая Богородица со своими святыми апостолами, со своими ангелами. Матушка Пресвятая Богородица, укрой меня чистыми звездами, воссияй красным солнышком и перепояши светлым месяцем. Матушка Пресвятая Богородица, спаси меня, Господи, рабу (имя) от всех врагов встречных, поперечных, спаси, Господи, от колдуна, колдуницы, от веренца и вереницы, от девки простоволосой и распоясанной, спаси, Господи, помилуй. Аминь. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

106.

Восточная Богоносная Богородица, спаси, сохрани рабу Тамару и детей ее от страсти, от напасти, от злых людей, от ненеправых дней. Господи, отнеси, Господи, от лихих людей, от глаза от мужского, женского, ребячьего, девичьего. Аминь. (Три раза.)

107.

На море кияне стоит дуб сиротинской. На дубу сидит плачет черный ворон. Там ходит гуляет добрый молодец с копием вострым. Плачь, черный ворон, я тебя убью. Черный ворон испугался и улетел. Мой заговор по мою смерть.

Три раза повторять. Старше себя нельзя.

108.

Идет бабка, внучок, девка кружится, парень щеголь: от черного глаза, от серого глаза, от голубого глаза. Петух белый, гребень красный. Илья Пророк, дай помощи рабе Тамаре, все мученики и великомученники, дайте помощи рабе Тамаре. Илья Пророк, Николай Угодник, скорбящая Божия Матерь, прошу вас, молюсь вам — дайте помощи рабе Тамаре. Тебя земля слышит, тебя небо видит. Во имя Отца и Сына во веки веков. Аминь.

Обереги на сон

109.

Матушка темная ночь, яко (?) не умертви меня. Матушка Пресвятая Богородица, благослови меня.

110.

В пресвятом месте оставлено, святым(и) молитвами огорожено, Святым Духом покрыто, (нрзб) в этой (нрзб) лежу, раба Тамара, на святое место — местечко с крестом, с ангелом. Ангела призываю, врагов отсылаю, за три версты, за три поприща.

111.

*Ложусь на сонных горах,
Кладу три ангела в головах,
Один дневной, другой ночной,
А третий — сам Бог со мной.*

112.

Ложусь я спать на Божьей кровати. А ты, ангел мой, будь со мной. Спаси меня от скорбей моих и болезней.

Читается 3 раза.

113.

[Соб.]: А вечером перед сном дом благословляете?

[Л.К.]: «Живые помощи» читаю. «Отче наш» читаю. «Богородицу» читаю. Какая на разум приходит. Какую я знаю, такую и читаю <...>.

*Спать ляжуся, крестом огражуся.
Крест передо мною, ангелы со мною,
А матушка Пресвятая Богородица в окошечках.*

114.

*Спать ложусь —
Крестом обгорожусь.
Крест предо мной,
Божья Матерь со мной.
Аминь.*

115.

*Спать ложусь,
Крестом крещусь,
Небом кроюсь.
Спас по рукам,
Ангелы Христовы по окнам,
Свят Дух во щелях,
Сам Иисус Христос во дверях,
А Матерь Пресвятая Богородица при нас.*

116.

У отроковицы Ефросиньи спать ложилась, крестом крестилась, ангел мой притаился ко мне, враг сатана, отойди от меня. У отроковицы Ефросиньи спать ложились, крест предо мной, два ангела со мной.

117.

Ложусь я спать, на мне святая печать — крест. Крестом я крестилась, крестом отгоняла врагов от себя. Уйдите враги от окон, от дверей, от постели моей. Аминь, аминь, аминь.

118.

Пресвятая Богородица, спаси меня, ангел мой, пойдем спать со мной, а ты, сатана, отишайся от меня, от окон, от дверей, от постели моей. Аминь. (Три раза.)

119.

*Враг-сатана,
Отойди от меня,
От окон, от дверей,
От постели моей.
Я спать ложусь,
Крестом крещусь,
Крест на мне,
Крест подо мной,
Вся небесная сила со мной.*

120.

*Враг-сатана,
Отойди от меня.
От окон, от дверей,
От постели моей.
Со мной три ангела, три спасителя
И три хранителя.
Спасите и сохраните рабу Александру.
Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.
Во веки веков. Аминь.*

121.

*Ангел мой, ляг со мной.
Спи, раба, Бог с тобой.
А ты, сатана, уйди от меня,
От окон, от дверей, от моих детей
(сплюнуть на четыре стороны).
Аминь. Аминь. Аминь.
Перед сном. Три раза.*

122.

Господи, благослови меня, Господи, на всю ночь Господню, на сон грядущий. Ангел-хранитель, пойдем со мной, и я с тобой. А ты, враг сатана, отойди уж от окон, от дверей, от постели, в постели не мертви меня. Ангел Господний, разбуди меня, пресвятая Варвара Мученица, причасти.

123.

*Я устала, иду на покой,
Боже, очи мне закрой,
А Спаситель будь со мной —
Я виновник пред тобой.
Ангел мой, будь со мной,
А ты, сатана, прочь от меня
От окон, от дверей, от постели моей.
Раба Ефросинья спать ложится,
Крестом крестится.
Крест в головах,
Крест в ногах,
Крест предо мной,
Божья Мать со мной.
Аминь.*

124.

*В кроватку ложусь
На бочок повернусь —
Никого не боюсь.
Мать Божия при мне.
Что матери, то и мне.
(Три раза.)*

Обереги в дорогу

125.

*Солнце на восходе,
Два ангела в походе,
Господь впереди.
Сохрани, Господи,
Рабу Божью (...) и спаси.
(Три раза.)*

126.

*В путь собираюсь,
Крестом накрываюсь,
Ангелы по бокам
И Бог впереди.
(Три раза.)*

127.

*Боже мой,
Иду в пути твои.
Христос впереди,
Богородица позади,
Ангелы по бокам,
Свят Дух над головой
И вся небесная сила со мной.*

128.

*Господь Бог мой,
Пойдем в путь со мной.
Господь впереди,
Божья Матерь позади,
Ангелы по бокам,
Господь по небесам.*

129.

Идешь в путь:

*Господи Бог мой,
Иди в путь со мной.
Господь впереди,
Божья Матерь позади,
Ангел над головой,
Иисус Христос передо мной
И вся сила со мной.*

130.

*Господи Боже мой,
Препятствие Дух Святой,
Господи Боже мой,
Иди в путь со мной.
Господь впереди,
Божья Матерь позади,
Ангелы над головой,
А ты, Господи, со мной.
Аминь, аминь, аминь.*

131.

Я иду в пути, со мной Господь впереди. Матушка Владычица Богородица позади идет. Ангел Христов выбегает, мне путь очищает, мою душеньку спасает. Кто враг надо мной, скуй им губы, зубы, руки, ноги и уста. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

132.

Господь впереди, а Божья Матерь сзади, ангелы по бокам, Иисус Христос над головой. Силы небесные, сила со мной. Господи, спаси меня и сохрани. Доставь меня домой. Аминь! Аминь! Аминь!

133.

*Господь Бог впереди,
Матерь Божия позади,
Ангел-хранитель по бокам,
Дух Святой над головой,
Все небесные силы со мной.
Аминь. (Три раза.)*

134.

*Господь приди,
Богородица позади,
Спасе и Сыне над головой,
Вся святая сила надо мной.
Аминь. (Три раза.)*

135.

Ангелы по бокам, Бог впереди, Божья Матерь позади, Иисус Христос над головой — вся Небесная сила со мной! Господи, спаси меня, сохрани и в сохранности доставь домой!

Тоже молитовка. Это вот провожаешь, бывает, в армию кого... Вот списала эту молитовку-ту и сама... куда вот поедешь в дорогу. Поедешь в дорогу, в дороге мало ли бывать што... Или там на сына — спаси его и сохрани!

136.

*Ангелы навстречу, Господь впереди,
Николай Чудотворец, дорогу свяжи!...
А ты, Божья Матерь, рядом со мной иди!*

137.

Уходя из дома, надо говорить:
Ангел мой, иди со мной, ты впереди, а я за тобой.

138.

Ангел-хранитель, пойдём со мной и я с тобой.

Вот иду прям даже... И мне Господь поможет. Вот у меня иконки тут стоят, я зажгу лампадочку. Я Господа Бога никогда не дам, никогда, никогда.

139.

*Николай Угодник, спаситель мой,
Укрепи дорогу, иди рядом со мной.*

Читается три раза.

140.

Богородице девица, Небесная Царица. Будь со мной, очисти путь мой. Аминь. Аминь. Аминь.

141.

Благослови меня, Господи, на путь на твоего Господнего. Спаситель впереди, ангел-хранитель позади, по бокам свят Дух, над головою превысшая святая воля твоя. Аминь, аминь, аминь.

142.

Господи, благослови. Дай, Господи, святой час.

143.

Уповающий Бог со мной, пребывающий Иисус Христос, пребывающий Дух Твой, Господи всегда со мной. В путь пойду, Господи в пути со мной. Господь Бог мой, будь со мной впереди и сзади, охраняй меня, рабу Божью Таисию.

144.

Как из дома выходишь:

Спаси ты меня, Господи, от огня, от пламени, от бед, от напастей, от лихого человека и от лютого зверя.

Тоже три раза.

145.

В душе моей Иисус Христос, а в теле Отец и Святой Дух!

[Е.Г.]: Это Пресвятая Троица — Бог, и Господь, и Святой дух.

[Соб.]: Это нужно сказать, если куда идешь?

[Е.Г.]: Да-да. В дорогу.

146.

Выходя из дома, прежде чем переступить порог, произнеси слова:

Отрицаю в тебе, сатана, гордыни твоей, служению тебе. И сочетаюсь тебе, <Господи>, в кресте. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

И огради себя крестным знаменем, и никогда не выходи без этого изречения, тогда не только встретившийся плохой человек, но и сам дьявол не в состоянии будут повредить тебе, видя тебя с этим ограждением.

Сон Богородицы

147.

Сон Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Пресвятой Девы Марии. Она ночевала, Пресвятая Владычица, в марте месяце в святом городе Иерусалиме индийском. Придя к ней Господь Иисус Христос. Спала ты и видела что во сне... Ему мать, Пресвятая Владычица Господа нашего Иисуса Христа, сына Божия...: единородный, возлюбленный, спала и видела тебя, Господа моего Иисуса Христа. Сон мой страшный и грозный. Видела я тебя, Господа моего Иисуса Христа, взяли тебя, и связали, и повели на гору Голгофу, привязали тебя, Господа моего Иисуса Христа, на столбу, били тебя, Господа моего, хворостом шиповника, всё тело обагрело кровью. Наконец, распяли тебя, Господа моего Иисуса Христа, на деревянном кресте кипарисовом, руки, ноги твои привязали, а на голову твою святую горьковый венец надели, тростью по голове били и рёбра твои копьём проткнули, из ребра потекла кровь и вода для спасения людей. Аминь. Через три дня уста твои покрылись жаром, тут же по всей земле солнце померкло и луна, потрескалась вся земля. Камни рассыпались и завеса церковная разразилась с небес с верхнего до нижнего края. Тогда люди жидовые падали вниз лицом, как мёртвые. Похоронили тебя, Господа, со всем миром. Тело

твое Божье взяли пресвятые апостолы и архангелы и понесли ко святому Аврааму в рай. Пророком собой дарование Царство Небесное. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Рече еси Господа Иисуса Христа: Мать моя, Пресвятая Владычица Богородица, всё перетерпела за народ христианский. Аминь. Моя мать, Пресвятая Владычица, который сон твой записан в книге, станет держать в доме своём, тому дому радость падёт, здоровье и скот сохранит от всяких злых бед и несчастий. Перед судом сон твой возьмёт с собой, он будет избавлен от праведных судов, и укротятся их уста и сердце от всяких злых дел. Ещё некоторый человек пойдёт в путь по морю или по суше и сон твой возьмёт с собою, будет спасён, в доме его во всём будет избавлен. Он будет помилован от вредителей и разбойников, от водяного потопления, от ружьевого выстрела, всего злодеяния. Который человек напоследок сон прочитает или прослушает с верою, избавлен будет от мук вечных. Когда женщина во чреве носит младенца и при рождении это письмо при себе держать надо, она родить будет легче. Если человек осуждён на смерть, перед смертью прочитает или прослушает это письмо, примут его ко святому Аврааму в покой вечный. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа или Царствие Небесное во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Речети Господь Иисуса Христова: Мать моя, Пресвятая Владычица Богородица, во истину твой сон не ложен, и праведен, и страшен. Будет всему миру, родная ты моя Мать Пресвятая Владычица Богородица. Всё перетерпела за народ христианский. Аминь. Мать моя, Пресвятая Владычица, который сон твой записан в книге и станут держать при себе в доме своём, тому дому радость падёт, здоровье и скот сохранит от вечных злых бед и напастей. Перед судом и сон твой возьмёт с собой, он будет избавлен от праведных судов и укротятся им уста и сердце на всякие злые дела. И ещё который человек пойдёт в путь. Аминь. Самому против оставлять это письмо. Это письмо должны иметь при себе. Кто это письмо часто читает или слушает, этот человек на сорок дней отпущен от грехов. В каком доме это письмо бывает, к тому дому не примкнётся ни огонь, ни зло человека, ни хмурых смертный. Наш Господь, Дух Святой, от зла недели и годы, знает Отец наш Небесный, оберегает нас Господь. Моего Иисуса Христа через муку его святую и крестителя Господа сохрани рабов Божьих, помилуй.

148.

В городе Иерусалиме при царе Константине стоит Парижский собор. В этом соборе лежит Божья Мать. Она спит, и сон свой снит, и видит сына любящего Христа Воскресшего. Сын мой любящий Христос Воскресший, видела про тебя сон, волнист и страшен будет он, пойман у жидов врагов, между твоих часных ребер копьем пробьет, из уст твоих кровь прольет, на твоей буйной головушке терновый венец. Матушка Мария, небесная Богородица, сон твой правильный, нужно его списать, на вольный свет послать. Кто его будет читать каждый день, тот будет спасен от всех бед, напастей, от двенадцати напрасельных смертей. От мужика колдуна, от зверя лютого, от воды потока, от змей ядовитой, от меча заке, от кнута захлеста, от девы простоволосой, от лихого, злого, ненавистного человека, от дьявола ночного, дьявола полуночного. Спаси меня, Господи, и сохрани от всех бед, напастей, от двенадцати напрасных смертей и не отврати своего лица от рабы твоей Евдокии.

149.

В городе Иерусалиме в соборной апостольской церкви спала и ночевала Матушка Пресвятая Богородица. Много ей снилось страхов-перестрахов. Быть ее сыну убитому, на кресте распятому, на дереве капарисе руки-ноги распластавши, голову до мозгов разваливши. «Сын ты мой возлюбленный, на кого ты меня оставляешь, на кого

ты меня, сударыню, спокидаешь?». А сын ей речет: «Матушка Пресвятая Богородица, не плачь, не рыдай, своего белого лица следами (так!) не заливай. Я воскресну на третий день Христова Воскресения, возьму белый лист бумаги и запишу твой сон на удивленье». Кто эту молитву знает, три раза на день читает, тот будет спасен и сохранен. Который человек идет в дальний путь и трижды ее прочитает, тому Господь дает путь хороший. Кто идет на суд и трижды эту молитву прочитает, того будет судить не судья, а милостивый Господь, которая женщина мучается родами и трижды ее прочитает, Господь даст ей роды легкие. Который человек мучается перед последним концом своей жизни и трижды молитву эту прочитает, Господь даст муки легкие. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

150.

В городе Иерусалиме, во стране Российской, на пятнице регенской, стоял престол Господний. На этом престоле стояла Божья Мать. Приходил к ней Иисус Христос, говорил: «Мать ты моя, мать возлюбленная, чего тебе в девятом часу виделось?» — «Сын мой, сыне, свой сон разгадать не могу, ноги мои подкашиваются, руки мои опускаются, уста мои не открываются. Быть тебе, сыну Христу, распятому на горе спанской, на воде яртанской, на дереве коперинском. Будто тебя, сына Христа, распяли в грудь, сердце калёным папертом пронимали, в руки, в ноги калёные гвозди ковали, из шиповника венец на головушку надевали, и полилось с его чрева мир, масло и крови на землю». Кто эту молитву знает, в пути-дороге прочитает, того Господь избавит от зверя удалого, от человека лихого. Кто эту молитву знает, в дому прочитает, того Господь подарит хлебом, солью и милостью Божьей. Аминь.

151.

Сон Пресвятой Богородицы. Первого числа марта месяца в городе Русалиме господнем на престоле спала и почивала Матушка Пресвятая Богородица. Пришел к ней Иисус Христос, стал спрашивать ее: «Матушка Пресвятая Богородица, спишь или же так лежишь?» — «Сплю, и так лежу, и тебя, Христа, в уме держу. Мало я ночей спала, много страстей видала, как будто тебя на истинну казнь возили, к железному столбу привязали, руц и нози костылями прибивали, Христову кровь проливали, злат венец нарушали, терновый венец на голову надевали, в гробницу клали, в могилу спускали, желтым песком засыпали, железными плитами задвигали. Небо с землей потряслось, и тварь Божия возмутилась. Господен город Русалим на камушке...». Мать моя Богородица на камушке сидит и плачет о сыне своем. «Матерь моя Пресвятая Богородица, не плачь и не рыдай о сыне своем. Не одна осталась на том свете, осталась Иоон (так!) святитель, Иоон креститель, Иоон Богослов, Марфа, Мария и жена Лазаря Маркиза. Я сам сойду на луг Господен, место оставляю, в Господнем граде мир православных будет ходить и кланяться за материно моление, за Христово мучение и терпение. Кто этот сон Богородицы будет знать и трижды читать, того суд не осудит, в огне не сгорит и в море не потопит. Кто этот сон будет в доме иметь, к тому человеку не прикоснется ни вор, ни разбойник и нечистый дух, он будет счастливый все двадцать четыре часа. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь.

152.

Сон Пресвятой Богородицы. На месяц марта спала Пресвятая Матушка Богородица. Спишь, и зришь, и своего сына видишь, чада милого убитого, поколотого, на кресте распятого. Кто этот сон спишет на грамоту и на кресте носит, трижды на день перебирает, спасет того Господь от всех бед и напастей, от лихого злого человека

и будет во искушение и избавит Господь от огня, от желений, от быстрых рек, от высоких гор, от зверя бегучего, от змея летучего, от темных лесов, от черной грязи. В лес пойдешь — деревом не убьет, в суд пойдешь — суд не осудит. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

153.

В городе Иерусалиме, в Божьей церкви, спала Матушка Пресвятая Богородица, спала, почивала. «Что, матушка Пресвятая Богородица, спишь, почиваешь, чего ты во сне видишь?» — «Вижу сон я, Господи, стоят на горе три дерева, кедра, второе сестра, третья куприся, на этой на куприся стояла матушка Пятница Пречистая, на пятнице крест воссия, на кресте (т а к!) Христа Бога распинали».

154.

«Дева Мария, где ты была?» — «Я была у Иисуса Христа на престоле. На правой руке спала и сон видела: у Иисуса Христа ноги и руки сковали, его взяли, на голову света крест поставили». Кто этот сон будет читать три раза в день — того Господь будет спасать: от слова злого, человека лихого, от насилия, напастей, от грома грямущего, от огня палящего, на суд пойдешь — несудим будешь, в народе неузнаваемый, ничьей воле не повинен будешь. Я запру на три ключа, на три замка, брошу в океан-море, пускай вода замочет, песком засыплет. Во имя Отца и т.д. Аминь (три раза).

155.

На горе, на вертене возрастало дерево кипариса, на этом дереве Христа распинали, в руки, ноги Христу гвозди вбивали, святой крови три реки протекали. Кто эту молитву знает и три раза на день читает, тот будет спасен, сохранен и помилован от всех бед и напастей, от скорби и болезни, от тоски и печали, от злых людей ненавистных, от лихого помышления, от бранного слова, от лихого человека, от огня и змея, от лесного зверя. Аминь. Аминь. Аминь.

Примечания

1. Рогоськина К.М., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1078.
2. Власова А.С., 1934 г.р., ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.
3. Агапова Е.Д., 1921 г.р. Текст из рукописной тетради.
4. См. № 3. Текст из рукописной тетради.
5. Сорокина Л.С., 1939 г.р., ЦРФ-Э-1233.

Притка — внезапная болезнь, как правило психологического характера, связанная с воздействием на человека извне (от притекать, притечь, случиться). В.А. Даль указывает на два рода недугов, которые могут быть определены этим словом: 1. «Внезапная болезнь, о которой говорят схватило, припадок; женская болезнь, истерика или обмороки; кликушество; черная немочь или падучая. Банная притка, хворь, прикинувшаяся в бане. Бабы притки, припадки и причуды; 2. Порча или сглаз, призор, озёв, урок. Он с притку захворал. В нем приток, притка ходит...» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 3).

6. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

Сибирка — обычно сибирская язва.

7. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

8. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

Ср. также: «Рукой водить... а это... если на воду. На воду... налила вот в бутылку или в банку... поставила. Лампадочку зажги, свечку зажги и читай:

На острове Бурьяне стоит... стоит престол Господний. Матушка Пресвятая Богородица шелкову ниточку в ушко продевает, шелковой ниточкой Христа обвивает, шелковой ни-

точкой рабу Божию Любу обвиваит: из головы, из тела там... или вот из горла всю болезнь выгони!

Ну и молитовку читай». (См. № 9. ЦРФ-Э-1129).

9. Киселева Е.Г., 1912 г.р., ЦРФ-Э-1129.

Е.Г. Киселева, практикующая знахарка, широко использовала этот текст. Она советовала «матушку Соломониду просить» об исцелении любого недуга. Вспомнила об этой молитве, когда разговор зашел о лечении сглаза, головной боли и боли в спине, об исцелении заболеваний щитовидной железы (см. № 47). При этом текст претерпевал незначительные трансформации. Вот как он видоизменился, когда Ефросинья Григорьевна применила его к лечению зубной боли: *«Матушка-то Соломонида, Святая Соборная Апостольская Церковь, Пресвятая Богородица, исцели рабу Божию Любу от нечистого глаза, от лихого часа, от беса, от нечистого духа. Выйди, боль, от ее тама... зубов...»* (ЦРФ-Э-1127).

10. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

11. Беляева Е.П., 1930 г.р. Текст из рукописной тетради.

По свидетельству исполнительницы, она переписала этот текст несколько лет назад от женщины, муромчанки, ныне покойной; та, предположительно, — от своей свекрови, которая читала Псалтырь по покойникам. В тетради также содержатся духовные стихи и молитвы «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся» без искажений.

12. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

В записях исполнителя текст никак не атрибутирован. В его основе — формула изгнания боли. Однако, судя по описанию действий, сопровождающих словесную формулу, заговор направлен на исцеление какой-либо болезни рук (боли при воспалении или ревматизме).

13. Горшкова З.П., 1930 г.р. Текст из рукописной тетради.

14. См. № 1. ЦРФ-Э-1078.

15. См. № 9. ЦРФ-Э-1128.

Заговор на здоровье ребенка общей направленности. Чрезвычайно распространенная в быту формула, используемая при купании малыша.

16. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

Этот и последующий заговоры направлены на снятие боли. Обычно подобные словесные формулы сопровождаются очерчиванием больного места безымянным пальцем.

17. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

18. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

О притке см. № 5.

19. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

20. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

21. См. № 9. ЦРФ-Э-1129.

22. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

23. Шеронова А.В., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1272.

24. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

25. Горячева А.И., 1915 г.р. Текст из рукописной тетради.

26. См. № 2. ЦРФ-Э-1332.

27. См. № 23. ЦРФ-Э-1272. Текст из рукописной тетради.

28. См. № 23. ЦРФ-Э-1272.

29. См. № 3. ЦРФ-Э-1267.

30. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

31. См. № 23. ЦРФ-Э-1272.

32. См. № 2. ЦРФ-Э-1332.

33. См. № 9. ЦРФ-Э-1174.

34. См. № 2. ЦРФ-Э-1332.

35. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

36. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

37. См. № 9. ЦРФ-Э-1174.

38. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

39. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

Ср. также: *«Заря-зарница, Господня Царица, встань рано утром умываться своею росой. Поля, луга и листочки умой. Болезнь ядовитый, рак проклятый, своею росой потопи его в глубинную морскую. Исчезни, рак жгучий, рак ползучий, на осине горькой (взять осину, прикопать),*

покрасуйся. А Ты, Господи Иисусе Христе, не даждь язвю болящей рабы, утешь скорби рабе. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». (См. № 23. ЦРФ-Э-1272. Текст из рукописной тетради).

40. Касатова М.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1224.

Собиратель копирует орфографию и пунктуацию исполнителя (почерк четкий и понятный). Позднее М.И. Касатова прочитала эти же слова по бумажке. При этом некоторые различия наблюдались лишь в начале: «Рози, Боже, мир духовный на козлице на крови. Развивающие рак полим рака от самого Христе нашем». По словам М.И. Касатовой, «эта молитва помогает от рака. Читаю и помогает».

41. См. № 23. ЦРФ-Э-1272. Текст из рукописной тетради.

См. также № 16, 17 — заговоры, в которых снятие боли и уничтожение болезни основано на очерчивании большого места безымянным пальцем.

42. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

В основе — чрезвычайно распространенная формула оберега, воспроизводящая канонический молитвенный текст. См. также № 97, 98 и проч.

43. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

44. См. № 9. ЦРФ-Э-1174.

45, 46. См. № 13. Текст из рукописной тетради.

47. См. № 9. ЦРФ-Э-1174.

Текст является продолжением № 44. В основе — одинаковая словесная формула. Однако в данном случае формула изгнания болезни произносится после широко используемого Е.Н. Киселевой заговора «Матушка Соломонида...» (см. комментарий к № 9).

48. См. № 23. ЦРФ-Э-1272.

49, 50. См. № 2. ЦРФ-Э-1332.

51. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

52. См. № 23. ЦРФ-Э-1272.

53. См. № 23. ЦРФ-Э-1272.

О лечении грудницы исполнительница вспомнила в связи с лечением чирьев, нарывов (см. № 52), поскольку механизм лечения недугов один — очерчивание безымянным пальцем с одновременным произнесением формулы убывающего / возрастающего счета. Ср. также № 44.

54. Суркова М.В., 1935 г.р. Текст из рукописной тетради.

Спичка, спица — заноза.

55. См. № 23. ЦРФ-Э-1272.

Ср. также: «Кровь, вода, небо и земля. Спичка, не коли, а заноза не боли у рабе (или раба) имя».

Нажать безымянным пальцем и читать «Богородицу» три раза». (См. № 25. Текст из рукописной тетради.).

56. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

57, 58. См. № 2. ЦРФ-Э-1332.

59. См. № 23. ЦРФ-Э-1272.

60. См. № 25. Текст из рукописной тетради.

Вариант к № 59.

61. См. № 23. ЦРФ-Э-1272.

62. См. № 2. ЦРФ-Э-1332.

63. См. № 23. ЦРФ-Э-1272. Текст из рукописной тетради.

Исполнительница не использует его на практике.

64. См. № 54. Текст из рукописной тетради.

65. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

66. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

67. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

68, 69. См. № 2. ЦРФ-Э-1332.

70. См. № 25. Текст из рукописной тетради.

71. См. № 13. Текст из рукописной тетради.

72. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

В тетради текст озаглавлен «заговор родной матери от наносной тоски дитя своего», что указывает на его книжное происхождение.

73. См. № 25. Текст из рукописной тетради.

74. Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075.

75. Авдеева А.Ф., 1912 г.р., ЦРФ-Э-1182.

76. Новожилова Л.К., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1068.

77. См. № 2. ЦРФ-Э-1332.

78. Седова Р.Е., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1093.

79. См. № 3. ЦРФ-Э-1267.

80. Русакова В.С., 1962 г.р., ЦРФ-Э-1090.

81. См. № 74. ЦРФ-Э-1075.

82. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

83. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

84. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

Текст помещен в тетрадь под заголовком «Молитва Ивану Крестителю».

85. См. № 2. ЦРФ-Э-1332.

86. См. № 9. ЦРФ-Э-1129.

Комментарий к повторной записи этого текста:

[Соб.]: Это когда двери закрываешь?

[Е.Г.]: Да, да. Вот подойдешь к двери. Не обязательно там с воли, можно изнутри. Вот ее крестить, крестить дверь вот...

[Соб.]: И приговаривать, да?

[Е.Г.]: Да, да. Вот я всё время, спать ложусь, всё время дверь крещу. Вот ко мне рвались, дёргались, а не взошли. И на меня страху не было. А ты «Живой в помощи» знаешь?

[Соб.]: Знаю наизусть. «Живой в помощи Вышнего...»

[Е.Г.]: «Живые в помощи», они тоже помогают... (ЦРФ-Э-1127).

87. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

88. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

89. См. № 40. ЦРФ-Э-1224. Текст из рукописной тетради.

90. См. № 40. ЦРФ-Э-1272. Текст из рукописной тетради.

91. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

92. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

В тетради текст озаглавлен «заговор от истропиги».

93. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

94. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

В тетради текст озаглавлен «молитва Николаю Угоднику».

95. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

В тетради текст озаглавлен «молитва ангелу-хранителю».

96. См. № 9. ЦРФ-Э-1129.

97. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

Ср.: «Крест крещенья

Всему миру священье,

Крест церкви красота,

Крест ангелам слава,

Крест бесам язва.

Аминь». (См. № 3. Текст из рукописной тетради.)

98. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

Ср. также: «Крест креститель, кресть спаситель, ангелам всем слава, а Божий крест всем верующим держава. А вам, колдунам, есть число 666 дав (т а к!) звериное гнездо. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь» (см. № 3. Текст из рукописной тетради); «Крест-креститель, Бог-спаситель, крест ангелов слава, крест всем верующим держава. Господи Иисусе Христе, хлеб на земле, чудеса на земле, род злой, грунт земной, а у колдуна есть число 666, звериное гнездо, собаки не зевайте. Стоит Омет — духовный глагол Божий. Восстань, орлица, против дьявола и победи его силу. Аминь, аминь». (См. № 5. ЦРФ-Э-1233.)

99. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

100. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

См. № 91. Ср. также: «Шел Господь с небес, нес Господь Евангель крест. Кто хочет на меня напасть, Господи, нагони на него страсть. Христос Бог среди нас». (Три раза.) (См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.)

101. См. № 40. ЦРФ-Э-1272. Текст из рукописной тетради.

См. комментарий к № 100.

102. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

Помещена в тетради под заголовком «Молитва ангелу-хранителю».

103. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

Помещена в тетради под заголовком «Молитва ангелу-хранителю».

Ср. также: «Ангелы-спасители и архангелы-хранители, Архангел Михаил и Архангел Гавриил, сойдите с небес, поставьте на каменный пол, огородите железным тыном, запирайте за 33 замка, под 33 ключа, под один ключ. Эти ключи никому не украдывайте, а меня, рабу Божию Тамару, — перечисление имен родственников — всех родных никому век не порчивать. Днем ходим под солнцем, ночью под месяцем, полуденной звездой, (нрзб) рабов Божьих от нас, от скороспелой притки, от врага человека, от нечистого духа, от змея ползучего, от скороспелой язвы. Аминь, аминь, аминь». (См. № 5. ЦРФ-Э-1233.)

104. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

См. комментарий к № 100. Ср. также: «Пресвятой Архангел Михаил, сойди с небес, встань на бел камень, запири меня на тридцать три замка одним ключом. Отдай ключ Пресвятой Матушке Владычице Богородице во белые рученьки, в черной ризе, чтобы не мог меня испортить ни белым днем прекрасным, солнечным, ни темной ночью при ясном месяце. Во имя Иисуса, аминь». (См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради); «Михаил Архангил, сойди на землю, встань на белый камень, запири меня на тридцать три замка одним ключом. Ключ отдай Пресвятой Матушке Богородице в белые руки, в черные ризи. Пресвятая Матушка Богородица, не допусти лихого человека ни при красном солнышке, ни при ясном месяце. Аллилуя, аллилуя, аллилуя». (См. № 54. Текст из рукописной тетради.)

105, 106. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

107. См. № 54. Текст из рукописной тетради.

108. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

109. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

110. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

111. Махалина К.И., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1185. Текст из рукописной тетради.

112. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

113. См. № 76. ЦРФ-Э-1067.

114. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

115. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

116. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

117. См. № 11. Текст из рукописной тетради.

118. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

119, 120. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Тексты из рукописной тетради.

121. См. № 13. Текст из рукописной тетради.

122. См. № 111. ЦРФ-Э-1185. Текст из рукописной тетради.

123. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

124. См. № 13. Текст из рукописной тетради.

Детская молитва на сон.

125. См. № 13. Текст из рукописной тетради.

126. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

127. См. № 54. Текст из рукописной тетради.

128, 129. См. № 111. ЦРФ-Э-1185. Текст из рукописной тетради.

130. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

Ср. также: «Бог мой на пути, Христос со мной, прикрывающий Свят Дух предо мной, Свят Дух Господний, пяти церковных укреплений, прибегаю к вам. Господь со мною» (См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради).

131. См. № 3. Текст из рукописной тетради.

132. См. № 1. ЦРФ-Э-1078.

133, 134. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

135, 136. См. № 9. ЦРФ-Э-1174.

137. Лукьянова Т.А., 1951 г.р., ЦРФ-Э-1332.

Своеобразным комментарием к тексту является диалог собирателя и исполнителя по поводу этого текста:

[Соб.]: *Значит, у каждого есть свой ангел?*

[Т.А.]: *Да.*

[Соб.]: *А где могут обитать эти ангелы?*

[Т.А.]: *Рядом с тобой всегда находятся.*

138. См. № 111. ЦРФ-Э-1185. Текст из рукописной тетради.

139. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

140. См. № 111. ЦРФ-Э-1185. Текст из рукописной тетради.

141. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

142. См. № 76. ЦРФ-Э-1067.

По словам Л.К. Новожиловой, она говорит «своим языком», то, что чувствует и думает, а не то, что кем-либо предписано.

143. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

144. См. № 1. ЦРФ-Э-1078.

145. См. № 9. ЦРФ-Э-1174.

146. См. № 111. ЦРФ-Э-1185. Текст из рукописной тетради.

147. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

Этот и последующие тексты воспроизводятся строго в соответствии с оригиналом, без прояснения темных мест.

148. См. № 11. Текст из рукописной тетради.

149. См. № 54. Текст из рукописной тетради.

150. См. № 2. ЦРФ-Э-1332. Текст из рукописной тетради.

151. См. № 40. ЦРФ-Э-1272. Текст из рукописной тетради.

По словам М.И. Касатовой, «...большинство надо в ночь этот стих читать».

152. См. № 40. ЦРФ-Э-1272. Текст из рукописной тетради.

По свидетельству исполнительницы, Сон Богородицы она носила при себе. «Даже всю книжку (т.е. тетрадь с молитвами. — Соб.) носила».

153, 154. См. № 5. ЦРФ-Э-1233.

155. См. № 111. ЦРФ-Э-1185. Текст из рукописной тетради.

Исполнители

Авдеева Александра Федоровна, 1912 г.р., урож. с. Стригино. Зап. в 2004 г. в с. Стригино. Соб. Л.В. Фадеева.

Агапова Ефросинья Демьяновна, 1921 г.р., урож. д. Петраково. Зап. в 2005 г. в пос. Войкова. Соб. Л.В. Фадеева.

Беляева Евдокия Петровна, 1930 г.р. Зап. в 2005 г. в г. Муроме. Соб. М.В. Ахметова.

Ванькова Клавдия Ивановна, 1936 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Санниково. Соб. Н.Е. Котельникова, Л.В. Фадеева.

Власова Александра Степановна, 1934 г.р., урож. с. Булатниково. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.М. Борисова, О.С. Славинская.

Горшкова Зоя Павловна, 1930 г.р. Зап. в 2004 г. в с. Карачарово. Соб. Л.В. Фадеева, Т.В. Хлыбова.

Горячева Антонина Ивановна, 1915 г.р., урож. с. Ковардицы. Зап. в 2005 г. в с. Ковардицы. Соб. Л.В. Фадеева.

Гришина Глафира Васильевна, 1931 г.р., урож. д. Петраково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская.

Иванова Анна Андреевна, 1916 г.р., урож. с. Стригино. Зап. в 2004 г. в с. Стригино. Соб. Л.В. Фадеева.

Касатова Мария Ивановна, 1926 г.р., урож. д. Домнино Меленковского р-на Владимирской обл. Зап. в 2005 г. в с. Ковардицы. Соб. В.Е. Добровольская.

Киселева Ефросинья Григорьевна, 1912 г.р., урож. д. Савково. Зап. в 2004 г. в г. Муроме. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Лукьянова Татьяна Алексеевна, 1951 г.р., урож. с. Булатниково. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.М. Борисова, О.С. Славинская.

Махалина Клавдия Ивановна, 1921 г.р., урож. д. Михайлово. Зап. в 2004 г. в д. Пестенькино. Соб. Л.В. Фадеева.

Новожилова Лидия Кузьминична, 1931 г.р., мест. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Л.В. Фадеева.

Рогоськина Клавдия Матвеевна, 1929 г.р., урож. д. Санниково. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. В.Е. Добровольская.

Русакова Вера Сергеевна, 1962 г.р., руководитель Дома культуры. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. Н.Е. Котельникова.

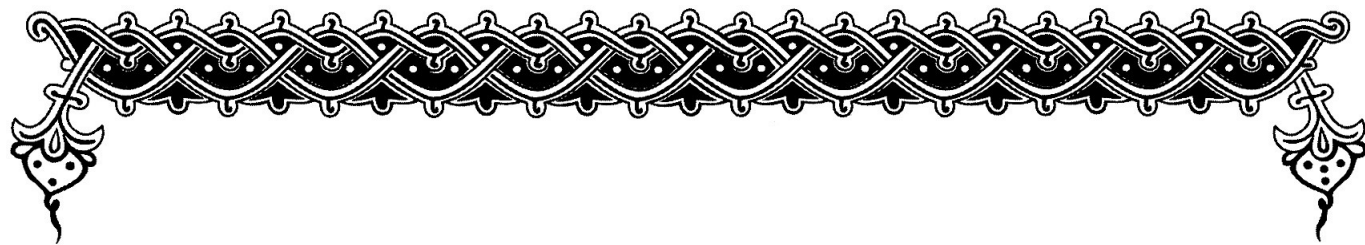
Седова Раида Егоровна, 1929 г.р., урож. д. Паршово Селивановского р-на Владимирской обл. Зап. в 2003 г. в пос. Зименки. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова.

Сорокина Лидия Сергеевна, 1939 г.р., урож. с. Панфилово. Зап. в 2004 г. в с. Панфилово. Соб. В.Е. Добровольская.

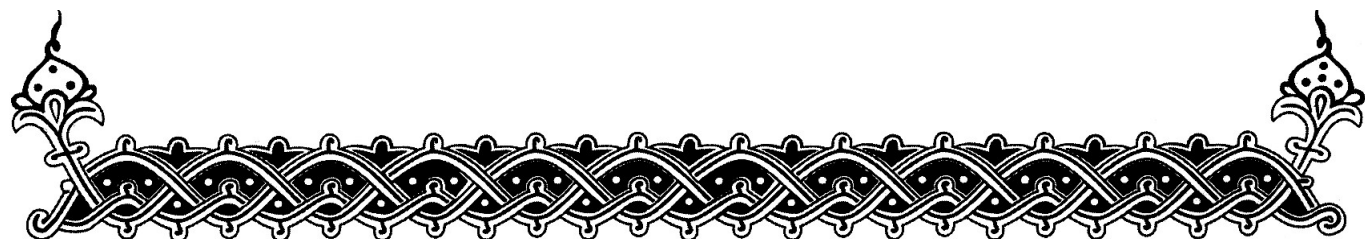
Суркова Александра Михайловна, 1916 г.р., урож. д. Петраково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Л.В. Фадеева.

Суркова Мария Васильевна, 1935 г.р., урож. д. Александрино Меленковского р-на Владимирской обл. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Л.В. Фадеева.

Шеронова Антонина Васильевна, 1926 г.р. Зап. в 2005 г. в д. Лопатино. Соб. Л.В. Фадеева.

Детский фольклор

Поэзия пестования

Составитель

И.Н. РАЙКОВА

419

Детское творчество

Составитель

И.Н. РАЙКОВА

438

Поэзия пестования

Традиционная культура детства — общее, объединяющее всех людей достояние, непреходящее и актуальное во все времена. Поэзия пестования воссоздает атмосферу любви, нежности и постоянной заботы, которыми был окружен младенец, считавшийся существом безгрешным, еще не заслужившим наказаний.

Материал, связанный с народными традициями воспитания младенцев и маленьких детей, записан главным образом от женщин пожилого и старого возраста (преимущественно 1920—1930-х годов рождения) по их далеким и не очень далеким воспоминаниям: об их собственном детстве, о том, как они растили своих детей, наконец, как они нянчили внучат и правнуков. В довоенное время в Муромском районе был еще более или менее развит и институт наемных «девочек-нянь» — называлось это «сидеть в наёмках». Девочки 7—15 лет на время летней страды нанимались сидеть с младенцами, заодно многие выполняли и подсобную работу по дому. У бывших нянек наиболее богатый репертуар фольклора взрослых для детей.

Представленный материал многообразен: это и этнографические сведения о детской зыбке, и яркие, эмоциональные рассказы-воспоминания о пестовании детей (среди них есть истории забавные и драматичные), и материнский фольклор — колыбельные песни, магические приговоры, пестушки, потешки, прибаутки, скороговорки в интересных и редких, не зафиксированных ранее вариантах.

РАССКАЗЫ О ПЕСТОВАНИИ ДЕТЕЙ

1.

Раньше над детьми так не тряслись, как сейчас: некогда было, да и детей было в семье много, были более самостоятельные. Это сейчас ребенок один — с него порошок сдувают. Но всё-таки и тогда кое-что делали... Вот как зубик молочный выпадет, его бросали на полати и говорили:

Зубик, зубик лубяной возьми,
А мне дашь костяной!

2.

Раньше ведь ребенок спал не на кровати. Качали детей у нас в зыбке. Зыбка крепилась к потолку. Забивали в потолок кольцо, чтобы повесить эту зыбку. На шнуре висела. <...> А внизу к этой зыбке кто ремешок, кто веревочку приделывал, чтоб сидеть, руками что-то делать, а качать ногой. Пружина к ней крепилась. Вот такая зыбка!

3.

Деревянненькая зыбочка была. И к ней приделаны вот такие вот, вот бы нарисовать... Вот зыбочка такая была деревянненькая, а к ней приделаны вот такие

вот веревочки, а эти веревочки втыкались в пружину, а пружина прикреплялась за крючок к потолку.

[Соб.]: А внутрь туда что клали?

[З.А.]: А внутрь клали ватничек и подушечку.

[Соб.]: А дно у нее тоже было деревянное?

[З.А.]: Нет, было из мешковины сделано, не деревянное. И катали их. И была прицепочка к ней привязана. Вот ножкой зацепишь ночью, с кровати катаешь:

Баю-баю-баю-баю,
Не ложися на краю.
С краешка упадешь,
Головушку зашибешь.

Вот такие вот песенки собирали, сами складывали.

4.

Вот и колыбельные-то уж забыли все... Я не знаю, как бывают дети спокойные, у меня оба были блажные.

[Соб.]: Кричали очень, да?

[З.П.]: Ну! По целой ночи, по целой ночи качаешь, качаешь. Вот качаешь, качаешь их, рука сорвется — опять заорал, ну, вот пока качаешь, сама заснешь — опять заорала, по целой ночи качаешь.

[Соб.]: Ну, а качали, что-нибудь пели, да?

[З.П.]: Ночью-то не пели, какой тут петь: ночью все спят.

5.

[Соб.]: А рассказывала мама про Жар-птицу, про Серого Волка?

[А.И.]: Не знаю, я не помню. <...> Детей-то я... мне и некогда с ними было, у меня сестра была с ними, их воспитывала, а я работала с утра до ночи. Только придешь на пять минут: то корова не растелилась, а весной прививок не знаешь сколько... Я дома почти и не была, только ночевать приходила. Только придешь чего ни то — опять вызовут. Так мне и некогда было с детьми своими, только вот воспитывала внучат. Вот это сноха моя, вот воспитывала ей детей, и вот теперь правнучка уж у меня.

6.

[Соб.]: А сколько обычно детей было в семье?

[Т.Г.]: У которых шесть, у которых семь.

[Соб.]: А кто обычно маленьких детей нянчил?

[Т.Г.]: Ну, раньше нянчили баушки старенькие, а в нашем вот возрасте оставляли одних и уходили на работу. Как хотят, так и делают. И вот у меня дочь была, она старшая, так я на нее оставляла еще два брата ее, два сына. Сама я на ферме работала, уходила — ее пихать: «Люда, не проспи, в школу детишек собери, сама иди!».

7.

Помню, мать троих родила на полу, привезли соломы ржаной, настлали. Пришла бабушка-повитуха. Она говорит: «Ребенок не один. Езжайте за акушеркой!». Ездили. Двух родила, а третью не стали отхлопывать. Она (акушерка. — Соб.) говорит: «Куда столько детей?». И не стали ее уже...

8.

[Е.К.]: Как мы детей качали? Нам некогда и качать-то было. Зыбка висела.

[Соб.]: А в зыбку кошку не клали, чтобы ребенок лучше спал?

[Е.К.]: Нет, игрушки клали. Интересные-ти игрушки раньше были! Кукол сами шили и платья им. Я и детям сама шила. А ткань я уже не делала, не ткала, я по-

купала. А мама моя еще ткала. Пост был Великий, семь недель шел, и этим постом она ткала.

9.

[М.И.]: Раньше детей-то было полно. Мама уйдёт на работу, а я сижу с ними, а нас было девять человек, вот у матери-то... Сама-то — с них, а с ними сижу, кормлю их.

[Соб.]: А когда сидели вы, чем с детьми занимались, в какие-то игры играли?

[М.И.]: Да в какие игры-то... Вот куклы какие-то у мамы, она шьёт куклы тут. <...> Вон у меня у внучат всяких игрушек: и машины заводные, и птички, всё. А тогда этого не было. Тогда чего найдешь, да и какой мячик — рад до смерти, если мячик резиновый есть! Рад до смерти! Вот так. Зиму дел нет тут — дома. А летом-то гулять выйдешь.

10.

[Соб.]: А детей раньше кто нянчил? Сами ведь матери, наверно, работали?

[З.А.]: Нанимали. Моя мать в наёмках жила.

[Соб.]: На зиму или на лето?

[З.А.]: Кто на сколько. На лето все держали наёмок, когда работы много. Наша мать не держала, сами всё делали: и жали, и молотили, и картошку собирали. Я была вот меньше тебя, тоже собирала. Хлеб могли испечь.

[Соб.]: Своих младших нянчили?

[З.А.]: Конечно. И умывали, и всё делали. У кого матери, отцы, те понежнее росли. А у нас отец умер — мне восемь лет было, мать стала почти носить за восемь километров, а в ночь на ферму ходила — и сторожить, и опорос принимать, и чего...

11.

Это маленьких раньше качали. Зыбка висела, вон там шкворень в балку вбивался. Вот такая она, деревянная, покорооче, чем стол. Здесь веревочки и там веревочки и крючочек. И вешали, и за цепку катали вот так его.

Мама ушла на работу: «Нинка, я ухажу, там Коля не спит, иди!». А мне хочется на улицу гулять. Я к зыбке привязала веревку, окошко открыла, вышла на улицу — тут девчонки в царицу играют. Сколько игр было! Нет сейчас этого, сколько упустили! И мне хочется в царицу. Я за веревку-то — дёрг! Раскачала. Веревка перетерлась. Дёрг, а дверь избыная открыта была. Он вместе с зыбкой — в огород... вылетел. Это сейчас дети одеты. А тогда в телогрейку без рукавов я его завернула. Его искала, искала в телогрейке — зыбкой закрыло его...

12.

[В.И.]: С нами бабушки сидели.

[Соб.]: А раньше старшие сёстры занимались с детьми?

[В.И.]: А как же, занимались! Попробуй не займись, мать быстро башку-то открутит!

[Соб.]: Нянчили с малолетства?

[В.И.]: А как же! Меня вон в Максимово отправили, сорок километров шла. <...> Это был сорок восьмой — сорок девятый год. И меня в этот год мать отправила нянчить в Максимово. Пришлось нянчиться с Вовкой. Вовке тогда было года два — полтора...

[Соб.]: А вам сколько было?

[В.И.]: А вот я с сорок первого, он с сорок седьмого. Семь лет мне было. Родная тетка у меня там, отцова сестра. И вот их два. Она на покос как раз... Коровы да овцы, надо помогать, а их куда? Она ушла, там где-то косит в лесу. Они так мне надоели! Я их погрузила в люльку, простынь сверху закрутила, чтобы они не

вылезли, и пошла. Собрала всё имущество себе свое, и такой платок белый мой был — нигде его не нашла: наверно, тетя Нюра надела его... Резинку вот так подтянула — и к опушке лесом. И вот я как раз прихожу — дождик кончился, Зина (родная сестра исполнительницы. — *Соб.*) под крыльцом там в песке играет. И на следующий день или вечером тетя Нюра на лошади примчалась за своим сыном...

13.

Это я сидела по наёмкам. Бедность была, но тады свое хозяйство было, землю убирали, а меня по наёмкам нанимали. Я много сидела: здесь только в нашем селе у троих, на Войлине сидела. Это летом, на лето нанимали. Пятнадцать рублей денег дают да на платье купят. Всё лето сиди! И полы мыла, и посуда моя была, и с ребяташками сиди!

14.

[Е.И.]: Ну и вот, и меня соседка наняла сидеть с ними (детьми. — *И.Р.*): садика не было. И я с ними сидела. Я уж последнего, маленького — в зыбке катала его, повешена была зыбка вот.

[Соб.]: Вас, значит, наняли, а вам сколько было лет? Вы взрослая были уже?

[Е.И.]: Сколько мне лет было? Лет, наверное, восемь.

[Соб.]: То есть таких девочек нанимали нянчиться с детьми?

[Е.И.]: Да, сидеть вот, нянкой... Вот на лето. Потому что летом работали, да вот работа-то до осени.

[Соб.]: И что, за это платили или как?

[Е.И.]: Да чего? Ничего не платили, как сейчас помню... Уж мы взрослые были, работали на свекле, и всё, а я когда скажу ей: «Ой, ой! Какая ты была зёвласта! Ой, какая ты была зёвластая!» Мы ее катаем, катаем, катаем, никак ее не уймешь, ой, батюшки! Хлеба нажучешь, в марлю завяжешь и ей в рот сунешь. Вот маленько успокоится.

[Соб.]: Это зыбку вешали на потолок, да?

[Е.И.]: Да, а вон у меня крючок, вона. И там тоже у них был такой же крючок на потолке и зыбка. А на этой пружине человек тридцать катались. Я уже после Вовку выкатала. Тот придет, другой придет, и зыбку брали. <...>

[Соб.]: То есть пока она в поле, вы у неё сына нянчите?

[Е.И.]: Да, да, вот с утра она уходит, в пять часов утра, вот жать они ходили, картошку выбирали, и меня уж туды, и я вот там с ними остаюсь. А как же, она им припасет там, скажет: «Им вот молочка дашь, вот хлебушка им там...». А чего, кормили-то как, когда она испечет там, каши сварит, щи какие-то... Ухватом выну чугуночек и их покормлю в обед-то.

[Соб.]: Ну, а как вы их укачивали? Вы знали уже песенки, да, какие-то?

[Е.И.]: Ну, какие на разум придут! И частушки свои пели.

[Соб.]: Да, детям и частушки пели?

[Е.И.]: Да конечно, господи, только бы успокоить!

МАТЕРИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Колыбельные песни

15.

Баю-баю, баю-бай,
Поскорее засыпай.
Спи, мой маленький, усни,

Угомон тебя возьми.
Угомон да уговор
Лучше всяких приговор.

16.

Баю-баю, зыбаю,
Отец пошел за рыбою,
А мать пошла коров доить,
А дед пошел дрова рубить.

Эта коротенькая...

17.

Уж ты, котик, ты коток,
Котик, серенький лобок!
Приди, котик, ночевать,
Мою деточку катать.

18.

Я серому коту
За работу заплачу:
Дам я крынку молока
И конечик пирога.
Котик, ешь — не кроши,
Больше папки не проси.
Больше папки-то нет,
А Никитки дома нет.

19.

Уж ты котик, ты коток,
У тебя серый лобок.
Как повадился коток
По сметанку, по творог.
Кота били
В четыре дубины.

20.

А баю-баю-баю,
Не ругаю, не браню.
Баиньки, баиньки,
Прилетели галоньки,
Они сели на качалоньку.
Они стали ворковать,
Аню-деточку качать.

21.

Баиньки, баиньки,
Прилетели галоньки.
Сели на постельку
И запели песенку.

22.

Качалынька скрип да скрип,
А Ванюша спи да спи!

Спи, не просыпайся,
Маму дожидайся!

23.

А качи-качи-качи,
Прилетали к нам грачи.
Они сели на кровать,
Стали Диму забавлять.
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

24.

[Соб.]: Про галонек не пели?
А люли-люли-люли,
Прилетели журавли.
Журавли-то мохноноги
Не нашли пути-дороги.
Они сели на ворота,
А ворота скрип, скрип.
Не будите нашего Ваню!

25.

Баю-баю-баиньки,
Купим по зиме валенки,
Небольшие, маленькие.
Наденем на ножки,
Чтоб ходить по дорожке.
А качи-качи-качи,
Прилетели к нам грачи.
Они стали ворковать:
Куда Колю нам девать?
Мы положим на кровать,
Будем уговаривать:
«Богородица с тобой,
Ангел, глазки закрой».

26.

Бай-бай-бай-бай,
Не придёт ли к нам Бабай?
Скажет: «Машеньку давай!».
А мы её не дадим,
Она нада нам самим.
Она нада нам самим:
Будет в лес ходить.
Будет ягодки носить,
Отца с матерью кормить.

27.

Баю-баюшки-баю,
Не лёжись-ка на краю,
А то серенький волчок
Схватит Никитку за бочок

И утащит во лесок,
За ракитовый кусток,
Где соловушки поют,
Никитке спать не дают.

28.

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю:
Со краюшка упадешь,
Всю головку расшибешь.
Прибежит к тебе волчок,
Схватит тебя за бочок,
Утащит тебя в лесок,
Под малиновый кусток.
Под малиновый кусток,
Под большую ямку.

29.

Баюшки-баю,
Не ложись-ка на краю,
А ложись в серёдке,
В золотых пелёночках.

30.

Наша Танечка, не плачь,
Мы купим тебе калач.
Наденем тебе валенки,
Ходи по завалинке.

31.

А баю-баю-баю,
Колотушек надаю.
Колотушек двадцать пять —
Будешь слушаться опять.

32.

А баю-баю-баю,
Колотушек надаю.
Колотушек двадцать пять —
Сынок будет у меня спать.

33.

[Соб.]: А когда детишек-то качали, может быть, что-то пели?

Ну да, обязательно, да... Вот, «баю-баю», «а кати-кати»... Зыбка, на зыбке веревочка, ее качаешь, а сама что ни то делаешь.

А баю-баю-баю!
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат,
У него много ребят.
Все по лавочкам сидят,
Все по пряничку едят.
Один Мишка, другой Гришка,

Третий Ваня-дурачок,
Повадился в кабачок.
Там Ваню били
В четыре дубины,
А пятый костыль
По ногам вострил.

Вот так вот качаешь — они и уснут...

34.

А баю-баю-баю,
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат —
Только семеро ребят.

35.

Ах, рай, рай,
Пойдем к дедушке в сарай.
Там и лёд, там и мёд,
Там и дедушка живет...

36.

Спи, дитя мое, усни,
Сладкий сон к себе мани.
В няньки я тебе взяла
Солнце, ветер и орла.
Улетел орел домой,
Солнце скрылось за горой.
Ветер после трех ночей
Мчится к матери своей.
Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Или волны всё гонял?
Или с звездами играл?». —
«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых,
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!».

Детские магические приговоры

37.

[Соб.]: А что-нибудь говорили, когда ребенок делает первый шаг?

Доченьке годочки!
Сяма-сяма ходи,
Вот сяма-сяма-сяма иди,
И за рученьки ведешь,
И на ноженьки пойдешь!

Вот и плетешь, и плетешь, сама не знаешь чего!

Сяма, сяма, сяма — пошла сяма...

38.

А первый шаг у нас, знаете, вот как шагает, и ножом вот этот путь перерезали. Это, вроде, называли «путь перерезают». Вот как шагает, ножик берут и скорей ему вот это... кресты делают, вот за ним. Да, идет, и ему скорей-скорей путь надо перерезать! Говорят: «Ой, путь перерезайте, путь перерезайте!». И ножом вот этот крест перерезают.

[Соб.]: Для чего это?

[З.П.]: Чтобы ходил, начинал ходить хорошо...

39.

[Соб.]: А когда ребенок делал первый шаг, что делали?

[З.А.]: Что делали? Вот промеж ног крестик нужен. Вот он встанет на ножки, первый шаг: «Иди-иди-иди!» — и меж ног крестик делали — ножом по полу, но не касаясь. Называлось «закрестить ход», чтоб ходил, не падал ребенок.

40.

[Соб.]: А когда купали ребенка, что приговаривали?

[З.А.]: «С гуся вода, с Сережи — худоба». А потом со спинки слизывали. Потом, когда помыли: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь». С плечиков и за голову. С плечиков и шейки. Слизывали и сплевывали.

[Соб.]: А вас кто научил? Мама?

[З.А.]: Ну, переходит в поколениях...

41.

Вот когда ребенка ополаскивала, приговаривала: «С гуся вода — с сынка худоба» или «с дочки худоба».

42.

[Соб.]: А зуб молочный выпал — что делали?

[З.А.]: Я внучкам говорю: «А вот вы их складывайте. А то у меня зубов мало, буду вставлять». — «Баушка, я тебе два зуба принес. Чего делать?». — «Ну, молодец, вставай на одну ногу и кричи:

Мышка-мышка-коротышка,
Дай мне зуб костяной,
А на тебе зуб лубяной!».

Три раза. И за полати забрасывали.

43.

[Соб.]: А когда выпал молочный зуб, что говорят?

[А.М.]: На печку его бросают, говорят:

Мышка-мышка,
Возьми себе зуб лубяной,
А мне дай костяной!
Уйди, зубик лубяной,
Приди, зубик костяной!

44.

[Соб.]: А когда молочный зуб выпадает, куда его девают?

[Е.М.]: Это не знаю, это бросали вон под печку, под печку туды. Русская печка, там внизу (туда ухватя клали), и вот туды бросали да говорили: «Деревянный тебе даю, а мне дай оловянный!».

[Соб.]: А кому, кому — мышке?

[Е.М.]: Нет, вроде, Бабе Яге...

Пестушки, потешки

45.

Ай, ту-ту, ту-ту, ту-ту,
Не вари кашу круту —
Вари жиденькую,
Да молошненькую.

На ножку ставишь, да и держишь.

46.

Сорока-сорока
Кашку варила,
Гостей манила,
На порог скакала.
Придут ли гости,
Принесут ли маслица
Кашку помаслить?

И пересчитываешь (пальцы. — Соб.):

Этому — кашки,
Этому — бражки,
Этому — винца,
Этому — пивца,
А этому нет ничего:
Он толстый пест —
И хлебца поест.
Он лентяй:
Он дрова не возил,
Воду не таскал —
Ему нет ничего!

47.

Сорока-сорока,
Бело-белобока
Кашку варила,
Гостей приманила.
Этому кашки,
Этому бражки,
Этому винца,
Этому пивца.
А этот мал —
Крупку не рвал,
Ему не досталось.

48.

[Соб.]: А с детьми в «Сороку», может, играли?

[А.И.]: Да, маленькие, годика нет, начнешь:

Сорочка, сорочка!
Кашку варила,
На порог становила,
Гостей манила.
Этому кашки,
Этому бражки,
Этому винца,

Этому пивца.
А этому не досталось.
Пойди в клеть по масло,
Там пригарка с маслом!
Захлопали!
Захлопали!
Шу-у-у! Полетели!

Вот так и они, учат их, и они уже понимают. «Сынок! Похлопай!». И начнут хлопать!

49.

Сорока-белобока
Кашку клевала.
Тут, тут сорочка...
...Кашу варила,
Детей кормила:
Этому кашки,
Этому бражки,
Этому пивца,
Этому винца.
Тебе, Катеньке, не досталось!

50.

Сорока, сорочка,
Кашку варила,
Гостей манила.
Гости прилетали,
Всю кашу склевали.
Этому пирожок,
Этому кашки,
А этому бражки,
А Ване не досталось!

51.

— Ладушки, ладушки!
Где были?
— У бабушки.
— Чего пили?
— Бражку.
— Чего ели?
— Кашку.
Шу-у-у... Полетели,
На головку сели!

52.

— Ладушки-ладушки!
Где были?
— У баушки.
— Чого ели?
— Кашку.
— Чого пили?
— Бражку.
Бражку сычёну,
Кашку варёну.

Этому кашки,
Этому бражки,
А этому не досталось:
У него попа... а-а!
(Смеется.)

53.

— Ладушки-ладушки!
Где были?
— У баушки!
— Чого ели?
— Кашку!
— Чого пили?
— Бражку!
— Чого на закуску?
— Беленьку капустку!
— Кашку манну, кашку пшенну,
И вот все детки растут,
Кашку едят
И детки растут!

54.

— Ладушки, ладушки!
Где были?
— У бабушки.
— Что ели?
— Кашку.
— Что пили?
— Бражку.
— Чего на закуску?
— Хлеб и капусту.
Шу, полетели!
Побежали в огород —
Раздавили вертолет,
Побежали в баню —
Испугали Таню.

55.

Идет коза рогатая
За малыми ребятами.

На ребенка наставляют (указательный палец и мизинец — как рога, остальные согнуты. — *Соб.*):

Забодаю, забодаю, забодаю!

56.

По кочкам, по кочкам,
По синеньким листочкам
Шел петух,
В ямку бух!

57.

[Соб.]: А когда подбрасывали на коленях?

А-ту-тушки-туток, на дороженьке возок,
Ремённые гужи, поезжай — не тужи!

А-ту-тушеньки-туток, на дороженьке возок,
Ремённые гужи, поезжай — не тужи!

58.

[Соб.]: А на коленках детей качали?

[Е.М.]: На коленках нет. Раньше это... бабушка, только вот я помню, нас совсем маленьких (это моя бабушка), она вот приглашает на... к сарафану себе малышей, вот в подол, вот так вот посадит, и... вот, вот так вот (качает в подоле. — Соб.).

[Соб.]: А что-нибудь говорила?

[Е.М.]: Может, и говорила, я уже забыла...

59.

Стринцы-мизинцы,
Пять-на-о́кин,
Чо́кин-во́кин,
Чи́кинъ-выкинъ!

Ну вот, ставим пальцы... И сейчас правнучка, семь лет ей, всё еще просит: «Бабушка, давай в “Стринцы-мизинцы”!». И вот до последнего пальца, конечно, одно и то же... Палец, на который последнее слово попало, убираем.

Прибаутки

60.

Алёна Степановна!

Садись в сани,

Поедем с нами

В нову деревню...

А детки слушают и заснут...

Там шумят, там гремят,

Сарафанами делят:

Кому клин, кому блин,

Кому целый сарафан.

А поповым дочерям — по вязаным рукавам.

А попову сыну — жалеточку синю.

А Симеону бедному — тюбатирку медную.

Дьякону богатому — корову рогатую.

А попу-то, дураку — полну шляпу табаку.

[Соб.]: А это как песня?

[А.И.]: Как присказка.

61.

Как у бабушки Варвары

Петухи поют в амбаре.

Пора бабушке вставать,

Курам месиво давать.

Куры улетели,

На сучок посели.

А сучок сломился,

Другой уродился.

Две девчонки-татарки

Сломили по палке,

Ударились в доску,

Поехали в Мб́скву,
Купили барана,
У барана жопа рвана,
У телицы вот так вот рукавицы!

62.

Девки-татарки
Сломали по палке,
Стукнули в доску,
Поехали в Мб́скву,
А в Москве-ти калачи,
Они больно горячи.
Приехал мальчишка,
Ожёг пальчишко,
Он поехал на базар,
Всему миру рассказал:
— Я не тятькин сын,
Я не мамкин сын,
Я на ёлочке рос,
Меня ветер снёс,
Я упал на пенёк,
Стал кудрявый паренёк.
Стал по девушкам ходить,
Золоты кольца дарить.
Одна девушка добра,
Шаль пухлёву продала.
Шаль пухлёвая с цветами,
Пришла девка со слезами.

Ну и вся! Это песня «Татарочка».

63.

А качи-качи-качи,
Пекла баба калачи.
Прибежал мальчишка,
Схватил калачишко,
Он ожёг пальчишко,
Он побёг на базар,
Всему миру рассказал:
— Я не папенькин сын,
И не маменькин сын,
Я на яблоньке рос,
Я упал на пенёк,
Стал кудрявый паренёк!
Стал по девушкам ходить,
Золоты кольца носить.
Одна девушка добра —
Шаль пуховую отдала.
Шаль пухова со цветами,
Пошла к маме со слезами.

Всё!

64.

Ах, качи-качи-качи,
Пекла бабка калачи.

Прибежал мальчишка,
Схватил калачишко.
Побежал он на базар,
Всёму миру рассказал:
— Я не тятенькин сынок,
Я не маменькин сынок,
Я на яблоньке рос,
Прихватил меня мороз.
Я упал на пенек,
Стал кудрявый паренек.
Стал по девочкам ходить,
Калачами их кормить.

65.

Стукнули в доску,
Поехали в Мб́скву!
Привезли коровку:
Коровка-то с кошку,
Надоила с ложку.
Ребеночка накормили, напоили
И спать уложили.

[Соб.]: А это наговаривали или пели?

[А.И.]: Пели.

66.

Стукнула в доску,
Поехала в Мб́скву.
А в Москве рама
Убила барана.
У барана глаза рваны,
У Китая — залетáя...

Вот такое что-то...

67.

Туру-туру, пастушок,
Калиновый батожок!
Куда тебя Бог несет
От моря до моря?
От моря и до моря,
До Киева-города —
Там моя родина.
На родине дуб стоит.
На родине дуб стоит,
На дубу сова сидит.
Сова-то мне — теща,
Воробушек — братец,
Он грамотку пишет,
На сыночка дышит.

68.

Ванька Батулин
На грамотке пишет,

На девицу дышит.
 — Дёвица-девица,
 Сходи по водицу!
 — Я боюсь грозицы!
 — Гроза на болоте,
 Волки на работе:
 Пень копают,
 Колоду ломают.
 Колоды червивы,
 Их галки клевали.
 — А где галки?
 — На войну ушли.
 — А где война?
 — Среди говна.

Вот нехорошо говорить так: «говна»...

69.

Петушок-петушок,
 Золотой гребешок,
 Маслена головушка,
 Шелкова бородушка,
 Что ты рано встаешь,
 Голосисто поешь,
 Деткам спать не даешь?

70.

— Дедушка-дедушка, ты куда едешь?
 — Не скажу! (реплики дедушки произносит низким голосом, резко. — *Соб.*)
 — Скажи-скажи, дедушка, касатенькой мой!
 — В город!
 — Дедушка-дедушка, возьми меня с собой!
 — Не возьму!
 — Возьми-возьми, дедушка, касатенькой мой!
 — Сядись!
 — Дедушка-дедушка, ты чего везешь?
 — Не скажу!
 — Скажи-скажи, дедушка, касатенькой мой!
 — Яблоки!
 — Дедушка-дедушка, дай-ка мне один!
 — Не дам!
 — Дай-ка, дай-ка, дедушка, касатенькой мой!
 — Возьми, только гнилой!
Моя правнучка тут как рассмеется, вот я ее всё время потешала!
 — Дедушка-дедушка, а где мы ночуем?
 — Не скажу!
 — Скажи-скажи, дедушка, касатенькой мой!
 — В овине!
В овине там соломы-ти, а то кто пустит ночевать-то...
 — Дедушка-дедушка, а кто нас разбудит?
 — Не скажу!
 — Скажи-скажи, дедушка, касатенькой мой!
 — Жрать захочешь —
 Сам вскочешь!

71.

Жили-были дед да баба,
Ели кашу с молоком.
Рассердился дед на бабу:
Хлоп по пузу кулаком!
А из пуза три арбуза
Покатили кувырком.
Бабка тоже не стерпела —
Кочергой его огрела,
Старик тоже не стерпел —
Взял и в кашу напердел!

Скороговорки

72.

Жил-был Жилбыл, и жила-была Жилабыла. Вот Жилбыл говорит Жилабыле: «Жилабыла, давай живнем, гульнем!». Вот после этого Жилабыла пережила Жилбыла.

Примечания

1. Игнатова Л.М., 1930 г.р.
2. Демидова М.И., 1924 г.р.
3. Алексеева З.А., 1923 г.р.
4. Белкина З.П., 1928 г.р.
5. Осипова А.И., 1930 г.р., ЦРФ-Э-01092-058.
6. Деева Т.Г., 1923 г.р.
7. Алексеева З.А., 1923 г.р.
8. Баранова Е.К., 1916 г.р.
9. Книгина М.Ф., 1929 г.р.
10. Алексеева З.А., 1923 г.р.
11. Золотухина Н.П., 1929 г.р.
12. Зеленкова В.И., 1941 г.р.
13. Парфенова П.Б., 1916 г.р.
14. Сумкина Е.М., 1921 г.р.
15. Макарова Т.И., 1914 г.р.
16. См. № 11.
17. Иванова М.В., 1925 г.р., ЦРФ-Э-01093-040.
18. Ивлева Т.П., 1927 г.р., ЦРФ-Э-01074-025.
19. См. № 5. ЦРФ-Э-01092-062.
20. См. № 17. ЦРФ-Э-01093-040.
21. Петунина А.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-01094-031.
22. Ладыгина Е.М., 1920 г.р., ЦРФ-Э-01139-053.
23. Бочкарева Т.М., 1921 г.р.
24. См. № 22. ЦРФ-Э-01139-054.
25. Садкова А.А., 1930 г.р.
26. Ексина А.С., 1933 г.р.
27. См. № 18. ЦРФ-Э-01074-026.
28. Кузьмина А.М., 1933 г.р.
29. Акимова А.И., 1926 г.р.
30. См. № 25.
31. Бухарова З.Н., 1930 г.р., ЦРФ-Э-01077-042.
32. Губанова М.И., 1933 г.р., ЦРФ-Э-01090-025.
33. См. № 5. ЦРФ-Э-01092-058.

34. См. № 21. ЦРФ-Э-01094-030.
35. Белякова З.И., 1931 г.р.
36. См. № 23.
37. Смолова А.М., 1926 г.р.
38. См. № 4.
39. См. № 3.
40. См. № 3.
41. Майорова А.Н., 1951 г.р.
42. См. № 3.
43. См. № 37.
44. См. № 14.
45. См. № 18. ЦРФ-Э-01074-027.
46. См. № 37.
47. См. № 34. ЦРФ-Э-01094-027.
48. См. № 5. ЦРФ-Э-01092-063.
49. См. № 21. ЦРФ-Э-01094-033.
50. См. № 22. ЦРФ-Э-01139-055.
51. Гордеева М.А., 1911 г.р.
52. См. № 13.
53. См. № 37.
54. Ярцева В.В., 1964 г.р.
55. Шошкина А.С., 1926 г.р.
56. См. № 54.
57. См. № 3.
58. См. № 22. ЦРФ-Э-01139-053.
59. См. № 37.
60. См. № 5. ЦРФ-Э-01092-063.
61. См. № 9.
62. Игониная Н.И., 1926 г.р.
63. Кузьмичева В.С., 1941 г.р.
64. См. № 55.
65. См. № 5. ЦРФ-Э-01092-054.
66. См. № 17. ЦРФ-Э-01093045.
67. См. № 37.
68. См. № 62.
69. См. № 17. ЦРФ-Э-01093-042.
70. См. № 37.
71. Акимов Н.М., 1956 г.р.
72. Акимов Н.М., 1956 г.р.

Исполнители

Акимов Николай Михайлович, 1956 г.р., урож. с. Борисоглеб, ср. спец. образ., тракторист. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков и А.С. Белова.

Акимова Александра Ивановна, 1926 г.р., урож. с. Чаадаево, нач. образ. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков и А.С. Белова.

Алексеева Зинаида Андреевна, 1923 г.р., урож. д. Межищи, нач. образ. Зап. в 2005 г. в д. Межищи. Соб. Е.А. Барсукова и Ф.А. Ордынец.

Баранова Елизавета Кузьминична, 1916 г.р., урож. с. Борисово, нач. образ. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова.

Белкина Зинаида Павловна, 1928 г.р., урож. с. Булатниково, ср. спец. образ., в прошлом бухгалтер. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.Н. Райкова.

Белякова Зинаида Ивановна, 1931 г.р., урож. с. Борисоглеб, ср. образ. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков и А.С. Белова.

Бочкарева Татьяна Михайловна, 1921 г.р., урож. с. Татарово, нач. образ. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. И.М. Борисова и С.В. Лебедева.

Бухарова Зинаида Николаевна, 1930 г.р., урож. д. Петраково, ср. образ. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская.

Гордеева Мария Андреевна, 1911 г.р., урож. с. Борисово, образ. 2 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко и Е.М. Королева.

Губанова Мария Ивановна, 1933 г.р., урож. д. Степаньково, ср. образ. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. Н.Е. Котельникова.

Деева Татьяна Григорьевна, 1923 г.р., урож. д. Мордвиново, образ. 8 кл. Зап. в 2005 г. в д. Мордвиново. Соб. Е.А. Барсукова и Ф.А. Ордынец.

Демидова Мария Ивановна, 1924 г.р., урож. с. Польцо, образ. 7 кл. Зап. в 2004 г. в с. Польцо. Соб. И.Н. Райкова.

Ексина Алевтина Сергеевна, 1933 г.р., урож. Горьковской обл., образ. 4 кл., в прошлом рабочая. Зап. в 2004 г. в д. Алешунино. Соб. О.С. Славинская и Н.А. Шкуратова.

Зеленкова Валентина Ивановна, 1941 г.р., урож. д. Мордвиново, ср. образ. Зап. в 2005 г. в д. Мордвиново. Соб. Е.П. Невзорова и Т.В. Устинова.

Золотухина Нина Петровна, 1929 г.р., урож. с. Чаадаево, ср. образ. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. В.В. Журавлев и О.А. Теплухина.

Иванова Мария Васильевна, 1925 г.р., урож. пос. Зименки, нач. образ. Зап. в 2003 г. в пос. Зименки. Соб. В.Е. Добровольская и Н.Е. Котельникова.

Ивлева Тамара Петровна, 1927 г.р., урож. д. Петраково, ср. образ. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская.

Игнатова Лидия Михайловна, 1930 г.р., урож. с. Борисово, ср. образ. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова.

Игонина Нина Ивановна, 1926 г.р., урож. с. Татарово, образ. 6 кл. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. О.С. Славинская и Н.А. Шкуратова.

Книгина Мария Федоровна, 1929 г.р., урож. д. Борок, образ. 3 кл. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. И.М. Борисова и С.В. Лебедева.

Кузьмина Антонина Михайловна, 1933 г.р., урож. д. Грибково, образ. 4 кл. Зап. в 2004 г. в д. Грибково. Соб. С.С. Васина и О.А. Дементей.

Кузьмичева Валентина Сергеевна, 1941 г.р., урож. д. Шумилиха, образ. 8 кл., в прошлом доярка. Зап. в 2004 г. в д. Шумилиха. Соб. И.В. Змеев и Н.В. Черных.

Лодыгина Елена Максимовна, 1920 г.р., урож. д. Лазарево, образ. 3 кл. Зап. в 2004 г. в д. Лазарево. Соб. В.Е. Добровольская.

Майорова Антонина Николаевна, 1951 г.р., урож. с. Булатниково, ср. образ., в прошлом няня в детском саду. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.М. Борисова и О.С. Славинская.

Макарова Татьяна Ивановна, 1914 г.р., урож. с. Борисоглеб, образ. 3 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. В.В. Журавлев и О.А. Теплухина.

Осипова Агриппина Ивановна, 1930 г.р., урож. д. Саксино, ср. спец. образ., в прошлом животновод. Зап. в 2003 г. в д. Саксино. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова и Л.И. Селиванова.

Парфенова Прасковья Борисовна, 1916 г.р., урож. с. Борисоглеб, нач. образ. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова.

Петунина Анна Прокофьевна, 1925 г.р., урож. д. Михалево, нач. образ. Зап. в 2003 г. в д. Михалево. Соб. В.Е. Добровольская, Н.А. Коробкова и Н.Е. Котельникова.

Садкова Антонина Алексеевна, 1930 г.р., урож. с. Татарово, образ. 9 кл. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. И.В. Змеев и Н.В. Черных.

Садкова Валентина Федоровна, 1938 г.р., урож. с. Татарово, ср. спец. образ. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. И.В. Змеев и Н.В. Черных.

Смолова Александра Михайловна, 1926 г.р., урож. с. Борисово, образ. 7 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова.

Сумкина Екатерина Михайловна, 1921 г.р., урож. с. Булатниково, образ. 7 кл. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.Н. Райкова.

Шошкина Александра Сергеевна, 1926 г.р., урож. с. Боровицы, образ. 7 кл., в прошлом бригадир. Зап. в 2004 г. в с. Боровицы. Соб. О.С. Славинская и Н.А. Шкуратова.

Ярцева Вера Викторовна, 1964 г.р., урож. с. Борисово, ср. спец. образ., бухгалтер. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко и Е.М. Королева.

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Важнейшая часть детского фольклора — собственно детское народное творчество, создаваемое и передаваемое без прямого участия взрослых, непосредственно от одного детского поколения к другому. Жизнь каждого ребенка интенсивна и разнообразна. Фольклорные произведения помогают становлению личности каждого вышедшего из младенческого возраста человека, дают ему выработанные временем традиционные средства, необходимые для выражения особого, детского видения мира и выстраивания успешного межличностного общения. Детский фольклор обеспечивает межпоколенную преемственность культурных жизненных стереотипов и в конечном счете сохранность духовного облика народа.

Записанный материал охватывает основные жанровые циклы собственно детского фольклора: детский календарь (заклички и приговорки), детский игровой фольклор (большая часть записей связана именно с игрой как основной деятельностью ребенка), детская сатира, «страшное», таинственное и смешное в детской традиции.

Все мы «родом из детства», и потому очень показательно и закономерно, что фольклор детей записан и от нынешних детей (современных носителей традиции), и по рассказам взрослых людей, которые всегда вспоминают свое детство с удовольствием и радостью. К тому же взрослые информанты нередко дают ценные комментарии по поводу традиции в прошлом и настоящем.

ЗАКЛИЧКИ, ПРИГОВОРКИ

1.

Дождик, дождик, лей больней
На меня и на людей!
А на милого мого —
Сорок вёдер на [о]дного!
Дождик, дождик, лей пуще,
Дам тебе гущи!

Это дети орали, бегали... В детстве мы это кричали.

2.

Дождик-дождик, пуще,
Я прибавлю гущи,
Дам тебе ложку,
Хлебай понемножку!

3.

Дождик, дождик, лей, лей,
Погони моих гусей.
Мои гуси дома,
Не боятся грома.

4.

Дождик, дождик, перестань!
Я уеду на рестань —
Богу молиться,
К царю клониться!

5.

Дождик, дождик, перестань,
Я уеду в Ерестань —
Богу молиться,
Христу поклониться.
Я у Бога сирота,
Закрывала ворота
Ключиком-замочком,
Сереньким платочком.

6.

Колдуй, баба, колдуй, дед,
Чтобы не было дождя!

7.

Солнышко-ведрышко,
Выйди на бревнышко!
Там твои детки
Кушают конфетки!

Вот, глупы всё поговорки были. Дети росли, орать чего-то надо! Дети — дети они и есть...

8.

Божья коровка,
Улети на небо,
Там твои детки
Кушают конфетки!

СЧИТАЛКИ

9.

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф-паф, ой-ой-ой!
Умирает зайчик мой.

10.

Катилась мандаринка
По имени Иринка,
В школу не ходила
И «двойку» получила.
А потом пошла гулять —
Получила цифру «пять».
А потом пошла в больницу —
Получила «единицу».

11.

Шел крокодил, трубку курил.
Трубка упала и написала:
«Шишел-мышел,
Ты из круга вышел!».

12.

Ка — ма — не,
Мар — га — не,
Цу — е — фа!

ИГРЫ ПОДВИЖНЫЕ

13.

А раньше улица была вся в траве. Не было ни машин, ничего. Только лошади ходили. А лошади не натопчут. А щас бы чего?.. А раньше <...> бегали. И ногу не наколешь. <...> Любили вот бегать-то по лужам-то. А щас попробуй пробегись! Без ног будешь.

[Соб.]: А когда дождик идет, дети что-нибудь кричали? Вот бегали по лужам — кричали?

[Р.Д.]: Орали! У нас сколько ребятишек! Вот здесь у нас по улице, я тебе скажу, сколько у нас детей у каждого было. Вот в нашем доме, в моем было девять. <...> Был дом другой. Выстроили. Здесь был большо-ой дом. Тоже восьмеро было. Вот здесь было пять-шесть <...>. Тут вот <...> было только пятеро. Там вот, в тем доме, шестеро, вот еще на краю... Туды дальше было тоже шестеро. Здесь вот... Вот какая была бригада! Целая бригада. Одна только улица. А было четыре бригады! Каждая была улица бригада. А щас никого нет. Вот я выйду — <...> ни одно дитя не бегаёт.

А мы, бывало: кто в «Козны», кто в «Белки», кто в ... (как его?) кто в «Шанда», в мячик, кто как, кто чего играли...

[Соб.]: А козны — это как?

[Р.Д.]: А вот у коровы эти из ног-то — козны. <...> Видала коровьи ноги, когда студень варишь? Ну вот. Это козны были. Побольше была — это «козень». А котора поменьше, «бабка» называлась. Вот играли. Ставили. Была плита. По пары ставили, по три... <...> Вот и бьешь этой козной-то. Наставят вот так вот. Козну сшибешь — то и твое. Выигрывали.

Играли во всякие игры. По тарелке разобьют — «Белки». Вот и лётали. Вот ее кидаешь, как вон деньги: «решка» иль «орел». Вот её метнешь. Если орел, значить, белки твои. Вот тарелки бьются — всё подбирали. И наколачивали. И вот врезывали вот такую вот, вот цвяточек. И вот ее кидали. Если вот ляжет кверху — это вот орел: твои белки все — забирай!

14.

Были еще козны — это суставчики от ног, свиных, что ли. Длинные — «шоки», маленькие — «бабки». Мы устраивали тоже вроде своего талана и шаром катались, как вот в яйца. Ставили козны, катают: выкатал — своего снимай, если прокатал... Катали шаром.

А потом иногда этими же кознами начинали так вот: тук! тук! (кидать об стенку, чтобы отлетали. — Соб.). И мерили: если будет нормально (расстояние от одной козны до другой не больше чем от большого пальца до мизинца на руке. — Соб.), то ты уже выиграл.

Парни-то больше играли: ставили в ряд козны, и под первую деньги клали, на деньги играли. И была такая специальная бита — металлическая пластинка толстая, и на расстоянии стояли козны. Если попадаешь — и денежки твои, и еще бьешь, до тех пор пока козны твои будут. Это мальчишечья игра.

15.

Вот раньше еще в козны играли. Кости это, вот такие суставы, от лошадей, от коров. Их тоже ставили рядами и тоже сшибали, любимая игра это была у парней. Их как-то, наверно, обрабатывали, а в одном сверлили дырку, наливали туда олова, чтоб оно было тяжелое, вот этим тяжелым и били. Это осенью, зимой играли на улице мальчишки.

16.

А в «Клёк» играли — вот такой вот чибаш, вот такой вот толщины (круглый брусок. — *Соб.*), специально вырезанный, круглый такой — назывался «клёк». Его ставишь поодаль, примерно метра четыре. Ставишь этот клёк, и палка вот такая вот, как ухват. И вот если попадешь в клёк, он отлетит далеко — это значит, ты вадишь, за клёком бегаешь. Если не попадешь, значит, ты не будешь вадить. Так будешь играть, до тех пор пока не попадешь.

17.

Круглый выпиленный из дерева клёк ставили. И палки такие прямо ставят. Попадешь, пока он катится, бежишь, за палку свою схватишься, чтобы убежать на место, откуда кидал. Сейчас есть такая игра — «Городки». Но там понаставят палок, а тут одна только была. Но сейчас, я смотрю, ставят банку из-под консервов ребятишки у нашего дома и вот палками играют: хочется играть в клёк. Сейчас тут играть некому — все в Муроме. Дети только приезжают к бабушкам.

18.

[Соб.]: А как играть в клёк?

Делают круглый чурбачок (клёк) и палки. Ставят его на расстоянии где-то 20 метров и кидают палками по нему. Каждый по несколько раз кидает. Кто не попадет — тому вадить. Кто попадет — улетит клёк — идет искать, потом бьет еще раз. Палкой бросают. Человек пять-шесть. Все играли: и мальчишки и девчонки.

19.

Клёк круглый, из дерева нарезанный, с ладонь. Их несколько было. Ставят на доску, там где столбик, и палками в него кидаешь, попадешь если — еще ставят, очки какие-то набираешь, я уже забыла.

20.

Еще в «Клок» играли. Как только снег сойдет, в клок играли, игра простонародная. На овраге появилась лужайка, вот мы туда перебираемся через ручьи, через снежные эти сугробы на эту площадку. Клок — это деревянная пирамидка, заостренная, и палки к нему. Это из дерева можно сделать самим, только нарезать их. Вот такой кусочек дерева, круглая палка. Стешут палку — верхушка-то остренькая. Хорошо, конечно, ровненькую, гладенькую, но мы и из дерева выпиливали, рубили топором. У каждого палка должна быть. Там будет черта. Клок ставится посередине лужайки, место там уже чистое, его выдолбили. И вот этими палками кидали, чтобы попасть в клок. Один вадит. Ну, там считалки, я уж их забыла. Вот так мы руками обхватываемся и считаем, кто вадит. Черта там, за черту не ходить. И палками надо сбить клок. И бежать за палками, а кто вадит, должен бежать за

клоком. И он, пока бегает за клоком, должен добежать до черты, сюда. Так следующий начинает, следующий... Если только он успеет кого застукать, за черту не убежал (палка, бывает, дальше улетит, чем клок)... И пока он берет свою палку, то он уже пришел на место, поставил клок. Застукал его. Ты начинаешь вадить, а этот идет играть. И мы увлекались знаете как!

21.

А то в *«Городки»*. Деревянные городки наставляешь и палкой кидаешь. Попадешь — и бежишь туда, значит, куда палка упадет.

22.

Еще игра *«Чижик»*. Чижик — это лопаточка, с одного конца стесанная, с другого конца стесана. И там палочка одна, на второй стороне — две палочки, на третьей — три, на четвертой стороне — крестик. И вот лопатка была такая сделана. Лопаткой вот за этот кончик, он летит, а ты лопаткой направляешь туда в круг. Ну, делали сами, папа мне делал. У некоторых очень красивый был, раскрашенный. В *«Чижики»* я очень любила, а уж в *«Лапту»* эту! А уж кроме *«Лапты»* — мячом играли всякие там выкрутасы. Там к стенке, два хлопка, поворот, ой, там фантазия!

23.

Ставили что-то вроде деревянных качелей. На один конец доски клали чиж (небольшой деревянный чурбачок), по другой стороне один из игроков ударял досочкой. А на чиже ставили с одной стороны крест. Если чиж падал крестом вверх, то тот, кто ударял, выигрывал.

24.

А *«Попок»* — это, значит, как вам сказать... Попок — деревянная такая болушечка, ее ставят. Сколько-то метров отсчитают, черту делают, и вот начинают бить в этот попок. Сшибут — так этот все, кто промахнулся, бегут за своими палками. Заберут палки — и обратно. А кто успеет попок поставить, тот следующий будет вадить.

25.

В *«Котёл»* играли так. Вырывают яму, и около нее стоит человек с палкой. Шарок кидают палкой в котел, а тот не дает кинуть. Если кто-то попадает, то там уже другой начинает водить.

26.

«Лапта» — это наша игра была, очень занятная. Я могла с мячом проиграть весь день. А мячей-то не было, мы делали из тряпок мячи-то. А у стенки я всех побеждала! У нас еще папа там работал в магазине, и у нас был мяч — так этот мяч наразрыв, господи! Приходила вся улица, чтоб поиграть хоть в этот мяч, хоть в лапту-ту эту поиграть.

27.

«Лапта» — это перва игра. Как только снег растает, и начинается. Как в лапту играли? Круги чертили, лопаточки такие деревянные и мячик. Мячей-то не было хороших, нашьют из всего. Бросишь, и этой вот, *«лапта»* ее звали, поддавали.

28.

А чуть повзрослее — играли в *«Лапту»*. Лапта — это партия на партию, примерно человек шесть на шесть или семь на семь. Один подает, другой бьет, из другой

партии. Бьет, а там расставляли людей, семь человек: ближний и дальше, дальше. Подают мяч. Обрато ударит, далеко, дальше обрато подают. Больше одного раза нельзя ударить. Как ударит далеко, то эти все должны до финиша добежать. Добежал и назад прибегают. Вот добежит, а назад не бежит. А если назад побежит, то мячиком, этим шариком в спину ударят. А это значит, проиграли. Или ударишь крепко, а ребята ловкие были, они поймают этот шарик, тоже смену. Вот так играли не только мальчики, но и мужики молодые, лет под тридцать. Шарик делали из березы, диаметр сантиметров шесть и палка круглая из граблей, черенок от них. Знаешь, мальчишки пойдут и сломают или там найдут специальное косево, ребятишки делали. Вот этой палкой и били, а не доской (как в городе был — там доской били). Иной стукнет, да промахнется, а ловкий — он сразу стукнет. Вот такой инструментиной и играли.

29.

Ямки копали. Кричали: «**Шандр, стой!**». Куда-то все бежали, человек много. Играет, может, человек восемь. Накопаем вот таких ямок. И мячиком — в чью ямку попадет, а мы ямки распределяли. Я беру мячик — ага, сразу крикнула: «**Шандр!**» Далеко кто не разбёгся, кидаешь в того, кто поближе, а то далёко не попадешь. Попадешь — значит, тот уже кричит слово «шандр». Почему, не знаю, называли так его...

30.

Чертится круг. Один встает в круг, кидает мячик, говоря: «**Шандар, мандар, мандарин!**». Называет имя. Тот должен поймать, а остальные разбегаются. Тот, чье имя называли, говорит: «**Стоп!**» и делает к ближайшему три шага. Затем кидает ему мяч, а остальные бегут в домик (круг).

31.

[Соб.]: А когда Вы были маленькой, какие игрушки у Вас были, во что Вы играли?

[А.В.]: Да какие игрушки!.. В «**Чехарду**» играли. Поставим ногу за ногу и перепрыгиваем. Кто заденет, тот и вадит...

32.

Еще в «**Прятки**» играли. В деревне ведь знаете, как в «Прятки» играть! Ой, там мест столько! И в крапиве, в лопухах, и за угол, и за двор, и залезть можно куда-то! Считалочки были, вот я забыла все. Вот недавно с внуком играла, считалочки все ему говорила, он тоже очень любопытный.

33.

Сейчас уже девочки двенадцатилетние губы красят, кудри крутят, ходят по деревне. Уже женихов каких-то! А мы бегали в четырнадцать лет-то! Бегали, в прятки играли. Помню, дом был заброшенный, а там репы выросли выше дома. Мы в эти репы спрятались. А представляете, какие мы оттуда вылезли! У нас и в головах везде репейники. На другой день сидели и друг у друга выщипывали эти репейники.

34.

В «**Кулай**» играли. Вот прятались, один водит, а мы — все другие — прячутся. Вот когда он их найдет, другой кулаем будет. Первого найдет, и всех найдет. Этот первый будет водить. Вот такие у нас игры были. А щас вот только телевизор, радио.

35.

Игра *«Двенадцать палочек»* была. Клали доску на камень, на нее палочки клали — двенадцать палочек. По этой доске били, палочки разлетались. Вот кто вадил, тот должен был лицо убрать (закрыть. — *Соб.*), а мы уже разбегались, прятались. Пока она собирает эти палочки, мы все прятались, потом она эти палочки найдет и нас ищет. И вот того, кого она первого найдет, тот будет вадить, а если кто успеет, бьет по доске. Эти палочки опять разлетаются — ей приходится опять собирать. Мы — кто перепрячется, кто просто так сидит... А кого первого застукают, она кричит: «Сито-сито!». Там девчонка или мальчишка, я кричу: «Сито-сито!» — значит «сиди!». Еще: «Беги!» — оттуда бегут: значит, застукаются.

36.

Потом играли в *«Два — третий лишний»*. Встают парами, и вот двое бегают, один встает, другой уже убегает: третий лишний, чтоб парами было.

ИГРЫ В ПОМЕЩЕНИИ

37.

Один отворачивается, руку отставляет, его хлоп! — по руке. Повернется — все держут вот так (показывает кулак с поднятым большим пальцем. — *Соб.*). Надо угадать, кто хлопнул.

38.

Садятся много народу, все руки держат, сложенные лодочкой. А один ходит, кому-то незаметно кладет кольцо. Потом кричит: *«Кольцо на лицо!»*. У кого кольцо, должен скорее выскочить, а остальные его не пускают. Выскочит — становится водящим.

В козны еще играли, в лапту, в мячик... Это всё до армии. А во время войны не играли — работали как волки...

39.

«Золото хоронили». Камушек берешь, а тут много народа сидят. Отгадай, у кого золото? Отгадаешь — садишься на его место, а этой камушек даешь. Много-много сидят, а один дает камушек, это вроде «золото».

40.

А девочки... Пять ровных камешков брали. И вот садились в круг. Это надо на полу или на чем-то твердом. Один кидаешь камешек, а другие раскладывашь: один — три, потом в другой раз: два — два, а пятым-то кидаешь. Потом раскладывашь все по одному. Потом, значит, собираешь их все, и вот так долго сидишь, играешь. Это так и называлось — *«В камешки»*. Вот чтобы этот кон весь выиграть.

41.

В *«Жмурки»* играли — всё больше в избах. Искали, шарили тут. Если найдешь, значит, ты будешь зажмуряться, а если не найдешь, то так он и будет ходить.

42.

В *«Жука»* играли. — [Соб.]: А как это в жука? — [В.И.]: Вот так вот... Как даст, вот Нина, а у неё рука была тяжёлая... Ой, как даст! — [Соб.]: А что нужно было делать? — [В.И.]: Надо было угадать, кто бил. Не угадаешь — значит, ты встаёшь в круг, и тебя будут бить. Глаза закрываешь...

ИГРЫ С ПРИПЕВАМИ И ПРИГОВОРАМИ

43.

[Соб.]: А в «Бояре» не играли?

[Е.М.]: Играли. Встаешь несколько человек с одной стороны и с другой. Поют:

— Бояре, а мы к вам пришли.
Дорогие, а мы к вам пришли!
— Бояре, а зачем пришли?
Дорогие, а зачем пришли?
— Бояре, нам невеста нужна.
Дорогие, нам невеста нужна.
— Бояре, а какая вам нужна?
Дорогие, а какая вам нужна?
— Бояре, нам вот эта нужна
(показывают какая. — Соб.).
Дорогие, нам вот эта нужна.
— Бояре, у ней зубки болят.
Дорогие, у ней зубки болят.
— Бояре, мы ее к докторуведем.
Дорогие, мы ее к докторуведем.
— Бояре, она доктора боится.
Дорогие, она доктора боится.
— Бояре, не валяйте дурака,
Отдавайте нам невесту навсегда!

Один разбегается. Если разобьет, значит, забирают выбранную.

МОЛЧАНКИ

44.

Ехали цыгане,
Кошку потеряли.
Кошка сдохла,
Хвост облез.
Кто слово скажет,
Тот ее съест.

45.

Солнце село в тучку,
Все бомжи собрались в кучку,
Главный бомж сказал:
«Кто слово скажет, тот и бомж!».

ИГРЫ-ИМПРОВИЗАЦИИ; НАРОДНАЯ ИГРУШКА

46.

Я сама в куклы играла. Но тогда ведь, тогда в тряпочки играла, шила. Куклу как делала я? Вот платок головной, свертываю его, сложу его, здесь сложу, это вот будет головка. А это будут, как говорится, ножки. Здесь вот свяжу, сюда платочек. Повяжу ее. Руки из тряпочки вот тут пришью. Здесь вот пришлю такую тряпочку, ее вот трубочкой сделаю и здесь пришью ножки.

47.

[Соб.]: Девочки кукол делали сами? — [Е.М.]: А как же! Все делали. <...> Сворачивали солому, одевали в тряпочки. А то и сеном набивали. Пришивали и ручки, и ножки тряпочные.

[Соб.]: А лицо рисовали? — [Е.М.]: Чернилами рисовали.

48.

Девочки кукол делали. Из тряпок ручки, ножки делали. Лицо угольком рисовали. Играли в кукол *в свадьбу, в семью*. Нашьешь мешочков, туда травы напихаешь и молотишь цепами. Игра такая, играли *в молотилки*.

49.

Шили кукол из тряпки. Расписывали им личико. Делали кукол, лошадок из соломы. Солому надо сжать, разровнять, высушить. Плели колыбельки, шляпки, корзиночки, шкатулки.

50.

[Соб.]: А кукол в старину сами делали? — [Г.С.]: Сами, сами шили. Платье разорвётся — из него и шили. Из пуговиц глаза делали. — [Соб.]: Матери делали? — [Г.С.]: Нет, сами. Матери и бабушки только подсказывали.

[Соб.]: И как играли? — [Г.С.]: Одевали, умывали — как ребенка. Посадят на лавочку и поят из ложечки... — [Соб.]: А потом их в сундук клали? — [Г.С.]: Ну прям, в сундук! Поиграли — грязная стала — сжигали.

[Соб.]: А свистульки делали? — [Г.С.]: Делали. Из ветлы, когда кора отстает хорошо. Но это мастера делали, а не дети.

51.

[Соб.]: А куклами в свадьбу играли? — [В.А.]: Играли, играли. Жених и невеста спать лягут, и тут под свадьбу куколка в белом. — [Соб.]: А жених тоже был кукла? — [В.А.]: Куколка, куколка. Невеста — платье, а парень — тряпку длинную, вот и всё, ног не было. А вот уж дети у меня вышли — у всех куколки были куплены.

52.

Мы кормили кукол, из трав делали, мы их хоронили, даже плакали, поминки справляли, делали маленькие могилки и живыми цветами могилки украшали. Мы прям кукол хоронили, маленьких, как детей — мы так играли: закапывали, бугорок делали и... около него из полевых цветов водили молибин.

53.

Мы понимали, что такое горох, пшеница. Сейчас спроси: где ячмень? — не ответят. А мы <...> собирали эти колосья. <...> Большие стога соломы, ржи, пшеницы, и прям прыгали среди стогов, я всегда так делала. И меня родители ругали. Они придут, вымоют меня, но я была с головы до ног, вся в пыли. Вот к чему так прыгали? Не знаю... И в снегу: «Летит Гагарин, летит Титов, летит Терешкова!». — [Соб.]: В снег прыгали? — [Т.Н.]: Все прыгали в снег, вот такая игра. Не знаю, кто нас научил. Во втором классе была, 1961 год... — [Соб.]: А вот делали кукол из цветов? — [Т.Н.]: Да, мы делали. Это любимое было занятие — из одуванчиков, из васильков, а больше всего из одуванчиков: легче было.

54.

Из снега лепили. Накатаешь вот, бабу лепили. Вот это делали, я знаю, помню. — [Соб.]: Это когда было? — [С.К.]: Просто, не знаю. Каток большой сделаешь.

Когда снег липкий. Вот уж, наверно, к концу. Зима ведь холодна бывает. — [Соб.]: А какого возраста? — [С.К.]: Я катал, лет, может, восемь, может, девять... Глаза эти, нос. Уголь — глаза сделаешь. А нос — чего уж там — чего-нибудь другое сделаешь, нос — не уголь. Нос — можно из снегу нос... Раньше все занимались. Снега большие были. Вот там была школа, вот сейчас где магазин, там было строение, школа была. Вот до школы туннели делали — вот сколько снегу-то было! — [Соб.]: В снегу прямо? — [С.К.]: Да, наверху снег, а там ходи, чего хочешь, делай. Вот тут Березовка-деревня, в ней дома почти заносило — какие были снега! Это раньше было.

ИГРЫ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ

55.

Еще в «*Любушку*» играли. Парни с девкой. Хоть нас четыре девчонки, четыре мальчишка (уж велики были). Они стоят на той стороне, а мы на этой стороне. Вот и выбирают, которы парни понравятся или девка ему. Котора понравится девчонка, идет с ней прохаживаться. — [Соб.]: А он что-нибудь говорил или кланялся? — [А.В.]: Наверно, говорил... Большеньки мы уж были. За руку берет и уводит. А дальше уж забыла...

56.

В «*Расходку*» еще играли, это постарше. Это когда парами ходили. Становимся все молодежь парами, за руки беремся, как ручеек, знаете? Выбирает кто-то, и пошли по улице. Ну, можно куда-то в проулок идти. Хотелось, чтобы выбрал тебя парень, который нравится, прошел по тропиночке...

57.

Мы играли, вот помню хорошо, было мне лет пятнадцать. Ставили лавку, играли. Лавка посреди клуба стоит, на етем конце парень, на другом, например, я. И клубработник, значит, говорит: «Раз, два, три!». Если в одну сторону мы обернемся с парнем, значит, идти за дверь. Это звали «*матаниться*». Значит, за дверь выходили. Другая пара садится так же. У нас была такая игра.

А еще у нас была игра — «*Куча мала*». Если обернешься не в ту сторону, а парень в другую, значит, парень внизу, а ты наверх парня, и другие, что тут играли, — тоже. Вот куча мала.

58.

А вот в клубе мы играли. На лавку на один конец посадят парня, а на другой девчонку. Вот в какую сторону повернут голову. Если в одну, то должны целоваться, а кто не сойдется, так ничего.

59.

Был вот здесь клуб напротив. Собирались в клубе. Сядешь на лавочку... ну, я так, а сзади парень. Повернулись... «*Расстаться или разгуляться?*» — говорят. Если повернулись в одну сторону, провожают за клуб. Идите куда хотите!

Ну, а в «*Бутылочку*» и вы, наверно, сейчас играете. Крутили бутылку, на кого укажет — с тем и целовались.

ДРАЗНИЛКИ

60.

Плакса-вакса-гуталин
Проглотил горячий блин.

61.

Плакса-вакса-гуталин,
На носу горячий блин.

62.

Жадина-говядина,
Соленый огурец —
По полу валяется,
Никто его не ест,
А муха прилетела,
Понюхала и съела.

63.

Повторюшка — дядя хрюшка
Из помойного ведра:
Всю помойку облизала
И «спасибо» не сказала.

СТРАШИЛКИ И ПАРОДИИ НА НИХ

64. [Кабан-дьявол]

Однажды в лагере «Ясный» произошла страшная история. Один мальчик Боря приехал в этот лагерь и пошел в туалет. У него кабан отгрыз руки... Кабан-дьявол отгрыз ему руки. Дома его искали, так и не нашли. Даже иногда в лагерь приезжали.

Говорят, что этот мальчик, Боря, теперь стоит возле туалета и отгрызает всем руки потому, что у одной девушки — его руки. Эта девочка, когда услышала эту историю, испугалась и себя убила.

65. [Кабан-дьявол] (вариант)

В лагерь «Ясный» приехала однажды первая смена, и один мальчик пошел ночью в туалет, и его там загрыз кабан. Но, кажется, что это какой-то человек убил. Этот мальчик всем мстит каждую ночь и убивает — душит.

66. [«Отдавай мне сердце!»]

Однажды вызвала тетенька такси и сказала таксисту, чтобы тот вез ее на кладбище. Он спросил на какое, а она сказала, что не помнит. «Отвезите меня на все!». И с ней была маленькая сумочка. Она сходила на кладбище, и сумочка стала побольше. Сказала: «Я не нашла». Во второй раз пошла, и сумочка стала еще больше.

На третий раз она пошла, и таксист хотел подглядеть.

На самом деле она вырывала из земли человека, съедала его и кидала косточки в сумку. Он исплевался и пошел в машину. Когда она пришла, он говорит: «Знаете, я все видел». — «Тогда... отдавай мне сердце!».

67. [Желтые занавески]

Мама дала дочке деньги и сказала: «Не покупай желтые занавески». Пошла, а там одни желтые занавески. Ну ладно, что же делать? Она пришла, купила желтые занавески. Повесили их, а ночью вылезает старуха из желтых занавесок и высасывает через трубочку мамину кровь. Все просыпаются, а в кровати лежат только одни косточки. Ночь идет. Старуха со стеклянной трубочкой опять убила — папу.

Все просыпаются: папы нет, остались только сынок и дочка. Они положили в кровать куклы, а сами легли под кровать. Старуха вылезает, а они ее топорами разрубают.

68. [«Дай денег!»]

В семье купили пианино девочке. Она играла, играла, и там высунулась рука и говорит: «Дай денежек!». Девочка испугалась и дала. Ей сказала мама сходить в магазин. Она всё рассказала маме про руку. Она ей не поверила, тоже села, и рука тоже говорит: «Дай денег!». Она отдала, что у неё было. С бабушкой случилось так же. Приехала милиция, открыли, а там Карлсон сидит и говорит: «На пирожное хватит, на мороженое хватит, а на варенье не хватит!».

69. [«Хочу мяса, хочу крови!»]

В одной семье в одну ночь пришла Бабка-Ёжка и говорит: «Хочу мяса, хочу крови!». На следующий день просыпаются и видят — нету дедушки. На следующий день опять пришла Бабка-Ёжка и съела бабушку, потом всех остальных. Папа остался и купил электрического робота. Лег под кровать, а робот положил на свое место. Бабка-Ёжка пришла и говорит: «Хочу мяса, хочу крови!». А робот говорит: «А двести двадцать не хочешь?».

70. [Черный гроб]

В одном черном-черном городе, на одной черной-черной улице был черный-черный дом. В этом черном-черном доме был черный-черный подъезд. В этом черном-черном подъезде была квартира... И однажды мама своей дочке говорит: «Дочка, я схожу в магазин, а ты посиди дома». Дочка сказала: «Ладно».

Мама пошла в магазин... А еще мама сказала дочке: «Дочка, не открывай вот этот ящик, ладно?». Дочка отвечает: «Ладно».

Мама ушла, и дочке стало интересно, что в этом ящике. Она открыла, и увидела там пластинку, и включила ее. Раздался голос: «Девочка, девочка, ты зачем включила эту пластинку? Черный гроб нашел твой город и ищет твою улицу». Девочка испугалась и спряталась под мамино пальто.

Опять прозвучал голос: «Девочка, девочка, ты зачем включила эту пластинку? Черный гроб нашел твою улицу и ищет твой дом». Девочка еще больше испугалась и закуталась еще больше в пальто.

Потом голос опять прозвучал: «Девочка, девочка, ты зачем включила эту пластинку? Черный гроб нашел твой дом и ищет подъезд».

Опять прозвучал: «Девочка, девочка, ты зачем включила эту пластинку? Черный гроб нашел твой подъезд и ищет квартиру».

Потом прозвучал звонок. Девочка открыла, а из гроба вылезает... маленький черненький котенок.

71. [Гробик на колесиках]

Уходит мама на работу и говорит своей дочке: «Не играй в зеленые шашки!».

А она всё равно взяла и играет. Слушает по радио: «Девочка, не играй в зеленые шашки, а то гробик на колесиках уже ищет твой город».

Она всё равно играет. Потом слушает опять: «Девочка, не играй в зеленые шашки: гробик на колесиках ищет твою улицу».

Всё равно играет. Потом опять слышит: «Девочка, не играй в зеленые шашки, гробик на колесиках ищет твой дом».

Она всё равно играет. Потом слушает: «Девочка, не играй в зеленые шашки: гробик на колесиках ищет твой этаж».

Потом слышит по радио: «Девочка, девочка, он нашел твою квартиру!».

И там звон. Она открывает, берет кувалду и по гробу ударяет. Оттуда чертик вылезает и говорит: «Вот люди пошли, уже шестисотые “Мерседесы” портят!».

ДЕТСКИЕ МАГИЧЕСКИ-ИГРОВЫЕ «ВЫЗЫВАНИЯ»

72. [Сергей Есенин]

Надо взять книгу (лучше, которую написал Есенин), веревку, нитки, ножницы, и надо, чтобы свечка хотя бы одна горела в темноте полной. Если дома, надо открыть срочно одну форточку, потому что, если дух влетит к тебе, он может от тебя не вылететь. Он может тебя удушить, может весь твой дом выбросить: ну, там все кровати... Что угодно может сделать. Вот так его вызывают, чтобы узнать на будущее: там прям на снеге написано, чё там.

Надо говорить слова: «Дух Есенина, ты здесь?». Посередине книги веревка натянута, и книга висит на веревке, и ее держат два человека. Нельзя смеяться. Если двигается в левую сторону, значит, он пришел. Если в правую, вот этим концом, к свече, тогда он не пришел. У него потом спрашиваешь будущее. А потом его выгонять надо. И опять эту книгу брать надо и говорить: «Дух Есенина, ты здесь?». Если в левую уже сторону будет двигаться, это значит, его нет. В правую — он здесь. Наоборот уже.

[Соб.]: А в какой обстановке это всё происходит?

[К.]: Ну, ночью чаще всего, вечером, когда темно. Главное — не смеяться. Если он придет и ты будешь смеяться — он тебя убьет сразу же. — [Соб.]: А сколько человек должно участвовать? — [К.]: Человек сколько угодно, сколько в комнате поместится.

[Соб.]: А дух Есенина добрый или злой? — [К.]: Как бывает. Если он останется, то он очень будет злой. Надо обязательно выгонять его. Один раз вызвали с подругой — так они его потом выгоняли три дня. И днем и ночью без остановки говорили эти слова. А если не выгнать, тогда убьет.

[Соб.]: А как у него узнать будущее? — [К.]: Ну, у тебя как бы в мыслях четко пишется...

[Соб.]: А присутствие взрослого допустимо? — [К.]: Мы вызывали вместе со взрослыми...

У него спрашивают, что будет в будущем. Ну, что угодно можно спросить: когда ты умрешь... Он тебе напишет. — [Соб.]: На бумаге? — [К.]: Нет, в мыслях. — [Соб.]: А удачное вызывание — это когда узнаешь судьбу? — [К.]: Да. — [Соб.]: А неудачное когда? — [К.]: Ты, может быть, узнаешь, но ты его не сможешь выгнать. И у тебя уже просто сил не будет. Ты бросишься, и он тебя обыкновенно убьет. Окно если закроешь, он не уйдет, потому что он через окно выходит на улицу. А еще такой вопрос задают: «А если в другой комнате в тот же час будут вызывать, то что?». Не вызовут просто. Придет к одним, к кому он решит. Кто быстрее вызовет. И главное — знать, чтоб книга не тряслась. Если трясется, то не вызовет. Надо, чтобы она была строго прямо.

73. [Гном]

Чтобы вызвать гнома, надо белый кирпич, еще черный или красный. Его надо только злого рисовать. Его рисуешь с такими зубами. Белый — чтобы большого рисовать. Большой кирпич — для строения, красный — тоже, только он маленький, чтобы рисовать, и черный — чтоб маленький рисовать. Надо только один: красный или черный. Если ты ему нарисуешь черные шорты, то он будет злой. А если ты ему нарисуешь красные шорты, то он будет добрый. Главное — какие зубы еще. Если они будут в крови, он будет злой. Вот мы с Илюшкой вызывали,

Илюшка дотронулся до зубов — у него сразу кровь потекла струей. Потом его надо смывать. Если ты его не смоешь в течение одной минуты, то его уже не будет на кирпиче на этом: он уйдет.

[Соб.]: А для чего его вызывают? — [С. и Р.]: Его? Ну, просто так....

А еще есть Матный гномик, это домовый, считается. Он из-за плеч вот так высунется и будет на тебя смотреть. Он тебя будет по мату хамить — один мат, ни одного другого слова, один мат.

Если его не смыть в течение одной минуты, то он исчезнет, испарится вместе с кирпичом... Еще я на дерево вызывал. Надо крест, можно даже с груди сорвать и вот так вызываешь на дерево. Надо говорить любое заклинание. Его вызывают тоже для будущего: например, сколько у тебя простоит дом (если рухнет или его снесут). Вот вызываешь, появится — только пять минут стоит и все. Его вызывают один раз в месяц.

74. [Снежная королева]

Мы, когда зимой ходили на горку, слепили дыханием из снега фигурку и там еще поставили крестик из палочек. Потом мы отошли на пять метров где-то, на пять шагов. И она превратилась в Снежную королеву. — [Соб.]: Живая стала? — [Р.]: Да. — [Соб.]: Ходила? — [Р.]: Да, ходила. Когда она три шага сделала, она сразу же растаяла. Надо говорить такие слова... любые, любые три слова — она появится. — [Соб.]: Когда надо говорить? — [Р.]: В любое время, главное — в темное. Если будет солнце, то она растает сразу же. — [Соб.]: То есть вы слепили, поставили крестик. Потом говорите три слова. Да? — [Р.]: Да, любых. Но главное — отойти на пять метров. А иначе она не появится. А если на три шага отойдешь, она сделает три шага и тебя может удушить.

А ее вызывать нужно для того, чтобы она сказала, когда сердце остановится, когда ты помрешь, ну, сколько лет ты проживешь. — [Соб.]: И говорила она так? — [Р.]: Ну, да. — [Соб.]: Кому-нибудь предвещала что-то? — [Р.]: Нет. Мы просто ее вызывали — чего получится.

[Соб.]: А она как выглядела? Можешь описать? — [Р.]: Она прямо там вся ледяная была... Она живет на седьмом небе. Может, выше... там всё заклинания...

75. [Джокер]

Мы вызывали у Костяна на втором этаже. У него в квартире очень темно было, вызывали в ванной. Мы вызывали Джокера. Мы книгу читали, что его лучше не вызывать, лучше не надо вызывать. Когда мы вызывали, мы сами в этом убедились.

[Соб.]: А для чего вызывали? — [А.]: Чтобы увидеть. Чаше вызывают убийц... Потому что если его брата вызываешь — это Пиковый джокер — он оживляет Пиковую даму. Если вызвать, то этот брат из-под земли появляется, приходит к тебе. Говоришь, что делать, и его брат за него всё это делает — убивает кого-нибудь. Его брат по канализационной трубе лазит. Он может везде, при свете, как хочет, ходить.

[Соб.]: То есть брат его указывает Джокеру, что ему делать? — [А.]: Да... Надо кровь человеческую с десны ему (десну распороть) и кольцо. Лучше из серебра, но из золота не делают, потому что из золота — появится сразу же брат Джокера, и он тебя убьет мгновенно. Так что надо, чтобы сначала Джокер появился. — [Соб.]: А потом уже его брат? — [А.]: Да. Он сразу же от тебя убежит, по трубе постучит и сразу же улизнет. — [Соб.]: А как вы его видели? — [А.]: Мы его не видели, он только по трубе стучал. Он сразу же из дома рванул. <...> Там надо еще нитку. Ниткой оборачиваешь кольцо, продеваешь, и ее помазать кровью и привязать свой ноготь. И помазать всё кровью, чтобы всё красное было. И привязать, где труба, к трубе, или положить. И тебе дается где-то полчаса, чтобы ты убежал.

[Соб.]: А если не убежишь? — [А.]: Через 10 минут приходит сам, а потом его брат (через 20 минут уже). — [Соб.]: Не понял. Почему же он тогда убийц не трогает? — [А.]: Убийцу он не трогает, потому что знает в лицо, потому что он уже убил кого-то... Это как бы его брат. И он подходит к этому убийце и говорит ему, что ему там надо сделать. И он говорит ему: убить того-то, того-то. Он не называет адреса, он называет только имя, фамилию, отчество. Он сразу же сообщает ему. И всё, и убивает...

Примечания

1. Романова А.В., 1938 г.р.
2. Вдовина Н.В., 1931 г.р.
3. Бурлакова Н.Ф., 1919 г.р.
4. См. № 1.
5. Гордеева М.А., 1911 г.р.
6. Бубнова И., 1996 г.р.
7. См. № 1.
8. См. № 6.
9. См. № 6.
10. Аникина К., 1992 г.р.
11. См. № 6.
12. См. № 6.
13. Веденеева Р.Д., 1922 г.р., ЦРФ-Э-01063-013.
14. Локтева Л.И., 1931 г.р.
15. Белякова А.А., 1921 г.р.
16. Рогоськина К.М., 1920 г.р., ЦРФ-Э-01078-043.
17. Анохина А.К., 1929 г.р.
18. Серкина Г.С., 1930 г.р.
19. Салтыкова А.И., 1931 г.р.
20. Михеева Е.И., 1926 г.р.
21. Майорова А.Н., 1951 г.р.
22. См. № 20.
23. Мудрецова Н.М., 1941 г.р.
24. Ладыгина Е.М., 1920 г.р., ЦРФ-Э-01139-018.
25. Ларина А.И., 1928 г.р.
26. См. № 20.
27. Свирежёва Е.С., 1932 г.р.
28. Артемьев М.П., 1927 г.р.
29. Анохина А.К., 1929 г.р.
30. См. № 6.
31. Кашина А.В., 1930 г.р., ЦРФ-Э-01088-050.
32. См. № 20.
33. Кузнецова Т.Н., 1953 г.р.
34. Герасимова В.А., 1913 г.р.
35. Богданова З.Ф., 1939 г.р.
36. См. № 21.
37. Евстифеева Е.В., 1927 г.р.
38. См. № 37.
39. Коптева Е.Т., 1927 г.р.
40. Белякова А.А., 1921 г.р.
41. См. № 16. ЦРФ-Э-01078-044.
42. Зеленкова В.И., 1941 г.р.
43. См. № 23. ЦРФ-Э-01140-012.
44. См. № 6.
45. Шумкина П., 1997 г.р.
46. См. № 16. ЦРФ-Э-01078-045.
47. См. № 24. ЦРФ-Э-01139-019.

48. Борисова Н.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-01142-021.
49. Сирюк О.М., 1932 г.р.
50. Серкина Г.С., 1930 г.р.
51. Герасимова В.А., 1913 г.р.
52. См. № 33.
53. См. № 33.
54. Шабанов С.К., 1930 г.р., ЦРФ-Э-01089-017.
55. См. № 31.
56. См. № 20.
57. См. № 16. ЦРФ-Э-01078-042.
58. Сатинова З.П., 1940 г.р.
59. Деева Т.Г., 1923 г.р.
60. Аникина К., 1992 г.р.
61. Домов И., 1992 г.р.
62. Петров А., 1992 г.р.
63. См. № 60.
64. См. № 62.
65. См. № 60.
66. См. № 61.
67. См. № 62.
68. Царев С., 1992 г.р.
69. См. № 62.
70. См. № 61.
71. Струнин Я., 1993 г.р.
72. Луговская К., 1992 г.р.
73. Зиминов С. и Копылов Р., оба 1992 г.р.
74. Копылов Р., 1992 г.р..
75. Каширин А., 1991 г.р.

Исполнители

Аникина Ксения, 1992 г.р., ученица 6 кл. Зап. в 2003 г. в детском оздоровительном лагере «Ясный» близ с. Борисоглеб. Соб. Д.А. Кремнев и М.Ю. Степанова.

Анохина Александра Кузьминична, 1929 г.р., урож. с. Борисоглеб, образ. 7 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. В.В. Журавлев и О.А. Теплухина.

Артемьев Михаил Петрович, 1927 г.р., урож. д. Мартыново, ср. образ. Зап. в 2004 г. в д. Мартыново. Соб. И.В. Змеев и Н.В. Черных.

Белякова Александра Алексеевна, 1921 г.р., урож. д. Старые Котлицы, ср. спец. образ., в прошлом учитель нач. кл. Зап. в 2004 г. в д. Алешунино. Соб. И.Н. Райкова.

Богданова Зинаида Федоровна, 1939 г.р., урож. д. Михайлово, ср. спец. образ., в прошлом токарь. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. А.А. Костикина и Ф.А. Ордынец.

Борисова Нина Ивановна, 1920 г.р., урож. д. Малое Юрьево, нач. образ. Зап. в 2004 г. в д. Малое Юрьево. Соб. В.Е. Добровольская.

Бубнова Ирина, 1996 г.р., ученица 4 кл. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. Е.А. Волкова и Т.С. Наумова.

Бурлакова Нина Федоровна, 1919 г.р., урож. с. Борисово, нач. образ. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко и Е.М. Королева.

Вдовина Нина Владимировна, 1931 г.р., урож. с. Булатниково, ср. образ. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.Н. Райкова.

Веденеева Раиса Дмитриевна, 1922 г.р., урож. д. Петраково, нач. образ. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. Посоха.

Герасимова Вера Аверьяновна, 1913 г.р., урож. д. Мордвиново, нач. образ. Зап. в 2005 г. в д. Мордвиново. Соб. О.В. Жукова и С.В. Просина.

Гордеева Мария Андреевна, 1911 г.р., урож. с. Борисово, образ. 2 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко и Е.М. Королева.

Деева Татьяна Григорьевна, 1923 г.р., урож. д. Мордвиново, образ. 8 кл. Зап. в 2005 г. в д. Мордвиново. Соб. Е.А. Барсукова и Ф.А. Ордынец.

Домов Илья, 1992 г.р., ученик 6 кл. Зап. в 2003 г. в лагере «Ясный». Соб. Д.А. Кремнев и М.Ю. Степанова.

Евстифеева Евдокия Васильевна, 1927 г.р., урож. с. Борисово, нач. образ. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова.

Зеленкова Валентина Ивановна, 1941 г.р., урож. д. Мордвиново, ср. образ. Зап. в 2005 г. в д. Мордвиново. Соб. Е.П. Невзорова и Т.В. Устинова.

Зиминов Станислав, 1992 г.р., ученик 6 кл. Зап. в 2003 г. в лагере «Ясный». Соб. В.В. Журавлев и О.А. Теплухина.

Кашина Агриппина Васильевна, 1930 г.р., урож. д. Петраково, ср. образ. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Н.Е. Котельникова.

Каширин Артем, 1991 г.р., ученик 7 кл. Зап. в 2003 г. в лагере «Ясный». Соб. В.В. Журавлев и О.А. Теплухина.

Коптева Ефросинья Тимофеевна, 1927 г.р., урож. с. Чаадаево, образ. 7 кл. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. В.В. Журавлев и О.А. Теплухина.

Копылов Роман, 1992 г.р., ученик 6 кл. Зап. в 2003 г. в лагере «Ясный». Соб. В.В. Журавлев и О.А. Теплухина.

Кузнецова Татьяна Николаевна, 1953 г.р., урож. с. Булатниково, высш. образ., учитель. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. О.В. Жукова и С.В. Просина.

Лодыгина Елена Максимовна, 1920 г.р., урож. д. Лазарево, образ. 3 кл. Зап. в 2004 г. в д. Лазарево. Соб. В.Е. Добровольская.

Ларина Антонина Ивановна, 1928 г.р., урож. д. Сафоново, образ. 4 кл. Зап. в 2004 г. в д. Сафоново. Соб. И.В. Змеев и Н.В. Черных.

Локтева Лидия Ивановна, 1931 г.р., урож. с. Чаадаево, высш. образ., в прошлом учитель. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. В.В. Журавлев и О.А. Теплухина.

Луговская Кристина, 1992 г.р., ученица 6 кл. Зап. в 2003 г. в лагере «Ясный». Соб. В.В. Журавлев и О.А. Теплухина.

Майорова Антонина Николаевна, 1951 г.р., урож. с. Булатниково, ср. образ., в прошлом няня в детском саду. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.М. Борисова и О.С. Славинская.

Михеева Елена Ивановна, 1926 г.р., урож. с. Татарово, высш. образ., в прошлом учитель математики. Зап. в 2004 г. в д. Шумилиха. Соб. И.В. Змеев и Н.В. Черных.

Мудрецова Надежда Михайловна, 1941 г.р., урож. с. Борисоглеб, ср. образ. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.В. Грудзенко и И.Н. Райкова.

Петров Андрей, 1992 г.р., ученик 6 кл. Зап. в 2003 г. в лагере «Ясный». Соб. Д.А. Кремнев и М.Ю. Степанова.

Рогоськина Клавдия Матвеевна, 1920 г.р., урож. д. Петраково, нач. образ. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская.

Романова Анна Васильевна, 1938 г.р., урож. д. Борок, ср. образ. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. И.Н. Райкова.

Салтыкова Александра Ивановна, 1931 г.р., урож. с. Борисоглеб, образ. 7 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. В.В. Журавлев и О.А. Теплухина.

Сатинова Зоя Петровна, 1940 г.р., урож. с. Стригино, образ. 7 кл. Зап. в 2004 г. в с. Стригино. Соб. А.С. Белова и О.А. Теплухина.

Свирижёва Евгения Сергеевна, 1932 г.р., урож. д. Межищи, образ. 7 кл. Зап. в 2005 г. в д. Межищи. Соб. И.М. Борисова и О.С. Славинская.

Серкина Галина Степановна, 1930 г.р., урож. д. Саксино, высш. образ., в прошлом учитель биологии. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. Е.А. Барсукова и Ф.А. Ордынец.

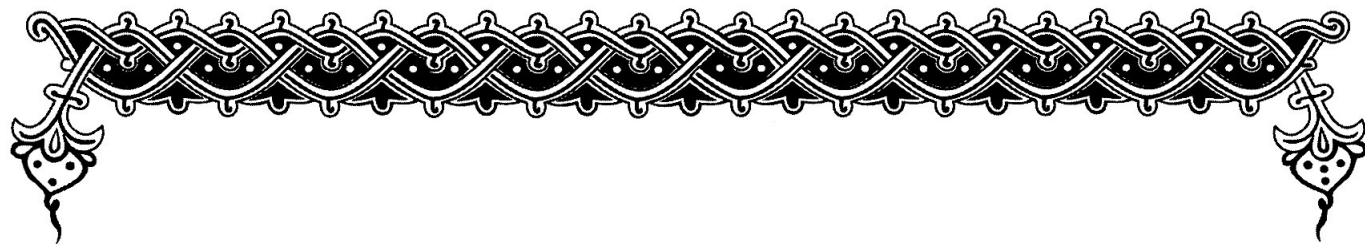
Сирюк Ольга Михайловна, 1932 г.р., урож. д. Кривицы, ср. образ. Зап. в 2004 г. в д. Кривицы. Соб. А.С. Белова и О.А. Теплухина.

Струнин Яков, 1993 г.р., ученик 5 кл. Зап. в 2003 г. в лагере «Ясный». Соб. Д.А. Кремнев и М.Ю. Степанова.

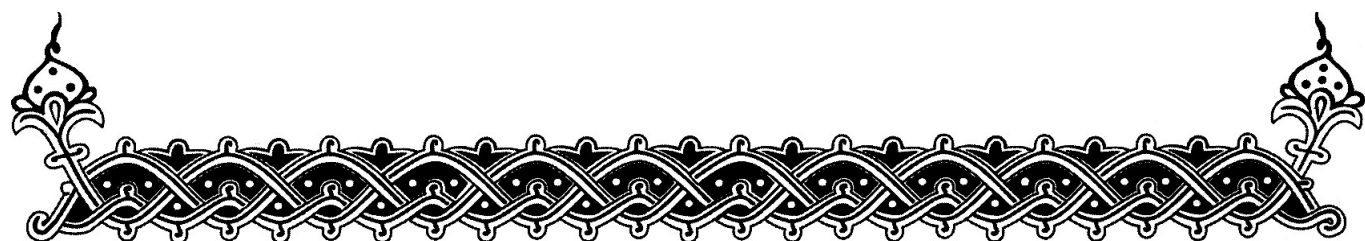
Царев Сергей, 1992 г.р., ученик 6 кл. Зап. в 2003 г. в лагере «Ясный». Соб. Д.А. Кремнев и М.Ю. Степанова.

Шабанов Сергей Кузьмич, 1930 г.р., урож. д. Степаньково, ср. образ. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. Н.Е. Котельникова.

Шумкина Полина, 1997 г.р., ученица 3 кл., урож. Н. Новгорода. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. Е.А. Волкова и Т.С. Наумова.

Народная проза Парѣмни

Мифологическая проза

Составитель и автор статьи

Н.Е. КОТЕЛЬНИКОВА

457

Религиозная проза

Составитель и автор статьи

Л.В. ФАДЕЕВА

479

Историческая проза

Составитель и автор статьи

Н.Е. КОТЕЛЬНИКОВА

502

Рассказы о прошлом

Составитель

Л.Ф. МИРОНИХИНА

516

Прѣмни

Составитель

И.Н. РАЙКОВА

529

Мифологическая проза

Данный раздел посвящен текстам, в которых нашли свое отражение традиционные мифологические представления, — быличкам, поверьям и т.п. И в наши дни широко бытуют в Муромском крае рассказы о представителях иного мира, разнообразных потусторонних силах, с которыми любой человек может столкнуться в обыденной жизни.

Когда речь заходит о чем-либо сверхъестественном, многие вспоминают, прежде всего, о том, что поражало их воображение в детстве. По рассказам наших исполнителей, взрослые пугали детей чем-либо страшным и необычайным, преследуя при этом весьма прозаические бытовые цели.

Для разрешения различных вопросов воспитания детей использовались соответствующие персонажи. Для того чтобы дети боялись плохо себя вести в доме, их пугали домовым: *«Дед домовой живет. Ты его не видишь. Вот его надо бояться. Вот будешь озоровать, и домовой тебя съест. Он домовой и укусить может, и синяк может поставить. Детей так пугали»* (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074.). Чтобы дети не лазали в огород, их пугали лизуном. *«В огороде водились лизуны, маленьких детей пугали, чтоб они ягоды не рвали без спросу. — [Соб.]: А что они делали? — [А.И.]: Никто их не видел. Нас так пугали. Говорили: “Не ходите в огород, там лизун, вас утащит”»* (Семенова Л.И. ЦРФ-Э-1092). *«Еще она мне говорила, чтобы мы не ходили в огород: “Не ходите в огород, там в бане лизун”. Да, лизун. Я думаю: какой там лизун? А вот, говорит, вы не ходите туда. Мы боялись — по семь, может, по шесть лет было. Ну и вроде верили, а потом уже, конечно...»* (Туманов Б. М., 1933 г.р., ЦРФ-Э-1152).

По некоторым данным, лизуном русские называли домового¹. Однако в Муромском крае проследить какую-либо явную связь между этими персонажами не удалось. Помимо лизуна, для отпугивания детей от урожая на огороде привлекался Бабай-морковник: *«Бабай-морковник все нас пугали. За морковью чтобы не ходили, не озоровали в огород. Мать скажет: “Не ходите, девчонки, там бабай-морковник!”. А у нас был сосед, интересный такой, студент летом приезжал. И вот он шубу выворотит, за ногу привяжет за веревку и припугнет: “У-у! Бабай-морковник!”. Вот это было»* (Коробкова Н. А., 1970 г.р., ЦРФ-Э-1094).

Проблемы с аккуратностью прически почему-то решались с помощью неопределенного персонажа, живущего в колодеце: *«[З.И.]: А вот в колодец, кем пугали? Там раньше, например, я помню, ходишь лохматая, лохматая, вот тебя... А у всех же были косы... — [Е.А.]: Меня тоже пугали. Не даешь стричься, совет веревку, утащит тебя в колодец. — [Соб.]: Кто в колодцах-то жил? — [Е.А.]: Водяной что ли? — [З.И.]: Нету. Нас пугали, когда долго не расчесывались, за косу утащит в колодец»* (Малькова З.И., 1931 г.р., Мальков Е.А., 1930 г.р., ЦРФ-Э-1091).

Чтобы запретить ходить в какие-либо неположенные места взрослые использовали в качестве устрашения духов-хозяев тех мест: *«Русалки могут забрать человека с собой. Маленьких детей пугали: “Не ходи туда, там русалки, унесут”»* (Кочнева М.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1124).

¹ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 121.

Из природных духов наибольшей популярностью в Муромском районе пользуются русалки. О водяном исполнители только с трудом вспоминают, что когда-то слышали это название в детстве, и также в связи с запретами взрослых: *«Вот в речках — водяной. Бабка бывало: “В речке водяной водится! Вас утопит!”»* (Мальков Е.А. 1930 г.р., ЦРФ-Э-1091). А о русалках могут рассказать более подробно: *«Это русалки у нас на Глебовке — лес там такой сосновый, и там были как котлованы такие большие, вода. И вот там, говорят, они жили, эти русалки. Если кто без креста, утаскивали. Это как люди стары говорили... Ныряли они там. Волоса длинные, а так как женщины голы»* (Поликарпова Е.И., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1122).

Самым известным и традиционным отличительным признаком русалок является наличие длинных, часто косматых волос: *«...Я видела сама... сидит вот лохматая такая вот, волосы длинные, вот так, а я все равно бегу на плот, прям на эту, сначала на эту прыгнула, потом на плот, это, и она вжик — поплыла»* (Михеева Н.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1217). Помимо расчесывания волос, русалки могут прясть: *«Русалку во сне я раз как-то видала. Бывало пряли ведь, она сидит — прядет, волосы белесые. — [Соб.]: А как Вы поняли, что это русалка? — [А.Я.]: А кто же ночью-то будет прясть-то. Сидит и прядет. Волосы у нее белые. Хорошая, волосы распушены, белесые. Хорошая — како человек. Волосы русые, хорошие»* (Рыбакова А.Я., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1225).

Большинство рассказов посвящено тому, как кто-нибудь видел русалку (Тексты. № 1, 3, 4), как был напуган (Тексты. № 2, 5). В этих рассказах вырисовывается довольно очеловеченный и «семейный» образ водных духов, который характерен для муромской традиции. Об этом говорят и дореволюционные записи, в которых русалки и шишиги колотят вальками белье или моются в бане².

Кроме этого встречается и образ русалок, приносящих вред человеку: *«Из Благовещенска идешь с катером домой в деревню в свою, в Рамень, и там болотино было, и лужа. И вот по (далее невнятно — Соб.) если выйдут девчонки, спляшут, песни поют, то заболает человек. И не вылечится. Вот такие были»* (Михеева Н.Г., 1932 г.р. ЦРФ-Э-1217). Несмотря на утрату четких представлений о многих духах природы, сохранились некоторые яркие сюжеты об этих персонажах (см., например, тексты, № 6). Исполнительница затруднилась отнести действующих лиц своего рассказа к определенному виду нечистой силы, а затем назвала их русалками, возможно, потому, что до этого беседовала с нами о русалках.

Более полные традиционные представления о духах природы в настоящее время уже отсутствуют. Хотя многие признают тот факт, что в лесах «водит», о лешем рассказывают очень мало: *«Раньше слышали, что он даже ржет там в лесу. Раньше. Заржет»* (Городничина А.Д., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1091).

Из многочисленных в прошлом духов-хозяев жилища и хозяйственных построек в памяти сегодняшних исполнителей остался только домовый. *«Да говорили. Люди стары раньше-те видели. Вот говорят: выйдем на двор, выходили на двор, а у них лошадям косы плетут, сена дают. А религия говорит, это все нечисты, никакие не домовые»* (Городничина А.Д., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1091). Но представления об этом традиционном духе иногда очень индивидуальны и проявляются в оригинальных рассказах, таких, например, как у Екатерины Михайловны Сумкиной (Тексты. № 10, 11). Некоторые умели общаться со своим домовым по своему желанию: *«У нас был в Михайловке, тут деревня такая, Сергей Сергеевич, или Григорьевич, Калинин. Он умел вызывать домового на разговор, вот ему было дано это. Вот наклонится в подпол. Вот там западня есть, закрывалка, вот откроет её немножко и говорит ему так: “Дедушка, ты слышишь меня?”. Тот маленько погодя: “Слышу”. У нас был, что не в этом доме, а в старом доме, мы сгорели в тридцать восьмом году, вот он*

² Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. Вып. 3—4. С. 101—102.

единственный раз покажется, вот там из подпола волосы белые — домовой. Он, этот Сергей, говорил, в каждом доме есть домовой. В каждом доме» (Ярлыков П.М., 1915 г.р., ЦРФ-Э-1216).

Не у каждого могут сложиться такие замечательные отношения со своим домовым. Хотя существуют различные рецепты, как этого добиться: «[Соб.]: А домовой, он хороший? — [Е.М.]: Его тока ласкать — хороший. Ему можно оставлять кусочек хлебушка на столе, чтобы он не обижался. Как говорят... А вот так тоже говорят: “Дедушка домовой, я спать ложусь, не беспокой меня”. Ну, вот всё приговорки такие».. Еще один совет: «Так что домовой имеется в каждом доме. Куда уходишь, никогда не оставляй его, бери его с собой. — [Соб.]: А как его с собой взять? — [Е.М.]: Дедушка домовой, я пошла в дорогу. Я пойду по дороге, а ты иди стороной, береги меня! — [Соб.]: Ты куда-то едешь, с собой надо пригласить? — [Е.М.]: Да, всегда ему вот это надо говорить» (Сумкина Е.М., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1335). Некоторые для того, чтобы домовый к ним благоволил, поступают следующим образом: «Я на ночь веник переворачиваю, ножик убираю и кладу кусочек сахара. (Веник обычно ставят вниз, а перевернутый — вверх. — Соб.) Мне кто-то из бабушек сказал» (Тексты № 18).

Сохраняются и более расхожие представления о домовых. Прежде всего, многие говорят о том, что нужно обязательно перевозить домового в новый дом. «Про домового я вот что слышала. В шестидесятом году я стала строиться сама. И мать меня научила: «Будешь уходить от свекрови, заведи квашню хлеба, соли и кошку и звать: “Дедушка домовой, идем со мной жить”. Я так и сделала». (Нестерова А.Т., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1225). В связи с темой переезда могут раскрываться различные детали образа домового. Например, он может находиться в погребе: «Ну вот например, переходили вот мы... мы жили в том доме... вот сюда когда переходили. Мы... у меня ещё тогда была свекровь... она открывала подпол и говорила: “Домовой, домовой, пойдём со мной на новожительство, домовой, домовой, пойдём со мной на новожительство!”. Три раза. Обязательно из этого дома, что уходили, его с собой забирали...» (Кузьмичева В.С., 1941 г.р., ЦРФ-Э-1217). К нему обращаются и как к покровителю домашних животных. «Это да. Это я сама... Это меня свекровь учила. Выношу скотину во двор. Вон телёнка мы раньше держали дома, телят да поросят каких-нибудь. Как на двор выносишь, говори: “Дедушка домовой, отец родной, на вот тебе скотинушку-животинушку. Береги, стереги её”. Это вот я знаю до сих пор. Уж помогает ли, не помогает ли? Это старинны присказки» (Малышева Е.В., 1956 г.р., ЦРФ-Э-1218).

В муромской традиции бытуют широко распространенные представления о том, что домовый предсказывает будущее (Тексты. № 9, 12), душит (иногда эти мотивы смешиваются), а также оставляет синяки: «Вечером ложишься — нет синяка, утром встанешь — синяк. “Мам, погляди какой у меня синяк?” — “Это дед домовой тебе посадил, наверное, досадила ему, он тебе и посадил”» (Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074).

О внешности домового сведения различны. Они могут быть навеяны средствами массовой информации, хотя исполнитель сообщает об обратном, как Е.М. Сумкина. «Да, губки красненькие, да холодны такие!... А он лохматый, лохматый! <...> И главное дело, принесли “Работницу”, журнал, и в журнале был этот домовый нарисованный, и как сглазить, и домовой — круглое лицо такое, и глаза кругленькие, и губки красны-красны, красненькие, нежненькие, а у него ни рук, ни ног нету, круглый вот он весь такой». Другие исполнители говорят о домовом, как о маленьком, седеньком старичке: «Маленький такой, борода седенькая... И на голове типа гриба...» (Тексты. № 8), «...и вот маленький старикашка, весь седой» (Тексты. № 12). В некоторых рассказах образ домового совмещает в себе различные черты: «старик схватил за руку <...> Прям лохматый, косматый, голову вижу, хватает меня за руку. Большая голова-то, здоровая, чай не весь вылез» (Тексты. № 14). А бывают и совсем экзоти-

ческие ипостаси данного образа: «*Сижу вот так вот и животное с большими игол-кам, как его? Дикобраз, и как будто иголочки эти посветились*» (Тексты. № 18).

В статью включены также три текста, в которых исполнители не называют домового домовым. Но эти рассказы являются естественным продолжением беседы о домовых (Тексты. № 15—17). Они не обязательно свидетельствуют о размывании представлений о домовом, а, возможно, показывают множественность неопределенных образов нечистой силы, которая существовала в данной локальной традиции уже давно. Хотя определенный процесс унификации различных персонажей и смешения традиционных и современных представлений о сверхъестественном в наших записях, безусловно, прослеживается, например, в таком замечательном диалоге: «*Они и сейчас есть. Много их этих экстрасентов. — Сейчас учат их в Москве и везде. Их очень сейчас много*» (Тексты. № 15), а далее следует рассказ о нечистом, который вылез из-под печки, и принес веревку женщине, решившей удавиться.

В связи с домовым, а точнее, в связи с его характерным действием — наваливаться на человека и душить — появляется еще один очень интересный персонаж, который можно считать специфическим для муромской традиции. Большинство исполнителей называют его **тень**: «[Соб.]: А домового этого кто-нибудь видел? — *Никто мне не рассказывал... А только говорят, что это какая-то тень. Тень называется — когда кто-то давит. Это вот я рассказывала эти случаи, так говорят: “Это тебя тень давила!” А что за тень, я не знаю*». (Кутакова Н.Н., 1940 г.р., ЦРФ-Э-1122). Этот персонаж никак, кроме того, что он наваливается на человека, не характеризуется: «*А вот говорят, тени наваливаются на человека... На меня тоже наваливались, что это? До сих пор не могу понять...*» (Меньшова А.В., 1941 г.р., ЦРФ-Э-1122). В словаре В.И. Даля приведено одно из значений слова «тень»: «*Душа умершего, человек бесплотный, в поверьях, рассказах, видениях или явлениях, привиденье. Тень его явилась мне*». Однако это определение мало что разъясняет в нашем случае. Персонаж проявляет себя не как видение, а как действующее и весьма осязаемое существо. Интересно, что одна из исполнительниц назвала этот персонаж по-другому: «[Соб.]: *А вот говорят, он может давить, душить как-то во сне? — Домовой — нет. Это называют как-то **Стинья**, что ли. У меня это сколько раз было...*» (Сумкина Е.М., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1335). Название «Стинья» созвучно с древнерусским словом «стенъ», которое можно перевести и как «отражение»³. Но никаких связей образа «тени» с образами покойников различных типов, которые могут являться к живым, пока не прослеживается.

В Муромском крае зафиксировано также достаточно редкое поверье о нечистой силе, принимающей облик вихря:

[М.В.]: *А вот когда ветер, и вота пыль вот так кругом, кругом...*

[А.М.]: *Да-а. Вихарь, вихарь. Какой-то, как вихарь.*

[М.В.]: *Как попадешь в этот...*

[А.М.]: *В этот вихрь, говорит, попадет вражья сила. И всё.*

[Соб.]: *То есть нельзя попасть в этот вихрь?*

[М.В.]: *Да, да.*

[А.М.]: *Да. Опасаться надо ёго.*

[М.В.]: *У нас тогда Таня-то. Скоко ей было? Годика четыре, наверно. Вот так же гуляла. Вот попала. Пришла, у ней всё растекло. Всё лицо!*

[А.М.]: *У Тани у нашей. Маленька когда еще была. Ей тогда водой это помочили. Святой. Она тут же уснула. Проснулась — ничего»* (Суркова А.М., 1916 г.р. и Суркова М.В., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1068). В материалах XIX века по этнографии Владимирской губернии есть описания подобных духов, например, «встречника»: «*Встречник — это нечистый злой дух, который в виде как бы воздушной полосы мчится стрелой по проезжим дорогам за душой умирающего грешника, особенно*

³ Либан Н.И. Лекции по истории русской литературы. М., 2005. С. 25.

самоубийцы»⁴. Он насмерть поражает лошадь, а может человека расшибить. Если в современных записях средством исцеления от «вихаря» служит святая вода, то от встречника было рекомендовано лечиться прощением с землей.

Повсеместно известно, что нельзя поминать нечистую силу, иначе она тут и появится. Говорят об этом и в Муромском округе. Особенно опасно ругать детей. Нечистые сразу же утаскивают ребенка, которому мать сказала «Провались ты!», «Иди ты к черту!» или что-нибудь в этом роде. В лучшем случае его вернут, но в большинстве случаев все кончается трагично (Тексты. № 20—22).

Немногочисленны в наших записях и былички о чертях и других видах нечистой силы. В памяти муромцев сохраняется сюжет «Черти уводят пьяного»: *«Шёл тоже с гулянки... и вот... ну, выпимши был... и вот два брата, которые погибли у него, во время Отечественной... и под руки его, вот... Ну, Петра Макарыч, пойдём, говорят, домой, на печку тебя уложим, погреешься, чего тут... И, ну что... Привели вот, на печку, раздели меня, разули, я лёг. Просыпаюсь... лежит на берегу озера, ноги в воде, и портянки расстелены, и обувь стоит, греется на печке...(смех) Вот это кто? Черти уводили, кто ещё. — [Соб.]: Отец рассказывал? — Ага, отец»* (Козлов П.П., 1936 г.р., ЦРФ-Э-1217).

На фоне хорошо сохраняющегося похоронного обряда и связанных с ним примет, роста популярности религиозных стихотворений, для современного нарратива остается актуальной тема связи мира мертвых и живых. В Муромском районе повсеместно встречаются рассказы о трех типах покойников, приходящих к живым. Первый из них — летающий огненный шар, который влетает в дом тех, кто слишком сильно и долго тоскует по покойнику. Там он принимает вид человека. В этот же тип можно включить покойников, которые попадают в дом неизвестным образом, но ведут себя так же как прилетевшие в виде огненных явлений. Они в целом воспринимаются исполнителями не как «свои» покойники, а как принимающая вид умершего близкого человека нечистая сила. Второй тип покойников достаточно безобидный по сравнению с предыдущим. Это покойники, которые являются к близким на сороковой день. Они, как правило, могут только напугать своих родственников, но никакого ущерба не наносят. Покойники третьего типа вступают в контакт с живыми в снах. Они обычно обращаются к живым с различными просьбами.

Представления об огненных шарах, в виде которых покойники летают к живым, сейчас размываются и приобретают различные толкования: *«А вот я водилась... Там у меня были товарки в конце, в конце в самом. Когда гуляли, говорили: “Кать, пойдём ночуем у нас вот на кровати на нашей, пойдём”. А раньше кровати были на дворах. Говорю: “Нет, я уйду домой”. А мне: “Да что пойдёшь к лесу, такая страсть!” А из лесу летят, кто-то летит. Все говорили, это Бог летит в Савино, в другую деревню. — [Соб.]: Бог летит? — Вроде это не черти, а Бог летит в Савино. Там кто-то плачет (муж умер), а Бог жалеет. И вот к ней летали туда»* (Брунова Е.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1332). Остаются устойчивыми поверья о том, как уберечься от визитов нечистой силы. *«Не надо плакать, а надо больше Богу молиться и везде окрестить, чтобы он тебя вообще не нашел и не увидел... Надо ребенка класть с собой, тоже не тронет (покойник)»* (Рогоськина К. М., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1079).

Рассказы о явлениях покойников во сне непосредственно связаны с похоронно-поминальным обрядовым комплексом. Если все обряды выполняются правильно, то пребывание покойного на том свете устраивается соответствующим образом, и у него не возникает повода контактировать с живыми. Общение с покойниками во сне воспринимается исполнителями как нормальное явление. Просьбы, выражаемые покойниками в снах, воспринимаются как руководство к действию.

Наиболее популярной, можно даже сказать животрепещущей, является тема колдуна или колдуньи в деревне. Людей волнует вопрос о том, как определить кол-

⁴ Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. Вып. 3—4. С. 81—115.

дунюю. Наталья Николаевна Пахомова из Чаадаева рассказала нашим студентом замечательную историю о местной колдунье. Сама Наталья Николаевна — молодая женщина, учитель русского языка и литературы, пишет стихи. Она воспроизвела не только традиционный сюжет быличек о выявлении колдуны, но и создала ту необходимую атмосферу таинственности и ужаса, которые составляют важную часть эстетики этого жанра (Тексты. № 31).

Другой распространенный сюжет узнавания колдуны — колдунья в виде животного получает увечье, которое потом видят у человека. *«Вот эта старуха та, о которой я щас рассказывала, она в свинью превращалась, в свинью. — [Соб.]: А кто-нибудь видел? — Не то чтоб дело видели. А вот ребята собрались и ей по ушам били палками свинье. А на второй день пришли. Она сидит перевязана. “Бабушка, ты что?” — “У меня что-то уши болят”. А они отбили ей их»* (Сергеева М.Е., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1217). Правда, чаще уши обрезают. Такая версия сюжета о колдунах-оборотнях наиболее распространена. Однако возможны и оборотни в других обликах, например лошади (Тексты. № 45).

Рассказы о деятельности колдунов посвящены чаще всего различным видам порчи людей и скотины. К ним часто присоединяются сюжеты об исцелении с помощью знающих людей, святой воды или других средств. Помимо обычных быличек об уводе молока нам встретился текст, в котором корову лишили возможности видеть траву: *«Вот людей портят, и скотину портят. И молоко отымают у коров. У нас, вот я помню, мать ходила в Санниково, к бабушке-те. Выгнала корову, она у ей ходит траву глядит, а траву не видит. Пастух говорит, дядя Петя покойный: “Настасья, у тебя корова траву не ест, иди к старухе какой-нибудь. Я вот даже траву помну, она не видит траву”. Она вот тогда сходила в Санниково три раза, и стала есть и прибавила молока и стала доиться. Отняли у нее корм, она не ела. А стала к бабушкам ходить, и стала доить»* (Святова З.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075).

О колдунах-мужчинах в обследуемом районе рассказывают очень редко. Проявляют они себя совсем не так, как колдуны (Тексты. № 53). Но как бы ни вели себя колдуны при жизни, умирают они всегда тяжело. Это поверье известно многим исполнителям. Во-первых, им надо отдать свою силу: *«Вот не знаю, как вот эта баушка, Мосалиха-то, умерла: она умерла у дочери в городе. А так очень тяжело умирают, никак не могут умереть и кричат: “Возьми!” Им надо отдать кому-то вот это вот всё. “Возьми!” Подзывают родных там, кого: “Возьми!” А вот кто-то из родных сжалится уж, подойдет там, возьмет... Но очень тяжело умирают, это я слышала. Пока не отдадут, они мучатся даже несколько суток»* (Кутакова Н.Н., 1940 г.р., ЦРФ-Э-1122). Это подтверждают былички (Тексты. № 49—55). Чтобы облегчить участь умирающей, нужно было проделать какое-либо отверстие: выбить потолочину, половицу, повертеть дыру и т.д.

Сверхъестественные возможности приписывались не только колдунам, но и людям различных профессий: плотникам, печникам, пастухам (Тексты. № 54—55).

Былички о кладах представлены сюжетами о явлении их в виде животных: *«У меня муж пошел телку искать... в луга. И значит, идёт и баран стоит. Такой баран стоит, рога завитые такие, стоит как вкопанный. Я, говорит, в эту сторону повернись, он ко мне поворачивается, я, говорит, он ко мне поворачивается... Глядел-глядел, да и бежать от него. Прибежал домой, там уж тёлка дома. А возле нас старик жил. “Это тебе, — говорит, — клад появился. Тебе было надо к нему бодро подойти, промеж рогов стукнуть, и был бы клад”. Вот такая история. Я думаю, это правда»* (Михеева Н.Г., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1217).

Для публикации была отобрана только часть наиболее показательных текстов. К сожалению, перенесенные на бумагу, устные рассказы о сверхъестественном теряют огромную часть своей выразительности вместе с замечательным говором, точной интонацией и удивительным артистизмом большинства наших исполнителей.

ТЕКСТЫ

1.

Говорят, что видели. Вот у меня дядя был, он видел. Тетка была за ним, и он был бакенщиком. Землянка, избушка на берегу, бакены зажигали на реке, и он зажигал бакены, и вот в этой избушке он жил по ночам. Утром вставал, говорит, зажигать, а лодка стоит. Он на лодке ездил. А сидит, говорит, русалка в розовом платье на этом, на корме на лодке-то. А маленькие вот эти за лодку держутся и купаются. Он, говорит, как крикнет, и они, как лягушатики, все в воду, и она нырнула в воду. И говорят, много видели. А теперь уж нет.

2.

Вот это моя мать говорила. Какая-то женщина, в Лесникове пруд есть сзади, пруд глубокой, там полоскали белье. Пошла там вечером одна полоскать баба, и хватить ее за белье маленька девчонка. Так напугала — белье, говорит, оставила и убегла. Вот говорили — эти... русалка маленька.

3.

Шефы были, картошку копали. Ну и вот а после... молотбы, грязно, пойдёшь, искупнёшься, у нас плот тут был, хорошо было. И я бегу, и думала, это шефы вот, мы же... парни тама. Сидит... я вот видела сама... сидит вот лохматая такая вот, волосы длинные, вот так а я всё равно бегу и бегу на плот, прям на эту, сначала на эту прыгнула, потом на плот, это, и она вжик — и поплыла.

[Соб.]: Лохматая?

Да.

[Соб.]: С хвостом?

Нет, не с хвостом только, волосы только, и ноги не видела, так она сидела, и она бульк прямо с плоту-то.

[Соб.]: Это в какой реке-то? — Вон в озере у нас... Видали это... в воду... и там чего-то покажется... но я никогда не видела, ничего не показывалось... Никогда мне ничего не показывалось, потому что я не верю в это, ничему.

4.

Раньше, может быть четыре года назад, мужики бухали (мне бабушка покойная рассказывала), они пьяные были и увидели русалку, может быть, так это, а может, и не так, я не знаю. И все побежали по домам, а мужика того не было. И все решили, что русалка его забрала.

5.

А русалку я сама видела. У нас вот, там, в деревне своей, в Саванчакове, где я жила, у нас крайний дом как раз вот был и от нас неподалеку был пруд. Ну, а я ходила с гулянья-то, мама мне запрёт дверь, а окошко мне оставит открыто, я в окошко лазила. И раз, я только влезла в окошко, ну и поглядела в окно, и на берегу сидит гола-гола, прям, эта женщина и волосы распущены. Я шото напугалась, окошко закрыла, ладно. На следующий день пошли гулять. Говорю: «Робята, идите меня домой провожайте». «А штой-то?» Я говорю, вот так и так. «Давайте, — говорят, — подследимте». Ну вот, следили мы. И она вылезла, эта русалка, и сидит на берегу. А она сама вся гола, тут-то она спущена с берегу, а тут все и волосы распущены. Ну и вот, робята-то глядят, а она их вот манит — идитя, идитя, идитя. Я говорю: «Не ходитя, а то смотри-я, она вас схватит, подойдет и утопит, — я говорю, — не ходитя». Это было, было.

[Соб.]: А она какая на вид, молодая?

Обыкновенно, прям, как вот женщина и женщина. Да, молодая, только голая была, неодетая. Тут уже начали воружаться на ее, она прыг в воду, и ее и не видать. А потом уж куда они делись, русалки ети, не знаю.

[Соб.]: А их так и называли, «русалки»?

Так и называли, «русалки».

[Соб.]: А старики ничего вам не сказали на это?

Нет. Это я лично сама видела. Вот, я боялась, а уж потом маме я говорю: «Ты уж мне дверь открывай, чтобы я в окошко не лазила, а то схватит, — говорю, — меня тут за ноги-то».

6.

Идет одна женщина через плотину. И выходит голая девка и говорит: «Скажи моей-то сестре, что мамка умерла!» Она приходит домой, а шла из другой деревни в родную, говорит: «Надо ж чего я сейчас пришла, иду, говорит, по плотине там, девка вылезит и говорит: “Скажи там моей сестре, мамка умерла!”». Из-за печки выбегла девка тоже такая и заплакала. Вот рассказывали. Это я слыхала. «Скажи моей сестре, мамка умерла».

[Соб.]: То есть это та, которая в воде была.

Она сказала: «Скажи моей сестре, мамка умерла!». Она пришла в этот дом-то. Рассказывает: «Надо же мне! Сейчас девка выбегла и мне сказала». Она рассказывает, а девка из-за печки выбегла из дома и заплакала.

[Соб.]: А кто эта девка за печкой была?

Ну... русалки, наверное, называются?

7.

Говорили все о домовом, но я его никогда не слышала, ну, бывает, стукнет, а это, может, дом садится. А я никогда не видела. Может, и есть домовый, но мы его не видим. Когда переходили из дома в другой жить, кричали домового: «Домовой, иди с нами, домовый, иди с нами домой, мы в дом новый уходим, иди нас там охраняй» (повторяют три раза). Надо обязательно пригласить!

8.

Хотите верьте, хотите нет. На кровати мы с мужем лежим... Чувствую, кто-то на меня давит... Я глаза открыла, и вот эта вот домовушка вот отсюда побежал сюда вота (показывает. — Соб.) ...Маленький такой, борода седенькая... И на голове типа гриба...

9.

У нас бабушка рассказывала. Вот ночью сплю, — говорит, — и кто-то на меня навалился. Очень мне тяжело. Я, — говорит, — так и сяду, потом: «Дед домовый, ты к худу или к добру?». Он сказал ей: «К добру!» И все, и сразу, — говорит, — облегчилось, как будто отошло. А то, бывает к худу или как скажет. Надо спросить: «Дед домовый, ты к худу или к добру?»

10.

[Соб.]: А вот говорят, в каждом доме домовый есть?

Это было года четыре или пять прошло. Ну, я лежу. (А я раньше выписывала «Крестьянку», «Работницу», какие журналы были красочные, берегу их до сих пор!). Это было уже в конце сентября. Ко мне подходит и меня целует.

[Соб.]: Целует?

Да, губки красненькие, да холодны такие! И прям в губы. А я говорю: «Ой, что ты?». А он лохматый, лохматый! И говорит: «Я ухожу сторожить овины!».

Я говорю: «Да?!». (А овины это, знаете, вот сзади участка у каждого было гумно, ну а которы побогаче, у них были овины. Так шатром она сделана, а внутри глиняная печь, топили её и на неё накладывали снопы зерна, вот лён когда колотили, сушили там). И вы знаете, месяц прошёл, и я стала убирать кровать, убираю — на простыне десять копеек лежит. Никогда никого не было, ничего — откуда взялись десять копеек?

[Соб.]: Ну, вы сами обронули, может быть?

Да где, в сорочке я спала-то! Десять копеек! У меня пришла соседка, а я ей говорю: «Лида, мне получку принесли». А она и говорит: «Чего?». Я говорю: «десять копеек — это мне домовой зарплату принёс». И главное дело, принесли «Работницу», журнал, и в журнале был этот домовой нарисованный, и как сглазить, и домовой — круглое лицо такое, и глаза кругленькие, и губки красны-красны, красненькие, нежненькие, а у него ни рук, ни ног нету, круглый вот он весь такой.

[Соб.]: Большой?

Ну, как голова человеческа кругла. И лицо — ты понимаешь или нет? Я во сне-то увидала — губки-то красненьки!

[Соб.]: А сам лохматый?

А сам лохматый, глаза чёрны... И я его вот так вот... (показывает, как трогает осторожно. — Соб.), а он такой холодной, ой какой холодной, а я утром проснулась... И главное дело, кабы не сказал он мне эти слова, не знала бы я, ну, что такое получилось. А он говорит: «Я ухажу овины сторожить!». На работу пошёл!

11.

У одной женщины корова не стала есть сено в яслях, она и говорит: «Никак, вот только всё оглядывается во все стороны и никак не ест!». И кто-то ей сказал: «А ты знаешь что? Положи туды хоть десять-пятнадцать копеек денег и скажи: “Дедушка домовой, не мучь мою коровку, вот я тебе денюжков дам”». И на другой день корова и давать молоко стала, и стала сено есть, и всё. Она вот так положила денюжки и ему сказала. Вот захотел, чем-то она ему не угодила, он хотел над коровой, чтобы она не ела.

[Соб.]: Это вы где такое слышали?

А это... То уж я лично, как он меня поцеловал. А это Нина вот Цепина мне говорила, у ней корова была, она вот и говорила. Она и говорит: «Я вот так и хожу. Когда ухажу, всегда говорю домовому: “Дедушка домовой, я пошла! Ты иди стороной, а я по дороге, береги меня!”»

12.

Я была маленькая, спали на печке русской. И вот я лежу на печке, и вот маленький старикашка, весь седой, а я, раньше все говорили старики-то, когда домовой приснится, спроси его, сколько мне жить. Не знаю, проживу или нет — до восьмидесяти трех лет жить мне. Я ему говорю: «Дедушка, сколько мне лет жить?», а он отвечает: «восемьдесят три». И он от меня ушел...

13.

Я вот у дочери в Москве была, она жила в общежитии, ну там у них одна комната, вторая, другая. Ну там комната, восемь человек в комнате, ну вот, сидим так, спокойно, а дверь была приоткрыта, а через ее в ту комнату, там с ребенком одна жила. Глядим, маленький-маленький человек прыг, прыг, прыг — побежал. Она мне и говорит: «Ма, гляди, — говорит, — это вот дедушка домовой бегают». Ну, вот это, она стала, девчонка эта, плачет и плачет, потом уж кто тут к ней сходил ли, чаво-ли, и обратно он назад. Вот уж я увидела, маленький прям старикашка седенький. Вот это я видела. Я говорю: «Татьян, — говорю, — как вам, — гово-

рю, — тут страшно». Она говорит: «Не, — говорит, — мы привыкли. Это, вот, он выживает», — говорит. И потом, да, вскоре эта девчонка вот, с ребенком куда-то переселилась, может, замуж вышла, — не знаю. Ее не стало. Это я вот очевидец, видела.

14.

[З.И.]: Меня саму домовой тащил. Ольгу родила когда. Во лежу, или я уж головой к батарее прижалась. Вылезает из-под кровати у меня, прям вижу, старик вылезает, и вот меня за руку хватает и туда. Я как закричу! А мы две в палате лежали. Еще: ты что?

[А.Д.]: Что, прям в больнице?

[З.И.]: Прям в больнице, прямо видела! Ой, говорит, ты что? Я говорю: меня сейчас старик схватил за руку и прям тащит под кровать. А утром выхожу, а там еще Женька, работала в чермете она: «Зин! Ты что такая?». Я говорю: «Девки! Меня сегодня домовой что ль какой прям старик тащил за руку под кровать. Прям видела я, видела его. Как заору, испугалась. Прям лохматый, косматый, голову вижу, хватает меня за руку. Большая голова-то здоровая, чай не весь вылез. Прям вот из-под кровати».

15.

[З.И.]: Они и сейчас есть. Много их этих экстрасентов.

[А.Д.]: Сейчас учат их в Москве и везде. Их очень сейчас много.

[Соб.]: А кто это?

[А.Д.]: Это моя свекровь говорила. Бабушка Татьяна, теперь вот Мишкина мать. У нее видно муж был больно-то злой, за что там все и лает, все и лает, может даже и бил. Вот она и говорит: «Лежу, говорит, на кровати, думаю: “Удавиться мне надо!” — Гляжу, из под печки вылезает небольшой человек в красном и несет мне веревку. Я, говорит, как заору! Муж говорит: “Ты что?” — “Вон нечистый несет мне веревку. Ты меня все ругаешь, орешь на меня и я думаю удавиться”». Муж не стал ее больно-то лаять.

[Соб.]: Из-под печки?

[А.Д.]: Да.

16.

А дядя нам рассказывал, был маленькой, ушли — корова телилась. Мать и отец — все ушли на двор к ней. А раньше не было света, и огня-то нет. Вот он взялся маленький плакать. Вылезает, говорит ,тоже, из-под печки старик и говорит: «Что ты плачешь? Ты что плачешь?» И он затих.

17.

А Тонька Бабанова говорила: «Я тоже была маленькая, наверно уж в школе. Окошко лето было открыто, а я лежала на кровати, диван стоял деревянный. Вижу: из окошка вылезает человек в плаще, в сапогах. Я, говорит, как заплачу, одеялом-то закрылась. И никто ко мне не пришли, я уснула. Бабушка говорит: “Девка наревелась и спит”, а я, говорит, вот видала. Это домовой, домовой. А все домовые — все нечистые».

18.

Дома у нас диван такой стоит и вот дверь. Сижу вот так вот и животное с большими иголками, как его? Дикобраз, и как будто иголочки эти посветились. Я думала, в глазах мерещится и отвернулась. Прихожу домой с работы, мама говорит: «Знаешь, Наташ! Сижу, как будто иголки дикобраза». Я говорю, ведь одному человеку не мо-

жет вот это померещиться. Я на ночь веник переворачиваю, ножик убираю и кладу кусочек сахара. (Веник обычно ставят вниз, а перевернутый — вверх — *Соб.*).

Мне кто-то из бабушек сказал.

Я тут просыпалась в пятнышках, все руки были в пятнышках. Синяки, вроде нигде не ударялась.

19.

Вот говорили, тень какая. Тень, говорят, наваливается на человека. Как будто прям навалился и душит. И надо только спросить: «К добру или к худу?». Он скажет или к добру, или к худу. Соседка моя рассказывала: «Я, — говорит, — про себя подумала: “К худу?”. А он знаешь как: “До-о-о-о!”. Значит к добру». А вот тогда были облигации и она выиграла двадцать пять тысяч. Это еще те деньги. А жили бедно, детей было семь человек. Деньги схватила, поехала в Москву, понакупила одежды, обуви и все. И все, пошла-пошла в гору. И вот она говорит: «Меня тень давила и сказала, что к добру». А то, говорит: «К ху-у-у-у!»

Это вот я слышала, говорили.

20.

Я вот знаю тетка моя, тетя Ксения говорила. У них у тетки, по-моему, ее был мальчишка маленький. Он ей надоел, озоровал. Она говорит: «Да провались ты!» Ребенок пропадал сколько дней. Пропал и нет его. Нашли уж в этой, в риге что ль, вот на задах или на гумне, нашли. Стали его спрашивать. «А меня дяденьки, тетеньки по болотам возили!» Нечистые. Вот нельзя проклинать их! Сказала: провались! И готово.

21.

Соседка моей матери катала маленького, а он все плачет и плачет, плачет и плачет. И она говорит: «Ну, иди к черту». И ушла. Приходит — у ней ребенка нет, а в зыбке лежит головешка. Нельзя так ругаться. Это плохое.

22.

Бывало еще, изругает кто человека — наутро его могут утащить. Робенка или кого. Говорят, раньше-то боялись Бога-то. Мать где-то изругала робенка, послала к черту. Его утащили на луга, потом нашли его мертвого на кочке.

[Соб.]: Кто же его утащил?

Наверно, самый черт-то... А сейчас ругают по-всякому, ничего не боятся...

23.

Я была еще в детстве, даже не училась еще в школе. Иду по дороге и чего-то назад оглянулась, гляжу — шар какой-то — огонь, не огонь... И по дороге так летит, летит... В то время никаких машин не было, а это было зимой. Слыхала, бабушки сидят и разговаривают: «К дедушке Ивану летает Матрена». А я слушаю. А вот так оглянулась — и по дороге прямо вот круглый, и сзади вроде хвоста. Как веревка тянется. Я очень сильно напугалась, а мне идти было еще... Я побежала бегом, закричала... И он стал подниматься, подниматься... До дома до того долетел, на крышу и в трубу — и все, и пропал. Вот это я видала сама.

24.

[Т.М.]: Пожили мы с мужем полгода и война. Ушел на фронт, взяли его, потом его отправили куда-то учиться. Он там выучился на лейтенанта. И вот его послали на фронт. Неделью дали побыть на фронте и убили. Осталась с ребенком.

[Соб.]: А не говорили, что если женщина очень плачет по убитому, то к ней является кто-то?

[Т.М.]: Я и плакала, ко мне не приходил. А вот напротив меня жила женщина, старше меня. Осталась тоже одна с троими, один-то умер. Маленький еще по году-то, он перебитым был. И к ней летали, больно уж плакала. И к ней летали, вот с гуляния идут: вот летит, говорит, огненный, чего-то огненное, говорит, и с хвостом, и над домом, говорит, рассыпается. И она вот говорила, уж после, уж стара, стали так мы сидеть, и она все рассказала. «Ходил, говорит, ко мне всё. Тут бывало, принесет гостинца и денег принесет. Утром встанем: какая не то бумага».

[М.Е.]: А все-таки было! Хоть бумага, а была. Кто-то приносил, хоть бумага, а была.

[Т.М.]: Вот у меня тетка — живой. Раньше подолгу служили. По двадцать пять лет, и вот он у нее был, служил. А жила с ... и свекровь, и свекр, и еще брат был. Плохо, видно, жила. И вот придет, где мать с сестрой, в другую деревню, в гости. Вот, говорит, иду, слышу, за мной (а он в кавалерии служил) шпорами-те шумит. Оглянусь — идет. Иди, и я иду за тобой, или еще чего не то ей скажет. Она маленько отойдет. Незнамо где идешь! Иди и я пойду за тобой! Говорит, идем и разговариваем. Не только мертвый.

[Соб.]: Это плохо, что ходит?

[Т.М.]: И хорошо, и плохо. Вот, говорит, до того дело дошло, уж стала обкладываться дитями, боялась — задушит. Он — чтобы не было никого. Стала ложиться с дитями.

25.

Знаешь, как было. Это уже я помню. У меня брат умер девятнадцать лет. У него жена осталась, полтора года прожила без него и она нечаялась: «Как хорошо без него мне жить». Пил, скандалил. «Ой, я не наживусь», — все говорила. Я говорила: «Ну, что ж, живи одна», — я говорила. Теперь, стала она по нем переживать, тосковать. Может быть, он ее там тревожил. Стал он к ней ходить. И слышим разговор: «К Марусе Саша ходит». Я пошла, говорю: «Маруся, правда аль нет? Ты не привечай, ты не привечай, затаскает он тебя». — «Ну, прям уж!». Хвать, до того ее дотаскался — уже стала она прям ходить к нему на кладбище. То он к ней ходил, а потом уж они с ним якшились, он ее стал звать, принес ей орех, как будто бы орехи, а эти орешки оказались — овечьи. Пришел, говорит: «Я тебя любил, я тебе орехов принес». В двенадцать ночи она собирается и уходит. Они жили одни, никого не было, ни детей, ни внучат, никого. И она уходит с ним. «Пойдем за мной». Он полез, видимо, первый на чердак, а она за ним. Она спотыкнулась, спотыкнулась с этой лестницы. «Господи Иисусе», — она сказала. Проснулась, никого нет. И его нет, и орехи валяются, лежат. Она споткнулась и «Господи Иисусе» сказала. Ну и все, и он ушел.

Потом стали через речку прыгать. Это уже другой раз. Повел ее на кладбище. Он-то речку перепрыгнул, ручеек, а она не перепрыгнула, тоже оступилась. «Господи Иисусе!». Очнулась, никого нет и ничего нет. Пришла домой избита, ушиблась, на камень, видимо, или на сучок. «Маруся, — говорю, — сеняковские говорят, что ты на кладбище шла». — «Ну, это все...». Не признавалась. И до того доводился, что через полтора года она тоже умерла.

Он ее исколотил и избил. Он ее поведет куда-нибудь, а она идет. А то корову держали. Побьет ее об ясли, где корову кормили, об ясли она тоже ткнулась, то об ведро, то с преступок упадет. За ним пойдет, как только упадет — «Господи Иисусе!». Как только скажет «Господи Иисусе» — никого нет.

[Соб.]: А как он к ней ходил?

Как человек, как обычно. И с ногами, и все. Только она его не видит. Она его не видит тогда, когда спотыкнется и скажет: «Господи Иисусе!», вот тогда уж все. А так она его видела. Она ему подчинялась.

26.

А это вот я тоже слыхала. У меня двоюродная сестра, Граша, в Лесникове. У ей мужа убили. Она больно плакала. Она идет на работу — ей неохота с тобой и со мной идти. Она все одна и разговариват, разговариват. А суседка-сродница заметила за ей. Говорит: «Граша! Что ты делаешь?». «Я уже не могу, я уже с ним сплю». Пригласили сестру, Пашу. Она говорит: «Не ложись со мной». А она: «А я лягу с тобой. Давай на пече». Она туда легла, Паша, она с краю. Но все равно говорит Паша: «Я не сплю, жду, когда она будет говорить». Хвать, она начинает говорить, с ним разговаривать, разговаривать. Я говорю: «Ты чего делаешь, чего делаешь?». Она заревела, она говорит: «Я не могу». Но ей сказала: вот на другой день он придет, и ты его спроси: «Вань! Повадился к нашей корове бык, чем мне его отвадить?». Он тебе скажет. Она его спрашивает: «Вань! — она и говорит. — Вань! К нашей корове повадился бык. Чем мне его отвадить?». Он отвечает: «В траве пустырник... нет... чертогон, он будет к тебе идти, а ты ему промеж рог, и скажи: «Больше ко мне не ходи!».

И сразу, говорит, зашумело. И эти упали. И ветры зашумели, вроде труба. А утром проснулись — все на месте. И больше не стал ходить. Казалось, и труба, и ведра, всё на полу, а встали — всё на месте.

27.

У одного мужика жена умерла. А он ходит, разговаривает с ней. А потом у ней мать убилась на машине, ее похоронили. Она жила с бабушкой старенькой. И говорили, что к Маше мать ходит. А ей (Маше) было лет шестнадцать. А с ней ночевала подружка. Они пришли с гуляния, легли спать, и Маша разговаривать стала (с матерью), а эта слышат. И утром пришла домой и сказала: «Больше я не пойду, потому что она ночью разговаривает с матерью. К ней мать приходила». Но она никому не признавалась. Принесет (матери): «Вот, платок тебе принесла», а вместо платка, когда проснется, газета какая-то. И никому она не признавалась. Я ее спрашивала, а она: «Нет, нет». А подружка ее выдала.

28.

Это нам жутко казалось. Я все пряталась. Лежала на печи, русская печка была. Господи! Как жутко. Ну, когда уж его вынесли и девять дней не отмечали. До сорок дней горела у нас всегда лампадка. До сорок дней прогорела. Сорок дней отправили и уже свечи погасили. А как раз на сороковой день что-то нам дико показалось. Вот сороковой день и в двенадцать ровно в окошко стукнул три раза. Может, нам показалось, но показалось нам, что он пришел. Наверное, все-таки он стучался. Поэтому мы везде расставили кресты, на дверях и на окнах. Чтобы никакой щелки не было, чтобы душенька его не вошла.

29.

У меня умер отец, а у меня девчонке было младшей восемь месяцев, а я к матери ходила ночевать каждый день. И вот, значит, прихожу, завтра — сорок дней, пришла готовить всё. Колька спал в той комнате, брат. Девка у меня спала на кровати. И мы все тут и возились. Я люстру мыла, а она говорит: «Я пойду в коридоре пол протру». И без пятнадцати двенадцать ночи в дверь кто-то как застучит! И такой напал страх, коленки задрожали... «Мать, ведь это отец, говорю, прощаться приходил!» Больше ничего не было. Потом все у меня прошло... И утром выходим на улицу у переднего угла до окон (снежок свежий был) — птичьи следы. Мы тут рассказали читалке, она и говорит: «Придете, говорит, на кладбище когда, посмотрите, должна быть трещина в могиле, и оттудова такие же следы». Приходим на кладбище — точно: сбоку трещина, из этой трещины такие же следы и в калитку, в дверцу. А никто не слышал. Только мать слышала и я слышала. На сороковой день.

30.

Ко мне тут родители Райки из нашей деревни пришли. Райка, чай, не поминает и мать-то с отцом. Идет. Ее Катей зовут. И Павел Иванович, муж. И идут друг за дружкой. Я говорю: «Вы по какому вопросу пришли? По делу по какому?». А женщина эта, Катя, и говорит: «Кать, ты уж нас накорми, пожалуйста!». Я как проснусь резко, а у меня хандроз вот в этой ноге-то, такая ломота бывает. «Батюшки, накормлю, — говорю, — накормлю обязательно!». Встала, да... Раньше она (Рая. — *Соб.*) ходила ко мне тут, сейчас-то перестала ходить-то, а ходила, я ей рассказывала: «Рай, сама-то обедаешь, уж неужели помянуть-то нельзя, неужели жалеете кусок хлеба?!». — «Нищих нет!». А я никогда не жалею, чтобы дать кому-то поесть хлеба-то.

31.

Ну, и вот насчет колдунов. Тетя Паша Лякина была. И вот ходил слух, что она колдунья. Мы были маленькими, решили проверить. Проверять можно по-разному. Откуда у нас эти знания? Видимо, тоже откуда-то дошли. Тетя Паша пошла на колодец. Мы, мальчишки, девчонки, класс пятый-шестой, давайте. У нее около дома лежал чурбан, такое бревно. Парень один взял, воткнул туда ножик — почему-то решил, что именно так надо проверять колдунов, видимо, знание какое-то было. И на тропинке, где ей перешагнуть, как идти к дому, калитку открывать, дверку, положили иголку, в ее след воткнули иголку и накрыли тряпочкой красненькой. Тетя Паша идет, она очень долго не могла войти. Нам стало жутко, потому что вечерело — вот вам и фильмы ужасов! Она только-только вылила, опять пошла за водой. И мы только бросились смотреть, она быстро сразу повернулась: «Вы что тут делаете?» Я не знаю, чем это объяснить, но иголка была заржавленная, а ножик вылетел. И как только мы это увидели, нам стало так жутко, и мы бросились... а у нее дом был последний, а дальше у нас гора, Чаадаево на холмах же. И мы бросились туда, и вдруг перед нами забежали кошки. Знаете, как было жутко, мы не знали, как возвратиться домой. Потом мы очень долго наблюдали, видели, что вот эти тени у нее по окнам.

32.

Умывают ребенка не святой водой, а от сглазу. Умывают. Это кто умеет. У меня вот тетка Таня Маркелова, ну вот голод был, семья большая была, бедность, а она была очень полная. Ну, и наверное кто-нибудь подумал: «Голодная — а такая полная». И с ней было плохо. Ее вот трясет всею, температура, трясет. Сестра ее бежит к нам, за моей мамой. Говорит:

— Бабушка Акулина, иди, Танька помирает.

Она пришла, поглядела, воды, прям из колодца зачерпнули воды, вот на угольки «Богородицу», пять или что ли шесть угольков пускают там. От женщины, от мужчины, от Бога и тот который зашипит, ну, например, от женщины — значит женский сглаз. И вот ее спрыскивают маленько, глотнуть дадут разка два, и прям из кружки этой выливают прям в пятку, у двери. Выльют и закроют. И проходит. И сразу ей легче.

33.

У нас у одного, так же над ним сделали, видимо на свадьбе. Она знала. Она сейчас умерла. Он бесился, что он делал — сил нет. Его и в больницу увезли, в больнице ничего не помогло. Но нашли они такую старуху, куда-то они ездили. Отделала, перестал и родила она сына, и до сих пор живет.

А как бесился, все бил, колотил, бегал, как огненный. И никто его не мог утешить.

...У меня на свадьбе нашли прямо в двери, прям какходишь, нашли волосяной клубок, и весь-весь был он в иголках. Кто-то хотел, что-то сделать. Завидовали, он был очень хороший и все с ненависти, чтоб он меня не брал.

А не нашли б — может тоже бы бесилась. Может, разошлись давно, никого бы не было, и сама б в земле была. Если бы не нашли б никого отделать, конечно он бы попал.

34.

Слушай, еще один про нее расскажу случай. Я приехала из города к маме: там мама у меня жила. Приехала на выходной и пошла на колонку за водой. <...> Как раз мимо ихнего дома проходить. Ну, я туда иду, она выглянула в окошко: вся черная, лицо всё чёрно-чёрно, прям крашенинно! А я: «Господи!» Вот так, налила воды из колонки, бегу домой. «Мам, а чего, — говорю, — Мосалиха (её Мосалиха да Мосалиха всё звали) такая ... страшная?» — «Да вот, говорит, что вишню обрывала и, вроде, упала. (А у нас у всех тогда вишни были в огородах, мы целый день сидели да обрывали эту вишню.) «И никто, — мама говорит, — не слышал-то, как упала». Обычно, кто если оступится, слышно: «Ой, батюшки! Ой, свалилась я там, упала!» Кричим. Тут, когда никто не видал, не слышал ничего, такое дело...

Немного времени прошло, и она поехала с этой с вишней на рынок. Приехали, ну и, как обычно, все свои-то встаем рядышком. Вот, с ней тут одна женщина рядом стояла, она потом рассказывала. Вот, говорит, идет старушка. Ага. Идет старушка, и вот глазеет, глазеет на нее и говорит: «Эх, во как тебя черти-то отторопали!» Ну, мало ли кто упадет или там чего, а она вот так сказала. Эта женщина говорит: у меня волосы дыбом, я не могу ничего дальше сказать! Вот так... Видишь, значит, она действительно чего-то знала в этом деле... Говорят, колдунья дает чертям работу: кого-то испортить, кому-то плохо сделать. А если не дает, то черти могут ее наказать...

35.

Еще случай. Это уж мне моя мама рассказывала. С ней же. Значит, приехали цыгане в колхоз: может, там лошади какие — поменять или там чего. Разговаривают с бригадиром. И ее муж тут стоял, и она подошла, еще одна женщина тут стояла. Ну, вот, чего-то там говорили, говорили, и она там какие-то слова стала вставлять. А цыган, говорит, как на нее взглянул:

— А ты молчи, ты не человек! — на нее.

Она:

— Что это, что это, я не человек?

— Ты не человек!!

Вот так, еще женщина рядом стояла, про нее ничего не сказал, а про эту сказал. Ага. А моя мама там сторожила. И вот эта женщина подходит, говорит:

— Нюр (шепотом — *Соб.*), ой, чего я счас слышала! Вот так и так <...>

И вот мы все это сопоставили, сопоставили: значит, она что-то знала.

36.

Те, которые порчу наводят, умирают тяжело. Я хоть девчонкой молоденькой была, старуха-то жила, все говорили она колдунья, колдунья. То в свинью превратится. Не знаю, как-то превратится в свинью. Там говорят, ребята ее поймали, уж насколько верно — опять не знаю, ухо этой свинье отрезали и она не выходила долго из дома.

Раньше колдовства было полно.

И вот когда эта старуха умирала, очень трудно умирала. Ей, говорят, потолок выламывали, ну, потолочины. Она не могла умереть.

Вот оборотится в свинью и бежит, или в кошку.

37.

[Соб.]: А не рассказывали, у вас никто не умеет оборачиваться?

Раньше это было. Раньше и свиньями оборачивались, и лошадьми. Раньше было у нас. Вот как ее звали? Эта старуха была — она жила там за прудом. Вот она оборачивалась свиньей. Бывало, робята, девки идут гулять... Ее раз робята поймали. Ей взяли да уши-ти и отрезали. А она и... без ушей. А не то лошади ходили. На поезд, раньше ходили на поезд, на пятый... Туды вот до пятого километра. Вот идем мы, и бежит жеребец за нами. Вот прямо от самого Петраково и до... Бежит жеребец, говорит, и все ржет. Так и узнали ее. Дошли, говорит, до этого, там... болото, дошли до мшанника — ...ускакала лошадь и ржать не стала. Вот, говорит, как я вас. ...Крикнула только — вот как я вас!

[Соб.]: Это все она же?

— Да. Она. И лошадей оборачивалась, и свиньей. Вот такая была сволочь. Вот ее взяли ребята... без ушей. (Некоторые слова на записи звучат неразбочиво. — Соб.).

38.

Была колдунья какая-то. Слышала, но не видывала. Уши, говорит, отрезали!! Вот она оборотилась колдуньей, поросенком. И обрезали уши. И она, дескать, была, все время ходила обвязкой. Раньше, раньше, слышала сама, но видеть, не видела. А слышала. «Ой, там Матренка, говорит, колдунья! Оборотилась, говорит, свиньей! Ей, говорит, уши обрезали». А уж правда ли, неправда, не знаю. Там жили. Матренка-то, бабы говорят, колдунья. Слышала, а видеть не видела. Не приходилось видеть.

39.

Есть такие люди. Таких людей знаешь, как бояться надо. У нас были в Саванчакове такие люди. У нас сын чуть мать не зарубил. Училась на ем колдовать, на сыне.

Мы жили в Старых Котлицах, а они к Дьяконову. Приходит один раз и говорит... а раньше у нас в Дьяконове была Зина, у ней была черна магия, к ней все ходили Она однажды говорит: Знаете, девки, чего я вам сделаю. Сейчас колоду замешу, и все колдуны придут к колоде, и всех вы увидите. Муки замесит, ну, колоды большие, капусту рубят. И они сейчас все придут, вы всех увидите. Ну, что-то мы тогда никто не согласились, были помоложе, еще я незамужем была.

И вот она училась, ее сестра и она. Вот теперь так — доказывает батюшка. Вот сейчас Пасха. Иди на Пасху во всем новом, во всем новом — нестиранном, и увидишь, кто стоит не к передку иконами, а взад. Всех увидишь, только надевай все новое. Колдуны (в церкви) стояли к двери лицом, а мы встали к иконам.

Их два было сына. И вот он сохнет и сохнет. Он к этой Зине пошел в Дьяконово. Дескать, что такое?

— Тебя сделала мать.

— А чего же делать?

Он приходит, заматывает волосы (у нее были густые), схватил и на порог, хотел ей голову отрубить. А как раз еще один сын, брат его идет.

— Ну, говорит, вырви волос у нее, несколько выщипни волос.

Он вырвал эти волосы с нее и понес назад к Зине. — Ну хорошо, что захватил, она б тебе насмерть сделала. И он уехал, скрылся. Она на сыне училась.

40.

Еще оборотни были. Еще, миленькие мои, еще женщина, лично при моих глазах перевернулась через забор, оборотилась коровой. Мы жали, и побегла куда-то к речке. Это лично вот при мне было.

41.

Иду домой, ну до дому-то не дошла, вот насупротив тоже были дома, вот я иду домой, не обращаю вниманья, взглянула вот так — идет лошадь мне навстречу и верховой. Я встала, лошадь встала. Я иду, лошадь идет. Ой, я вот так как к дому брошусь! Как заору! Отец, покойный, выбег: «Ты чево?» А уж у меня язык-то отнялся. Тоже, видела.

[Соб.]: А что это было?

— Колдуны. Это, вот, колдуны. А раз случай у нас тоже был... Одна женщина была колдунья, и она набросилась на мужика. А он, не будь дурен, у ево ножик был в кармане, раз, и ухо отрезал.

[Соб.]: А она в каком была обличье?

— Она старенька уж была, пожилая. Я вот не помню, кем она оборотилась. И он ей ухо отрезал. Домой приходит и говорит: «Мам, — я говорит, — колдунье ухо отрезал». Она приходит на работу, говорит: «Вот так и так, сын ухо отрезал». Председатель собирает собрание, вот. «Чтобы, — говорит, — все пришли, ну, и старый, и малый». Ну, все собрались, а одна женщина не пришла. Вот пошли к ей, а она лежит на печке и охает, завязана. «Баушка, ты што не пришла на собрание?» — «Да я болею». — «А че у тя?» — «Да вот, у меня голова». — «Ну-ка, давай, развязывай!». Она не развязывает, ее развязали, у ей ухо-то отрезано было, вот.

Раньше полно колдунов-то было, море.

42.

Бабушка превратилась в свинью. Она хватала за подолы и тянула к себе. Ее поймали и отрезали ей ушки. Маленькая девочка говорит: «У бабки ушков нет». Когда померла, стали ее обмывать. Я, говорит внучок, ей ушки отрезал, она, говорит, в свинью превратилась... Хватает прям, тащит к себе за подол.

43.

С поезда вот здесь тропка была, лесом и полем тропка была. И один был у нас такой шустрый, Николай его звали. Он первый: «Вы не ходите, особенно зимой, а то вы спутаете дорогу, и мы спутаемся с пути». Вот это мы знали. Вот когда, значит, этот вот шел парень-то, идет свинья, идет свинья. И это у кого? Наверно, у дяди Коли Гаврилова свинья вышла со двора, наверно, она. «Надо, — говорит, — нам обязательно подойти туда». А она кричит свиньей-то: «Не ходи, Борис, не ходи. Это я». Он понял, что это тетка Матрена, и пошел домой. Пошел домой, а жил тама, в конце, и пришел: «Мам, я чего видал! Вот, — говорит, — тетка-то Матрена вышла свиньей».

44.

А то и коровой, вот выходили коровами. Идет сын с гулянья и говорит: «Господи, опять корова вышла, наверно, все грядки измяла!». А хват — ничего не измяла. А он ей там, этой корове, дует там по плечам, везде, и он ей отбил все ноги, тетке Марине. А утром приходит и говорит: «Ну что ты, мам, чай заболела?». — «Да, что-то заболела, Ванька, что-то заболела, а сама не знаю вот что». А он ей всё отбил — вот и заболела.

45.

Она — не знаю, может быть... А вообще были такие случаи. Это мама рассказывала, когда они еще в девчонках гуляли. Вот у них такие случаи-то были, вот оборотни-то... Все-таки гуляли в каких-то шестидесятых годах, тут уж не так в Бога-то верили и не больно верили всему этому, а вот мама рассказывала. Гуляли, говорит, мы, и вдруг лошадь. Откуда ни возьмись — белая лошадь! У нас сроду белых лошадей-то в деревне не было. И вот, говорит, за нами! Мы на крыльцо там к одной — она прям на крыльцо лезет! (Лошадь она ведь обычно не лазит.)

Мы заорали дурным матом, нам открыли дверь, в избу пустили. Мы вбежали, как сумасшедши, все к бабушке Дарье, там у нас к одной старушке. Ой, вбежали, говорит, все орем. А она: «Чего, чего?» Вот ее муж вышел: никакой лошади. Никакой лошади нет: поглядел туды-сюды — и нет. Всё, пропала лошадь. А вот больше я не слышала про оборотней-то.

46.

Это произошло с матерью моей подруги. Колдунья жила напротив. И однажды получилось так, что я к подружке пришла, услышала — у них собака лает. Я так удивилась, такая обрадованная была, я в классе пятом тогда училась. «Лариска, — говорю, — тебе собаку подарили?». Она одна у родителей была, а родители уже пожилые были. И Лариска с таким ужасом говорит: «Нет!» — и ушла. Ну, потом рассказала. Оказывается, как она говорила, вот эта вот колдунья что-то сказала ее маме. И мама пришла с улицы и ни одного слова сказать по-человечески не могла, просто лаяла. Тогда вот что сделали. Привели эту колдунью и поставили ее и ее маму (Ларискину. — *Соб.*) на одну половицу. И заставили ее (колдунью. — *Соб.*), причем это долго не получалось, она вообще в дом входить не хотела и на одну половицу становиться не хотела, а когда получилось, они заставили ее читать отговор какой-то, молитву. И вот тогда женщина стала разговаривать по-человечески.

47.

В церкви то же самое было. Пришли в храм в Муроме, это Благовещенский храм, народу очень много было. И мальчишка стоял, лет тринадцати. Все стоял, также молился. И вдруг, когда стали петь херувимову (или херувимскую. — *Соб.*) молитву, он начал чихать. Сначала чихал очень редко, потом все сильнее и сильнее. Люди просто расступаться стали. Священники вокруг него встали и начали его, как это называется, отчитывать. Уже дошло до того, что у него припадок был. Он упал. Это с ним продолжалось, пока молитва шла. Этому мальчику лет двенадцать-тринадцать, а когда начинает чихать, это голос взрослого, очень взрослого человека, грубый-грубый голос. Ну и бабульки там шептались, что это бес в него вселился. Чтобы изгнать беса, отчитывают священники, но и у них не всегда получается.

48.

Разносила почту в Булатниково там столько-то и в Фёдорково. Мне говорили: «Ты, Кать, вот тут осторожно, тут колдунья живет». Она умерла. Она, говорят, даже на столб залезала. «Тетя Татьяна, — это булатнинские спрашивают, — ты чего там делала?». — «Я глядела, где скотина стоит, со столба». И ведь надо влезть!

[Соб.]: На столб?

— А-га.

[Соб.]: А на самом деле зачем? Чего она высматривала?

— Ну вот она, правильно, может скотину глядела.

[Соб.]: Чтобы испортить?

— Да чтой-то! У них корова была! Где табун стоит.

49.

Вот у нас рядом, у ней зять в Битюгове жил, и вот года три или четыре назад он приехал и говорит:

— Эх, у нас бабушка, — ну, родственница она им какая-то, — тяжело умирала, заташили, говорит, ее под кровать и язык вытянулся чуть ли не до пупка. Нечистый затащил под кровать, а что уж он с ней делал там?

50.

Тут женщина одна была, она нам помогала, лечила, она же нам и делала. Она не помирала знаешь до каких пор, долго лежала. Ее положат вперед (к иконам) она опять отдышится, опять кладут в кровать. Так не хочешь, выбивали половицу, половицу на чердак, половицу, говорит, выломали и туда нечистая сила отправилась вся и померла.

51.

И вот одна колдунья стала помирать, и она безродна. И она ушла к дальнему родственнику жить-помирать. Хворает и никак не помрет. Хозяин пошел к Павлуше вон из той избы. Она никак не помрет. «Ты мне не поможешь?» Она никак не помрет... «Вот сходи за одной женщиной, сходи за ней». Он сходил. В два часа ночи привел ее, она пошептала и пошла домой. Ушла — и та померла. Она должна была передать свои знания.

52.

Вот не знаю, как вот эта баушка, Мосалиха-то, умерла: она умерла у дочери в городе. А так очень тяжело умирают, никак не могут умереть и кричат: «Возьми!» Им надо отдать кому-то вот это вот всё. «Возьми!» Подзывают родных там, кого: «Возьми!» А вот кто-то из родных сжалится уж, подойдет там, возьмет... Но очень тяжело умирают, это я слышала. Пока не отдадут, они мучатся даже несколько суток.

53.

Работали в сенокосе. Ну, там работали как: мужчины мечут, женщины согребают сено. Ну, мы, все женщины, сено согребли, свалили там в копны, сделали своё дело и сели отдыхать. А был один, про него говорили, что он колдун. Помнишь его, тётъ Наташ? Не помнишь?

— Ну как не помнить...

Обедать уселись! Ему не нравится, что мы сидим, у них сено ещё надо! Поднялся такой вихрь! А ты помнишь, он связал сено...

— А я не видела вот...

А я помню. В узел связал сено и бросил. Как только ураган приподнялся, он как копны приподнимет кверху, ой! Всё сено разнесло, вот нам работы было, вот, да, да. Сидим, а он: «Горло, мать, уселись! Сидят!» И всё сено, вот нам работы! И пошли работать снова.

54.

Я вот помню, у нас пастух был барановский, и мы выгоняли скотину. А он и говорит: «У вас здесь в Петракове колдунов много, вот, поставьте мне четверть вина, я поставлю колоду и к этой колоде все ваши колдуны соберутся». А никто тогда не поставил яму вина и он сказал: «Зря вы». Ну, он сам знал это дело.

55.

А подследишь, бывало, сам ляжется и коровам говорит: «Я лег, и вы ляжитесь». Скотина полегла. Выспался, встает: «Я встал, вставайте». А как погонит, сам идет и скотина за им, он оглянется: «Вы куда? Я к жене, домой иду, а вы куда? Идите домой». Скотина повернет и к дому придет.

[Соб.]: А не говорили, что пастух специальное слово знает?

— Да он не наш деревенский-то, он барановский.

Примечания

1. Ваганова П.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1216.
2. Городничина А.Д., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1091.
3. Михеева Н.Г., 1932 г.р. ЦРФ-Э-1217.
4. Филатов И., 1989 г.р., ЦРФ-Э-1121.
5. Новожилова А.И., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1096.
6. См. № 2.
7. Салтыкова Н.И., 1937 г.р., ЦРФ-Э-1121.
8. Меньшова А.В., 1941 г.р., ЦРФ-Э-1122.
9. Ивлева Т.П., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1074.
10. Сумкина Е.М., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1335. Екатерина Михайловна — исполнитель с обширным репертуаром, включающим разные жанры. Часть рассказов была записана на видео.
11. См. № 10.
12. Белякова З.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1122.
13. См. № 5.
14. Малькова З.И., 1931 г.р., Городничина А. Д., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1091.
15. См. № 14. Тексты от этих исполнительниц были записаны в ходе живой беседы, в которой принимали участие и другие местные жители. Новые рассказы возникали как отклик на предыдущий, почти без вопросов собирателей. Поэтому былички ориентированы не только на постороннего. Например, № 17 начинается со ссылки на известную всем, кроме собирателей, Тоньку Бабанову.
16. См. № 2.
17. См. № 2.
18. Коробкова Н.А., 1970 г.р., ЦРФ-Э-1094. Наталия Александровна работает библиотекарем и много читает.
19. Зеленова К.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1227.
20. См. № 2.
21. Кочнева М.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1124.
22. Поликарпова Е.И., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1122.
23. См. № 21.
24. Воеводина Т.М., 1916 г.р., ЦРФ-Э-1091.
25. Рогоськина К.М., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1079.
26. Салкова Н.П., 1918 г.р., ЦРФ-Э-1096.
27. См. № 21.
28. См. № 25.
29. Русакова В.С., 1962 г.р., ЦРФ-Э-1090. Вера Сергеевна работает директором Дома культуры.
30. Брунова Е.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1332.
31. Пахомова Н.Н., 1961 г.р., ЦРФ-Э-1124. Наталия Николаевна имеет высшее образование, работает учителем, пишет стихи.
32. Бухарова З.Н., 1930 г.р., ЦРФ-Э-1077.
33. См. № 25.
34. Кутакова Н.Н., 1940 г.р., ЦРФ-Э-1122.
35. См. № 34.
36. См. № 32.
37. Веденеева Р.Д., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1063.
38. Караваева М.Ф., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1089.
39. Мойсеева А.И., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1072.
40. Макарова Т.И., 1914 г.р., ЦРФ-Э-1123.
41. См. № 5.
42. Репин И.И., 1932 г.р.
43. См. № 30.
44. См. № 30.
45. См. № 34.
46. См. № 31.

47. См. №31.
48. См. № 30.
49. Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1075.
50. См. № 49.
51. Бочкарева Т.М., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1218.
52. См. № 34.
53. Герасимов О.Д., 1942 г.р., ЦРФ-Э-1216.
54. См. № 5.
55. См. № 5.

Исполнители

Белякова Зинаида Ивановна, 1931 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков и А.С. Белова.

Бочкарева Татьяна Михайловна, 1921 г.р. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. И.М. Борисова, С.В. Лебедева.

Брунова Екатерина Ивановна, 1920 г.р., местн. Зап. в 2005 г. в д. Федорково. Соб. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова.

Бухарова Зинаида Николаевна, 1930 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская.

Ваганова Прасковья Григорьевна, 1919 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в с. Благовещенское. Соб. И.М. Борисова, С.В. Лебедева.

Веденеева Раиса Дмитриевна, 1929 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. И.Е. Посоха.

Воеводина Татьяна Михайловна, 1916 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. Н.Е. Котельникова.

Герасимов Олег Дмитриевич, 1942 г.р. Зап. в 2004 г. в с. Польцо. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных.

Городничина Александра Дмитриевна, 1935 г.р., урож. д. Саксино. Зап. в 2003 г. в д. Тереховицы. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова.

Гришина Глафира Васильевна, 1931 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская.

Зеленова Клавдия Павловна, 1923 г.р., урож. д. Рожново (Талызинский с/с), с 1948 г. проживает в с. Якиманская Слобода. Зап. в 2005 г. Соб. В.Е. Добровольская.

Ивлева Тамара Петровна, 1935 г.р., местн. Зап. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская.

Караваяева Мария Федоровна, 1923 г.р., урож. д. Иваньково. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. Н.Е. Котельникова.

Козлов Петр Петрович, 1936 г.р. прож. в с. Польцо с 1966 г. Зап. в 2004 г. в с. Польцо. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных.

Коробкова Наталия Александровна, 1970 г.р., местн. Зап. в д. Михалево. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова.

Кочнева Мария Павловна, 1925 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.М. Королева, Е.В. Грудзенко.

Кузьмичева В.С., 1941 г.р., прож. с 1963 г. в д. Шумилиха. Зап. в д. Шумилиха. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных.

Кутакова Нина Николаевна, 1940 г.р., урож. д. Волнино. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова.

Макарова Татьяна Ивановна, 1914 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев.

Мальшева Екатерина Владимировна, 1956 г.р., местн. Зап. в с. Боровицы. Соб. И.Н. Райкова.

Мальков Евгений Александрович, 1930 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Тереховицы. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова.

Малькова Зинаида Ивановна, 1931 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Тереховицы. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова.

Меньшова Александра Владимировна, 1941 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков и А.С. Белова.

Михеева Нина Георгиевна, 1932 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в с. Польцо. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных.

Моисеева Антонина Ивановна, 1920 г.р., уроженка д. Саванчаково, с 1968 г. — в д. Петраково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская.

Нестерова Анна Титовна, 1925 г.р., уроженка г. Навашино, с 1950 — в с. Степаньково. Зап. в 2005 г. в с. Ковардицы. Соб. В.Е. Добровольская.

Новожилова Антонина Ивановна, 1938 г.р., урож. д. Саванчаково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. С.В. Просина, Н.Е. Котельникова.

Пахомова Наталия Николаевна, 1961 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чаадаево. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев.

Поликарпова Евдокия Ивановна, 1924 г.р., местн. Зап. В 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова.

Репин Иван Иванович, 1932 г.р., с. Борисоглеб.

Рогоськина Клавдия Матвеевна, 1929 г.р., урож. д. Санниково. Зап. в 2003 г. в с. Степаньково. Соб. В.Е. Добровольская.

Русакова Вера Сергеевна, 1962 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. Н.Е. Котельникова.

Рыбакова Анисья Яковлевна, 1918 г.р., урож. д. Паново Меленковского р-на, с 1937 г. — с. Александровка, с 1941 г. — с. Ковардицы. Зап. в 2005 г. в с. Ковардицы. Соб. В.Е. Добровольская.

Салкова Надежда Петровна, 1918 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. С.В. Просина, Н.Е. Котельникова.

Салтыкова Нина Ивановна, 1937 г.р., урож. Саванчаково, с 1949 г. — с. Борисоглеб. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков и А.С. Белова.

Святова Зинаида Васильевна, 1931 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская.

Семенова Любовь Ивановна. Зап. в 2003 г в д. Саксино. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова.

Сергеева Мария Егоровна, 1926 г.р., урож. с. Польцо, Зап. в 2004 г. в д. Шумилиха. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова.

Сумкина Екатерина Михайловна, 1921 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в с. Булатниково. Соб. И.Н. Райкова.

Суркова Александра Михайловна, 1916 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Л.В. Фадеева.

Суркова Мария Васильевна, 1935 г.р., урож. д. Александрино Меленковского р-на, с 1959 г. — в д. Петраково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. Л.В. Фадеева.

Филатов Игорь, 1989 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков и А.С. Белова.

Ярлыков Павел Михайлович, 1915 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. И.М. Борисова, С.В. Лебедева.

Религиозная проза

Устная религиозная проза представляет собой весьма обширный пласт современного фольклорного репертуара. Она включает фольклорные пересказы библейских текстов (так называемая «народная Библия») и фрагментов житий, классические книжные и устные легенды, мемораты, повествующие о личном духовном опыте рассказчика, а также размышления современных людей по поводу поверий и запретов, связанных с народным православием. Судьба всех этих жанровых разновидностей хорошо прослеживается в устной традиции Муромского края.

Живой интерес муромцев к вопросам веры связан не только с религиозным возрождением последних десятилетий. Не будет преувеличением сказать, что этот интерес рождает сама муромская земля. Муром и его окрестности знамениты своими храмами и монастырями. Здесь покоятся мощи святых, жизнь и деяния которых были неразрывно связаны с этими местами, — князей Константина, Михаила и Феодора Муромских, праведных Петра и Февронии Муромских, праведной Иулиании Лазаревской. Память о них запечатлена в житиях и житийных повестях, составивших золотой фонд русской литературы XVI—XVII вв.¹

«Книжная» составляющая местной религиозной памяти имеет большое значение. В сознании современных муромцев описания деяний почитаемых здесь святых четко соотносятся с книгой. И хотя исследователи отмечают, что в основу этих произведений были положены народные легенды, судить о том, какими были эти устные повествования, сегодня, спустя столетия, не представляется возможным.

Книжный характер местного церковного предания ощущается и при ознакомлении с культами, которые возрождаются или вновь утверждают себя в массовом сознании после десятилетий гонений на церковь. Примером тому могут служить действия местного духовенства и православной интеллигенции, направленные на утверждение культа преподобного Ильи Муромца как святого-покровителя города. Всё, что местные жители знают об этом святом и связанных с его почитанием родниках (возникших на месте «скоков» коня Ильи Муромца), так или иначе обусловлено книжными и газетно-журнальными публикациями.

Письменное слово вообще играет большую роль в современном бытовании устного религиозного рассказа — и как один из его возможных источников, и как один из способов его функционирования. Так, в Николо-Набережной церкви хранится рукописный сборник под названием «Описание чудес, совершающихся по молитвам святой и праведной Иулиании». Его начали составлять по благословению настоятеля храма протоиерея Николая Стройкова в 1997 г. с целью сохранить в памяти прихожан рассказы о чудотворениях, проистекающих от мощей праведной Иулиании Лазаревской. На сегодняшний день это довольно представительное собрание устных рассказов, причем письменная форма фиксации хотя и влияет на

¹ Лучшими образцами деятельности местной литературной школы являются «Повесть о водворении христианства в Муроме» (середина XVI в.), «Повесть о Петре и Февронии Муромских» (XVI в.), «Повесть об Унженском кресте» (XVII в.), «Повесть о Иулиании Лазаревской» (XVII в.), «Повесть о чудесах Виленского креста» (последняя четверть XVII в.).

стиль этих текстов, но ничуть не меняет их статуса в традиции. Одним из лучших образцов приведенных здесь повествований является рассказ самого отца Николая Стройкова, которым открывается коллекция: *«Я пришел в Николо-Набережный храм в очень трудное для меня время — время большого церковного нестроения. Непримиимо враждовали между собой настоятель и церковный староста. В междоусобицу втянулась и часть прихожан. Именно этим событием и был вызван мой перевод с прихода, где я прослужил 30 лет в мире и согласии. Как мог успокаивал людей, призывал к христианской любви и миру, но результат, нужно сказать, был плачевный.*

С первых дней <и> поныне, приходя в храм, в первую очередь я иду к мощам святой и праведной Иулиании Лазаревской, чтоб просить Благословения. И вот в один из этих беспокойных дней вижу в сонном видении Матушку, лежащей в раке. Я как будто по обычаю подошел приложиться к мощам и вижу, что тело святой по всей его длине перетянуто широкими ремнями, завязанными прямым узлом. И эти узлы мне предстоит развязать. Мой растерянный взгляд падает на Ее лицо. Она же с улыбкой, прищуря один глаз, смотрит на меня. А затем, протянув костлявую руку, шуточно щелкает меня легонько в лоб, как бы говоря, что ж ты, чудак, загоревал? Резко просыпаюсь. Не испугался, а наоборот, ощущаю какое-то радостное приподнятое настроение.

Вскоре все нестроения успокаиваются. Еще вчера непримиимо враждующие стороны мирно расходятся. Все “узлы” по молитвам святой и праведной Иулиании развязались как бы сами собой. С тех пор все свои скорби и проблемы я несу к раке мощей Всемилостивой Иулиании и нерушимо верю в их разрешение» (запись датирована июнем 1997 г.).

Желание верующих поделиться своим религиозным опытом, свидетельствовать о Божьем чуде является одним из важнейших стимулов к созданию устных рассказов. Причем событийный фон в них нередко оказывается весьма обыденным: *«Поехали мы на поле к церкви к Семёновской. Поехали за сеном. Встали только, а у нас были копны сена. Туча идёт. Чёрная, сил нету! Ой, мне так сено было жалко. Сено ведь должно быть сухое. Ой, а мы только начали. Зять один подавал, один ехал, я на возу. Ой, прям со слёзами всё: “Илья-пророк, помоги! Не дай нам!..”. И вот туча встала у дороги. Там дождик льёт. А мы... ничего. Я говорю: “Илья-пророк, я в церковь схожу на Ильин день, только помоги!”. Прям со слёзами. Зятья молчат, а у меня аж слёзы были. Там уж дождик лил сильный, прям как из ведра. Прям аж не видать в пяти метрах ничего было. А мы ничего! Сено навеели, поехали. Туча прошла, прошла, всё. А везде, где был дождик, прям чуть не по колено воды-ти. Мы едем, а нам говорят: “Наверное, уж потонули они, уж все сырые”. А мы едем сухие. Ладно, приехали. “Вы что? Как?” — “А у нас там дождя не было”. — “Как это?” — “Около нас был, а нас вот — не намочил”. Один зять: “Да мать вот всё молилась!”. Чудо прям.*

И я попала на Ильин день. Вот у дочери корову выгнала в табун. И лёгла. Говорю: “Сегодня какой день-то?”. Они все были здесь, косили. Чё, говорю, делать-то? Сегодня какой праздник? Ильин день. А я ведь обещала на Ильин день — надо идти, раз обещала. Или Бог накажет, накажет здорово. Если не сделать. Скорей собирать, скорей пошла. Иду улицей там. Женщина сидит. Я говорю: “Вот это женщина меня ждёт”. Точно, на лавочке сидит и говорит: “Ты не в церковь?”. Я говорю: “В церковь”. Она: “Погоди тогда”. Я к ней подошла. И она мне пряничек с конфеткой дает. И дает два рубля. Вот купи две свечки: одну к празднику, а другую — на панахиду. Гляжу, ещё одна. Вот и эта ждёт. И эта также. “Ой, и мне тоже вот”. Я: “Ну, давай”. Иду. А первая: “Правда в церковь?”. А это дело-то не врут. В церковь-то идут — обманывать нельзя. Грех большой. Я говорю: “Мне не нужны ваши два рубля”. Уж никак не свяжусь я с ними. Опять иду. Они: “Ну, как?”. Я: “Поставила”. — “Ой, спаси Господи, спасибо!”. Вот нет-нет, а вот тебе и есть!» (Холодова Л.С., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1218).

Рассказчик словно стремится показать, что общее (универсальное) знание, переданное традицией, подтверждается частными примерами из его собственной жизни или жизни его близких. Так, перефразируя слова известного религиозного

писателя Сергия Нилуса, *великое* отражается в *малом*. Подобное отношение к религиозным запретам, передающимся из поколения в поколение, прослеживается в многочисленных легендах о Божьей каре. Ср.: *«Я вот на Благовещенье, праздник такой большой, поехала на Благовещенье на машине такой за сеном. Пришла заведующая с фермы: “Христа ради помощи, скотину кормить нечем”. Ну, я жадная была на работу, я и пошла. Сидела наверху и на повороте, машина повернула, я с верху-то и упала. Очень сильно ушиблась. И сразу меня в больницу повезли. Обследовали, ничего не поврежденно, только ушиб. Ну, вот теперь я вспомнила, как в праздник работать. Это наказание. Зато мать говорила: “Никогда не ходи в праздник работать, особенно в Благовещенье”»* (Рогоськина К.М., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1078).

Исполнение правил, предписанных традицией, — одна их важнейших составляющих народной религиозной жизни. Даже бытовые установления нередко воспринимались как заповеди, а нарушение их свидетельствует о разрушении общего миропорядка, о приближении конца света: *«<...> Это всё написано в Евангелии, там есть правила... А тут смотришь — Пасха, а они ничего не знают: стирают, полы моют, ничего не понимают, в бане моются. В такой-то праздник божье упаси мыться в бане и стирать. — [Соб.]: А почему? — Нельзя. Это ты моешься своей кровью. Это испокон веков дано. — [Соб.]: И шить нельзя? — Шить не знаю. Но в такие праздники: Егорий бывает в мае, шестого, в декабре он бывает девятого. Это вот очень серьезный праздник. Вот рассказывали: один поехал в лес за дровами, и убило его там дерево, нельзя ничего в праздник делать. — [Соб.]: Наказание будет? — Да, будет наказание. Предки нам предсказывали, что мы плохо будем жить, пить будем грязную воду. Это сатана какая-то всех загребет, вы про всё забудете, забудете, как креститься, вам Бог подавать ничего не будет. Любой праздник — а мы работаем, всем нужны деньги, деньги, деньги. Правильно говорят: счастье не в деньгах»* (Шунькина Н.Н., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1332).

Масштаб поступка, события для самого рассказчика не существен. Важна личная вовлеченность в сферу сакрального, причастность промыслительному устройению Божьего мира. Этим объясняется и попытка соотнести события Священной Истории (как прошлого, так и будущего) со своей родной деревней/городом: *«Я вот по своему мнению... Илья-пророк должен слететь за последние время... Он же живой вознесся на небеса. Вот. <...> Я думаю, у нас вот храм был (Ильи-пророка. — Соб.). Я говорю, он слетит, может быть, у нас. Его же будут казнить-то вот здесь... Уж на колеснице-то он поедет... Вот»* (Горчакова Е.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1188).

Локальная приуроченность сюжета — чуда, о котором повествует легенда, — может оцениваться и как свидетельство его достоверности (ср. многочисленные рассказы о провалах, которые, правда, в современном бытовании почти утратили элемент чудесного).

Думаю, что все сказанное объясняет постоянный интерес исследователей к народной легенде Муромского края и то, что до сих пор он реализовывался в основном в свете краеведения, помогая воссоздавать историю города и окружающих деревень и сел, этимологию их названий. Именно в этом направлении немало сделано Н.Г. и Е.П. Добрынкиными, собирательская деятельность которых еще в XIX веке открыла науке местные легенды². Много сил и энергии отдал изучению муромских легенд и преданий краевед А.А. Епанчин³. К сожалению, до сих пор остаются в архивах записи устной религиозной прозы, сделанные во время работы фольклорно-этнографической экспедиции ИАЭ РАН под руководством Э.В. Померанцевой (1960-е гг.), хотя, судя по отрывочным сведениям, вошедшим в моно-

² Ср., например: Добрынкина Е. Муромская область в ее поверьях, преданиях и легендах. Владимир, 1900.

³ Епанчин А.А. Топонимика Мурома и его окрестностей. Муром, 2001; «Господь поставил меня собирателем»: Из краеведческого архива А.А. Епанчина. Муром, 2002.

графию участницы этой экспедиции Г.А. Носовой «Язычество в православии» (М., 1975), они могут представлять значительный интерес.

Настоящая публикация знакомит читателей лишь с небольшой частью материалов, записанных во время полевых интервью в 2003—2005 гг. Здесь представлены наиболее типичные примеры, позволяющие судить о характере современного устного религиозного рассказа. Очевидно, что богатство этого пласта местного репертуара только приоткрылось нам. Его глубокое изучение еще предстоит.

ПЕРЕСКАЗЫ ЕВАНГЕЛЬСКИХ СОБЫТИЙ И ПРИТЧ

1.

Когда Иисус Христос воскрес, он снова был на земле. И прожил он на земле недолго, наверно, в течение месяца. На шестой неделе после Пасхи, наверно, вознеся на небеса. Человек, который прибывал Христа к кресту, плачет и говорит:

— Иисус, прости, я не по своей вине!

Иисус отвечает:

— Я знаю, отныне ты будешь со мной всё время.

2.

Их было два брата. Один брат был богатый, жил богато. А Лазарь был бедненький. Ходил всё просил вот милостыни. И у брата был пир. Там гуляли оне. И он пошел. «Пойду к брату, может, кусочка мне там даст чего хорошенького». Пришел, а брат к нему озынул: вроде ему бесчестно, он тут пришел. И он вышел. А у него были струбы (срубы. — *Соб.*) этих, ну строиться хотел. И в струбах этих стружки были около столбов. И он в эти стружки лег. Ну, голодный. У него были собаки. Собаки подходили, лизали его, не трогали. И умер в этих стружках, у брата, около дома. Ну, Господь, ангел его душу взял и там на хорошо место, в хорошем месте, что он так, святой.

Прошло немножко время, и брат-то умираит. А брат-то... там плохое место, горел в огне. И увидал...

— Лазарь, как ты сюда попал? Окуни хоть перстень в водичку и подай мне, только вот губы помочить!

Всё уж сгорело-то. Вот в огне горят, а тело не горит, тока жжет. А тело не сгораит. И терпи! Ну, там святые, ангелы Господни...

— Пошлите Лазаря туды к нам, у меня пять сыновей, чтобы они тоже не попали сюды, куды попал я.

А ему там говорят:

— Там есть Моисей, пускай, — говорит, — он им подскажить.

— Да они не послушают его!

— А если его не послушают, а уж Лазаря вовсе не послушают. У нас перехода нет к вам, и вам к нам. Ты, — говорит, — свое, — говорит, — услужил на земле, ты жил хорошо, в полном удовольствии, а этот, — говорит, — мучился. Теперь, — говорит, — ты будешь мучиться, а он, — говорит, — будет в раю.

ЯВЛЕНИЯ, ПРЕДСКАЗАНИЯ И ПОМОЩЬ СВЯТЫХ

3.

Это Николай Угодник спас... Одна вдова, у ней две дочери было. И она уж жила очень бедно, нечем уж ей было жить. И она хотела одну дочь отдать-от в дом терпимости. Это ведь раньше были, это ведь раньше... И вот Николай

Угодник спас ее от этого. Спас — вот положил ей злато, денег положил, тайно, вечером...

[Соб.]: На оконце?

Да-да, ночью положил ей два узёлочка. И она взяла и ее, значит, не отдала, спасла, дочь-то. А то бы она ее отдала в этот, дом терпимости.

4.

Да он (Николай Чудотворец. — Л.Ф.) показывался многим. Он и мне показывался. Когда я была еще девочка. И вот он у угла стоит, около мово, у... у дома, и говорит: «Хватит тебе гулять: пора замуж выходить». Так меня... по плечу мне рукой. Такой небольшой, седоватый такой и борода такая красивая. Это было, я еще вот девчонкой... На последнем году — мне замуж выходить.

[Соб.]: А как вы его узнали? Он на икону был похож?

Да, да, да. Вот так прямо вот похож прямо был. Такой с бородкой, так вот седенький. Небольшого роста. Вот. Я сказала матери, она говорит: «Это Николай Угодник к тебе был. Тебе пора замуж выходить, значит»...

5.

Ехал вот мужчина один, и у него сломалась тележка. Он и так и сяк, никак ничего не может сделать, да. И вдруг вот из лесу выходит маленький старичок. Котомочка, палочка, в лаптях.

— Чего, — говорит, — сынок?

— Да никак вот, прошу-прошу, — говорит, — всех святых прошу и никак.

А он говорит:

— Да давай я тебе помогу, и вот щас, говорит, тебе и сделаем.

И он ему приподнял и колесо это надел и всё. И этот старичок исчез, исчез.

6.

Потом вот одна женщина у нас вот живет на Штапу, на Казанской, двухэтажный дом. Там Колонцовы жили в этом доме, помните? На верхнем этаже живет женщина, она фронтовичка, значит, на фронт возила снаряды. И у них заглох мотор. И они две были. Это она сама уж лично рассказывала. И мы, говорит, в лесу глухим. Ну, раньше, говорит, много дезертиров, и мы, говорит, боялись этих дезертиров. Вдруг, говорит, придут, да отнимут у нас, да убьет. Ну и что. И вот, говорит, мы тут вертим-вертим рулем-то, вот вбивают в машину и вертят. Вертят-вертят — никак не заводится. И вдруг выходит, говорит, тоже старичок и говорит:

— Девочки, помочь что ли вам?

А они говорят:

— Господи, уж мы, — говорит, — молодые не заведем, а ты!

А он говорит:

— А может быть Божья сила!

И он, — говорит, — подошел, и только, — говорит, — подошел, а одна за руль-то взяла и сразу, — говорит, — завелся. И исчез, — говорит, — у нас в глазах. Это в годы войны было.

7.

А Никола Чудотворец помогает в путях. Никола милостливый. Его в пути просят.

У нас одна ходила за клюквой в лес и допоздна. И дорогами спуталась, заплуталась. И вот она стала молиться: «Никола милостливый, помоги!». И вот, говорит, не то ее догоняет, не то навстречу идет — старичок идет в лапотках. Как она его, дедушка, что ли, назвала:

— Я с дороги спуталась, не знаю, куда идти. Где я?

— В Горловку идёшь. Вот Горловка рядом.

Она не в Татарово, а в Горловку пришла.

— Да ты, — говорит, — уж подойдешь к Горловке — темно будет. А ты... У Марьи там свет будет. Вот ты Марье постучи. У ней переночуешь, а утром она тебя проводит. Только ты ей ягодков дай.

— Ну, ладно, да только вот...

Обернулась — и нет никого. Хотела у него ещё чё-то спросить, а нет его. Батюшки!

Из-за кустов-ти вышла, и Горловку видать. На огонёк я, говорит, пришла. Правда, говорит, Марья. И она ей рассказывает: так и так... Та: «Батюшки!». И утром она ее проводила, правда. Это сам Никола и был.

8.

А у одной вот, говорит, вечером запёрлась, спать скоро ляжу. Заходит старичок в избу. Батюшки! А я, говорит, и не напугалась его.

— Батюшки! А разве у меня там не заперто? Я вроде запирала.

А он говорит:

— Не-ет! Не заперто.

Вот он чё-то у ней спросил. А она говорит:

— Вот давай поужинай. Вот, — говорит, — давай тебе яиц сварю.

Она яйца сварила, хотела к столу ещё что-то. Обернулась, а его и нет.

9.

Тогда церкви-то закрывали, самый малый был не кщёный. И я качку-то, кроватку всё ставила к печке его, укладывала мальчика-то. И тогда автобусов-то еще не было, поездом ездил у меня муж в Муром-то на работу. Проводила мужа-то на работу, в 4 часа ушел, проводила его, запёрла, лёгла, уснула.

И мне снится, вроде я захотела помочиться. А зимой... И у нас чулан был перегороженный, ну как... там стояла печка русска... Я туда пошла. Только взошла, дверь открывается — всходит ко мне в чулан. Что за человек? Мужа проводила. И только вот перед ним (руки сложила. — *Соб.*): «Господи, спаси меня, у меня ведь их шестеро!». И он наклонил мне голову эдак вот (склонил голову. — *Соб.*), и я ему голову поцеловала, она у него холодна, голова-то. Седенькай, небольшой так. Вот уж Николай Угодник, не знаю, какой святой? Но Николай-угодник приходил ко мне, совсем другой. И он этот... Стучится в окошко сестра:

— Нянь, открой мне!

Ой, сейчас придет, скажет, что у ней тут за человек? Сама себе думаю. И он пошел у меня из чулана-то, и я за ним. И около кровати-то остановился. А я опять... Ну, у нас перво слово — Господи!

— Господи, ведь он у меня не кщёнай!

А он перекстил качку-то и говорит:

— Господь с ним, он кстится!

10.

Николай Угодник приходил, меня благословлял. Тоже. У меня был мальчик... У меня мальчики все умирали: с [19]33 году умер мальчик, с [19]35-го умер мальчик — четыре мальчика у меня умерло. Умерло. Я схоронила. И родился у меня в [19]39-ом мальчик, Славиком звали. Вот он у меня умер (показывает фотографию. — *Соб.*). Лучше б он у меня маленьким умер, уж и то бы мне легче было. И я осталась в положении. Ему годик был, опять осталась в положении... Господи! Делать аборт боюсь — грех! Боюсь. Как сажусь... а раньше зыбочки были. Качка была и зыбка была. Как только сажусь, его это, качаю, и всё:

— Господи! Да какая я несчастная, у меня и этот мальчик-то умрет. И этот умрет.

От груди надо его отымать, я в положении, а аборт боюсь делать. Эдак вот, наверное, с неделю всё плакала. Как сажусь, так всё и плачу, жалела его.

Мне снится опять сон... Сажу я. У нас вот был стол, а за столом лавка была. Сажу я коло стола и держу его на руках. Выходит старичишка. Николай Угодник вышел! Во всем в этом старинном: сапоги старинны, тужурка-то на нем старинна, волосы седые, фуражечка старинна. Выходит, подходит ко мне:

— Молодая, ты будешь?

Я говорю:

— Да, я.

— Ну, Господь тебя благословит. Те четверя... Да будешь угодна с четверыми дитями.

Меня. А я ему говорю:

— Не погибнуть только бы с дитями, уж не одной, не оставить бы их.

И пошел от меня. Я говорю:

— Ты что пошел, погоди!

— Мне, — говорит, — неколи.

Вот Николай Угодник! Благословил мене. И я не сделала тогда аборт. Не сделала...

11.

Она, она очень... мученица Варварушка...

Это во время войны. Она на границе жила... Таня. Недалеко от нас деревня... И у ней муж был на границе, военный. И еще там у него товарищ, и оне познакомились, жёнки подруги были. И у той муж гулял, от нее, от жены-ти. И вот там прослышалась тоже такая вот прозорлива бабушка. Она ее:

— Таня, пойдем сходим, мне одной вроде неудобно. А можа она поможет, можа гулять не будет, — это муж-то.

Вот мы с ней, — говорит, — и пошли... И она ей стала говорить-то. А она ей говорит:

— Ох, миленька, скоро всё уладится, всё скоро уладится.

Два дни прошло — и война. Скоро, — говорит, — всё уладится. А на меня говорит, глядит и говорит:

— А тебе, миленькая, предстоит дорога дальняя-дальняя, — а у ней было двое детей, вот у Тани. — Ну да тебе, — говорит, — матушка Варвара поможет.

Ну что... Война. Объявили — война. Муж приехал, скорее собрал маненько чемоданчик, ее провожает вот в Муром, в деревню к ее брату. Посадил ее. Там доехали до какой остановки. Подходит, — говорит, — ко мне женщина.

— Ты далеко, — говорит, — едешь?

— Да вот, — говорит, — до Мурома.

— И я до Мурома. Давай я тебе, — говорит, — помогу.

Взяла у нее ребенка. Ребенок у нее на руках был маленький, а второго за руку. Я, — говорит, — с вещами-ти, а она, — говорит, — с дитями-ти. И до Мурома, — говорит, — доехали.

— Ну вот, — говорит, — я теперь уж к брату поеду, на поезд пересяду.

— И я с тобой поеду. И я с тобой поеду, провожу тебя до места. А вдруг да тебя брат не примет?

Это она ей говорит. Ну, — говорит, — поехала со мной. Приехали. Брат встречает.

— А мы, — говорит, — думали, что ты уже не жива!

Сразу напал ведь на границу. Ну а вещи, — говорит, — я сдала там в камару, на вокзале. Ну, он напруг лошадь, говорит:

— Ну, — говорит, — поедем за вещами.

Поехали. И она, — говорит, — с нами поехала, эта вот женщина. Приехали. Я, — говорит, — ей говорю:

— Как тебя зовут? Как мне за тебя молиться Богу-то?

Она ее не оставляла, помогала ей. Она говорить:

— Варвара.

И пропала. Пропала, — говорит, — в глазах, пропала. Варвара, — говорит. — Вот как ей сказала эта прозорлива бабушка, так и получилось...

12.

<Сестра> родная. Ей приснилось... Не, ей прямо видение было. Богородица во всё небо явилась. И всё ей скорбь. Иван Фёдорович у ней... мужа ее принесли на руках.

[Соб.]: После этого?

Да. Вот Богородица. Значит, она очищается и он от грехов. Он, конечно, был хороший человек, мы говорим. Он даже вот ослеп. И у него инсульт сильный. Вот пять лет он лежит на одре. Знаешь, как очищение какое? Пять лет лежит человек на одре! Она замучилась. Пять лет лежит на одре человек. Я, конечно, стараюсь, приду к ней, чего-то ей помогу там. Ему и это, и это вот всё хочется, и она, Тамара, замучилась. Мне сестра Тамара Васильевна. Она замучилась! <...>

Она говорит:

— Вижу тебя я, вижу!

Красивая Богородица, неопикуемой красоты! Вот она как увидела, она даже говорит: «Я таких вот и не видела».

[Соб.]: Она во сне ее увидела?

Да нет, она... Она, значит... Вот она, говорит, прямо вот видение ей было. Вот иде... прямо по небу... это ей прямо образ показался. И по небу она идет, идет. И она ей говорит, Богородица-то:

— Ты меня видишь?

Она говорит:

— Вижу тебя, вижу, вижу!

Но говорит, она такая красивая! Я, говорит, даже растерялась. И потом, говорит, ее облако закрыло.

И прямо вот буквально через неделю Иван Федорыча принесли на руках... из гаража. Вот. Вот какую она скорбь ей принесла! Но она ведь не плохо ей принесла. Очищаться, готовиться на тот свет, чтобы она чистая пришла и он вместе с ней. Вот. Это всё не так просто делается... Богородица, видишь, это не плохо — видение, но она принесла скорбь.

13.

А я так Богородицу я вообще видела воочию ее. Это так. Я работала в церкви. И она вот так меня зовет, пальчиком... Я подхожу к ней. Она говорит:

— Знаешь чего? В церкви разговаривать нельзя. Пойдем выйдем на крылечко.

И мы пошли с ней. А шли-то немного. Там есть крыльцо. Вы были в Благовещенском, нет? <...> Ну вот. Там идти-то немного до порога-то, до крыльца. Вот она мне чего сказала... и говорит:

— Тебе пришла пора очищаться от грехов. Но, — говорит, — плотской жизнью ты не очистишься.

Мне даже замуж выходить нельзя. Это прошло уже десять лет. И ты знаешь!.. И это... мы вышли с ней, на крыльцо вышли. И меня, значит, нищий позвал:

— Женщина в голубом пальто, можно вас на минуточку.

Я пошла. Он говорит:

— Уложи мне вот сумки эти все, вот эти.

Я ему стала укладывать. Выхожу, а ее уже нет. Да.

[Соб.]: А почему вы поняли, что это была Богородица?

Ну, она, вишь, всё говорит как? Она говорит:

— Тебе пришла очищаться от грехов пора.

И ты знаешь? Когда она сказала это, через неделю... я пришла така взволнованна... и я на работе ломаю ногу. И ты знаешь, а мне ее начали тянуть, думали это шиколотка, а у меня был слом. Ты знаешь, я сколько лежала? Очень долго. Наверно, два месяца у меня была она в этой... А мне врач сказал: я напилась. А была пятница, а я и есть не ела. Вот какие мне стали искушения-то. <...>

...А потом мне Богородица во сне уже явилась и сказала:

— Тебе молиться по усопшим.

И теперь я молюсь по усопшим, я уж молчу. Слава тебе Господи, скажу. Помолилась когда, скажу: «Слава Тебе, Господи!». Я уже сейчас не это... <...> Раз Богородица дала, сказала мне, значит, что же теперь? Надо исполнять.

14.

Вот у моей бабушки был молитвенник, она всё читала. И вот тут, через дорогу, жила женщина, она всё ходила читала по покойникам, ну, в общем, пела, старше них была. Я ей не дала вот эту книжку. У меня сестра в городе живет, и она пришла и говорит:

— Галька, ты бы дала мне книжку, мне там списать «Живые помощи».

Ну, я ей и дала. А не видела, когда она ее приносила.

Она (соседка. — Л.Ф.) пришла и говорит:

— Дай мне эту книжонку почитать.

А как раз пост начинался — или вот этот вот (Петровский. — Л.Ф.), или Успенский. Я ей говорю:

— Анна, у меня ее нет.

— А где ж она?

— Да у меня ее в город взяла старшая сестра. Если она принесет, то я тебе ее дам. Всё равно мне некогда читать.

Не хочешь, мне снится сон. Подходит ко мне старичок, маленький, седенький, и стучит мне по плечу:

— Раба, отдай книжечку, она, — говорит, — у тебя дома.

ПРЕДСКАЗАНИЯ СТРАННИКОВ И БЛАЖЕННЫХ

15.

Ходили нищие по миру и ночевать просил(и)ся. А одна старушка жила одна, а ходила она повивать. Его (нищего. — Л.Ф.) послали к ней. Он пришел, она и говорит:

— Я каждый день хожу повивать.

А он:

— Ну и что? Сходишь, я никуды не денусь. На печке полежу.

Она говорит, что на повой пришли, роженицу принимать. Он:

— Ступай. Отойдешь до окошка... Погляди в окошко.

Она шла и поглядела. Тянято (паутина) с потолка и тянется. Поглядела и пришла. Приняла мальчика. Приходит и говорит:

— Приняла мальчика.

— Чего видела?

— Тянято тянется.

А он:

— Вот у него на роду удушиться.

Такая присказка.

16.

А потом прозрелива Поля у нас вот была, это вот в Муроме. Она всё ходила. Тоже идет...

— Поля! — говорит. — Много народу было нынче в церкви-ти?

— Мно-ого было, много, но Господь-то мало принял.

Народу-то было много, а Господь мало принял...

17.

...Жил в шалаше, из прутьев... Ни у кого ничего не брал... А корзинки плел, по рублю продавал... Даешь полтора рубля, два: «Не возьму, не возьму, давай корзинку!». Кастрированный, приехал из Германии. Там издевались над ним, наверное...

Вот он однажды предсказал войну. Говорит: «Скоро будет война...». Миша Ваньков звали его. Контуженный пришел, еще с той войны, с первой...

ЖИЗНЬ ПРАВЕДНАЯ И ГРЕШНАЯ

18.

Воскресенье — праздник, нельзя в бане мыться... Знай, день есть — суббота, в этот день стирай, и мойся, и всё. Не положено. Христос сказал: «Шесть дней даю на работу, а седьмой день — на отдых». Должен этот день посвятить Богу. А белье ни в коем случае нельзя стирать — Христа грязью обливаешь.

Шел святой, одна топила ребенка, а другая полоскала белье. Той, которая топила ребенка, он ей «Бог в помощь» подал, а которая белье стирала — он ей «Бог в помощь» не подал. Она говорит:

— Батюшка, ты что это мне? Она ребенка топит, ты ей «Бог в помощь» подал!

— Она, — говорит, — пригуляла, она в грехах кается, а ты меня грязью обливаешь.

Стирать — нет грешнее, никак нельзя стирать. Шесть рабочих дней работай, а седьмой день отдыхай, посвяти Господу.

19.

...Господь, Иисус Христос, шел по берегу Иордана со своими учениками. И женщина попала на берегу — она топила ребенка своего. И он сказал ей:

— Бог в помощь тебе.

А дальше пошли, а там полощет женщина бельё, а воскресенье было. Он прошел мимо, ничего не сказал. Вот ученики-то его спрашивают:

— Учитель, что это ты, ребенка топит, грех-то какой, и ей ты сказал, что Бог в помощь, а эта женщина стирает из последних, может быть, сил, а ей ты ничего не сказал.

А он и говорит:

— Эта женщина, которая топит ребенка, она уже замолила свои грехи все, и слезами, и всем, каково ей это сделать, а эта, — говорит, — могла бы до понедельника подождать с бельем.

20.

В праздники работать нельзя. В большие. Вот Егорий — что зимний, что вешний. На него я не работаю — говорят, злой. <...> Мама всё говорила: «На Егория ничего не делай — сердитый».

Я вот помню, Шуркина мать, мы идем с работы, а они с Шуркой картошку сажают. Дедушка идет и говорит:

— Марья Яковлевна, вы чёй-то в такой праздник работаете?

А она говорит:

— Да вот, Павел Федорович, я вот только картошку матери покидаю.

Это было шестого, а она десятого умерла. И дед нам строго-настрого:

— У меня чтоб в этот день не работали. Вот Марью Яковлевну Бог наказал. Я умру, чтоб меня слушались.

Вот ее Господь наказал. Шестого работала, а десятого померла. Нельзя работать на Егория, он говорят сердитый.

21.

...Вот были луга. У нас был — Илья его звали — поехали в луга. А дождик вроде собирался.

— А давайте, бабы, работайте.

Бабы-те говорят:

— Дядя Илья, больно праздник большой, грозный. Не надо работать.

— Давайте, а то дождик! — знаешь, как берегли каждый клочок сена? — Давайте!

Ну и что? Пошли метать, слушали его. Начали метать, сметали стог, кричат:

— Дядя Илья, готовый!

Ни слуху, ни духу. Батюшки! Полезли за ним, кричали, кричали, а он мертвый.

Кто его знает? Господь его наказал? В аккурат Илья — великий праздник, очень грозный. На Ильин день.

22.

А еще я вам расскажу притчу. <...> У нас мама рассказывала. Вот пришли на праздник, пошли они, например, ну на Крещение там или на Рождество, на любой там праздник, я не знаю, там на какой. И вот они пошли в церковь, три женщины. Ну, уже темно, ночь наступает, а где ночевать, не знают. Вдруг увидели они домишко, ну в окнах светло, горит. Ну, говорят там Дуня, Маня и Аня:

— Пошли, пойдемте, вон там свет горит, пойдемте в домишко-то.

Вот они пришли, постучались, выходит старец. Ну и говорят они:

— Вот, дедушка, нам бы где ночевать, ведь мы вот идем в храм Божий, вот так и так. Боимся.

А он и говорит:

— Вот, там Аня или там Нюра, ты останься на завалиночке посиди, а ты, Дуня, пойдем в дом, и ты, там Маша, тоже в дом.

Он Маше и говорит:

— Маша, полезай на печку, а ты, Дуня, пойдем покушай со мной, повечим и поговорим с тобой. Ну, теперь полезай там куда-то на печку, — или куда-то уложил их спать.

Утром он опять Дуню будит, их обоих будит и говорит:

— Дуня, пойдем покушаем, позавтракаем.

Вот она позавтракала. Эта встала, Маша, так и ладно. Всё, пошли они, собрались. Это так, на завалинках кто остался:

— Ой, дедушка, ведь я и боюсь тут, тут и волки, тут и страшно, тут и разбойники!

— Ничего, ничего, матушка, ничего, ничего. У нас тут никто тебя не тронет.

Когда пошли, они и думают: Господи, почему-то вдруг так? Одну, значит, оставил на завалинках, обоих в дом, а одну накормил, а другую так положил. Говорят: «Давайте вернемся».

Они взяли и вернулись. А когда они вернулись, стали спрашивать, а он и говорит:

— Вот что, Нюра, ты, — говорит, — в дом-то непустишь, вон на завалиночки, никто тебя не тронет. А Дуня-то, она накормит, с ним, как говорится, поговорит и

утром также накормит, проводит, всё как положено, да еще с собой даст в дорогу. А ты, Маша, тыпустишь в дом, покормить ты его не покормишь, нопустишь, уложишь. Так же и утром проводишь.

Ну кто это был? Это был Бог. Вот, надо делать только хорошо, я вам сто раз говорила.

23.

Это вот был большой праздник — Успения. Идет старец из церкви. Старичок. У нас старец был, ходил всё время в церковь. Его спрашивают:

— Дедушко, наверно, как ныне много было народу-то?

— Да нет, не очень много, только полтора человека было. В церкви-ти.

— Ты что, дедуль, какой праздник большой! Много, наверно, было?

— Нету. Матрёна была.

— Да она и в церкову-то никогда не ходит.

Эта, Матрёной-то ее звали.

— Была, — говорит, — у Царских дверей стояла.

А она в церкву-то не ходила... Вот кто к ней приходит: «Тётка Матрёна, посиди, я вот туда-то пойду». Ну, с дитями-то... ясель ведь раньше не было. «Приноси, матушка, приноси, приноси!». Она никому ничего не отказывала. Очень была такая... добра старушка была.

— Нет, — говорит, — была и у Царских дверей стояла.

Вот и в церкву не ходила! А вот, вишь, показалось ему — была. «Нет, — говорит, — только полтора человека». Значит, скока народу было много, а праведных тока полтора человека в церкви было!

МИР ЖИВЫХ И МИР МЕРТВЫХ

24.

А вот у нас сосед умер. Я с душой-то обнималась. Там люди вот такие, на том свете. Вот была Пасха. Накануне он умер. Я пришла ему принесла яичко, пропела ему Пасху... И он меня знаешь как — отсюда вот донизу обнял, как будто он меня посадил в этот... в станок. Я даже не могла вздохнуть... вздохнуть. Не тут, а вот отсюда и донизу. Ну, была жена и сестра его. Ну, думаю, чего я им буду говорить? И я сама не вижу душу, только ощущаю, и они не видят. Чего я буду говорить?

[Соб.]: Он к тому моменту уже был схоронен?

Нет. Он лежал тут. Только лежал. Ему значит... ему было приятно, что я пропела ему «Иисус Христос...», тут яичко положила ему и кулича. Вот. И это... А потом меня отпустил... Но говорят, что душа очень сильная. На самом деле. Я вот, знаешь, в каком оцепенении была? Я думала, или умру... Вот какая сила!..

25.

Вот я болею год, уж второй. Я... первый год я болела, и вот лежу, правда, не сплю. Идут ко мне... мужики, прямо кругом-ом... штаны только. Я говорю: «Вы что, за мной, что ль, пришли? Я приду, не ждите меня. Я приду», — я им отвечаю. Я не сплю. Это... а оне молчат. И улыба-аются стоят. Я говорю: «Или вы поесть хотите? Подать? А милостынку я пошлю с Тамарой. (Она у меня в церкву ходит.) Я милостынку пошлю». Пропадают. Пропадут! <...>

Потом мне... Несколько время прошло, идут женщины. Вот как мы такие старые, обвязаны вот так вот, чулок, бела кофта, белая юбка. И вот так согнумши. Согнумши. У моей постели. Я говорю: ну как же они прошли через стены-то? Опять я не сплю! Шарю — стена тут, а они идут, идут, идут, потом встали. Я гово-

рю: «Что, ко мне? Что вам нужно? Я вам всё расскажу». И молчат. Я говорю: «Или за мной?». Опять спрашиваю. Мне было **очень** тяжело. А они всё молчат, потом опять пошли. Знаете, вот... вот такая... человека в четыре — в пять идут, толпой. Я говорю: или они поесть хотят, пришли, меня просят? Я в церкву-то не хожу, не подаю. Встаю утром, Томке говорю... На стол сотню, говорю:

— Вот тебе деньги, сто рублей. Купи десять свечек, по трёшнице, больших не бери, больших... десять штук купи. И купи хлеба. На хлеб я тебе денег дам отдельно, — дала ей на буханку хлеба и на два батона (знаете, на канон). — Да возьми яичко, — у нас, у меня свои яйца-то. — Возьми яичко, — я говорю. — А... закажи обедню вот всем православным христианам.

А то мы заказываем как? Я вот Кате, Маше, Ивану там — своим. <...> А тут я ей говорю:

— Закажи обедню всем православным христианам.

Она говорит:

— А что это ты, мам, всем хочешь?

Я говорю:

— Томка, у меня пришли столько народу. Вот целый дом. Пришли и стоят. Оне, наверно, поесть хотят. Им, наверно, никто не подает, — это я.

Подала. Она мне всё сделала, приходит и говорит:

— Мам, я молебен заказала святой... мертвым.

Я говорю:

— Ну, это хорошо.

Ты знаешь — не стали сниться. Всё успокоилось.

Прошло немножко, ну, может, недели две. Вот такие вот девчонки, вот. Полный дом пришёл ко мне! Я тоже думаю... Я говорю: «Вы что, за мной пришли? Пойдёмте». Они молчат. Молчат, ни слова не говорят. Я говорю: «Ну, ладно, — я говорю, — завтра обедню закажу я вам. Не завтра — послезавтра. Как у меня Томка пойдёт». И называю имя. Она слышит, я разговариваю с ними. Опять утром встаю, даю денег. Иди, мол. Больше не стали сниться.

Стали сниться, знаешь, какие? Вот только рожёны. Маленьки.

[Соб.]: Младенцы?

Младенцы, да. Вот такие вот лежат. Да хороши! Я всё с ними разговариваю. Они слышат, девки-то. «Мам, ты с кем разговариваешь?» — «Ни с кем». Вот. Надо вот так мне снится.

[Соб.]: Но никого из этих взрослых, кто являлся, вы не знали? Не было среди них ваших близких умерших?

Не-е-ет. Никого не было... Ни из девчонок вот. Глядела. У меня сестра умерла в двенадцать лет. Глядела... Нет. Никого. Все чужие. А младенцы-ти... я ведь их не знаю. Вот так мне было. <...>

26.

...Вот снится мне: горшок разбитый — не то, что целиковый, а разбитый. Что, значит, что за всю жизнь ничего хорошего не сделал. Стоит в этой могиле. И горшком своим берет не землю, а песок (в песке же хоронят — 2 метра). В этом он песке и стоит. Вот этот песок зачерпывает, в сторону его кидает. А сам повсюду засыпан в этом песке. И, значит, около него по двум сторонам стоят черти — хранилки его. А он тоже, можно сказать, удушился этой блевотиной и умер. Напился, пришел, его там расшибло. Не знаю, как он умер — никто не видел. И вот, значит, четыре черта стоят. Черти ничего не говорят, только с кнутом. И вот еще подгоняют, хлопают его этим кнутом, а он этот песок откидывает. Я стою там, они в темноте как бы немножко, а я стою уже на светлой на горе. Смотрю на него и спрашиваю:

— Сашка, ты чего тут делаешь?

Он говорит:

— Работаю.

Я говорю:

— А чего ты тут работаешь-то? Худой горшок. Чего ты тут делаешь?

А он говорит:

— Надо мне откопаться, отрыться.

Я говорю:

— Да, долго тебе придется отрываться с худым-то горшком.

Его там, как говорится, наказали. Он стоит там, на том свете, и отчерпывает. Вот что значит, если человек ничего не делал в жизни, потом вот так вот стоять. <...>

27.

Один давился. Но его из петли вынули. И он прожил неделю. И вот его, говорит, понесли в церковь. Отпевать стали, и колокол лопнул...

28.

А вот рассказывала подружка моя, что в старину удушенных на кладбище не хоронили, а помимо кладбища. А тут вроде мужик удушился, и его отпели ложно. Понесли хоронить через церковь. Гроб свалился, трещину дал.

НАКАЗАНИЕ ЗА ПОРУГАНИЕ СВЯТЫНИ

29.

...Здесь было православное какое-то такое село, церковь какая была! А мы были в каком ещё возрасте. Бывало, залезем на самую макушку и нам Муром видать, и не боялись. Как её разорили, эту церковь! Эти коммунисты разорили, ой, какой колокол спускали, как он врезался. В общем, всё это делали коммунисты, разорили её, а была какая красивая церковь. Она была Рождество Христово. <...> Седьмого у нас престол января, всю жизнь, и вот она во имя Христа, Рождества Христова эта церковь. Все деревни: Мордвиново, Фёдорково, Межищи — весь приход вот был в наше Булатниково. Булатниково наше было очень такое хорошее.

[Соб.]: А когда разорили церковь?

Милай, это разорили году в пятьдесят втором, в пятьдесят третьем, в этих годах. <...> И вот у нас эту церковь разоряли, но я её не видела, как она падала. Всё думали, она упадёт, дескать, там были дома, упадёт на них. Столбы подставляли, поджигали, подбивали, а она вот так обрушилась и всё. Все плакали не знаю как.

[Соб.]: А иконы куда дели из церкви?

Растащили и сожгли. Там и молокозавод был, уж после, как разорили, там и склад был. Был такой купол, ну я ещё была молоденька тогда. Мы бегали туда, и там был во весь купол Иисус Христос, ну большая была церковь. Потолок этот назывался купол. Я это всё помню.

[Соб.]: А наказание какое-то было тем, кто церковь разрушал?

Милай, они все подошли мучительно. Мучительно! Одного вот парализовало, он семь лет лежал парализованный, ходил под себя и сгнил весь. Его Господь наказал. Один был, он тогда, по-моему, в сельсовете был. Он умирал, у него глаза лопнули, у подлюки. Вот это я насколько помню. Тот ещё напротив жил, он был коммунист, как церковь разоряли, вот они тама делали концерт, в церкви плясали, радовались. Но это враги же! Шли против Бога. Его рак съел, всё лицо ему изъело, рак-то. Все наказаны, и крепко. Поскольку я знаю, я была молодая. Господь есть, Бог есть.

30.

...У нас здесь была церковь, а теперь на её месте памятник стоит. Но досталось здесь очень многим. <...> А ломали коммунисты. Она не поддавалась ломке, они хотели взять много кирпича... Всю её разворотили, и никому ничего не досталось, и они получили за это все болезни. Одного парализовало — восемь лет сидел. Один ослеп. Кому-то железными верёвками (тащили, растаскивали) по животу. Их всех наказали. Говорили, что не надо было в это дело соваться, не трогать. Это же святое место.

31.

Я еще маленькая была. Не церковь стала, а клуб. Один мужик разрубил иконы и сжег. У него заболело два сына. Головной тиф, были без сознания. Померли они.

32.

Теперь вот еще у меня случай. У моей старшей сестры супруг. Основную работу имел только как маляр, штукатур. Ездил на заработки раньше в Мытищи. И уже заработки не стали там, здесь устроился на работу. В Новых Котлицах там где-то в деревне стали ломать церковь. И он нанялся. Ну, что я хочу сказать? Счастья Бог не дал. Заболел он. Ему помогал старший сын — с [19]38-го года рождения. Он заболел. Вот, значит, Бог наказал. У меня сестра старшая [19]17-го года рождения. А я ей и говорю: «Антония, вот верь — не верь, а церковные вещи разве ломать можно? Бог наказывает».

33.

Вот давайте вот возьмём про наш дом, где я сейчас живу. Когда я сюда пришла жить, покойный свёкор с таким интересным азартом мне рассказывал, где он купил кирпич на фундамент. Церковный. В этой слободе Якиманской ломали церковь. И он купил этот кирпич и сделал фундамент. А я и говорю: «Нам счастья в доме нету, нету. Все мы больные». Я его папой звала. Я говорю:

— Папа, разве можно? Вы настолько религиозный человек, и вы купили кирпич.

А он говорит:

— Негде было взять.

Я:

— Вот пусть бы негде было взять, всё равно, лучше переждать, может, и кирпич бы стал появляться. Но церковный кирпич — ни в коем бы случае. Все-таки Бог наказывает.

У нас вот счастья нет в доме, нету. Всегда какие-то происшествия. То вода под домом льёт, то... у нас тут в погребе вода всегда идёт. И в доме ручьи.

Это вот Клавдия мне рассказывала. Она там дружила с какой-то девочкой, там жили (где раньше стояла церковь. — *Соб.*). И там вот всё время журчали ручьи.

Вот, когда они выстроили, — свекровь заболела, в [19]53-м году. До [19]57-го года больная была. Потом вот мой супруг пришел в [19]50-м году. Вот тут маненько пожил — заболел. Свекровь в [19]57-м умирает, у свёкра нога начинает болеть. Фёдор ногу сломал, пьяный, на мотоцикле. Я что хочу сказать: не нужно вот под жилое помещение церковное класть. Это грех большой.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СВЯТЫНИ

34.

В Дедове храм ушел. Вот. В воду. И вот его называли... Там оно чисто такое озеро. <...> И очень прозрачна вода. И так по слухам... Говорят, что ушла церковь, народ вышел. Вот, а за последние время церковь эта обнаружится и там живой

батюшка. К концу света. Вот он выйдет, отслужит обедню. Когда идет обедня, и батюшке... не отслуженная обедня, ему из храма выходить нельзя. Народ вышел, а он нет. Вот...

35.

У нас здесь не было. А вот туды вот Муром, за Муромом, ой, как её?.. Я там работала в девках-то в больнице (?), на торфу. Поздняково, а потом эта... забыла деревню, замкнуло деревню-то. А мы девки были ещё, в войну-то. В 14 лет меня по повестке взяли на торф, увезли в Поплаву. Где только не работала! И подошли мы, значит... Ой, вот вертится — никак не выскажу эту деревню-ту! Вот так, озеро свежее-свежее. Сейчас там ведь живут. Ну, как живут? И делают и ездят там. <...> Стоим вот мы, девчонки, около этого пруда... в общем, это около озера. Идёт какой-то старичок. Старенький старичок, я до сих пор помню. Я в девчонках еще была. Ну, в общем, война была. Нас тогда... мне 14 лет было, тогда забрали по повестке. Увезли, где только не гоняли! Ну вот это, как ее, стоим тут мы, девчонки-ти. Идёт старичок какой-то. Вот до сих пор мне, я его как, прямо, заметно:

— Вы чего вот... тут, дочки, хотите?

— Да мы хотели попить вот.

И он нам дает эту, как ее, кружечку, вот так вот... такую. И как из какого-то вроде как это... дерева, из чего ли тут сплетано, не тяжёла.

— Нате, миленькие, попейте из этой кружечки. Тут, миленькие, утонете, не купайтесь! Тут церква провалилась. И ее... и никто даже ее не достанет, даже ни грамма, ни это... Вот как... Бесконечно там это, видать.

Тогда нам этот старичок рассказал.

36.

...А вот дедушка Михаил, Нинусин дед, он же дьячком был, говорил, что в яру — храм. Глубокий яр. <...> Это заводь такая. Вот он говорил, что в яру храм — ушел, провалился. И вода там целебная теперь и чистая-чистая.

37.

Я не знаю, меня не было здесь. Вот здесь у нас река Золотая считается. Вот. Она такая ре... маненька, озер... Ушла туда церква. Вот, вот сюда. Где луга. На Войковой. Ушла туда Золотая... церква... Ее прозвали Золотой. Она золотая, в церкви-ть одно золото было, она провалилась. И вот ее это...

38.

[А.С.]: А вот... вот в нашем пруду была церковь деревянная, она как раз на-супротив нас. Она утонула.

[А.Ф.]: Ну это! Утону-ула! Это никто ничего не знает.

[А.С.]: Проснулись, а церкви нет. Это давным-давно, она уже не помнит ничего.

[А.Ф.]: Не-е-ет, этого при мне не было... Не было... и не знаю.

ВИДЕНИЯ И ЗНАМЕНАНИЯ В СВЯТЫХ МЕСТАХ

39.

...Это вот церковь когда сломали... А вот где школа рабочей молодежи была, сломали церковь. Это сделали уже после войны, а в военный период... значит это как вам сказать, светомаскировочки были у нас на окнах у всех... И вот у меня подруга, одноклассница, мы в одном классе учились. У них как раз окна выходили на эту

вот церковь. И в период войны здесь был особый отдел, и значит, как вот водили под винтовку допросы делать. И вот мы часто на этом окошечке сидели, глядели, сколько народу водят под винтовку допросы делать.

И вдруг — огонек, во втором окошке огонек... А я и говорю:

— Женя, везде светомаскировка, а тут вот огоньки какие-то необычные, особый отдел, может, какие позывные кому-то дают.

Глупые дети были, чего тута... Она говорит:

— Не знаю.

И вот мы каждый день садились и каждый день глядели. И вдруг после этих вот самых допросов приезжал черный ворон, сажали. Расстреливали или куда увозили, не знаю... Ну и вот это длилось, наверно, месяца полтора, вот эти вот самые огоньки.

И когда-то в газете было написано, это уже вот современношного времени, якобы там убили священника... Ястребов. Там памятник как раз — крест стоит... Да, Ястребов фамилия, имя-отчество я не помню... да, да, да. И якобы этот вот самый священник обходил со свечкой всю церковь, всю церковь. Это вот как предсказание. Я поверила этому поверью, потому что сама лично видела огоньки. И вот вы знаете, вот в этом окошечке показалось, вот в этом, и уже он переходит туда вглубь. И вот мы весь месяц всё глядели-глядели, потом исчезло. Я всё детям рассказываю...

40.

Мне вот видение было <...>

Я потом, после кочегарки, меня позвали девчонки разгружать хлеб. В три часа возили хлеб карачаровский... Этот был, ну, помощник мой, сторож там... И мы вот в три часа ходили. Идем, а этот помощник, он мужчина. Он заболел, в отпуске ль был... И мне дали вот здесь вот продащица... <...>

И вот мы с ней идем, вот тут рядом живет. Идем с ней, она говорит:

— Зой, гляди, у вас в церкви-то лампадка горит.

И посреди церкви, где у нас налой... Ну, где тут это... горит лампа. Я говорю:

— Да не может быть, — я говорю. — Лампадка...

Да, она:

— Свеча горит!

Я говорю:

— Свеча бы уж давно догорела, в три часа, — я говорю.

Мы постояли, попялились и ушли... дело свое делать.

Через два или три дня, может, через неделю она опять. Говорит:

— Зой! Погляди-ко, у вас в алтаре-то огонь какой-то.

Я правда, как взгляну, а там-от к городу, к той стороне, вот как зарево какое-то. Весь там край прям вот как огонь, как горит. Я говорю:

— Господи! Валя! — я говорю. — Чего это там, уж не оставили ли чего? Не загорелось ли чего?

Она говорит:

— Не знаю.

А нам надо идти работать. У нас хлеб привезли.

Ну и вот. Разгрузили хлеб мы. А у меня... я сама не своя. И подошли к этой... опять так пошли это... Я говорю:

— Валь! Пойдем поглядим, зайдем с той стороны и поглядим.

Она говорит:

— Нет, я боюсь. Я не пойду.

Я говорю:

— Ну, оставайся, а я всё-тки схожу.

Я пошла туда. А там вот фундамент такой, он вот маленькой, но мне залезть туда — я прыгала-прыгала, прыгала-прыгала у окошка-то. Ну-у как? Ну зарево, но потише. Так и есть. Я сама думаю: если огонь бы, пожар, то бы на всей разгорался, а то вроде того... это... маненечко потише. Я попрыгала-попрыгала... Чего делать? Подошла к ней, говорю:

— Валь, не знаю чего. Вроде как тише.

И мы с ней ушли домой. Я говорю:

— Я щас схожу...

А вот здесь еще у нас недалеко отец Николай Малакаев... Он щас в Спасске... Это у Кирилла. Я говорю:

— Щас я к нему схожу, — я говорю.

А ключи были у меня. Я говорю:

— Мы щас откроем и с ним сходим поглядим.

А время уж, наверно, было — шестой час. Я подошла к дому <...> Покрутилась-покрутилась круг дома... Чего людей беспокоить буду?.. Уж, мол, скоро это... подойдут. Щас, мол, пойду к магазину, если кто верующие есть люди... я говорю, позову, мы откроем, взойдем. А подошла к магазину, никого так не подобрала. А уж времени седьмой час. Щас, мол, батюшка приедет. И вот стою как на иголках... Батюшка. Автобус приезжает, и они все выходят. Я с таким-то колоколом-то (?) вышла, что я говорю:

— Батюшка, — я говорю, — вот так и так...

— Ну, не переживай. Это... — а был какой-то праздник, это под осень. Какой-то... — Это, — говорит, — ангелы служат. А ты не слышала пение?

Я говорю:

— Да не-ет, не слышала.

— А я сколько раз и пение слышал, когда храм открываю.

Ну и всё. Так всё и прошло.

41.

<...> Дала стрела-то в этот Смоленский храм-то. <...> А лет, наверно, семь, восемь уж там... вот храм-то...

<...> Я кормила, вот все батюшки были, всё... И вдруг молния сразу. И ударила в крест. И он загорелся. А там была художе... эти, ну вот рисовали-то — художественная галерея. Вот же там рисовали все.

Я говорю: наверно, это нам Господь дал знать. Нам, наверно, придется этот храм восстанавливать. И мы вот после Гурия, Самона и Авива <...> начали за счет нашего храма строить этот Смоленский храм... <...> Над рекой он стоит. И вот его благословили... И начали восстанавливать. Его быстро, года за два. К Николе восстановили.

<...> И вот как раз был там пожар. Гроза. И ударило в этот крест. Он загорелся.

Примечания

1. Орлова М.А., 1933 г.р., и Орлов М.Е., 1930 г.р., ЦРФ-Э-1122.

Текст представляет собой вольное изложение событий Пассии и поясняет содержание двенадцатого праздника Вознесения.

2. Киселева Е.Г., 1912 г.р., ЦРФ-Э-1172.

Пересказ назидательной притчи Иисуса Христа о богатом и Лазаре, в которой изображена загробная участь праведных и грешных (Лк. 16, 19—31).

3. См. № 2. ЦРФ-Э-1172.

Этот текст, как и два предыдущих, является свободным пересказом канонического сюжета. В данном случае воспроизводится один из известных фрагментов жития святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца.

4. Бобкова В.В. ЦРФ-Э-1192.

Рассказ о явлении Николая Чудотворца исполнительница начинает с размышления о том, как надо ему молиться: «[Соб.]: *Не рассказывали, как Николай Чудотворец людям помогал? — [В.В.]: А он, Николай Угодник, он вообще всем помогает. Его только надо просить. И еще. Ему надо читать каждый день, по сорок дней, акафист. <...> Он обязательно поможет. Надо записать, а мы забываем сейчас... Надо записать день какой, и, значит, сорок дней пройдет, там нужно читать, и потом ты увидишь, какая будет помощь. Обязательно он поможет, чего ты просишь. Ну, ты молишься и проси, чего те надо. Вот. Он очень помогает. Да он всем помогает.*»

Явление Николая Чудотворца оценивается матерью рассказчицы как предсказание скорого замужества дочери, поскольку святитель традиционно является покровителем девиц.

5. Филатова Н.А., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1239.

Свой рассказ Н.А. Филатова начинает отсылкой на рассказчика, от которого слышала эту легенду: «*У нас была одна женщина, Ольга Алексеевна Плаксина, она была еще молоденькой девочкой, была в монастыре, в женском, в нашем монастыре. И она вот рассказывала. Рассказывала вот про этого самого Николая Угодника. Она рассказывала так...*».

В основе сюжета легенды — вера в то, что святитель Николай всегда помогает путникам. Ср. с традиционным сюжетом о Николе и Касьяне, где святитель помогает мужику вытащить воз из грязи [Афанасьев 1990, 78 (№ 11)].

6. См. № 5. ЦРФ-Э-1239.

7. Холодова Л.С., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1218.

8. См. № 7. ЦРФ-Э-1218.

По мнению рассказчицы, речь идет о Николае Чудотворце. Неожиданное исчезновение странника подтверждает его принадлежность иному миру.

9. См. № 2. ЦРФ-Э-1172.

Текст повествует о личном мистическом опыте рассказчицы. Явление святителя Николая, благословившего ребенка, предсказывает его будущее крещение.

В основную часть раздела включена повторная запись текста. При первой записи текст звучал так:

[Е.Г.]: *Муж ушел у меня на работу. Я за им закрыла дверь. Уходил у меня в четыре часа утра. На поезд, тогда еще автобусов не было. И вот легла, тока заснула.... И вот пошла я... Вроде я помочиться захотела, пошла я. Раньше чуланы были, ну помойное такое ведро. Зашла в чулан — дверь открывается! Господи! Муж ушел, кто это ко мне? Я всё закрывала. Входит старичок вот эдакий вот, небольшой, старичок седенькой. Идет ко мне в чулан-то. А я испугалась, вот так вот:*

— *Господи, спаси меня, у меня ведь их шестеро, не губи меня.*

И он мне вот так поклонился. И я вышла из чулана-то и пошла... Он первый пошел, и я за ним. Подошел к качке-то, к ребенку. Стоит. А я опять... не то, что Господь-то или святой какой пришел. А эдак опять... перво слово Господа всё поминаешь, и до сих пор.

Я:

— *Господи, ведь он у меня не ки́ёнай!*

А он перекстил качку:

— *Господь с ним, он кстится!*

Значит, в пользу ему мое было кщенье. Я не виновата. Ну, потом открыли церкву, я его окстила. Наверно, уж года полтора ему было. Ходила...

[Соб.]: *Как вы думаете, кто был этот старичок? Какой святой к Вам приходил?*

[Е.Г.]: *Да ведь кто это? Это Николай Спаситель, наверное.*

[Соб.]: *Николай Угодник, наверное?*

[Е.Г.]: *Нет, Николай Угодник не такой (ЦРФ-Э-1129).*

10. См. № 2. ЦРФ-Э-1129.

Текст повествует о личном мистическом опыте рассказчицы. Святитель предостерегает ее от греха, благословляет детей.

11. См. № 2. ЦРФ-Э-1172.

12. См. № 4. ЦРФ-Э-1192.

13. См. № 4. ЦРФ-Э-1192.

Текст повествует о личном мистическом опыте рассказчицы.

14. Гришина Г.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1076.

Текст повествует о личном мистическом опыте рассказчицы.

15. Шаронова А.А., 75 лет, ЦРФ-Э-1220.

Традиционный сюжет о предсказании странником судьбы новорожденного.

16. См. № 2. ЦРФ-Э-1172.

В ответ на вопросы собирателя рассказчица так прокомментировала этот текст:

[Соб.]: *А кого принял Господь?*

[Е.Г.]: *Ну кого? Вот верующи пришли... Бывало, придут... что ты! Злые придут. Вот у меня соседка <...> она очень злая. Она в церкву-то когда ходит, она очень злая. Ее-то молитвы Господь и не примет, надо идти, знаешь...*

[Соб.]: *А Поля умерла?*

[Е.Г.]: *Умерла Поля. Прозорлива была. Умерла. Она по покойникам ходила читала. Умерла. Вот, бывало, идешь.... Если дорогу там пер(е)ходить, она ни за что не пойдет: стоит, когда ты пройдешь, тогда она пойдет, дорогу пер(е)ходить не будет. По покойникам она читала.*

17. Акимов А.И., 1923 г.р., и Акимова А.И., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1122.

18. Шишкина М.И., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1125.

Традиционный легендарный сюжет о запрете на работу в праздник соединяется с поверьем о том, что вода от стирки и мытья в воскресенье льется на самого Христа.

19. Свирижова Е.С., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1332.

Вариант к № 18. Как и в предыдущем примере, сюжет легенды включен в своеобразную повествовательную рамку — размышление рассказчицы о запрете стирать в воскресные и праздничные дни: *«Да, стирать — грех непростительный, мыться тем более, полы мыть. Еще в огороде туда-сюда, а уж это — грех. У нас вот Нина Чернобаиха (фамилия Чернобай — так и звали Чернобаиха) — эта обязательно в воскресенье стирать, ребятишек мыть обязательно. “А больше некогда”. А я ей говорю: “Знаешь что: у меня вон Евангелие — там написано”. [Далее следует текст легенды. — Л.Ф.] А она: “Ты мне дай эту книжку почитать”. Я ей: “Нин, я тебе ее не дам в твои руки”».*

20. Рожкова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1224.

Легенда о Божьей каре. Один из многочисленных примеров, иллюстрирующий запрет на работу в грозный праздник — Егорьев день.

21. Осипова А.И., 1917 г.р., ЦРФ-Э-1092.

Легенда о Божьей каре. Иллюстрирует строгий запрет на работу в Ильин день.

22. Ларина Л.А., 1941 г.р., ЦРФ-Э-1176.

Назидательная легенда о странноприимстве.

23. См. № 2. ЦРФ-Э-1172.

Ср. с легендой о прозорливой Поле (№ 16).

Исполнительница начинает рассказ с размышления о том, что более угодно Богу, посещение храма или забота о внуках: *«Где бы вот выходной, где какой праздник — в церковь сходить. Идет дочь: “Ма, мне ныне работать, приди, ну куды мне девать детей. — Л.Ф.)?” Не в церкву идешь, а... (сидеть с детьми. — Л.Ф.) У Вали тоже мальчик. Так и кружилась с ними. Ну, думаю, что ж — дети... Дети — Господний престол. У кого есть в доме младенец — это очень хорошо».* Сюжет легенды она объясняет с точки зрения христианской этики. В основе — слова Христа о детях (*«И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот меня принимает»* (Мф. 18, 5; ср. также: Мк. 9, 37; Лк. 9, 48)).

24. См. № 4. ЦРФ-Э-1192.

Текст повествует о мистическом опыте рассказчицы. В основе сюжета — поверье о незримом присутствии души умершего в доме в первые дни после смерти.

25. Горячева А.И., 1915 г.р., ЦРФ-Э-1265.

Текст является рассказом о снах, которые А.И. Горячева интерпретирует с точки зрения традиционных представлений о том, что души умерших ждут поминания. При этом рассказчица затрудняется в точном определении характера видения, считая его то сном, то явью. Ср.:

[Соб.]: *То есть это как повиделось Вам?*

[А.И.]: *Да, это... Нет, это фактически я видела. А они всякие: и старые, и молодые, и кудрявые, и... уж каких только нет! Честное слово. Стоят.*

26. Холбина А.А., 1959 г.р., ЦРФ-Э-1219.

Сон рассказывает о воздаянии грешнику после смерти.

27. См. № 7. ЦРФ-Э-1218.

Легенда о Божьей каре.

28. Бочкарева Т.М., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1218.

Легенда о Божьей каре.

29. Власова А.С., 1934 г.р., ЦРФ-Э-1332.

Этот текст представляет собой типичный пример рассказа о разрушении церкви. Он содержит воспоминания об облике храма и роли, которую он играл в жизни близлежащих деревень. В качестве отдельного смыслового блока выступают размышления рассказчицы о том, как Бог покарал тех, кто поднял руку на храм.

30. Шунькина Н.И., 1938 г.р., ЦРФ-Э-1332.

31. См. № 28. ЦРФ-Э-1218.

Легенда о Божьей каре.

32, 33. См. № 5. ЦРФ-Э-1239.

Легенды о Божьей каре.

34. Горчакова Е.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1188.

Популярность Святого озера, расположенного близ с. Дедова, велика. Свод легенд, связанных с Дедово и его окрестностями, содержится в записях А.А. Епанчина (см., к примеру, его книгу «Топонимика Муром и его окрестностей. Муром, 2001. С. 40—47). Материалы о Святом озере вошли также в сборник «Нижегородская христианская легенда» (сост. Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород, 1998. С. 34—35, 124—126).

Об этом озере упоминало большинство наших информантов. Типичен и комментарий, которым Е.В. Горчакова предвещивает свой рассказ:

[Е.В.]: *Я никогда там не была, а года два тому назад ездила. Там говорят, что ушла церковь.*

[Соб.]: *Это уже за рекой?*

[Е.В.]: *Нет... Это туда, это к Навашину. Дедово.*

Многие жители Муромского района стараются присоединиться к группам паломников, которые иногда ездят в Дедово.

Настоящий пример интересен тем, что наряду с упоминанием провала содержит указание на то, что литургия не может остаться незавершенной. Это правило дает основу для развития важного сюжетного хода данного повествования — в последние времена храм восстановится и служба будет завершена.

35. Валуева М.И., 1928 г.р., ЦРФ-Э-1270.

Исполнительница не смогла точно указать на место, о котором идет речь. Не помогли и вопросы собирателя:

— *Но это уже за Окой?*

— *За Окой. За Окой.*

— *На том берегу? Это не Дедово?*

— *Там и Дедово. Ай Дедово? Как-то там. Где-то тама... Вот Поздняково, вот мы стояли там, торф... Мы там стояли на квартире...*

В связи с этим случаем М.И. Валуева рассказала еще один, об утонувшей девушке, хотя в нем скорее всего речь идет о событиях, которые происходили уже в Березовке.

36. Кокуршников Е.И., 1928 г.р., ЦРФ-Э-1218.

В разговоре с Е.И. Кокуршниковой принимала участие Екатерина Владимировна Малышева, 1956 г.р., местн., зав. клубом. Вместе они так прокомментировали этот рассказ:

[Е.В.]: *У нас здесь бывают ямы. Вот мы даже за ягодами ходили — было ровно место. Потом на следующий год пошел — ба!... На этом месте яма. Как будто провал в землю, глубина метра два, наверное.*

[Е.И.]: *Как вот в Барвинском мы косили. Вначале была яма вот за стог. А потом года три прошло — яма страшная и вода там, карасей ловили. Вот прямо на глазах!*

[Е.В.]: *А геологи работали — внизу пустота под ногами.*

[Е.И.]: *Это потому что здесь низменно место и пола вода была.*

[Соб.]: *А вот этот храм — как он ушёл под воду? Что произошло?*

[Е.И.]: *Это не знаю. Это давно было, это, может быть, его еще дед, дедушки Михаила, знает.*

[Соб.]: *Ну, а кто-нибудь, может быть, нырял — что-то видел?*

[Е.И.]: *Ничего там никто не видел. Туда и не знаю, кто и нырнет: там глубина такая. Так что этого никто не знает.*

[Соб.]: *А люди там были, когда храм провалился?*

[Е.И.]: *Ничего этого не знаю, и как он провалился... Может, это легенда... Но я от дедушки Михаила лично слышала.*

37. Агапова Е.Д., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1267.

Рассказчица не смогла объяснить, чем вызван провал:

[Соб.]: *А почему церковь провалилась, не говорили?*

[Е.Д.]: *Никто ничего. Мы малыньки были. Это вот так говорили. Кто, бывало, не слушаешься, пойдешь, а мать скажет: «Фроська, не ходи, там церковь провалилась, и ты провалишься».*

[Соб.]: *Считалось, лучше туда не подходить?*

[Е.Д.]: *Купаются, стирают и моются, но она очень глубока, она очень глубока.*

[Соб.]: *Не говорили, что вода эта святая, раз церковь провалилась?*

[Е.Д.]: *Ну как? Ну мы всё не пили ничего. Она вся тиной зарощена. Она и давно-давно... Не знаю, когда она там пропала.*

38. Авдеева А.Ф., 1912 г.р., и Смолова А.С., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1182.

Сюжет о провале А.С. Смолова приурочивает к местному озеру, тогда как ее мать, А.Ф. Авдеева, полагает, что церковь провалилась в Дедово. Ср.:

[А.Ф.]: *Разговор когда-то был, что церква утонула. Были у нас луга за Окой. Мы туда ездили. Там было озеро — Святное. Почему оно Святное? <...> Оттого что вот тут утонула церковь.*

[Соб.]: *А вы что знаете про это?*

[А.С.]: *А как же! Там церква утонула.*

[Соб.]: *Тож же церковь утонула?*

[А.С.]: *Да. Да. И вот поэтому называли его Святное.*

[Соб.]: *А не объясняли, почему там церковь утонула?*

[А.С.]: *Ну, почему? Наверно, грунт такой плохой. Всё провалилось.*

[Соб.]: *А такого, что Бог наказал, такого разговора не было?*

[А.С.]: *О-о-о! Нет, конечно.*

39. См. № 5. ЦРФ-Э-1237.

40. Курникова З.И., 1934 г.р., ЦРФ-Э-1189.

41. См. № 34. ЦРФ-Э-1188.

Исполнители

Авдеева Александра Федоровна, 1912 г.р., урож. с. Стригино. Зап. в 2004 г. в с. Стригино. Соб. Л.В. Фадеева.

Агапова Ефросинья Демьяновна, 1921 г.р., урож. д. Петраково. Зап. в 2005 г. в пос. Войкова. Соб. Л.В. Фадеева.

Акимов Александр Иванович, 1923 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чадаево. Соб. А.А. Барсуков и А.С. Белова.

Акимова Александра Ивановна, 1926 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Чадаево. Соб. А.А. Барсуков и А.С. Белова.

Бобкова Валентина Васильевна. Зап. в 2004 г. в г. Муроме. Соб. Л.В. Фадеева.

Бочкарева Татьяна Михайловна, 1921 г.р. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. И.М. Борисова, С.В. Лебедева.

Валуева Мария Ивановна, 1928 г.р. Зап. в 2005 г. в д. Берёзовка. Соб. Л.В. Фадеева.

Власова Александра Степановна, 1934 г.р., урож. с. Булатниково. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.М. Борисова, О.С. Славинская.

Горчакова Екатерина Васильевна, 1931 г.р., урож. с. Карачарово. Зап. в 2004 г. в с. Карачарово. Соб. Л.В. Фадеева, Т.В. Хлыбова.

Горячева Антонина Ивановна, 1915 г.р., урож. с. Ковардицы. Зап. в 2005 г. в с. Ковардицы. Соб. Л.В. Фадеева.

Гришина Глафира Васильевна, 1931 г.р., урож. д. Петраково. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская.

Киселева Ефросинья Григорьевна, 1912 г.р., урож. д. Савково. Зап. в 2004 г. в г. Муроме. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Кокуршников Елен Ивановна, 1928 г.р., урож. с. Боровицы. Зап. в 2004 г. в с. Боровицы. Соб. И.Н. Райкова.

Курникова Зоя Ивановна, 1934 г.р. Зап. в 2004 г. в с. Карачарово. Соб. Л.В. Фадеева, Т.В. Хлыбова.

Ларина Любовь Александровна, 1941 г.р. Зап. в 2004 г. в г. Муроме. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Орлов Михаил Егорович, 1930 г.р., урож. с. Борисоглеб. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев.

Орлова Мария Андреевна, 1933 г.р., урож. с. Борисоглеб. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев.

Осипова Агриппина Ивановна, 1917 г.р., урож. д. Иваньково. Зап. в 2003 г. в д. Саксино. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова.

Рогоськина Клавдия Матвеевна, 1929 г.р., урож. д. Санниково. Зап. в 2003 г. в д. Степаньково. Соб. В.Е. Добровольская.

Рожкова Нина Петровна, 1923 г.р., урож. с. Ковардицы. Зап. в 2005 г. в с. Ковардицы. Соб. В.Е. Добровольская.

Свирижёва Евгения Сергеевна, 1932 г.р., урож. д. Межищи. Зап. в 2005 г. в д. Межищи. Соб. И.М. Борисова, О.С. Славинская.

Смолова Антонина Сергеевна, 1935 г.р., урож. д. Грибково. Зап. в 2004 г. в с. Стригино. Соб. Л.В. Фадеева.

Филатова Надежда Алексеевна, 1929 г.р., урож. г. Муром. Зап. в 2005 г. в г. Муроме. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Холбина Альбина Алексеевна, 1959 г.р., урож. с. Татарово. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. О.С. Славинская и Н.А. Шкуратова.

Холодова Людмила Сергеевна, 1938 г.р., урож. с. Татарово. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. И.Н. Райкова.

Шаронова Антонина Александровна, 75 лет, урож. д. Пестенькино. Зап. в 2004 г. в д. Пестенькино. Соб. С.С. Васина, О.А. Дементей.

Шишкина Мария Ивановна, 1925 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Волнино. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлева.

Шуныкина Нина Николаевна, 1938 г.р., урож. с. Булатниково. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. О.С. Славинская, И.М. Борисова.

Историческая проза

Разнообразные тексты исторической направленности показывают, что для Муромского края характерна сильная повествовательная традиция. Исполнители владеют богатым словарным запасом, арсеналом образных средств, различных повествовательных приемов. Но, к сожалению, часто их репертуар остается невостребованным и только пассивно хранится в памяти.

Спрашивая исполнителей о прошлом села или других исторических фактах, мы, вероятнее всего, вызываем к жизни не традиционный исторический нарратив, а некий, создаваемый для нас и моделируемый нашими вопросами текст гетерогенной структуры. В него входят и фольклорные мотивы, и личные воспоминания, и размышления о прошлой жизни, и сведения, почерпнутые из различных книг и средств массовой информации. Дело в том, что у многих исполнителей, с которыми мы работали, фольклорное знание об истории уже находится несколько на периферии, тогда как на первом плане стоят школьное образование и печатное слово. Когда речь заходит о вопросах истории, ответы наших информантов показывают, что очень важную роль в формировании исторических представлений играет авторитет людей, которые считаются образованными. *«Мы с одним разговаривали по этому поводу. Один у нас паренек был начитанный, вот он в историю-то вдавался. Он мне так объяснял...»* (Тексты. № 7). Но наибольшее влияние, по-видимому, оказывают учителя и работники культуры. Так исполнители включают ссылку на учителей истории в свои рассказы: *«А третий брат узнал, в Ярославле, что они тут так хорошо живут и что разбогатели, и он их вызвал на охоту. Сюда, в леса. Это нам Лавров Юрий Федорович, историк, рассказывал»* (Тексты. № 4).

Общение с людьми старшего и среднего поколения в Муромском крае показывает, что даже уровень знаний, приобретенных в сельских школах (а многие имеют и среднее специальное и высшее образование), был вполне достаточен для того, чтобы очень многие приобрели и сохранили привычку к чтению литературы на самые разные темы, в том числе и историческую. Исполнители часто сами указывают на источник информации, фиксируют внимание собирателя на том, какую версию они излагают — свою или взятую из книг: *«Это моя версия. А какая точно — я нигде этого не встречала. Названия нигде вот. У меня есть книжка, где-то лежит, по краю Владимирскому, по Мурому у меня есть. Могу вам показать — очень красивая книжка»* (Тексты. № 9). К тому же в прошлом в районе была прекрасно налажена культурно-просветительная работа. И сегодня в этой сфере делается очень многое. Создаются местные коллекции краеведческой направленности при школах, клубах, библиотеках. Работники культуры проводят большую работу с населением по пропаганде исторических и краеведческих знаний. Примером может служить деятельность Валентины Ивановны Ладыгиной, которая с 1986 года заведует библиотекой в деревне Лазарево. Помимо разнообразной работы, связанной с библиотекой и организацией различных мероприятий (народные праздники, детский досуг и т.д.) Валентина Ивановна создала и постоянно пополняет обширные подборки разного рода печатных материалов по истории села, о жившей в Лазареве, почитаемой во всей России Святой Юлиании

Лазаревской и ее невинно убиенном сыне. Эти данные хранятся в читальном зале, на виду, и постоянно доступны для населения. В селе Чаадаево активно работает самодеятельность, есть печатающиеся поэты. Этот список можно еще очень долго продолжать.

В ходе собирательской работы нам посчастливилось встретиться с замечательными исполнителями, представителями местной нарративной традиции, от которых мы записали очень интересные тексты. Одним из таких талантливых рассказчиков является Леонид Григорьевич Митин. Это человек многосторонних знаний, искренне интересующийся историей России вообще и своей малой родины в частности. Его рассказы имеют различные источники, что отражается и в постоянном смешении книжного и разговорного стилей. Рассказывая о событиях государственного масштаба, он использует чисто книжные выражения: сели в челны, легенда гласит, фактически. Непринужденно перечисляет имена князей и названия городов Древней Руси. Удивительным образом пропускает через себя такие факты далекого прошлого, как Крещение Руси: *«Когда принял христианство Владимир, князь киевский, Солнышко, когда свергнул нашего Перуна и принял христианскую веру, он женился на Софье, византийской царевне»* (Тексты. № 1). И тут же обращается к слушателям: *«Это вы знаете»*. Переходя к сюжету, определяемому как «местная легенда», Леонид Григорьевич использует уже больше разговорных речевых средств, типичных для устной традиции: *«Они поднялись по Ушне сюда, глядят, место хорошее, красивое, берег высокий, река рядом, лес рядом — чем не место?»*.

В разнообразии выразительных средств проявляется высокое мастерство рассказчика. Используются действенные способы образной характеристики, например, передача образа местного ландшафта — в прошлом легендарных Муромских лесов — с помощью семейного предания о ловле уток сетью: *«Ну а тогда ведь леса были непроходимые, наш прадед, Андрей Васильевич, он еще застал, когда по этой козьей дороге можно было сети на уток ставить. Лес высокий, густой, ставили сети, и утки по дороге с болот Горелова (это были болота всё) летят и прямо в сети. Это нам рассказывал прапрадед, он сто пять лет прожил»*; раскрытие образа через деталь: *«Здесь же гнездо разбойников было. Нож прятали в голенище, в сапог»*; местные устойчивые выражения типа «козья дорога». В рассказы органично включаются личные воспоминания. Далекая и великая древняя история государства не представляется чем-то оторванным от жизни Леонида Григорьевича, в его рассказах она непосредственно сопрягается с личными переживаниями, прошлым родного села, сегодняшним днем и даже будущим. Упоминание о хане Кучуме, например, вызывает из памяти исполнителя песню о Ермаке, а она в свою очередь воспоминания о прошлой жизни: *«Вот такие песни мы пели. Песни эти внушали любовь к Родине, патриотизм, прославляли мужество тех, кто наше русское государство укреплял. Им воздавали славу и почет. Пели на всех праздниках: и на советских, и на православных, христианских. А пели-то как! Соберутся мужиков десять. Они как гаркнут, десятилинейная лампа керосиновая тухла, и стекла вылетают из окон. Они там поют, а все слышат»* (Тексты. № 3). Л.Г. Митин — один из тех русских людей, которые искренне, горячо любят свою Родину, считают жизнь и своего села, и всей страны своим личным делом, равнодушны ко всему, что происходит сегодня. С душевной болью сравнивает он прошлое и современность своего села: *«Село наше старое, многим городам очко даст. Но я никогда не думал, что наше село будет умирать, а сейчас родится три-четыре человека, а умирает тридцать-сорок»* (Тексты. № 2).

Крестьянский быт сегодня таков, что историческая проза редко воспроизводится в естественных коммуникативных ситуациях. Вопросы собирателей заставляют людей с трудом извлекать из дальних глубин памяти и связывать фрагменты исторических представлений. В результате мы получаем такие чрезвычайно интересные

смешения исторических фактов, местных сюжетов и общефольклорных мотивов, как, например, в рассказах Егора Павловича Салкова, яркого представителя фольклорной традиции с. Петраково (Тексты. № 7).

Следует отметить, что факты древней и новой истории обычно больше интересуют мужскую часть населения. Но и в женском репертуаре встречаются иногда рассказы, сохраняющие традиционные фольклорные сюжеты. Обращает на себя внимание текст, записанный в с. Борисоглеб от Марии Петровны Кисиль, который можно отнести к социально-утопическим легендам о возвращающемся императоре. Помимо редко фиксируемого сейчас традиционного сюжета, примечательно соединение в одном тексте ссылки на авторитет средств массовой информации, использование традиционных приемов (прямая речь и т.д.) и деталей («стрелы не стал стрелять»), свойственных преданиям: *«Еще как-то я по радио слышала — говорили, что он в женском платье ушел. Вот выстрелили в него, а этот стрелы в него специально не стал стрелять и говорит: “Царь-батюшка, уходи. Ты найди где-нибудь... переоденься в женское платье и уйди”»* (Тексты. № 6).

Жанрам несказочной прозы свойственно существование в различных повествовательных формах. Степень сложности сюжетной организации в произведениях несказочной прозы может быть различна, исследователями отмечалось, что в исторической прозе «сюжетная организация тяготеет к эмбриональным формам, которые таят в себе возможность повествовательного развития»¹. Зависимость от условий бытования и коммуникативной ситуации, влияние личности рассказчика — всё это факторы, формирующие облик фольклорного нарратива. Каждый рассказчик пропускает сюжет через себя. Варианты не совпадают с историей и между собой. Показателен в этом отношении пласт текстов, зафиксированных в селе Борисоглеб. Одни из них имеют развернутую структуру, разнообразное художественное оформление (как, например, рассказы Л.Г. Митина, о которых подробно говорилось выше). Другие, наоборот, представляют собой самые краткие повествования: *«Были святые Борис и Глеб, вот в честь них и назвали село “Борис и Глеб”* (Лопатина Н.М., 1937 г.р., ЦРФ-Э-1122). Учительница истории местной школы, Н.И. Панова, подробно рассказала об истории села с опорой на книжную традицию. А в представлениях ученика восьмого класса запечатлелись чудесным образом и переплелись отзвуки исторических фактов и легендарный мотив о явленной иконе: *«Были два святых. Они плыли на лодке. Их убили. В лодке была икона, на которой были изображены Борис и Глеб, она упала из лодки и приплыла к селу»* (Романюк И., 1989 г.р., ЦРФ-Э-1122).

Зависимость варианта трактовки сюжета от личности исполнителя ярко проявилась в рассказах о происхождении названия реки Ушны. Учительница истории предложила нам рассказ, имеющий традиционный фольклорный сюжет, привязанный к такому значимому историческому персонажу, как Иван Грозный: *«Во время возвращения со своего похода на Казань Иван Грозный отдыхал на Оке, потом он заехал сюда к нам, в Борисоглеб, в нашу церковь. И местные крестьяне ему принесли рыбы. Он говорит “Да-а! А что это у вас за речка? Да, река-то, пожалуй, ушна!” (ухи много, рыбы много)»* (Панова Н.И., 1960 г.р., ЦРФ-Э-1122). В то время как рассказчик-балагур, склонный к эпатажу, изложил анекдотическую версию: *«Вот ехали на лодке мужик с бабой. И он ее просит. “Ну уж на!” А кто слышал? Они вдвоем были. Это выдумка»* (Мальков Е.А., 1930 г.р., ЦРФ-Э-1091).

Наиболее традиционными и воспроизводимыми, а не создаваемыми только для собирателей фольклора, представляются тексты, объясняющие происхождения топонимов. Исполнители сами говорят о том, что эта тема не раз поднималась в раз-

¹ Аникин В.П. Художественное творчество в жанрах несказочной прозы (к общей постановке проблемы) // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. XIII. М.; Л.: Наука, 1972. С. 10.

говорах односельчан и в семейном кругу: «...У нас очень много шло споров с моими племянниками и внучатами» (Тексты. № 9). В ответах на вопросы типа: «А почему ваша деревня так называется?» обычно содержатся сюжеты, которые пусть и в сжатой, «заархивированной» форме несут очень традиционное фольклорное содержание. При этом одно и то же топонимическое наименование может объясняться с помощью разных традиционных моделей. Например, спросив о происхождении названия деревни «Загрязская» у группы местных женщин, мы получили в ответ очень интересную беседу:

[Соб.]: *А не рассказывали, может, ваши мамы, почему такое название, Загрязская?*

[А.А.]: *Загрязская? У нас середь улицы, мама говорила, около Семеновых.*

[Н.А.]: *Нет, не доезжая деревни, была сильная грязь.*

[А.А.]: *Мама говорила, около Семеновых тут был мостик, и больно была грязь.*

[Н.П.]: *А вот, тут слышала, что наше село от барина, был такой барин Загрязский.*

[А.А.]: *Нет, мама такого не говорила.*

[Н.А.]: *Барин, бывало, едут на лошадах, на своих на колесницах. Теперь далеке ли поехал? А вот в деревню. В какую? А вот за грязь, за грязью. Она еще была безымянная. И так она Загрязька, она и вышла — за грязью.*

[Н.П.]: *А моя мама говорила так: что жил какой-то барин, фамилия ему Загрязский, в честь этого барина дали нашу деревню. Так говорила мама.*

[Ф.Ф.]: *У тебя мама с какого году?*

[Н.П.]: *С шестого.*

[А.А.]: *А у нас с пятого. Ровесницы. (Лебедева А.А., 1930 г.р., Лебедева Н.А., 1940 г.р., Шарипова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1147).*

Этот диалог очень показателен как с точки зрения сосуществования двух наиболее популярных способов объяснения происхождения названия деревень, так и в аспекте отражения попытки обеих сторон сослаться на более авторитетный источник информации. Критерием правоты в данном случае должен был послужить возраст матерей исполнительниц, который оказался примерно одинаковым и, таким образом, все остались при своем мнении.

В Муромском крае объяснение происхождения названий сел и деревень от фамилии или имени первопоселенца или владельца местности является наиболее распространенным². «*Это вот я не могу сказать. Точно. Так был разговор: вроде тут сначала какие-то Ивановы были. Вот Иваново, вроде, и назвали. Я мельком слышал. Но точно не могу сказать*» (Туманов Б.М., 1933 г.р., ЦРФ-Э-1153); «*Опраксино, потому что там была помещица Варвара Опраксина, вот в честь нее*» (Ивлева Н.С., 1952 г.р., ЦРФ-Э-1076).

Эта версия прослеживается даже в тех ответах, где всякая сюжетность уже утратилась:

[В.В.]: *Петраково. Что-то слышала.*

[Соб.]: *А Вы что слышали?*

[В.В.]: *Петр какой-то был. Это давно-давно. Я так и не знаю.*

[Соб.]: *Это какой? Царь что ли?*

Не царь. А помещик. (Фокина В.В., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1064). Или: «Богатый жил, Афанасий, вот по его это... Афанасий жил, и теперь назвали его Афанасово. А где он жил — сего я не знаю. Дорога на Бурцевск выходит. Вот едем раньше на поезде два километра отсюда, там остановка — поезд останавливается — название "Бурцевская". Там Бурцев был. Бурцево, а здесь Афанасий жил — Афанасово стало» (Обидин И.П., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1332).

² Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 70—77.

Иногда исполнитель выбирает один мотив и с его помощью объясняет всё, что можно:

[Соб.]: *А почему Ваша деревня так называется?*

[Е.А.]: *Тереховицы? Это от первого, кто построился. Кто первый построил дом, фамилия его — Тереховицкий.*

[Соб.]: *А вот соседняя деревня так почему называется, не знаете?*

[Е.А.]: *Ну тоже фамилия такая. По фамилиям все это делали. Первый построился, там — Ковардицкий, там — Тереховской, вот — Саксинский. И по нему идет, вон — деревня Саксино, а вот по ему. Ведь кто-то первый строился. Просто это пятьсот лет назад, возможно.*

[Соб.]: *Что то может быть с ним случилось, может он чем-то был знаменит? Как он место определил?*

[Е.А.]: *Как. Вот, например, Борисоглеб. Там Борис и Глеб. Звали, кажется, одного Борис, другого — Глеб. Два брата. Они первые поселились тут» (Мальков Е.А., 1930 г.р., ЦРФ-Э-1091).*

Версия, содержащая мотив происхождения названия населенного пункта от фамилии барина, очень продуктивна. Ее применяют даже тогда, когда не знают традиционного текста, но хотят создать его для нас: *«Ну вот. Это у нас улица называется Юматовка. До самого там конца она примерно полтора километра тянется. Вот. Называется Юматовка. Наверно, барин тут какой жил. Юматовка по нему назвали» (Кузнецова Л.М., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1062).*

Еще одним жизнеспособным способом объяснения происхождения топонимов можно считать народную этимологию, основанную на свойственном нашему народу здравом смысле и обычной житейской логике, например, река называется «Выжга», потому что *«выгорает летом, сохнет»* (Малькова З.И., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1062); или: *«Наша улица Полюновка. Здесь одна полынь росла»* (Кашина А.В., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1088).

Встречается и версия, содержащая мотив происхождения названия села от профессиональной принадлежности жителей. Так, например, рассказывают о Ковардицах: *«Кавардицы — вроде как поселение кузнецов. Приезжали и кричали: “Каварди, каварди”. Вроде как кузнецов звали, чтобы перековать лошадей»* (Колганова Е.В., 1976 г.р., ЦРФ-Э-1224). Но она может легко сосуществовать с версией, основанной на мотиве происхождения топонима по наименованию местности: *«Село Кавардицы — потому что здесь протекала река Каварда. Сейчас ничего уж нету. Вот эта речка протекала — и мы туда бегали купаться»* (Рожкова Н.П., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1224). Мотив называния деревни или села от наименования местности — от леса, холма и т.д. также довольно характерен для Муромского края.

По профессиональной принадлежности жителей называли не только населенные пункты, но и отдельные части деревни и улицы: *«Мясная была улица. Это значит, кто-то занимался, мясничил. Закупал где мясо раньше. Это другие уже люди»* (Кашина А.В., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1088).

Некоторые фрагменты исторической памяти поддерживаются в Муромском крае благодаря различным традиционным вербальным формулам, таким, как местные пословицы, прозвища жителей сел и деревень.

Примером может служить пословица, бытующая в разных вариантах: от какого-либо населенного пункта *«до Кавардиц скачи, не снимая рукавиц»*. Она легко запоминается, а в связи с ней и факты из местной истории. Даже достаточно молодые знают: *«Леса были дремучие, разбойничьи такие. Вот в какие-то там времена. И чтоб не напали — поговорка такая была: От Драчева до Кавардиц скачи, не снимая рукавиц»* (Колганова Е.В., 1976 г.р., см. также Тексты. № 12).

Воспоминания о традиционных занятиях в данной местности отразились в прозвище жителей деревни Прудищи — *«Прудищи — мазаны пузищи»*:

«Прудичи славилась, “Мазаны пузичи” их прозвали. Прудичи, прудичи — мазаны пузичи. У нас тут у всех мазаны-то были брюха-то... Пудичи, прудичи, у нас вертушек было на задах уйма, масленые были, маслобойки, шерстобойка была, маслобойка, мельницы, у нас Прудичи славилась на всю округу. Здесь было такое, еще строили, строили, а потом коллективизация захватила, всё раскулачивать начали, всё выгонять отсюда всех, у нас наверное четыре семьи отсюда угнали и нас было хотели угнать, да у нас, нас защитили за счет чего, потому что три брата работали в одной масляной за счет эта, а то бы мы тоже на Соловках были, вот. За то, что трудились, а в масленицах работали, работяги какие, маслобойки вертелись ветром, ветряные, они там мужики-то работали, там знаешь какой механизм: сушилка, потом парилка, потом эти... там жарница... Мужики то там нагишом бегали, только вот мешок подвязан вот здесь вот и всё... Как чертяты бегали, вот как работали, такая работа была, весь день всё ходил, всё кипело они туды сюды бегают, как всё равно, что нахлыстаны, и они раздеты до тла» (Сорокин И.С., 1917 г.р., ЦРФ-Э-1108).

Очень редко, но встречаются повествования, которые содержат сюжеты, хоть и в эмбриональной форме, с помощью которых объясняются топонимы:

[З.А.]: А ещё вот тут у нас за деревней пруд Золотое.

[Соб.]: Так называется?

[З.А.]: Да, так называется. И вот эта Гукша — барыня, она купалась там и потеряла колечко золотенько, и вот этот прудик стали звать» (Алексеева З.А., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1335).

Иногда сохраняется сюжет о появлении села и первых поселенцах, но он не объясняет названия: «Есть за Молотицами такая деревушка. Там всего было сорок дворов. Там протекала речушка Барановка. Начала существовать с 1560-х годов. Приехало двенадцать семей. Они построили себе эти двенадцать дворов. И до сих пор все двенадцать фамилий остались там, не хватает только двух фамилий... Остальные все пофамильно остались там <...> Раньше моя деревня звалась «Храбрецы», а уж потом перешла в “Хоробрецы”...» (Меньшова А.В., 1941 г.р., ЦРФ-Э-1122).

Исторические события относительно недавнего прошлого служат темой сложения новых сюжетов. Например, со времен Великой Отечественной войны устойчиво бытует следующее предание: «Тут самолеты летали на Горький. В одиннадцать часов, темно, и полетели, полетели, полетели. Но Муром не бомбили. Там у Гитлера сродница. Муром не бомбили. Сродница какая-то, тетка ли, что. Этот мост имел стратегическое значение, шли войска. А вот не трогали его» (Голубев А.Е., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1147).

ТЕКСТЫ

1.

Были у князя владимирского киевского солнышка одиннадцать сыновей: Мстислав, Ярослав, Святополк — много было. Русь была уже фактически поделена. Ростов Северный, Новгород Северный, Псков, Витебск, Полоцк, Гомель. Наш Муром — это была окраина Руси. Ока была пограничной рекой. Дальше кто шел? — мордва, черемисы, половцы, хазары и прочие восточные племена. Когда принял христианство Владимир, князь киевский, Солнышко, когда свергнул нашего Перуна и принял христианскую веру, он женился на Софье, византийской царевне. Это вы знаете. У царевны этой пошли дети, вот, двое из них — Борис и Глеб. А где им вотчину отвести — земля вся занята: и север, и юг, и восток — всё занято. Вот, был такой древний город Муром на Оке, поезжайте и правьте вот в этом городе. Приехали они сюда, в Муром, и стали править. А местной знати не понравилось их правление. И вот пошли кривотолки. Они, якобы, так наша местная легенда

гласит, сели в челны и вниз по Оке к Горькому решили уехать. Но речка попалась вот эта — Ушна. Они поднялись по Ушне сюда, глядят, место хорошее, красивое, берег высокий, река рядом, лес рядом — чем не место? Решили здесь раскинуть лагерь свой. Раскинули. Ну а тогда ведь леса были непроходимые, наш прадед, Андрей Васильевич, он еще застал, когда по этой козьей дороге можно было сети на уток ставить. Лес высокий, густой, ставили сети, и утки по дороге с болот Горелова (это были болота всё) летят и прямо в сети. Это нам рассказывал прапрадед, он сто пять лет прожил. Про муромские леса легенды ходили. Здесь же гнездо разбойников было. Нож прятали в голенище, в сапог. Они же разбойничали и тем жили. По Оке едут купцы с товарами — это значит, робяты, готовьтесь встречать — добыча едет. Даже у Стеньки Разина было так. Ну, Владимир умер, престол освободился, трон центральный российский Киевской Руси. Кто его занял? — Занял его Святополк, один из сыновей. Он обманом заманил. Надо было угрохать претендентов на престол, самых младших-то. Ну и вот, Бориса хлопнули, а Глеб поехал туда разбираться, в Киев. А его там встретили на пути под Черниговом, и его хлопнули. Чтобы увековечить о них память, здесь, на их стоянке, решили поставить церковь. Она в четырнадцатом веке была основана и сначала была-то деревянная, а эта уж вот 350 лет на этом же месте. Был же тут монастырь мужской. Вот так появилось нашему селу название: Борис-Глеб. В честь сыновей князя киевского не от Рогнеды, у него первая-то жена Рогнеда, она, по-моему, полоцкая княжна была, вот он на ней женился, от неё много сыновей-то было. Он её в монастырь, а на Софье женился. Вот, от неё сыновья, Борис, Глеб, дали нашему селу название. Их канонизировали, сделала святыми наша православная церковь. Потом-то справедливость восторжествовала, Ярослав Мудрый, князь Северного Новгорода, он встал на престол, Святополк был наказан. Это не только у нас в Борисоглебе, есть и город Борисоглеб в Воронежской области, в Суздальском районе есть то же самое — церковь Бориса и Глеба. Это по всей Руси. У нас славяне, русские стремились увековечивать память. У Ельцина же внуки Борис и Глеб, вот мы ходили, ему писали.

2.

В начале 14 века был заложен монастырь. Кстати, здесь Иван III скрывался от Шемяки, в нашей церкви. В семи верстах от города Муром, на реке Ушне, мужской монастырь Борисоглебский. Они престол не поделили, Шемяка был ослеплен. Село наше старое, многим городам очко даст. Но я никогда не думал, что наше село будет умирать, а сейчас родится три-четыре человека, а умирает тридцать-сорок.

3.

Вы знаете по истории, кто такой Ермак. Ермак — это русский мужик, казак. Сколотил отряд удалцов, тех, которые свободу любили, которые стремились на Дон от крепостной зависимости на вольные земли. Они искали земли, никому не принадлежащие. Нашли в Сибири страну большую, в царствие Ивана Грозного. Ермак решил Сибирь присоединить к русскому царству. Со своим отрядом разбил хана Кучума.

Кучум, презренный царь Сибири
Прокрался тайною тропой.
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина.
Славная дружина.

Вот такие песни мы пели. Песни эти внушали любовь к Родине, патриотизм, прославляли мужество тех, кто наше русское государство укреплял. Им воздавали

славу и почет. Пели на всех праздниках: и на советских, и на православных, христианских. А пели-то как! Соберутся мужиков десять. Они как гаркнут, десятилинейная лампа керосиновая тухла, и стекла вылетают из окон. Они там поют, а все слышат.

4.

Было два брата, у них был третий брат. Из-за зависти... Были муромские непроходимые леса, и они ловили рыбу, пушнину добывали, и вот разбогатели. А село начинало строиться: они приехали со своей дружиной, в дружине мужики пережились, стали строить дома, и получилось село. А третий брат узнал, в Ярославле, что они тут так хорошо живут и что разбогатели, и он их вызвал на охоту. Сюда, в леса. Это нам Лавров Юрий Федорович, историк, рассказывал. Вот он их — не сам, а приказал — по одиночке убил. В честь их... А раньше это село называлось не так. У меня где-то записано, как. Вот Волнино (*соседнее село — Соб.*) — это в честь помещика Волнинского. А потом, когда их убили и привезли тела в церковь, с тех пор стали называть Борис-Глеб. И в святые их... А в каком году точно основано, не знаю.

5.

Наше село образовалось у слободки, которая возникла вокруг церкви. Еще в 13 веке здесь появилась маленькая деревянная церковь Лавра и Фрола, но потом была разрушена. В 18 веке был построен мужской монастырь, который состоял из трех церквей. Сейчас оставшаяся церковь — это Рождества Христова (17 век, времена смуты). Село названо в честь святых Бориса и Глеба, которые были убиты своим братом Святополком. Глеб правил в Муромской земле, был князем. Он погиб, когда выезжал из Мурома, якобы по ложному приглашению своего отца Владимира Красно Солнышко в Киев. И вот на реке Альт он был убит своим братом. Первые поселения возникли вокруг монастыря. Наши вот эти улицы уже потом появились. От монастыря от церкви был погост. Рядом с церковью есть надгробные камни с надписями, где хоронили монахов. Есть предположение, что, когда татаро-монголы напали на Русь, часть муромцев спряталась в наших местах. Есть местечко Красный яр: яр — очень обрывистый, красный — всегда солнечно, солнце появляется именно в этом месте.

6.

Убили царя, со всей семьей расстреляли. Вот в одной деревне у меня жила подружка. И вот она рассказывала. Царя расстреляли, а там жила женщина, которая у него служила. Когда эта началась заваруха, она уехала в эту деревню, в свою. И вот она говорит. Не знаю, правда?

Я, говорит... Стучится в женской одежде. Я говорю: «Кто ты?» А он: «Да это я. (Он там ее назвал.) Да это я, царь Николай». Она глаза вытаращила. «Да как ты?» «Так вот, ушел в женском, пришел». И говорит, и так он и жил, в этой деревне и похоронили. По-моему, в Меленковском районе.

Еще как-то я по радио слышала — говорили, что он в женском платье ушел. Вот выстрелили в него, а этот стрелы в него специально не стал стрелять и говорит: «Царь-батюшка, уходи. Ты найди где-нибудь... переоденься в женское платье и уйди».

7.

Мы с одним, разговаривали по этому поводу. Один у нас паренек был начитанный, вот он в историю-то вдавался. Он мне так объяснял, что в этих годах, когда организовалось это вот Петраково, а это при Петре I, оказывается, да? Вот. В это время он воевал с турками, оказывается. Вот. Ну, вот, он турок-то догнал, оказывается, до этого места, до Борисглеба. А там был монастырь, в этом Борисглебе.

Ну, он хотел разместиться в монастыре-то, солдат-то, на ночь, а там игуменша, что ли, ему не позволила. Ну, он насильно там, это все дело сделал. Вот. Там, знаешь, они нашалили. Ну, и вот здесь не было ниче. Здесь были леса. Огромны леса. Вот и на моей памяти уже, кажись, и село-то уж было, а вот тут за конопляниками у нас там деревья стояли огромные. Ну, вот он сделал, значит, здесь победил турок, сделал победу. Ну, и надумал, значит, вроде того, что здесь что-то отметить надо, каку-то память о себе оставить. Ну вот, значит, в честь себя, в честь победы, скорей всего, он и сделал здесь. Думал, думал, што тут сделать в этом деле-то. Вот он, значит, «победа» — эта по латыни кова, кова, да? Ну вот. Это кова. А в честь себя он «Петр» сделал, «Петра». И вышло у него «Петраково».

И он здесь сделал, значит, закладывал вот эту церковь. Вот церковь была. Он ее много лет строил, нать. Осталось токо покрыть, ему сон приснился. Вот: «Если ты только эту церковь докроешь, как только докроешь, так и помрешь». Он еще столько-то лет не крыл ее. Вот така вот история, она и тянется, и тянется.

8.

Это ведь я тоже от баушков слышала. Раньше была здесь война, когда-то, наше вот Булатниково назвали, значит, два племени было — Мордва и Булатниково. Вот у нас тут над поильней есть такие горы Мары — молодежь уже их не знает. Мордва была, и здесь одно племя стояло в Булатникове — их звали булаты. А в Мордвинове другое племя стояло — мордва, назвали мордва — вот почему назвали. А это, война была, и там у нас говорили все, — карета золотая зарыта, камень рос. Он до сих пор, наверное, остался.

9.

Вот я предполагаю так — у нас очень много шло споров про — у меня с моими племянниками и внучатами. Племянниками — они у меня очень любопытные, поскольку я им много рассказывала. По-моему, так. Мне кажется. В свое время здесь поселился лесник. Тут лес был. Если вот они говорят это от слова «лес», то было бы «Лессово», «Лесново», а то «Лесниково». Значит, от слова «лесник». Значит, поселился где-то лесник. Наверно, тут лесов было много. Не зря же называли Муромские леса. Вот. А к леснику, наверно, бежали какие-нибудь крестьяне. И эти крестьяне около него селились-селились — и пожалуйста — вот такая деревушка. Она получилась. Где вы живете — около Лесника. Лесниково. Вот так. Вот так я считаю. Но нигде об этом я не читала. Это только мои предположения.

10.

Здесь был барин, фамилия его — Волнин. Жил он вон на той улице, есть там двухэтажный дом, вы его проходили, в этом доме он вел свое хозяйство, и было там его имение. Потом там школа была. Дружил он с барином Чаадаевым, и село тоже было названо в честь барина — Чаадаево. А этот Чаадаев, оказывается... Нет, тому барину-то не Чаадаев была фамилия, а был он ставленник друга Пушкина Чаадаева. Поэтому село было названо в честь барина своего, Чаадаева. И вот эти два барина очень-очень дружили, ездили по праздникам друг к другу в гости, запрягали хороших лошадей, хорошо одевались, ну, и отмечали эти праздники. А вот уж какие обычаи были здесь, я уж, честно говоря, не знаю... Как у всех, наверное.

11.

У нас был барин. Фамилие было его Воинов. Прозвали Воино, а тут уж стали звать Волнино. Так осталось. У него дом был большой-большой. Всю землю здесь занимал.

[В.]: А ваши родители ничего про барина не рассказывали?

[О.]: Хороший, они его хвалили. Был простой, не жадный, не угнетал людей, давал заработать, земли давал. Только землю вот дал, вот у нас гора. Не дал на ровной улице, землю берег для себя.

12.

Ну, у нас какой-то был барин здесь, а мы вот его никто не знаем, никто. Ну, вроде мне отец говорил Булат, Булат. Почему назвали Булатниково. Ну а Булатниково-то было торгово, и притом, как раньше была вот такая, как говорится, эти торговцы денег накупят и все. «От Булатникова до Кавардиц не скидай рукавиц». Все на лошадях приезжали, вожжи из рук не выпускай. Как Булатниково проезжали и натянут вожжи, и до самых Кавардиц не останавливались, потому что тут и бандиты были здесь, а как же, а они все купцы те на лошадях, вот на лошадях, и они боялись. Я и говорю: нападут. Были тоже и пьяные были мужики.

13.

Про Борок это не знаю. А вот Пенза... был здесь помещик, царь ли какой, в старое время, и он играл с этим, с царём, играли в карты. Какой там царь был, я не знаю, и этот царь проиграл этому здешнему три дома из города Пензы, выселили, вот, не доезжая Польша, (далее невнятно) Пензы, тут дома. Он, этот помещик, говорят, эту местность больно любил. И ягоды тут, и грибы, лес, и озёры, и Мотра-то вот течёт, и рыба, всёго полно. И луга. Хорошо тут. И ягоды, грибы, и рыба, всё на свете. И он поселился. Три дома, а потом воды были сильно, размывало всё, жить-то нельзя было никак, затопляло. И уехали вот туда, выбрали местечко. А Ожигово почему зовётся? Было лес, лес, лес, поля, но только вот как, это... сгорел лес. Ожигово назвали. И на этом вот, ну, как вырубка, какая, сухой лес, вырубил, и построилось Ожигово. А в Ольгине... Ольгино... Там какая-то царица была, Ольга, жила в лесу, одна домушка была, а потом расселились, деревня стала. А Пенза вот из города Пензы, выселили три дома.

14.

Это тетя Зоя рассказывала. С Клину... Раньше купцы же были. Ну, вот купец купцу. Вон возьми Алешунино — это Некрасовские места. Почему Некрасовские места? Там дед, что ль, этого Некрасова где-то. Так и здесь. Это здесь был бор. С Клину он, что ль, этот бор? Там несколько домов. Вот и Боровицы. Ведь раньше на пузыре лес был, страшный лес. Никольский. Ну, это уж прошли года. Вот сегодня нет.

15.

Раньше было не Алешунино, а Грачево, когда Некрасов приезжал сюда. Здесь дом его стоял. Он приезжал охотиться сюда, писать стихотворения. Сады были его. «Дед Мазай и зайцы». У нас заливные луга были, половодье все заливало и оставались островки небольшие. И на них зайчики были. Это точно. Про эти места вот он и писал.

16.

Село назвали в честь Алеши Некрасова, отца писателя. Только оно было немного в другом месте, потом сгорело — и перенесли сюда. Сам Некрасов приезжал примерно в год раз охотиться. Луг был у него и дом. А где сейчас дом престарелых, была усадьба помещика Новикова. В 1905 году нынешний дом был построен. Начали делиться — образовалась деревня Красный Бор.

17.

Борок. Да я не знаю, миленькая. Тут раньше, вот, наши бабушки, дедушки говорили, вроде здесь бор был, лес был здесь. Вот я на моей памяти, я захватила, вот, у нас здесь стояли дубья, стояли дубья. Там тоже, вот, два дуба, вот, только недавно срезали, два дуба было тоже, вот тут вот. Два дуба было, вот поэтому наш Борок и назвали.

18.

Шумилиха-то? А вот лес Шумильна. И эта Шумилиха она выехала из Сосницы. Так вот дальше есть деревня. Ее зовут, и эту деревню зовут Сосницы. И эта вот Шумилиха... Но раньше помногу детей то было. Стали делиться то, вот и выделялись и сюда переезжали. Вот так...

19.

Ехали откуда-то оттуда, с Татарово, что ли. Вот едут мужики место ново занять. Вот польцо — хорошо, чисто поле. Его и назвали Польцо в честь поля. А потом Борок-то сюды стал переезжать. Вот как назвать-то, как назвать? А здесь дубник стоял, да ельник, сосняк. Вот назвали Борок. А сюда выезжали люди, потому что там тесно было, негде было строиться в Польце. А здесь бугор! Вот когда вода начинается большая, Польцо топит, а у нас здесь нет. Только вот подойдет сюды под гору, и всё. А Польцо затопляет сильно. Как-то катер ходил по концу, хлеб давали в окошке.

20.

А Татарово, там война была с татарами, и вот пришли татары в это Татарово, за Ольгиным там, по трассе на Фоминку, пришли, и больно уж дрались эти татарские с татарами-то, вот. До какой-то горы они тут дошли, их угнали назад. Назвали Татарово<...>? А Польцо, я слышала, в Польце было так небольшое поле, немножечко местности, и назвали Польцо. Поле небольшое, польцо. И вот видишь, расселилось тут вон какое село-то, много, ещё туда вот выселили, Борок здесь. Борок это вот... бор, небольшой бор здесь, вот сюда. Дубник, что ли, рос. Аль сосняк здесь, на бору. Туда идти. Не слыхала?

— Нет.

— Я слышала, здесь бор был. Вроде, сосновый бор-то здесь был. Свели его, и назвали Борок вот эту деревушку. И Боровицы также вот назвали. Тоже, там бор. Тоже, у реки рядом, а не затопляет их вот, совсем-то.

21.

Материалов нет, может быть, во Владимире. Документальных подтверждений нет. Как встарь передается людьми, у нас достопримечательность — это озеро, это два родника. Очень целебные, рядом с одним раньше крест бетонный стоял. С помощью целебной воды если вылечивался человек, то ставил крест бетонный. Но дикие нравы, всё это разрушилось. Название, понятно, связано с татаро-монгольским игом. Но конкретно, какое столетие, я не знаю. Но как рассказывают старожилы, когда татары отступали, то попали в дремучие леса и заплутали. Кони их понесли, кони пьют только чистую воду. Кони их вынесли к нашей местности, к двум родникам. Это по одной из версий. Потом шатер здесь разбросили. Другая версия, что село первоначально было немножечко в стороне, а затем люди здесь обосновались, на этом бугре. Здесь есть озеро Свято. Татаро-монголы, видимо, не коснулись этого озера и села. Отсюда и название такое.

22.

Наше село Благовещенское. Слышала я как будто бы, а не знаю. В городе церковь Благовещенская есть, в Муроме. Его то ли раньше, говорят, сюда выехали монахи; здесь был остров; сюда выехали монахи, здесь жили и за Благовещенской церковью. И вот называли Благовещенским наше село. Ну и вот, то ли, вот, разродился народ такой, вот, и селение сделало большое. А теперь все уж уезжают, все дома порожние, все дома порожние. Дома стоят как дома, а в них жить некому. Ну, в эти вот ездят летом, вот, сейчас. Еще здесь вот старушка-то живет. А в эти вот вчера уехали. Приезжают. А в которых совсем уж не ездят. И много здесь накупили дачники. Здесь покупают дома.

23.

[М.П.]: Ехали из Благовещенска. Благовещенск — это на море, на Дальнем Востоке. Ехали купцы. И из Каспийского моря попали они в Волгу. И выбрали это место. У нас озера тут прекрасные, луга. И вот тут всё разрослось. Вот я слышал.

[Соб.]: Это в какое время было?

[М.П.]: Это еще было, быть может, при Петре I. А потом еще случаи были. Ссылали из церкви Благовещенья в Муроме. Ссылали монашек, которые блудницы были. Здесь был монастырь. Вот я не знаю, какая вернее из них.

24.

[Л.М.]: ...Это еще, наверно, до Петра I, раньше, наверно, было. Вооружение у стрельцов было бердыши. Знаете такое оружие. Обоюдоострое. Вот по всей вероятности этому какому-то стрельцу подарили деревеньку эту, щас там 12 человек только живет, ну раньше там побольше было. Ну и он приехал туда с этим оружием, что такое — интересуются же люди. Бердыш, бердыш. Отсюда пошло название. Барыня была Бердишева. И так деревня осталась. Бердыш. Ну переделали — Бердыш — больно громко. Вот помягче сделали. Это так я — это тоже я считаю так.

[Соб.]: Это ваша версия?

[Л.М.]: Это моя версия. А какая точно — я нигде этого не встречала. Названия нигде вот. У меня есть книжка где-то лежит по краю Владимирскому, по Мурому у меня есть. Могу вам показать — очень красивая книжка.

25.

У нас очень хороший пруд был, называется «Палочный», вот он метров 400—500 отсюда. «Палочный» потому, что копали его полк солдат и это во времена еще крепостного права. Пруд уникальный — он каскадный: нижний пруд и верхний пруд, глубокий очень был.

Примечания

1. Митин Л.Г., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1122.
2. См. № 1.
3. См. № 1.
4. Моржова Е.В., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1122.
5. Панова Н.И., 1960 г.р., ЦРФ-Э-1122.
6. Кисиль М.П., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1123.
7. Салков Е.П., 1917 г.р., ЦРФ-Э-1096.
8. Полякова А.Т., 1922 г.р., ЦРФ-Э-1216.
9. Кузнецова Л.М., 1932 г.р., ЦРФ-Э-1062.
10. Щербакова Г.Н., 1933 г.р.
11. Васина Н.С., 1922 г.р.

12. Сумкина Е.М., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1217.
13. Горожанова А.А., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1216.
14. Малышева Е.В., 1956 г.р., ЦРФ-Э-1218.
15. Лукичева М.Н., 1928 г.р., ЦРФ-Э-1332.
16. Кочетова Г.И., 1939 г.р., ЦРФ-Э-1217.
17. Книгина М.Ф., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1216.
18. Сергеева М.Е., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1217.
19. Романов М.Ф., 1927 г.р., ЦРФ-Э-1216.
20. Кузьмин И.М., 1923 г.р., ЦРФ-Э-1216.
21. Холодова Л.С., 1959 г.р., ЦРФ-Э-1218.
22. Ваганова П.Г., 1919 г.р., ЦРФ-Э-1216.
23. Губернсков М.П., 1926 г.р., ЦРФ-Э-1216.
24. См. № 9.
25. Петухов А.И., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1334.

Исполнители

Алексеева Зинаида Андреевна, 1923 г.р., урож. с. Пошатово Селивановского р-на. Зап. в 2005 г. в д. Межищи. Соб. И.Н. Райкова.

Ваганова Прасковья Григорьевна, 1919 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в с. Благовещенское. Соб. С.В. Лебедева, И.М. Борисова.

Васина Нина Степановна, 1922 г.р., д. Волнино.

Голубев Алексей Ефимович, 1929 г.р. Зап. в 2004 г. в д. Грибково. Соб. Н.Е. Котельникова.

Горожанова Анна Алексеевна, 1919 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных.

Губернсков Михаил Петрович, 1926 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в с. Благовещенское. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина.

Ивлева Нина Степановна, 1952 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. В.Е. Добровольская.

Кашина Агриппина Васильевна, 1920 г.р., урож. д. Саксино. Зап. в 2003 г. в с. Петраково. Соб. Н.Е. Котельникова, С.В. Просина.

Кисиль Мария Петровна, 1925 г.р., урож. д. Варез. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.В. Грудзенко, Е.М. Королева.

Книгина Марья Федоровна, 1929 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. С.В. Лебедева, И.М. Борисова.

Колганова Елена Владимировна, 1976 г.р., местн. Зап. в 2005 г. в с. Ковардицы. Соб. В.Е. Добровольская.

Кочетова Галина Ивановна, 1939 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Алешунино. Соб. И.Н. Райкова.

Кузнецова Лидия Михайловна, 1932 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Лесниково. Соб. И.Е. Посоха.

Кузьмин Иван Михайлович, 1923 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в с. Благовещенское. Соб. И.В. Змеев, Н.В. Черных.

Лебедева Александра Александровна, 1930 г.р., местн. Зап. в д. Загряжское. Соб. Н.Е. Котельникова.

Лебедева Нина Александровна, 1940 г.р., местн. Зап. в д. Загряжское. Соб. Н.Е. Котельникова.

Лопатина Нина Михайловна, 1937 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова.

Лукичева Мария Николаевна, 1928 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Алешунино. Соб. О.В. Жукова, Н.В. Точилина.

Малышева Екатерина Владимировна, 1956 г.р. Зап. в 2004 г. в с. Боровицы. Соб. И.Н. Райкова.

Мальков Евгений Александрович, 1930 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Тереховицы. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова.

Малькова Зинаида Ивановна, 1931 г.р. Зап. в 2003 г. в д. Тереховицы. Соб. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова.

Меньшова Александра Владимировна, 1941 г.р., урож. д. Хоробрецы. Зап. в с. Чаадаево. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова.

Митин Леонид Григорьевич, 1925 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев.

Моржова Евдокия Васильевна, 1926 г.р. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. О.А. Теплухина, В.В. Журавлев.

Обидин Иван Петрович, 1926 г.р., местн. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова.

Панова Наталья Ивановна, 1960 г.р., местн. Зап. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова.

Петухов Анатолий Иванович, 1929 г.р., местн. Зап. в 2005 г. в пос. Климово. Соб. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова.

Полякова Антонина Тимофеевна, 1922 г.р., местн. Зап. в 2005 г. с. Булатниково. Соб. Е.А. Волкова, Т.С. Наумова.

Рожкова Нина Петровна, 1923 г.р. Зап. в 2005 г. в с. Ковардицы. Соб. В.Е. Добровольская.

Романов Михаил Федорович, 1927 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. И.Н. Райкова.

Романюк Илья, 1989 г.р. Зап. в с. Борисоглеб. Соб. А.А. Барсуков, А.С. Белова.

Салков Егор Павлович, 1917 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Петраково. Соб. С.В. Просина, Н.Е. Котельникова.

Сергеева Мария Егоровна, 1926 г.р., урож. с. Польцо. Зап. в 2004 г. в д. Шумилиха. Соб. О.С. Славинская, Н.А. Шкуратова.

Сорокин Иван Степанович, 1917 г.р., местн. Зап. в 2003 г. в д. Прудищи. Соб. С.Ю. Власова.

Сумкина Екатерина Михайловна, 1921 г.р. Зап. в 2005 г. в с. Булатниково. Соб. И.Н. Райкова.

Туманов Борис Михайлович, 1933 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Иваньково. Соб. Н.Е. Котельникова.

Холодова Любовь Сергеевна, 1959 г.р. местн. Зап. в 2004 г. в с. Татарово. Соб. С.В. Лебедева, И.М. Борисова.

Шарипова Нина Павловна, 1923 г.р. Зап. в 2004 г. в д. Загряжское. Соб. Н.Е. Котельникова.

Щербакова Галина Николаевна, 1933 г.р., урож. с. Чаадаево. Зап. в д. Волнино.

Ярлыков Павел Михайлович, 1915 г.р., местн. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. С.В. Лебедева, И.М. Борисова.

Рассказы о прошлом

Устные рассказы, записанные в Муроме и Карачарово, охватывают широкий круг тем. Это воспоминания о прошлом, рассказы об именитых купеческих и дворянских семьях Муром, об истории старых домов и судьбах их владельцев, о быте и укладе жизни в городе и в деревне в довоенные и послевоенные годы, о коллективизации и раскулачивании, о разрушении церквей и высылке священников, о тяжелом труде в колхозах, на лесозаготовках, о жизни в военные годы, о развлечениях городской и сельской молодежи в 30–60-е годы...

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ МУРОМА

Воспоминания об этом запечатлены в рассказах о старых домах и их жителях — купцах, чиновниках, именитых людях города. Повествование о графах Уваровых, имение которых находилось между Муромом и селом Карачаровым, уже напоминает историческое предание.

1.

...И вот так идти до конца нижней улицы, и там на самом бугре будет такой типа замка, вот это был ее дом. А она, графиня Уварова..., вот почему нас в Карачарове иногда называют куркули? С одной стороны, это труженик, работяга... А она вот пьяниц из Карачарово выселяла в дальние деревни, лентяев, тунеядцев, она помогала вдовам, одиноким. Поэтому здесь сложился такой уклад, в Карачарове, все население такое трудолюбивое, как бы отсортированное... Здесь же все работяги...

Папа, помню, рассказывал, когда они учились в школе, им всегда ставили к Рождеству в школе мешок с орехами, мешок с семечками, мешок с конфетами от графини Уваровой. Это были подарки, да. И вот мы, говорит идем, все берем по горсти, этот горсть семечек, этот горсть этого... О ней всегда все хорошо отзывались. «Наша графинюшка», — о ней говорили. Она следила за людьми, к людям была близка, понимаете, всегда знала, где вдова живет, где там кто умер, кому помочь надо. Отзывчивой была, да. Не просто так, что вот это мое — и ладно...

2.

Ведь это было имение Уваровых, и Уваров был основателем первой археологической школы в России. И такое осталось воспоминание, когда он умер, то все бразды правления этими деревнями, в том числе Карачарово, взяла в свои руки его жена Прасковья. И она была очень такой одновременно строгой и справедливой хозяйкой. Когда она проезжала по деревне и видела какой-то разрушенный дом, то она обязательно останавливалась, спрашивала, кто здесь живет и почему в таком состоянии этот дом. И если, допустим, говорили, кормилец или хозяин умер или пропал, вот одни многодетная семья, она давала распоряжение этой семье помочь и дом восстановить. Если же говорили, что тут живет пьяница, лентяй, плохо работает, то она давала

распоряжение выселить их из деревни. И поэтому деревня всегда имела аккуратный, опрятный вид...

Затем, однажды к ней приходят и говорят, что на ярмарке на Муромской, какая-то женщина продает камешки, а поскольку она уже продолжила дело своего мужа по археологии, то она заинтересовалась... А в Муроме ежегодно проходили ярмарки большие, и скотом торговали, и огурцами, и разными поделками. И вот одна женщина из-за реки привезла целый платочек маленьких камешков, она их нашла, копаясь у себя на огороде. А на этой ярмарке был кто-то из Карачарова, и знали о приверженности своих графьев к археологии, вот они им об этом и сообщили. И когда графиня приехала, она увидела, что это были стрелочки каменные, то есть они нашли место курганов, и произвели раскопку одной из стоянок древних людей...

Именно так, например, Сергей Сергеевич (Уваров) открыл здесь стоянку древнего племени: весной в половодье в овраге случился большой оползень, и раскрылись бивни мамонта, и опять крестьяне барину доложили, и он все это извлек...

3.

В церковь ходили, да. Церковь тоже и березками украшали, и цветами украшали на Троицу, красива церковь у нас была, замечательна. Всё позолота, серебром блестит. Очень богата была церковь. Около церкви бюст был царя Николая, но какого — не то первого не то второго, не знаю. А когда революция была, его сшибли в овраг, скатили.

А потом мы ходили гулять, где Уваровы, дом-то Уваровых, вот. Там вот так полукругом было сделано, а в середине помню клумба, большая клумба цветов. Деревья посажены были, а между деревьев скамейки — хочешь ходи, хочешь отдыхай. С гармошкой, пели, плясали. Отдыхающие были. Там был дом отдыха... А Уваровых уже не помню. Красивый дом был. На реку сход был, по обеим сторонам кипарисы и львы. И были аллеи. И была гулянка. Там бугор, на бугре гуляли.

РАССКАЗЫ ДЕРЕВЕНСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Среди семейных воспоминаний особое место занимают «были» о далеком прошлом деревни, записанные от старых людей 80–90-летнего возраста. Это картины старой, ушедшей деревни с ее укладом, бытом, поверьями.

4.

Да, она без меня умирала... (бабушка рассказчицы. — Л.М.) Подошла вот ко внуке-то утром. На печке спала, встала утром и пошла... Раньше вот в деревнях на двор ходили, где скотину держали, на соломку, туалетов-то не было. И вот пришла со двора-то, внук-то завтракал сидел, на работу собирался. В колхоз тогда еще не надо было. К нему подошла, пала в ноги на коленки:

— Спасибо тебе, милый внучек, за хлеб, за соль, за все тебе спасибо.

— Да ты что, ба, что с тобой, ба?

Она молчит, ничего не говорит. Ну, его благодарила и пошла в чулан, тетя Паша там печку топила.

— Спасибо тебе, сношка, спасибо тебе за уход, спасибо тебе за все.

— Ты что, матушка, да что с тобой случилось, что ты?

Ничего не сказала, благодарила ее, поклонилась ей и пошла, легла на печку. Подали ей там поесть, она покушала и к вечеру на закат солнышка умерла. Ей что не то на дворе показалось... Что не то показалось, и ей сказали...

Дедушка рано умер у нее, да. С дедушкой приступ с ним получился, но этот приступ был не смертельной... Днем-то умер, обмыли его, положили вперед, пришли старушки, пришла, которая читает Псалтырь, стала над ним, молиться стала. Он глаза-то и вскрыл, голову-то и подымает, все и шатнулись от гроба-то, и пошли, ушли, а бабушка встала, подошла к нему:

— Иван, так мы тебя плохо обули.

— Ну ладно, завтра получше обуете.

В лапотки раньше обували. В новы лапотки. Покупали или там заказывали. И портянки... Раньше ткали ведь, пряли.

5.

Я всё делала, с детства. У нас хозяйство было большое, и мы везде работали с таких пор. Сеяли поля... У нас было восемь детей, да дедушка, да бабушка, мама, да тятя — очень много. И земли-ти нам много нарезали, вот ее надо обработать. На дворе держали скотины много: овец табун, лошадь с жеребенком, корова, свиньи — это было настояще наше хозяйство. И все работали. Вот ноне какие большие, их не заставишь, никуда нейдут — не заставишь. Ну, учатся: ну так — сходите хоть в огород, поработайте, борозды порубите. «Чик, я не умею». А мы всё умели, всё умели, все работы. Две сестры, ну те еще были совсем маленькие, помирали. Один помёр три годика, одна помёрла — восемь, а то все живы, шесть человек.

Все делали: и пололи, и овец пасли в овраге, пастухов не было... Я пошла даже подрабатывать. Сестра у меня была постарше, побольше, и вот я с ней пошла на подённу ходить. Своим всё сделаем, и мы пошли к людям. Вот старик со старушкой жили, а усадьба полна. Мы пошли грядки рыть, потом пошли к другой соседке грядки рыть. Катя старша, рыть-то я умею, но бороздку поднять — сестра обрабатывала всё. Нам отец сказал, он плотником ходил, раньше и строились часто. Он нам сказал: «Девки, я вас рядить не в состоянии, вот ходите, сумеете если, силы есть, подрабатывайте, кормить я вас — накормлю».

6.

...Деревня Александрино. Зайцевы фамилия была. Я тридцать вторая была в семье. Представляете! Было их семь братьёв, он старший был, отец мой, Дмитрий Васильевич. Вот моя мама вышла за него. Была у них очень большая семья. Жили оне сколько-то лет все вместе... Вот мой отец женился, потом дядя Кузьма женился, дядь Ваня женился, дядь Коля женился — все жили в одной семье. Вот. Потом стал их отец отделять. Вот моему отцу он дал в долю корову. Купили старенький домик в деревне. Этот я домик помню уже: низеньки окошечки и окошки до половины головицей засыпаны, лён представляете? В деревне был лён, вы наверно, городские ничё не знаете. Головки от льна — это головица...

Значит, эту корову, которую отцу дал дедушко мой, ее продали, и на эту корову купили дом. А дом купили с другой стороны. В общем, там раскулачивали некоторых у нас в деревне, остались дома. Это, наверно, в тридцать каком-то году? Нет, это раньше. И вот мой отец купил этот дом, перевез его. Этот дом сейчас стоит здесь, на Собацаевке (район города Муром. — Л.М.), его перевезли уже в пятьдесят втором году.

У нас, вот в этой Зайцевой родне было заведенья раньше: они имели шерстобойню, валяльню, и кожу выделывал мой дедушко, шкуры. И в них был кирпичный, теперь это называется завод, ну кирпичный сарай, кирпичи оне делали. И их хотели раскулачивать. Но их не раскулачили. А почему? Потому что у них не было наемного труда, там работала своя семья всё. Детей много, у детей уже дети тоже были. И так что все... И моего отца долго не принимали в партию, коммунистическую... Ну его как вроде сын кулака признавали...

ЖИЗНЬ УЕЗДНОГО ГОРОДА. ЯРМАРКИ В МУРОМЕ

В рассказах старожилов запечатлен быт и уклад жизни уездного русского города, еще долгое время после революции сохранявшего неповторимый дух ушедшей жизни.

7.

Да, ярмарки, действительно, были чудесные. Во-первых, это очень многолюдные, без принуждений. Люди просто шли действительно отдыхать, праздновать. Ну, конечно, они в воскресенье, обыкновенно приурочивались к каким-то вот торжественным праздникам. По-моему, больше всего бывали ярмарки в Троицу... Приезжали и карусели, качели. Были такие, в народные дудки играли... Ну, балалайка обязательно, конечно. Потом, кукольные театры были, обязательно. Петрушек было много, на костюмах больших ходили.... Ну, это был конец двадцатых, начало тридцатых. Вот это место, где «Тибор», этого вообще ничего не было. Это было чистое поле... А раньше она просто называлась Напольная.

Крестьяне приезжали. И рожь, пшено и гречу — всё делали. Там скапливались очень много возов крестьянских с розвальнями... Там и лен торговали, и овечьей шерстью торговали, и мед продавали. Мед прям бочками привозили. В то время и рожь брали, и пшеницу брали... Потом что было так забавно, цыган было много. Они гадали, медведей водили, чтобы они плясали, чтоб копеечки давали. Мы у родителей копеечки выпросим... Ну, он с фуражкой пройдет, туда ему и положат копеечку.

Лотереи большие были. Я выиграла курочку с яичком. Вот такая вот дощечка и ручка... И, вот так вот крутишь эту дощечку, и курочки клюют зернышки. Вот такая игрушка. Наверно, лет восемь мне было. Были и шарманки. Всё было, вот всё то, что сейчас, как говорится, в забвение ушло, то это тогда всё было. Вертеп я вот не помню. Кукольный театр я помню... Из рогожек они сделаны. Тоже, вот такая шторка. Там разговаривают, их вот так вот сверху показывают. Ну, если вот наш век взять, то очень примитивно...

ИСТОРИЯ СТАРЫХ ДОМОВ И СЕМЕЙ

Примерно в 20-е годы прошлого века в Муром начинается приток новых жителей из окрестных деревень и других городов. Сюда также ссылали «бывших» — дворян и священнослужителей из Москвы и Петербурга. Купеческие и дворянские особняки стали многолюдными коммуналками. Собран интересный цикл рассказов о своеобразном городском быте до- и послевоенного времени.

8.

А я жила на Московской улице. Сейчас там картинная галерея. Там хозяин жил Голубев... Но этот Голубев купил у кого-то. Мне кажется, купец, потому что у него было очень большое стадо: это коней, повозки у него были, значит, тарантасы, и сани там, телеги, в общем, гуж. Ну и что, в этом доме нас жило тридцать семей. Ну, он большой дом: низ и верх. И были такие сплоченные, друг за друга, уважали, жалели...

9.

Лавка была. Здесь жил Жерекоп Иван Васильевич. У него было три сына. Один сын был врач, Николай Иванович, а другой занимался хозяйством, а третий работал на вокзале, на станции. Отец держал лавку здесь, была лавка мануфактурна. А в тридцатом году этот дедушка умер, а этот Николай Иванович, его сослали. Да, раскулачили и сослали. А вот сын-то младший, он вступил в колхоз. Хозяйство было.

Огородничал. Помидоры сеяли, там, огурцы, а потом и его забрали. «Черный ворон» приехал, машина и забрали...

А вот Николай Иванович, он отсидел там, он приехал. Но дом ему не дали. Кто жил? Вот этого Николай Ивановича сын, хозяйство у него... Дом ему оставили, не весь, половина там... Его сослали, осталась здесь жена, жена у него была кухарка. Вот, а потом раскулачили. Вот. У него было много детей. А дочь его осталась здесь. Она сейчас умерла... Николай Ивановича там живет внук.

Это наша улица, а там вон еще идет (улица), там ключ. Там туристы приезжают. И на воде стоит церковь... Да. Раньше было всё там сделано, а потом всё поломали. А теперь опять всё стали восстанавливать. Вот на кладбище восстановили, там служба идет. Раньше много делов понаделали — с церкви железо сняли. Тут председатель Каныгин был, ему понадобилось железо, стал раскрывать (крышу в церкви). Один упал. Вот тоже Гуцин. С церкви железо хотел взять...

10.

Ну, вот об этих домах, это уже тоже фольклор... Каменных зданий было мало...

Например, в том доме, где я родилась, это угол Первомайской и Комсомольской... В этом доме старых жителей никого уже не было. Там все были приезжие. В деревню им, конечно, ехать не хотелось, поэтому оставались здесь.

Это тоже легенда, когда-то был купеческий дом, вот. Низ каменный, второй этаж высокий, деревянный с мезонином. Вот внизу, это была действительно кухня, и у них был ход наверх. И вот как раз над нашей квартирой, где мы жили в полуподвале, были высокие апартаменты с высокими окнами, с высокими потолками. Отдельные входы были, здесь же был туалет, прямо в этом доме. И в мезонине были две комнаты, там прислуга, наверное, жила. Во дворе был огромный сарай и погреб глубокий. Хороший такой погреб, высокий, каменный. Очень хорошо хранились продукты там. Всегда жители весной набивали снегом его. Холодильников-то не было... Этот снег лежал до августа месяца, и поэтому там все время было холодно. Обед сготовим — и туда. Все туда носили. Из-за этого частенько в доме была сvara: кто-нибудь из ребятшек есть захочет, и съест. Слазиет... или мясо вытащит...

У всех были замки, стояли бочки там, я помню, с замками. Такая вот общая, но вот здесь моя бочка, две бочки стоят с замками. Там еще две бочки стоят. Есть всем хотелось, воровали. Но уж сало мы держали, если кормили поросенка, — это выкапывали погреб в сарае, чтоб так сказать, еще более тщательно хранить его. Вот у нас было сколько семей? Раз, два, три, четыре, пять, семь — ну в общем, десять семей. И каменная пристройка была, как бы флигель...

Рассказы о прошлом содержат не только интересные и забытые подробности повседневной жизни людей. Интеллигенты, потомки муромских чиновников и священников вспоминают и о духовной жизни, об умственных и художественных интересах людей в 20—40-е и послевоенные годы.

11.

До войны в Муроме было пятнадцать тысяч жителей. После войны население увеличилось в десять раз. Считаю, что культура сельская перелилась в город, исконное население растворилось в ней. Появились новые предприятия, приехало много новых специалистов. До войны было оканье в Муроме... Иван Семенович тоже окал (художник Куликов И.С. — Л.М.). Война тоже повлияла: оканье постепенно стало исчезать. Очень большая смена населения: сначала пятнадцать тысяч, потом шестьдесят, потом сто пятьдесят...

Раньше читали книги, обменивались книгами. В двадцатые-тридцатые годы сюда были высланы многие интеллигенты. В тридцать восьмом году был выслан Печкин Николай Николаевич, главный врач Боткинской больницы. А он оказался в близких

отношениях со Львом Толстым, в переписке состоял. А я о Толстом знаю много, с его слов...

Мы были воспитаны политически одинаково — и дети из интеллигентных и из рабочих семей. Мой отец машинист паровоза. Рабочий. Мы были полуголодные, хотя в школе были завтраки. И были все очень активные — пионерская организация была настоящая общественная организация. И все там были равны. Это очень важно. Клубовая работа — физкультурники, художники, боевая подготовка — очень активные были.

Помню день смерти Ленина. Все паровозы гудели. Такой гул был, что все проснулись...

Моего отца и брата тоже арестовали. Один вернулся, другой — нет. Время темное, для нас еще не совсем раскрытое.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ, РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Воспоминания о прошлом дают нам возможность увидеть большие исторические события в восприятии и оценке непосредственных участников и очевидцев.

12.

Я с двадцать четвертого года, я помню, когда вступали в колхоз. Маме как тогда наговорили: «Ой, будут под общим одеялом все спать». Она: «Отец, никуда не пойду! Давай уж работать на своей земле. Я с мужиками с чужими под одним одеялом спать не буду!» Так себе представляла колхоз, да... И вот даже был такой случай, на них наложили самообложение очень большое — семьсот килограмм сдать лука. Это четырнадцать мешков. А лук сажали не так много. Ну, маме, конечно... она такая была женщина доброжелательная со всеми, все ее уважали. Ее предупредили: «Андреевна, что получше убери: должны прийти с описью». И они (мать с отцом) всё вывозили из дому. Оставили только... ребенок был маленький, подушечку оставили ребенку, ну и постель там — матрасы, эти — соломой набитые, а это всё вывезли. На Муромску улицу вывозили. Да, папа не пошел в колхоз. Целый год они, надо куда идти в праздник, туда зайдут, переоденутся, сходят. Оттуда зайдут, переоденутся в рабочее...

Ну, в общем, пришли. Факт тот, что их не описали. Пришли когда описывать, уже описывать нечего — соломенные матрасы, одеялы были. Зеркало было. Ну, вот зеркало. Мама говорит: «Описывайте!» Потом фотокарточки были увеличенные — дедушка, бабушка, там мама с папой. Вот эти фотокарточки. Покрутились — ушли, вот так, ничего не захватили...

За что раскулачивали? Вот была раньше почта в этом доме... Забыла, как их фамилия? Ситниковы. Ну и что там было? Дом стоял на фундаменте. Ну, правда, две комнаты. Потом рядом там дом был. Там быков что ли держали. Вот таких раскулачили. Всё забирали, исключительно всё. Всё имущество, что в сундуках было. И продавали. Но вот Ситниковым им вернули дом-то... Вернули, да. Уж в эти годы, когда уж... Уже после девяностых годов.

Мария Видалова, старожилка из села Карачарова, не знает, что такое «продразверстка», но помнит, как у них «отобрали жеребёнку» и урожай...

13.

Я вот помню, с хлебом было недоступно, в Москву они поехали с мамой, привезли вот таких буханочков. Что тут было: война что ли была, я вот не помню? И урожай, наверно, или отобрали... Вот, наверно, революция тогда и была.

[Соб.]: А вы помните, как приезжали и отобрали у вас урожай?

[М.А.]: Да. Нам дедушка говорит: «Давайте сейчас погрузимте..., у нас тогда жеребёнку отобрали, погрузимте в мешки». А у нас сарай был, ну, домушку строили, в мешках-то урожай снимали, тоже много, семья-то большая. И в этот сарай мешки ты, пшеницу или рожь сыпали. А потом вот дедушка сказал: «Ну, давайте рассыпайте в мешки, я лошадь запрягу, а вы на возу будете сидеть в овраге». Спустились в овраг, мешки навалили, и мы там сидели...

Ну, пришли, ну, маленько-то оставили, нельзя, дескать, ничего нету. Взяли, и жеребенка у нас взяли. Жеребенок был, только вот год — и на нем работать можно, не поддавался им. А вот Коля-то, брат-то, он уж большой был... Он никому не поддавался, они тут бегали-бегали за ним, вот, уговорили этого Колю, мужики те, которые увести-то хотели... Местные, да тут один местный, Шишин... Этот наш мужик, карачаровский, он тут был. Он нам-то поддается, родителям-то, а чужим — никак, ворочится задом и крутится. Вот уговорили Колю, он сперва не шел, а потом пошел, зачалил его...

14.

Мы вот тоже под раскулачивание попали. У нас, значит, была семья — четыре брата и сестра. Они были труженики. У нас очень огромный двор был, большой скотный двор, была лошадь, была корова, были овцы, были свиньи, были гуси... И их за это чуть не раскулачили. Заставляли всех сдавать в колхоз. Вот у нас была лошадь, Мальчик ее звали, такая лошадь была, заставляли сдавать в колхоз. И вот тоже отец, значит, пятьдесят четыре года ему было, запряг эту лошаденку, погрузил всякие снасти лошади, сел на лошадь, голову повесил и поехал в колхоз сдавать. Сдал всё, приехал и слег. И через год умер, он умер от тоски. Ну, представьте себе, лошадь кормилица, всё было, хозяйство. А там скотина гибла от голода и холода. И мама говорит, возили по больницам, никакой болезни не признавали, и так он умер, мужик в расцвете сил. И вот представьте, вы всё это наживали? И было желание пойти всё это выбросить: так бы в хорошие руки отдали, а то ж все пропадало...

ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Муром не был оккупирован, город не бомбили. Жители вспоминали о голоде и разрухе, трудном быте в военные годы, дежурствах в муромских госпиталях...

15.

Товарные вагоны приезжали, это раненых привозили. А раненые... как груз выгружали. Вот их и носят на носилки. У кого одеяло съехало, кто попить просит, тряпочку помочить вот к губам.... Ой, плача! Взрослые женщины носилки брали, выносили с поездов, а такие там были... А потом их начали в телячьих вагонах привозить, там настилы... А потом еще в войну, когда в госпиталях умирали раненые..., тоже из любопытства на кладбища мы бегали... Сначала их хоронили в гробах, а потом делали братские могилы, и на этих братских могилах клали их штабелями. В Александровке, вон, клали.

А мы ходили в эти госпитали с детьми, давали концерты, стихотворения читали, книжки читали, письма писали... Делали мы там концерты и пирамиды делали. Ну, вот это выступления... Да, да. Вот это один стоит друг на друге с флагами и еще, с палками, и с мячами.

16.

...Самый труд был в войну. Мне тридцать один год был. Самый наш труд был. Жали серпами. И землю-то лопатами еще копали. Лошадей-то всех забрали на фронт, мало

было лошадей. Молотили, лошадь-то запрягать надо в коногон, чтобы он крутился, машина-то работала. А лошадей-то не было. Запрягались мы, женщины. Вот штук пять — и коногон-то крутим, машина-то молотит. Вот овес, овес, его рано молотили, по две смены работали, и ночь-то работали.

У меня корова была. Двадцать пять килограмм топленого масла сдавала в год. Шеснанадцать килограмм мяса, сто штук яиц, шерсти. Я и вязала из шерсти, носки, варежки — всё для фронта, помогали. Картошки по триста килограмм сдавали, и морковки, и свёколки, и лука всего-всего. Выделют лошадь, ну там сколько соберемся и на железнодорожный вокзал, сдавали там. Все помогали фронту, помогали.

По ночам дежурили в деревне, ходили вот... Дежурили в деревне. Ведь скоко было шпионов, скоко было вредительства. Ну, не все вот, а вот назначут там двоих... Я вот тоже дежурила. Ходим. Такую вот дали нам..., с этой вот ходим стучим, с колотушкой. Всю ночь. Одна по этому порядку, друга — по этому порядку. Перживали войну. Помилуй Бог еще война!

[Соб.]: А мужчин много погибло в войну?

[Е.Г.]: Много, много. Вот Гриша пришел у нас Малов. Андрей пришел. Вот двое. Только вот, по-мойму, двое пришли. Тока двое, а те которые погибли. Кузнецов Иван Андреевич, два сына и он погиб. Наверно, дворов семьдесят было, я уж забыла, сколько дворов. Очень много погибло. Из каждого дому один, и двое, трое погибал.

Блюда «голодной кухни», кроме общерусских, распространенных повсюду, включали еще и чисто местные варианты — блинчики шлёп-на-шлёп, «лысые» щи.

17.

...Это ели. Это сорок пятый, сорок шестой и сорок седьмой год ели. В общем, и сорок восьмой год... Ну, я с сорок четвертого года здесь в Муроме, приехали. Конечно, приехали, есть нечего, и соседка нам говорит: «Посылай ребят в поле картошку мерзлую собирать!». А снег сошел, и она прям вся на виду. Мы ее палочкой отковыривали. Да. То, что осталось. Потому что убирали в основном школьники ведь, ну и оставалась картошка...

Вот наберешь рюкзак, на плечи, как донесешь. Вот мы ходили четверо нас: сестра, я, два брата. Пойдем, принесем много, ну, ведра два-три принесем. Мама замачивает эту картошку всю, смывает землю, в нескольких водах смоем. Потом, значит, очищает кожу, потом она пропускает это в мясорубку всё. Если есть там что-то, ну не мука, крахмал или же отруби там какие-то, лебеду добавляли, и листья свекольные, все, в общем. Проворачивает в мясорубку всё это, а потом значит: «Девки, идемте шлёп-на-шлёп!» Вот мы, значит стоим, вот так вот шлёпаем (шлепает ладонями. — Л.М.). Нашлёпаем. Если есть крахмал, сверху посыпем, а есть какая-то мука. Ну, там была мука ржано-обдирная какая-то, она темная, вот ей посыпали. Ну, просеем там, потому что было много очистков. Просеем — и на сковородку.

[Соб.]: И насколько они были съедобные?

[В.А.]: Нормальные. В то время были нормальные. Летом все-таки полегче было. Ну, тут все-таки листья, трава всякая.

18.

[Соб.]: Надежда Алексеевна, расскажите, что такое лысые щи?

[Н.А.]: Капуста и вода. Кипятится, посолятся и наливаем... У меня и мама называла это лысые щи. Оне ни с чем. Ни жареные, ни маслом мазаные, если есть молочко, молочком немного залить. Если есть сметанка, то сметанкой. Это уже богатство считалось. А то голая вода, ешь, а это лысые щи — все и ели. Хлебушко вот столечко. А воды напьешься. И капуста скромненько положено было. Вот это вот и щи. Это мама называла щами.

РАССКАЗЫ ФРОНТОВИКОВ

На фоне заученных рассказов ветеранов встречаются яркие и непривычные воспоминания о войне без прикрас.

19.

В Германии мы входили в деревни пустые и пустые города. Вы знаете об этом? Немцев не было. Уходили. И висели везде эти немецкие приказы уйти: «русские варвары... уходите и так далее...»

Вот мы заняли первый городишко, вот такой как Муром. Оппель называется... В общем, мы въезжаем в город ночью. Горят там здания после уличных боев, всё минировано, у меня однажды машина подорвалась на mine противотанковой...

И вдруг подбегает ко мне солдат наш, говорит: «Товарищ лейтенант, немцы!» Раз немцы, автомат значит да... Оказывается, в один дом старушки собрали всех девушек и женщин молодых... Дома такие все под один фасон у немцев. В одном доме всех собрали их, там где-то в глубине они все зажались... А я захожу — автомат, грязные сапоги, грязная такая шапка вот так (набекрень. — Л.М.). Даже на себя я не был похож там, знаете, какие мы были: мы же были полубандиты. Нас же знаете, как накачали, особенно в училище военном? Я же немцев до сих пор не могу спокойно видеть, вот даже в кино, этих немцев. Вот как меня накачали за войну.

Ну и вот: впереди с автоматом, сзади меня солдат человек пять-шесть. Я захожу туда. Стоят три старушки на коленях. Вот верите или нет! А там я вижу вдалеке полно этих девушек. Вот пригоршни колец, всяких украшений всевозможных — они мне протягивают. Я по-немецки уже начал немножечко балакать так... В общем, они откупаются: нате вам только не трогайте этих девушек. Вот слушайте дальше... А у нас был один еврей Аркашка Маргулис. Еврей, оторви и брось был, разведчик... У-у, все что угодно мог сделать! Я говорю: «Беги за Аркашкой», чтоб переводчика...

И я им произнес речь! Мне было девятнадцать лет. Лейтенант. Значит, Аркашка приходит, я говорю: «Переводи! Вот им скажи: Мы не такие варвары и не такие звери, как ваши немцы были, мы пришли вас освободить от фашистов, понимаете ли... и мы вас не тронем. Никаким нам ваших колец и прочее не надо!» Они плачут. За ноги одна там меня, целовать...

Я произнес такую вот речь! Аркашка перевел... Эти выбегают, плачут, нас там благодарят... Радостные такие. Я говорю: «Видите! Мы вас не тронем». Расстреливали за изнасилование у нас. Я сам знаю. Мы стояли... Сандомирский плацдарм такой был. На Висле. Когда мы Вислу форсировали. Нашего комбата в штрафную роту отправили за то, что он пытался только изнасиловать полячку. Понимаете? В штрафбат и в рядового разжаловали...

В последние десятилетия воспоминания о войне освобождаются от привычных стереотипов и приобретают более камерную, гуманистическую и семейную тональность.

20.

Я ребятам давала задание — собрать воспоминания о войне. И мне, например, один мальчик написал воспоминание своей бабушки, что через Муром возили пленных, и когда проходили эшелоны, иногда останавливались. Вот его бабушка и там другие женщины приходили на вокзал и кормили, кидали им, значит, туда в окошки...

[Соб.]: Немцам?

[С.А.]: Они их все равно жалели, Теперь они уж не вояки, везут их незнамо куда. И они им бросали в вагоны. Да, они проявляли к ним... они жалели их... Рядовые-то не все виноваты, что их погнали на войну. Призвали, подневольные люди. Как не пойдешь? Пойдешь. Вот и знали, что если их в Сибирь везут, значит, везут в лагерь.

Эти люди представляли, как там в этих лагерях жили и в каких теплушках везут. Люди об этом, может, и молчали, но знать знали. Поэтому их просто было жалко. Они проявляли вот такое вот милосердие. Ходили, узнавали, когда будет эшелон и бросали...

Причем, конвоиры вели себя по-разному: одни отворачивались и делали вид, что они ничего не видят, а другие злость проявляли, отгоняли, не всем еще давали возможность такую... Это уже только человеческие качества проявляются...

21.

Вот, значит, как получилось в войну... Я один у ней, и она у меня одна (мать. — Л.М.). Отец с нами почти не жил уезжал, уезжал, потом он вообще уехал, и мы с ним расстались... Она провожала меня в армию, когда был декабрь сорок второго года. Вот я помню, как она мужественно при мне держалась, а потом скорую помощь вызвали, когда я уехал, когда уже поезд ушел. И вот там всю войну был и приехал в сорок шестом году.

И около нее ютились всегда бедные люди, одни даже жили. Вот когда я ушел в армию, она себе монашек, там двух-трех.... Монашек. Ну, старушки они были. И вот они ее немножечко и сбили с панталыку... У меня много было... Ну она в общем меня любила... Она мне всегда покупала игрушки, у меня были боксерские перчатки, игры всякие. И они ей, значит, говорят: «Ты отдавай, Дуня, отдавай людям бедным вещи, его вещи, то есть мои, и он будет жив...» И вот знаете, десятки раз я был на краю гибели, вот живой. Уже восемьдесят первый год пошел.

Она отдавала. Я приехал, того нет, того нет... Все буквально раздала. Нет, фотоаппарат оставила.

[Соб.]: Это примета такая отдавать, раз отдашь, значит...?

[А.М.]: Да, да, да. И она, значит, сохраняла письма, вот она мои все письма сохраняла... Я лежу с простреленной грудью, дышать невозможно было, повернуться мне, кололи уколы мне, что б только меня усыпить. И вот она выполняла все указания монашек... Короче говоря, когда я приехал, когда я хватился, и у меня ничего нет. Она мне прямо так и сказала: «Вот так и так — все раздала». Ну, пришлось все заново покупать.

О РАБОТЕ В КОЛХОЗЕ. «СНЕГОБОРЬБА». «ВОЛЧИЙ БИЛЕТ»

Рассказы сохранили давно забытые и непонятные детям и внукам реалии прошедшего времени — лесозаготовки, «снегоборьба», «волчий билет»...

22.

[Соб.]: Расскажите, как вы убежали с лесозаготовок?

[Н.А.]: Это нас уже взяли в ремесленное училище после школы. Силой брали, да... И вот мы оттуда бежали, бежали мы оттуда, и нас разыскивали. Я пряталась и под кроватью, в деревню к бабушке убегала. А брат уже лежал в госпитале в Богульме. И вот он, значит, письмо пишет, как там дела. И мама мне и говорит: «Надька, садись, пиши, я тебе буду диктовать». Ну, значит, я села, стала писать... «Сынок Иван, дома вроде нормально. Отец так на Вербовском, Коля на Северной Двине, Володя уже в Челябинске». Ну, так все описали. «А Надьку взяли в ремесленное училище, на лесоразработку поехала для фабрики. Она оттуда бежала, ее милиция ищет...»

А оказывается: папа взятый, брат взятый, и я не принадлежу... И значит, там наш брат Иван загрустил. И в этот вот период, что ж так этому быть, приехал генерал проверять госпиталь. И в палату вошел, ну, дескать, как вся семья, всё подходил... Тот скажет: у меня семья в оккупации, тот скажет...

Ну, подошли: «Молодой человек, как семья?» А он говорит: «Я не женимый». Он с двадцать первого года. «Я говорит, не женимый» — «А что, — говорит, — такой ты грустный?» — «Вот, — говорит, — мама письмо прислала, я, говорит, почитал и так мне неприятно...» — «Ну, а можно, говорит, почитать?» И он дал ему прочитать. «А где мама живет?» — «Ну, мама живет вот тут-то».

Значит, он прислал на военкомат, прислал в гороно, а в гороно была Екатерина Даниловна Глухова. И вот, и значит, там им нагоняй дали. И вот она вызывает мою маму: «Антонина Сергеевна, какое вы имели право жаловаться, что вашу дочь взяли в ремесленное училище?» — «А я, говорит, никому не жаловалась!» — «Как же, военкомат прислал!» Она говорит: «Я сыну в госпиталь написала...» И он нам отписал после, причину-то...

И я вот всю дорогу вспоминаю... Он уже ныне покойный... Как вот собираемся за столом, я говорю: «Иван Алексеич, братик, только я тобой спасена, ежели б не ты, меня бы отправили на Урал, и все — тюрьма была бы, пять лет давали...»

...Не во што было... Мама мне, вот помню, какую-то фуфайку, из рукавов сшила бурки и пришила мне овчину и клееные «лягушки». Да, галоши. До сих пор вот (показывает — по пояс. — Л.М.) в снегу обрубашешь... Тут его, дерево-то валят, он в снег тонет, обрубашешь эти сучья. А што мы можем сделать? Мы вот до сих пор в снегу. Сушиться негде. Штанов нету. Из юбки какие-то штаны мне сделала...

Ну, к бабушке нас поселили. Бабушка была настока скупая женщина, дров ей привезли для нас. Она в передней стопит печечку себе, лежаночку, да, а русскую печку она не топила. Мы вот должны прийти, их просушить все, и утром надевать все сухое, тепленькое. А мы приходим снимаем... За ночь они растаяли, мы надели их сырые, вышли на улицу в мороз, хлоп — и они замерзли... Вот и все. Морозы были... Конечно мы спасовали и убежали...

Воспоминания о колхозной жизни неоднозначны: в них отразилось не только нищее, бесправное положение крестьян, но и ностальгия по временам, когда у земли был хозяин и процветали колхозы-миллионеры.

23.

А бывало, придешь в поле — там и полешь, и жнешь, я была звеньевой, людей наряжала на работу в бригаду. Нас было четыре бригады: полевая, сад-огород, фермы какие были. Вот вы поверите, в нашем Карачарове было семьсот тридцать восемь голов только рогатого скота у жителей, и вот паслись на этом острове. А на ночь-то еще загоняли лошадей, быков, чтобы они там накормились. А утром в три часа доить и за ними — ловить, пахать — вот как работали! А в колхозе, в лугах, потеряй такую травинку, пойдут комиссии, тебя заставят ее поднять и положить в стог. Ездили за дровами, топились, очищали ветки, сжигали их весной, чтобы корова вымя не поранила. Шиповник высекали, все очищали, луга, все овраги вычищали, чтобы не было нигде ни одной соринки в Карачарове. Розувиши ходили, на Троице плясали, никто ногу не поранит, вот как!

А бывало, работаешь-работаешь... «Заготзерно» было... Придем мы сейчас с поля, время полвосьмого, а на «Заготзерно» пришел состав с хлебом. Приезжает обьезчик, нас выгоняет, молодежь: «Поехали разгружать, надо срочно, а то за вагон дорого берут». Ну, нас грузят в машину, собираемся и уезжаем. И всю ночь там. Если чё — волчий билет — боялись, как огня... Волчий билет — это тюрьма!

А зима была? Какие снега у нас были, какие морозы? Ведь окошки все заносило снегом-то! А линии чистили какие? Это по два, по три метра вышиной. Снегборьба!

У нас тут было торфяное болото, где Пятый завод, нас туда гоняли, там работали... На торф брали старших, нас еще не брали, мы на торфу не работали. Это год двадцатый, двадцать второй, двадцать третий, двадцать пятый — они на торфу работали. Я только работала — строила дорогу. Это мы ведь были Горьковской облас-

ти, мы строили дорогу в город Горький... Ну, жали, молотили, все вручную жали. Чего там — один трактор пахал. Полтретьего уходили, в одиннадцать часов приходили с поля, чтобы завоевать красное знамя. Бригады соревновались за урожай, за всё.

Жалко землю, щас бы старики посмотрели — страх! Ведь сколько у нас земли было! У нас богатый был колхоз, миллионер, всё покупали. У нас потому что полеводческий, семена муромские, огурец элитный...

РАССКАЗЫ О РАЗВЛЕЧЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ В 40–60-Е ГОДЫ

Теме досуга и развлечений в 40–60-е годы посвящено несколько десятков текстов, записанных от людей разных возрастов. В то время еще жива была старая культура сидения на лавочках по вечерам, пения хором под гармошку всеми любимых песен — «Хаз Булат удалой», «На Муромской дорожке» и др. Так проводили часы досуга люди пожилые. А их дети в это время веселились в городском парке или в клубе...

24.

У нас в основном был парк. Он назывался Окский, там играл духовой оркестр, мы там танцевали. Там большая танцевальная площадка была. Танцевали танго, фокс-троут, вальс... Играли очень хорошие музыканты. Сидорин. Танцплощадка, а потом такая большая красивая аллея. Вдоль этой аллеи лавочки, пожилые люди... Они сами отдыхали, ходили, кто сидел, кто прогуливался. Бильярдная была. Небольшой ресторанчик на берегу...

Мне уже было пятнадцать-шестнадцать лет. Я ходила на танцы. Очень я любила танцевать. Танцевали до упаду... Уже когда конец танцам, капельмейстер играл марш — это конец танцам, а мы всё равно танцевать. Даже играли похоронный марш, а мы всё танцевали. Ругались: «Если я похоронный марш заиграю, вы тоже будете танцевать?» Вот вы знаете, такие моменты, они запоминаются...

У нас свой театр был хороший, который сгорел. Ой, а труппа какая была замечательная! Там проводились очень хорошие новогодние встречи. И... приз за танцы. У нас была такая хорошая пара, они все время танцевали вальс-бостон...

Устные рассказы — это историческая народная проза, в которой запечатлелись не только важные события прошлого — коллективизация, война, — но и повседневная жизнь нескольких поколений.

Вместе с несомненной «фольклорностью» устных рассказов на уровне языка, стиля, поэтики, многие черты соотносят их с литературной традицией. Талант и мастерство рассказчика часто делают устный рассказ художественным произведением. Но даже если это просто документальное свидетельство, оно имеет большое познавательное значение, дает яркое и живое представление о прошлом и является важной частью речевой народной культуры.

К сожалению, записи не могут передать местное певучее оканье, сочность и богатство интонаций устной речи.

Примечания

1. Гущина В.М., 1947 г.р., ЦРФ-Э-1126.
2. Савинова С.А., 1939 г.р., ЦРФ-Э-1235.
3. Староватова М.И., 1914 г.р., ЦРФ-Э-1126.
4. Киселева Е.Г., 1912 г.р., ЦРФ-Э-1127.
5. Видалова М.А., 1913 г.р., ЦРФ-Э-1238.
6. Монахова А.Д., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1329.

7. Скачкова К.М., 1920 г.р., ЦРФ-Э-1237.
8. Филатова Н.А., 1929 г.р., ЦРФ-Э— 1237.
9. Староватова М.И., 1914 г.р., ЦРФ-Э-1126.
10. Савинова С.А., 1939 г.р., ЦРФ-Э-1235.
11. Беспалов Н.А., 1921 г.р., ЦРФ-Э-1132.
12. Пудова А.М., 1924 г.р., ЦРФ-Э-1329.
13. Видалова М.А., 1913 г.р., ЦРФ-Э-1238.
14. Гущина В.М., 1947 г.р., ЦРФ-Э-1126.
15. Филатова Н.А., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1237.
16. Киселева Е.Г., 1912 г.р., ЦРФ-Э-1172.
17. Ершова В.А., 1930 г.р., ЦРФ-Э-1236.
18. Филатова Н.А., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1237.
19. Федоров А.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1331.
20. Савинова С.А., 1939 г.р., ЦРФ-Э-1235.
21. Федоров А.М., 1925 г.р., ЦРФ-Э-1331.
22. Филатова Н.А., 1929 г.р., ЦРФ-Э-1237.
23. Горчакова Е.В., 1931 г.р., ЦРФ-Э-1238.
24. Кантаурова В.Н., 1935 г.р., ЦРФ-Э-1239.

Исполнители

Беспалов Николай Андреевич, 1921 г.р. Бывший главный архитектор города. Зять известного художника И.С. Куликова, ученика И.Е. Репина. Живет в его доме, в наше время — музее И.С. Куликова. Зап. в г. Муром в 2004 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Видонова Мария Александровна, 1913 г.р., урож. с. Карачарово. Зап. в с. Карачарово в 2005 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Горчакова Екатерина Васильевна, 1931 г.р., урож. с. Карачарово. Зап. в с. Карачарово в 2005 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Гущина Валентина Михайловна, 1947 г.р., урож. с. Карачарово. Зап. в с. Карачарово в 2004 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Ершова Валентина Алексеевна, 1930 г.р. Зап. в г. Муром в 2005 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Кантаурова Валентина Николаевна, 1935 г.р. Зап. в г. Муром в 2005 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Киселева Ефросинья Григорьевна, 1912 г.р., урож. д. Савково. Зап. в г. Муром в 2004 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Монахова Александра Дмитриевна, 1925 г.р., урож. д. Александровка. Зап. в г. Муром в 2005 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Пудова Анна Михайловна, 1924 г.р., урож. с. Карачарово. Зап. в с. Карачарово в 2005 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Савинова Светлана Андреевна, 1939 г.р. Учительница. Зап. в г. Муром в 2005 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Скачкова Конкордия Михайловна, 1920 г.р. Учительница. Зап. в г. Муром в 2005 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Староватова Мария Ивановна, 1914 г.р., урож. с. Карачарово, малограмотная. Зап. в с. Карачарово в 2004 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Федоров Александр Михайлович, 1925 г.р., фронтовик, дошел до Берлина. Зап. в г. Муром в 2005 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Филатова Надежда Алексеевна, 1929 г.р., урож. г. Муром. Зап. в г. Муром в 2005 г. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Парѐмни

Жанры народной афористики, паремии — пословицы, поговорки, присловья, разного рода устойчивые выражения — в настоящее время не так широко распространены, как в былые времена. Однако для многих людей (наши главные информанты, которые «за словом в карман не лезут», — пожилые мужчины и женщины) они по-прежнему являются органичной частью их речи, незаменимы в межличностном общении. Именно эти лаконичные и, на первый взгляд, незатейливые фразы, выражения хранят и каждый раз в подходящей ситуации воспроизводят заново, делают актуальными глубинную мудрость и жизненный опыт многих поколений. Они отражают народный ироничный и образный взгляд на мир и на самих себя.

Представленный материал интересен неизбитыми, «свежими» вариантами всем известных текстов («Век прожить — не поле перейти», «Жадность не порок», «Кто смел, тот и спел», «Песни петь — не дрова рубить» и др.). Мы старались кратко передать, где возможно, ситуативный и речевой контекст исполнения паремий. Зачастую он связан с самой ситуацией общения «исполнитель — собиратель», касается наших бесед с местными жителями о различных сферах традиционного быта и культуры.

Настоящая подборка паремий разделена на два жанровых блока: «Пословицы. Поговорки» и «Присловья. Устойчивые выражения». В каждом из них тексты располагаются в алфавитном порядке.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

1.

Без Бога не до порога.

2.

Без песен рот тесен. (*Вар.: Язык тесен без песен.*)
(*О том, что сейчас петь перестали.*)

3.

Бог-от Бог, а сам не будь плох!
(*К вопросу, как просили у Бога дождя.*)

4.

Бог терпит долго, а накажет крепко.
(*После исполнения заговора с обращением к Ангелу-хранителю.*)

5.

Век прожить — не поле перейти.

6.

Прогуляешь день, а посевная — надо сеять! Весенний день, говорят, год кормит. Днём посеешь год.

7.

Где родился, там пригодился.
(*О том, что из деревни стали уезжать.*)

8.

Господь не обидит едой — обидит бедой.
(*О голодных годах.*)

9.

Дети — Господень престол.

10.

Дети да внуки доведут до муки.
(*К разговору о воспитании детей.*)

11.

Дома и солома едома, да дома.
(*К разговору о сложностях жизни в селе.*)

12.

Это сейчас не едят, а раньше яичко ели с удовольствием. А еще говорили: «Дорого яичко к Христову дню».
(*К рассказу об обрядовой игре — катании яиц.*)

13.

Жадность не порок.
(*К вопросу о том, почему карачаровцев прозвали «куркули».*) Во-первых, у них никогда не было воды. Вот у них большие плантации, они высаживают от полторы до двух тысяч корней помидор — их все нужно полить. Они воду таскали с реки, у них даже походка была особая, у карачаровских. И поэтому, так как им это трудно доставалось, они всё берегли.

14.

Жениться — не напасть, да как бы с жинкой не пропасть!
(*В рассказе о свадебном обряде.*)

15.

Жену люби до крайности, но не рассказывай все тайности.
(*В ответ на просьбу собирателей рассказать о пастушьем «отпуске».*)

16.

Петь всё равно не запретишь. Говорят: «Кто смел, тот и спел!». Вот хулиганские частушки даже на первый день свадьбы поют, а уж на второй и подавно!

17.

Малые дети спать не дадут, большие — сам не уснешь.
(*К разговору о воспитании детей.*)

18.

Мужний — самый дешевый кусок, самый неукорённый.
(Вспоминая об умершем муже.)

19.

Не до жиру — быть бы живу!
(В рассказе о войне.)

20.

Недорого пита, а дорого быто.
(О том, что раньше были рады гостям и не боялись, что нечем угощать.)

21.

Песни петь — не дрова рубить.
(Сказано между исполнением песен.)

22.

Придет смерть, и минуты не просрочит.
(К рассказу о похоронном обряде.)

23.

Сказать нечего — и «да» хорошо.
(О том, что не знает ответа на вопрос собирателей.)

24.

У бабы волос длинный — ум короткий.
(К портрету местной колдуньи.)

25.

Человек — не Бог, а жить не даст.
(К рассказу о способностях колдунов.)

ПРИСЛОВЬЯ. УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

26.

Раньше жили очень весело: бедно, но честно. Всё как-то с душой, никакой хитрости, что есть — со всей душой...

27.

Блины небывалой ширины.
(В рассказе о Масленице.)

28.

Всё было — всё прошло, назад не вернется.
(О том, что уже не помнит причитаний.)

29.

Всё дела да случаи загребли, замучили.
(К разговору о своей жизни.)

30.

Дела мои неважные — сапоги бумажные.
(К разговору о своей жизни.)

31.

Вот, бывало, муж где маленько выпьет, и я побрюзжу: сержусь на него. А мама у меня была — ко мне придет, она мне только и скажет: «Фрося! Держись за дубок: он в землю глубок. Окроме мужа никто так не пожалеет». И правильно...

32.

У женского персонала обычай такой: как установятся у колодца две бабы — базар, а три — ярманка!
(Отправляя за фольклором к женщинам.)

33.

Спой, спой — нынче день твой!
(К просьбе собирателей спеть.)

34.

У меня вот три дочери, уйдут гулять, наказывашь только: «Смотрите, гуляйте, а дело знайте!». А кто послушат, что ли? А теперь особенно! В то время еще не так было, а теперь приведут и спят безо время!

Примечания

1. Кисиль М.П., 1925 г.р.
2. Парфенова П.Б., 1916 г.р.
3. Романов М.Ф., 1927 г.р.
4. Жихарева К.В., 1919 г.р.
5. См. № 1.
6. Книгина М.Ф., 1929 г.р.
7. См. № 3.
8. Гордеева М.А., 1911 г.р.
9. Киселева Е.Г., 1912 г.р.
10. См. № 8.
11. См. № 8.
12. Холодова Е.И., 1924 г.р.
13. Кантаурова В.Н., 1939 г.р.
14. См. № 1.
15. Репин И.И., 1932 г.р.
16. Крылова А.И., 1923 г.р.
17. См. № 8.
18. См. № 9.
19. Митин Л.Г., 1922 г.р.
20. Видонова М.А., 1913 г.р.
21. См. № 8.
22. См. № 8.
23. См. № 1.
24. См. № 1.
25. См. № 1.
26. См. № 20.
27. См. № 8.
28. Евстифеева А.П., 1918 г.р.

29. См. № 8.
30. См. № 8.
31. См. № 9.
32. Кулаков Н.П., 1926 г.р.
33. См. № 8.
34. См. № 2.

Исполнители

Видонова Мария Александровна, 1913 г.р., урож. с. Карачарово, образ. 4 кл. Зап. в 2004 г. в с. Карачарово. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Гордеева Мария Андреевна, 1911 г.р., урож. с. Борисово, образ. 2 кл. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. Е.В. Грудзенко и Е.М. Королева.

Евстифеева Анна Петровна, 1918 г.р., урож. с. Борисово, малограм. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова.

Жихарева Клавдия Васильевна, 1919 г.р., урож. д. Афанасово, малограм. Зап. в 2005 г. в д. Афанасово. Соб. Е.А. Волкова и Т.С. Наумова.

Кантаурова Валентина Николаевна, 1939 г.р., урож. г. Муром, ср. образ., служащая. Зап. в 2004 г. в г. Муром. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Киселева Ефросинья Григорьевна, 1912 г.р., урож. г. Муром, малограм. Зап. в 2004 г. в г. Муром. Соб. Л.Ф. Миронихина.

Кисиль Мария Петровна, 1925 г.р., урож. с. Борисоглеб, нач. образ. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Е.М. Королева и А.Н. Разоренов.

Книгина Мария Федоровна, 1929 г.р., урож. д. Борок, образ. 3 кл. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. И.М. Борисова и С.В. Лебедева.

Крылова Анна Ивановна, 1923 г.р., урож. с. Борисово, нач. образ. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова.

Кулаков Николай Петрович, 1926 г.р., урож. с. Борисово, ср. образ., мастер плести корзины, в прошлом грузчик на заводе в Муроме. Зап. в 2003 г. в с. Борисово. Соб. И.Н. Райкова.

Митин Леонид Григорьевич, 1922 г.р., урож. с. Борисоглеб, ср. спец. образ., в прошлом агроном, ветеран Великой Отечественной войны Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова.

Парфенова Прасковья Борисовна, 1916 г.р., урож. с. Борисоглеб, нач. образ. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. И.Н. Райкова.

Репин Иван Иванович, 1932 г.р., урож. с. Борисоглеб, ср. образ., пастух. Зап. в 2003 г. в с. Борисоглеб. Соб. Д.А. Кремнев и М.Ю. Степанова.

Романов Михаил Федорович, 1927 г.р., урож. д. Борок, ср. спец. образ., в прошлом моряк торгового флота. Зап. в 2004 г. в д. Борок. Соб. И.Н. Райкова.

Холодова Евдокия Ильинична, 1924 г.р., урож. с. Польцо, старообрядка, нач. образ. Зап. в 2004 г. в с. Польцо. Соб. И.Н. Райкова.

Содержание

Введение

А.С. Каргин
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА МУРОМСКОГО КРАЯ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ

9

Ю.М. Смирнов, В.Г. Смолицкий
ОБ ИЗУЧЕНИИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ МУРОМСКОГО КРАЯ

21

Народный календарь. Праздники. Семейные обряды

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Составитель и автор статьи В.Е. Добровольская

45

СВАДЬБА

Составитель И.Е. Посоха

81

ПРОВОДЫ В АРМИЮ

Составитель И.Е. Посоха

140

ПОХОРОНЫ

Составитель В.Е. Добровольская

151

Традиционная поэзия

НЕОБРЯДОВАЯ ЛИРИКА

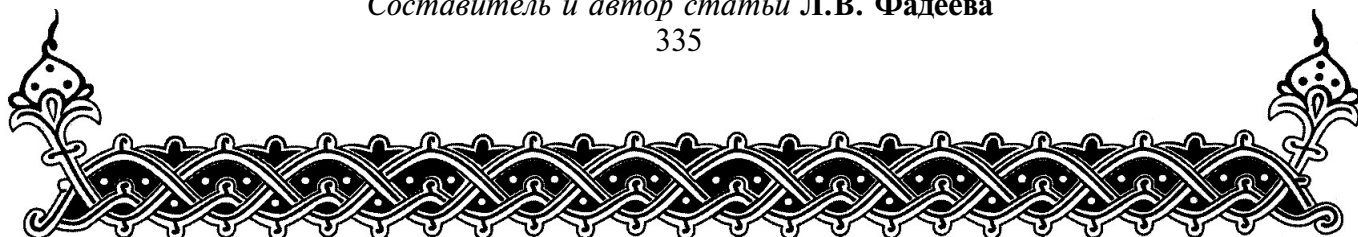
Составитель И.Е. Посоха

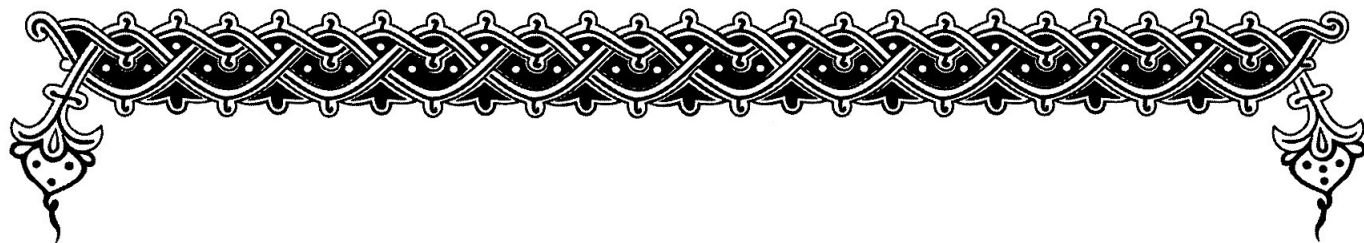
171

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЭЗИЯ

Составитель и автор статьи Л.В. Фадеева

335

НАРОДНЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ И МОЛИТВЫ

ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ И МОЛИТВЫ

Составитель и автор статьи Л.В. Фадеева

383

Детский фольклор

ПОЭЗИЯ ПЕСТОВАНИЯ

Составитель И.Н. Райкова

419

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Составитель И.Н. Райкова

438

Народная проза. Паремии

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Составитель и автор статьи Н.Е. Котельникова

457

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОЗА

Составитель и автор статьи Л.В. Фадеева

479

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Составитель и автор статьи Н.Е. Котельникова

502

РАССКАЗЫ О ПРОШЛОМ

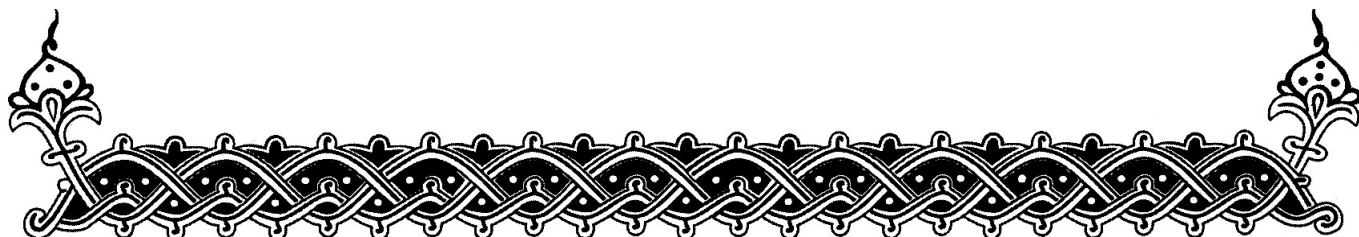
Составитель Л.Ф. Миронихина

516

ПАРЕМИИ

Составитель И.Н. Райкова

529

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА МУРОМСКОГО КРАЯ

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ, АРХИВНЫЕ,
АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Научное издание

Том 1

Автор проекта и составитель
АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ КАРГИН

Заведующий отделом подготовки и распространения
научных и периодических изданий *В.И. Емельянов*

Редактор *Л.П. Платонова*

Дизайн и верстка *И.К. Дергунова, Т.В. Бурцева*

Корректоры *Л.Н. Кулачикова, И.Е. Чибисов*

Дизайн обложки *И.К. Дергунова*

Обработка фотографий *А.А. Зернов*

Подписано в печать 17.03.2008. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.

Печать офсетная. Объем 39,0 уч.-изд. л.; 38,3 а. л.; 33,5 п.л. Тираж 1000 экз. Заказ

ФГУК «Государственный республиканский центр русского фольклора»

119034, Москва, Турчанинов пер., 6

ОАО «Московская типография № 6», 115088, Москва, Южнопортовая ул., 24

